UC-NRLF
B 4 155 644

Digitized by Google

cFINLIANDSKAIA 3...

ФИНЛЯНДСКАЯ

ОКРАИНА РОССІИ.

Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ-называемаго „Финляндскаго вопроса".

4- 495

Выпускъ третій.

ИЗДАЛЪ

Сергѣй Петровскій.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1897.

Digitized by Google

DK 458
F55
v. 3
MAIN

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій третій выпускъ «Финляндской Окраины Россіи» составляетъ прямое продолженіе первыхъ двухъ выпусковъ, изданныхъ нами въ 1891 и 1894 годахъ, и заключаетъ въ себѣ статьи и замѣтки по финляндскимъ дѣламъ, помѣщавшіяся въ издававшихся нами до начала нынѣшняго года *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ 1894—1896 годахъ.

Обнимая, такимъ образомъ, подобно второму выпуску, трехлѣтній періодъ, книга эта представляетъ, вопервыхъ, очерки всѣхъ болѣе важныхъ событій, происшедшихъ въ Финляндскомъ краѣ за указанное время и имѣвшихъ какое-либо политическое значеніе. Таковы статьи о дѣятельности Финляндскаго Сейма 1894 года. Кромѣ помѣщеннаго въ началѣ сборника ряда писемъ изъ Гельсингфорса (стр. 3—25), дѣятельность этого Сейма и въ особенности оппозиціонныя выходки его противъ сближенія съ Россіею и противъ Русской Верховной Власти обстоятельно описываются также въ статьяхъ: «Финляндская «конституція» и «маргариновый вопросъ» (стр. 174—181), «Секретный адресъ Финляндскаго Сейма и русская государственная власть» (стр. 268—271), «Вопросъ о свободѣ печати въ Финляндіи» (стр. 298—300), «Какъ исполняются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія» (стр. 337—342). Въ томъ же 1894 году состоявшееся въ Гельсингфорсѣ открытіе памятника императору Александру II,—событіе которому финляндскіе политики постарались придать тенденціозное значеніе,—вызвало новый рядъ статей и замѣтокъ (стр. 98—116). Изъ болѣе крупныхъ событій слѣдуетъ далѣе отмѣтить то что произошло въ Финляндіи при перемѣнѣ царствованія. Стремленія финляндскихъ политическихъ дѣльцовъ къ отчужденію отъ Россіи, обнаружившіяся тогда въ столь яркомъ свѣтѣ, подробно изображены въ цѣломъ рядѣ статей, какъ-то: «Что творилось въ Финляндіи въ скорбные дни Россіи» (стр. 205—209), «Какими путями достигается изданіе такъ-называемыхъ «Монаршихъ удостовѣреній» для Финляндіи, и какъ они толкуются тамошними дѣятелями и властями» (стр. 210—213), «Искаженіе Финляндцами Высочайшаго Манифеста объ ихъ привилегіяхъ» (стр. 218—223), «Сомнительное финляндское дѣло» (стр. 224—226), «Конституціонная присяга или актъ Высочайшей милости?» (стр. 243—248) и проч. Наконецъ, болѣе мелкія событія и факты текущей жизни въ краѣ разказаны, какъ и въ прежнихъ выпускахъ, преимущественно подъ рубрикою «Финляндскихъ новостей» (стр. 157—163, 182—186, 229—230, 253—254, 313—314, 317—318). Отзывы другихъ русскихъ газетъ и журналовъ, перепечатанные въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и касающіеся финляндскихъ дѣлъ, помѣщены подъ рубрикой: «Изъ отзывовъ печати» стр. 32—35, 231—232, 319—322, 359—361).

Digitized by Google

Вовторыхъ, въ настоящей книгѣ читатели найдутъ дальнѣйшее развитіе и изслѣдованіе разныхъ сторонъ финляндскаго вопроса или отдѣльныхъ финляндскихъ вопросовъ и дѣлъ обсуждавшихся уже въ первыхъ двухъ выпускахъ сборника. Изъ такихъ отдѣльныхъ вопросовъ попрежнему самое видное мѣсто и въ истекшее трехлѣтіе занималъ *вопросъ о такъ-называемой «финляндской конституціи»*, то-есть разоблаченіе несостоятельности созданной финляндскими юристами, историками и публицистами теоріи о Финляндіи, какъ отдѣльномъ отъ Россіи конституціонномъ государствѣ. Касающіеся этого вопроса историческіе и юридическіе факты обстоятельно изложены въ статьяхъ: «Страница изъ «государственнаго» права Финляндіи» (стр. 119—137), ««Научная»» теорія финляндскаго государственнаго права» (стр. 272—287). Сюда же относятся статьи, вызванныя работами Высочайше утвержденнаго Особаго Совѣщанія для разсмотрѣнія вопроса о финляндскихъ «основныхъ законахъ»: «Порядокъ докладыванія финляндскихъ дѣлъ Монарху» (стр. 255—259), «Объ установленіи законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи» (стр. 261—265), «Финляндскіе протесты и ««нарвскія воспоминанія»» (стр. 290—293). *Вопросъ о положеніи православія* въ Финляндіи разсматривается въ статьяхъ: «Съѣздъ финляндскаго православнаго духовенства въ Сердоболѣ» (стр. 164—168), «Православные праздники и еврейскій шабашъ въ Финляндіи» (стр. 169—171) и др. *Вопросу о финскихъ войскахъ и объединеніи ихъ съ общегосударственною арміею*,—вопросу имѣющему особенное значеніе въ настоящій моментъ, когда въ Петербургѣ засѣдаетъ учрежденная для его обсужденія особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Дандевиля,—посвященъ также цѣлый рядъ статей: «Къ вопросу о «финской арміи» (стр. 59—69). Изъ вопросовъ, сравнительно мало обсуждавшихся въ прежнихъ выпускахъ, отмѣтимъ затѣмъ *вопросъ о положеніи финляндскаго генералъ-губернатора* (статьи: «Русскія задачи и финляндскія учрежденія», стр. 77—81 и «Финляндскіе генералъ-губернаторы и мѣстные «патріоты», стр. 84—86) и *вопросъ о русскихъ школахъ въ краѣ* («Финляндскій Сенатъ и русскія школы въ Финляндіи», стр. 366—370).

Таково, въ краткомъ видѣ, содержаніе издаваемаго нами нынѣ третьяго и послѣдняго подъ нашею редакціею выпуска «Финляндской Окраины Россіи». Позволимъ себѣ надѣяться что сборникъ нашъ окажется полезнымъ при дальнѣйшей разработкѣ и разрѣшеніи сложнаго, запущеннаго и запутаннаго вопроса объ отношеніяхъ Финляндскаго края къ коренной Россіи.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ помянуть добрымъ словомъ всѣхъ нашихъ сотрудниковъ, содѣйствовавшихъ изданію сборника, особенно К. И. Якубова, лучшаго знатока финляндскаго вопроса во всей его совокупности, болѣе всѣхъ потрудившагося надъ его уясненіемъ.

Сергѣй Петровскій.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Предисловіе ..... III—IV

Оглавленіе ..... V—VIII

Списокъ статей К. И. Якубова, помѣщенныхъ во всѣхъ трехъ выпускахъ сего сборника ..... IX—XII

Азбучный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ первомъ, второмъ и третьемъ выпускахъ сего сборника ..... XIII—XXXI

1894 годъ.

Первое полугодіе.

Финляндскій Сеймъ 1894 года. Письма изъ Гельсингфорса. *К.* 3

„Финляндія въ XIX столѣтіи". *Ж. Абовъ* 26

Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ 32

1. Дѣла финляндскія 32
2. Новѣйшая свистопляска 32
3. „Новое Время" о финляндскихъ дѣлахъ 33
4. Государство въ государствѣ 34
5. Финляндскія дѣла 34

Густавъ Морицъ Армфельтъ. *Черноморецъ* 36

Вопросъ о желѣзной дорогѣ черезъ Финляндію на Мурманъ 42

1. Желѣзная дорога къ Ледовитому океану 42
2. Записка нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова 42

Желѣзная дорога на Сѣверъ. *Черноморецъ* 49

Изъ исторіи православія въ Финляндіи. *Г—й* 53

1. Православіе и Шведы 53
2. Возобновленіе храмовъ 55

Пожертвованія на нужды православнаго русскаго дѣла въ Финляндіи .. 57

1. Отзывъ *Московскихъ Вѣдомостей* 57
2. Письмо въ издателю. *М. Духонинъ* 57

Къ вопросу о „финской арміи" 59

1. Воинская повинность въ Финляндіи 59
2. Военный бюджетъ Финляндіи. *Г. Абовъ* 61
3. Образчикъ финляндской „полемики" 63
4. Разсужденія финляндской печати о воинской повинности. *Г. Абовъ* 64

Законъ о русскихъ повременныхъ изданіяхъ въ Финляндіи. *Г. Абовъ* ... 70

Финляндія въ русскомъ „Путеводителѣ". *Г. Абовъ* 73

Письма къ издателю о финляндскихъ дѣлахъ 75

Digitized by Google

1. Стоимость посылки изъ Финляндіи..... 75
2. Замѣтка о Финляндіи. *Библіофилъ*..... 75
3. Еще замѣтка о Финляндіи. *Юристъ*..... 76
Русскія задачи и финляндскія учрежденія..... 77
Православіе и лютеранство въ Финляндіи. *М*..... 82
Финляндскіе генералъ-губернаторы и мѣстные „патріоты“ 84
Финляндія въ первое десятилѣтіе царствованія Императора Александра III. *Финляндскій Обыватель* 89
189 статья „Учрежденія судебныхъ установленій“. *Борисъ Ш—скій*.... 96
Памятникъ императору Александру II въ Гельсингфорсѣ (корреспонденціи изъ Гельсингфорса). *К*..... 98
Финляндскій монументъ императору Александру II.. 102
Открытіе памятника императору Александру II въ Гельсингфорсѣ (корреспонденціи изъ Гельсингфорса). *Я. Г*..... 106
По поводу открытія монумента императору Александру Второму въ Гельсингфорсѣ 112
1. Письмо изъ Гельсингфорса. *К*..... 112
2. Объясненіе редакціи по поводу письма..... 115
Графиня Е. Н. Гейденъ..... 117
1. Письмо изъ Гельсингфорса. *В. И*..... 117
2. Некрологъ. *Финляндскій Обыватель* 117
Страница изъ „государственнаго“ права Финляндіи. *Г. Абовъ*..... 119
Къ финляндскому таможенному вопросу..... 138
1. Нота императорскаго Россійскаго посла въ Берлинѣ графа Шувалова на имя германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ барона Маршалля..... 138
2. Отвѣтная нота германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ барона Маршалля на имя Императорскаго Россійскаго посла въ Берлинѣ графа Шувалова..... 139
Лоцманское и маячное вѣдомство въ Финляндіи. *Г. Абовъ*..... 140
Страна безпримѣрныхъ привилегій. *Библіофилъ*..... 143
Финляндія — избавительница Выборгской губерніи отъ „ига“ Русскихъ. *Г. Абовъ* 148

1894 годъ.

Второе полугодіе.

Финляндскія новости..... 157
1. Составъ Финляндскаго Сената на 1894—1897 годы 157
2. Первый женскій монастырь въ Финляндіи..... 158
3. Финляндскіе „патріоты“ и „русская“ холера..... 159
4. Скандинавскіе друзья финляндскихъ „патріотовъ“..... 159
5. Какъ исполняются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія о русскомъ языкѣ. 159
6. Сепаратистская агитація на „пѣвческихъ“ праздникахъ 161
7. Предстоящій финляндскій заграничный заемъ..... 162
8. Иностранная политика финляндскихъ патріотовъ..... 163
9. Православный женскій монастырь въ Финляндіи..... 163
10. Финляндская легенда о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*..... 163
Съѣздъ финляндскаго православнаго духовенства въ Сердоболѣ..... 164
Православные праздники и еврейскій шабашъ въ Финляндіи..... 169

Digitized by Google

Вниманію ревнителей православія 172
Финляндская „конституція“ и „маргариновый“ вопросъ“. *К. Якубовъ*... 174
Финляндскія новости..... 182
11. Финляндскіе „патріоты“ и Испанское правительство..... 182
12. Предостереженіе газетѣ *Nya Pressen*..... 183
13 Финляндцы о древне-русскомъ Корельскомъ уѣздѣ..... 184
14. Русскія школы и тревоги патріотовъ..... 185
15. Новая комиссія по таможенному вопросу..... 186
По поводу втораго выпуска *Финляндской Окраины Россіи* 187
Политическое воспитаніе Финскаго народа. *Г. Абовъ*..... 192
Финляндскія партіи и ихъ раздоры. *К*..... 198
Финляндская окраина въ царствованіе Александра III..... 200
Что творилось въ Финляндіи въ скорбные дни Россіи..... 205
Одно изъ финляндскихъ дѣлъ. (Какими путями достигается изданіе такъ-называемыхъ „монаршихъ удостовѣреній“ для Финляндіи, и какъ они толкуются тамошними дѣятелями и властями)..... 210
Какъ дѣйствовали финляндскіе статсъ-секретари въ прежнія времена... 214
Искаженіе Финляндцами Высочайшаго Манифеста объ ихъ привилегіяхъ. 218
Сомнительное финляндское дѣло..... 224
Финляндскія „возраженія“ на наши статьи..... 227
Финляндскія новости..... 229
16. Куріозное заявленіе гельсингфорсскихъ газетъ..... 229
17 Финляндскія телеграммы и адресы..... 230
Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ. Финляндскіе политиканы. 231
Пребываніе генерала Дена въ Финляндіи и Гельсингфорсскій университетъ..... 233
Еще по поводу искаженія Высочайшаго манифеста о финляндскихъ привилегіяхъ..... 236
Обновленіе древняго замка „Шлоссъ“ въ Выборгѣ. *N. N*..... 238
Историческій памятникъ присоединенія Финляндскаго края къ Россіи.. 241
Конституціонная присяга или актъ Высочайшей милости?..... 243

1895 годъ.

Первое полугодіе.

Православный храмъ въ Таммерфорсѣ 251
Финляндскія новости..... 253
18. Новый финляндскій заемъ..... 253
19. Будущая финляндская колонія въ Сибири..... 253
Порядокъ докладыванія финляндскихъ дѣлъ Монарху 255
Отъ Комитета по сбору пожертвованій на построеніе православнаго храма въ городѣ Таммерфорсѣ. Священникъ *Якубовъ*..... 260
Объ установленіи законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи..... 261
Памятникъ Царю-Миротворцу въ Финляндіи..... 266
„Секретный“ адресъ Финляндскаго Сейма и русская государственная власть 268

Digitized by Google

„Научная“ теорія финляндскаго государственнаго права. *Г. Абовъ*..... 272
Письмо къ православнымъ. Священникъ *А. Якубовъ*..... 288
Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ. Права „господствующей“ націи 289
Финляндскіе протесты и „нарвскія воспоминанія“..... 290
Новое торжество финляндскаго сепаратизма. *Запзжій Русскій*..... 294
Вопросъ о „свободѣ печати“ въ Финляндіи..... 298

1895 годъ.

Второе полугодіе.

Вновь проектированное знамя Финляндіи..... 303
Наша Финляндская окраина въ трудныя для Россіи времена..... 308
Русское консульство въ Стокгольмѣ и „финляндскіе національные цвѣта“. 311
Финляндскія новости..... 313
20. Финляндскій таможенный вопросъ..... 313
21. Полемика о „финляндскихъ національныхъ цвѣтахъ“..... 314
Общій праздникъ для русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи 315
Финляндскія новости..... 317
22. Финляндскій таможенный вопросъ..... 317
23. Новое дѣленіе Финляндіи на лютеранскія епархіи..... 317
24. 25лѣтіе служенія Антонія, архіепископа финляндскаго и выборгскаго... 318
Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ 319
1. Финляндское войско..... 319
2. Эволюція финляндской мысли..... 320
3. Финляндская закономѣрность..... 321
Мелочи финляндской жизни. *Запзжій Русскій* 323
Новое Время о финляндскихъ дѣлахъ. (Письмо къ издателю). *Финляндскій Обыватель*..... 325
Къ финляндскому таможенному вопросу. (Отвѣтъ *Новому Времени*). *У.*. 329
Какъ исполняются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія..... 337

1896 годъ.

Новая книга о финляндскихъ дѣлахъ. *К. Я.* 345
Финляндскій статсъ-секретаріатъ и русскіе государственные интересы.. 347
Финляндскіе „истинно-государственные люди“..... 353
Финляндскіе политиканы и Финскій народъ. *Запзжій Русскій*..... 356
Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ..... 359
1. Финляндскій патріотизмъ 359
2. Финляндская армія..... 360
3. Изъ Финляндіи..... 361
Русскій дѣтскій пріютъ. *К. Я.*..... 362
Истинныя чувства финляндскихъ политикановъ къ Россіи..... 363
Финляндскій Сенатъ и русскія школы въ Финляндіи. *К. Якубовъ*..... 366
Столкновенія русскихъ солдатъ въ Або съ мѣстными обывателями. *Z.*. 371
Странная мистификація. *К. Якубовъ*..... 373
По поводу предстоящей перемѣны генералъ-губернатора въ Финляндіи.. 375

Digitized by Google

СПИСОКЪ

статей К. И. Якубова, помѣщенныхъ во всѣхъ трехъ выпускахъ сего сборника.

Выпускъ первый: „Финляндскія новости“ (стр, 178—179), „Финляндскіе „„герои““ прежняго времени и ихъ подвиги“ (стр. 184—185 и 219—222), „Келейность и таинственность финляндскаго законодательства (стр. 186—287), Финляндскія симпатіи и антипатіи“ (стр. 189 — 191), „Еще финляндскій куріозъ“ (стр. 191 — 192), „Дополненіе къ исторической справкѣ объ изданіи финляндскаго воинскаго устава“ (стр. 202), „Финляндскія заискиванія у русской печати“ (стр. 217—218), „Финляндскія новости“ (стр. 235—239), „Чего требуютъ отъ финляндскихъ генералъ-губернаторовъ“ (стр. 240—242), „По почтовому вопросу“ (стр. 254—255), „Еще о созывѣ Финляндскаго Сейма“ (стр. 256—257), „Финляндскій бюджетъ на 1890 годъ“ (стр. 258), „Поѣздка Финляндскихъ земцевъ въ Петербургъ“ (стр. 259), „Еще о петербургской поѣздкѣ финляндскихъ земцевъ“ (стр. 259), „Два слова о неудавшейся финляндской депутаціи“ (стр. 260), „Финляндскіе отзывы по поводу даннаго „Московскимъ Вѣдомостямъ“ предостереженія“ (стр. 285—287), „По. чему Финляндцы измѣнили общерусскую присягу на вѣрноподданство“ (стр. 287—288), „1 мая и стачки въ Финляндіи“ (стр. 289—290), „Странное предостереженіе“ (стр. 290—291), „Quasi—русскій „„протестъ““ противъ русской печати“ (стр. 291 — 294), „По поводу отставки финляндскаго сенатора Мехелина“ (стр. 339 — 342), „Патріотическое чествованіе Л. Мехелина“ (стр. 345—347), „Финляндскій герой дня и новая уличная демонстрація въ Гельсингфорсѣ“ (стр. 347—348), „Газета г. Нотовича и рѣчи г. Мехелина“ (стр. 365—368), „Тюремный конгрессъ и финляндское Уголовное Уложеніе“ (стр. 381—383), „Объединительныя реформы“ (стр. 384), „Выборгская вывѣска и неудовольствіе финномановъ“ (стр. 384—385), „Неудачное „„открытіе““ газеты „Hufvudstadsbladet“ (стр. 385), „Финляндскія новости“ (стр. 398—401), „Высочайшій манифестъ подъ судомъ финляндской печати“ (стр. 408—415). „Финляндскія новости“ (стр. 416—423), „Финляндскія новости“ (стр. 427—430), „Православіе въ Финляндіи и лютеранскія притязанія“ (стр. 448—453), „Новые порядки въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ“ (стр. 456—457), „Сепаратистская выходка противъ генерала Дена“ (стр. 457—458), „Графъ Гейденъ въ Куопіо и неудав-

Digitized by Google

шійся сепаратистскій маневръ" (стр. 461—465), „Сепаратистское воззваніе ко всеобщему протесту" (стр. 473—474), „Новая уличная демонстрація въ Гельсингфорсѣ" (стр. 475—477), „Финляндскія новости" (стр. 490—491), „Царское слово о финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи" (стр. 597—509), „Финляндскія новости" (стр. 622--623).

Выпускъ второй: Открытіе Финляндскаго Сейма" (стр. 31—33), „Демонстративныя рѣчи при открытіи Финляндскаго Сейма" (стр. 55—58), „Финны о финляндскихъ порядкахъ" (стр. 59—63), „Процессъ газеты „Nya Pressen" и самостоятельность Финляндіи" (стр. 68—70), „Лояльность финляндской печати" (стр. 78—80), Финляндскій сеймъ и объединительныя реформы" (стр. 100—107), „Переводъ Высочайшаго рескрипта и генералъ Эрнротъ" (стр. 119—120), „Офиціальное исправленіе перевода Высочайшаго рескрипта 28 февраля" (стр. 123—124), „Финляндскія новости" (стр. 138—140), „Финскій народъ и объединительныя реформы" (стр. 144—148), „Финляндскія новости" (стр. 153—156), „Уголовное Уложеніе на Финляндскомъ Сеймѣ" (стр. 168—181), „До чего дошло дѣло на Финляндскомъ Сеймѣ" (стр. 182—188), „Финляндскія новости" (стр. 189—191), „Условность вѣрнопреданности и любви финляндскихъ земцевъ къ Монарху" (стр. 192—194), „Финляндскія новости" (стр. 200—202), „Финляндскія новости" (стр. 223—224), „Какъ публикуются и истолковываются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія" (стр. 225—229), „Отставка барона Троиля и толки финляндской печати" (стр. 241—243), „Финляндскіе шведоманы и финноманы и ихъ отношенія къ Россіи" (стр. 251—256), „Финляндскія новости" (стр. 257—264), „Перемѣны въ составѣ Финляндскаго Сената" (стр. 273—276), „Вопросъ о русскомъ языкѣ въ Финляндіи" (283—292), „Новогодніе обозрѣнія финляндскихъ газетъ и журналовъ" (стр. 293—300), „Образчики финляндской лояльности" (стр. 301—303), „Финляндскія новости" (стр. 304—307), „Неудавшаяся затѣя гельсингфорсскихъ публицистовъ" (стр. 314—315), „Новѣйшіе образчики лояльности финляндскихъ патріотовъ" (стр. 321—324), „К. Ф. Ординъ, некрологъ" (стр. 325—326), „Слова и дѣла финляндскихъ патріотовъ" (стр. 335—339), „Фальшивыя цитаты финляндскихъ газетъ" (стр. 340—341), „Финляндскія новости" (стр. 342—345), „Ходъ дѣла о финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи" (стр. 346—355), „Финляндскія новости" (стр. 356—357), „Самозванный корреспондентъ и финляндскіе „патріоты" (стр. 358 — 360), „Угрозы отсѣченіемъ головы за приверженность къ самодержавію Русскаго Государя" (стр. 361—365), „Антирусское направленіе одного изъ нашихъ университетовъ" (стр. 366—370), „Реформы въ высшихъ финляндскихъ учрежденіяхъ" (стр. 371—372), „Гельсингфорсскій университъ и „народные университеты" въ Финляндіи" (стр. 376—380), „Финляндскія новости" (стр. 388—395), „Всуе законы писать коли ихъ не исполнять" (стр. 396—400), „Финляндскія патріотическія празднества и картинки" (стр. 421—430), „Антирусская агитація въ Финляндіи" (стр. 431—436), „Финляндцы и русская помощь голодающимъ въ Финляндіи" (стр. 440—441), „Циркуляръ финляндскаго генералъ-губернатора" (стр. 447—448), „Финляндскія новости" (стр. 449—454), „Какъ служилъ графъ Н. В. Адлербергъ Императору Александру Второму и Финляндцамъ" (стр. 437—461), „Финляндскія новости" (стр. 462—467), „Значеніе финляндскихъ сеймовъ"

Digitized by Google

(стр. 468—471), „Новый русскій трудъ о финляндской сепаратистской теоріи“ (стр. 472—490), „Шведско-финскій переводъ Сеймоваго Устава“ (стр. 491—493), „Конвенція между Финляндіей и Испаніей“ (стр. 494 - 495), „Финляндскія новости“ (стр. 496—497), „Финны и финляндскіе сеймы“ (стр. 498—507), „Финляндскія новости“ (стр. 508—512), „Нужна ли провинціальная финляндская армія, обособленная отъ Императорской Русской?“ (стр. 513—514), „Либеральная болтовня и факты“ (стр. 551—555), „Финляндскія новости“ (стр. 556—558), „Финляндскія новости“ (стр. 565—570), „Вопросъ о финляндской „„конституціи““ или „„основныхъ законахъ““ (стр. 581—583), „Финляндскія новости“ (стр. 589—591), „Русская правда и финляндская ложь о финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ„ (стр. 596—601), „Старинный русскій край и его финляндскіе „„благодѣтели““ (стр. 602—606).

Выпускъ третій: „Финляндскій Сеймъ 1894 года“ (стр. 3—25), „Образчикъ финляндской полемики“ (стр. 63), „Финляндскіе генералъ-губернаторы и мѣстные патріоты“ (стр. 84—88), „Финляндія въ первое десятилѣтіе царствованія Императора Александра III“ (стр. 89—95), „Памятникъ Императору Александру II въ Гельсингфорсѣ“ (стр. 98—101), „Финляндскій монументъ Императору Александру II“ (стр. 102—105), „По поводу открытія монумента Императору Александру Второму въ Гельсингфорсѣ“ (стр. 112—113), „Некрологъ графини Е. Н. Гейденъ“ (стр. 117—118), „Финляндскія новости“ (стр. 157—163), „Съѣздъ финляндскаго православнаго духовенства въ Сердоболѣ“ (стр. 164—168), „Православные праздники и еврейскій шабашъ въ Финляндіи“ (стр. 169—171), „Вниманію ревнителей православія“ (стр. 172—173), „Финляндская „„конституція““ и маргариновый вопросъ““ (стр. 174—181), „Финляндскія новости“ (стр. 182—186), „По поводу втораго выпуска Финляндской Окраины Россіи“ (стр. 187 — 191), „Финляндскія партіи и ихъ раздоры“ (стр. 198 — 199), „Что творилось въ Финляндіи въ скорбные дни Россіи“ (стр. 205—209), „Одно изъ финляндскихъ дѣлъ“ (стр. 210—213), „Какъ дѣйствовали финляндскіе статсъ-секретари въ прежнія времена“ (стр. 214—217), „Искаженіе Финляндцами Высочайшаго манифеста объ ихъ привилегіяхъ“ (стр. 218—223), „Финляндскія „возраженія“ на наши статьи“ (стр. 227—228), „Финляндскія новости“ (стр. 229—230), „Пребываніе генерала Дена въ Финляндіи и Гельсингфорсскій университетъ“ (стр. 233—235), „Еще по поводу искаженія Высочайшаго Манифеста о финляндскихъ привилегіяхъ“ (стр. 236—237), „Историческій памятникъ присоединенія Финляндскаго края къ Россіи“ (стр. 241—242), „Конституціонная присяга или актъ Высочайшей милости?“ (стр. 243 — 248), „Православный храмъ въ Таммерфорсѣ“ (стр. 251 — 252), „Финляндскія новости“ (стр. 253—254), „Порядокъ докладыванія финляндскихъ дѣлъ Монарху“ (стр. 255—259), „Объ установленіи законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи“ (стр. 261—265), „Памятникъ Царю-Миротворцу въ Финляндіи“ (стр. 266—267), „Секретный адресъ Финляндскаго Сейма и русская государственная власть“ (стр. 268—271), „Финляндскіе протесты и нарвскія воспоминанія“ (стр. 290—293), „Вопросъ о свободѣ печати въ Финляндіи“ (стр. 298—300), „Вновь проектированное знамя Финляндіи“ (стр. 303—307), „Наша Финляндская окраина въ трудныя для Россіи времена“ (стр. 308 – 310), „Русское консульство въ Стокгольмѣ и финляндскіе націо-

Digitized by Google

нальные цвѣта“ (стр. 311—312), „Финляндскія новости“ (стр. 313—314), „Общій праздникъ для Русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи“ (стр. 315—316), „Финляндскія новости“ (стр. 317—318), „Новое Время о финляндскихъ дѣлахъ“ (стр. 325—328), „Какъ исполняются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія“ (стр. 337—342), „Новая книга о финляндскихъ дѣлахъ“ (стр. 345—346), „Финляндскій статсъ-секретаріатъ и русскіе государственные интересы“ (стр. 347—352), „Финляндскіе „„истинно-государственные люди““ (стр. 353—355), „Русскій дѣтскій пріютъ“ (стр. 362), „Финляндскій Сенатъ и русскія школы въ Финляндіи“ (стр. 366—370), „Столкновенія русскихъ солдатъ въ Або съ мѣстными обывателями“ (стр. 371—372), „Странная мистификація“ (стр. 373—374), „По поводу предстоящей перемѣны генералъ-губернатора въ Финляндіи“ (стр. 375—377).

Digitized by Google

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

лицъ упоминаемыхъ въ первомъ, второмъ и третьемъ выпускахъ сего сборника.

Абовъ, Г. (псевдонимъ).— Вып. III, стр. 31, 63, 69, 72, 74, 142, 153, 197, 287, 320, 363.

Агоніусъ, финляндскій чиновникъ.— Вып. II, стр. 390.

Адлеркрейцъ, начальникъ штаба у шведскаго главнокомандующаго Клингспора.— Вып. II, стр. 427.

Адлербергъ, графъ Н. В., финляндскій генералъ-губернаторъ.—Вып. I, стр. 43, 95, 240—242.—Вып. II, стр. 137, 159, 241, 457—461, 463.—Вып. III, стр. 28—29, 86, 103, 351.

Адлерспарре, шведскій офицеръ. — Вып. III, стр. 37.

Александра Георгіевна, Великая Княгиня.—Вып. I, стр. 351.

Александръ III Александровичъ, Императоръ.—Вып. I, стр. 84, 90, 97, 144, 201, 265, 313, 387, 388, 428, 502, 583, 597, 598, 603, 604.—Вып. II, стр. 84, 97, 153, 225, 289, 290, 464, 465, 476, 508.—Вып. III, стр. 88—95, 108, 157— 158, 202, 205 — 214, 216, 218, 228, 232, 234, 236—238, 240—242, 248, 255—256, 260—261, 266—267, 269, 279, 281, 288, 327, 355, 365, 376.

Александръ II Николаевичъ, Императоръ.— Вып. I, стр. 49, 71, 86, 94, 95, 98, 107, 120, 126, 128, 131, 134, 141, 144, 222, 231, 233, 240, 241, 246, 247, 288, 345, 386, 583, 601, 631, 632.— Вып. II, стр. 61, 66, 165, 252, 310, 324, 337, 385, 457, 460, 463, 478, 481—483, 485, 489, 523.—Вып. III, стр. 3, 14, 29, 30, 51, 74, 98—116, 197, 200, 208, 216—217, 234, 281, 299—300, 304—305, 348—351, 355.

Александръ I Павловичъ, Императоръ.— Вып. I, стр. 21, 25, 26, 29, 33, 35, 36, 38—42, 48, 52, 58—60, 78, 82, 83, 86, 88, 90, 93, 103, 107, 110—113, 124, 140, 142—144, 146, 156, 164, 165, 216, 219, 221, 230, 246, 250, 252, 253, 287, 292, 300, 327, 416, 434, 437, 438, 498, 522, 526, 538, 555, 567, 575, 576, 580, 583—588, 590.—Вып. II, стр. 8, 21, 35, 43, 64, 65, 84, 89, 114, 115, 154, 165, 184—187, 234, 259—261, 278, 283, 304, 310, 331, 337, 364, 423, 473, 474, 477—482, 490, 492, 499, 523, 534, 538, 540, 541, 585, 586, 597, 598, 599, 600.—Вып. III, стр. 3, 8, 26, 27, 28, 37—41, 65, 66, 73, 121, 126—127, 130—133, 136, 149—151, 197, 208, 210, 234, 239, 346—247, 273—278, 280—286, 321.

Александръ Невскій, Святой, великій князь.—Вып. I, стр. 121, 322.—Вып. II, стр. 522, 593.—Вып. III, стр. 240, 266, 288.

Александровъ, Ф.—Вып. II, стр. 559.

Алексѣй Михайловичъ, царь.—Вып. I, стр. 122.

Алексѣева, В. А.—Вып. III, стр. 58.

Алопеусъ, финляндскій лютеранскій епископъ (Боргоской епархіи).—Вып. II, стр. 28.

Алопеусъ, Д., финляндскій чиновникъ.—Вып. III, стр. 150.

Алубяевъ, Л. И —Вып. III, стр. 288.

Альбрехтъ, гельсингфорскій городской фискалъ.—Вып. II, стр. 68, 69.

Digitized by Google

Алмбергъ, лекторъ Финляндскаго Университета.—Вып. II, стр. 369.

Альквистъ, бывшій ректоръ Финляндскаго Университета.—Вып. I, стр. 152.—Вып. II, стр. 370, 382, 383, 424.

фонъ-Альфтанъ, Георгій, баронъ, генералъ-лейтенантъ, финляндскій сенаторъ, начальникъ Земледѣльческой Экспедиціи (а потомъ Экспедиціи Путей Сообщенія) Сената.—Вып. I, стр. 72, 265, 381.—Вып. II, стр. 176, 189, 194—196, 198, 199, 235, 262, 275, 276, 336, 353, 451, 503, 582.—Вып. III, стр. 42, 157—158, 180, 262, 353—355.

Аминовъ, Г., графъ, камергеръ, представитель финляндскаго рыцарства и дворянства.—Вып. II, стр. 26.

Аминовъ, генералъ-майоръ.—Вып. III, стр. 150, 152.

Ангеръ, референдарій - секретарь. — Вып. I, стр. 346.

Андерсинъ, секретарь сословія крестьянъ на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 27.

Андреевъ, русскій сенаторъ.—Вып. II, стр. 327.

Андрей, Боголюбскій, Великій Князь.—Вып. II, стр. 4.

Анна (Ингигерда), русская великая княгиня, норвежская королевна.—Вып. I, стр. 121.

Анна Іоанновна, императрица.—Вып. I, стр. 139.

Антель, К., членъ дворянскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 103, 176, 178, 180, 348, 351.—Вып. III, стр. 13, 58, 180.

Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій.—Вып. I, стр. 438.—Вып. II, стр. 373, 375, 393, 394, 577, 578.—Вып. III, стр. 158, 173, 184, 251, 260, 266—267, 288, 315—316, 318, 368.

Анучинъ, московскій профессоръ.—Вып. I, стр. 190, 191.

Апраксинъ, русскій бояринъ.—Вып. II, стр. 418.

Аракчеевъ, графъ А. А., военный министръ.—Вып. I, стр. 28, 86.

Арвидсонъ, финляндскій писатель.—Вып. I, стр. 463.

Аргеландеръ, профессоръ.—Вып. II, стр. 532.

Армфельтъ, баронъ Карлъ, шведскій генералъ-майоръ.—Вып. I, стр. 197.

Армфельтъ, баронъ Густавъ-Морицъ, камеръ-юнкеръ шведскаго короля Густава III, затѣмъ графъ, русскій генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта.—Вып. I, стр. 38, 48, 54, 59, 167, 197, 526.—Вып. II, стр. 43, 153, 154, 278, 585, 586, 587, 597, 599, 600.—Вып. III, стр. 36—41, 79, 81, 150—151, 215, 234, 257, 276—277.

Армфельтъ, графъ, финляндскій министръ-статсъ-секретарь.—Вып. I, стр. 43, 46, 54, 70—72, 86, 89, 95, 104—106, 132, 136—138, 206, 491, 526, 625.—Вып. II, стр. 8, 65, 66, 154, 460, 463, 473, 478, 483, 487—490, 587, 603.—Вып. III, стр. 80, 216—217, 257, 355.

Арппе, Адольфъ-Эдуардъ, финляндскій сенаторъ, начальникъ Экспедиціи Торговли и Промышленности. — Вып. I, стр. 399.—Вып. II, стр. 275.—Вып. III, стр. 158.

Арсяниковъ, русскій матросъ.—Вып. II, стр. 566.

Аспелинъ, финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 368.

Аспелинъ, дѣвица.—Вып. III, стр. 110.

Ассоновъ.—Вып. I, стр. 401.—Вып. III, стр. 71.

Афанасовичъ, полковникъ, командиръ Красноярск. полка.—Вып. II, стр. 384.

—

Баггасъ, финляндскій крестьянинъ.—Вып. II, стр. 139.

Багратіонъ, князь, генералъ.—Вып. I, стр. 123.

Бажиновъ, русскій лейтенантъ флота.—Вып. II, стр. 566.

Баева, А. В.—Вып. II, стр. 592.

Балкъ, шведскій майоръ.—Вып. III, стр. 193.

Барановъ, Н. М., нижегородскій губернаторъ.—Вып. III, стр. 41—48, 288.

Барановскій, С., проф. Гельсингфорсскаго Университета.—Вып. III, стр. 50.

Барклай-де-Толли, князь, генералъ.—Вып. I, стр. 123, 164, 165, 170, 328.—Вып. II, стр. 186.—Вып. III, стр. 88.

Бастманъ, финляндскій чиновникъ.—Вып. I, стр. 338.

Батюшковъ, Помпей Николаевичъ.—Вып. II, стр. 325.

Бахметьевъ (Протасовъ), графъ, главноуправляющій Собственною Его Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи.—Вып. II, стр. 327.

Бойе, Г., камергеръ Высочайшаго

Digitized by Google

Двора, вице-ландмаршалъ Финляндскаго Сейма.—Вып. II, стр. 26.

Бедекеръ, составитель „Путеводителей".—Вып. III, стр. 73, 75.

Безакъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ.—Вып. I, стр. XI, 158, 418, 456, 457.

Биконсфильдъ, лордъ, англійскій премьеръ.—Вып. I, стр. 585.

Бекъ, церковный старшина.—Вып. III, стр. 110.

Бергбомъ, финляндскій оберъ-инженеръ.—Вып. II, стр. 390.

Бергелундъ, референдарій - секретарь Финляндскаго Сената.—Вып. I, стр. 72, 265.—Вып. II, стр. 123.

Бергротъ, гельсингфорскій пасторъ.—Вып. III, стр. 206.

Бергъ, графъ, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Вып. I, стр. 241.—Вып. II, стр. 154, 379.—Вып. III, стр. 29, 144.

Бергъ, Эдвардъ, финляндскій историкъ.—Вып. I, стр. 187, 202, 242, 331, 367, 368, 495—501, 503.—Вып. II, стр. 196, 475, 484, 486—488, 587, 597.—Вып. III, стр. 79, 80, 85, 86, 89—95, 103, 108, 123, 129, 215—217, 244, 277, 279, 303—305, 308.

Бернадотъ, король шведскій.—Вып. I, стр. 88, 406.

Бечасновъ, петербургскій чиновникъ.—Вып. II, стр. 234.

Бинеманъ, балтійскій сепаратистъ.—Вып. I, стр. 54.

Биргеръ Ярлъ, шведскій военачальникъ, основатель Тавастгуса.—Вып. II, стр. 531, 544.

Бирономъ, герцогъ.—Вып. I, стр. 90.

Бисмаркъ, князь, германскій канцлеръ.—Вып. I, стр. 49, 85.—Вып. II, стр. 50.

Біоде, лекторъ Финляндскаго Университета.—Вып. II, стр. 369.

Блокъ, Ал., русскій профессоръ.—Вып. III, стр. 78, 81.

Блофіельдъ, Фритіофъ-Теодоръ, директоръ канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора.—Вып. I, стр. 399, 400.—Вып. II, стр. 137, 448.

Блудовъ, графъ.—Вып. I, стр. 70—71, 105.—Вып. II, стр. 488.

Блумквистъ, финляндскій инженеръ.—Вып. II, стр. 568, 574.

Бобриковъ, генералъ—Вып. III, стр. 375.

Богдановъ, А. К., ярославскій мѣщанинъ, потомъ купецъ въ Тавастгусѣ.—Вып. II, стр. 545.

Богдановъ, сынъ предыдущаго, директоръ банка въ Тавастгусѣ.—Вып. II, стр. 545.

Бой-Іонсонъ-Гриппъ, основатель финляндскаго рыцарскаго замка Разеборъ — Вып. II, стр. 522.

Большаковъ, помощникъ старшаго инженеръ-механика на русскомъ военномъ суднѣ.—Вып. II, стр. 566.

Боргштремъ, основатель Тёлепарка въ Гельсингфорсѣ.—Вып. II, стр. 525.

Бореніусъ, Генрихъ-Густавъ, помощникъ прокурора Финляндскаго Сената, потомъ сенаторъ.—Вып. I, стр. XI, 386, 440, 591.—Вып. II, стр. 8, 231.—Вып. III, стр. 157.

Бореніусъ, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 12.

Борецкая, Марѳа, новгородская посадница.—Вып. II, стр. 573.

Борисовъ, экспертъ при Кронштадтскомъ военно-морскомъ судѣ.—Вып. I, стр. 278.

Борисъ Годуновъ, царь.—Вып. I, стр. 42, 121.—Вып. II, стр. 417.

фонъ-Борнъ, баронъ В. М., финляндскій публицистъ, членъ Финляндскаго Сейма.—Вып. II, стр. 104, 172, 176, 180, 181.—Вып. III стр. 13, 14, 17, 339—340.

фонъ-Борнсдорфъ, финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 368.

Борхардтъ, финляндскій инженеръ.—Вып. II, стр. 566.

Босовъ, Н. Г. Вып. III, стр. 288.

Боткинъ, лейбъ-медикъ.—Вып. I, стр. 179.—Вып. III, стр. 145.

Бремеръ, финляндскій педагогъ. — Вып. I, стр. 318.

Бри, профессоръ.—Вып. II, стр. 476.

Бротерусъ, лекторъ Финляндскаго университета.—Вып. II, стр. 369.

Брубергъ, финляндскій пасторъ. — Вып. I, стр. XIV, 618—620, 633, 634.—Вып. II, стр. 149.

Бруноу, А., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 200.

Брунъ, баронъ Ѳедоръ Антоновичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, фин-

Digitized by Google

ляндскій министръ статсъ-секретарь.— Вып. I, стр. VII, 53, 54, 56, 60, 72, 383, 541, 600, 601.—Вып. II, стр. 119.— Вып. III, стр. 91.

Брунъ, финляндскій чиновникъ —Вып. III, стр. 209, 214—215.

Брюсъ, русскій сановникъ.—Вып. II, стр. 418.

Буксгевденъ, графъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, генералъ.—Вып. I, стр. 110, 327.

Булгаковъ.—Вып. III, стр. 41.

Бунге, Н. Х., предсѣдатель Комитета Министровъ.—Вып. II, стр. 357, 451, 582.—Вып. III, стр. 120, 189, 204, 212, 244, 259, 262, 265, 268—270, 290—291, 377.

Буссъ (Бутсъ), такъ-называемый генералъ „арміи спасенія". — Вып. II, стр. 39, 528.

Бьеркстенъ, С.. финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 265.—Вып. III, стр. 157.

Бьерлинъ, финляндскій историкъ. — Вып. I, стр. 326—329.—Вып. II, стр. 423, 427.

Бьернштернъ Бьерсонъ, норвежскій поэтъ-публицистъ. – Вып. II, стр. 72, 128.

Бюлеръ, баронъ Ѳ. А., дѣйствительный тайный совѣтникъ, почетный опекунъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Вып. I, стр. IX, 189, 191.

—

Вазашерна, В., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 200, 265.

Валленшельдъ, финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 369.

Вальдерзее, графъ, начальникъ прусскаго генеральнаго штаба.—Вып. I, стр. 405, 406, 629.

Ванновскій, П. С., генералъ-адъютантъ, военный министръ. — Вып. I, стр. 480.— Вып. II, стр. 327, 582. — Вып. III, стр. 262.

Ванъ-Дикъ, знаменитый живописецъ.—Вып. II, стр. 522.

Васеніусъ, старѣйшій депутатъ сословія горожанъ на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 27.

Василій Шуйскій, царь.—Вып. I, стр. 303.

Вассеръ, Израэль, финляндскій профессоръ.—Вып. I, стр. 38, 86, 230, 586, 589.—Вып. II, стр. 233.—Вып. III, стр. 120—121, 128, 320—321.

Вейнемейненъ, финскій миѳическій пѣвецъ. – Вып. II, стр. 515, 547.

Векстремъ, финляндскій чиновникъ, кассиръ.—Вып. I, стр. 403, 404.

Велепольскій, маркизъ.—Вып. I, стр. 104.

Величко, генералъ-лейтенантъ.—Вып. II, стр. 467.—Вып. III, стр. 204.

Вельскій, В. (псевдонимъ).—Вып. III, стр. 319.

Вендель, финляндскій профессоръ.— Вып. II, стр. 368.

Верещагинъ, Ю. Н., русскій педагогъ.—Вып. I, стр. X, XII, XIV, 332, 340, 352, 422, 432, 511, 535, 577, 618—621, 633, 634.—Вып. II, стр. 149, 279.

Веселовъ, купецъ въ Тавастгусѣ.— Вып. II, стр. 546.

Верньельмъ, Г., шведскій капитанъ. – Вып. III, стр. 149.

Вестермаркъ, Dr.—Вып. I, стр. XI, 418, 420, 424, 462.—Вып. II, стр. 144.

фонъ-Вейсенбергъ, Александръ-Бернгардъ, прокуроръ Финляндскаго Сената.—Вып. I, стр. VIII, XI, 126—128, 130—139, 142, 187, 337, 339, 340, 343, 344, 368, 384, 386, 399, 408, 475—477, 569, 572, 575, 582, 619, 629.—Вып. II, стр. 29, 30, 176, 214, 215, 233, 302, 336, 349, 353, 357, 363, 432, 458, 487, 503, 505, 581.—Вып. III, стр. 5, 92, 120, 125, 126, 129. 244, 246, 305.

Вигель, авторъ извѣстныхъ „Записокъ".—Вып. II, стр. 331, 332, 417.— Вып. III, стр. 152—153.

Викторія, королева англійская.—Вып. I, стр. 251.

фонъ-Виллебрандъ, полковникъ. — Вып. II, стр. 467.

Валлебрантъ, Р. Ф., баронъ.—Вып. III, стр. 193, 296.

Вильгельмъ I, императоръ Германскій.—Вып. I, стр. 311, 470.

Вильгельмъ II, императоръ германскій.—Вып. I, стр. 405, 407, 606, 629.— Вып. II, стр. 71, 127, 395, 476, 562.

Винбергъ, по мужу Фрейденталь, гельсингфорсская лектриса.—Вып. II, стр. 21, 22.

Винтеръ, Биргеръ, ст. сов., генералъ-директоръ таможеннаго вѣдомства въ Финляндіи.—Вып. I, стр. 399, 400. — Вып. III, стр. 186.

Digitized by Google

Висновская, варшавская актриса. — Вып. II, стр. 11.

Виссаріонъ, епископъ Дмитровскій— Вып. I, стр. 361.

Витте, С. Ю., министръ финансовъ.— Вып. III, стр. 189.

Владиміръ, епископъ Нарвскій. — Вып. I, стр. 441, 442, 445, 447, 450, 452—454. —Вып. III, стр. 164.

Владиміръ Монаховъ, Великій Князь.— Вып. II, стр. 4.

Владиміръ Святой, Великій Князь.— Вып. I, стр. 121.—Вып. III, стр. 108, 361.

Влангали, управл. министерствомъ иностр. дѣлъ.—Вып. III, стр. 346.

Волковъ, К. И.—Вып. III, стр. 288.

Вреде, баронъ Р. А., финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 104, 172, 176, 178—180, 193, 194, 348, 366, 368.— Вып. III, стр. 13, 178—181, 270, 290.

Вригтъ, финляндскій фабрикантъ.— Вып. I, стр. 347.

Вриклонскій (?), „иностранный членъ" Тюремнаго Конгресса въ Петербургѣ.— Вып. I, стр. 383.

Вѣтвеницкій, священникъ, духовникъ К. Ф. Ордина.—Вып. II, стр. 327.

Вэрри, предводитель (тальманъ) крестьянскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ 1894 года.—Вып. III, стр. 3, 7, 109.

Вяземскій, князь, Александръ, генералъ-прокуроръ.—Вып. I, стр. 74.

—

Гагаринъ, писчебумажный фабрикантъ.—Вып. III, стр. 331.

Гаддъ, Г. О. Г., генералъ-лейтенантъ, финляндскій сенаторъ. — Вып. III, стр. 158, 328, 369.

фонъ-Гартманъ, В. Г., тайный совѣтникъ, ландмаршалъ Финляндскаго Сейма.—Вып. I, стр. 200, 259, 260.— Вып. II, стр. 26, 30—32, 55, 120, 242, 273, 381.—Вып. III, стр. 10—11, 18.

Гавриловъ, И. К.—Вып. II, стр. 593.

Гаккманъ, В., коммерціи совѣтникъ въ Выборгѣ.—Вып. II, стр. 393.

Гаконъ Норвежскій, король Шведскій.—Вып. I. стр. 88.

Галльборгъ, финляндскій лѣсничій. — Вып. II, стр. 543.

Гамбургеръ, русскій дипломатъ. — Вып. III, стр. 108.

Гаральдъ, король Норвежскій. – Вып. I, стр. 121.

Гарди, гельсингфорсскій полицеймейстеръ.—Вып. III, стр. 106.

Гартманъ, германскій философъ. — Вып. I, стр. 407.—Вып. II, стр. 232.

Гастферъ, баронъ.—Вып. I, стр. 198. —Вып. III, стр. 358.

Гегель, нѣмецкій философъ.—Вып. II. стр. 244.

Гезеліусъ, лютеранскій епископъ.— Вып. II, стр. 410.

Гейкель, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 12, 15, 16, 22—23, 25.

фонъ Гелленсъ, Т., финляндскій сенаторъ, затѣмъ президентъ Абоскаго гофгерихта и ландмаршалъ Финляндскаго Сейма 1894 года. — Вып. I, стр. 200, 232,—Вып. III, стр. 6, 107—109.

Генецъ, финляндскій профессоръ.— Вып. III, стр. 101, 109.

Германсонъ, финляндскій профессоръ,— Вып. I, стр. 165, 210, 410, 552.— Вып. II, стр. 8, 233, 368, 476, 581, 583.—Вып. III, стр. 30, 92, 119, 121—122, 125, 127, 137, 244, 246, 272—273, 276—287, 290, 297.

Германъ, преподобный, основатель Валаамскаго монастыря.—Вып. I, стр, 416, 438,—Вып. II, стр. 594. — Вып. III, стр. 58, 71, 315—316.

Гетѣ, нѣмецкій поэтъ.—Вып. II, стр. 272

Герцбергъ, Р., финляндскій писатель.— Вып. II, стр. 419, 424, 447.

Гейденъ, графъ Ѳ. Л., финляндскій генералъ-губернаторъ.— Вып. I, стр. VIII, XII, 68—70, 73, 79, 81, 97, 99, 115, 125, 132, 137, 157, 159, 178, 216, 245, 248, 259, 265, 266, 289, 297, 335, 336, 341—344, 400, 417, 420, 426, 430, 433, 485, 459, 461—465, 472, 480, 556, 566, 570, 574, 634.—Вып. II, стр. 19, 26, 78, 82, 89, 100, 104, 144, 159 169, 177, 190, 214, 220, 223, 224, 241, 255, 314, 317, 322, 324, 357, 393, 447, 448, 449, 450, 453, 455, 462, 473, 505, 534, 558, 568, 578, 579, 582.— Вып. III, стр. 4, 5, 6, 10—11, 101, 107, 110, 113, 120, 230, 262, 267, 354, 357, 375—377.

Гейденъ, Е. Н., графиня.—Вып. III, стр. 117—118, 158, 362..

Digitized by Google

Гейденъ, О. Ѳ., графиня.—Вып. III, стр. 362.

Гейкель „предводитель депутаціи отъ сословія горожанъ на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 31.

Гейкель, финляндскій профессоръ. — Вып. II, стр. 368.

Гефкенъ, профессоръ.—Вып. II, стр. 476.

Гейтель, Ф., финляндскій сенаторъ.— Вып., I, стр. 200, 232.

Гейтлингъ, Г., референдарій - секретарь.—Вып. I, стр. 200, 400.

Генрихъ Святой, епископъ Упсальскій.—Вып. II, стр. 531, 532.

Гладстонъ, англійскій государственный человѣкъ.—Вып. I, стр. 61, 101, 622.—Вып. II, стр. 49, 548.

Глинскій, В. Б.—Вып. II, стр. 593.

Говардъ, писчебумажный фабрикантъ. – Вып. III, стр. 331, 333.

Гоголь, Н. В., русскій писатель.— Вып. I, стр. 5.—Вып. II, стр. 580.

Годенгіельмъ, лекторъ финляндскаго университета.—Вып. II, стр. 369.

Годуновъ, Борисъ, царь.—Вып. I, стр. 42, 121.—Вып. II, стр. 417.

Голицынъ, князь, - Вып. III, стр. 375.

Головинъ, Владиміръ, чиновникъ финляндскаго статсъ-секретаріата.—Вып.II, стр. 160, 232, 271.—Вып. III, стр. 120, 126—128.

Голубцовъ, государственный казначей.—Вып. I, стр. 48.

Гончаровъ, С. О., генералъ-лейтенантъ, бывшій Свеаборгскій комендантъ, нынѣ помощникъ финляндскаго генералъ-губернатора.—Вып. II. стр. 452, 496, 503—505, 511, 534, 537, 589.—Вып. III, стр. 204, 339, 375—376.

Горнъ, Эвертъ.—Вып. I, стр. 330.

Горчаковъ, князь, канцлеръ.—Вып. I, стр. 70—105.—Вып. II, стр. 488. — Вып. III, стр. 304—305.

Горчаковъ, князь, посланникъ при Мадридскомъ дворѣ.—Вып. I, стр. 55.— Вып. II, стр. 9.

Грабовскій, польскій статсъ - секретарь.—Вып. I, стр. 230.

Градовскій, петербургскій профессоръ.— Вып. II, стр 234.

Гракъ, корреспондентъ *Новостей*. – Вып. I, стр. 255. – Вып. II, стр. 271.

Гранитъ, финляндскій магистръ.— Вып. I, стр. II.

Гренротъ, Фридрихъ, чиновникъ Вазаскаго гофгерихта.—Вып. I, стр. 374.

Гренрусъ, абоскій сапожникъ.—Вып. III, стр, 372.

Григорковъ, ротмистръ, потомъ полковникъ, эскадронный командиръ въ финляндскомъ кавалерійскомъ полку.— Вып. I, стр. XIII, 533, 594, 595. — Вып. II, стр, 196, 386, 458, 513.

Грипенбергъ, шведскій военачальникъ.— Вып. II, стр. 427.

Грипенбергъ, Іоганнесъ, баронъ. с.-михельскій губернаторъ, потомъ финляндскій сенаторъ, начальникъ Канцелярской Экспедиціи. - Вып. II, стр. 194. 274, 276,

Грипенбергъ, чиновникъ финляндскаго управленія промышленности. — Вып. III, стр. 186.

Гротенфельтъ, А., Dr., финляндскій профессоръ. Вып. I, стр. 391.—Вып. II, стр. 368.—Вып. III, стр. 123.

Гротъ, Я. К., русскій академикъ.— Вып. II, стр. 277.

Губерти, Н., русскій писатель. — Вып. II, стр. 401, 402.

Гудовичъ, И. В., графъ, генералъ фельдмаршалъ.—Вып. III, стр. 276.

Гумблотъ и Дункеръ, лейпцигская издательская фирма.—Вып. I, стр. 54.

Гурко, І. В., генералъ.—Вып. I. стр. 231.—Вып. III, стр. 79.

Гурьевъ, министръ Финансовъ. — Вып. I, стр. 167.

Густавсонъ, финляндскій профессоръ.— Вып. II, стр. 368.

Густавъ-Адольфъ, король Шведскій.— Вып. I, стр. 87.—Вып. II, стр. 232. 410, 428.

Густавъ Газа, король Шведскій.— Вып. I, стр. 87.

Густавъ III, король Шведскій. — Вып. I, стр. 37, 38, 122, 169, 311.— Вып. II, стр, 530, 539, 544, 585.— Вып. III, стр. 38, 40—41, 148, 244—245, 358.

Густавъ-Адольфъ (IV Густавъ IV), король Шведскій.—Вып. I, стр. 88, 124. 163, 327.—Вып. II, стр. 185, 480.— Вып. III, стр. 28. 36, 38—39, 136, 281.

Гутъ, Паулина, начальница гельсингфорсской женской гимназіи.—Вып. I, стр. 613.

Digitized by Google

Гюллингъ, Оскаръ - Фредрикъ - Вильгельмъ, финляндскій сенаторъ—Вып. II, стр. 275.—Вып. III, стр. 157.

—

Даль, І, Д., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 200, 232.

Дамбергъ, учитель русскаго языка въ гельсингфорской Александровской гимназіи.—Вып. I, стр. 612.

Данізльсонъ, Рихардъ, финляндскій профессоръ.—Вып. I, стр. XIII, 554, 555, 561, 573, 575—579, 582 - 591, 626, 628—630, 632.—Вып. II, стр. 8, 22, 25, 43, 62, 101, 144, 151, 230, 231, 233, 234, 248, 278, 298, 304, 305, 366, 368, 379, 380, 394, 395, 415, 472, 475—480, 481, 486—489, 505, 575.—Вып. III, стр. 28, 30, 92, 119, 121, 124—125, 127—128, 129, 130, 148, 153, 270, 272—273, 275, 297, 345.

Деббельнъ, шведскій генералъ. — Вып. I, стр. 329, 330.—Вып. II, стр. 232, 423, 426—428, 435.

Делагарди, Яковъ, шведскій полководецъ.—Вып. I, стр. 330, 576.

Демидовъ, генералъ.—Вып. I, стр. 328, 329.

фонъ Денъ, В., генералъ, финляндскій сенаторъ, товарищъ финляндскаго министра-статсъ секретаря, а потомъ министръ-статсъ-секретарь.—Вып. I, стр. XII, 72, 157, 158, 398, 428, 433, 457, 458,—Вып. II, стр. 119, 120, 124, 189, 200, 451, 465, 582.—Вып. III, стр. 100. 158, 209, 211—212, 214—215, 220—221, 223—225, 228, 233—234, 256, 262.

Доделль, тайный совѣтникъ.—Вып. I, стр. 157.

Долгоруковъ, князь, генералъ.—Вып. I, стр. 9, 10,

Долгоруковъ, Яковъ Федоровичъ, князь.—Вып. II, стр. 418.

Доннеръ, О., финляндскій профессоръ.—Вып. I, стр. 497, 499, 500, 509, 616.—Вып. II, стр. 278, 323, 368. — Вып. III. стр. 279—280.

Дороееева, О.—Вып. III, стр. 285.

Дризенъ, баронъ.—Вып. III, стр. 375.

Дубровинъ, петербургскій профессоръ.—Вып. I, стр. 577.

Дункеръ, шведскій офицеръ.—Вып. I, стр. 10.—Вып. II, стр. 422.

Дункеръ, вице-тальманъ крестьянскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 28.

Дункеръ и Гумблотъ, лейпцигская издательская фирма.—Вып. I, стр. 54.е-

Духонинъ, М. Л., генералъ-лейтенантъ, бывшій комендантъ Выборгской крѣпости, потомъ начальникъ штаба Московскаго военнаго округа. — Вып. I, стр. 75. - Вып. II, стр. 578, 580, 592.—Вып, III, стр. 57, 58, 118.

Дуркинъ, экспертъ при Кронштадскомъ военно-морскомъ судѣ.— Вып. I, стр. 278, 279.

Дурново, И. Н.. министръ внутреннихъ дѣлъ, потомъ предсѣдатель комитета министровъ.—Вып. III, стр. 262.

—

Егергорнъ, І. А., шведскій майоръ.—Вып. III, стр. 148—149, 358.

Екатерина I Алексѣевна, императрица. Вып. II, стр. 418.

Екатерина II Алексѣевна, императрица.—Вып. I, стр. 41, 42, 74, 85, 122. 197,327, - Вып. II, стр. 4, 5, 400, 418,—Вып. III, стр. 149.

Екатерина Павловна, великая княгиня.—Вып. II, стр. 479.

Еленевъ, Ѳ. П., членъ совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати.—Вып. II, стр. 163, 164, 165, 166, 167, 321, 232, 415, 472, 475—483, 486, 560, 586, 587.—Вып. III, стр. 79, 125, 296—297, 345, 347, 356, 363, 364.

Елисавета Петровна, императрица,—Вып. I, стр. 25, 38, 40, 41, 85, 122, 416, 437.

Елисавета Ярославна, русская княжна, королева Норвежская.—Вып. I, стр. 121.

Еллинекъ, профессоръ Вѣнскаго университета.—Вып. I, стр. 252.—Вып. III, стр. 76.

Ермоловъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.—Вып. II, стр. 357.

Ернефельтъ, см. Іернефельтъ.

—

Ждановъ, Д.—Вып. III, стр. 288.

Желиховская, В. П., русская писательница.—Вып. II, стр. 547.

—

Забугинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Вып. I, стр. 157.

Закревскій, графъ, финляндскій генералъ-губернаторъ. Вып. I, стр. 70, 71,

Digitized by Google

86, 219—221, 230, 242.—Вып. II, стр. 587.—Вып. III, стр. 29, 86, 144.

Зигенъ (Нассау), принцъ. — Вып. I, стр. 122.

Золотаревъ, А. М., русскій профессоръ.—Вып. III, стр. 60—61.

—

Ибсенъ, шведскій писатель.—Вып. II, стр. 128.

Иващенко, дѣйствительный статскій совѣтникъ.—Вып. I, стр. 157.

Игнатьевъ, А. П., графъ.—Вып. III, стр. 375.

Игнаціусъ, Карлъ-Эмиль Фердинандъ, финляндскій сенаторъ, начальникъ Камерной Экспедиціи.—Вып. I, стр 72, 265, 319, 394.—Вып. II, стр. 70, 275, 276, 582.—Вып. III, стр. 23, 62, 124, 158, 198.

Ида, Корелка, горничная въ Таммерфорсѣ.—Вып. II, стр. 535.

Иловайскій, Д. И., русскій историкъ и публицистъ.—Вып. I, стр. 561.—Вып. II, стр. 549.

Имеретинскій, князь.—Вып. III, стр. 375.

Ингигерда (Анна), королева Норвежская, русская великая княгиня.—Вып. I, стр. 121.

Ирье-Коскиненъ, Георгій-Захарій, финляндскій сенаторъ, начальникъ Духовной Экспедиціи.—Вып. I, стр. 54—56, 68, 69, 72, 93, 94, 114, 118, 120, 138, 140, 162, 267, 337, 339, 340, 342—344, 368, 386, 400, 406, 408, 410, 425, 426, 450, 552, 582.—Вып. II, стр 8, 70, 176, 187, 194, 231, 233, 254, 260, 275, 276, 288, 302, 313, 325, 336, 353, 355, 366, 379, 398, 399, 475, 477, 503, 568, 575, 600.—Вып. III, стр. 17, 23, 90, 119, 124, 158, 160, 198, 205, 235, 272, 328, 369.

Исидоръ, митрополитъ Петербургскій и Новгородскій.—Вып. II, стр. 312.

—

Іернфельтъ, А. А., генералъ-майоръ, Куопіосскій губернаторъ, потомъ финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 11.—Вып. III, стр 328, 369.

Іоаннъ III Васильевичъ, царь.—Вып. I, стр. 121.

Іоаннъ Грозный, царь.—Вып. I, ст. 88.

Іоаннъ, протоіерей Кронштадтскій.—Вып. I, стр. 418.

Іогансонъ, Г., докторъ богословія, Куопіоскій епископъ, вице-тальманъ духовнаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 27.—Вып. III, стр. 109.

Іоганъ III, король Шведскій.—Вып. I, стр. 88.—Вып. II, стр. 304.

Іонафанъ, игуменъ Валаамскаго монастыря.—Вып. I, стр. 417.

Іонсонъ, финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 369.

—

Казанскій, М. Н, священникъ въ Або (потомъ въ Выборгѣ).—Вып. I, стр. 235.—Вып. II, стр. 393.

Казачковскій, русскій офицеръ.—Вып. II, стр. 426, 427.

Калоніусъ, финляндскій профессоръ.—Вып. I, стр. 30.—Вып. III, стр. 121.

Калоніусъ, Георгъ-Генрикъ-Вилли, прокуроръ Финляндскаго Сената.—Вып. I, стр. 399, 475, 589, 590.—Вып. II, стр. 106, 175, 451, 582, 583.—Вып. III, стр. 262.

Кальмъ, лекторъ Финляндскаго Университета.—Вып. II, стр. 369.

Каменскій, графъ, Н. М.,—Вып. I, стр. 124.—Вып. II, стр. 423, 426.

Канкринъ, графъ, министръ Финансовъ.—Вып. I, стр. 6.

Кантъ, Минна, финляндская писательница.—Вып. II, стр. 567.

Каргу, Антти (Антонъ), финляндскій крестьянинъ.—Вып. II, стр. 143, 147, 155, 156, 382, 506.

Карлстремъ, членъ бюргерскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 105.

Карлъ IX, король Шведскій.—Вып. I, стр. 330.

Карлъ X, король Шведскій.—Вып. II, стр. 428.

Карлъ XI, король Шведскій.—Вып. II, стр. 410.

Карлъ XII, король Шведскій.—Вып. II, стр. 428, 541.

Карлъ, герцогъ Шведскій.—Вып. II, стр. 523—524

Карпова, А.—Вып. III, стр. 288.

Кастренъ, Р., финляндскій историкъ.—Вып. I, стр. 36, 103, 185, 230, 589.—Вып. II стр. 233, 260, 475, 600.—Вып. III, стр. 121, 215—216.

Кастренъ Іонасъ, адвокатъ, членъ Финляндскаго Сейма.—Вып. II, стр.

Digitized by Google

172. — Вып. III, стр. 20, 181, 269, 274—277.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ.— Вып. I, стр. VI. VII, 3, 95, 363, 407.— Вып. II, стр. 74, 75, 203, 217, 220, 320, 431, 432.—Вып. III, стр. 188, 199.

Катерина Монсдоттеръ, королева Шведская.—Вып. II. стр. 532.

Кайбіяйненъ, Матвѣй Матвѣевичъ, и д кистера.—Вып. II, стр. 140.

Каяндеръ, лекторъ Финляндскаго Университета.—Вып. II, стр. 369.

Каянусъ, финляндскій чиновникъ.— Вып. II, стр. 390

Каульбарсъ, Н., генералъ, начальникъ штаба финляндскаго военнаго округа.— Вып. II, стр. 512.

Каухариненъ, Пекка, финляндскій писатель.—Вып. III, стр. 320—321.

Клингспоръ, шведскій генералъ.— Вып. I, стр. 329.—Вып. II, стр. 423, 426, 427.—Вып. III. стр. 37.

Кенигъ, писчебумажный фабрикантъ. Вып. III, стр. 331.

Клубергъ, Л. Г. Л., финляндскій сенаторъ.—Вып. III, стр. 157.

Кноррингъ, генералъ.—Вып. I, стр. 123, 328.

Кноррингъ, финляндскій капельмейстеръ.—Вып. I, стр. 346.

Кнутсонъ, Торкель, шведскій полковецъ.—Вып. III, стр. 238—239.

Княжевичъ, министръ Финансовъ.— Вып. I, стр. 45, 246.

Колланъ, Э., финляндскій цензоръ.— Вып. I, стр. 418.

Кононовичъ, членъ комитета богадѣльни Цесаревича Николая Александровича.—Вып. II, стр. 327.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ.— Вып. I, стр. 219, 220. — Вып. II, стр. 310.

Коншинъ, В. Д.—Вып. II, стр. 592.

Коншинъ, И. Н., потомственный дворянинъ.—Вып. III, стр. 172, 160, 288.

Копіевъ, Алексѣй Даниловичъ, русскій помѣщикъ Выборгской губерніи.— Вып. II, стр. 331.

Копом, норвежскій губернаторъ Финмаркена.—Вып. II, стр. 437.

Копытовъ, адмиралъ.—Вып. III, стр. 375.

Коркуновъ, Н. М., петербургскій профессоръ.—Вып. I, стр. 249—253, 483, 484, 585.—Вып. II, стр. 16—18, 41, 163, 305, 309, 415, 458, 472, 475, 583, 598.—Вып. III, стр. 125, 131, 190, 297.

Корнеліусъ, финляндскій педагогъ.— Вып. I, стр. 324.

Корниловъ, И. П., почетный опекунъ.— Вып. II, стр. 327.

Коскиненъ-Ирье, Георгій-Захарій, финляндскій сенаторъ, начальникъ Духовно Экспедиціи.—Вып. I, стр. 54—56, 68, 69, 72, 93, 94, 114, 118, 120, 138, 140, 162, 267, 337, 339, 340, 342—344, 368, 386, 400, 406, 408, 410, 425, 426, 450, 552, 582.—Вып. II, стр. 8, 70, 176, 187, 194, 231, 233, 254, 260, 275, 276, 288, 302, 313, 325, 336, 353, 363, 366, 379, 398, 399. 475. 477, 503, 568, 575, 600.—Вып. III, стр. 17, 23, 90, 119, 124, 158, 160, 198, 205, 235, 272, 328, 369.

Коскиненъ, младшій (сынъ предыдущаго), членъ Финляндскаго Сейма.— Вып. III, стр. 17.

фонъ Котенъ, Казиміръ, генералъ, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 498—500, 509, 510.

Краевскій, издатель *Голоса*.—Вып I, стр. 8.

Крейцъ, графъ, членъ Финляндскаго Сейма.—Вып. III, стр. 109.

Кронгельмъ, А., графъ, представитель финляндскаго рыцарства и дворянства.—Вып. II, стр. 26.

Кронъ, финляндскій ученый.—Вып. II, стр. 368.

Крючковъ, И. С.—Вып. III, стр. 288.

Крыловъ, русскій баснописецъ.—Вып. I, стр. 5.—Вып. II, стр. 24.

Кудринъ, А. С., статскій (нынѣ дѣйствительный статскій) совѣтникъ, членъ военно-окружнаго совѣта въ Гельсингфорсѣ.—Вып. II, стр. 219.

Кузнецовъ, А. Г.—Вып. III, стр. 58.

Кульневъ, генералъ.—Вып. I, стр. 123.—Вып. II, стр. 422, 423.

Курбскій, князь.—Вып. I, стр. 538.

Курикка, Ѳома Адамовъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, аускультантъ Выборгскаго гофгерихта. — Вып. II, стр. 140.

Куртенъ, Іоакимъ, вазаскій (николайстадскій) купецъ, коммерціи совѣтникъ, тальманъ сословія горожанъ на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. I, стр. 259,

Digitized by Google

260. - Вып. II, стр. 27, 30, 56.—Вып. III, стр. 3, 6—7, 108, 109, 114, 115.

Курьянъ, штабсъ-капитанъ флотскихъ штурмановъ.—Вып. I, стр. 278.

Кушелевъ-Безбородко, графъ. — Вып. III, стр. 144.

—

Лабандъ, профессоръ.—Вып. II, стр. 476.

Лаврентьевъ, Л. И., помощникъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа.—Вып. III, стр. 316.

Лагерборгъ, Карлъ Ялмаръ, финляндскій генералъ-почтъ-директоръ.—Вып. I, стр. 289, 456.

Лагерборгъ, Робертъ, издатель (прекратившейся нынѣ) газеты *Helsingfors Dagblad* (по ошибкѣ названный въ 1-мъ вып. редакторомъ газеты *Nya Pressen*).—Вып. I, стр. 289.—Вып. II, стр. 385, 386.

Ланбергъ, Ф., фискалъ Вазаскаго (Николайстадскаго) гофгерихта.—Вып. I, стр. 373.

Лангеншельдъ, финляндскій сенаторъ.—Вып. III, стр. 103, 335.

Ланговой, Н. П., вице-директоръ Департамента Торговли и Мануфактуръ.—Вып. III, стр. 313.

Лангъ, финляндскій профессоръ. — Вып. II, стр. 368.

Лахтелинъ, финляндскій чиновникъ— Вып. I, стр. 238.

Лахтелинъ, агентъ страховаго общества „Россія".—Вып. II. стр. 131, 132.

Леандеръ, Э., финляндскій магистръ.— Вып. I, стр. 348.

Леандеръ, финляндскій капельмейстеръ.—Вып. III, стр. 107.

Ленбладъ, Э. финляндскій сенаторъ.— Вып. I, стр. 200.

Ленскій, Борисъ (псевдонимъ), гельсингфорсскій корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*. - Вып. II, стр. 133, 138, 145, 160, 234.

Леонтьевъ, П., препод. русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ. — Вып. III, стр. 90, 91.

Лепешкина, В. Я.—Вып. II, стр. 592.

Лерхе, Ф., финляндскій сенаторъ.— Вып. I, стр. 72, 265.—Вып. II, стр. 137.

Леухинъ, — московскій книгопродавецъ.—Вып. II, стр. 272.

Лиліусъ, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 25.

Лилле, А., докторъ правъ, редакторъ газеты *Nya Pressen*.—Вып. II, стр. 30, 79, 314, 315.—Вып. III, стр. 23, 24—25, 93, 94, 179, 183, 269.

Лильстрандъ, Арво, ландканцлистъ.— Вып. I, стр. 373.

Лилье, В. А., русскій полковникъ.— Вып. стр. 288.

Линбергъ, финляндскій инженеръ.— Вып. II, стр. 568, 574.

Линдеквистъ, профессоръ, секретарь духовнаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.- Вып. II, стр 27.

Линдель, кузнецъ.—Вып. I, стр. 237.

Линделефъ, начальникъ финляндскаго Главнаго Управленія Училищъ.—Вып. II, стр. 323.—Вып. III, стр. 13.

Линдротъ, директоръ гельсингфорсскаго „Народнаго Банка".— Вып. II, стр. 450.

Линдеръ, К., церемоніймейстеръ Финляндскаго Сейма, егермейстеръ Высочайшаго Двора.—Вып. II, стр. 26.— Вып. III, стр. 107.

Линдстремъ, финляндскій педагогъ.— Вып. I, стр. 326.

Линдфорсъ, финляндскій педагогъ.— Вып. I, стр. 322.

Линдфорсъ, генералъ.—Вып. III. стр. 186.

Лонденъ, финляндскій инженеръ.— Вып. I, стр. 402.

Лудовикъ XIV, король французскій— Вып. II, стр. 298.

Луканенъ, нотаріусъ крестьянскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.— Вып. II, стр. 28.

Лундаль, финляндскій писатель. — Вып. III, стр. 120, 125, 128.

Лупандеръ, І.Л., штабсъ-капитанъ.— Вып. I, стр. 369, 370, 372—375, 379, 380.

Луцманъ, Янъ, матросъ.—Вып. II, стр. 218, 219.

Лефгренъ, В., финляндскій магистръ философіи, издатель *Uusi Suometar*.— Вып. I, стр. 490.—Вып. II, стр. 30. 79, 314, 315, 441.

Люткенъ, А., газетный корреспондентъ.—Вып. I, стр. 179.

Лядовъ, тайный совѣтникъ. Вып. II, стр. 327.

Ляминъ, И. А.—Вып. II, стр. 592.

—

Digitized by Google

Макарій, митрополитъ Московскій.—Вып. I, стр. 153, 351—Вып. II, стр. 326.

Макарій, митрополитъ Новгородскій (XVII ст.).—Вып. III, стр. 54.

Маклаковъ, генералъ, начальникъ 24-й дивизіи.—Вып. II, стр. 384.

Малинъ, преподавателъ лицея (гимназіи) въ Финляндіи.—Вып. III, стр. 247.

Мальмъ, шведскій офицеръ.—Вып. II. стр 422.

Малышевъ, К. И., членъ Кодификаціоннаго Отдѣла Государственнаго Совѣта (а потомъ статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта).—Вып. II, стр. 19 341, 36 —364, 582, 583.

Манасеинъ, Н. А., министръ Юстиціи.—Вып. I. стр. 80, 315, 601.—Вып. II, стр. 169, 347, 354, 582.—Вып. III, стр. 9, 262.

Маннергеймъ, баронъ Карлъ-Густавъ.—Вып. I, стр. 27, 36, 70, 103, 111, 130.—Вып. II, стр. 186.—Вып. III, стр. 149, 275—276.

Манухинъ, московскій книгопродавецъ —Вып. II, стр. 272.

Марквардсенъ, нѣмецкій издатель.—Вып. II, стр. 263.

Марія Магдалина, Святая.—Вып. III, стр. 361.

Марія Ѳеодоровна, императрица — Вып. II, стр. 325, 327, 515.

Мартенсъ, Ф., петербургскій профессоръ.—Вып. I, стр. 587.—Вып. III, стр. 346.

Маршалль, баронъ, германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ.—Вып. III, стр. 138—139.

Майновъ, В. Н., корреспондентъ *Новостей*.—Вып. I, стр. 8, 432.

Матвѣевъ, русскій бояринъ.—Вып. II, стр. 418.

Мезецкій, князь, Новгородскій воевода.—Вып. III, стр. 56.

Меланъ, Карлъ Оттонъ-Габріель, генералъ-майоръ, финляндскій сенаторъ, начальникъ Милиціонной экспедиціи.—Вып. II, стр. 274, 276.—Вып. III, стр. 158.

Меншиковъ, князь, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Вып. I, стр. 70.—Вып. II, стр. 154.—Вып. III, стр 29, 80, 86—87.

Мериканто, финляндскій капельмейстеръ.—Вып. III, стр. 111.

Мертваго, Д. Ѳ., начальникъ Свеаборгскаго порта.—Вып. II, стр. 218, 219.

Мертваго, Валентина Николаевна, русская дама въ Гельсингфорсѣ.—Вып. II, стр. 219.

Мэрианъ, А., редакторъ (прекратившейся нынѣ) газеты *Finland*, членъ крестьянскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. I, стр. 239, 495, 496, 499, 502, 508.—Вып. II, стр. 30, 101, 323.—Вып. III, стр. 30, 269—270.

Мерианъ, дѣвица.—Вып. III, стр. 110.

Мехелинъ, Генрикъ-Леопольдъ-Станиславъ, бывшій финляндскій сенаторъ, нынѣ предсѣдатель Гельсингфорсской городской думы.—Вып. I, стр. X, XI, 17, 21, 22, 24—39, 54—56, 61, 69, 72, 80, 88, 92, 94, 98, 101, 108, 110, 112, 114, 127, 140, 162, 200, 253, 265, 311, 331, 337—343, 345—348, 365, 368, 381, 382, 385, 386, 391, 399, 400, 406, 408, 410, 424, 450, 495, 496, 509, 552, 569, 572, 582, 587, 589, 623, 629.—Вып. II, стр. 8, 9, 18, 22, 24, 29—31, 34, 35, 43, 57, 58, 87, 104, 105, 144, 151, 158, 176—179, 187, 213—215, 231, 233, 234, 254, 263, 278, 302, 325, 328, 329, 336, 348, 353, 355, 360, 363, 366, 379, 384, 385, 386, 391, 394, 415, 416, 432, 435, 441, 472, 475, 477, 479, 480, 481, 483, 486, 487, 489, 503—505, 575, 600.—Вып. III стр. 5, 26—31, 66, 85, 90, 100, 109, 110, 112, 114, 119, 122—123, 128, 129, 130, 180, 201, 205, 235, 237, 270, 275—276, 290, 297, 345—346, 353—354.

Мехелинъ, М., финляндскій капельмейстеръ.—Вып. I, стр. 343, 478.

Мехелинъ, О., камеръ-юнкеръ, помощникъ церемоніймейстера Финляндскаго Сейма.—Вып. II, стр. 26.

Мещерскій, князь, издатель *Гражданина*.—Вып. I, стр. XI, 359, 361—365. 375—377, 379, 560, 634.—Вып. II, стр. 110, 466.

Милютинъ, графъ Д. А., Военный министръ.—Вып. I, стр. 119, 199, 240, 241.—Вып. II, стр. 196, 459, 460, 571.—Вып III, стр. 346—351.

Микандеръ, финляндскій магистръ философіи.—Вып. II, стр. 387.

Михаилъ Павловичъ, Великій князь.—Вып. II, стр. 30.

Digitized by Google

Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь.—Вып. I, стр. 416.—Вып. II, стр. 602.

Михайловскій-Данилевскій, военный историкъ.—Вып. I, стр. 10, 329.—Вып. II, стр. 426, 480.

Моденъ, финляндскій педагогъ.—Вып. I, стр. 324.

Моландеръ, Класъ-Германъ, баронъ, тайный совѣтникъ, финляндскій сенаторъ, начальникъ Финансовой Экспедиціи.—Вып. I, стр. 72, 157, 200, 217.—Вып. II, стр. 194, 275, 276.—Вып. III, стр. 158, 180.

Монгомери, Робертъ, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. XIII, XIV, 54.—56, 59, 69, 202, 339, 343, 344, 381, 382, 386, 400, 406, 408, 425, 569, 573. 582, 595, 622, 623, 629, 635.—Вып. II, стр. 29, 30, 106, 120, 270, 175, 176, 178, 181, 183, 184, 193, 215, 231, 233, 254, 332, 336, 348, 351, 353, 355, 366, 379, 475, 503, 583, 600.—Вып. III, стр. 26, 90, 235.

Мордовцевъ, Д. Л., русскій писатель.—Вып. II, стр. 562.

Морозова, М. Ф.—Вып. II, стр. 580, 592.

де-Моріанъ, депутатъ Боргоскаго Сейма.—Вып. I, стр. 36, 103, 130.—Вып III. стр. 275.

Мошенбергъ, Илья, мѣщанинъ.—Вып. I, стр. 369, 370, 373—375, 377, 379, 380.

Мункъ, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 341.

Мункъ, Гёста, корреспондентъ газеты *Nya Pressen*.—Вып. II, стр. 131.

Мункъ, бывшій финляндскій полицейскій коммиссаръ.—Вып. II, стр. 568, 574.

Муравьевъ, Н. В., министръ юстиціи: Вып. III, стр. 265.

Мясоѣдовъ, „иностранный (?!) членъ“ Тюремнаго Конгресса въ Петербургѣ.—Вып. I, стр. 383.

—

Надлеръ, профессоръ.—Вып. II, стр. 154.

Наполеонъ I, императоръ Французовъ.—Вып. I, стр. 26, 58, 112, 156, 576, 583.—Вып. II, стр. 5, 332, 480, 481, 490, 585.—Вып. III, стр. 39.

Нарышкинъ, русскій бояринъ.—Вып. II, стр. 418.

Нассау-Зигенъ, принцъ. — Вып. I, стр. 122.

Науманъ, историкъ шведскаго государственнаго права.—Вып. III, стр. 222.

Невельскій, русскій герой.—Вып. I, стр. 123.

Неклюдовъ, Н. А., товарищъ государственнаго секретаря.—Вып. II, стр. 581, 582, 583.—Вып. III, стр 120, 129, 189, 204, 291, 325.

Неовіусъ, генералъ-лейтенантъ, бывшій директоръ Финляндскаго кадетскаго корпуса, финляндскій публицистъ и членъ Финляндскаго Сейма.—Вып. I, стр. 634, 635.—Вып. II, стр. 35, 101, 102, 231, 318, 320, 440, 441, 449.—Вып. III, стр. 11, 18, 270.

Нероновъ, тайный совѣтникъ.—Вып. III, стр. 158, 163.

Нессельроде, графъ, министръ Иностранныхъ Дѣлъ.—Вып. I, стр. 230.—Вып. II, стр. 232.

Никаноръ, архіепископъ. — Вып. II, стр. 35, 270.

Николай Александровичъ, Цесаревичъ.—Вып. II, стр. 327.

Николай I Павловичъ, Императоръ.—Вып. I, стр. 33, 70, 86, 89, 106, 144, 185, 212, 219—221, 230, 250, 288, 314, 315, 533, 534, 583, 630—632.—Вып. II, стр. 7, 65, 187, 278, 305, 310, 337, 470, 471, 473.—Вып. III, стр. 3, 51, 74, 92, 208, 215—217, 234, 276.

Николай II Александровичъ, Государь Императоръ.—Вып. III, стр. 206—207, 213, 218, 220—221, 223, 231 232, 234, 255, 327.

Нобель, нефтепромышленникъ.—Вып. I, стр. 168.

Новикова, О. А., русская писательница-публицистка.—Вып. II, стр. 49.

Нольде, баронъ, старшій чиновникъ Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ.—Вып. II, стр. 583.

Норденстамъ, І. М., вицепредсѣдатель Хозяйственнаго Департамента Финляндскаго Сената.—Вып I, стр. 200.—Вып. II, стр. 483.—Вып. III, стр. 305.

Нордстрёмъ, профессоръ. — Вып. II, стр. 476.—Вып. III, стр. 121.

Норменъ, О., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 200.

Нотбекъ, финляндскій фабрикантъ.—Вып. II, стр. 534.

Digitized by Google

Нотовичъ, издатель *Новостей*.—Вып. I, стр. XI, 8, 90, 365, 366, 560, 561, 628, 633, 634.—Вып. II, стр. 35, 109, 112.

Ночито, итальянскій профессоръ.—Вып. I, стр. 432.

Нюбергъ, Карлъ-Августъ, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 265.—Вып. II, стр. 120, 275, 276, 582.—Вып. III, стр. 158.

Нюбергъ, дѣвица.—Вып. III, стр. 110.

Нюкопъ, А., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 200, 232.

Нюстенъ, В., финляндскій судья (потомъ сенаторъ).—Вып. II, стр. 582.—Вып. III, стр. 92.

Нюстремъ, гельсингфорсская дама.—Вып. III, стр. 110.

—

Однеръ, шведскій историкъ.—Вып. I, стр. 320.

Океръ-Бломъ, генералъ отъ инфантеріи, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 59.—Вып. II, стр. 120, 195, 224, 239.

Окуловъ, православный священникъ въ финляндскомъ городѣ Сердоболѣ—Вып. III, стр. 166.

Олафъ, король Норвежскій.—Вып. I, стр. 121.

Ольденбургскій, принцъ.—Вып. I, стр. 179.

Оманъ, гельсингфорсская дама.—Вып. III. стр. 110.

Ординъ, Кесарь Филипповичъ.—Вып. I, стр. VIII, 24, 25, 27, 28, 31, 33, 35—40, 55, 104, 110, 127, 128, 132, 147, 153—156, 164, 189—191, 250, 300, 326, 327, 331, 338, 340, 349—351, 385, 386, 431, 459, 554, 555, 561, 573, 575, 577—579, 582—585, 590, 591, 626, 630.—Вып. II, стр. 17, 25, 163, 164, 165, 213—216, 231, 234, 261, 305, 308, 309, 312, 325—329, 415, 426, 463, 464, 472, 474, 477, 478, 481, 500.—Вып. III, стр. 31, 53, 122—125, 147, 237, 273, 277, 283, 297, 345—347, 358, 363.

Орликъ, В. Я.—Вып. III, стр. 58.

Орловъ-Давыдовъ, графъ.—Вып. III, стр. 58.

Орлова-Давыдова, М. В., графиня.—Вып. III, стр. 288.

Орловъ-Денисовъ, русскій военачальникъ.—Вып. I, стр. 124.

Оскаръ II, король Шведскій.—Вып. I, стр. 405, 406.—Вып. II, стр. 37, 72.

—

Павелъ Александровичъ, Великій Князь.—Вып. I, стр. 351.

Павелъ I Петровичъ, императоръ.—Вып. II, стр. 418.

Палимпсестовъ, И.—Вып. III, стр. 77.

Палинъ, генералъ-майоръ, Нюландскій губернаторъ.—Вып. II, стр. 384.—Вып. III, стр. 110.

Палинъ, гельсингфорсская дама.—Вып. III, стр. 110.

Пальменъ, Іоганнъ-Филиппъ, баронъ, бывшій профессоръ, вице-предсѣдатель Судебнаго Департамента Финляндскаго Сената.—Вып. I, стр. 72, 200, 265, 311.—Вып. II, стр. 26, 275, 276, 367, 500.—Вып. III, стр. 108—109, 157, 234.

Пальменъ, Э. Г., финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 233, 298—300, 366, 368, 582.

Пальменъ, гельсингфорсская дама.—Вып. III, стр. 110.

Пальмротъ, исправляющій должность финляндскаго министра-статсъ-секретаря.—Вып. I, стр. 200, 201, 241.

Пальмшерна, шведскій военный министръ.—Вып. II, стр. 560.

Паціусъ, финляндскій композиторъ.—Вып. II, стр. 422.—Вып. III, стр. 295.

Пергаментъ, М., русскій ученый.—Вып. III, стр. 131, 284—285.

Петровскій, С. А., издатель *Московскихъ Вѣдомостей*.—Вып. I, стр. III, VI, 281, 359.—Вып. II, стр. 217.—Вып. III, стр. IV, 191.

Петровъ, М. (псевдонимъ).—Вып. I, стр. IX, XI, XIII, 228, 357, 358, 397, 404, 553, 577.

Петровъ, генералъ.—Вып. III, стр. 51.

Петръ, Апостолъ.—Вып. II, стр. 393.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ.—Вып. I, стр. 25, 30, 40, 41, 122, 324, 416, 437.—Вып. II, стр. 332, 394, 410, 418, 500, 530, 549, 602—603.—Вып. III, стр. 149, 158, 238.

Пехконенъ, представитель гельсингфорсскаго „Общества Рабочихъ“.—Вып. I, стр. 348.

Піести, членъ Финляндскаго Сейма.—Вып. III, стр. 110.

Пиппингъ, І. Ф., референдарій-секре-

Digitized by Google

тарь Финляндскаго Сената. — Вып. I, стр. 232.

Платонъ, греческій философъ.—Вып. II, стр. 309.

Плеве, В. К., государственный секретарь.—Вып. III, стр. 265.

Побѣдоносцевъ, К. П., оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.—Вып. III, стр. 34.

Подобѣдова.—Вып. III, стр. 288.

Пожидаевъ, Н. Л — Вып. III, стр. 288.

Поляковъ, А. Н.—Вып. III, стр. 288.

Порфекъ, адъютантъ въ русской службѣ.—Вып. III, стр. 40.

Поповъ, М. Е.—Вып. III, стр. 58.

Поповъ, Р. С.—Вып. III, стр. 73—74, 76.

Прокопе, В., генералъ-лейтенантъ, финляндскій сенаторъ, потомъ товарищъ финляндскаго министра-статсъ-секретаря.—Вып I, стр. 265. - Вып. II, стр. 189, 194, 274, 420, 451, 582.—Вып. III, стр. 262.

Прокофьевъ, В. Т.—Вып. III, стр. 288.

Протасовъ-Бахметьевъ, графъ, главноуправляющій Собственною Его Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи. — Вып. II, стр. 327.

Путята.—Вып. I, стр. 72.

Пушкинъ, А. С., русскій поэтъ.—Вып. I, стр. 612.—Вып. III, стр. 294.

Пфалеръ, членъ городскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ 1894 года.—Вып. III, стр. 4.

Пяйвяринта, финскій писатель, депутатъ на Финляндскомъ Сеймѣ. — Вып. II, стр. 58.

—

Радонежскій, педагогъ.—Вып. I, стр. 324.

Ребиндеръ, Іоганъ-Рейгольдъ.—Вып. III, стр. 273.

Ребиндеръ, Робертъ-Генрикъ, финляндскій министръ-статсъ-секретарь.—Вып. I, стр. IX, 38, 48, 54, 58, 59, 132, 184, 185, 212, 222, 230, 231, 437.—Вып. II, стр. 8, 117, 154, 332, 492, 586, 587.—Вып. III, стр. 36, 149, 215—216, 257, 276—278.

Редигеръ, А., русскій профессоръ.—Вып, III, стр. 68—69.

Ренваль, Т. Т., докторъ богословія, Або̀скій архіепископъ, тальманъ духовнаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. I, стр. X, 259—261.—Вып. II, стр. 27, 30, 56, 213. — Вып. III, стр. 6, 107, 109.

Ренвальдъ, генералъ. — Вып. I, стр. 152.

Репнинъ, князь.—Вып. II, стр. 418.

Рейнъ, Т., ректоръ Гельсингфорсскаго университета.—Вып. I, стр. 152.—Вып. II, стр. 254, 314, 315, 368, 581.—Вып. III, стр. 92, 110, 114, 123.

Рейтернъ, министръ Финансовъ. — Вып. I, стр. 247.

Рейтеръ, финляндскій ученый.—Вып. II, стр. 369.

Рейтеръ, повѣренный акціонернаго Общества издающаго газету ***Nya Pressen***. - Вып. II, стр. 69.

Рейтеръ, составитель путеводителя по Финляндіи на французскомъ языкѣ.—Вып. II, стр. 535, 544.

Реландеръ, финляндскій чиновникъ.—Вып. III, стр. 160—161.

Ринкевичъ, писатель. - Вып. I, стр. 10.

Риггенбахъ, Dr. Швейцарецъ.—Вып. I, стр. 392.

Розановъ, протоіерей, настоятель Воскресенскаго (Смольнаго) собора. — Вып. II, стр. 327.

Розенгеймъ, В. И —Вып. III, стр. 288.

Рожинскій.—Вып. I, стр. 330.

Рокасовскій, баронъ, Платонъ Ивановичъ, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Вып. I, стр. 45, 70, 71, 104—108, 136, 138, 241, 625.—Вып. II, стр. 155, 159, 188, 261, 487—489.—Вып. III, стр. 29, 144, 304—305.

Росенборгъ, І. В., финляндскій профессоръ.—Вып. III, стр., 122, 273.

Рошфуко, французскій писатель.—Вып. II, стр. 50.

Руинъ, финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 368.

Румянцевъ, графъ, канцлеръ.—Вып. I, стр. 51, 58.—Вып. III, стр. 277.

Рунебергъ, финляндскій поэтъ. — Вып. I, стр. 325, 346, 458.—Вып. II, 1тр. 198, 244, 259, 268, 271, 272, 418, с19, 421 — 424, 427 — 429, 433, 434, 448, 512, 524.—Вып. III, стр. 100, 104, 193—194, 296.

Рунебергъ, финляндскій скульпторъ (сынъ поэта).—Вып. II, стр. 524.—Вып. III, стр. 98, 109, 110.

Рунебергъ, предсѣдатель городскихъ

Digitized by Google

уполномоченныхъ въ Гельсингфорсѣ.— Вып. I, стр. 382.—Вып. III, стр. 194.

Рунебергъ, гельсингфорская дама.— Вып. III, стр. 110.

Рѣзвой, Н. Т.—Вып. III, стр. 288.

Рябининъ, корреспондентъ *Новостей*.— Вып. I, стр. 10, 11.

—

Савоніусъ, полковникъ.— Вып. III, стр. 110.

Савурскій, генералъ - лейтенантъ.— Вып. II, стр. 327.

Салтыковъ, графъ, товарищъ министра Иностранный Дѣлъ.— Вып. I, стр. 58.

Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ.—Вып. I, стр. 223, 587, 624.—Вып. II, стр. 4.— Вып. III, стр. 81, 282.

Сандельсъ, Самуилъ-Августъ, генералъ.- Вып. I, стр. 9—11. Вып. II, стр. 422.

Сандманъ, Джонъ, членъ Вазаскаго (Николайстадскаго) гофгерихта.—Вып. I, стр. 374.

Сахаровъ, А. А., православный священникъ церкви военнаго вѣдомства въ Тавастусѣ.—Вып. II, стр. 545—547.

Седергіельмъ, финдляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 368.

Сетеле, финляндскій профессоръ.— Вып. II, стр. 368.

Сетеле, гельсингфорсская дама. — Вып. III, стр. 110.

Свебеліусъ, Олофъ, шведскій архіепископъ.—Вып. II, стр. 461.

Сверчковъ, художникъ.—Вып. II, стр. 532.

Седергольмъ, Карлъ - Адольфъ - Теодоръ, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 265.—Вып. II, стр. 275, 276, 582.—Выв. III, стр. 157.

Семеновъ, надворный совѣтникъ, профессоръ Гельсингфорсскаго Университета.—Вып. II, стр. 368.—Вып. III, стр. 288.

Семеновъ, П., редакторъ *Живописной Россіи*.—Вып. III, стр. 50, 196.

Сементковскій, русскій публицистъ.— Вып. III, стр. 297.

Сергій, Преподобный, основатель Валаамскаго монастыря.—Вып. I, стр. 416, 438.—Вып. II, стр. 594.—Вып. III, стр. 58, 71.

Сергіевъ, I, протоіерей.—Вып. III, стр. 288.

Сидоровъ, гельсингфорсскій купецъ.— Вып. II, стр. 330.

Сикорскій, препод. русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ.—Вып. III, стр. 90.

Си(ю)ннербергъ, генералъ-маіоръ. — Вып. III, стр. 109, 254.

Сильвергельмъ, баронъ.— Вып. III, стр. 109.

Скальковскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ.—Вып. I, стр. 158.

Скобелевъ, генералъ.—Вып. I, стр. 75.

Скопинъ-Шуйскій, князь Михаилъ Васильевичъ.—Вып. I, стр. 330.

Скорупо, русскій лейтенантъ флота.— Вып. II, стр. 566.

Слотте, К. І., старшій засѣдатель уѣзднаго суда, тальманъ крестьянскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.— Вып. I, стр. 259, 260.—Вып. II, стр, 27, 30, 57.

Смирновъ, И.—Вып. III, стр. 288.

Смирновъ, А.—Вып. III, стр. 288.

Снельманъ, І., финляндскій публицистъ, профессоръ и сенаторъ.—Вып. II, стр. 244, 252, 254.—Вып. III, стр. 103, 125, 195, 355.

Сойни, В., финляндскій магистръ.— Вып. III, 194, 195.

Сокольскій, русскій юристъ.—Вып. III, стр. 286.

Сократъ. греческій философъ —Вып. II, стр 309.

Солдатенковъ, К Т —Вып. III, стр. 58

Соловьевъ, С М., историкъ —Вып. I, стр 156, 330.

Соловьевъ, экспертъ при Кронштадтскомъ военно морскомъ судѣ —Вып I, стр. 278.

Сольманъ, Іоганъ-Густавъ финляндскій сенаторъ —Вып I, стр 72, 265.— Вып. II, стр. 274—276, 582.—Вып. III, 158, 198.

Сольстремъ, дирижеръ гельсингфорсскихъ „Веселыхъ Музыкантовъ“. — Вып. I, стр 364 —Вып II, стр. 24.

Сперанскій, графъ М. М., финляндскій статсъ-секретарь —Вып I, стр. 36, 54, 56 58—60, 86, 103, 164, 165, 170.— Вып II, стр 117. 153, 186. 234, 278, 331, 332, 585. 588. 596 597—600.—

Digitized by Google

Вып. III, стр. 81, 150, 214—215, 234, 275, 283.

Спицынъ, русскій капитанъ 2-го ранга.—Вып. II, стр 566

Спренгтпортенъ, графъ, Георгъ-Магнусъ, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Вып I, стр. 39, 48 55. 132, 138, 155, 164, 197, 327, 434 522 — Вып. II, стр. 8, 98, 186, 254, 561. — Вып. III, стр 40, 81. 130, 148, 297.

Стааль, русскій посолъ въ Лондонѣ.—Вып. III, стр. 346.

Стадіонъ, графъ, австрійскій министръ.—Вып. I, стр. 562.

Стамбуловъ, глава болгарскаго лжеправительства.—Вып I, стр. 606.—Вып. III, стр 309, 324.

Стандершельдъ, финляндскій помѣщикъ-милліонеръ, бывшій полковникъ русской службы.—Вып. II, стр. 542, 541.

Старкампъ, финляндскій столяръ.—Вып. II, стр. 566.

Стасюлевичъ, издатель *Вѣстника Европы*.—Вып. I, стр. 579.

Стединга, баронъ, уполномоченный Швеціи при заключеніи Фридрихсгамскаго договора.—Вып. III, стр 277.

Стеенъ, ректоръ, премьеръ Норвежскаго министерства.—Вып. II, стр. 71-72, 128.

Стенбекъ, финляндскій пробстъ (пасторъ).—Вып. II, стр. 28.

Стенбергъ, городской фискалъ въ Коткѣ —Вып. II, стр. 566.

Стенротъ, финляндскій кандидатъ правъ.—Вып. II, стр. 369.

Стенротъ, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 25.

Степановъ, В., тайный совѣтникъ, членъ Комитета по Финляндскимъ Дѣламъ.—Вып. II, стр. 155, 463, 464, 473.

Стеркъ, и К°, банкирская фирма. — Вып. I, стр. 48.

Стояновскій, Н. И., дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта.—Вып. I, стр. 381. — Вып. II, стр. 327

Страндманъ, финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 368.

Стренгъ, Эмиль, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 265.—Вып. II, стр. 28. 31, 275, 276, 572, 583.—Вып. III, стр. 157.

Сувандеръ, Г. І., финляндскій писатель —Вып. III, стр. 123.

Суворинъ, издатель *Новаго Времени*.—Вып. II, стр. 510.—Вып. III, стр. 325, 333.

Суворовъ-Рымникскій, графъ А. В., князь Италійскій. — Вып. II, стр. 4

Сухтеленъ, графъ.—Вып. III, стр. 144.

Сысоевъ, Евграфъ, надворный совѣтникъ, переводчикъ.—Вып. I, стр. 197.

—

Тавастъ, Магнусъ, финляндскій епископъ —Вып II, стр. 532.

Таганцевъ, Н. С., сенаторъ и профессоръ.—Вып I, стр. 556, 569.—Вып. II, стр 41—44, 47, 106, 163, 169, 171, 175, 177, 347, 350, 354, 357, 415, 416, 465, 466. 472, 475, 583.—Вып. III, стр. 10, 19, 125, 191, 297.

Тальквистъ, финляндскій профессоръ —Вып. II, стр. 369.

Тальквистъ, финляндскій оберъ-инженеръ.—Вып. II, стр. 390.

Тегнеръ, шведскій профессоръ —Вып. I стр. 623.

Тенгстремъ, епископъ Абоскій.—Вып. I, стр. 110, 123, 555.

Тиленъ, Ѳ., финляндскій сенаторъ.—Вып. I стр. 200, 232.

Тилло, Альфредъ Э., финляндскій чиновникъ.—Вып I, стр. 484.

Тимирязевъ, д. ст. совѣтникъ.—Вып. I, стр. 157.

Тогенгренъ, Эрнстъ, членъ Вазаскаго (Николайстадскаго) гофгерихта.—Вып. I, стр. 374.

Толоненъ, Тахво (Степанъ), финляндскій купецъ.—Вып. II. стр. 132, 133, 140.

Топеліусъ, финляндскій педагогъ и писатель.—Вып. I, стр. 3,22 324—326, 330, 576.—Вып. III, стр. 121, 153, 314.

Топеліусъ, дѣвица. — Вып. III, стр. 110.

Тотлебенъ, генералъ.—Вып. I, стр. 231.

Торкель-Кнутсонъ, шведскій военачальникъ основатель Выборга.—Вып. II, стр. 515.

фонъ-Транзе, русскій лейтенантъ флота.—Вып. II, стр. 566.

Трачъ, священникъ церкви гор Щербешина.—Вып. II, стр. 593.

Digitized by Google

фонъ-Троиль, Густавъ-Аксель-Самуилъ, баронъ, Або-Бьернеборгскій губернаторъ, потомъ финляндскій сенаторъ, начальникъ Гражданской Экспедиціи.—Вып. II, стр. 274, 276.—Вып. III, стр. 158.

фонъ-Троиль, С. В., баронъ, вице-предсѣдатель Хозяйственнаго Департамента Финляндскаго Сената.— Вып. I, стр. 72, 265 – Вып II, стр 241—243, 273, 582.

Троицкій, православный священникъ въ Гельсингфорсѣ.—Вып. III, стр. 316.

Тудеръ, Карлъ, начальникъ Гражданской Экспедиціи, потомъ вице предсѣдатель Хозяйственнаго Департамента Финляндскаго Сената - Вып I, стр 74, 158, 265, 418 — Вып. II, стр. 80, 273—276 – Вып. III, стр 88, 109, 157.

Тудеръ, финляндскій профессоръ. — Вып II, стр. 368.

Тудерусъ, комайдиръ округа финскихъ резервныхъ войскъ —Вып II, стр. 387.

Тучковъ, генералъ.—Вып. I, стр. 9, 10, 124, 327.—Вып. II, стр. 422.

—

Уггла, А., финляндскій капельмейстеръ.—Вып. I, стр. 348.

Угласъ. графъ, шведскій министръ — Вып III, стр. 38—39.

Уварова, графиня П С. — Вып. I, стр. 188—190, 192, 351.

Украинцевъ (фонъ-Ѳедоровъ), Александръ Михайловичъ, самозванный корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*.—Вып. II, стр. 345, 358—360

Ульманъ, членъ Норвежскаго стортинга.—Вып. II, стр 128

Урсинъ, финляндскій чиновникъ. Вып. II, стр. 390.

—

Фавенъ, лекторъ въ Гельсингфорсскомъ университетѣ.—Вып. II, стр. 368.

Фаландеръ, шведскій военачальникъ — Вып. I, стр. 10—Вып II, стр. 422

Фелькерзамъ, камандиръ русскаго военнаго судна.— Вып. II, стр. 565, 566.

Фельманъ, Нильсъ-Исаакъ, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 265.—Вып II, стр. 275, 581.—Вып. III, стр. 92, 157.

Фердинандъ II, императоръ Германскій (Габсбургъ).—Вып. II, стр. 298.

Фердинандъ, принцъ Кобургскій, князь Болгарскій.—Вып. I, стр. 606.

Ферлингъ, финляндскій магистръ.—Вып. I, стр 11.

Филипповъ, Т. И., государственный контролеръ.—Вып. I, стр. 362.

Филиппъ II, король Испанскій.—Вып. II, стр. 298.

Флеммингъ, шведскій губернаторъ Финляндіи.—Вып. II, стр. 523.

Флорель, лекторъ Финляндскаго университета.—Вып. II, стр. 369.

авъ-Форселлесъ Э. Г., генералъ-отъ-артиллеріи, помощникъ финляндскаго генералъ-губернатора, финляндскій сенаторъ.—Вып I, стр. 200, 232.—Вып. II, стр. 68, 69, 189, 452.

Форсманъ, финляндскій профессоръ.—Вып. I, стр. 383.—Вып. II, стр. 231, 368.

Форсманъ, Э., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 38, 200, 232.

Фойницкій, „иностранный членъ" Тюремнаго Конгресса въ Петербургѣ. — Вып. I, стр 383.

Фразеръ, Георгій, капитанъ.—Вып. I, стр. 401.—Вып. II, стр. 160, 231, 271, 272.

Франценгейзеръ, майоръ, цензоръ. — Вып. I стр. 418.

Френкель, А., магистръ, издатель газеты *Hufvudstadsbladet*.—Вып. I, стр. 418.—Вып. II, стр. 30, 79, 304, 315, 441.

Фреуденталь, финляндскій профессоръ. Вып. II, стр. 368.

Фреуденталь, урожденная Винбергъ, гельсингфорсская лектриса.—Вып. II, стр. 21, 22.

Фридрихъ Мекленбурскій, король Шведскій.—Вып. I, стр. 88.

Фридрихъ II, король Прусскій.—Вып. III, стр. 40.

Фришъ, Э. В., главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ.—Вып. I, стр. 601.—Вып. II, стр. 169, 347, 582.—Вып. III, стр. 10, 262.

авъ Фростерусъ, Ш. Э., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 265.

Фруельмъ, К., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 200.

Фруельмъ, Викторъ, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 500.

Digitized by Google

Фуруельмъ, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 18, 340.

—

Хааянэнъ, Р., финляндскій крестьянинъ.—Вып. II, стр. 451.

Харитоновъ, И. А., чиновникъ Кодификаціоннаго Отдѣла Государственнаго Совѣта.—Вып. II, стр. 19, 582.

Хаусенъ, финляндскій „государственный архиваріусъ".—Вып. III, стр. 306, 311, 314.

Хвостовъ, А. А., чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ Юстиціи. — Вып. II, стр. 19, 582.

Хеккертъ, Германъ, начальникъ финляндскаго таможеннаго вѣдомства. — Вып. I, стр. 289, 400.

Хисингеръ, баронъ Э., членъ Финляндскаго Сейма. —Вып. II, стр. 177, 192, 193·—Вып. III, стр. 193.

Хмельницкій, Богданъ.—Вып. I, стр. 223.

Хольмгренъ, шведскій профессоръ.— Вып. III, стр. 193.

Хорнборгъ, Николай - Константинъ, финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 72, 265.—Вып. II, стр. 275.—Вып. III, стр. 157.

Христіерсонъ, референдарій - секретарь.— Вып. I, стр. 400.

Христоферъ Датскій, король Шведскій.—Вып. I, стр. 88.

Хугбергъ, Свенъ-Вильгельмъ, финляндскій сенаторъ. — Вып. I, стр. 399. — Вып. II, стр. 137, 275, 276.—Вып. III, стр. 157.

Худынцевъ, А. Ф., подполковникъ флотскихъ штурмановъ.—Вып. I, стр. 277—280.

—

Цвейгбергкъ, О., шведскій писатель.— Вып. III, стр. 291—293, 309, 310.

Циденъ, шведскій офицеръ.—Вып. II, стр. 422.

Цилліакусъ, В., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 232.

Цитовичъ, Павелъ, православный священникъ военно-лазаретной церкви въ Гельсингфорсѣ.—Вып. II, стр. 39, 219.

—

Чернышевъ, Григорій, полковникъ, выборгскій комендантъ.—Вып. II, стр. 418.

Чиденіусъ, финляндскій профессоръ.— Вып. II, стр. 368.

Чиденіусъ, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 94.

Чистовичъ, русскій историкъ.—Вып. III, стр. 53.

Чичеринъ, русскій ученый.—Вып. III, стр. 123.

Чичаговъ, адмиралъ.—Вып. I, стр. 122.

Чумиковъ, А. А., русскій ученый.— Вып. II, стр 417.—Вып. III, стр. 152.

Чуйко, русскій писатель. — Вып. II, стр. 272.

—

Шангъ, премьеръ Норвежскаго министерства.—Вып. II, стр. 71.

фонъ-Шанцъ, общинный совѣтникъ округа Каугаіоки.—Вып. II, стр. 139.

Шафровъ, Н.,—Вып. III, стр. 288.

Шауманъ, А., финляндскій писатель.— Вып. III, стр. 314.

Шауманъ, Б., членъ дворянскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ.—Вып. II, стр. 178.

Шауманъ, В., генералъ майоръ, начальникъ штаба финскихъ войскъ.— Вып. II, стр. 467, 512.

Шеле, предсѣдатель общества шведскихъ студентовъ.—Вып. III, стр. 194.

Шереметевъ, графъ.—Вып. III, стр. 163, 188.

Шёрнваль, Карлъ.—Вып. III, стр. 151.

Шернваль, Фридрихъ.—Вып. III, стр. 151.

Шерваль-Валленъ, баронъ К. К. Э., финляндскій министръ - статсъ - секретарь.—Вып. I, стр. XII, 241, 491, 526.— Вып. III, стр. 210, 349.

Шестаковъ, адмиралъ.—Вып. III, стр. 44.

Шибергсонъ, финляндскій профессоръ. Вып. II, стр. 368, 585, 586, 596, 599.— Вып. III, стр. 126, 296—297, 303.

Ширинскій-Шихматовъ, князь. —Вып. II, стр. 282.

Шильдъ, „банковый уполномоченный" Финляндскаго Сейма. —Вып. II, стр. 323.

Ширренъ, дерптскій профессоръ.— Вып. I, стр. 54.

Штейнгель, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Вып. I, стр. 86, 586. — Вып. III, стр. 28.

Шуваловъ, графъ, русскій посолъ въ Берлинѣ.—Вып. III, стр. 138—139.

—

Digitized by Google

Эдельфельтъ, А., финляндскій художникъ.—Вып. II, стр. 426, 428 — 430, 523, 524.

Эймелеусъ, референдарій секретарь Финляндскаго Сената.—Вып. III, стр. 328.

Эккартъ, Юлій, балтійскій публицистъ.—Вып. I, стр. 54.

Эльвингъ, членъ Финляндскаго Сейма 1894 года.—Вып. III, стр. 9, 111, 115.

Эманъ, гельсингфорсскій бургомистръ.—Вып. I, стр. 382. — Вып. II, стр. 31.

Эминъ, д. ст. совѣтникъ, губернаторъ выборгскій.—Вып. I, стр. 328.—Вып III, стр. 150

Энгельманъ, дерптскій профессоръ.—Вып. II, стр. 262, 263.

Энебергъ, Вальдемаръ, директоръ финляндскаго банка, вице-тальманъ сословія горожанъ на Финляндскомъ Сеймѣ, а потомъ финляндскій сенаторъ.—Вып. II, стр. 27, 274—276.—Вып. III, стр 23, 158, 328, 369.

Эрбетть, французскій делегатъ на Тюремномъ Конгрессѣ въ Петербургѣ —Вып. I. стр. 381.

Эрвастъ, финляндскій публицистъ.—Вып. II, стр. 136, 446 —Вып. III, стр. 144.

Эренсвердъ, шведскій военачальникъ, строитель Свеаборгской крѣпости.—Вып. II, стр. 522.

Эренстремъ, Іоаннъ-Альбертъ, шведско-финляндскій чиновникъ, авторъ „Записокъ“.—Вып. III, стр. 36—41.

Эрихъ Померанскій, король Шведскій.—Вып. I, стр. 88.

Эрикъ IX Святой, король Шведскій.—Вып. II стр. 531.

Эрикъ XIV, король Шведскій.=Вып. II, стр. 532.

Эркко, Э., редакторъ газеты *Päivälehti*.—Вып. II, стр. 314, 315, 322, 383, 441.

Эрнротъ, К., генералъ, финляндскій министръ-статсъ-секретарь. — Вып. I, стр. XI, 56, 151, 427, 428, 518, 598, 604.—Вып. II, стр. 58, 119, 120, 124, 169, 175, 189, 248, 493.—Вып. III, стр. 190.

Эрнстремъ, Вып. I, стр. 220.

Эрнстремъ, финляндскій чиновникъ.—Вып. II, стр. 140.

Эрстремъ, Г., финляндскій сенаторъ.—Вып. I, стр. 200.

Эттеръ, финляндскій чиновникъ при статсъ-секретаріатѣ —Вып. II, стр. 106.

Эстландеръ, финляндскій профессоръ.—Вып. II, стр. 368.

Эстландеръ, дѣвица.—Вып. III, стр. 110.

—

Юллингъ, см. Гюллингъ.

Юрій Даніиловичъ, князь.—Вып. I, стр. 42.

Юселіусъ, членъ Финляндскаго Сейма.—Вып. II, стр. 172.

—

Якубовъ, А. И., православный священникъ перваго похоннаго причта въ Финляндіи, а потомъ настоятель храма въ гор. Ганге —Вып. II, стр. 545—547. Вып. III, стр. 288, 361.

Якубовъ, К. И., преподаватель русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ.—Вып. II, стр. 555, 582.—Вып. III, стр. VIII—XII, 34, 115 181, 288, 370, 374.

Янсенъ, Іоганъ-Вальдемаръ, редакторъ газеты *Эсти-Постимесь*. —Вып. II, стр. 11.

Янсонъ, членъ бюргерскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ. — Вып. II, стр. 105.

Ярославъ Всеволодовичъ, князь Новгородскій.—Вып. I, стр. 437.—Вып. II, стр. 417.

Ярославъ Мудрый, великій князь — Вып. I, стр. 121.

—

фонъ-Ѳедоровъ-Украинцевъ, Александръ Михайловичъ, самозванный корреспондентъ, сотрудникъ и помощникъ редактора *Русскихъ Вѣдомостей*.—Вып. II, стр. 345, 358—360.

Ѳедоровъ, А. И.—Вып. III, стр. 288.

Ѳедоръ Іонновичъ, царь — Вып. I, стр. 42, 121, 437.

Ѳедотовъ, составитель „Путеводителя по Финляндіи“.—Вып. II, стр. 516, 535.

Digitized by Google

Digitized by Google

1894 годъ.

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЙ СЕЙМЪ 1894 ГОДА.

Письма изъ Гельсингфорса.

I. *

Въ понедѣльникъ, 10 января, собрался здѣсь опять, послѣ трехлѣтняго промежутка, Финляндскій Сеймъ. Настоящій Сеймъ является десятымъ со времени присоединенія края къ Россіи и заведенія въ немъ особыхъ сеймовъ. **

Первые дни послѣ созванія до торжественнаго открытія Сейма, состоявшагося сегодня, 14 января, прошли, по принятому обычаю, въ разныхъ церемоніяхъ и формальностяхъ, въ родѣ провѣрки полномочій, торжественнаго принесенія присяги предводителями сословій, въ присутствіи генералъ-губернатора и членовъ Финляндскаго Сената и т. п.

Первыя предварительныя засѣданія Сейма происходили 12 и 13 января. Они посвящены были главнымъ образомъ привѣтственнымъ рѣчамъ предводителей сословій и депутацій, являвшихся въ каждое сословіе отъ прочихъ сословій Сейма. Въ этихъ привѣтственныхъ рѣчахъ уже обнаружились первыя политическія выходки, какими несомнѣнно весьма богато будетъ нынѣшнее собраніе финляндскихъ земцевъ. Такъ, напримѣръ, предводитель бюргерскаго сословія *Куртенъ* распространился на тему о томъ, что нынѣшніе Сеймъ собрался де „при далеко не свѣтлыхъ видахъ на будущее“. „Напротивъ“, говорилъ онъ, „для каждаго изъ насъ будущее отечества представляется покрытымъ тучами и полнымъ опасеній.“

Предводитель крестьянскаго сословія, *Вэрри*, въ своей рѣчи сравнилъ Финляндцевъ съ избраннымъ народомъ Господнимъ, Израилемъ. „Какъ только народъ Господень, Израиль“, говорилъ онъ, „переставалъ признавать Господа своимъ Богомъ и обращался къ ложнымъ богамъ, то ему приходилось склонять свою выю подъ игомъ угнетателей. Финляндцы тоже должны усвоить себѣ эту истину и, поскольку они будутъ твердо держаться ея, постольку

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 18, отъ 18 января.

** При шведскомъ владычествѣ въ Финляндіи, какъ извѣстно, никакихъ особыхъ сеймовъ не было. Императоръ Александръ I созвалъ, при покореніи края, пресловутый Боргоскій Сеймъ 1809 года; при императорѣ Николаѣ I никакихъ сеймовъ не созывалось; съ царствованія императора Александра II финляндскіе сеймы опять стали созываться и собирались въ 1863—1864, 1867, 1872, 1877—78, 1882, 1885, 1888 и 1891 годахъ.

Digitized by Google

ихъ существованіе будетъ обезпечено. Наша драгоцѣнная вѣра и наше конституціонное государственное устройство мы приняли какъ наслѣдіе отъ нашихъ отцовъ, дабы сохранять ихъ и развивать въ свѣтѣ высочайшей истины до совершеннѣйшей ясности во славу Божію и на пользу нашего любезнаго отечества."

При обмѣнѣ привѣтственныхъ депутацій между сословіями, предводитель депутаціи городскаго сословія, привѣтствовавшей духовное сословіе, г. *Пфалеръ*, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Настоящее время поистинѣ большія требованія предъявляетъ представителямъ Финляндскаго народа. Мрачныя тучи, затемнявшія нашъ политическій горизонтъ во время собранія послѣдняго Сейма, еще не разсѣялись; напротивъ, появились новыя грозныя тучи (?!), которыя когда угодно могутъ разразиться, угрожая при этомъ основамъ нашего государственнаго существованія (vår statliga tillvaro) такимъ же разрушеніемъ какое приноситъ градъ хлѣбнымъ всходамъ".

II. *

Въ пятницу, 14 января, состоялось, согласно утвержденному церемоніалу, торжественное открытіе Сейма въ Тронной залѣ Императорскаго дворца.

Открытію предшествовало богослуженіе въ лютеранской Николаевской киркѣ. Къ 11 часамъ утра въ кирку собрались члены Финляндскаго Сената, чиновники разныхъ финляндскихъ вѣдомствъ и избранная публика. Значительныя массы народа стояли на площади и на гранитныхъ ступеняхъ у входа въ кирку. Въ 11 часовъ прибыли въ процессіи, по два въ рядъ, члены всѣхъ четырехъ сословій Сейма. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ генералъ-губернаторъ, графъ Ѳ. Л. Гейденъ, и встрѣченъ былъ у дверей кирки Борго-скимъ (лютеранскимъ) епископомъ, въ сопровожденіи двухъ пасторовъ. Епископъ привѣтствовалъ генералъ-губернатора слѣдующимъ изреченіемъ изъ Св. Писанія:

„Господь Богъ нашъ да будетъ съ нами, какъ былъ Онъ съ нашими отцами, да не оставитъ насъ, да не покинетъ, наклоняя къ Себѣ сердце наше, чтобы мы ходили по всѣмъ путямъ Его и соблюдали заповѣди Его и уставы Его которые Онъ заповѣдалъ отцамъ нашимъ."

Во время богослуженія другой финляндскій епископъ сказалъ на финскомъ и шведскомъ языкахъ проповѣдь на текстъ изъ пророка Исаіи, гдѣ говорится, между прочимъ, что „рука Господня почіетъ на горѣ сей, и Моавъ будетъ попранъ на мѣстѣ своемъ, какъ попирается солома на навозѣ." **

Изъ кирки сословія Сейма, точно также въ процессіи, каждое со своимъ предводителемъ во главѣ, направились къ Императорскому Дворцу и размѣстились въ Тронной залѣ Дворца, на особыхъ возвышеніяхъ: дворянство и бюргеры по правую сторону, духовенство и крестьяне по лѣвую. На хорахъ залы помѣщалась допущенная туда по билетамъ и желавшая посмотрѣть на зрѣлище публика, преимущественно дамы. Въ Тронной залѣ должна была произойти самая церемонія открытія. По уставу Финляндскаго Сейма, а главнымъ образомъ по принятому обычаю,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 20, отъ 20 января.

* Финляндское лютеранское духовенство, принимая дѣятельное участіе въ мѣстной „политикѣ", любитъ подбирать тексты, болѣе или менѣе подходящіе, по его мнѣнію, къ политическимъ обстоятельствамъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 1890 года, когда изданъ былъ Высочайшій манифестъ о пріостановкѣ новаго финляндскаго Уголовнаго Уложенія, пасторамъ гельсингфорсскихъ кирокъ предложено было говорить проповѣди на текстъ гласящій что „мракъ объялъ народъ" и т. д. См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. I, стр. 599.—Подъ вліяніемъ, очевидно, проповѣдей пасторовъ, предводитель крестьянскаго сословія на нынѣшнемъ Сеймѣ сравнилъ, какъ сообщалось уже въ предыдущемъ письмѣ (см. выше, стр. 8), Финляндцевъ съ избраннымъ народомъ, Израилемъ, которому де угрожаютъ „угнетатели".

Digitized by Google

церемонія эта состоитъ въ томъ что генералъ-губернаторъ читаетъ „тронную рѣчь“ Монарха сословіямъ, а послѣднія, по очереди, отвѣчаютъ на нее, въ лицѣ своихъ предводителей, привѣтственными рѣчами. „Тронная рѣчь“ явилась на Финляндскихъ Сеймахъ, повидимому, для пущей важности въ видѣ подражанія „троннымъ рѣчамъ“ за границей; въ Сеймовомъ Уставѣ о ней ничего не говорится, а сказано только (§ 26) что „Государь Императоръ, или кто Имъ будетъ вмѣсто Себя назначенъ, привѣтствуетъ земскіе чины и объявляетъ Сеймъ открытымъ; послѣ чего сословія, каждое въ свою очередь, выражаютъ чрезъ ландмаршала (предводителя дворянскаго сословія) и тальмановъ (предводителей прочихъ сословій) свое вѣрноподданическое почтеніе.“

На прошломъ Финляндскомъ Сеймѣ 1891 года церемонія торжественнаго открытія, какъ извѣстно, подала поводъ вожакамъ господствовавшей на Сеймѣ сепаратисткой клики къ неумѣстной политической манифестаціи, обнаружившейся въ томъ что сословные предводители въ своихъ отвѣтныхъ рѣчахъ на тронную рѣчь выразили протестъ противъ объединенія финляндской почты съ общегосударственною и противъ другихъ объединительныхъ реформъ, ссылаясь при этомъ на господствующее будто бы среди населія „безпокойство“. Это вызвало извѣстный Высочайшій Рескриптъ 28 февраля 1891 года, въ которомъ указывалось на то что Финляндія состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, что дѣйствительно утвержденныхъ законовъ и привилегій она не будетъ лишена, и что цѣлію стремленій обывателей края должно быть не дальнѣйшее обособленіе, а скрѣпленіе государственныхъ узъ связующихъ Финляндію съ остальными частями Россіи *.

Судя по той чрезвычайно усердной и оживленной агитаціи какая производилась въ краѣ сепаратистскою кликой во время выборовъ въ нынѣшній Сеймъ, можно было ожидать что и теперь сословные предводители повторятъ нѣчто въ такомъ же родѣ. Особенно ревностно агитировали вожаки сепаратистской клики въ томъ смыслѣ чтобы Сеймъ заявилъ протестъ противъ находящихся въ настоящее время на разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ установленій въ Петербургѣ законопроектовъ, въ которыхъ точнѣе опредѣляются отношенія Финляндскаго края къ Имперіи и объемъ и значеніе такъ-называемыхъ „основныхъ“ финляндскихъ законовъ.

Церемонія открытія прошла на этотъ разъ, однако, безо всякихъ особенно рѣзкихъ выходокъ: большинство Сейма, повидимому, пока еще не безусловно поддается вліянію гг. Мехелина, Вейсенберга и братіи. *

По заявленіи церемоніймейстеромъ Сейма генералъ-губернатору о томъ, что сословія собрались въ Тронной залѣ, графъ Ѳ. Л. Гейденъ вошелъ туда въ сопровожденіи своего помощника, свиты и членовъ Финляндскаго Сената. Ставъ у ступеней трона, онъ прочиталъ по-русски тронную рѣчь. Въ ней обратило на себя особенное вниманіе то мѣсто, гдѣ говорится о передаваемомъ нынѣшнему Сейму проектѣ измѣненій въ новомъ финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи. О немъ говорится что онъ переданъ теперь Сейму „въ окончательной уже редакціи“, то-есть что никакихъ новыхъ измѣненій въ немъ Верховная Власть не намѣрена допускать, и что онъ будетъ изданъ именно въ такомъ видѣ. **

---

* См. *Фин. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 55—58, 83 и др.

* Къ сожалѣнію, это предположеніе не оправдалось на дѣлѣ: оказалось потомъ что большинство Сейма 1894 года не только поддалось вліянію сепаратистскихъ вожаковъ, но и пошло даже дальше, чѣмъ на Сеймѣ 1891 года, въ дерзостной оппозиціи Русской государственной власти и объединительнымъ мѣрамъ ея. См. объ этомъ въ этихъ же „Письмахъ изъ Гельсингфорса“ниже письмаVII—XI.

** Въ сепаратистскихъ кругахъ это мѣсто тронной рѣчи вызвало, повидимому, недовольство. Газета *Hufvudstadsbladet* сочла даже умѣстнымъ воспроизвести его въ фельетонной формѣ. Въ № 26 фельетонистъ этой газеты, оканчивая свой фельетонъ, заявляетъ что передаетъ его (то-есть фельетонъ) „въ окончательной уже редекціи“.

Digitized by Google

Затѣмъ послѣдовали привѣтственныя рѣчи сословныхъ предводителей. Въ нихъ на этотъ разъ, какъ уже сказано,* никакихъ протестовъ не выражалось, но нѣкоторые намеки на неудовольствіе противъ русской власти (не считающей возможнымъ признавать за Финляндіей права на „государственную конституцію“, и на „государственное существованіе“) все-таки есть.

III **

Въ дополненіе къ моей вчерашней корреспонденціи привожу „привѣтственныя рѣчи“ сословныхъ предводителей Сейма. Сперва выступилъ впередъ назначенный на этотъ Сеймъ ландмаршаломъ президентъ Абоскаго гофгерихта фонъ-Гелленсъ и, обратившись къ графу Ѳ. Л. Гейдену, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Высокоблагородный господинъ графъ! Рыцарство и дворянство Финляндіи, имѣя счастіе первымъ приблизиться къ трону Его Величества Императора и Великаго Князя, изъявляетъ здѣсь свое глубокое вѣрноподданническое почтеніе и проситъ ваше сіятельство повергнуть его предъ Его Императорскимъ Величествомъ.

„Среди тѣхъ многихъ народовъ которые подвластны могущественному скипетру Его Величества и образуютъ великое Русское государство, Финская нація составляетъ, правда, лишь малое число, но этотъ Финскій народъ, съ его крѣпко укорененнымъ уваженіемъ къ законамъ и почтеніемъ къ правительству, единодушенъ и силенъ въ подданнической вѣрности, въ истинно-нелицемѣрной преданности своему Августѣйшему Императору и Великому Князю, въ постоянномъ, непоколебимомъ упованіи на Его справедливость, великодушіе и благоволеніе, многія драгоцѣнныя доказательства котораго, полученныя имъ, онъ вспоминаетъ съ искреннею благодарностью. Проникнутый такими чувствами и полагаясь на неприкосновенность своихъ утвержденныхъ на всегдашнія (!) времена благородными Августѣйшими Монархами основныхъ (?) законовъ и учрежденій, содержаніе которыхъ цѣнится убѣжденіемъ народа и срослось въ его образѣ мыслей съ унаслѣдованнымъ отъ отцовъ, сообразнымъ съ законами, общественнымъ строемъ Финляндіи, — Финскій народъ знаетъ что никогда еще не обманывалъ великодушнаго довѣрія Монарха и не оставлялъ безъ исполненія своихъ вѣрноподданническихъ обязанностей; навѣрное и въ будущія времена онъ никогда этого не сдѣлаетъ. Съ самыми горячими, отъ сердца исходящими пожеланіями счастія и благополучія Его Величеству Императору и Великому Князю и Его Августѣйшей Фамиліи, рыцарство и дворянство соединяетъ всеподданнѣйшую надежду попрежнему пользоваться милостивымъ благоволеніемъ Его Императорскаго Величества.“

Предводитель духовнаго сословія, лютеранскій Абоскій архіепископъ Ренваль сказалъ:

„Ваше сіятельство! Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8 іюня 1893 года созвать сословія Финляндіи на Сеймъ.

„Представительство народное подвержено суду не только современниковъ, но и потомства. Это дѣлаетъ его задачу вдвойнѣ отвѣтственною и важною. Но бремя это въ существенной мѣрѣ облегчается, если народное представительство можетъ быть убѣждено въ томъ что милостивыя намѣренія возлюбленнаго Монарха по отношенію къ тому народу, который оно представляетъ, не требуютъ иного или бо́льшаго чѣмъ сообразное съ долгомъ и добросовѣстное исполненіе того что̀ ему надлежитъ по основнымъ законамъ страны.

„Духовное сословіе покорнѣйше проситъ ваше сіятельство выразить предъ Его Императорскимъ Величествомъ чувства непоколебимаго почтенія и вѣрности духовнаго сословія.“

Послѣ архіепископа Ренваля выступилъ предводитель бюргерскаго сословія, коммерціи совѣтникъ Куртенъ. По от-

---

* Вмѣсто того „протестъ“ былъ выраженъ Сеймомъ, какъ оказалось потомъ, въ видѣ „секретной петиціи.“

** *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 21, отъ 21 января.

Digitized by Google

зыву финляндскихъ газетъ (см. *Hufvudstadsbladet*, № 25) рѣчь его, произнесенная громкимъ голосомъ, „производила впечатлѣніе“ „прямотой и мужественнымъ содержаніемъ“. На Русскаго же нѣсколько вызывающій тонъ г. Куртена и не совсѣмъ приличная поза (онъ говорилъ держа руку за спиной) производила, напротивъ, далеко не пріятное впечатлѣніе. Вотъ его рѣчь:

„Господинъ графъ! Когда сословія Финляндіи опять, по призыву Его Величества, собираются на Сеймъ, то для бюргерскаго сословія составляетъ пріятную обязанность представить нашему возлюбленному Монарху увѣреніе въ нашей подданнической вѣрности и преданности.

„Въ теченіе трехлѣтія, протекшаго съ того времени какъ земскіе чины были послѣдній разъ въ сборѣ, Финляндіи пришлось пройти тяжелыя испытанія. Два года страна была постигаема неурожаями, изъ которыхъ неурожай 1892 года во многихъ мѣстностяхъ былъ столь силенъ что голодъ стоялъ у дверей. Благодаря энергичной помощи Его Величества и общимъ усиліямъ народа,* эта бѣда, однако, миновала, хотя послѣдствія ея, тяжелое экономическое разстройство у частныхъ лицъ и уменьшеніе дохода казны, еще остаются. Тяжесть испытаній увеличивалась тѣми заботами, которыя мучительно угнетали даже самаго незначительнаго гражданина, когда онъ узнавалъ, что часть печати и даже нѣкоторые ученые юристы въ Имперіи пытались возбудить сомнѣнія какъ относительно законности конституціи дарованной Финскому народу блаженной памяти императоромъ Александромъ I и подтвержденной и расширенной его благородными и славными преемниками, такъ и относительно вѣрности и честности народа (?). Финскій народъ сознаетъ, однако, что его вѣрность попрежнему, какъ и всегда до сихъ поръ, истинна и непоколюбима. Онъ знаетъ также что его право и благо имѣютъ лучшую защиту въ высокомъ чувствѣ справедливости Его Величества и Его неизмѣнномъ довѣріи къ Своему Финскому народу. Онъ ожидаетъ поэтому съ полною увѣренностью ненарушимаго соблюденія своихъ основныхъ законовъ. Одушевляемое этими чувствами, бюргерское сословіе выражаетъ свои искреннія благопожеланія счастія и благополучія Ихъ Величествамъ и всему Императорскому Дому.“

Предводитель крестьянскаго сословія, Верри, прочиталъ свою рѣчь по бумажкѣ, которую держалъ въ дрожащихъ рукахъ, по отзыву *Hufvudstadsbladet*, „слабымъ голосомъ и довольно безцвѣтно“. Рѣчь, очевидно, была ему продиктована вожаками, и поэтому его робость не удивительна. Онъ прочиталъ слѣдующее:

„Господинъ графъ! Собравшись у подножія трона, крестьянское сословіе проситъ дозволенія чрезъ васъ, господинъ графъ, изложить предъ Его Императорскимъ Величествомъ свои чувства подданнической вѣрности и неизмѣнной любви.

„Со времени послѣдняго Сейма положеніе земледѣльческаго населенія было тяжелѣе обыкновеннаго, такъ какъ въ продолженіе двухъ лѣтъ многія мѣстности нашей страны постигнуты были неурожаемъ. Но мужество народа не было сломлено, и нигдѣ отчаяніе не нашло себѣ доступа. Финскій народъ, въ теченіе столѣтій жившій подъ охраной законовъ, въ установленіи которыхъ онъ принималъ участіе на сеймахъ, привыкъ считать свой общественный порядокъ священнымъ, и будучи знакомъ съ завѣдываніемъ своими общинными дѣлами, онъ знаетъ, что совмѣстная работа согражданъ можетъ помочь тамъ, гдѣ силы отдѣльныхъ лицъ недостаточны. При этомъ народъ съ радостью признаетъ тѣ дѣятельныя мѣры которыя приняло Финляндское правительство Его Императорскаго Величества для облегченія нужды.

„Чаще чѣмъ обыкновенно, въ это послѣднее время мысли сельскихъ людей, въ промежутки между тяжелою работой, обращались къ общественнымъ дѣламъ нашей страны. Съ глубокою

---

* См. *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 2-й, статьи „Финляндцы и русская помощь голодающимъ въ Финляндіи“, стр. 440—447, „Русскія пожертвованія“, стр. 449.

Digitized by Google

благодарностью къ Богу сознаетъ нашъ народъ что милостивыя попеченія великодушныхъ монарховъ доставили жителямъ Финляндіи быстрое духовное и матеріальное развитіе. Возведеніе финскаго языка въ языкъ преподаванія, судопроизводства и въ официальный языкъ было мѣрой, которая уже сама по себѣ способна была привязать простой народъ крѣпкими узами любви къ своимъ Монархамъ. Высочайшее и священнѣйшее изъ правъ Финскаго народа есть, однакоже, утвержденное блаженной памяти императоромъ Александромъ I самоуправленіе для нашихъ внутреннихъ дѣлъ, которое всѣ его преемники поддерживали и охраняли. Въ нашихъ унаслѣдованныхъ отъ отцовъ и сообразованныхъ съ условіями страны и характеромъ народа основныхъ законахъ (?) крестьянское сословіе видитъ свое высочайшее земное благо, безъ котораго его существованіе не имѣло бы никакого прочнаго основанія. Поэтому населеніе вездѣ въ нашей странѣ съ напряженіемъ слѣдитъ за всякимъ проектомъ, касающимся этихъ законовъ и государственно-правовыхъ отношеній отечества."

IV *.

При торжественномъ открытіи Сейма, описанномъ въ предыдущихъ письмахъ, Сейму передано на обсужденіе только семь правительственныхъ предложеній; остальные законопроекты пока еще не вполнѣ готовы и будутъ переданы позднѣе.

Переданныя нынѣ правительственныя предложенія касаются слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исполненіи въ Финляндіи приговоровъ русскихъ судебныхъ установленій по тяжебнымъ дѣламъ; 2) о дѣленіи земельныхъ участковъ; 3) о разныхъ измѣненіяхъ въ пріостановленномъ (согласно Высочайшему Манифесту 1 декабря 1890 года) Уголовномъ Уложеніи для Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 декабря 1889 года и особомъ постановленіи отъ того же числа о приведеніи Уголовнаго Уложенія въ дѣйствіе; 4) проектъ новаго закона о взысканіяхъ; 5) объ основаніяхъ для исчисленія тулажнаго сбора; 6) о налогѣ взимаемомъ съ приготовленія водки, объ его употребленіи и распредѣленіи; 7) проектъ новаго закона объ акціонерныхъ обществахъ.

Съ точки зрѣнія русскихъ общегосударственныхъ интересовъ, особенно важное значеніе имѣютъ первое и третье предложенія — объ исполненіи приговоровъ русскихъ судовъ и объ измѣненіяхъ въ новомъ Уголовномъ Уложеніи. Оба эти вопроса уже обсуждались на послѣднемъ Финляндскомъ Сеймѣ 1891 года, но этотъ Сеймъ проектировалъ въ правительственныхъ законопроектахъ такія измѣненія которыя не удостоились Высочайшаго одобренія.

V. *

Упомянутыя въ предыдущемъ письмѣ правительственныя предложенія, объ исполненіи въ Финляндіи приговоровъ русскихъ судовъ по тяжебнымъ дѣламъ (безъ новаго разбирательства дѣла въ финляндскихъ судахъ) и объ измѣненіяхъ въ новомъ Финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи, подали уже на Сеймѣ поводъ къ нѣкоторымъ преніямъ и даже выходкамъ оппозиціоннаго характера при передачѣ этихъ предложеній въ сеймовую коммиссію.

Первое изъ этихъ предложеній во всемъ согласно съ законопроектомъ одобреннымъ на послѣднемъ Сеймѣ, за исключеніемъ только одного пункта, а именно: прошлый Сеймъ сдѣлалъ такую вставку въ правительственный законопроектъ: „Однакоже приведеніе въ исполненіе (приговоровъ русскихъ судовъ по тяжебнымъ дѣламъ) не можетъ быть допускаемо по отношенію къ финляндскому гражданину, если по финляндскимъ законамъ искъ къ нему долженъ быть предъявленъ въ финляндскомъ судѣ, и если онъ не являлся къ отвѣту по дѣлу, или не находился въ Имперіи во время разбирательства дѣла."

Этою прибавкой весь законопроектъ въ сущности сводился на ничто: стои-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 23, отъ 23 января.

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 23, отъ 23 января.

Digitized by Google

ло бы только, напримѣръ, Финляндцу, проживающему въ Петербургѣ и привлеченному къ суду за неуплату долга, уѣхать, по полученіи судебной повѣстки, на время разбирательства дѣла, въ Выборгъ,—и приговоръ петербургскаго суда уже не имѣлъ бы надъ нимъ никакой силы.

Министерство Юстиціи, на разсмотрѣніе котораго, по Высочайшему повелѣнію, переданъ былъ проектъ, не нашло возможнымъ, конечно, одобрить его въ такомъ видѣ; но, съ другой стороны, принимая во вниманіе что по общерусскимъ законамъ допускается въ тяжебныхъ дѣлахъ вызовъ въ судъ также по газетнымъ объявленіямъ (въ случаѣ если суду неизвѣстно мѣстожительство отвѣтчика), оно признало справедливымъ сдѣлать въ этомъ отношеніи исключеніе для Финляндцевъ и предложило, вмѣсто проектированной Сеймомъ вставки, слѣдующую прибавку: „Однакоже приведеніе въ исполненіе (русскихъ судебныхъ приговоровъ) не должно быть допускаемо по отношенію къ лицу проживающему въ Финляндіи, если вызовъ его въ судъ сдѣланъ чрезъ объявленія въ газетахъ, и если присемъ онъ ни лично, ни чрезъ повѣреннаго не являлся къ отвѣту."

Въ такомъ именно видѣ какъ проектировало Министерство Юстиціи и представленъ законопроектъ нынѣшнему Сейму. Въ трехъ сословіяхъ—дворянскомъ, духовномъ и крестьянскомъ—онъ переданъ безо всякихъ преній въ такъ-называемую коммиссію законовъ; въ бюргерскомъ же сословіи при передачѣ дѣла въ коммиссію выступилъ одинъ изъ членовъ сословія, депутатъ отъ города Гельсингфорса, г. Эльвингъ, съ рѣчью въ которой рѣзко порицалъ правительственное предложеніе и защищалъ вышеупомянутую вставку, сдѣланную на послѣднемъ Сеймѣ. Правительственное предложеніе произвело де на него непріятное впечатлѣніе. Вставка, предложенная на послѣднемъ Сеймѣ, измѣнена де такимъ образомъ что „изъ этого могутъ возникнуть правовыя опасности". „Суды въ Имперіи не разбираютъ, подлежитъ ли дѣло ихъ рѣшенію, а между тѣмъ приговоръ, ими постановленный, пришлось бы приводить въ исполненіе здѣсь". Это можетъ де повести къ разнымъ злоупотребленіямъ, могутъ де, напримѣръ, вызвать Финляндца въ русскій судъ въ какую-нибудь отдаленную мѣстность въ Сибири и, за отсутствіемъ отвѣтчика, постановить приговоръ заочно. Правительственное предложеніе, заявилъ въ заключеніе г. Эльвингъ, поведетъ де къ нарушенію „конституціи", по которой „Финляндца нельзя лишать имущества, прежде чѣмъ онъ будетъ законнымъ образомъ изобличенъ и судимъ въ надлежащемъ судебномъ учрежденіи".

VI.*

Вопросъ объ измѣненіяхъ въ новомъ финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи не разъ затрогивался въ русской печати вообще и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ особенности. Поучительная исторія развитія этого вопроса, живо характеризующая и степень отчужденности Финляндской окраины, и неупорядоченность ея отношеній къ остальной Россіи, должна быть, поэтому, болѣе или менѣе знакома читателямъ слѣдящимъ за финляндскими дѣлами.** Напомнимъ ее здѣсь вкратцѣ.

Въ концѣ 1889 года финляндскія учрежденія—Сеймъ, Сенатъ и статсъ-секретаріатъ, — издали для Финляндіи новое Уголовное Уложеніе, безо всякихъ сношеній съ русскими общегосударственными учрежденіями. Въ этомъ Уложеніи самымъ грубымъ и нахальнымъ образомъ попирались русскіе общегосударственные права и интересы, а Финляндская окраина выставлялась въ видѣ отдѣльнаго отъ Россіи государства.

Въ 1890 году, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра Юстиціи, Н. А. Манасеина, и бывшаго главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 29, отъ 29 января.

** См. *Финл. Окр. Россіи*, вып. 1й, стр. 186—187, 262—276, 297—315, 381—383, 469—472, 483—489, 556, 597—607, а также вып. 2й, стр. 41—48.

Digitized by Google

Э. В. Фриша, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Особаго Совѣщанія для разсмотрѣнія этого вопроса. Совѣщаніе поручило коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. С. Таганцева, составить проектъ измѣненій въ финляндскомъ Уложеніи. Затѣмъ, по докладу Совѣщанія изданъ былъ Высочайшій Манифестъ 1 декабря 1890 года, по которому введеніе въ дѣйствіе финляндскаго Уложенія, долженствовавшаго, по изданному ранѣе Финляндскимъ Сенатомъ объявленію, вступить въ силу съ 1 января 1891 года, было пріостановлено впредь до окончательнаго утвержденія проекта измѣненій въ немъ.

Проектъ этихъ измѣненій переданъ былъ затѣмъ на обсужденіе Финляндскаго Сейма 1891 года. Но Сеймъ, вмѣсто того чтобы подвинуть впередъ рѣшеніе вопроса и предложить дальнѣйшія улучшенія въ проектѣ коммиссіи Н. С. Таганцева, воспользовался имъ только какъ поводомъ для проявленія дерзкой сепаратистской оппозиціи.* Не имѣя ничего возразить по существу противъ предложенныхъ Русскою Властью измѣненій въ Уложеніи, онъ все-таки передѣлалъ или, вѣрнѣе, исказилъ правительственный проектъ въ духѣ сепаратистской теоріи.

Финляндскій Сенатъ, какъ водится, согласился въ этомъ случаѣ съ Сеймомъ и сдѣлалъ всеподданнѣйшее представленіе объ утвержденіи проекта измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ редактировалъ его Сеймъ. Но на это не послѣдовало Высочайшаго соизволенія, въ виду отзыва министра Юстиціи, который не нашелъ возможнымъ одобрить во всѣхъ пунктахъ предложенную Сеймомъ редакцію. Такъ, напримѣръ, Сеймъ попрежнему (какъ и въ первоначальномъ текстѣ пріостановленнаго Уложенія) противополагалъ „Великое Княжество Финляндское", въ смыслѣ особаго государства, „Русской Имперіи"—въ первой главѣ Уложенія, гдѣ говорится о томъ къ кому примѣняется Финляндское Уложеніе. Вмѣсто выраженій „Имперія и Великое Княжество Финляндское", министръ Юстиціи предложилъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ гдѣ встрѣчаются подобныя же выраженія, редактировать: „Русское государство или какая-либо его часть". Въ 12й главѣ Уложенія, гдѣ говорится объ измѣнѣ, Сеймъ предложилъ редактировать § 8 слѣдующимъ образомъ: „Если кто намѣренно поддѣлаетъ, уничтожитъ, испортитъ, спрячетъ или утаитъ документъ, содержащій въ себѣ доказательства въ пользу права или безопасности Имперіи или Великаго Княжества" и т. д. Министръ Юстиціи, въ своемъ отзывѣ, предложилъ, вмѣсто словъ „Имперіи или Великаго Княжества", употребить выраженіе „Русскаго государства".

Согласно отзыву министра Юстиціи, проектъ измѣненій былъ переработанъ вновь и передается теперь Сейму, какъ сказано въ Высочайшей рѣчи прочитанной при торжественномъ открытіи Сейма, „въ окончательной уже редакціи".

Въ засѣданіи Сейма 18 января, при передачѣ проекта въ сеймовую комиссію, помянутое выраженіе Высочайшей рѣчи подало поводъ къ преніямъ, показывающимъ что сепаратистскіе вожаки очень недовольны этимъ выраженіемъ, такъ какъ оно отнимаетъ у нихъ возможность снова исказить правительственный проектъ своими вставками и измѣненіями.

Въ рыцарскомъ сословіи выступилъ состоявшій ландмаршаломъ на послѣднемъ Сеймѣ г. Гаартманъ и заявилъ что онъ де долго думалъ надъ тѣмъ что̀ собственно означаетъ это мѣсто Высочайшей рѣчи, никакъ не могъ додуматься и пришелъ только къ заключенію что дѣло тутъ, „можетъ-быть, въ неудачномъ переводѣ".

На самомъ дѣлѣ шведскій переводъ Высочайшей рѣчи совершенно вѣренъ и помянутое мѣсто въ немъ—„i redan slutlig redigering" — вполнѣ соотвѣтствуетъ подлинному русскому выраженію: „въ окончательной уже редакціи". Надо полагать что и самъ г. Гаартманъ хорошо знаетъ это: Высочайшая рѣчь была прочитана по-русски при открытіи Сейма графомъ Ѳ. Л. Гейде-

---

* См. объ этомъ *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2й, стр 168—181, 192—194, 346—355.

Digitized by Google

номъ и уже напечатана въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, и если г. Гаартманъ (несмотря на то что былъ долго сенаторомъ и даже членомъ упраздненнаго нынѣ Финляндскаго Комитета при статсъ-секретаріатѣ въ Петербургѣ) самъ нисколько не понимаетъ по-русски, то онъ имѣлъ возможность у своихъ сотоварищей по сословію, между которыми есть не мало лицъ носящихъ русскій военный мундиръ и знающихъ по-русски, удостовѣриться что ошибки въ переводѣ нѣтъ. Ссылка на мнимую непонятность шведскаго перевода Высочайшей рѣчи понадобилась г. Гаартману, повидимому, только для того чтобъ имѣть предлогъ „не принимать во вниманіе“ этого мѣста въ Высочайшей рѣчи.

„По этой причинѣ (то есть, потому что не понялъ Высочайшей рѣчи), я“, — продолжалъ затѣмъ г. Гаартманъ, — „при подготовительномъ разсмотрѣніи проекта и не могъ принимать во вниманіе что либо иное кромѣ текста законопроекта и предшествующаго ему вступленія, гдѣ указанной мною фразы также не встрѣчается. Не высказываясь теперь пока о подробностяхъ проекта, я хотѣлъ бы лишь выразить пожеланіе чтобы коммиссія законовъ, на обсужденіе которой проектъ будетъ переданъ, изыскала какое-либо подходящее средство для устраненія довольно значительнаго неудобства могущаго произойти отъ того что, одновременно съ объявленіемъ Уголовнаго Уложенія вступившимъ въ дѣйствіе, будетъ опубликованъ къ руководству цѣлый рядъ измѣненій въ немъ“.

Въ то самое время, когда въ дворянскомъ сословіи г. Гаартманъ прикидывался такимъ образомъ не понимающимъ Высочайшей рѣчи, въ бюргерскомъ сословіи (засѣданія всѣхъ четырехъ сословій Сейма происходятъ въ одни и тѣ же дни и часы, согласно уставу Сейма) другой финляндскій дѣлецъ, изъ наиболѣе заядлыхъ, отставной генералъ Неовіусъ * заявлялъ, напротивъ, что онъ прекрасно понялъ Высочайшую рѣчь, но только, какъ оказалось изъ его объясненій,—въ обратномъ смыслѣ. Съ тою же заднею цѣлью—изыскать предлогъ для того чтобы „не принимать во вниманіе“ помянутаго мѣста въ Высочайшей рѣчи—г. Неовіусъ прибѣгнулъ къ другому средству, весьма обычному у финляндскихъ политикановъ, — ко лжетолкованію.

„Въ тронной рѣчи при открытіи Сейма,—говорилъ онъ,—сказано что это предложеніе передается земскимъ чинамъ въ окончательной уже редакціи. Такъ какъ невозможно предположить чтобъ это увѣдомленіе имѣло цѣлью въ какой либо формѣ или мѣрѣ ограничить конституціонное право (?!) земскихъ чиновъ обсудить, принять, измѣнить или отвергнуть это Высочайшее предложеніе, то въ немъ нельзя видѣть ничего иного кромѣ нѣкотораго рода ручательства со стороны правительства въ томъ что оно, правительство, никакого новаго проекта измѣненій въ такомъ же родѣ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, уже не будетъ дѣлать, и что не произойдетъ никакой новой задержки въ утвержденіи этого Уложенія, вступленія котораго въ дѣйствующую силу земскіе чины ожидали съ нетерпѣніемъ, все болѣе и болѣе возраставшимъ.“ Ораторъ, въ заключеніе, выразилъ надежду „что коммиссія, въ которую это предложеніе будетъ передано, усвоитъ такой же взглядъ на дѣло“.

Остается теперь только ожидать, усвоитъ ли сеймовая коммиссія законовъ выраженный г. Неовіусомъ „взглядъ“ и сдѣлаетъ ли попытку, вопреки яснымъ словамъ Высочайшей рѣчи, измѣнить редакцію правительственнаго законопроекта въ сепаратистскомъ духѣ, или же приметъ къ руководству указаніе, сдѣланное въ Высочайшей рѣчи, въ надлежащемъ его смыслѣ, то-есть что никакихъ измѣненій въ этомъ законопроектѣ со стороны Сейма не должно быть допускаемо.

Окончательныя пренія по этому вопросу состоятся во всѣхъ сословіяхъ Сейма тогда, когда (вѣроятно черезъ

---

* О немъ см. *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2й, стр. 440 - 446.

Digitized by Google

нѣсколько недѣль) коммиссія представить свой докладъ.

VII *.

Оппозиціонный пылъ сепаратистскихъ вожаковъ на Сеймѣ все болѣе и болѣе разгарается. Въ засѣданіяхъ 20, 24 и 26 января, они въ цѣломъ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ во всѣхъ сословіяхъ, на разные лады выражали свое „порицаніе“ правительству за его дѣйствія со времени послѣдняго Сейма и грозили даже торжественно высказать ему парламентское „недовѣріе“.

Поводъ къ этимъ выходкамъ подали дѣла, по содержанію своему не имѣющія политическаго значенія, но тѣсно связанныя съ мнимыми правами Сейма какъ второй государственной власти“ (andra statsmakten — такъ называютъ Сеймъ финляндскіе „патріоты“), а именно вопросы о законѣ для акціонерныхъ обществъ и объ инструкціи для сеймовыхъ уполномоченныхъ завѣдующихъ Финляндскимъ Банкомъ.

Послѣднему Финляндскому Сейму, 1891 года, переданъ былъ, между прочимъ, проектъ новаго закона объ акціонерныхъ обществахъ. Сеймъ исключилъ изъ этого проекта опредѣленіе о томъ что уставы акціонерныхъ обществъ должны быть представляемы на утвержденіе Финляндскаго Сената. Въ такомъ видѣ проектъ не удостоился Высочайшаго одобренія, а нынѣшнему Сейму переданъ новый проектъ, въ который опять включено помянутое опредѣленіе.

Финляндская печать еще въ 1892 году, когда получено было извѣстіе объ отказѣ правительства утвердить сеймовый проектъ закона объ акціонерныхъ обществахъ, ставила это въ связь съ неутвержденіемъ нѣкоторыхъ другихъ проектовъ Сейма и выражала неудовольствіе по поводу обнаруженнаго будто бы этимъ „неуваженія“ къ Сейму.

Теперь „передовые“ дѣльцы поспѣшили высказать то же самое въ своихъ рѣчахъ при передачѣ проекта въ коммиссію.

Такъ, напримѣръ, въ городскомъ сословіи г. Бореніусъ выразилъ „сожалѣніе“ что этотъ проектъ какъ и нѣкоторые другіе проекты послѣдняго Сейма не одобренъ правительствомъ. „Что правительство при этомъ имѣло въ виду,“ — говорилъ онъ. — „трудно сказать, но другой причины нельзя предположить кромѣ стремленія къ удержанію за собой власти, а страна между тѣмъ лишилась хорошаго и выработаннаго по новѣйшимъ принципамъ закона.“ Правительственный проектъ,—заключилъ онъ, нужно теперь или измѣнить опять въ такомъ же родѣ какъ на послѣднемъ Сеймѣ, или совсѣмъ отвергнуть.

Другой ораторъ, г. Гейкель, высказался въ такомъ же смыслѣ, приписывая неодобреніе сеймоваго проекта со стороны правительства „мелочнымъ соображеніямъ“. Рѣчь его оказалась настолько рѣзкою что цензура не пропустила ея въ газетѣ *Hufvudstadsbladet*, желавшей передать ее въ полномъ видѣ.

Еще болѣе рѣзкія выходки вызвалъ вопросъ о банковыхъ уполномоченныхъ или повѣренныхъ.

На каждомъ Финляндскомъ Сеймѣ до 1891 года избиралась коммиссія изъ четырехъ уполномоченныхъ или повѣренныхъ, которые, какъ говорится въ Сеймовомъ Уставѣ, „имѣютъ наблюденіе за управленіемъ фондами Финляндскаго банка состоящими подъ ручательствомъ и на попеченіи земскихъ чиновъ“. Эта коммиссія дѣйствуетъ согласно инструкціи составляемой Сеймомъ и отдаетъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. На Сеймѣ 1891 года избрано было въ такую коммиссію 8, а не 4 члена, какъ прежде, и образованы собственно двѣ коммиссіи: одна ординарная (изъ 4 членовъ), другая въ усиленномъ составѣ; въ инструкціи составленной Сеймомъ было опредѣлено какія дѣла касающіяся Финляндскаго банка слѣдуетъ обсуждать и рѣшать въ ординарной, и какія въ усиленной коммиссіи.

Послѣ распущенія Сейма, коммиссія получила увѣдомленіе что инструкція, составленная для нея Сеймомъ не удостоилась Высочайшаго утвержденія, въ виду того что въ ней Сеймъ самовольно отмѣнилъ законъ 1867 года, по ко-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 32, отъ 1 февраля.

Digitized by Google

тором число банковыхъ повѣренныхъ должно быть четыре (по одному отъ каждаго сословія), а не восемь какъ избралъ Сеймъ. Финляндскія газеты тогда же провозгласили это „конституціоннымъ конфликтомъ“ и стали доказывать что Сеймъ имѣлъ полное право выбирать столько повѣренныхъ сколько ему угодно, и не только составлять, но и окончательно утверждать для нихъ инструкцію. Въ правительственномъ же утвержденіи инструкція,—говорили они —не нуждается, и повѣренные должны де поступать согласно волѣ Сейма, а не правительства.

Коммиссія рѣшила тогда избрать нѣкотораго рода средній путь чтобъ удовлетворить, какъ выражается она теперь въ своемъ отчетѣ Сейму, и Сеймъ, и правительство: она постановила *обсуждать* тѣ дѣла, которыя въ составленной Сеймомъ инструкціи предписано вѣдать усиленной коммиссіи, съ участіемъ всѣхъ восьми избранныхъ Сеймомъ повѣренныхъ, а *рѣшенія* постановлять только четыремъ повѣреннымъ, но съ тѣмъ условіемъ что если ихъ мнѣнія расходятся съ мнѣніемъ остальныхъ четырехъ повѣренныхъ, то не приводить рѣшеній въ исполненіе.

При передачѣ отчета банковыхъ повѣренныхъ сеймовой коммиссіи, сепаратистскіе вожаки сочли нужнымъ въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ выразить порицаніе правительству за то что оно не опубликовало составленной Сеймомъ инструкціи. Сеймъ,—доказывали они,—имѣлъ право составить инструкцію для своихъ повѣренныхъ по своему усмотрѣнію.

Такъ, напримѣръ, въ дворянскомъ сословіи г. Антэль говорилъ:

„Мѣропріятія правительства въ настоящемъ случаѣ діаметрально противоположны желаніямъ высказаннымъ земскими чинами, но есть ли какая-нибудь причина чтобы даже по такому вопросу который не касается нашихъ щекотливыхъ внѣшнихъ отношеній, вызывать разногласіе между *обѣими государственными властями.*“

„Банковые уполномоченные,—говорилъ въ томъ же сословіи г. Вреде, —„должны дѣйствовать согласно съ инструкціей, утвержденіе которой *зависитъ исключительно* отъ земскихъ чиновъ. Удивительно, поэтому, что банковые уполномоченные не приняли эту инструкцію къ руководству, но въ существенной мѣрѣ уклонились отъ нея. Они не имѣли причины обращать вниманіе на то, опубликована ли инструкція правительствомъ, или нѣтъ. Правительство, не одобривъ регламента (послѣдній Сеймъ представилъ также проектъ новаго регламента для Финляндскаго банка), искало ссоры съ земскими чинами (sökt sak med ständerna) и создало конфликтъ, который съ разныхъ точекъ зрѣнія достоинъ сожалѣнія.“ *.

Г. Линделэфъ, состоявшій предсѣдателемъ коммиссіи банковыхъ повѣренныхъ (онъ же состоитъ начальникомъ финляндскаго главнаго управленія училищъ), въ видѣ оправданія дѣйствій коммиссіи противъ упрека со стороны г. Вреде, заявилъ что, не желая высказываться о конфликтѣ между правительствомъ и земскими чинами, онъ долженъ однако, указать причины, по которымъ коммиссія не могла совсѣмъ оставить безъ вниманія отказъ правительства опубликовать инструкцію. Нѣкоторые важные для банка вопросы коммиссія не могла бы разрѣшить, еслибы послѣдовала взгляду г. Вреде. Правительство не утвердило бы тогда опредѣленій коммиссіи, напримѣръ относительно возобновленія отдѣленія банка въ городахъ Ювяскюля, Сантъ-Михелѣ и Сердоболѣ. Банковые повѣренные вынуждены де были поэтому,—говорилъ г. Линделэфъ,—изыскать нѣкотораго рода modus vivendi съ правительствомъ.

Г. Борнъ, „прославившійся“, подобно гг. Вреде и Антэлю, своими оппозиціонными выходками на послѣднемъ Сеймѣ, присоединился къ нимъ, конечно, и теперь.

„Настоящій конфликтъ между правительствомъ и земскими чинами“,—ораторствовалъ онъ, — „самый ненужный конфликтъ какой только мы пережива-

---

* Приводимъ слова г. Вреде и другихъ ораторовъ по реферату газеты *Hufvudstadsbladet*, № 35.

Digitized by Google

ли въ теченіе нашей столь богатой конфликтами сеймовой исторіи. Онъ, г. Борнъ, уже на послѣднемъ Сеймѣ сомнѣвался, правда, будетъ ли правительствомъ опубликована инструкція, но тѣ причины, какія приводятся теперь правительствомъ для объясненія отказа опубликовать инструкцію, несостоятельны, и притомъ настолько несостоятельны что въ иной странѣ, съ болѣе развитымъ парламентскимъ строемъ, *выраженіе недовѣрія* было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ для такого министерства которое сдѣлало бы что-нибудь подобное."

VIII. *

Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Сейма особенное вниманіе обратили на себя пренія о „свободѣ печати" и о правахъ финскаго языка въ рыцарскомъ сословіи.

Дѣйствующій въ Финляндіи съ 1867 года уставъ о печати, по которому періодическія изданія подлежатъ предварительной цензурѣ, давно уже возбуждаетъ неудовольствіе „передовыхъ" финляндскихъ дѣльцовъ. Еще въ царствованіе императора Александра II они домогались его отмѣны и передачи законодательства по дѣламъ печати въ вѣдѣніе Сейма. Финляндскій Сеймъ 1872 года представилъ въ этомъ смыслѣ петицію, но получилъ отказъ, въ видѣ особаго Высочайшаго Рескрипта (отъ 27 марта 1872 года), въ которомъ указывалось, между прочимъ, что Верховная Власть не усматриваетъ повода измѣнять существующія постановленія о печати въ Финляндіи, „тѣмъ менѣе что подобныя же основанія указаны Нами для печати въ прочихъ частямъ Нашего государства".

Предварительная цензура, находившаяся до 1891 года въ исключительномъ вѣдѣніи финляндскихъ властей (финляндскаго Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, подчиненнаго Гражданской Экспедиціи Финляндскаго Сената), нисколько почти не мѣшала, впрочемъ, анти-русскимъ выходкамъ финляндской печати и усиленной пропагандѣ сепаратистскаго ученія объ особомъ финляндскомъ „конституціонномъ государствѣ". Не далѣе какъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ финляндская цензура преспокойно пропускала въ мѣстной печати, напримѣръ, такія статьи, въ которыхъ предъявлялось требованіе нейтралитета для „финляндскаго государства" во время такихъ войнъ Россіи съ иностранными государствами, въ которыхъ Финляндія не пожелаетъ принять участіе.

Съ 1890 года, когда начались объединительныя реформы, антирусскія выходки финляндской печати усилились, и это побудило высшую русскую власть предпринять нѣкоторыя измѣненія въ финляндскомъ уставѣ о печати 1867 года, въ видахъ расширенія правъ генералъ-губернатора по отношенію къ дѣламъ печати. Согласно Высочайшему постановленію, вступившему въ дѣйствіе съ 1 октября 1891 года, финляндское Главное Управленіе по Дѣламъ Печати подчинено непосредственно генералъ-губернатору (а не Сенату), причемъ ему предоставлено право прекращать изданіе мѣстныхъ газетъ „временно или совсѣмъ, по своему усмотрѣнію, если онѣ подадутъ къ тому поводъ неправильнымъ толкованіемъ положенія Финляндіи по отношенію къ Имперіи". *

Конечно, анти-русскія выходки и сепаратистская пропаганда и послѣ этого не прекратились въ финляндской печати, такъ какъ цензура по прежнему осталась въ рукахъ исключительно Финляндцевъ. Не далѣе какъ въ 1892 году возможно было, напримѣръ, появленіе въ гельсингфорсскихъ газетахъ такихъ статей въ которыхъ высказывались угрозы отсѣченіемъ головы за приверженность къ самодержавію Русскаго Государя. **

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 42, отъ 11 февраля.

* См. объ этомъ постановленіи *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 200—202.

** См. въ *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 340—341, статью „Фальшивыя цитаты финляндскихъ газетъ" и стр. 361—365 „Угрозы отсѣченіемъ головы за приверженность къ самодержавію Русскаго Государя".

Digitized by Google

Но усиленіе власти русскаго генералъ-губернатора надъ мѣстною печатью все-таки не могло остаться безъ послѣдствій; анти-русскія выходки въ послѣднее время встрѣчаются въ печати не такъ часто и не въ такой рѣзкой формѣ какъ прежде, а иногда сами финляндскія газеты вынуждены бываютъ опровергать ихъ. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ минувшаго года гельсингфорсская газета *Uusi Suometar*, — пустившая въ ходъ клевету будто Русское правительство назначило въ Балтійскомъ краѣ таксу денежнаго вознагражденія за принятіе православія,— должна была, по требованію высшей власти, опровергнуть ее.

Находя такое положеніе печати неудобнымъ для своихъ цѣлей, сепаратистскіе вожаки рѣшили выразить на нынѣшнемъ Сеймѣ протестъ и потребовать установленія „свободы печати“ закономъ, въ изданіи котораго Сеймъ принялъ бы участіе въ качествѣ „второй государственной власти“.

Въ засѣданіи Сейма 28 января представлены были въ этомъ смыслѣ двѣ петиціи—одна въ дворянскомъ, другая въ бюргерскомъ сословіи. Обѣ петиціи составлены, очевидно, по предварительному соглашенію между вожаками, и заключительныя положенія ихъ буквально сходны. Въ нихъ предлагается Сейму ходатайствовать о томъ „чтобъ Его Величество на слѣдующемъ Сеймѣ представилъ земскимъ чинамъ Высочайшее предложеніе съ проектомъ закона о печати въ Финляндіи, основанномъ на томъ принципѣ что каждый финляндскій гражданинъ впредь имѣетъ право безъ предварительной цензуры издавать въ печати періодическія или иныя сочиненія и за нарушенія по дѣламъ печати отвѣтствуетъ лишь предъ законнымъ судомъ.“

Въ мотивахъ къ петиціи поданной въ бюргерскомъ сослоіи говорится, между прочимъ:

„Такой режимъ по дѣламъ печати какой господствуетъ теперь могъ бы еще быть терпимъ, еслибъ онъ примѣнялся съ осторожностію, такъ чтобы произволъ въ немъ выступалъ менѣе сильно. Но если, какъ это было въ послѣдніе годы, примѣненіе не оставляетъ ничего желать относительно необузданности и непослѣдовательности, если конфискація газетъ, часто по самымъ незначительнымъ поводамъ, принадлежитъ уже къ порядку дня, и постоянно издаются тайные приказы и инструкціи, возбуждая усердіе цензоровъ и запрещая всякіе отзывы то по тому, то по другому вопросу, то положеніе становится прямо невыносимымъ. Повсюду въ странѣ нынѣшніе порядки по дѣламъ печати вызвали уныніе, и все сильнѣе чувствуется необходимость закономъ установленной свободы для печатнаго слова“.

Въ мотивахъ къ петиціи поданной въ рыцарскомъ сословіи указывается, главнымъ образомъ, на несоотвѣтствіе помянутаго Высочайшаго постановленія 1891 года пресловутой „конституціи“:

„Право генералъ-губернатора прекращать періодическія изданія противорѣчитъ выраженному въ нашихъ основныхъ законахъ принципу о томъ что никто не можетъ быть лишенъ движимаго или недвижимаго имущества безъ законнаго слѣдствія и суда“.

Обѣ петиціи переданы въ сеймовую коммиссію законовъ, которой поручено составить проектъ общей сеймовой петиціи. При передачѣ петиціи въ коммиссію, многіе ораторы, какъ въ рыцарскомъ, такъ и въ бюргерскомъ сословіи, поддерживали авторовъ петицій.

Такъ, въ бюргерскомъ сословіи г. Гейкель произнесъ рѣчь, встрѣченную, по отчетамъ здѣшнихъ газетъ, одобрительными криками прочихъ членовъ сословія. Въ этой рѣчи онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы молчали терпѣливо и сносили, въ надеждѣ что наступятъ болѣе свѣтлыя времена въ нашихъ порядкахъ по дѣламъ печати. Но эта надежда оказалась жестокою ошибкой. Съ году на годъ намордникъ затягивался все крѣпче, и наконецъ надо всею періодическою печатью повѣшенъ Дамокловъ мечъ, который каждое мгновеніе угрожаетъ ей экомическимъ разореніемъ и гробовымъ молчаніемъ. И туземное правительство, на которое страна раньше привыкла полагаться при тяжелыхъ

Digitized by Google

обстоятельствахъ, насколько извѣстно, ничего не сдѣлало для облегченія гнета, а напротивъ, постоянно издаетъ все новые запретительные указы".

Подъ „туземнымъ правительствомъ" г. Гейкель, по принятой у финляндскихъ „патріотовъ" терминологіи, разумѣетъ Финляндскій Сенатъ въ противуположность не-„туземной", то-есть русской власти (генералъ-губернаторъ и Верховная Власть).

IX *.

На каждомъ Финляндскомъ Сеймѣ болѣе или менѣе сильно обнаруживается борьба между двумя здѣшними партіями—шведоманами (сторонниками господства шведскаго языка) и финноманами (сторонниками финскаго языка). Къ финноманской партіи принадлежитъ большинство членовъ сословій крестьянскаго и духовнаго, а въ двухъ прочихъ сословіяхъ, бюргерскомъ и рыцарскомъ, большинство, напротивъ, принадлежитъ шведоманамъ. **

Поводъ къ столкновеніямъ между этими партіями на сеймахъ чаще всего подавали вопросы объ учрежденіи новыхъ финскихъ учебныхъ заведеній. Почти на каждомъ сеймѣ финноманы предлагаютъ сейму ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи финскихъ школъ, или о преобразованіи какихъ-либо существующихъ уже шведскихъ школъ въ финскія, а шведоманы противятся такимъ проектамъ. На нынѣшнемъ сеймѣ тоже возбуждено уже финноманами нѣсколько ходатайствъ о финскихъ школахъ. Кромѣ того, теперь во всѣхъ сословіяхъ финноманами поданы петиціи объ измѣненіи порядка выборовъ въ сеймъ членовъ бюргерскаго сословія.

При нынѣшнемъ порядкѣ выборовъ въ это сословіе, наиболѣе богатые бюргеры могутъ имѣть до 25 голосовъ каждый, а бо́льшая часть избирателей имѣютъ всего одинъ голосъ, такъ что исходъ выборовъ всегда зависитъ отъ болѣе зажиточныхъ бюргеровъ. Въ небольшихъ финляндскихъ городкахъ случается нерѣдко что избраніе сеймоваго депутата рѣшаетъ незначительная по численности группа бюргеровъ, человѣкъ въ 10—15, имѣющихъ въ общей сложности болѣе голосовъ чѣмъ всѣ остальные избиратели. Такъ какъ богатые горожане принадлежатъ большею частію къ шведоманской партіи, то подобный порядокъ выборовъ приводитъ къ господству шведомановъ въ бюргерскомъ сословіи на Сеймѣ. Финноманы называютъ это „плутократіей" и давно уже добиваются измѣненія сеймоваго устава въ смыслѣ пониженія ценза въ бюргерскомъ сословіи, или, по крайней мѣрѣ, ограниченія числа голосовъ какими могутъ располагать отдѣльные избиратели въ городахъ до 10 голосовъ. Этимъ они надѣются составить себѣ большинство въ бюргерскомъ сословіи и такимъ образомъ занять на сеймахъ господствующее положеніе, такъ какъ тогда имъ будетъ принадлежать большинство голосовъ въ трехъ сословіяхъ.

Эти петиціи финномановъ уже теперь возбудили оживленныя пренія на Сеймѣ. Ораторы изъ шведоманской партіи (какъ, напримѣръ, гельсингфорскій бургомистръ, г. Эманъ), возставая противъ предлагаемаго финноманами измѣненія въ сеймовомъ уставѣ и признавая что оно неминуемо поведетъ къ преобладанію финской партіи на сеймахъ, старались доказать что такое преобладаніе будетъ „гибельно для безопасности Финляндіи", что нынѣшній порядокъ выборовъ обусловливаетъ необходимое „равновѣсіе" между обѣими партіями и т. д. Намеки на „гибельность" господства финномановъ „для безопасности Финляндіи" объясняются тѣмъ что финноманы добились въ нынѣшнее царствованіе равноправности финскаго языка со шведскимъ и осуществленія разныхъ другихъ желательныхъ для нихъ мѣръ (въ родѣ учрежденія новыхъ финскихъ школъ, назначенія вожаковъ финской партіи въ члены Сената и т. п.) при

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 45, отъ 14 февраля

** О финляндскихъ шведоманахъ и финноманахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ Россіи см. *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 251 — 256.

Digitized by Google

помощи русской власти, которую они еще недавно осаждали усиленными ходатайствами о поддержаніи и защитѣ противъ шведомановъ. Это подало шведоманамъ поводъ обвинять финномановъ въ „низкопоклонствѣ“ предъ русвкою властію, а въ послѣдніе годы—въ „измѣнѣ общему финляндскому отечеству“. Такія обвиненія, въ послѣднее время часто повторяющіяся въ газетахъ шведской партіи, сильно раздражаютъ финномановъ, и они усиленными выходками противъ Россіи стараются доказать что обвинять ихъ въ „измѣнѣ“ нельзя, что они пользовались русскою властью только какъ орудіемъ для достиженія своихъ партійныхъ цѣлей. Вышеуказанные намеки, сдѣланные теперь шведоманами на Сеймѣ, вызвали горячіе протесты финноманскихъ членовъ Сейма. Петиціи объ измѣненіи порядка выборовъ въ бюргерскомъ сословіи рѣшено большинствомъ голосовъ во всѣхъ сословіяхъ передать въ сеймовую коммиссію законовъ. Когда она представитъ сословіямъ свое заключеніе, пренія по этому вопросу возобновятся.

Въ „рыцарскомъ“ сословіи произошла довольно крупная перебранка между шведоманами и финноманами изъза того, можно ли говорить на финскомъ языкѣ въ засѣданіяхъ этого сословія или нѣтъ. Въ трехъ остальныхъ сословіяхъ шведоманы обыкновенно говорятъ по-шведски, а финноманы—по-фински, причемъ въ сословіяхъ духовномъ и бюргерскомъ рѣчи ораторовъ не переводятся съ одного языка на другой, такъ какъ всѣ члены этихъ сословій знаютъ и тотъ, и другой языкъ, а въ крестьянскомъ сословіи на каждый сеймъ опредѣляется особый переводчикъ, который сидитъ вблизи предсѣдателя (тальмана) и все сказанное по-шведски переводитъ на финскій языкъ и, наоборотъ, финскія рѣчи на шведскій (для небольшаго числа депутатовъ отъ шведскаго крестьянскаго населенія, проживающаго преимущественно въ шхерахъ южной и юго-западной Финляндіи).

Въ „рыцарскомъ“ сословіи ни на одномъ изъ сеймовъ никто еще не пытался говорить по-фински, хотя и тамъ тоже (еще въ шестидесятыхъ годахъ) завелась небольшая группа финномановъ. Но на нынѣшнемъ Сеймѣ финноманскіе „рыцари“ рѣшили заговорить по-фински. Починъ сдѣлалъ сынъ извѣстнаго вожака финноманской партіи, сенатора Ирье-Коскинена. Шведоманы, составляющіе въ этомъ сословіи громадное большинство, сильно вознегодовали по этому поводу.

Первымъ выступилъ баронъ Борнъ (считающійся однимъ изъ главныхъ вожаковъ партіи „викинговъ“, или крайнихъ шведомановъ) и назвалъ поступокъ Коскинена-младшаго „неслыханною въ лѣтописяхъ Рыцарскаго Дома неделикатностью“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ доказывать что употребленіе финскаго языка во время преній въ этомъ сословіи незаконно, такъ какъ въ „Уставѣ Рыцарскаго Дома“ (гдѣ опредѣляется составъ и порядокъ засѣданій сословія), изданномъ въ 1869 году, сказано что члены произносятъ рѣчи „на офиціальномъ языкѣ края“, а во время изданія Устава офиціальнымъ языкомъ былъ де только шведскій языкъ. На это финноманы и даже нѣкоторые изъ шведомановъ возражали Борну что финскій языкъ новѣйшими узаконеніями (особенно Высочайшимъ рескриптомъ 1886 года) признанъ офиціальнымъ языкомъ наравнѣ со шведскимъ, а потому теперь и его можно де подразумѣвать подъ „офиціальнымъ языкомъ“, упоминаемымъ въ Уставѣ. Но Борнъ со своими единомышленниками настаивалъ на своемъ и, въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій сословія, внесъ письменный проектъ измѣненія помянутаго мѣста въ Уставѣ, соглашаясь допустить впредь употребленіе финскаго языка, но съ разными ограничительными условіями (напримѣръ, чтобы желающіе говорить по-фински сами переводили свои рѣчи на шведскій языкъ, а въ противномъ случаѣ лишались бы слова и т. д.).

Записка Борна, въ которой заключались нападки на финномановъ за ихъ „національное тщеславіе“ и задоръ, вызвала въ сословіи уже настоящую перебранку. Между прочимъ, при этомъ сдѣланы были нѣкоторыми „ры-

Digitized by Google

царями“ любопытные намеки на русскій языкъ. Одинъ изъ ораторовъ, г. Гаартманъ, возражая противъ измѣненія помянутаго пункта объ употребленіи „офиціальнаго языка“ въ засѣданіяхъ сословія, сказалъ что возбуждать подобное ходатайство „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ“ было бы неумѣстно, такъ какъ это можетъ де повести къ „очень опаснымъ послѣдствіямъ“. Онъ разумѣлъ при этомъ что русская власть вздумаетъ, пожалуй, при разсмотрѣніи такого ходатайства, прибавить къ финскому и шведскому языкамъ и русскій (вмѣсто неопредѣленнаго выраженія „офиціальный языкъ“). Въ отвѣтъ на эти слова Гаартмана, г. Фуруельмъ замѣтилъ что „тѣхъ послѣдствій, которыхъ опасается Гаартманъ, скорѣе можно ожидать если останется возможность понимать выраженія этого параграфа въ Уставѣ Рыцарскаго Дома въ разныхъ смыслахъ“ (то-есть что теперь подъ офиціальнымъ языкомъ“ станутъ подразумѣвать и русскій языкъ).

И дѣйствительно, нелѣпо было бы не считать русскій государственный языкъ,—который и по финляндскимъ законамъ (напримѣръ, по инструкціи статсъ-секретаріату) считается подлиннымъ языкомъ всѣхъ финляндскихъ офиціальныхъ актовъ исходящихъ отъ Верховной Власти,—языкомъ „офиціальнымъ“ въ Финляндіи.

Любопытно было бы видѣть какую бурю подняли бы благородные финляндскіе рыцари“, еслибы кто-нибудь въ ихъ засѣданіяхъ заговорилъ по-русски...

X *.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ о Сеймѣ, ** мы говорили уже о переданномъ нынѣшнему Сейму новомъ проектѣ измѣненій въ пріостановленномъ Высочайшимъ Манифестомъ 1 декабря 1890 года Финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи, о передачѣ его въ сеймовую коммиссію и о бывшихъ при этомъ преніяхъ, во время которыхъ обнаружилась со стороны сепаратистскихъ вожаковъ попытка исказить значеніе сдѣланнаго въ Высочайшей рѣчи при открытіи Сейма заявленія о томъ, что этотъ проектъ передается теперь Сейму „въ окончательной уже редакціи“ и что никакихъ измѣненій въ немъ не должно быть допускаемо.

Сеймовая коммиссія не поддалась, однако, внушеніямъ гг. Гаартмана и Неовіуса и приняла къ руководству помянутое указаніе Высочайшей рѣчи. Въ докладѣ своемъ она предложила Сейму сдѣлать всеподданнѣйшее представленіе объ утвержденіи правительственнаго законопроекта въ редакціи предложенной министромъ Юстиціи. Но при этомъ коммиссія не удержалась отъ нѣкоторыхъ сепаратистскихъ выходокъ въ докладѣ, по-своему толкуя правительственный проектъ, и ясно дала понять, что, одобряя этотъ проектъ безъ измѣненій, покоряется лишь необходимости. Приводимъ нѣкоторыя извлеченія изъ ея доклада:

„Слова „„Имперія или Великое Княжество““,—говорится тамъ,между прочимъ,—„употребленныя въ законопроектѣ принятомъ земскими чинами на Сеймѣ 1891 года, въ нынѣшнемъ правительственномъ предложеніи замѣнены словами: „„Россійское государство или часть его““. Это послѣднее выраженіе, будучи употреблено для обозначенія объекта преступленій указаннаго здѣсь рода (то есть государственныхъ преступленій), должно быть признано, правда, нѣсколько неточнымъ, такъ какъ имъ не обозначается ясно что ***Финляндія, хотя и составляетъ часть Россійскаго государства, однако, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ государственнымъ организмомъ*** (statlig organism för sig) можетъ также быть предметомъ подобныхъ преступленій. Но, кажется, нельзя все-таки опасаться какихъ-либо недоразумѣній относительно правильнаго толкованія означеннаго выраженія, ***тѣмъ болѣе что мотивы къ предложенію ясно показываютъ что въ выраженіи этомъ имѣлись въ виду какъ Россійская держава въ совокупности такъ и Имперія или Великое Княжество.***“

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 55, отъ 24 февраля.

** См. выше письмо VI, стр. 9.

Digitized by Google

По финляндской сепаратистской теоріи, „Россійская держава“ (Ryska riket), какъ извѣстно, есть не единое государство, не единая имперія, а составное, сложное Русско-Финляндское государство (на подобіе Австро-Венгріи или Швеціи-Норвегіи), состоящее изъ двухъ отдѣльныхъ государствъ — Русской Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго. Въ духѣ этой теоріи и былъ измѣненъ Сеймомъ 1891 года проектъ измѣненій въ Уголовномъ Уложеніи составленный коммиссіей сенатора Н. С. Таганцева: вездѣ, гдѣ говорилось просто о „Россіи“, какъ о единомъ государствѣ (въ смыслѣ напримѣръ, объекта государственныхъ преступленій), Сеймъ вставилъ выраженія: „Имперія или Великое Княжество“.

Министерство Юстиціи, предлагая замѣнить подобныя выраженія словами „Русское государство или его часть“ (а въ одномъ случаѣ, въ § 8 Уложенія, словами „Русское государство“), не допускало, конечно, законности придуманнаго теперь сеймовою коммиссіей толкованія: иначе ему не зачѣмъ было бы и измѣнять редакцію данную проекту Сеймомъ 1891 года. Но Финляндскій Сенатъ, — которому Высочайше повелѣно было составить правительственное предложеніе Сейму *вполнѣ согласно съ заключеніемъ министра Юстиціи*,—не имѣя права отступать отъ редакціи предложенной министромъ Юстиціи въ самомъ текстѣ измѣненій, нашелъ, однакоже, средство обойти Высочайшее повелѣніе: въ *мотивахъ* къ предложенію онъ далъ понять Сейму что выраженіе „Русское государство“ можно въ данномъ случаѣ истолковать и въ желательномъ для финляндскихъ „патріотовъ“ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ составнаго, сложнаго государства. Этими-то указаніями Сената и воспользовалась сеймовая коммиссія, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста ея доклада.

То же самое обнаруживается и въ другихъ мѣстахъ доклада: опираясь, главнымъ образомъ, на мотивы къ законопроекту составленные Сенатомъ, коммиссія старается примирить, посредствомъ разныхъ натяжекъ и лжетолкованій, предложенную Министерствомъ Юстиціи редакцію съ сепаратистскою теоріей. Такъ въ главѣ 11 Уложенія, въ его первоначальномъ, то-есть пріостановленномъ Верховною Властію, видѣ, назначалось, между прочимъ, строгое наказаніе за дѣйствія направленныя къ „незаконному измѣненію *государственнаго строя* Финляндіи“. Коммиссія сенатора Н. С. Таганцева, находя что въ Финляндіи, какъ не составляющей особаго государства, никакого особаго „государственнаго строя“ нѣтъ и не можетъ быть, а есть только особый способъ провинціальнаго управленія, замѣнила слова „государственный строй“ словами „способъ управленія“. Сеймъ 1891 года вставилъ, вмѣсто этого слова „образъ правленія“ или „форма правленія“ (regeringssätt по-шведски), болѣе подходящія къ сепаратистской теоріи. Въ нынѣшнемъ правительственномъ проектѣ возстановлена редакція коммиссіи сенатора Н. С. Таганцева, но въ мотивахъ это объясняется не тѣмъ что выраженіе „форма правленія“ не сообразно съ истиннымъ положеніемъ Финляндскаго края, а тѣмъ что выраженіе „styrelsesättet“ („способъ управленія“) будто бы употребляется „въ древнѣйшихъ основныхъ законахъ“. Это подало поводъ сеймовой коммиссіи разсуждать слѣдующимъ образомъ:

„Слово „„styrelsesättet““ („способъ управленія“) которое употреблено было въ переданномъ послѣднему Сейму предложеніи для обозначенія (?) *государственнаго устройства Финляндіи*, но замѣнено земскими чинами словомъ „regeringssättet“ („образъ правленія“) опять внесено въ настоящій законопроектъ. Терминъ „regeringssättet“ („образъ правленія“), конечно, имѣетъ за себя обычай и въ особенности въ *виду наименованія главнѣйшаго основнаго закона Финляндіи, Формы Правленія* (Regeringsform) отъ 21 августа 1772 года (то-есть той самой пресловутой шведской государственной конституціи, которую „патріоты“ произвольно присвоиваютъ Финляндскому краю, желая связать ею Русскую Верховную Власть) долженъ считаться болѣе подходящимъ чѣмъ слово „styrelsesättet“ („способъ управленія“): но такъ какъ это послѣд-

Digitized by Google

нее выраженіе въ настоящемъ случаѣ, очевидно (?), не можетъ быть принимаемо въ какомъ-либо иномъ значеніи чѣмъ слово „regeringssätet“ („образъ правленія“), то коммиссія считаетъ возможнымъ одобрить Высочайшее предложеніе также и въ этомъ пунктѣ.“

Въ томъ же докладѣ высказывается мысль о томъ будто собраніе финляндскихъ земцевъ имѣетъ право *ставить условія* Верховной Власти:

„Въ принятомъ на послѣднемъ Сеймѣ законопроектѣ“,—говоритъ коммиссія,—„въ § 3 заключалось постановленіе, по которому проступки по должности, учиненные въ Имперіи лицами состоящими на финляндской службѣ, должны быть судимы по финляндскому закону и финляндскимъ судомъ, но земскіе чины заявили при этомъ что *они согласны одобрить* помянутый § и безъ этой прибавки, *съ тѣмъ условіемъ что Его Императорское Величество издастъ опредѣленіе такого же точно содержанія въ особомъ постановленіи, которое помучитъ такимъ образомъ значеніе закона состоявшагося при содѣйствіи земскихъ чиновъ.* Но въ представленномъ нынѣ правительственномъ предложеніи говорится что относительно производства дѣлъ по вышеозначеннымъ проступкамъ дѣйствуетъ то что постановлено или впредь будетъ постановлено. Такъ какъ, однакоже, относительно этихъ служебныхъ проступковъ въ настоящее время считается дѣйствующимъ (?) закономъ что они судятся финляндскимъ судомъ, и такъ какъ, само собою разумѣется (?), что законопроектъ по этому предмету, разсматриваемый нынѣ, какъ сказано въ мотивахъ къ предложенію, правительствомъ, будетъ въ свое время переданъ на разсмотрѣніе и одобреніе земскихъ чиновъ, то коммиссія полагаетъ что форма, въ какой выраженъ теперь § 3, не должна служить препятствіемъ къ одобренію его земскими чинами.“

Истолкованныя такимъ образомъ, при помощи мотивовъ Сената, въ духѣ сепаратистской теоріи, измѣненія въ Уголовномъ Уложеніи въ новой редакціи не встрѣтили почти никакого противодѣйствія и при окончательномъ обсужденіи доклада коммиссіи въ сословіяхъ Сейма. Лишь нѣкоторые ораторы выступили противъ доклада и настаивали на редакціи измѣненій предложенной на прошломъ Сеймѣ и яснѣе выражавшей сепаратистскую теорію. Такъ, въ рыцарскомъ сословіи баронъ Борнъ заявилъ, что онъ не можетъ одобрить докладъ коммиссіи, такъ какъ коммиссія „не попыталась, или не сумѣла найти удовлетворяющую всѣхъ редакцію“. „Но такъ какъ, продолжалъ онъ, коммиссія приняла свое рѣшеніе единогласно, то онъ отказывается отъ болѣе подробнаго разбора ея доклада и желаетъ только отмѣтить въ протоколѣ, что онъ относительно § 8 (гдѣ говорится объ уничтоженіи или поддѣлкѣ документовъ касающихся „права или безопасности Русскаго государства“, вмѣсто „права или безопасности Имперіи или Великаго Княжества“, какъ проектировалъ прошлый Сеймъ) остается при томъ же мнѣніи какое имъ выражено на Сеймѣ 1891 года“.

Баронъ Вреде, состоящій членомъ сеймовой коммиссіи, сказалъ въ отвѣтъ на это, что, дѣйствительно, § 8 формулованъ неудовлетворительно, но онъ все-таки одобренъ коммиссіей по весьма важнымъ соображеніямъ. Коммиссіи не трудно было бы найти такую редакцію, которая вполнѣ удовлетворяла бы Сеймъ, но она, коммиссія, должна де была выбирать одно изъ двухъ: или одобрить правительственное предложеніе безъ измѣненій, или рисковать тѣмъ что утвержденіе всего Уложенія будетъ отложено на неопредѣленное время. А такъ какъ весьма желательно де чтобъ Уголовное Уложеніе поскорѣе вступило въ дѣйствіе, то коммиссія и рѣшила сдѣлать небольшую уступку.

Другой изъ сеймовыхъ ораторовъ, г. Кастренъ (въ крестьянскомъ сословіи), указавъ на замѣну выраженій „Имперія или Великое Княжество“ выраженіемъ „Русское государство“, заявилъ что онъ, вслѣдствіе этого, не одобряетъ доклада коммиссіи, „хотя и не можетъ объяснить причину этого, такъ какъ не беретъ на себя отвѣтственности за послѣдствія какія могли бы произойти отъ его объясненій“.

Значительнымъ большинствомъ голосовъ докладъ коммиссіи былъ одобренъ.

Digitized by Google

во всѣхъ сословіяхъ и, согласно этому докладу, будетъ составленъ и отвѣтъ Сейма на правительственное предложеніе.

Вступленіе новаго Финляндскаго Уголовнаго Уложенія въ дѣйствіе предстоитъ, такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ.*

XI **.

21 мая состоялось здѣсь, съ обычными въ такихъ случаяхъ церемоніями, торжественное закрытіе Финляндскаго Сейма. Теперь остались только двѣ сеймовыя коммиссіи: „Экспедиціонная“, изготовляющая заключенія Сейма въ окончательной редакціи, и „Провѣрочная“, редижирующая протоколы Сейма.

Въ послѣднія недѣли передъ закрытіемъ Сейма господствовавшіе на немъ все время вожаки „патріотической“ клики превзошли, можно сказать, самихъ себя въ яростной оппозиціи „русской политикѣ“. Такихъ рѣзкихъ выходокъ, какъ на Сеймѣ нынѣшняго года, не было еще ни на одномъ изъ финляндскихъ сеймовъ, хотя и прежде, начиная уже съ 1863 года, финляндскіе сеймовые ораторы всегда любили шумѣть „либеральными“ фразами. Теперь же у нихъ на Сеймѣ дѣло дошло, наконецъ, до того что какъ говорится, „своя своихъ не познаша“: сеймовые ораторы ополчились не только противъ русской государственной власти, но и противъ своего „собственнаго“, какъ они выражаются, „туземнаго правительства“, то-есть противъ финляндскаго Сената, и даже противъ министра-статсъ-секретаря. Выходки противъ Сената, неоднократно повторявшіяся въ теченіе сеймовой сессіи, отличались такою рѣзкостью что предводителямъ сословій нѣсколько разъ приходилось останавливать расходившихся ораторовъ.

Кромѣ обуявшаго финляндскихъ политикановъ оппозиціоннаго пыла вслѣдствіе нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ по требованію русской государственной власти, вопреки ихъ планамъ и желаніямъ, эти выходки противъ финляндскаго „туземнаго правительства“ объясняются еще и мѣстною партійною враждой между шведоманами (сторонниками шведскаго языка) и финноманами (сторонниками финскаго языка). Послѣдніе дѣлятся, кромѣ того, еще на двѣ фракціи, старо-финномановъ и младо-финномановъ. Младо-финноманы по многимъ вопросамъ примыкаютъ къ шведоманамъ. Наиболѣе вліятельное положеніе въ Сенатѣ и вообще въ финляндскомъ управленіи въ послѣднія десять лѣтъ занимаютъ старо-финноманы; на вновь открывающіяся вакансіи въ финляндской чиновной іерархіи они, конечно, стараются сажать тоже своихъ людей, а шведоманамъ не даютъ ходу. Шведоманы, господствовавшіе въ Финляндіи раньше въ теченіе многихъ лѣтъ, зарятся, со своей стороны, на ускользнувшій отъ нихъ финляндскій „общественный пирогъ“ и стараются выжить изъ „туземнаго правительства“ наиболѣе вліятельныхъ финномановъ.

Споры о „конституціонныхъ правахъ“ Сейма и объ отношеніяхъ къ русской государственной власти подали имъ теперь удобный поводъ предпринять походъ противъ Сената. Нужно притомъ замѣтить что хотя въ главныхъ пунктахъ сепаратистской теоріи объ отдѣльномъ отъ Россіи „финляндскомъ конституціонномъ государствѣ“ какъ шведоманы, такъ и финноманы вполнѣ сходятся между собою и дѣйствуютъ обыкновенно съ трогательнымъ единодушіемъ, но шведоманы въ этомъ отношеніи гораздо задорнѣе финномановъ. Послѣдніе не прочь иногда „уступить“ въ мелочахъ и предпочитаютъ дѣйствовать не крикливыми протестами и выходками, а болѣе осторожно, исподтишка. Это зависитъ частію отъ того что они желаютъ, конечно, удержать за собою „общественный пирогъ“ въ видѣ зависящихъ отъ русской власти доходныхъ мѣстъ и окладовъ, частію также отъ того что они

---

* Вскорѣ затѣмъ дѣйствительно состоялось Высочайшее повелѣніе о вступленіи новаго Уголовнаго Уложенія въ дѣйствіе.

** *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 157, отъ 10 іюня.

Digitized by Google

ближе чѣмъ шведоманы стоятъ къ массѣ финскаго населенія и не могутъ не знать что она далеко неодобрительно относится къ разнаго рода сепаратистскимъ махинаціямъ и бравадамъ.

Сенатъ въ послѣдніе годы сдѣлалъ нѣсколько такихъ „уступокъ“ требованіямъ русской государственной власти (напримѣръ,въ вопросахъ относительно объединенія почты и изданія нѣкоторыхъ постановленій о русскомъ языкѣ, дѣйствующихъ пока, впрочемъ, только на бумагѣ). Кромѣ того, по разнымъ другимъ дѣламъ Сенатъ разошелся во мнѣніяхъ съ Сеймомъ и о многихъ „рѣшеніяхъ“ Сейма 1891 года далъ неодобрительные отзывы въ своихъ всеподданнѣйшихъ представленіяхъ, что̀ и послужило, по объясненію шведомановъ, причиной неутвержденія этихъ „рѣшеній“.

Этимъ-то и воспользовались теперь на Сеймѣ шведоманы и союзные съ ними младо-финноманы для похода противъ „туземнаго правительства“, которое они шумно обвиняли въ „нарушеніи конституціи“, во „властолюбіи“ и т. д. Старо-финноманы на Сеймѣ (преобладающіе въ духовномъ и крестьянскомъ сословіяхъ) защищали, напротивъ, единомышленное съ ними старо-финноманское „правительство“. Много „бурныхъ“ сценъ разыгралось на Сеймѣ вслѣдствіе этихъ пререканій.

Приведу пока, въ видѣ обращика, одну такую сцену. Воспроизвожу ее, для сохраненія мѣстнаго колорита, съ дипломатическою точностью по стенографическимъ отчетамъ о засѣданіяхъ Сейма.

При обсужденіи въ бюргерскомъ сословіи (большинство котораго, какъ и большинство рыцарскаго сословія, принадлежитъ къ шведоманской партіи) представленнаго правительствомъ обзора мѣръ принятыхъ правительствомъ по поводу „рѣшеній“ послѣдняго Сейма, пренія началъ г. Гейкель слѣдующимъ образомъ:

„Документъ, переданный земскимъ чинамъ въ видѣ этого отчета, не можетъ произвести радостнаго впечатлѣнія. Бо́льшая часть рѣшеній земскихъ чиновъ послѣдняго Сейма. правда, утверждены, но сравнительно значительная часть рѣшеній оставлена Верховною Властью безъ вниманія. Весьма поучительно въ этомъ отношеніи сравненіе между нынѣшнимъ отчетомъ и тѣмъ отчетомъ который переданъ былъ правительствомъ Сейму 1891 года о правительственныхъ мѣрахъ, принятыхъ по поводу рѣшеній Сейма 1888 года.“

Сравнивъ затѣмъ въ своей рѣчи оба отчета, г. Гейкель сдѣлалъ слѣдующій выводъ:

„Такимъ образомъ сраненіе показываетъ что между тѣмъ какъ изъ рѣшеній земскихъ чиновъ на Сеймѣ 1888 года 1 моція (такъ называются законопроекты вырабатываемые самимъ Сеймомъ, безъ правительственнаго предложенія) и 5 петицій не могли быть одобрены Его Величествомъ, изъ рѣшеній и представленій земскихъ чиновъ на Сеймѣ 1891 года 4 или, вѣрнѣе, 5 пропозицій (то-есть отвѣтовъ Сейма на правительственныя предложенія), 2 моціи, 3 всеподданнѣйшія представленія и 11 петицій совсѣмъ или отчасти отвергнуты Верховною Властью. Когда отчетъ о мѣрахъ правительства по поводу рѣшеній предшествующаго Сейма обсуждался на Сеймѣ 1891 года, то я позволилъ себѣ высказать, что нужно выразить полную признательность правительству за предупредительность обнаруженную имъ по отношенію къ отзывамъ земскихъ чиновъ, и я находилъ въ этомъ основаніе для той надежды что также и представленія которыя впредь будутъ сдѣланы земскими чинами приняты будутъ во вниманіе Верховною Властью. Осуществилась ли эта надежда, видно изъ того что̀ я только что сказалъ. Нѣкоторые отказы (утвердить рѣшенія Сейма) происходятъ, правда, отъ причинъ лежащихъ внѣ границъ страны, но бо́льшая часть отказовъ, какъ извѣстно, явилась на основаніи совѣтовъ туземнаго правительства (Сената). Большинство или меньшинство правительства давало при этомъ неодобрительный отзывъ,— это, мнѣ кажется, въ дѣйствительности все равно, такъ какъ всѣмъ извѣстно что всякій неодобрительный отзывъ о какомъ-либо сеймовомъ рѣшеніи всегда можетъ разсчитывать на теплую под-

Digitized by Google

держку на одной промежуточной станціи которую каждое дѣло должно пройти по дорогѣ изъ Сената ко всеподданнѣйшему докладу (г. Гейкель подразумѣваетъ тутъ, очевидно, генералъ-губернатора), и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько это обстоятельство извѣстно, неодобрительные отзывы давали обыкновенно одни и тѣ же члены Сената (тутъ г. Гейкель разумѣетъ засѣдающихъ въ Сенатѣ вожаковъ старофинноманской партіи, Ирье-Коскинена, Игнаціуса, Энеберга и др.). Можно спросить себя при этомъ, что̀ послужило причиной такого отношенія правительства къ земскимъ чинамъ въ такое время когда единодушная совмѣстная работа правительства (то-есть Сената) и земскихъ чиновъ болѣе чѣмъ когда-либо вызывалась необходимостью? Развѣ земскіе чины въ своей критикѣ правительственныхъ дѣйствій были придирчивы, или обнаружили они въ своихъ рѣшеніяхъ менѣе чѣмъ прежде знанія и опытности относительно того чего требуетъ благо страны? На оба эти вопроса нужно отвѣтить отрицательно. Критика на нашихъ сеймахъ всегда (?!) была умѣренною и объективною. Никакой оппозиціи quand même не обнаруживалось, и всякая мѣра обсуждалась на основаніи фактическихъ данныхъ. Если же на этомъ Сеймѣ замѣчались, быть-можетъ, болѣе рѣзкія выраженія неодобренія въ разныхъ сословіяхъ, то это обстоятельство объясняется тѣмъ что правительство въ теченіе послѣднихъ лѣтъ давало поводъ къ справедливымъ порицаніямъ. Съ другой стороны, на нашихъ Сеймахъ не было также какой-либо правительственной партіи, которая при всякихъ обстоятельствахъ стремилась бы поддерживать правительство, такъ-сказать, per fas et nefas. Если же во время нынѣшняго Сейма можно было замѣтить возникновеніе такой партіи, то это нужно признать вызваннымъ обстоятельствами времени. Раньше правительство не нуждалась въ такой поддержкѣ за спиной. Если земскіе чины, со своей стороны, такимъ образомъ, не подавали повода къ тому непріязненному настроенію какое до извѣстной степени отличало отношеніе къ нимъ правительства, то что̀ было тогда причиной его? Какимъ цѣлямъ высшей политики правительство, по его мнѣнію, служило, и чего Сенатъ или отдѣльные его члены старались достигнуть, когда они такимъ образомъ выступали противъ представленій земскихъ чиновъ? Я не хочу и не могу дать отвѣта на эти вопросы. Но вѣрно то что такое поведеніе правительства не служитъ къ тому чтобъ укрѣпить расположеніе и довѣріе, какое въ нашей странѣ всегда питалось къ туземной совѣтной палатѣ (Сенату). Напротивъ *поведеніе и нынѣшній составъ Сената у многихъ мыслящихъ сограждан̀ возбуждаютъ серіозное безпокойство и составляютъ темную точку на горизонтѣ, и безъ того довольно мрачномъ*“.

Послѣ г. Гейкеля произнесъ слѣдующую рѣчь г. Лилле (издатель газеты *Nya Pressen*):

„Присоединяясь ко мнѣнію г. Гейкеля, я прошу позволенія обратить вниманіе сословія на пунктъ 15 обзора. Онъ гласитъ: „„Во всеподданнѣйшей „петиціи отъ 28 мая 1891 года земскіе чины ходатайствовали о томъ „чтобъ Его Императорскому Величе„ству, для точнаго опредѣленія право„ваго положенія финляндскаго почто„ваго вѣдомства, благоугодно было, въ „особомъ Высочайшемъ постановленіи, „пояснить что Финляндскій народъ так„же и въ томъ что̀ касается почтоваго „вѣдомства, имѣетъ предъ пользоваться „своимъ выраженнымъ въ основныхъ „законахъ и утвержденнымъ монарха„ми государства правомъ на управле„ніе посредствомъ собственныхъ вла„стей страны. При воспослѣдовавшемъ „всеподданнѣйшемъ докладѣ сего дѣла, *„Его Императорское Величество соизво„лилъ Высочайше повелѣть чтобы по„мянутая всеподданнѣйшая петиція „земскихъ чиновъ, какъ не заслуживаю„щая вниманія, оставлена была безъ „послѣдствій*““.

„Насколько извѣстно, одну изъ причинъ такого исхода этого дѣла нужно искать въ томъ что объ этой петиціи данъ былъ Сенатомъ неодобрительный отзывъ. Я не знаю какіе мотивы приводились при этомъ Сенатомъ. Предполагаю, однако, что они должны бы-

Digitized by Google

ли быть государственными мотивами самаго важнаго рода. И однакоже лишь немного нашлось въ этой странѣ такихъ гражданъ которые, при извѣстіи о неодобрительномъ отзывѣ Сената, не почувствовали бы что ихъ надежды обмануты, не испытали бы уныніе и скорби. Нужно вернуться на нѣсколько лѣтъ назадъ чтобы вполнѣ ясно представить себѣ то положеніе предъ которымъ стояла страна, когда возникъ вопросъ о подчиненіи финлядскаго почтоваго вѣдомства высшему руководству русской власти. Этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ прочими возбужденными въ связи съ нимъ важными политическими задачами, *ставилъ на видъ нашей странѣ гороскопъ будущаго столь мрачный по отношенію къ ея правамъ, что бо́льшая часть полученнаго нами отъ нашихъ предковъ наслѣдства казалась вмѣстѣ съ этимъ потерянною.* До послѣдней минуты у насъ надѣялись, однако, что *при проведеніи предстоящей реформы, установленный основными законами (?!) порядокъ производства дѣла будетъ лойяльно (!) соблюдаться. Но эта надежда была обманута.* Мнѣ не нужно изображать здѣсь тѣ *чувства съ какими принятъ былъ страной (?) почтовый манифестъ 12 іюня 1890 года.** Я не могу судить о томъ какимъ образомъ туземное правительство и тѣ люди которые тогда ближе всего стояли къ трону, охраняли въ этомъ вопросѣ интересы страны. Относящіеся сюда государственные акты неизвѣстны. *Будущее историческое изслѣдованіе можетъ вполнѣ безпристрастно обсудить поведеніе и поступки лицъ участвовавшихъ въ этой политической трагедіи* (!). Но что мы знаемъ, это то что люди засѣдавшіе тогда въ Императорскомъ Финляндскомъ Сенатѣ, въ затребованномъ у Сената отзывѣ (то-есть отзывѣ о проектѣ манифеста выработанномъ, какъ извѣстно, засѣдавшею въ Петербургѣ особою коммиссіей), представили проектъ предложенія Сейму заключавшій въ себѣ тѣ опредѣленія которыя по основнымъ законамъ (?) требуютъ содѣйствія земскихъ чиновъ. Когда этотъ проектъ оставленъ былъ безъ вниманія * Верховною Властью и почтовый манифестъ изданъ былъ безъ содѣйствія земскихъ чиновъ, сквозь общественное уныніе и безпокойство свѣтилась, однакоже, подобно искоркѣ, надежда на то что земскіе чины, вскорѣ долженствовавшіе собраться, не преминутъ изложить предъ тро́номъ то что̀ лежало у страны (?!) на сердцѣ. И эта надежда не была обманута, поскольку она касалась представительства. Тѣмъ болѣе горько обманута она была въ томъ что̀ касалось отношенія туземнаго правительства къ сеймовой петиціи. Я уже раньше высказалъ что лишь самые вѣскіе политическіе мотивы могли бы побудить большинство Сената дать о почтовой петиціи неодобрительный отзывъ. Но при этомъ нужно, однако, спросить себя, были ли эти мотивы настолько вѣски что могли совсѣмъ оттѣснить вѣроятную опасность, заключавшуюся въ томъ что неодобреніе Сенатомъ петиціи могло быть на самомъ дѣлѣ понято какъ опроверженіе того что̀ Сенатъ высказалъ за три года предъ тѣмъ по тому же вопросу. Земскіе чины изложили въ петиціи что *опредѣленія почтоваго манифеста противорѣчатъ основнымъ законамъ страны и праву на внутреннее самоуправленіе, признанное за страною этими законами.* Тотъ же самый взглядъ высказалъ Сенатъ въ своихъ представленіяхъ Его Величеству, когда дѣло ранѣе обсуждалось. Но, несмотря на все это, теперь Сенатъ нашелъ причины про-

---

* Дѣйствительно, излишне изображать „чувства“ обнаруженныя финляндскою „патріотическою“ кликой при появленіи Высочайшаго манифеста 1890 года объ объединеніи финляндской почты съ общегосударственною. См. объ этомъ сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. I, стр. 408—415, 424—426. Напрасно только г Лилле смѣшиваетъ „чувства“ своей клики съ чувствами „страны“.

* Сенатъ настаивалъ сперва на томъ чтобы важнѣйшія положенія манифеста передать сперва на разсмотрѣніе Сейма и испросить его „согласіе“. Предполагалось, само собою разумѣется, что Сеймъ „согласія“ не дастъ, и тѣмъ все дѣло и кончится.

Digitized by Google

сить у Его Величества объ оставленіи петиціи сейма безъ вниманія.

„Я не въ состояніи разобрать мотивы такого образа дѣйствій и еще меньше — произнести приговоръ о немъ, *но что я знаю, это то что никогда еще надежды страны (!) не были тяжелье обмануты какъ въ этомъ пунктѣ. И никогда Сенатъ не дѣлалъ шага болье способнаго расширить трещину между правительствомъ и народомъ, чѣмъ тотъ шагъ который сдѣланъ былъ когда довѣрчивое обращеніе страны къ Монарху встрѣтило неодобреніе со стороны туземныхъ людей.“ (Крики: „Хорошо!“ въ залѣ засѣданія).*

Гг. Гейкелю и Лилле возражали два члена бюргерскаго сословія, принадлежащіе къ старо-финноманской партіи, гг. Стенротъ и Лиліусъ. Изъ нихъ первый отрицалъ въ своей рѣчи существованіе на сеймѣ „правительственной“ (то-есть сенатской) партіи, а послѣдній, поднявшись со своего мѣста, произнесъ слѣдующее:

„Я просилъ слова только для того чтобы вкратцѣ охарактеризовать недоказанныя обвиненія гг. Гейкеля и Лилле, какъ недостойный нашего сословія политическій фейерверкъ.“ *(Свистки въ залѣ засѣданія.)*

К.

Digitized by Google

„ФИНЛЯНДІЯ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ“.*

Въ Гельсингфорсѣ въ настоящее время издается весьма изящный сборникъ—*Финляндія въ XIX столѣтіи*—съ большимъ числомъ хорошо исполненныхъ рисунковъ и портретовъ какъ въ текстѣ, такъ и въ приложеніи. Статьями и рисунками издатель сборника дѣлаетъ попытку охарактеризовать все достопримѣчательное въ исторіи Финляндіи послѣдняго времени. Въ роли сего издателя выступилъ тотъ самый Л. Мехелинъ который извѣстенъ у насъ по своей дѣятельности въ то недавнее время когда русская печать впервые усиленно заговорила о вновь открытомъ „государствѣ“ на сѣверо-западѣ Россіи.

Л. Мехелинъ усердно изготовлялъ тогда статьи и брошюры на разныхъ языкахъ и щедро разсыпалъ ихъ во всѣ стороны, прославляя въ нихъ рѣдкія особенности новаго государства. До того времени онъ проявилъ себя въ качествѣ профессора Александровскаго университета, ретиво ораторствовалъ на всѣхъ собраніяхъ и съѣздахъ, на всякихъ обѣдахъ и ужинахъ и, наконецъ, являлся дѣятельнымъ членомъ Сейма и Сената. Объ этомъ онъ, безъ малѣйшей скромности, заявляетъ во всеобщее свѣдѣніе въ своемъ сборникѣ (на 110 стр.), говоря что обыкновенно де Сенатъ пополнялся высшими гражданскими чиновниками и иногда изъ людей ученой корпораціи. Такъ было де до 1882 года; но вотъ онъ (вмѣстѣ съ Коскиненомъ и Монгомери) занялъ видное положеніе въ обществѣ, благодаря своей дѣятельности на Сеймѣ, и его призвали въ Сенатъ. „Этимъ назначеніямъ присвоивалось, и не безъ основанія, извѣстное политическое значеніе“ (!!) прибавляетъ Л. Мехелинъ, рекомендуя себя такимъ способомъ читателю.

Въ издаваемомъ сборникѣ Л. Мехелинъ „подарилъ свое отечество“ политическимъ обозрѣніемъ, занимающимъ 50 страницъ. Громкая извѣстность автора побудила насъ ознакомиться съ этимъ новымъ его трудомъ. Прочтя его, мы прежде всего убѣдились что нояаго онъ почти ничего не повѣдалъ русскому читателю, хотя нѣсколько знакомому съ прежними его работами. Авторъ уныло тянетъ свою прежнюю пѣсенку; онъ, какъ и прежде, продолжаетъ вращать въ хриплой шарманкѣ старый валикъ съ избитыми мотивами о томъ что участь Финляндіи была рѣшена на Боргоскомъ сеймѣ 1809 года; что императоромъ Александромъ I были утверждекы за Великимъ Княжествомъ такіе основные законы какіе были не по плечу простой провинціи, а неизбѣжно предполагали наличность государственнаго организма и т. д. и т. д. (85 стр.). Несмотря на то что издатель сборника прославленъ на всемъ

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 9, отъ 9 января.

Digitized by Google

пространствѣ отъ Торнео до Бѣлоострова и авторитетъ его признанъ даже въ Меккѣ шведской учености, въ Упсалѣ, мы отнюдь не можемъ раздѣлять его политической теоріи; но вовсе не желая на сей разъ полемизировать съ нимъ, мы, по возможности воздерживаясь даже отъ всякихъ комментаріевъ, ограничимся лишь тѣмъ что приведемъ изъ его новаго обозрѣнія нѣсколько болѣе или менѣе назидательныхъ выдержекъ.

Л. Мехелинъ, видимо, сознаетъ внутренно что измышленная Финляндцами теорія договора между Финскимъ народомъ и Русскимъ монархомъ въ городѣ Борго, а также ученіе о возникновеніи новаго государства на подобіе появленія Венеры изъ вѣны морской, требуютъ новыхъ и новыхъ доказательствъ, доказательствъ историческихъ, юридическихъ и логическихъ; почему онъ изощряетъ свой изворотливый умъ и, пользуясь далеко не удобнымъ случаемъ, наполняетъ сборникъ своими доводами. Это — характерное обстоятельство. Сборникъ, очевидно, предназначается главнымъ образомъ для „любезныхъ соотечественниковъ“; онъ, судя по его программѣ, долженъ заключать въ себѣ рядъ объективныхъ очерковъ по разнымъ отраслямъ политической и культурной жизни Великаго Княжества, очерковъ имѣющихъ цѣлью кратко резюмировать итоги жизни его за послѣднее столѣтіе,—и вдругъ „въ политическомъ обозрѣніи“ сборника, вмѣсто простаго изложенія несомнѣнныхъ фактовъ и событій, громоздится цѣлый рядъ доказательствъ полемическаго свойства, въ подтвержденіе того что финляндская депутація имѣла важное значеніе, что представители сословій на Боргоскомъ сеймѣ дѣйствовали вполнѣ раціонально и законно и т. д. Что же все это значитъ? А то что въ Финляндіи еще имѣется потребность въ подобномъ философствованіи, что „любезные соотечественники“ не достаточно тверды въ своей исторіи, а главное—не умѣютъ надлежащимъ образомъ освѣщать ея событія. Иначе говоря, это есть сознаніе самого Л. Мехелина въ томъ что новое ученіе о „государственности“ Финляндіи еще не пустило достаточно глубокихъ корней въ общественномъ сознаніи, и въ томъ что оно не достаточно прочно обосновано во всѣхъ своихъ деталяхъ. Иначе трудно понять полемическое усердіе Л. Мехелина въ названномъ сборникѣ.

Авторъ „политическаго обозрѣнія“ видитъ, напримѣръ, что не совсѣмъ-то ладно устроился союзъ Финляндіи съ Россіей, такъ какъ засѣданія Боргоскаго сейма происходили въ то время когда „военныя операціи“ еще продолжались и задолго до заключенія Швеціей мирнаго договора съ Россіей, то-есть что финляндскіе депутаты „договаривались“ на сеймѣ съ русскою властью раньше чѣмъ Шведскій король уступилъ свои права на Финляндію, раньше чѣмъ онъ освободилъ своихъ финляндскихъ подданныхъ отъ принесенной ему вѣрноподданнической присяги. На это обстоятельство было указано въ русской печати, и вотъ Л. Мехелина мучаютъ сомнѣнія: нѣтъ ли тутъ измѣны? имѣло ли тутъ мѣсто насиліе или добровольное дѣйствіе?—словомъ, какъ смотрѣть на это отпаденіе Финляндіи отъ Швеціи? Въ отвѣтъ на подобные вопросы и сомнѣнія Л. Мехелинъ въ свое утѣшеніе и въ назиданіе потомства философствуетъ, примѣрно, такъ:

„Дѣйствіе подобное выбору земскихъ чиновъ во всѣхъ частяхъ края не могло быть вынуждено силой оружія. Точно также необходимо признать добровольными собственныя дѣйствія земскихъ чиновъ прибывшихъ на сеймъ и признаніе ими Русскаго Государя великимъ княземъ Финляндіи. Что императоръ Александръ I именно такъ и смотрѣлъ на это, видно изъ манифеста Финскому народу отъ 23 марта (4 апрѣля) 1809 года, въ которомъ говорится что Государь взираетъ на присягу вѣрности, принесенную сословіями „„добровольно и по своему побужденію““, какъ на законную, имѣющую обязательную силу для каждаго обывателя Финляндіи... Были только два исхода: или не разрывать со Швеціей и, путемъ расширенныхъ народныхъ возстаній продолжать борьбу, или принять условія предложенныя побѣдителемъ. Передовые люди страны были убѣждены въ томъ что первая альтернатива повела бы только къ увеличенію страданій края и къ

Digitized by Google

окончательному его подчиненію съ послѣдствіями, которыхъ нельзя было и предвидѣть. Зная что послѣдняя альтернатива, оцѣненная строго юридически, являлась отпаденіемъ отъ политическаго объединенія со Швеціей,—объединенія, которое хотя и было поколеблено военными дѣйствіями, но формально еще не было уничтожено,—мужи бывшіе представителями своей страны въ это переходное время обязаны были тѣмъ не менѣе, понять что не только ихъ право, но и долгъ обязывали ихъ дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствовали. Король Густавъ IV Адольфъ, навлекшій столько невзгодъ на свое государство, былъ лишенъ трона неизбѣжною революціей. Новое правительство должно было сосредоточить остатки ослабленныхъ шведскихъ силъ на защиту того что́ еще не было потеряно; для Финляндіи же оно болѣе ничего не могло сдѣлать. Теперь императоръ Александръ I пожелалъ, не дожидаясь заключенія мирнаго договора со Швеціей, довершить соединеніе Финляндіи съ Имперіей, съ сохраненіемъ общественнаго устройства страны и ея правоваго порядка. Для этого онъ призвалъ содѣйствіе финляндскихъ сословій. Долгъ гражданина, обязывавшій его позаботиться о будущности своей родины, повелѣвалъ ему послѣдовать подобному вызову, и предъ такою обязанностью всѣ опасенія формальнаго свойства должны были отступить на второй планъ."

Вотъ какими поводами доказано что финляндскіе депутаты на Боргоскомъ сеймѣ дѣйствовали вполнѣ раціонально и могли выступить какъ договорившаяся сторона съ нѣкоторыми правами...

—

Въ качествѣ историка, Л. Мехелинъ изрекаетъ иногда въ своемъ „политическомъ обозрѣніи" приговоры о бывшихъ дѣятеляхъ. Изъ этихъ приговоровъ не лишены нѣкотораго интереса для русскаго читателя тѣ которые относятся къ бывшимъ генералъ-губернаторамъ края. Только двое изъ финляндскихъ генералъ-губернаторовъ „удостоились" благосклоннаго его отзыва: Штейнгель и графъ Адлербергъ; остальными онъ не вполнѣ доволенъ.

Штейнгель, по словамъ автора, оставилъ по себѣ хорошую помять благодаря своему гуманному обхожденію и уваженію оказанному финляндскимъ законамъ. Въ чемъ и какъ выразилось уваженіе Штейнгеля къ финляндскимъ законамъ—Л. Мехелинъ не объясняетъ; но изъ другаго, финляндскаго же, источника (см. Danielson, *Finlands inre sjelfständighet*, 74—80 стр.) мы знаемъ что Шведо-Финны благоговѣютъ предъ памятью Штейнгеля за то что онъ, будучи въ 1811 году предсѣдателемъ коммиссіи разсматривавшей, по приказанію императора, инструкціи составленныя для генералъ-губернатора и прокурора Финляндскаго Сената, высказался въ томъ смыслѣ что онѣ составлены не вполнѣ согласно съ „основными законами Финляндіи," то-есть Формой Правленія 1772 года и Актомъ Охраненія и Безопасности 1789 года. Какъ извѣстно, эти шведскіе законы всѣми проповѣдниками финляндской „государственности" кладутся во главу угла всѣхъ ихъ теорій и разглагольствій по сему вопросу. Къ сказанному прибавимъ лишь что „слабый, ошведившійся Нѣмецъ Штейнгель" въ послѣдствіи лишился своего мѣста именно за то что излишне вторилъ финляндскимъ заправиламъ.

Графа Адлерберга Л. Мехелинъ восхваляетъ за то что тотъ проникся уваженіемъ къ финляндскимъ учрежденіямъ и понялъ что генералъ-губернаторъ долженъ опираться на Сенатъ и сосредоточивать свое вниманіе на тѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ которыя восходятъ на разрѣшеніе Государя Императора. Графъ Адлербергъ понялъ также что передовой дѣятель Финляндіи, обязанности котораго указаны лишь финляндскими законами, наилучше исполняетъ свой долгъ и отвѣчаетъ довѣрію Монарха если ищетъ своей славы въ томъ чтобы содѣйствовать истиннымъ интересамъ *этой* страны, кои, вѣрно понятые, никогда не могутъ противорѣчить интересамъ Имперіи (100 стр.).

Этими своими существенными качествами финляндскаго генералъ-губернатора, графъ Адлербергъ, повидимому, искупилъ, въ глазахъ Л. Мехелина, свою немаловажную вину, заключав-

Digitized by Google

шуюся въ томъ что онъ въ началѣ своего управленія краемъ, будучи весьма чувствителенъ къ газетной критикѣ, явился иниціаторомъ въ дѣлѣ стѣсненія свободы финляндской печати; зная этотъ фактъ, Л. Мехелинъ, тѣмъ не менѣе, не дѣлаетъ за него особаго упрека покойному графу (стр. 102).

Съ періодомъ управленія графа Адлерберга совпали работы по составленію для Финляндіи особаго устава о воинской повинности. Сеймъ 1878 года существенно измѣнилъ переданный на его обсужденіе проектъ сего устава и вписалъ въ него между прочимъ, слѣдующій параграфъ: „Военныя силы Финляндіи имѣютъ цѣлью защищать престолъ и отечество и тѣмъ содѣйствовать также и защитѣ Имперіи.“ По словамъ Л. Мехелина, земскіе чины желали этимъ положеніемъ опредѣлить то ограниченное значеніе какое могла имѣть финская армія, въ зависимости отъ политическаго положенія Великаго Княжества. Эти обстоятельства дали Л. Мехелину поводъ высказать въ своемъ сборникѣ слѣдующее:

„Во всемъ этомъ дѣлѣ обнаружилось что Александръ II питалъ довѣріе къ Финскому народу. Русскій военный министръ Милютинъ отсовѣтывалъ представленіе предложенія (о введеніи въ Финляндіи общей воинской повинности), съ ясно высказаннымъ недовѣріемъ къ политическому образу мыслей въ Финляндіи; но государь не внялъ его совѣтамъ, и когда выяснилось что сдѣланныя земскими чинами весьма существенныя измѣненія въ законопроектѣ имѣли цѣлью лучше приспособить новое учрежденіе къ финляндскимъ порядкамъ, Александръ II не отказалъ въ утвержденіи сего устава въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ принятъ представителями сословій. Онъ согласился также на просьбу сословій чтобы, въ виду введенія всеобщей воинской повинности, обязанность обывателей отводить помѣщенія подъ постой войскамъ въ мирное время была ограничена лишь случаями прохожденія войскъ или временныхъ ихъ командировокъ.“

О томъ, какую роль игралъ графъ Адлербергъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, авторъ не упоминаетъ; но о ней уже было говорено въ № 150 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ *, и потому мы ея не коснемся.

Снисходительно отозвался Л. Мехелинъ и о баронѣ П. Рокасовскомъ (1861—1866) за его благоразумный характеръ и за то что онъ научился понимать и цѣнить Финляндію (99 стр.). За что же, спрашивается, недоволенъ Л. Мехелинъ дѣйствіями остальныхъ генералъ-губернаторовъ? Чѣмъ они вызвали болѣе суровые о себѣ отзывы?

Оказывается что Арсеній Закревскій (1823—1831), напримѣръ, совершенно не былъ знакомъ съ „государственнымъ устройствомъ“ Финляндіи; главная же вина его, конечно, заключается въ томъ что, вскорѣ послѣ своего назначенія въ Финляндію, онъ испросилъ нѣсколько Высочайшихъ предписаній безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ финляндскихъ Сенатѣ и Комитетѣ (93 стр.).

Князь А. Меншиковъ (1831—1855) получилъ весьма важное право сопровождать мнѣнія Сената своими замѣчаніями и, кромѣ того, часто имѣлъ у государя личные доклады по финляндскимъ дѣламъ, чѣмъ, конечно, подрывалъ значеніе статсъ-секретаріата. Меншиковъ, какъ человѣкъ богато одаренный, прибавляетъ Мехелинъ, не охотно уступалъ первенство кому бы то ни было (95 стр.).

Графъ Бергъ (1855—1861), по характеристикѣ того же автора, не питалъ особаго сочувствія къ сеймовымъ планамъ. Онъ желалъ вліять на все и во всемъ сохранять за собой иниціативу; цензура была имъ сильно подтянута. Министръ статсъ-секретарь, со своей стороны, нашелъ необходимымъ укрѣпить свое положеніе учрежденіемъ въ 1857 году, при статсъ-секретаріатѣ, комитета для дачи заключеній по тѣмъ дѣламъ, кои будутъ переданы ему Государемъ Императоромъ (98 стр.).

—

Вполнѣ естественно что Л. Мехелинъ, какъ составитель „политическаго“ очерка Финляндіи и какъ публицистъ, из-

* См. *Фин. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 458—461.

Digitized by Google

ведшій не мало чернилъ на борьбу противъ объединительныхъ реформъ послѣдняго времени, не могъ обойти молчаніемъ такого знаменательнаго періода въ исторіи своей родины, какъ послѣднее десятилѣтіе. Всѣ его разглагольствія объ этомъ періодѣ сводятся, примѣрно, къ слѣдующему:

Образъ мыслей Финляндцевъ и отношенія ихъ къ Россіи и Русскимъ проходили разныя стадіи. Сперва темныя тучи 1808 года не предсказывали ничего утѣшительнаго; но вскорѣ онѣ были разсѣяны увѣреніями Александра I и дарованіемъ Финляндіи внутренней самостоятельности. Страхъ постоянныхъ войнъ миновалъ въ Финляндцахъ; со стороны Россіи не слышно было озлобленныхъ голосовъ, и, казалось, путь ко взаимному сближенію двухъ народовъ былъ очищенъ. Особенно же свѣтло взглянули на будущее Финны послѣ 1863 года.

Но все было испорчено въ послѣднее десятилѣтіе русскими газетами, избравшими мишенью для своихъ нападокъ правовой порядокъ Финляндіи. „То онѣ указывали на необходимость уничтоженія того государственнаго устройства и внутренней самостоятельности, которыя были удостовѣрены за Финляндіей Александромъ I; то пробовали доказать что подобнаго удостовѣренія вовсе дано не было, что Александръ I желалъ предоставить странѣ лишь извѣстную административную самостоятельность, и что Финляндцы только благодаря дерзкому пронырству присвоили себѣ болѣе широкія привилегіи. Любовь Финляндцевъ къ родинѣ и ея учрежденіямъ назвали „„сепаратизмомъ““ съ цѣлью возбудить недовольство лойяльностію Финскаго народа.“ Несправедливымъ нападкамъ русскихъ газетъ данъ сильный отпоръ какъ ежедневною печатью Финляндіи, такъ и книгами и брошюрами Даніельсона, Л. Мехелина, Германсона и Мермана; всѣ лжетолкованія фанатической русской партіи разоблачены де и ниспровергнуты, хотя, къ сожалѣнію, отповѣдь эта не имѣла доступа въ среду большинства русскаго общества. Нечего и говорить что русскую „аггрессивную“ партію не образумили ни доводы Финляндцевъ, ни голоса благоразумной части русской печати. Съ печалью стали обнаруживать Финны въ правительственныхъ мѣрахъ нѣкоторый „рефлексъ“ программы названной партіи. Общее безпокойство, охватившее финляндское населеніе, отозвалось въ рѣчахъ представителей сословій при открытіи Сейма 1891 года, послѣдствіемъ чего былъ рескриптъ Государя Императора отъ 28 февраля.

Повторимъ здѣсь кстати нѣкоторыя части сего Рескрипта, — конечно, не въ слабомъ пересказѣ Л. Мехелина, а подлинными словами сего документа:

„Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой части и ранѣе, въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ, по волѣ блаженной памяти Императора Александра I, особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Такое удостовѣреніе подтверждаемо было и Его державными Преемниками.

„Несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ, къ сожалѣнію, поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ государства Россійскаго. Я надѣюсь, однако, что благоразуміе Финскаго народа разсѣетъ это заблужденіе, а правильное пониманіе собственныхъ выгодъ побудитъ его стремиться къ вящему скрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіей.

„Въ намѣренія Мои не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія.“

Digitized by Google

Послѣ указанія на сей Рескриптъ, Л. Мехелинъ упоминаетъ о томъ особомъ совѣщаніи, которое учреждено для разсмотрѣнія проектовъ основныхъ законовъ Финляндіи. Итакъ, заключаетъ авторъ, „вопросы полные значенія стоятъ на очереди при исходѣ XIX столѣтія. Путь, которымъ они могутъ быть рѣшены, опредѣленъ въ финляндскихъ основныхъ законахъ."

—

Въ слѣдующей главѣ сборника, трактующей о Церкви,—главѣ также принадлежащей перу Л. Мехелина,—есть нѣсколько строчекъ заслуживающихъ вниманія. Еще покойный К. Ф. Ординъ, этотъ рѣдкій ревнитель русскаго дѣла и интересовъ православія въ Финляндіи, указалъ на то что при переводѣ „грамоты" отъ 15 марта 1809 года, Финляндцы, безо всякаго къ тому основанія, назвали свою религію „религіей страны". Для чего это было сдѣлано, — о томъ здѣсь говорить не будемъ. Какъ бы то ни было, но Л. Мехелинъ находитъ нужнымъ обосновать этотъ пунктъ финляндской „государственной" теоріи и поэтому пишетъ (на 113 стр.):

„Надо замѣтить что *только* евангелическо-лютеранская церковь въ странѣ получаетъ свое уложеніе утвержденнымъ при посредствѣ законодательной власти края. Уже на семъ только основаніи можно говорить что эта церковь имѣетъ положеніе *государственной церкви* (**stats kyrka**). Но, кромѣ того, это вытекаетъ еще изъ другихъ обстоятельствъ: изъ правоваго и экономическаго положенія лютеранскаго духовенства, какъ оно установлено привилегіями 1723, сеймовымъ уставомъ 1869 года и другими спеціальными законами, и изъ обязаности университета въ особомъ теологическомъ факультетѣ подготовлять пасторовъ для лютеранскихъ приходовъ."

Не будемъ настаивать на нашемъ утвержденіи,—быть-можетъ, мы и ошибаемся,—но прочтя въ иллюстрированномъ *Сборникѣ* строки, подобныя приведеннымъ, намъ невольно представляется что почтенный издатель настолько увлеченъ своею работой по обоснованію теоріи финляндскаго государства, что въ настоящее время, о чемъ бы онъ ни говорилъ, о чемъ бы ни писалъ, рѣчь его неизбѣжно сводится на полемику съ тѣми, кто не раздѣляетъ финляндскихъ взглядовъ на событія исторіи...

Излагая далѣе (на 117 стр.) исторію законодательныхъ работъ по составленію новаго Уголовнаго Уложенія для Финляндіи и упомянувъ о томъ что Сейму 1894 года предстоитъ вновь разсмотрѣть это уложеніе, Л. Мехелинъ, по всѣмъ правиламъ краснорѣчія, взываетъ къ нелицепріятному будущему, прося его документально изслѣдовать какими путями и средствами удалось русскимъ государственнымъ дѣятелямъ задержать вступленіе въ дѣйствіе уже утвержденнаго и опубликованнаго закона: были ли тутъ серіозныя основанія и причины, или это было лишь послѣдствіемъ постороннихъ политическихъ соображеній?

Смѣемъ увѣрить автора что онъ напрасно будетъ ожидать какихъ-либо разоблаченій по сему вопросу въ *Русской Старинѣ* или *Русскомъ Архивѣ*, такъ какъ дѣло это было до очевидности просто, и все оно происходило на виду у всѣхъ имѣвшихъ глаза чтобы видѣть.

Наконецъ, глава о законодательствѣ Финляндіи заканчивается (123 стр.) слѣдующимъ наставленіемъ Л. Мехелина своимъ соотечественникамъ:

„Періодъ времени съ 1863 года былъ въ общественной жизни разнообразнымъ и плодотворнымъ періодомъ реформъ. Послѣ конца 1889 года первою обязанностью государственныхъ людей Финляндіи и ея народныхъ представителей должна быть защита и охрана дѣйствующаго права и тѣхъ успѣховъ, кои пріобрѣтены при посредствѣ „„отечественной работы"". Эта обязанность предписывается священнымъ долгомъ обезпечить будущему поколѣнію условія существованія Финскаго народа"...

Ж. АБОВЪ.

Digitized by Google

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

ПО ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

1.

Дѣла финляндскія *.

Новое Время (№ 6.428) выражаетъ какъ бы нѣкоторое недоумѣніе по поводу извѣстій о Гельсингфорсскомъ Сеймѣ:

Появившіяся въ русской печати извѣстія о Финляндскомъ Сеймѣ—способны вызвать нѣкоторое недоумѣніе. По свѣдѣніямъ однѣхъ газетъ, на этотъ разъ Сеймомъ руководятъ люди умѣренные и въ примирительномъ направленіи. Извѣстія другихъ газетъ рисуютъ настроеніе, по крайней мѣрѣ вожаковъ Сейма, въ иномъ свѣтѣ. Между прочимъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ о такихъ выходкахъ которыя очень трудно отнести къ проявленіямъ примирительнаго направленія.

Приведя извѣстія нашего корреспондента, газета замѣчаетъ:

Русскіе читатели безъ труда, конечно, догадаются, куда мѣтятъ предводители и руководители Финляндскаго Сейма, говоря о „мрачныхъ тучахъ“ и о „новыхъ тучахъ“ („новыя тучи“, это, должно-быть, открытіе контрабанды, которая прошлою осенью была финляндскими властями допущена въ обходъ таможенныхъ мѣръ противъ Германіи, и которая вызвала съ русской стороны едва-ли пріятный для финляндскихъ отцовъ отечества репримандъ). Мы, со своей стороны, думаемъ что едва ли въ Россіи кто-нибудь былъ бы противъ того чтобы „тучи“ хорошенько сбрызнули финляндскій „политическій горизонтъ“, очень нуждающійся въ освѣженіи.

2.

Новѣйшая свистопляска **.

Крѣпко въѣлась „свистопляска“ въ петербургскія газетныя традиціи. Вотъ какъ, напримѣръ, *Русская Жизнь* (№ 21) излагаетъ своимъ читателямъ отношенія *Московскихъ Вѣдомостей* и *Новаго Времени* къ рѣчамъ произнесеннымъ при открытіи Финляндскаго Сейма:

Открытіе Финляндскаго Сейма возвратило память нѣкоторымъ нашимъ газетамъ. Онѣ, въ хлопотахъ о франко-русскомъ единеніи, о

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 23, отъ 23 января.

** *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 25, отъ 25 января.

Digitized by Google

литературной конвенціи, о постановкѣ на сцену водевилей гг. Суворина, Величко и Крылова, совершенно было выпустили изъ рукъ и изъ сферы своего вниманія злополучную Финляндію: съ самаго лѣта о ней разговоровъ не было. И чего только за это время Чухонцы не натворили—это только съ большимъ трудомъ можно себѣ представить. Достаточно сказать что они до сихъ поръ не ввели у себя урядникомъ и не размѣняли еще своихъ марокъ на русскіе кредитные билеты. Такимъ образомъ, бездѣйствуя на стезѣ добродѣтели, они досуги свои посвящали нѣкоторымъ метеорологическимъ наблюденіямъ. И на этомъ то ихъ и поймали дворники бдительной печати, ни разу не оштрафованные за спанье у газетныхъ воротъ, изъ которыхъ вывозится на улицу всякое мелево. Чухонцы, оказывается, успѣли уже наблюсти „мрачныя тучи на горизонтѣ", какіе-то „тревожные признаки" и пр.

— Какія такія тучи? Какіе такіе признаки? — были спрошены Чухонцы.

Застигнутые врасплохъ не успѣли и отвѣта вымолвить, какъ послѣдовала газетная резолюція, конечно, нелицепріятная и откровенная.

Не можемъ не сознаться что финляндскіе „патріоты" во всякомъ случаѣ заслуживаютъ всетаки бо́льшаго уваженія нежели эти якобы „Русскіе", на русскомъ языкѣ и въ русской газетѣ поддерживающіе противорусское дѣло. Стыдно подумать что находятся для нихъ въ Россіи читатели *.

3.

„Новое Время" о финляндскихъ дѣлахъ **.

Новое Время, сообщавшее не разъ и прежде вздорныя извѣстія о финляндскихъ дѣлахъ (въ родѣ, напримѣръ, извѣстій о командировкѣ учителей финляндскихъ народныхъ школъ въ Петербургъ для изученія русскаго языка, объ учрежденіи въ минувшемъ году цѣлаго десятка новыхъ русскихъ школъ въ Финляндіи и т. д.), — *Новое Время* на-дняхъ (въ № отъ 8 февраля) помѣстило удивительную корреспонденцію о нынѣшнемъ Финляндскомъ Сеймѣ.

Начинается эта корреспонденція съ извѣщенія о томъ будто Сеймъ „на-дняхъ" закрывается (между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ засѣданія его, начавшіяся въ половинѣ января, продолжатся еще *цѣлые три мѣсяца*). Далѣе сообщаются нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о дѣятельности Сейма, самымъ прихотливымъ образомъ перепутанныя съ вымысломъ: нѣкоторыя возбужденныя на Сеймѣ ходатайства выдаются за установленныя уже законы; по поводу вопроса объ исполненіи русскихъ судебныхъ приговоровъ по тяжебнымъ дѣламъ говорится что они теперь исполняются финляндскими властями (между тѣмъ какъ вопросъ потому именно и возбужденъ что они *не* исполняются, какъ это и было въ свое время разъяснено въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*).

Другія петербургскія газеты (напримѣръ *Свѣтъ*), ничтоже сумняся, перепечатали изъ *Новаго Времени* эти вздорныя сообщенія...

Нельзя не пожалѣть о такомъ легкомысленномъ отношеніи петербургской печати къ финляндскимъ дѣламъ, тѣмъ болѣе что появленіе подобныхъ сообщеній даетъ финляндскимъ газетамъ удобный поводъ умалять въ глазахъ своихъ читателей значеніе вообще отзывовъ русской печати о финляндскихъ дѣлахъ. Такъ, вышеупомянутое сообщеніе *Новаго Времени* воспроизведено гельсингфорсскими газетами въ видѣ куріознаго обращика того какъ мало де освѣдомлены русскія газеты относительно финляндскихъ дѣлъ, и какъ мало можно довѣрять ихъ статьямъ о Финляндіи.

---

* Ср. *Финл. Окраину Россіи*, вып. 2-й, стр. 552, гдѣ говорится о сочувственномъ отношеніи *Вѣстника Европы*, *Новостей* и *Русскихъ Вѣдомостей* къ финляндскому сепаратизму. Нужно отдать справедливость *Русской Жизни*: она положительно перещеголяла всѣ эти „либеральные" органы въ горячемъ сочувствіи къ анти-русскимъ выходкамъ и захватамъ финляндскихъ „патріотовъ".

** *Московскія Вѣдомости* 1894 года. № 48, отъ 17 февраля.

Digitized by Google

4.

Государство въ государствѣ *.

Недѣля (№ 12) такъ обрисовываетъ положеніе и настроеніе Финляндіи:

Что бы ни утверждала наша охранительная печать о томъ что Финляндія не есть *государство*; какъ это ни прискорбно для русскаго самолюбія, какъ ни неудобно для государственныхъ цѣлей,—маленькая Финляндія есть дѣйствительно *особое* государство, до такой степени особое что Ирландцы, напримѣръ, считаютъ подобную самостоятельность несбыточною мечтой. Долго ли продержится эта финляндская полузависимость: вопросъ другой и уже кажется, „взвѣшенный судьбой",—но пока на лицо вся видимость самостоятельнаго вассальнаго государства: свой образъ правленія, свое законодательство, свое государственное хозяйство и все это сложилось хотя, быть можетъ, не совсѣмъ законно, но прочно.

Можетъ быть, мы и сами виноваты въ нарожденіи этой „настоящей заграницы" у себя дома; интересуясь западною, самою отдаленною Европой и соря тамъ ежегодно милліоны, мы совершенно не интересуемся своими собственными уголками Европы: Финляндіей, Польшей, Прибалтійскимъ краемъ.

Это правда, но только въ отношеніи либеральной прессы странно упрекать прессу „охранительную" или, точнѣе говоря, *русскую*. (Потому что *въ этомъ* то и ея отличіе отъ такъ-называемой „либеральной"). Развѣ не эта пресса ввела „уголки Европы" въ русскій кругозоръ? *Недѣля* только нынче сообразила что Финляндія составляетъ государство въ государствѣ, но это же давно могла бы она узнать изъ *Московскихъ Вѣдомостей*. *Недѣля* могла бы узнать и больше: что это „государство" незаконное, созданное не по праву, а путемъ интриги, такое же „государство", какими могли быть иныя „конституціи", столько разъ навязывавшіяся Петербургомъ Русскому государству.

5.

Финляндскія дѣла. **

Изъ органовъ нашей печати столь немногіе имѣютъ освѣдомленіе о финляндскихъ дѣлахъ что нельзя не отмѣтить, съ особымъ удовольствіемъ, появленія въ *Русскомъ Обозрѣніи* (май) писемъ изъ Финляндіи К. Якубова. Авторъ обстоятельно обрисовываетъ національный сепаратизмъ финляндскихъ политикановъ, выразившійся въ типичной фразѣ одного мѣстнаго публициста:

„Желательно чтобы духъ Побѣдоносцева отступилъ передъ мужественнымъ словомъ со стороны земскихъ чиновъ Финляндіи".

„Духъ Побѣдоносцева", это на языкѣ финляндскаго автора означаетъ—духъ русской національной политики,—политики,направленной къ укрѣпленію и развитію національныхъ историческихъ основъ русской государственности. И эту-то, ненавистную для всякаго рода окраиннаго сепаратизма, политику русскихъ государственныхъ интересовъ финляндскіе руководящіе дѣльцы разчитываютъ принудить теперь къ отступленію—если не совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Финляндскому краю,—„передъ мужественнымъ словомъ со стороны земскихъ чиновъ Финляндіи".

Ближайшимъ образомъ предметъ на который обращенъ „мужественный духъ" составляетъ такъ-называемая „свобода печати".

„Свобода печати"—это, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ примѣненіи къ фин-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 81, отъ 23 марта.

** *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 131, отъ 14 мая.

Digitized by Google

ляндской печати, значитъ собственно—свобода враждебныхъ и оскорбительныхъ выходокъ противъ Россіи и всего русскаго, свобода необузданной политической агитаціи противъ мѣропріятій русской государственной власти, направленныхъ къ укрѣпленію государственной связи Финляндской окраины съ остальною Россіей. Сущность сеймоваго „мужественнаго слова“ сводится къ протесту противъ подчиненія мѣстной печати представителю русской власти. Финляндскіе дѣльцы хотѣли бы ея подчиненія или мѣстнымъ финляндскимъ „законнымъ“ судамъ, или, по крайней мѣрѣ, цензурѣ не зависящей отъ русскаго вліянія: въ томъ и другомъ случаѣ не будетъ стѣсненій для „свободы“ выходокъ.

Эта свобода возбужденія общественнаго мнѣнія нужна финляндскимъ политиканамъ особенно теперь, когда они борются противъ реформъ предпринятыхъ правительствомъ:

Въ послѣднее время выдвинулся на первое мѣсто предпринятый русскою государственною властью пересмотръ финляндской „конституціи“ или такъ-называемыхъ „основныхъ законовъ“. Онъ долженъ былъ необходимо выдвинуться именно на первое мѣсто, потому что во всѣхъ другихъ реформахъ, предпринимавшихся въ послѣдніе годы въ видахъ сближенія Финляндскаго края съ остальною Россіей, неопредѣленность и невыясненность объема и значенія „основныхъ законовъ“ служила и служитъ главною помѣхой и причиной задержекъ. Настоятельною необходимостью является поставить, наконецъ, предѣлъ укоренившейся у финляндскихъ дѣятелей и учрежденій склонности преувеличивать дарованныя финляндскому краю привилегіи и выдавать за дѣйствующіе и утвержденные, будто бы, „основные законы“ свои захваты и притязанія.

Это-то намѣреніе русской государственной власти опредѣлить законодательнымъ путемъ, съ общегосударственной точки зрѣнія, права и положеніе Финляндскаго края въ составѣ Русской Имперіи больше всего и безпокоитъ теперь финляндскихъ руководителей, и противъ него-то главнымъ образомъ и направляютъ они „мужественное слово“ сейма.

Подготовленная „защита основныхъ законовъ“ выразилась отчасти уже и въ публичныхъ преніяхъ и заключеніяхъ сейма. Но главнѣйшая часть работы для выполненія этой „великой патріотической задачи“ перенесена была руководителями въ секретныя засѣданія сейма. На этихъ-то секретныхъ совѣщаніяхъ составлена и отправлена уже въ Петербургъ особая секретная петиція объ „основныхъ законахъ“.

Секретъ понадобился тутъ, вѣроятно, главнымъ образомъ для того чтобы не узнала о замыслахъ финляндскихъ руководителей „преждевременно“ русская печать.

Но „секретъ“, который извѣстенъ многимъ, скоро пересталъ быть „секретомъ“. Теперь извѣстно уже въ общихъ чертахъ и содержаніе этого секретно-„мужественнаго слова“ финляндскихъ земскихъ чиновъ. Сущность его сводится къ домогательству о томъ чтобы въ Петербургѣ ничего окончательно не рѣшали по вопросу объ опредѣленіи объема и значенія „основныхъ законовъ“ и правъ сейма безъ согласія сейма и передали бы все дѣло на окончательное разсмотрѣніе сейма.

Digitized by Google

ГУСТАВЪ МОРИЦЪ АРМФЕЛЬТЪ.*

Въ ряду излюбленныхъ финляндскими „патріотами“ героевъ, первое мѣсто занимаютъ дѣятели въ родѣ Армфельта, Ребиндера и другихъ, которые „мирнымъ путемъ“ старались объ отторженіи финляндскаго „отечества“ отъ пріютившей ее подъ свое покровительство Россіи.

Про нихъ въ Финляндіи разказываются чудеса изъ чудесъ, и тѣмъ интереснѣе встрѣтить въ самой шведской печати отзывы лицъ близкихъ этимъ дѣятелямъ, а потому хотя и пристрастныхъ къ нимъ, но, тѣмъ не менѣе, пишущихъ про нихъ не фантастическія басни, а то что было на самомъ дѣлѣ.

Къ числу такихъ сочиненій надо отнести печатавшіяся въ 1893 году въ *Русской Старинѣ*,—къ сожалѣнію, въ извлеченіи,—„Записки Іоанна-Альберта Эренстрёма“,** изъ которыхъ мы и сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ.

1.

Извѣстный Густавъ Морицъ Армфельтъ—„лучшій другъ“ и покровитель автора записокъ. Эренстрёмъ, разказывая объ опасности которая грозила въ началѣ нынѣшняго столѣтія не только королю Густаву-Адольфу, но и всей Швеціи, говоритъ что этотъ несчастный король рѣшилъ обратиться къ генералу Армфельту съ предложеніемъ ему поста главнокомандующаго—и вотъ какъ описываетъ это событіе:

Король сказалъ Армфельту что очень можетъ случиться что война съ Россіей станетъ неизбѣжною; что тогда онъ долженъ будетъ стянуть финскую армію къ границѣ, а что онъ не можетъ ввѣрить командованіе этою арміей Клингспору, такъ какъ тотъ сейчасъ же вступитъ съ непріятелемъ въ переговоры о капитуляціи.

Все время Армфельтъ сидѣлъ на диванѣ, а король расхаживалъ по комнатѣ: это была безпримѣрная честь.

Теперь,—продолжалъ король, — онъ желаетъ только знать мысли Армфельта относительно этого предмета, а въ послѣдствіи ближе поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ.

„Генералъ выразилъ свою благодарность за такое довѣріе, *но просилъ дать ему время обдумать предложеніе короля.*“

А подумать хитрому и двуличному человѣку было надъ чѣмъ: ему, незнакомому съ понятіемъ о беззавѣтной службѣ своему государю,—службѣ, которая исключаетъ всякое представленіе о личныхъ интересахъ,—надо было рѣшить задачу, которую г. Эренстрёмъ и помогалъ ему рѣшать.

„Я, — говоритъ Эренстрёмъ, — тотчасъ же сказалъ ему что подобное назначеніе было бы величайшимъ для

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 40, отъ 9 февраля.

** См. *Русскую Старину* 1893 года, №№ 7, 10 и др.

Digitized by Google

для него несчастіемъ, и *что ему всячески должно стараться отклонить его*, потому что, по всей вѣроятности, *чрезъ ошибочныя распоряженія правительства произойдутъ большія несчастія для государства*, а затѣмъ его враги не приминутъ сдѣлать его лично отвѣтственнымъ передъ націей. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ что *Армфельтъ крупный землевладѣлецъ въ Финляндіи*, что онъ, въ теченіе гоненій на него, *пользовался покровительствомъ Россіи, что онъ кавалеръ высшихъ русскихъ орденовъ*, *—враги его, въ случаѣ потеряннаго сраженія или отступленія, постараются набросить на него тѣнь измѣны и сдѣлать его предметомъ гнусныхъ подозрѣній Шведскаго народа, который, особенно во время войны, такъ легко поддается подобнаго рода навѣтамъ. Генералъ Армфельтъ *согласился* со справедливостью моихъ доводовъ и рѣшился *просить о неназначеніи его на этотъ постъ*.

Итакъ „финляндское отечество", благодаря „особенному благоразумію" (?) одного изъ своихъ „отцовъ", лишилось хорошаго генерала, и войска шведскія, волей-неволей, очутились въ неумѣлыхъ рукахъ Клингспора...

Интереснѣе всего что возможность „гнусныхъ подозрѣній" противъ Армфельта видимо была у короля и народа *ранѣе* предложенія ему поста главнокомандующаго противъ Русскихъ. Тотъ же Эренстрёмъ, меланхолически сваливая все на „интриги враговъ", долженъ сознаться что Армфельту *даже и не пришлось* просить короля о „неназначеніи его на этотъ постъ": король *самъ раздумалъ*, и чтобы подсластить пилюлю, Армфельту дали командованіе арміей дѣйствовавшею противъ Норвегіи.

Армфельтъ „поставилъ непремѣннымъ условіемъ для принятія командованія арміей назначеніе къ нему старшимъ адъютантомъ (нѣчто въ родѣ начальника штаба) Георгія Адлерспарре, *хорошо ему извѣстнаго и очень уважаемаго* *; тѣмъ не менѣе подвиги его ограничились только тѣмъ что онъ облагалъ мѣстныхъ жителей реквизиціями, несмотря на то что, „по смѣтамъ (конечно, составленнымъ „врагами") армія была снабжена всѣмъ въ достаточномъ количествѣ".

Несмотря на предписанія начальства „чтобъ онъ, не теряя времени, началъ кампанію", этотъ храбрый генералъ не спѣшилъ исполнять эти приказанія. „Когда же, затѣмъ, послѣ большихъ усилій и *благодаря стараніямъ и усердію жителей*, Армфельту, наконецъ, возможно было начать наступленіе, и онъ, завладѣвъ дефилеями и пограничными возвышенностями, ** *сталъ* готовиться къ наступательному движенію, чтобы въ окрестностяхъ Христіаніи, куда норвежская армія выступила, дать сраженіе,—то дѣйствія его были остановлены полученнымъ имъ предписаніемъ оставаться на мѣстѣ." Считая себя, однако, великимъ полководцемъ, Армфельтъ рѣшилъ никого не слушаться. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, части войскъ его отряда велѣно было идти обратно, такъ какъ, вслѣдствіе новаго проекта, ихъ хотѣли употребить для нападенія на Зеландію. *Генералъ Армфельтъ осмѣлился отложить исполненіе этого приказанія* до полученія отвѣта на посланное имъ всеподданнѣйшее представленіе, въ которомъ, ссылаясь на убѣжденіе всѣхъ командировъ своего отряда, завѣрялъ что благопріятный исходъ предполагаемаго нападенія несомнѣненъ, если его произвести немедленно и не отзывать части войскъ. Но крутой отвѣтъ былъ: немедленно исполнить полученное приказаніе, и что, *такъ какъ западная армія напрасно потеряла такъ много времени*, теперь уже безполезно что-либо предпринимать."

---

* Въ то время когда его законный государь, король Шведскій, вслѣдствіе разрыва съ Россіей, возвратилъ императору Александру *свои* ордена.

* Кстати, по словамъ *Записокъ*, „матеріальныя его (Адлерспарре) средства были довольно плохи, *поэтому* онъ съ благодарностію принялъ предложеніе Армфельта, дающее ему возможность ихъ улучшить"... Это „поэтому" очень характерно.

** Не „завладѣвъ", такъ какъ они никѣмъ не оспаривались, а просто *занявъ* ихъ безъ боя.

Digitized by Google

Эренстрёмъ и это приписываетъ „врагамъ“ Армфельта и „интригамъ“...

Таковы подвиги нашего героя на полѣ брани.

Но тотъ же Армфельтъ считается нашими Шведо-Финнами не только мужемъ „брани“, но и мужемъ „совѣта“, и съ этой точки зрѣнія они особенно восхищаются имъ за его „полезную для отечества“, патріотическую“ и пр., дѣятельность въ то время когда онъ окончательно измѣнилъ своимъ законнымъ государямъ и перебѣжалъ въ Россію.

Посмотримъ что̀ есть въ *Запискахъ* по части Армфельта какъ „мужа совѣта“.

2.

Первый разъ въ *Запискахъ* Эренстрёма мы встрѣчаемся съ Армфельтомъ когда авторъ, принявъ на себя роль политическаго шпіона, получалъ инструкціи отъ короля Густава III: Армфельтъ, какъ оказывается, *подслушивалъ* у дверей разговоръ своего государя съ новымъ шпіономъ.

„Во время этого разговора, говоритъ Эренстрёмъ, дверь въ залу отворили, и Армфельтъ высунулся посмотрѣть кто былъ въ комнатѣ. Кажется, это не понравилось королю, такъ какъ онъ сказалъ: „„Это не хорошо; баронъ Армфельтъ уменъ; онъ угадаетъ причину почему вы здѣсь. Прощайте““.

Отсюда можно сдѣлать заключеніе что и Густавъ III, о преданности и любви къ которому въ послѣдствіи распинался Армфельтъ, не очень-то довѣрялъ „умному“ совѣтнику.

Это мелочь, конечно. Возьмемъ болѣе характерное.

При несчастномъ преемникѣ Густава III, Густавѣ-Адольфѣ, который наканунѣ войны съ Россіей, видя вокругъ себя только измѣнниковъ и негодяевъ, терялъ голову и не зналъ что̀ дѣлать, Эренстрёму, по его словамъ, пришла въ голову мысль помочь королю, а съ другой стороны польстить императору Александру I, „дѣлая видъ что ищутъ съ нимъ не борьбы, а союза“. Въ особенности же Шведы не желали русскаго вторженія зимой въ Финляндію, гдѣ у нихъ самихъ, или у ихъ родни, были имѣнія. Русскимъ же, конечно, удобнѣе всего было̀ оперировать въ Финляндіи зимой.

Пусть, впрочемъ, говоритъ самъ авторъ:

„(Надо было) выиграть время и тѣмъ отстранить опасность вторженія въ теченіе зимы русскихъ войскъ въ Финляндію, лишенную въ это время года возможности привести въ надлежащее состояніе свои оборонительныя средства и оттянуть враждебныя дѣйствія до весны, когда страна эта, при взаимномъ содѣйствіи шведскаго и англійскаго флотовъ и присылкѣ изъ Швеціи всякаго рода вспомогательныхъ средствъ, могла бы быть защищена“.

Эренстрёмъ сообщилъ свой планъ графу Угласу (первый министръ) и генералу Армфельту, „которые вполнѣ его одобрили“.

Далѣе, авторъ, изъ боязни все тѣхъ же „интригъ“ и упорнаго характера короля, но, кажется, больше всего изъ небезосновательной боязни что король,— увидя въ этомъ „планѣ“ участіе такихъ дѣйствительныхъ интригановъ и заговорщиковъ какъ нашъ авторъ и Армфельтъ,—отклонитъ предложеніе, рѣшилъ написать Угласу якобы частное письмо.

„Я началъ письмо съ изложенія опасности грозившей Финляндіи, предоставленной защитѣ собственными силами, въ случаѣ еслибы страна эта въ зимнее время подверглась нападенію столь сильнаго врага; я выразилъ убѣжденіе что потеря Финляндіи, если ее нельзя будетъ предотвратить, будетъ незамѣнимою потерей для Швеціи, которая чрезъ это потеряетъ около трети своей территоріи и своего народонаселенія и лишится вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ, а также сильнаго и виднаго оплота противъ Россіи. Я осмѣлился прибавить что эта потеря, если она произойдетъ, можетъ также подвергнуть большимъ опасностямъ самого короля, его корону и его семейство; и основываясь на томъ что такъ какъ опасность была самая большая въ теченіе зимы, то настоятельною необходимостію являлось изыскать средства для замедленія нападенія до весны, когда оно, по всей вѣроятно-

Digitized by Google

сти, станетъ уже невозможнымъ. И такъ какъ король не согласенъ отказаться отъ союза съ Англіей и искать мира съ Франціей, то отклонить опасность представляется одно только средство, къ которому король, изъ любви къ своему народу и заботясь о благѣ своего государства, безъ сомнѣнія, рѣшится прибѣгнуть. По крайнему моему разумѣнію, средства эти состоятъ въ томъ чтобы король собственною рукой написалъ письмо своему свояку, императору Александру I, въ которомъ бы выразилъ свое сожалѣніе о возникшихъ неудовольствіяхъ, свое желаніе предотвратить бѣдствія войны, уладивъ ихъ безъ пролитія крови; для достиженія же этого, предложилъ бы личное свиданіе обоихъ монарховъ въ какомъ-нибудь пограничномъ мѣстѣ Финляндіи, присовокупивъ что онъ такъ увѣренъ въ согласіи императора на его предложеніе что, не ожидая возвращенія посланнаго имъ курьера, и чтобы доказать искреннее свое желаніе сохранить миръ между обоими государствами, онъ безотлагательно выѣдетъ въ Финляндію. Но такъ какъ въ это время года переправа на Аландъ очень затруднительна, то его королевское величество намѣренъ отправиться черезъ Торнео къ тому мѣсту которое будетъ избрано императоромъ для свиданія. Основываясь на вышеупомянутомъ предположеніи что императоръ не охотно, а только вслѣдствіе давленія на его волю, готовъ былъ начать войну противъ короля, можно было надѣяться что онъ съ удовольствіемъ прерветъ свои вооруженія, найдя возможность предъ Бонапартомъ оправдать ихъ перерывъ тѣмъ что надѣется, при предстоящемъ свиданіи, миролюбивымъ путемъ склонить Шведскаго короля къ уступчивости. Король могъ между тѣмъ ѣхать медленно и, подъ предлогомъ неожиданнаго нездоровья, гдѣ-нибудь на пути остановиться на болѣе продолжительный срокъ, чрезъ что выигрывалось время; а бездорожье наступающее въ мартѣ и апрѣлѣ приближалось, чѣмъ опасность начатія военныхъ дѣйствій въ теченіе зимы уменьшалась, или совсѣмъ устранялась.

„Въ заключеніе я выразилъ что еслибы даже чрезъ это дѣйствіе и не была достигнута вполнѣ главная его цѣль, то король все же пріобрѣталъ имъ немалую для себя выгоду чрезъ убѣжденіе въ народѣ что имъ для предотвращенія войны сдѣлано все отъ него зависящее.“

„Всѣ эти доводы“, продолжаетъ Эренстрёмъ, „подробно развиты мною въ письмѣ моемъ къ главу Угласу. Оно было подано королю, который прочелъ его и оставилъ у себя.“ „Черезъ нѣсколько дней генералъ Армфельтъ былъ приглашенъ во дворецъ и король сказалъ ему: „„Армфельтъ, извѣстно ли тебѣ сдѣланное мнѣ предложеніе.““ Генералъ, условившійся со мною не подавать вида что знаетъ о моемъ письмѣ, чтобъ отклонить такимъ образомъ подозрѣніе объ интригѣ или уговорѣ, отвѣчалъ: „„Какое, ваше величество?““—„„О личномъ свиданіи между мною и Императоромъ Александромъ, которое должно быть мнѣ предложено.““ Когда генералъ сказалъ что ему ничего объ этомъ неизвѣстно, что, повидимому, очень понравилось королю, то онъ подробно разказалъ о свойствѣ предложенія и просилъ генерала сказать ему свое мнѣніе о немъ. Тотъ отвѣчалъ что на первый взглядъ оно показалось ему страннымъ, но что, ближе обсудивъ его, онъ понялъ всѣ выгоды могущія произойти отъ его исполненія; почему и считаетъ долгомъ посовѣтовать принять это предложеніе.“

Не знаю, у „лойяльныхъ“ патріотовъ можетъ-быть и въ обычаѣ продѣлывать такія комедіи со своими государями... но между простыми смертными онѣ не приняты.

Съ другой стороны, этотъ эпизодъ показываетъ что Армфельтъ вовсе не игралъ той „выдающейся“ роли совѣтника королей шведскихъ которую онъ приписывалъ себѣ въ послѣдствіи, въ Россіи, и которую ему особенно склонны придавать теперь Финляндцы, а былъ просто мелкимъ интриганомъ, и больше ничего. Планъ съ письмомъ, тоже „по интригамъ“, не удался. Это не помѣшало, впрочемъ, нашимъ героямъ-друзьямъ, Армфельту и Эренстрёму,—выставлять потомъ эту свою „за-

Digitized by Google

слугу“ на видъ, причемъ, благодаря ловкому вранью въ вышеизложенномъ письмѣ, его можно было толковать различно, выставляя себя, глядя по обстоятельствамъ, приверженцемъ то короля, то Александра и Русскихъ, то Финляндцевъ и т. п.

3.

Нужно сказать нѣсколько словъ и о другѣ и пріятелѣ Армфельта, Эренстрёмѣ, тѣмъ болѣе что и этотъ послѣдній, перебѣжавъ въ Россію, достигъ „до степеней извѣстныхъ“.

Біографъ Эренстрёма говоритъ что онъ былъ „дѣятельнымъ участникомъ въ интригахъ Армфельта“; что же касается другаго проходимца, Спренгтпортена, то „Эренстрёмъ, какъ истый почитатель новаго ученія французскихъ свободомыслителей, былъ проникнутъ антимонархическими идеями“ и поэтому былъ принятъ въ основанный Спренгтпортеномъ „орденъ“ *Valhalle*, стремившійся къ отторженію Финляндіи отъ Швеціи, и сопутствовалъ ему туда, гдѣ довѣрчивыхъ Чухонъ волновали всякими способами.

„Эта поѣздка представляетъ странный эпизодъ въ жизни Эренстрёма и бросаетъ двусмысленный свѣтъ на его образъ мыслей. По возвращеніи изъ нея въ 1787 году, Эренстрёмъ подалъ Густаву III записку, въ которой заявлялъ что поѣхалъ со Спренгтпортеномъ исключительно и единственно съ цѣлію раскрыть, *для блага короля и государства*, средства которыя Спренгтпортенъ намѣревался употребить для достиженія своего замысла.“ „Между тѣмъ, говорится далѣе, самъ Эренстрёмъ даетъ совершенно иное объясненіе своему образу дѣйствій, а именно, что онъ, подъ впечатлѣніемъ выработавшихся у него въ Финляндіи взглядовъ на вещи, сталъ воспріимчивъ къ подобному вліянію, отчего, вполнѣ отдавшись чарующему обаянію Спренгтпортена, по приглашенію его, поѣхалъ съ нимъ въ Финляндію, а затѣмъ далъ себя уговорить безъ отпуска послѣдовать за нимъ въ Россію; что ему въ теченіе этой поѣздки разъяснились темныя стороны въ характерѣ Спренгтпортена и преступные его замыслы; что ему только съ большимъ трудомъ удалось вырваться изъ-подъ его власти и вернуться обратно; что онъ по возвращеніи намѣренъ былъ дѣйствовать сообразно съ новыми своими воззрѣніями, но при этомъ, изъ боязни подпасть немилости короля, самъ на себя наговорилъ что въ качествѣ шпіона послѣдовалъ за Спренгтпортеномъ.“

Которое изъ этихъ объясненій вѣрно—рѣшить трудно; вѣрнѣе всего что и этотъ авантюристъ, какъ Армфельтъ и другіе, старался служить сразу двумъ господамъ и, благодаря тѣмъ смутнымъ временамъ, повидимому, успѣвалъ въ этомъ.

Такъ „въ началѣ моего пребыванія здѣсь (въ Россіи), говоритъ Эренстрёмъ, я часто выходилъ съ молодымъ Спренгтпортеномъ и адъютантомъ генерала, Порфекомъ,—прекрасный молодой человѣкъ, очень меня полюбившій; подъ защитой его *русскаго мундира* я могъ даже подъ глазами часовыхъ срисовать тѣ *виды которые мнѣ нравились*.“

Съ другой стороны, по возвращеніи къ своему законному королю, „Эренстрёмъ изъ любопытства“ не разъ „становился у палатки короля и слушалъ“ то что̀ касалось разныхъ военныхъ тайнъ.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ Эренстрёмъ снова покинулъ Швецію и „поселился въ Гельсингфорсѣ, гдѣ, какъ предсѣдатель строительной коммиссіи, дѣятельно содѣйствовалъ перестройкѣ города послѣ бывшаго тамъ въ 1808 году опустошительнаго пожара.

Въ 1812 году, послѣ свиданія съ императоромъ Александромъ I, Эренстрёмъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3й степени; въ 1814 году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1818 году былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1й степени, а въ 1819 году ему пожалована была табакерка съ портретомъ императора. Въ 1825 году онъ вышелъ въ отставку.

Хотя Фридрихъ II и говорилъ про шпіоновъ что die Canaillen sind zu brauchen, aber nich zu estimiren, но, какъ видно, не совсѣмъ не правъ былъ

Digitized by Google

и нашъ острословъ, Булгаковъ: „Всѣ умремъ дѣйствительными тайными совѣтниками, лишь бы Богъ вѣку продлилъ!..“

Армфельтъ, какъ извѣстно, шагнулъ еще дальше.

4.

Въ заключеніе, приведемъ нѣсколько біографическихъ данныхъ объ Армфельтѣ изъ другихъ источниковъ.

„Густавъ-Морицъ Армфельтъ,* любимецъ Шведскаго короля Густава III.“ „Обладая многими привлекательными качествами, Армфельтъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ пронырливъ, честолюбивъ и, сдѣлавшись завѣдомымъ любимцемъ Густава, пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на дѣла, *особенно со времени сейма 1786 года*“, одного изъ тѣхъ на которыхъ Шведскихъ королей „заставили“ навсегда отказаться отъ „ненавистнаго самодержавія“.

Какъ же этотъ ярый сторонникъ „финляндской конституціи“, — старавшійся въ послѣдствіи о расширеніи этой якобы обязательной для Русскихъ Монарховъ „конституціи“, въ ущербъ ихъ самодержавной власти,—какъ же онъ дѣйствовалъ когда эта конституція вводилась въ его бывшемъ отечествѣ государями, которымъ онъ такъ часто измѣнялъ?

„Армфельтъ посланъ былъ Густавомъ въ Далекарлію, собралъ тамъ 18.000 человѣкъ, разбилъ Датчанъ, *а затѣмъ двинулъ преданное ему войско въ окрестности Стокгольма, чтобы король могъ имѣть его подъ рукою во время сейма 1789 г.* *

Перебѣжавъ окончательно въ Россію послѣ ряда самыхъ низкихъ интригъ на своей родинѣ, Армфельтъ не ограничился тѣмъ что сталъ интриговать въ Финляндіи, пользуясь довѣрчивостію Александра I**, назначившаго его „президентомъ Комитета по финляндскимъ дѣламъ и сенаторомъ“,—онъ „первый сталъ возбуждать въ Александрѣ I мысль объ эманципаціи Польши, о возстановленіи Бурбоновъ и свѣтской власти папы“.

Таковъ былъ этотъ первый отецъ финляндскаго „отечества“.

ЧЕРНОМОРЕЦЪ.

---

* См. *Энциклопедическій Словарь*, изд. Брокгауза и Эфрона, т. II, стр. 129.

* На которомъ „конституція“ окончательно выработана.

** Армфельту, по словамъ его біографа, „Финляндія обязана сохраненіемъ своихъ привилегій и соединеніемъ съ такъ-называемою старою Финляндіей“, то-есть съ русскою Выборгскою губерніей.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ О ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

ЧЕРЕЗЪ ФИНЛЯНДІЮ НА МУРМАНЪ.

1.

Желѣзная дорога къ Ледовитому океану. *

Въ Петербургѣ учреждена особая коммиссія по вопросу о сооруженіи желѣзной дороги отъ финляндскаго города Улеаборга къ Ледовитому океану.

Въ эту коммиссію, по словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, приглашенъ также и представитель отъ Финляндскаго Сената. Сенатъ назначилъ своимъ представителемъ начальника экспедиціи путей сообщенія, сенатора генерала Альфтана.

2.

Записка нижегородскаго губернатора Н. М. Варанова. *

Соединеніе сѣверной окраины Европейской Россіи рельсовымъ путемъ съ остальною желѣзнодорожною сѣтью Имперіи несомнѣнно является однимъ изъ самыхъ давно назрѣвшихъ вопросовъ особаго общегосударственнаго значенія.

Указанія на годы возбужденія офиціальными и частными лицами и обществами ходатайствъ о безотлагательной необходимости скорѣйшаго сооруженія рельсоваго пути въ сѣверномъ направленіи, а также и указанія на годы признанія высшими правительственными установленіями основательности этихъ ходатайствъ составили бы длинный хронологическій перечень достаточно многимъ извѣстный, но ни въ какомъ случаѣ не свидѣтельствующій о должномъ, справедливомъ вниманіи къ нашему сѣверу, оставшемуся до сихъ поръ пасынкомъ Русской земли.

Въ многочисленныхъ коммиссіяхъ и учрежденіяхъ, обсуждавшихъ мѣры къ удовлетворенію неотложныхъ нуждъ нашего обездоленнаго сѣвера и состоявшихъ въ большинствѣ изъ лицъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 1, отъ 4 января.

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 28, отъ 28 января.

Digitized by Google

вполнѣ безпристрастныхъ, имѣвшихъ единственною цѣлью лишь благо родины, всегда признавалась необходимость связать рельсовымъ путемъ сѣверное приокеаніе Европейской Россіи съ ея внутренними областями.

Въ длинномъ ряду другихъ, и мнѣ, когда-то въ качествѣ архангельскаго губернатора, пришлось настойчиво ходатайствовать о томъ же и доказывать что безъ осуществленія желѣзнодорожнаго пути, идущаго къ сѣверному побережью въ томъ или другомъ направленіи отъ производительныхъ центровъ государства, всѣ принимаемыя къ поднятію благосостоянія нашего сѣвера мѣры будутъ лишь слабыми попытками возвести обильно одаренный, но пока заброшенный обширный уголъ отечества на степень культуры и процвѣтанія, предназначенную ему самою природой.

Съ 1881 года, то-есть со времени созыва въ Архангельскѣ съ особаго Высочайшаго соизволенія, подъ моимъ предсѣдательствомъ, совѣщанія мѣстныхъ свѣдущихъ людей и лицъ спеціально командированныхъ отъ центральныхъ административныхъ учрежденій для обсужденія нуждъ сѣвера и изысканія средствъ къ ихъ удовлетворенію, вопросъ о сооруженіи сѣвернаго желѣзнодорожнаго пути, насколько мнѣ извѣстно, до послѣдняго времени ни на одинъ шагъ не двигался къ благопріятному разрѣшенію.

Скудость средствъ государственнаго казначейства, а быть-можетъ и не совсѣмъ правильно понимаемыя истинныя экономическія задачи государства, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ служили непреодолимою преградой къ осуществленію многихъ благихъ государственныхъ предначертаній, въ ряду которыхъ сооруженію сѣверной желѣзной дороги, по существовавшему доселѣ взгляду, придавалось лишь третьестепенное значеніе, благодаря чему обширный сѣверный край, несмотря на его обильныя природныя богатства, продолжаетъ оставаться заброшеннымъ наиболѣе всякой другой, даже значительно меньше одаренной природой, окраины нашего необъятнаго отечества.

Въ настоящее время развитію отечественныхъ экономическихъ силъ данъ могучій толчекъ, и явилась полная увѣренность въ возможности близкаго осуществленія многаго благаго, давно задуманнаго, но тормозившагося указанными выше обстоятельствами. Помимо громаднаго экономическаго значенія, соединеніе обширнаго сѣвернаго края съ производительными центрами государства въ данное время пріобрѣтаетъ еще бо́льшую важность въ смыслѣ наибольшаго обезпеченія охраны государственной безопасности, при нѣкоторомъ лишь измѣненіи общепризнаннаго направленія этого пути. Могучій ростъ нашего государственнаго организма и совершенно окрѣпшая въ нынѣшнее благополучное царствованіе мудрая національная политика кореннымъ образомъ измѣнили столѣтіями установившійся рутинный взглядъ на задачи нашего боеваго флота и на избраніе для него операціонныхъ базисовъ.

По мѣрѣ измѣненія этого взгляда постепенно утрачивается значеніе многомилліонныхъ военныхъ портовыхъ сооруженій въ нашихъ внутреннихъ моряхъ, по большей части и по климатическимъ и по чисто гидрографическимъ условіямъ представляющихъ собою и безъ того достаточную гарантію противъ безнаказаннаго вторженія въ нихъ значительныхъ непріятельскихъ боевыхъ силъ.

Въ то же самое время быстро возрастаетъ государственное значеніе тѣхъ пунктовъ, которыми мы располагаемъ у омывающихъ насъ океановъ, но которыми доселѣ не пользуемся.

Не повторяя здѣсь мысль, уже общепринятую за истину, о необходимости Россіи имѣть океанскій крейсерскій флотъ, лишь снова укажу, какъ и 12 лѣтъ тому назадъ, на наше Мурманское приокеаніе, какъ незамѣнимый операціонный базисъ для этого флота.

Посѣтивъ въ 1882 году всѣ гавани Мурманскаго берега и лично убѣдившись въ необычайныхъ удобствахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ въ смыслѣ безопасной стоянки для военныхъ кораблей, такъ и по ихъ природнымъ фундаментамъ для сооруженія дальнѣй-

Digitized by Google

шихъ укрѣпленій для защиты этихъ стоянокъ, я тогда же вошелъ съ особымъ представленіемъ къ управляющему Морскимъ Министерствомъ адмиралу Шестакову о безотлагательной необходимости устройства на Мурманскомъ берегу, на первое время, хотя бы складовъ для угля, казармы и бани для командъ военныхъ судовъ, о посылкѣ которыхъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ я тогда же ходатайствовалъ въ Морскомъ Министерствѣ, будучи такъ же твердо убѣжденъ, какъ и теперь, что только авторитетное присутствіе нашего военнаго флага въ Сѣверномъ океанѣ въ состояніи закрѣпить за нами фактическое, а не фиктивное, какъ до настоящаго времени, обладаніе его богатѣйшими промысловыми водами и островами.

При быстромъ за послѣднее время ростѣ нашего боеваго флота, вопросъ о сооруженіи въ одномъ изъ пунктовъ Мурманскаго берега военнаго порта является неотложною государственною необходимостью.

Еще очень недалеко отъ насъ то время, когда въ общей печати изрѣдка начали раздаваться отдѣльные робкіе голоса въ пользу Мурманскаго берега, какъ незамѣнимаго операціоннаго базиса для нашего океанскаго крейсерскаго флота, но, къ сожалѣнію, наша спеціальная морская печать, быть-можетъ, раздѣляя взгляды на этотъ вопросъ морскихъ властей, энергически возстала противъ мысли объ устройствѣ военнаго порта на Мурманскомъ берегу, совершенно произвольно приписавъ ему въ фантастическихъ грезахъ самыя мрачныя свойства крайнихъ полярныхъ широтъ и расходившимся перомъ заморозила его гавани, прижала къ его берегамъ непроходимые полярные льды, водворила на немъ всеистребляющую цингу, словомъ, сдѣлала все чтобы какъ можно дальше отвлечь вниманіе правительства и общества отъ прекрасныхъ, удобныхъ и никогда не замерзающихъ природныхъ гаваней Мурманскаго берега и какъ можно болѣе умалить интересы Россіи, къ выгодѣ Германіи, Англіи и Швеціи.

Въ послѣднее время, благодаря особому вниманію къ сѣверу высшаго правительства, общества, печати, многочисленнымъ научнымъ и предпринимательскимъ экспедиціямъ и туристамъ, ненужные, преувеличенные страхи Мурманскаго берега разсѣяны, и теперь врядъ ли кого-нибудь обуяетъ страхъ при мысли служить на Мурманѣ (отстоящемъ въ 90 часахъ отъ Лондона), какъ это было еще недавно.

Въ числѣ немногихъ соображеній, останавливающихъ правительство отъ немедленнаго сооруженія военнаго порта на Мурманскомъ берегу, несомнѣнно предоминирующее значеніе имѣетъ отдаленность Мурманскаго берега отъ жизненныхъ центровъ государства и отсутствіе ведущихъ къ нему какихъ бы то ни было прямыхъ благоустроенныхъ путей.

Единственнымъ выходомъ изъ этого затрудненія только и можетъ служить сооруженіе, въ связи съ устройствомъ военнаго порта и желѣзнодорожной линіи, соединяющей Мурманское прибрежье съ тѣми пунктами центра Россіи, изъ которыхъ во всякое время могло бы быть доставляемо на Мурманъ все необходимое какъ для содержанія самаго порта, такъ и оперирующихъ близъ него военныхъ судовъ.

По моему мнѣнію, проведеніе желѣзнодорожнаго пути, долженствующаго имѣть исходнымъ пунктомъ военный портъ на Сѣверномъ океанѣ, по крайней мѣрѣ на первое время, будетъ имѣть чисто стратегическое значеніе и несомнѣнно вызоветъ весьма значительныя затраты средствъ государственнаго казначейства.

Но несомнѣнно также и то что и самое устройство порта на Мурманскомъ берегу и проведеніе Сѣверо-Океанской желѣзнодорожной линіи въ самомъ недалекомъ будущемъ получатъ выдающееся экономическое значеніе, ожививъ тысячеверстную богатѣйшую промыслами береговую полосу, могуче способствуя ея колонизаціи, разовьютъ промыслы, откроютъ ихъ продуктамъ новые рынки, словомъ дадутъ полную возможность нынѣ угрюмому, запустѣвшему Мурману быстро оживиться и достигнуть той же степени культуры и благосостоянія, на какой находится его ближайшій сосѣдъ, норвежскій

Digitized by Google

Финмаркенъ, питающійся и процвѣтающій на счетъ одного съ Мурманомъ источника — неисчерпаемыхъ водныхъ богатствъ Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Изложивъ общій взглядъ на государственное значеніе нашей сѣверной окраины въ связи съ вопросомъ о проложеніи къ ней рельсоваго пути, обращусь теперь къ разсмотрѣнію этого вопроса по существу.

Однимъ изъ первыхъ предположеній о направленіи сѣверной желѣзной дороги было соединеніе Архангельска съ Вологдой рельсовымъ путемъ, который служилъ бы продолженіемъ уже существующей Ярославско-Вологодской желѣзной дороги.

Затѣмъ эта мысль была оставлена, и лица и учрежденія, заинтересованныя сооруженіемъ сѣверной желѣзной дороги, занялись разработкой вопроса о соединеніи Бѣлаго Моря съ производительными районами востока Европейской Россіи, съ цѣлью сбыта чрезъ Архангельскій портъ продуктовъ этихъ районовъ и водворенія этимъ же путемъ продуктовъ сѣвера, а также и привозныхъ изъ-за границы товаровъ во внутрь Россіи.

Исходнымъ пунктомъ этой дороги была намѣчена Казань, откуда рельсовый путь долженъ пересѣчь часть Вятскаго края и окончиться близъ селенія Котласъ, лежащаго у самаго впаденія рѣки Вычегды въ Сѣверную Двину и вблизи устья рѣки Сухоны. Дальнѣйшее же движеніе къ морю грузовъ, перевозимыхъ этою дорогой, должно производиться на рѣчныхъ судахъ, плавающихъ по Сѣверной Двинѣ.

Самое точное вычисленіе какъ продолжительности перевозки по существующимъ уже путямъ волжскихъ и вятскихъ хлѣбныхъ грузовъ до портовъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, а также точные разчеты стоимости ихъ перевозки, весьма рельефно доказываютъ несомнѣнное преимущество предполагаемаго Волжско-Двинскаго пути предъ существующими дорогами, по которымъ до настоящаго времени идутъ къ морю продукты восточныхъ районовъ.

Всѣ цифровыя данныя, собранныя съ цѣлью доказать преимущество предполагаемаго Волжско-Двинскаго пути предъ другими, вѣроятно, находятся въ распоряженіи Министерства Финансовъ, и трудно было бы что-либо возразить противъ ихъ неопровержимости, еслибы только вопросъ о поднятіи Архангельскаго порта направленіемъ къ нему грузовъ вышесказаннымъ путемъ не затемнялся бы другимъ вопросомъ огромнаго государственнаго значенія какъ въ экономическомъ, такъ и даже болѣе, въ политическомъ отношеніяхъ.

Я говорю объ устройствѣ порта на Мурманскомъ берегу, существованіе котораго немыслимо безъ осуществленія упирающейся въ него желѣзной дороги.

Не имѣя возможности знать на сколько тверда рѣшимость правительства соорудить портъ на Мурманѣ и рельсовый къ нему путь и не зная также средствъ государственнаго казначейства, которыя могли бы быть отпущены на осуществленіе этихъ двухъ важнѣйшихъ предпріятій, я не въ состояніи окончательно высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ, но не могу отрѣшиться отъ соображеній, доступныхъ человѣку почти 12 лѣтъ тому назадъ оставившему сѣверный край, но не переставшему съ интересомъ слѣдить за всѣмъ тѣмъ что въ немъ и для него дѣлается, а также и за развитіемъ роднаго флота.

Отчетливо представляя себѣ топографическую картину сѣвернаго прикеанія съ яркою иллюстраціей его громаднаго для насъ политическаго значенія, мнѣ бы казалось что, несмотря на всѣ преимущества предполагаемой Волжско-Двинской желѣзной дороги, вопросъ объ ея немедленномъ сооруженіи, по крайней мѣрѣ на первое время, слѣдовало бы оставить до большаго развитія отечественныхъ экономическихъ силъ, въ пользу другаго пути, ведущаго непосредственно къ берегу Сѣвернаго океана.

Путь этотъ Вологда-Архангельскъ и Кандалакша-Мурманъ. Проложенные отъ Вологды къ Бѣлому Морю рельсы приблизили бы Сѣверо-океанскій берегъ къ главнымъ центрамъ государ-

Digitized by Google

ства несравненно больше, нежели Волжско-Двинскій путь, почти большая часть котораго пролегаетъ по постепенно обмелѣвающей и въ теченіе полугода скованной льдомъ рѣкѣ.

Вершина одного изъ самыхъ глубоко врѣзывающихся въ материкъ Кольскаго полуострова, въ сѣверо-западномъ направленіи, заливовъ Бѣлаго Моря — Кандалакская губа, по моему убѣжденію, должна служить начальною точкой идущаго къ одной изъ гаваней западной части Мурманскаго берега рельсоваго пути, который будетъ служить, не считая перерыва его Бѣлымъ Моремъ, продолженіемъ Архангельско-Вологодской желѣзной дороги.

Такого рода направленіе Сѣверо-Океанской дороги я проектирую лишь въ предположеніи что рельсовый путь, проложенный непосредственно между Петербургомъ и одною изъ гаваней Мурманскаго берега, ляжетъ слишкомъ тяжкимъ бременемъ на бюджетъ государства. Но безспорно было бы крайне желательно, еслибы желѣзнодорожная линія, ведущая къ Сѣверному Океану, не прерывалась бы Бѣлымъ Моремъ, а отклонившись отъ Архангельска къ западу, пошла бы вдоль берега Поморья и оттуда уже пересѣкла бы Кольскій полуостровъ.

Осуществленіе сѣвернаго пути въ этомъ направленіи, конечно, будетъ содѣйствовать къ поднятію Архангельскаго порта въ гораздо меньшей степени, нежели Волжско-Двинская желѣзная дорога, но, съ другой стороны, и Архангельскій портъ не останется безъ благотворнаго вліянія на него дороги предполагаемаго мною направленія, пропуская чрезъ себя количество грузовъ гораздо большее, нежели при существующемъ сѣверномъ бездорожьѣ.

Настоящая записка будетъ неполна безъ изложенія взгляда еще на одно предполагаемое направленіе сѣверной желѣзной дороги.

Въ послѣднее время, насколько мнѣ извѣстно, родилась мысль дать направленіе Сѣверо-Океанской дорогѣ, идущее прямо въ разрѣзъ съ нашими національными интересами, то-есть проложить эту дорогу отъ Петербурга чрезъ Финляндскую территорію на Улеаборгъ, или на Выборгъ и Іоенсу.

Конечно, при поверхностномъ взглядѣ на карту желѣзнодорожной сѣти Имперіи и Финляндскаго Княжества, линія Финляндской желѣзной дороги, уже проложенная отъ русской столицы вплоть до шведско-норвежской границы съ Финляндіей, у самой вершины глубоко-врѣзавшагося въ материкъ Ботническаго залива, можетъ, а пожалуй нѣкоторыхъ и должна навести на мысль что пользованіе ею, какъ весьма значительнымъ, уже совершенно готовымъ участкомъ русской стратегической дороги, будетъ наиболѣе выгоднымъ исходомъ при осуществленіи Сѣверо-Океанскаго рельсоваго пути.

Оставляя пока въ сторонѣ всякія соображенія относительно вліянія на подобнаго рода русско-финляндскую желѣзнодорожную линію могущихъ когда-либо возникнуть внѣшнихъ политическихъ осложненій, скажу нѣсколько словъ объ отрицательной пользѣ этой дороги для отечественныхъ интересовъ даже въ годы глубокаго мира.

Выше мною уже было сказано, что всякій рельсовый путь, въ какомъ бы направленіи онъ ни былъ проложенъ отъ центра Россіи къ берегу Сѣвернаго океана, неизбѣжно вызоветъ со стороны казны огромныя денежныя затраты, пополненіе которыхъ эксплуатаціей этого пути можетъ послѣдовать лишь чрезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, но разъ затраты эти можно будетъ сдѣлать, онѣ сослужатъ великую службу государству и возвратъ ихъ съ лихвой составитъ лишь вопросъ времени.

Также мною уже было сказано, что эта дорога, помимо ея стратегическаго значенія, должна и будетъ имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ поднятія благосостоянія обширнаго Приокеанскаго края, его колонизаціи, улучшенія и развитія его промысловъ, насажденія культуры и проч.

Соединеніе рельсовымъ путемъ вновь нарождающагося на Мурманѣ русскаго порта съ весьма значительнымъ портомъ Финляндіи несомнѣнно будетъ имѣть отрицательные результаты.

Надвигающаяся на Мурманъ фин-

Digitized by Google

ляндская колонизація, почти неудержимая съ нашей стороны никакими ограниченіями, съ проведеніемъ пути къ Мурману черезъ Улеаборгъ, неизбѣжно получитъ опасные размѣры, и всѣ остающіеся пока еще свободными благодатные уголки западнаго Мурмана также неизбѣжно очутятся во власти новыхъ финляндскихъ пришельцевъ, какъ и наилучшіе поселки той же части Мурмана уже находятся въ рукахъ раньше вторгшихся ихъ соотечественниковъ.

Громадные грузы рыбы и продуктовъ морскихъ звѣриныхъ промысловъ будутъ направлены къ мѣстамъ ихъ сбыта не черезъ русскій, а черезъ финляндскій портъ, обогащая и способствуя развитію чуждаго финляндскаго же торговаго флота.

Произведенія финляндской фабрично-заводской промышленности и иностранные товары, привозимые черезъ Финляндію, а слѣдовательно обогащающіе пошлинами финляндскую казну, наполнятъ Мурманскій берегъ, закрывъ доступъ къ нему произведеніямъ отечественной промышленности. Много потребовалось бы времени чтобы перечислить всѣ тѣ невыгоды для отечественныхъ интересовъ, какія неизбѣжно повлечетъ за собою сооруженіе Сѣверо-Океанскаго при включеніи въ него Финляндской желѣзной дороги.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ неисчерпаемыхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ повлечь за собою сооруженіе смѣшанной русско-финляндской сѣверной желѣзной дороги въ случаѣ наступленія военнаго времени, когда непріязнь къ намъ не только нашихъ скандинавскихъ сосѣдей, но и значительной части населенія подвластной намъ Финляндіи неминуемо обнаружится во всей ея наготѣ.

Русская стратегическая желѣзная дорога, направленная чрезъ финляндскую территорію, съ поворотомъ къ Мурману, у самой шведско-норвежской границы, ни на одну минуту не можетъ вселить въ чисто русскихъ людяхъ спокойной увѣренности въ томъ что въ моментъ государственной военной невзгоды эта же самая дорога, вмѣсто боевыхъ припасовъ и подкрѣпленій гарнизону будущаго Мурманскаго военнаго порта и опирающагося на него нашего дѣйствующаго флота, не доставитъ туда если не отряды финляндскихъ повстанцевъ, то, еще хуже, эшелоны шведско-норвежскихъ или иныхъ чужеземныхъ регулярныхъ войскъ.

Какъ бы ни были дружественны отношенія двухъ политическихъ сосѣдей, но ни одинъ изъ геніальнѣйшихъ дипломатовъ никогда не въ состояніи даже приблизительно предугадать срокъ ихъ продолжительности.

Наши отношенія со скандинавскими сосѣдями большою прочностью не отличаются, и мнѣ, не занимающемуся политикой, кажется что они только терпимы.

Могущество Россіи всегда стоитъ въ глазахъ Норвежцевъ грознымъ призракомъ и среди норвежскаго населенія, въ особенности сѣвернаго, изстари глубоко укоренилась вѣра въ неизбѣжность захвата восточнымъ сосѣдомъ норвежскаго Финмаркена.

Объ этомъ много говоритъ норвежская патріотическая печать и объ этомъ же, особенно въ послѣднее время, все громче и громче заявляется въ общественныхъ политическихъ собраніяхъ Скандинавіи, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ отъ центра соединеннаго королевства приходовъ и факторій, вплоть до стортинга включительно.

Вотъ эти-то постоянные страхи передъ быстро возрастающимъ могуществомъ Россіи и побудили выдающихся норвежскихъ патріотовъ организовать въ своемъ отечествѣ „Лигу національной обороны“.

Задачи этой „Лиги“ въ горячихъ патріотическихъ воззваніяхъ съ каѳедръ, въ окружныхъ собраніяхъ, на политическихъ сходкахъ, въ отдѣльныхъ брошюрахъ и несмѣтномъ количествѣ всевозможныхъ листковъ широко распространяются среди всего населенія Норвегіи. Для сбора пожертвованія на осуществленіе задачъ „Лиги“ организованы многочисленные комитеты, а подписные листы во множествѣ розданы на всѣ желѣзнодорожныя станціи, пассажирскіе пароходы,

Digitized by Google

въ мѣста общественныхъ собраній, словомъ всюду, гдѣ только можно разчитывать на болѣе или менѣе значительное скопленіе народа.

Начавшееся еще такъ недавно въ Норвегіи патріотическое движеніе не замедлило дать и реальные результаты. Скандинавскіе сосѣди, пріобрѣвшіе прочную репутацію самыхъ скромныхъ расходчиковъ государственной казны, на этотъ разъ, отрѣшившись отъ своихъ расовыхъ привычекъ и не останавливаясь предъ расходами, съ неутомимою энергіей приступили и настойчиво продолжаютъ сооруженіе желѣзной дороги, перерѣзывающей отъ моря до моря Скандинавскій полуостровъ и почти вплотную прилегающей къ нашей сѣверной границѣ. Не нужно быть стратегомъ, чтобы сразу понять истинное назначеніе этого спѣшно сооружаемаго пути и безошибочно предвидѣть его угрожающую намъ роль въ случаѣ международныхъ осложненій, когда, скажу съ увѣренностью, Скандинавы не будутъ нашими сторонниками.

При осуществленіи грозной противъ насъ коалиціи, когда наступитъ время активныхъ дѣйствій, легко можетъ случиться что скандинавская линія Викторія-Лулеа сослужитъ великую службу „Лигѣ національной обороны“ и вмѣсто вѣчно тревожащей Норвежцевъ возможности захвата нами Финмаркена, хотя на время передастъ въ чужія руки не только Мурманъ и Финляндію, но и будетъ серіозно угрожать и нашей столицѣ, перебросивъ въ Финляндію корпуса вражескихъ войскъ.

Повторяю что, насколько мнѣ извѣстно, начавшееся въ Норвегіи патріотическое движеніе не только не ослабѣваетъ, но плохо скрываемая отъ насъ непріязнь къ намъ ростетъ и крѣпнетъ все больше и больше и особенно въ послѣднее время, когда, наконецъ, мы рѣшились стать твердою ногой на берегахъ сѣверныхъ водъ.

Въ то время, когда мы съ наивнымъ равнодушіемъ смотримъ не только на поползновеніе Финляндцевъ довести свой рельсовый путь до соединенія его съ дорогами Соединеннаго Королевства, какъ мы сами и на свои же средства намѣреваемся продолжить первый до сооружаемаго порта на Сѣверномъ океанѣ, даже западно-европейская печать обратила серіозное вниманіе на сооруженіе линіи Викторія-Лулеа, и дружественная намъ часть иноземной военной печати насъ же предупреждаетъ объ угрожающемъ значеніи этой дороги.

Ясное пониманіе правительствомъ Соединеннаго Королевства національныхъ интересовъ, поддерживаемое горячимъ сочувствіемъ населенія, создало линію Викторія-Лулеа.

Святая задача нашего правительства, въ виду отвѣтственности предъ Монархомъ, родиной и исторіей, теперь же разрушить строго обдуманный планъ нашихъ недруговъ и ни въ какомъ случаѣ не допустить проведенія отечественнаго стратегическаго пути къ Сѣверному океану не только включивъ въ него Финляндскую желѣзную дорогу, но и даже хотя бы и по незначительной части финляндской территоріи.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА НА СѢВЕРЪ.*

1.

У насъ теперь, можно сказать, „недѣля о сѣверной дорогѣ“—разговариваютъ, пишутъ, бесѣдуютъ, сообщаютъ.

Всякій, кто не хочетъ быть отсталымъ, беретъ карту Россіи и изъ разныхъ мѣстъ (главное чтобъ изъ разныхъ), начинаетъ „вести линію“ на Сѣверъ.

Бѣдный Сѣверъ! То о немъ молчали, то ужъ очень много говорить стали! Мнѣ такъ много приходилось уже писать объ этомъ вопросѣ, что я думаю, на этотъ разъ, не утруждать вниманіе благосклонныхъ своихъ читателей темой о желѣзной дорогѣ на Сѣверъ, а поговорить лишь о существующихъ уже дорогахъ туда,—*дорогахъ финляндскихъ*.

Что-нибудь одно — или Финляндцы „лойяльны“, вполнѣ преданы Россіи и ея Монарху и имъ дороги интересы пріютившей ихъ могущественнѣйшей Державы, подъ высокимъ покровительствомъ которой они могли мирно развиваться въ теченіе болѣе 85 лѣтъ и достигнуть такого процвѣтанія, которое, по ихъ же словамъ, должно быть признано завиднымъ даже для старѣйшихъ „наицивилизованнѣйшихъ“ западныхъ державъ,—или,—по пословицѣ, „какъ волка ни корми онъ все въ лѣсъ смотритъ“—въ Финляндцахъ до сихъ поръ живъ духъ Аньяльскихъ заговорщиковъ, до сихъ поръ на нихъ Россія и ея правительство не можетъ положиться, какъ не могло на нихъ полагаться (да никогда и не полагалось) правительство Шведское.

Въ первомъ случаѣ,—зачѣмъ же недовѣріе съ нашей стороны, зачѣмъ Финляндцамъ мѣшать дѣлать то, что у другихъ Русскихъ подданныхъ поощряется,—развивать *свою* сѣть желѣзныхъ дорогъ,—зачѣмъ оскорблять ихъ предположеніями, что они строятъ дороги, одинаковыя со шведскими *стратегическими*, съ цѣлію войти въ измѣнническій союзъ со врагами Россіи, съ разными тамъ „лигами обороны“, монархами-путешественниками и пр. и пр. Если „нелѣпость“ предположеній измѣны со стороны Финляндцевъ обнаружится,—какъ обѣщаетъ то извѣстная часть нашей печати,—повторяю, я первый этому буду радъ, первый открыто и прямо покаюсь въ своихъ прегрѣшеніяхъ по части Финляндіи и первый всѣми зависящими отъ меня способами постараюсь исправить тѣ свои ошибки, въ которыя я раньше впадалъ.

Если же есть хоть малѣйшая вѣроятность во второмъ „или“, если есть хоть малѣйшее неопровергнутое подозрѣніе что Аньяльцы среди Финляндцевъ не вымерли,—то почему же медлятъ, почему у воротъ русской столицы даютъ зрѣть крамолѣ, угрожающей цѣлому государству?

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 59, отъ 1 марта.

Digitized by Google

Вѣдь согласитесь что средины быть здѣсь не можетъ—или *вѣрноподданный* или *измѣнникъ*; убѣдиться же въ томъ что такое эти наши окраины вовсе не трудно, да еслибъ и было трудно, въ этомъ убѣдиться *должно!*..

Теперь, если Финляндцы вѣрноподданные, если въ ихъ лицѣ мы не отогрѣли змѣи на своей широкой груди, то какое же можетъ-быть сомнѣніе о томъ какъ и гдѣ вести дорогу на Сѣверъ, на тотъ Сѣверъ который *необходимъ Россіи*, а не торговцамъ селедками и вологодскимъ тѣстомъ, на тотъ сѣверъ, который одинъ имѣетъ незамерзающія морскія бухты, изъ которыхъ есть постоянный выходъ на просторъ океана? Тогда необходимо вести линію отъ Улеаборга до Мурмана.

А если Финляндцы въ большинствѣ своемъ не надежны,—какъ открыто и гласно высказываются многіе и въ печати и въ спеціальныхъ коммиссіяхъ,—то, спрашивается, что устраняется тѣмъ обстоятельствомъ что не будетъ продолжена линія отъ Улеаборга до Мурмана? Вѣдь Шведы съ Нѣмцами, вступя на русскую территорію, надо думать, двинутся не на Лопарей, а на насъ, и дѣло нисколько не измѣнится отъ того—будетъ ли линія продолжена или нѣтъ,—напротивъ, при наличности этой продолженной линіи, русскія войска могутъ съ сѣвера зайти въ тылъ непріятеля и тѣмъ помѣшать его операціямъ или отвлечь часть его силъ на тотъ же Сѣверъ, чтобы парализовать намъ захожденіе въ тылъ. Такимъ образомъ существованіе русской твердыни на Мурманѣ, связанной хотя бы съ одними финляндскими дорогами, будетъ, по меньшей мѣрѣ, равносильно роли всякой другой твердыни,—ее надо будетъ принимать въ разчетъ при нападеніи и удѣлять ей ту долю усилій которую она заслуживаетъ.

Но, сверхъ того, разъ окончательно будетъ установлена финляндская ненадежность, неужели можно и впредь оставить хоть какія-нибудь линіи въ ихъ рукахъ, не будетъ ли это равносильно тоже измѣнѣ?

Если же линіи финляндскихъ „государственныхъ“ дорогъ станутъ *русскими*, то чего же тогда-то опасаться близости ихъ къ границамъ нашимъ—вѣдь такого рода опасенія должны быть равносильны и *для всякой другой русской* пограничной дороги,—однако ихъ же строятъ, за нихъ не боятся—иначе и ихъ бы надо было „сокращать“—до того не боятся что позволяютъ строить и эксплуатировать „своими средствами“ такія линіи, какъ Варшаво-Вѣнская и Варшаво-Бромбергская.

Это по части военно-стратегической.

2.

Къ этому, для освѣщенія вопроса о финляндской „лойяльности“ и о необходимости принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ касательно *существующихъ* уже „государственныхъ“ финляндскихъ дорогъ, позволимъ себѣ привести маленькую историческую справку.

Апологетъ Финляндіи и финляндскихъ порядковъ, г. С. И. Барановскій *, и тотъ пишетъ по поводу мѣстныхъ войскъ слѣдующее:

„Первое изъ предложеній (знаменитаго сейма въ Борго) касалось устройства войска. Въ силу *окончательнаго рѣшенія* по этому вопросу *существованіе финляндскаго войска было на пятьдесятъ лѣтъ отмѣнено. Однимъ изъ побужденій для такой отмѣны было откровенное заявленіе, что Финляндцамъ было бы тяжело исполнять свои обязанности еслибы Россіи довелось воевать противъ Швеціи.*“

Замѣтимъ кстати, что дальнѣйшій ходъ развитія „финскаго войска“,—до окончательнаго устройства его въ томъ видѣ, какъ оно теперь существуетъ,—былъ таковъ: „Въ 1812 году сами Финляндцы испросили Высочайшее повелѣніе о сформированіи финляндскихъ егерскихъ полковъ для содѣйствія Русскимъ въ ихъ борьбѣ съ Наполеономъ. Повелѣно было *навербовать изъ охотниковъ* три егерскіе полка.

По окончаніи войны двѣ роты помѣщены въ Гельсингфорсѣ и наименованы „Финскимъ учебнымъ баталіономъ,“ а съ 1829 года этотъ баталіонъ назы-

---

* См. *Живописная Россія*, подъ редакціей П. Семенова, т. 2 стр. 28.

Digitized by Google

вается *лейбъ-гвардіи Финскимъ стрѣлковымъ баталіономъ*".

Однако, видно „войско" это не совсѣмъ удовлетворяло,—не будемъ говорить по какимъ причинамъ, — такого знатока воинскаго дѣла, какимъ былъ незабвенный императоръ Николай I. Несмотря на старанія даже такихъ „отцовъ отечества", какъ статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи Ребиндеръ, эти „три полка были въ 1827 году преобразованы въ шесть стрѣлковыхъ баталіоновъ, *а въ 1830 году совсѣмъ упразднены*, такъ же какъ въ 1845 году упраздненъ и Абовскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ". Сдѣлано это было по Николаевски,—безо всякихъ сеймовъ, которые при немъ не собирались.

Это говоритъ, повторяю, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ финляндскихъ порядковъ, который, въ заключеніе своей статьи о Финляндіи, изъ которой мы взяли эти выдержки, даже говоритъ: „дѣятельность бывшихъ четырехъ сеймовъ оправдала тѣ ожиданія, какими Его Императорское Величество * руководился, вызывая къ жизни учрежденія, *которыми правительство* (при императорѣ Николаѣ I) *такъ долго не пользовалось въ Финляндіи*"—и тѣмъ какъ бы идетъ далѣе самихъ финляндскихъ сепаратистовъ, которые, при всей ихъ развязности, не всегда рѣшаются такъ открыто порицать дѣянія такого государя, какъ Николай I.

Конечно, не намъ являться судьями поступковъ этихъ двухъ дорогихъ всякому русскому сердцу Монарховъ, но мнѣ кажется что Николаевская программа дѣйствій въ Финляндіи (какъ и во многомъ другомъ) имѣла въ дальнѣйшей исторіи этого края большее оправданіе, чѣмъ высоколиберальныя пожеланія гуманнѣйшаго Царя-Освободителя, высказанныя имъ при открытіи сейма 1863 года: „Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ государемъ, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія"...

* Императоръ Александръ II.

3.

Теперь по части *коммерческаго значенія* будущей дороги.

Въ дополненіе къ сказанному нами ранѣе приведу лишь маленькую иллюстрацію въ видѣ извлеченія изъ рѣчи почтеннаго головы Вологодской думы, сказанной 18 февраля, въ засѣданіи по сѣверному вопросу. Изъ рѣчи этой слѣдовало что надо вести линію на Вологду-Архангельскъ,—тогда де торговля Сѣвера процвѣтетъ, сельдь будетъ въ центрѣ Россіи чуть ли не по копѣйкѣ штука, а морошки, клюквы и брусники будетъ столько что ѣшь не хочу. Словомъ, какъ и слѣдуетъ, почтенный депутатъ отъ богоспасаемаго города Вологды не хотѣлъ знать никого и ничего кромѣ ея, что дѣлаетъ честь его чувствамъ. Но тотъ же почтенный представитель, какъ бы въ дополненіе моихъ словъ что лѣтомъ у этой линіи не будетъ груза, потому что его отобьетъ дешевый водяной путь, а зимой нечего будетъ возить,—говорилъ что и теперь, *при существованіи* узкоколейной Вологодско-Ярославской *желѣзной дороги*, много дичи (лѣсной и болотной, а не въ иносказательномъ смыслѣ) доставляется въ Петербургъ зимой *чужомъ*.

Еще меньшее значеніе, конечно, имѣетъ линія (самый новѣйшій проектъ), Кемь-Петербургъ—что они ужь тутъ думаютъ возить,—я положительно не понимаю, такъ какъ городокъ Кемь не имѣетъ и того значенія, которое имѣетъ Архангельскъ, и лежитъ все у того же замерзающаго Бѣлаго Моря, то-есть не можетъ оказать никакого вліянія на мурманскіе промыслы, представляющіе *главный коммерческій* интересъ края.

Вожделѣнія другаго града россійскаго,—кричащаго какъ и всякій градъ по поводу всякой желѣзной дороги, будь она хоть на луну,—„къ намъ, къ намъ, мы самые достойные, мы самые богатые,"—древней Казани, были основательно разбиты предсѣдателемъ коммиссіи, товарищемъ министра Путей Сообщенія, генераломъ Петровымъ, указавшимъ что главный мотивъ казанскихъ ходатайствъ,—скорѣйшая доставка, *до окончанія навигаціи*, мѣстнаго

Digitized by Google

хлѣба въ Архангельскъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ... *невозможно* въ 6—7 дней—срокъ имѣющійся у Казанцевъ вслѣдствіе ранняго замерзанія Архангельска—перевести по будущей дорогѣ четыре—пять милліоновъ хлѣба.

Лѣтомъ же или зимой, увы, придется конкуррировать съ вѣчными и опасными для нашихъ желѣзныхъ дорогъ конкуррентами—все тѣми же барками и подводами.

Конечно, когда пѣли казанскіе соловьи, имъ не давали очень „увлекаться“ Вологжане, когда пѣли эти послѣдніе—наступала очередь Казанцевъ, и надо отдать справедливость что въ критической оцѣнкѣ линій сосѣда своего наши „депутаты“ высказали большее знаніе предмета, большую доказательность взглядовъ, чѣмъ при расписываніи благъ отъ своихъ собственныхъ линій. Отчего бы это?

Какъ бы то ни было, а выяснилось что *коммерческое* значеніе линій, идущихъ отъ Архангельска до Вологды или Казани очень и очень мало, съ чѣмъ и мы, конечно, согласны вполнѣ. Коммерческое же значеніе линіи Мурманъ—Петербургъ—никто,—даже изъ прикосновенныхъ къ дѣлу Вологжанъ и Казанцевъ, — не оспаривалъ — всѣ лишь меланхолично тянутъ *что этими выгодами воспользуются Финляндцы.*

Итакъ, признано что *у линіи идущей непосредственно отъ Мурмана* есть и *коммерческое значеніе*, не говоря про важнѣйшее—военно-морское, стратегическое.

Тутъ тоже надо сказать что и раньше—если Финляндцы добрые вѣрноподданные Россіи, то почему же имъ не предоставить пользоваться *тѣми естественными выгодами*, которыя даетъ ихъ край, и чрезъ то не получать *общей государственной* пользы, а заботиться, въ ущербъ яснымъ государственнымъ задачамъ, о покровительствѣ казанскимъ Татарамъ, поволжской Мордвѣ и т. п.,—если же Финляндцы никогда не станутъ даже и такими *Русскими*, какъ Татары, Мордва, Черемисы и Чуваши,—то кто же у насъ въ Россіи *самодержавной* и великой можетъ помѣшать принять надлежащія и рѣшительныя мѣры противъ такого опаснѣйшаго явленія государственной жизни и тѣмъ воспрепятствовать и дальнѣйшему развитію крамолы и дальнѣйшему наживанію крамольниками за счетъ истинныхъ сыновъ единаго Россійскаго государства?

Ходить ничего не дѣлая вокругъ да около такихъ вопросовъ, какъ финляндскій—нельзя и не время!

ЧЕРНОМОРЕЦЪ.

Digitized by Google

ИЗЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

1.

Православіе и Шведы. *

Судьба Православія на нашей сѣверной окраинѣ, когда сія послѣдняя находилась подъ шведскимъ владычествомъ, еще далеко не можетъ считаться подробно изслѣдованною и точно установленною. Въ нашей исторической литературѣ есть только одно самостоятельное сочиненіе, посвященное разработкѣ и освѣщенію этого предмета, — *„Исторія Православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи“* И. Чистовича (Спб., 1856 года). Ни *Покореніе Финляндіи* К. Ордина (Спб. 1889), ни *„Православная Церковь въ Финляндіи“* (Спб. 1893) не прибавили ни одного факта, ни одной подробности къ тому что̀ дано еще въ первомъ трудѣ. Но вся *Исторія* И. Чистовича слишкомъ кратка (117 стр, въ малую 4°) чтобы можно было требовать отъ нея всесторонняго и полнаго изслѣдованія предмета. Вотъ почему всякая новая подробность, всякое новое освѣщеніе фактовъ не могутъ считаться излишними для изученія того времени. Съ другой стороны, тогда, подобно тому какъ и въ позднѣйшее время, въ основѣ отношеній къ Россіи было стремленіе искоренить все русское изъ края. Прошлое Финляндіи, поэтому, полно живѣйшаго интереса и для современности.

Какъ извѣстно, по Столбовскому договору (1617) Швеціи уступлены были южное побережье Финскаго залива съ городами Ивангородомъ, Ямью, Копорьемъ, Орѣшкомъ, области Корельская и Ингерманландская. Въ уступленныхъ земляхъ перешло подъ шведское владычество много православныхъ жителей съ ихъ церквами и монастырями, составлявшихъ подъ русскою державой отдѣльную Корельскую епархію, въ качествѣ новгородскаго викаріата, съ епископомъ въ Кексгольмѣ.

Съ этого времени, по справедливому замѣчанію г. Ордина, главное усиліе Шведовъ было направлено къ искорененію въ уступленной области православія и къ водворенію тамъ лютеранства. Исторія отмѣтила уже явныя

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 58, отъ 27 февраля.

Digitized by Google

мѣры лютеранской пропаганды среди православныхъ, какъ-то: печатаніе лютеранскихъ книгъ на русскомъ и финскомъ языкахъ, разныя льготы отступникамъ отъ православія и т. п. Необходимо освѣтить и средства иного рода, направленныя Шведами къ ослабленію православія и къ непосредственному разстройству церковной жизни среди своихъ новыхъ, православныхъ, подданныхъ.

Первою такою мѣрой было уничтоженіе особой православной Корельской епархіи. Несомнѣнно что Корельская епархія (временно) прекратила свое существованіе именно со времени завоеванія ея Шведами. Очевидно, въ особомъ епископѣ для своихъ православныхъ подданныхъ Шведы видѣли надежное ручательство устойчивости среди нихъ православія и его дальнѣйшаго роста, а быть-можетъ боялись и московскихъ интригъ чрезъ епископа. А такъ какъ все это было имъ отнюдь не желательно, то и назначеніе въ Корелу особыхъ епископовъ прекратилось, и епископская каѳедра тамъ закрыта.

Но такъ какъ оставленіе православныхъ безъ епископа равносильно было бы гоненію на православіе, потому что безъ епископа некому было бы поставлять священниковъ, освящать храмы, а стало-быть нельзя было бы совершать и таинства, то Шведы въ слѣдующемъ же 1618 году просили Московскаго Государя чтобъ онъ позволилъ подвластному имъ православному духовенству пріѣзжать къ Новгородскому митрополиту „для поставленья и и благословенья“. Разчетъ былъ весьма вѣрный: дальность разстоянія и неудобство тогдашнихъ путей сообщенія, а также бдительность пограничной стражи, вполнѣ обезпечивали Шведамъ рѣдкость сношеній ихъ православныхъ подданныхъ со своимъ епископомъ, а этимъ обезпечивалось и разстройство православной жизни въ краѣ.

Московское правительство, повидимому, имѣло вѣрное представленіе объ отношеніи Шведовъ къ исповѣданію своихъ подданныхъ, и отъ удовлетворенія ихъ просьбы уклонилось, отвѣтивъ что „то дѣло духовное, по Апостольскому преданію и Святыхъ Отецъ правиламъ положено то на святителяхъ и на святѣйшемъ патріархѣ, и на митрополитахъ, и архіепископахъ и епископахъ, а мірскимъ людямъ въ тѣ ихъ дѣла вступатися не достоитъ“. А такъ какъ „въ то время въ Россійскомъ государствѣ крайняго и высочайшаго святителя, святѣйшаго патріарха, не было“, а „дѣтямъ его духовнымъ, митрополитамъ и архіепископамъ и епископамъ, также и благороднымъ боярамъ“, безъ его святительскаго повелѣнья нельзя дать окончательнаго отвѣта, „понеже онъ есть всѣмъ пастырь и глава“, то и рѣшеніе шведской просьбы было отложено до новаго патріарха.

Послѣ такого отвѣта могли совершенно прекратиться шведскія опасенія насчетъ вліянія московской дипломатіи на православныхъ въ Швеціи. Но Шведы боялись совершенно другаго: неизбѣжнаго тяготѣнія всего русскаго православія къ своему центру — къ Москвѣ; и, добиваясь искорененія у себя православія, остались недовольны даже когда ихъ просьба, наконецъ, была уважена.

17 августа 1619 года Московскій царь и патріархъ позволили Новгородскому митрополиту Макарію принять въ свое духовное управленіе тѣхъ православныхъ которые, „для покою христіанскаго“, были уступлены Швеціи. Вмѣстѣ съ извѣщеніемъ объ этомъ, митрополитъ получилъ и образецъ грамоты, которою онъ долженъ былъ оповѣстить шведское православное духовенство о своемъ духовномъ начальствѣ надъ ними. При этомъ Московское правительство предусмотрительно предписывало грамоту эту православнымъ въ Швеціи „отдати явно, чтобъ на нихъ отъ Нѣмецъ мнѣнья не навести“. (А. А. Э., III, № 107.)

Митрополитъ немедленно написалъ грамоту. Разрѣшая шведскому православному духовенству обращаться къ нему по дѣламъ духовнымъ, онъ въ то же время увѣщевалъ тамошнихъ православныхъ: „крѣпце стойте, мужайтеся, утверждайтеся... и отъ прежнихъ преданій никакого же ничесоже умаляюще, держитеся отцепреданныя вамъ святыя

Digitized by Google

Апостольскія вѣры". (А. А. Э., III, № 108).

Полученіе грамоты въ Швеціи, разумѣется, не укрылось отъ вниманія ея правительства и было поводомъ къ тому чтобы Шведы сейчасъ же обнаружили свои дѣйствительные взгляды на дѣла вѣры своихъ подданныхъ и свое отношеніе къ православію. Они нашли непосредственныя сношенія митрополита съ зарубежными православными слишкомъ опасными для своихъ стремленій уничтожить у себя православіе, признали ихъ, поэтому, вмѣшательствомъ во внутреннюю политику ихъ страны и немедленно опротестовали. Они потребовали чтобы Московское правительство запретило Новгородскому митрополиту сноситься непосредственно съ православнымъ духовенствомъ и приказало ему, въ случаяхъ нужды, по церковнымъ дѣламъ, относиться къ мѣстнымъ шведскимъ властямъ, „къ державцамъ, а не къ попамъ".

Московское правительство уступило этому требованію Шведовъ, позаботившись, впрочемъ, охранить достоинство митрополита. Съ этою цѣлію повелѣно ему не самому лично сноситься со Шведами, а черезъ Новгородскаго воеводу, „потому что онъ (митрополитъ) человѣкъ духовной и чину великаго, и ему съ иноземцы ссылаться непригоже". (А. А. Э., III, № 111.)

Шведы, такимъ образомъ, достигли желаемаго: контроль надъ церковными дѣлами ихъ православныхъ подданныхъ былъ въ ихъ рукахъ, православіе становилось всецѣло дѣломъ внутренней политики ихъ государства,—отсюда и положеніе его опредѣлялось ихъ лютеранскимъ усмотрѣніемъ.

2.

Возобновленіе храмовъ.

Пользуясь смутами московскаго междуцарствія, Шведы, даже подъ личиной нашихъ союзниковъ и помощниковъ противъ Поляковъ, сильно разорили нашу сѣверную окраину. Особенно тяжело отозвалась ихъ помощь на Православіи: православные храмы были сожжены ими или разрушены, святыни поруганы и расхищены, православные поборники убиты или отведены въ плѣнъ.

Когда, наконецъ, заключенъ былъ миръ въ Столбовѣ, и Шведское правительство (притворно) объявило вѣротерпимость въ своей новой области, первою заботой православныхъ жителей уступленной Шведамъ земли было возстановленіе своихъ приходскихъ храмовъ. Согласно условленному порядку управленія тамошними церковными дѣлами, православные жители въ большомъ числѣ стали являться къ Новгородскому митрополиту съ просьбами чтобъ онъ благословилъ и разрѣшилъ имъ „тѣ ветхіе храмы постраивать", которые сожжены и разорены „отъ нѣмецкихъ людей", „а которые сожжены, и имъ бы благословити на тѣхъ мѣстахъ ставити церкви и (о)свящати, и для бъ освященія давати антимисы." (А. А. Э., III, № 127.)

Повидимому, вполнѣ справедливыя желанія православныхъ не должны были встрѣтить препятствій и замедленій къ скорому удовлетворенію ихъ. Въ дѣйствительности же былъ серіозный тормазъ къ возобновленію православныхъ храмовъ и именно со стороны новыхъ владѣтелей уступленнаго Россіей края.

Для законности сношеній православныхъ жителей этого края со своимъ Новгородскимъ митрополитомъ необходимо было предварительное разрѣшеніе на то мѣстныхъ шведскихъ властей. Если же такого разрѣшенія не было, то какія бы распоряженія ни дѣлалъ митрополитъ по челобитьямъ своихъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 67, отъ 9 марта.

Digitized by Google

зарубежныхъ пасомыхъ, всѣ они оставлялись безъ исполненія. Этотъ же порядокъ примѣнялся и къ возобновленію православныхъ храмовъ. Если шведскія власти не позволяли возобновлять ихъ, то и всѣ разрѣшенія митрополита оказывались не достигающими цѣли. Вотъ почему въ Москвѣ спрашивали митрополита: „съ повелѣнья ль Корельскихъ и иныхъ городовъ державцовъ Русскіе люди изъ-за рубежа къ нему приходятъ и о антиминсахъ и о церковномъ строеньи бьютъ челомъ, или тайно?“ (ibid.)

Между тѣмъ Шведское правительство отнюдь не поощряло такихъ желаній своихъ новыхъ подданныхъ. Въ Москвѣ получены были самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ. Изъ Иломенскаго погоста, Корельскаго уѣзда, явился въ Москву къ патріарху уполномоченный съ просьбой разрѣшить имъ поставить новый храмъ на мѣстѣ сожженнаго „Нѣмцами“. Несомнѣнно, только ходатайствомъ у высочайшей православной власти прихожане этого погоста надѣялись достигнуть исполненія своего желанія. Этотъ уполномоченный сообщилъ дьякамъ въ посольскомъ приказѣ что не только по церковнымъ, но и по другимъ дѣламъ православные ходятъ изъ Швеціи въ Россію только „тайно“, потому, очевидно, что шведскіе начальники разрѣшеній на это не даютъ.

Отвѣтомъ на такое заявленіе была царская грамота къ Новгородскому воеводѣ князю Мезецкому чтобъ онъ отписалъ къ начальнику Корельскому и испросилъ у него разрѣшеніе на свободный пропускъ къ митрополиту всѣхъ православныхъ изъ Швеціи по церковнымъ дѣламъ: „и онъ бы, Корельскій державецъ, къ богомольцу нашему, къ Новгородскому митрополиту, Русскимъ всякимъ людямъ, которые нынѣ въ ихъ сторонѣ, о всякихъ духовныхъ дѣлахъ пріѣзжати поволилъ“. Основаніемъ такого заступничества за шведскихъ подданныхъ „православныя вѣры греческаго закона“ предписывалось выставить собственное ходатайство за нихъ Шведскаго правительства предъ Русскимъ въ 1618 году, когда въ Москву являлись нарочные послы и просили не препятствовать Новгородскому митрополиту вѣдать дѣла православной церкви въ ихъ краѣ. Притворность и лживость этого ходатайства теперь обнаруживались сами собой и со всею очевидностью, такъ какъ препятствія къ тому ставились не Москвою, а самими же Шведами. Обѣ стороны теперь перемѣнились ролями. и каждая изъ нихъ выступила въ своей собственной, исторической роли: Москва, какъ заступница и покровительница Православія, а лютеранская Швеція, какъ его гонительница.

Новгородскій воевода немедля исполнилъ царское повелѣніе и 30 ноября 1622 года послалъ отписку Корельскому правителю, въ которой прекрасно мотивировалъ и точно изложилъ свое ходатайство за православныхъ подданныхъ Швеціи, просилъ его безпрепятственно отпускать ихъ въ Новгородъ „бити челомъ о церковномъ поставленьи и объ антиминсахъ“, и при этомъ снова повторялъ: „а Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, по повелѣнью, въ Великій Новгородъ пріѣздъ и отъѣздъ имъ будетъ вольной, и обидъ и задержанья и укоризненныхъ словъ ни отъ кого ни въ чемъ не будетъ, и сумнѣнья бъ о томъ никому не имѣти“. (ibid., № 128).

Насколько, однако, Шведы оставались послѣдовательны въ своей политикѣ по отношенію къ Православію и глухи къ насущнымъ нуждамъ его въ своей области свидѣтельствуетъ тотъ фактъ что напрасныя просьбы тамошнихъ православныхъ жителей о возобновленіи храмовъ не прекращаются во все время господства надъ ними Шведовъ. Положеніе не измѣнилось даже къ самому концу XVII вѣка. Въ 1686 году Новгородскій митрополитъ доносилъ патріарху что православные Швеціи „*многажды слезно просятъ* чтобъ въ тѣхъ ихъ мѣстахъ повелѣть имъ на *прежнихъ* церковныхъ мѣстахъ церкви построить, и пресвитеровъ поставлять, и на освященіе антиминсы давать, и святаго мура, чтобъ имъ безъ святыхъ церквей и безъ освященнаго чина христіанскаго закона не отбыть“. (А. И., V, № 142).

Г—й.

Digitized by Google

ПОЖЕРТВОВАНІЯ

НА НУЖДЫ ПРАВОСЛАВНО-РУССКАГО ДѢЛА

ВЪ ФИНЛЯНДІИ*

1.

Отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей".

Доброе дѣло, благодареніе Богу, не глохнетъ, а растетъ хотя и медленнымъ ростомъ. Нужды православно-русскаго дѣла въ Финляндіи не перестаютъ быть предметомъ вниманія выражаемаго не одними словами, но и дѣломъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ помѣщаемое ниже письмо начальника штаба Московскаго Военнаго Округа, генералъ-лейтенанта Духонина.

Пожелаемъ чтобъ это доброе дѣло росло и впредь, привлекая новыхъ и новыхъ участниковъ.

Наступаютъ дни Четыредесятницы, дни поста, молитвы и покаянія,—дни сугубаго приношенія вѣрующими плодовъ достойныхъ покаянія. Пожелаемъ чтобы въ числѣ сихъ плодовъ былъ и усиленный притокъ лептъ на святое русско-православное дѣло въ Финляндіи.

2.

Письмо къ издателю.

М. Г.—Въ № 347 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1893 годъ приведено свѣдѣніе о поступившихъ ко мнѣ пожертвованіяхъ на русскія школы въ Финляндіи, въ размѣрѣ 3.125 рублей въ полученіи коихъ имѣется изъ Гельсингфорса квитанція за № 562.

Послѣ отправленія означенной сум-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 58, отъ 27 февраля. См. *Финл. Окраину Россіи*, вып. 2-й, стр. 576—580 и 592—595.

Digitized by Google

мы по назначенію, ко мнѣ поступило еще нѣсколько пожертвованій на тотъ же предметъ, а именно:

Отъ В. Я. Орлика.....	10 р
„ д. ст. сов. графа Орлова-Давыдова	100 р.
„ д. ст. сов. М. Ефим. Попова ...	250 р.
„ комм. сов. К. Т. Солдатенкова.	300 р.
„ пот. поч. гр. А. Григ. Кузнецова.	500 р.
„ пот. поч. гр. Варв. Андр. Алексѣевой.....	1.000 р.
Итого.. .	2.160 р.

Означенная сумма, черезъ Московскій Купеческій Банкъ, сдана въ распоряженіе г. финляндскаго генералъ-губернатора, переводомъ сего Банка за № 3.660/118.088.

Кромѣ того, мною получено:

а) отъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* 1.000 экз. книгъ, сданныхъ въ вѣдѣніе Совѣщательнаго Комитета по дѣламъ русскихъ училищъ въ Финляндіи;

б) отъ жертвователя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, 1.000 руб., съ назначеніемъ изъ сей суммы: 500 руб, на православныя церкви въ Финляндіи. 250 руб. на усиленіе средствъ Братства Свв. Сергія и Германа, проявляющаго свою плодотворную дѣятельность въ Выборгѣ, и 250 руб. на русскія благотворительныя учрежденія въ Финляндіи. Означенная сумма (1.000 руб.) сдана въ распоряженіе преосвященнаго Антонія, архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго, въ чемъ получена расписка преосвященнаго.

Такимъ образомъ общее число пожертвованій Москвичей, сдѣланныхъ черезъ меня, на православно-русскія нужды въ Финляндіи, включая тѣ пожертвованія, о коихъ упомянуто въ № 347 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1893 годъ, составляетъ 6.285 р., о чемъ и прошу васъ сдѣлать извѣстнымъ черезъ посредство издаваемой вами газеты. Пріемъ пожертвованій деньгами, книгами и церковными вещами на православно-русское дѣло въ Финляндіи продолжается.

Примите и пр.

М. ДУХОНИНЪ.

Digitized by Google

КЪ ВОПРОСУ О „ФИНСКОЙ АРМІИ".

1.

Воинская повинность въ Финляндіи.

(Передовая статья № 57 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года).

Москва, 25 февраля.

Финляндію „открываютъ" понемногу всѣ органы нашей повременной печати, и каждый изъ нихъ, коснувшись дѣлъ этой окраины, находитъ въ нихъ что-нибудь поучительное въ томъ или иномъ смыслѣ. Съ недавняго времени въ *Русскомъ Инвалидѣ* стали появляться замѣтки о финскихъ войскахъ: въ концѣ прошлаго года газета дала отчетъ по отбыванію воинской повинности за 1892 годъ, а въ № 35, отъ 13 февраля, огласила результаты по тому же вопросу за все истекшее десятилѣтіе,—въ статьѣ озаглавленной: *Итоги выполненія воинской повинности въ Финляндскихъ губерніяхъ за время съ 1882 по 1892 годъ.*

Прежде всего, изъ опубликованныхъ данныхъ видно что въ предѣлахъ Финляндіи изъ каждой тысячи призываемыхъ поступало въ войска новобранцевъ ежегодно, среднимъ числомъ, *до 196 человѣкъ*, тогда какъ въ остальной Россіи, изъ той же тысячи, новобранцевъ въ ряды арміи требовалось *461 человѣкъ*: другими словами, воинская повинность для населенія Финляндскихъ губерній крайне облегчена.

Своевременно мы уже указывали на это обстоятельство,* и нынѣ намъ остается только добавить что трудно сказать, въ силу какихъ именно мѣстныхъ условій, или особенныхъ государственныхъ заслугъ, выпала на долю Финновъ такая большая льгота.

Серіознымъ политическимъ испытаніямъ Финляндія никогда, за періодъ русскаго владычества, не подвергалась: государственную службу Финны исполняли если не хуже, то и не лучше

* См. *Фин. Окр. Россіи*, т. I, стр. 552.

Digitized by Google

другихъ... Иногда говорятъ: Финляндія бѣдна, Финляндія—или сплошной камень, или болото. Ну, а наши Вологодскія, Олонецкія и другія губерніи—развѣ въ лучшихъ условіяхъ находятся? Напротивъ, онѣ удалены отъ главныхъ торговыхъ путей, лишены моря и пр.,—однако, никогда и рѣчи не было о томъ чтобы облегчить имъ отбываніе воинской повинности.

Если, наконецъ, допустить что раньше, при покореніи Финляндіи, существовали нѣкоторыя экономическія причины къ облегченію для нея военной службы, то, спрашивается, не утратили ли эти причины своего значенія для настоящаго времени? Вѣдь Финляндія давно уже извлекаетъ большія выгоды изъ дарованныхъ ей особой монеты, особой таможенной линіи, изъ подаренной ей Выборгской губерніи, и изъ прочаго. Финляндія, какъ было справедливо указано въ *Свѣтѣ* (№ 26), „питается, растетъ и увеличивается на средства Русскаго народа", благодаря изобилію тѣхъ льготъ и привилегій кои были ей разновременно даны.

А между тѣмъ воинская повинность есть для подданныхъ одна изъ тѣхъ обязанностей которыя, въ силу принципа общей справедливости, лежащей въ ихъ основаніи, должны быть распредѣлены по возможности равномѣрно. Вода океана, тронутая въ одномъ мѣстѣ, передаетъ толчокъ въ другомъ; то же происходитъ и съ воинскою повинностію: часть тяжести ея, снятая съ плечъ Финновъ, неизбѣжно должна быть возложена на чьи-либо другія плечи въ томъ же государствѣ.

Финляндцы, въ оправданіе своего дѣйствующаго устава о воинской повинности, укажутъ, вѣроятно, на существующій у нихъ (особымъ образомъ организованный) запасъ; но этимъ запасомъ никоимъ образомъ не уравновѣшивается общая тягость военной службы, такъ какъ ихъ запасъ призывается всего на 90 дней въ теченіе трехъ лѣтъ (§§ 9 и 10); кромѣ того, срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ сокращенъ у нихъ до 3 лѣтъ, и, наконецъ, извѣстно что и нашъ запасъ не совсѣмъ избавленъ отъ лагерныхъ сборовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ замѣчаніямъ по поводу разсматриваемыхъ „итоговъ", мы должны прибавить что относимся съ особымъ довѣріемъ къ выводу *Русскаго Инвалида* о тягости воинской повинности въ Финляндіи потому что эта газета, видимо, сдѣлала его крайне осторожно, послѣ ряда оговорокъ, имѣя, очевидно, въ виду что система отбыванія сей повинности въ Финляндскихъ и Русскихъ губерніяхъ не одинакова.

Итакъ, тамъ гдѣ коренное населеніе Россіи высылаетъ 460 человѣкъ, жители Финляндіи ставятъ лишъ 196 человѣкъ. Счастливая окраина!

Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе цифровыя данныя о грамотности въ финскихъ войскахъ. Это, безспорно, свѣтлая страница въ разсматриваемомъ отчетѣ. Оказывается что умѣющихъ читать 81,6%, умѣющихъ читать и писать 13,3%, а вовсе неграмотныхъ только 2,0%. Въ этомъ отношеніи войска другихъ губерній Имперіи далеко отстали отъ Финновъ, ибо, судя по свѣдѣніямъ сгруппированнымъ профессоромъ А. М. Золотаревымъ, въ его книгѣ *Матеріалы по военной статистикѣ Россіи* (1889 года), среди населенія призывавшагося къ наборамъ въ Европейской Россіи — грамотныхъ было 23%, и по отдѣльнымъ губерніямъ цифра эта не подымалась выше 63%.

Но особенно въ „Итогахъ" *Русскаго Инвалида* поразила насъ своею неожи-

Digitized by Google

данностію цифра негодныхъ къ военной службѣ Финляндцевъ.

Оказывается что, по освидѣтельствованію новобранцевъ, негодныхъ къ военной службѣ среди населенія Финляндіи (по причинамъ: порчи зрѣнія, слуха, ненормальнаго строенія костей (?), разстройства умственныхъ способностей и т. п.) найдено всего 52,3%, то-есть болѣе половины!

Чтобы получить болѣе опредѣленное представленіе объ этомъ числѣ и имѣть мѣрило для его оцѣнки, обратимся опять къ книгѣ г. Золотарева. Въ ней мы находимъ что въ Россіи по болѣзнямъ, то-есть преимущественно по физическимъ недостаткамъ, ежегодно освобождается отъ военной службы около 15%. Къ этому профессоръ Золотаревъ прибавляетъ что наименѣе благопріятныя данныя, по физическимъ свойствамъ населенія, представляютъ Привислинскія, Балтійскія и окраинныя Сибирскія губерніи. Теперь же къ этому выводу приходится сдѣлать весьма существенную поправку и сказать что среди всѣхъ окраинъ Россіи первое мѣсто, въ указанномъ отношеніи, принадлежитъ Финляндіи.

Во всякомъ случаѣ, количество Финновъ физически неспособныхъ къ военной службѣ такъ велико что рѣшительно не поддается сразу объясненію, а посему на него, конечно, обратятъ вниманіе, и конечно будутъ приняты мѣры къ выясненію тѣхъ обстоятельствъ, коими оно обусловлено. А пока можемъ сказать лишь что здѣсь кроется что-то неясное, недоговоренное, и, вѣрнѣе всего, приведенная цифра негодныхъ къ военной службѣ указываетъ на какой-нибудь серіозный пробѣлъ въ финляндскомъ уставѣ о воинской повинности.

Извѣстно что Финны вообще любятъ военную службу, охотно служатъ въ ней, любятъ щеголять мундиромъ воина, они хорошіе строевые солдаты и отличные стрѣлки. При подобныхъ условіяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать у нихъ умышленное членовредительство, или гуртовое (какъ у Евреевъ) стремленіе къ уклоненію отъ исполненія воинской повинности. Напротивъ, тѣ же разсматриваемые нами „итоги“ свидѣтельствуютъ что изъ числа участвовавшихъ въ жеребьи 9,4% заявили желаніе (согласно § 72 устава) преимущественно поступить на дѣйствительную службу (а не въ запасъ). Остается, такимъ образомъ, предположить что инструкція для пріема и освидѣтельствованія новобранцевъ въ Финляндіи написана съ большими послабленіями и „допусками“.

Все это, конечно, не болѣе какъ наше предположеніе, наша догадка, – но во всякомъ случаѣ желательно чтобы люди болѣе насъ свѣдущіе въ семъ вопросѣ разсмотрѣли его и сказали о немъ свое авторитетное слово.

2.

Военный бюджетъ Финляндіи. *

Изъ статьи *Nya Pressen* (№ 67) мы узнаемъ что для покрытія расходовъ по содержанію финскихъ воинскихъ частей русской арміи за періодъ времени съ 1895 по 1897 годъ потребуется 19.661.929 финскихъ марокъ, то-есть около 6.554.000 марокъ ежегодно. Сумма же экстренныхъ расходовъ опредѣлена въ 2.730.000 марокъ, изъ коихъ: 1.600.000 марокъ предназначается на

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года № 66, отъ 8 марта.

Digitized by Google

перевооруженіе, 400.000 марокъ на постройку новаго зданія для Фридрихсгамскаго кадетскаго корпуса, 130.000 на проведеніе телефонной линіи по нѣкоторымъ пунктамъ побережья, и 600.000— на непредвидѣнные расходы. Слѣдовательно, военный бюджетъ за указанный періодъ выразится суммой въ 22.391.929 марокъ. Такъ какъ обыкновенный доходъ милиціоннаго фонда не превышаетъ 6.030.000 марокъ, то недочетъ, покрытіемъ котораго въ настоящее время озабоченъ Гельсинфорсскій Сеймъ, составляетъ 16.361.929 марокъ. Въ общемъ же *Nya Pressen* находитъ что всѣ военные расходы края, при существующемъ его положеніи и наличныхъ, такъ-сказать, средствахъ, являются довольно значительными. Къ этому же выводу склоняются и другія мѣстныя газеты.

По поводу этого заключительнаго вывода необходимо сдѣлать маленькое замѣчаніе, могущее нѣсколько освѣтить возбужденный уже вопросъ о воинской повинности въ Финляндіи *.

Нѣтъ сомнѣнія что всѣ страны Европы крайне обременены военнымъ бюджетомъ, но среди нихъ Финляндія, какъ всегда, оказывается въ наиболѣе счастливыхъ условіяхъ. Къ подобному заключенію мы пришли изъ сравненія ея военныхъ расходовъ съ таковыми же расходами Россіи и другихъ странъ. Подъ этими „другими странами“ въ данномъ случаѣ мы подразумѣваемъ тѣ государства которыя, по своей величинѣ и по количеству населенія, наиболѣе подходятъ къ Финляндіи, какъ-то: Грецію, Сербію, Данію, Норвегію и Швейцарію.

Для сравненія тягости причиняемой военнымъ бюджетомъ матеріальнымъ средствамъ извѣстныхъ странъ, необходимо прежде всего имѣть какой-нибудь масштабъ. Такимъ (простымъ и вѣрнымъ) масштабомъ является, вопервыхъ отношеніе военнаго бюджета къ общему бюджету страны. Сравнивая по этой мѣркѣ военные расходы Финляндіи и Россіи, и умышленно заимствуя данныя для сего сравненія изъ финляндскаго источника, а именно изъ *Финскаго Военнаго Журнала* (*Finsk Militär Tidskrift*), оказывается что Россія изъ общихъ своихъ денежныхъ рессурсовъ удѣляла на военное дѣло въ 1890 году, напримѣръ, 27%, а Финляндія – только 12%. Чтобъ еще нагляднѣе представить тягость военныхъ расходовъ для Россіи и для Финляндіи, скажемъ что средній размѣръ годичнаго военнаго расхода, по разчету на одну душу, составляетъ въ Россіи примѣрно 2 р. 50 к., а въ Финляндіи около 1 р. 20 коп.

Есть еще другая единица для оцѣнки и сравненія величины военнаго расхода. Можно взять отношеніе военнаго бюджета къ общей численности населенія страны. Примѣняя этотъ второй способъ для сравненія Финляндіи со странами, имѣющими населеніе близко подходящее по количеству къ населенію Финляндіи, получимъ:

Норвегія, при населеніи въ 2 милліона, расходуетъ на сухопутное войско около 3 милл. металл. руб.

Данія, при населеніи въ 2.300.000, расходуетъ около 5 милл. металл. руб.

Греція, при населеніи въ 2.200.000, расходуетъ около 4 милл. металл. руб.

Сербія, при населеніи въ 2.200.000, расходуетъ около 3 милл. металл. руб.

Швейцарія, при населеніи въ 3 милл., расходуетъ около 8 милл. металл. руб.

Въ Финляндіи въ настоящее время около 2.300.000 жителей; а ежегодный военный бюджетъ ея въ $6^1/_2$ милл. мар., что, при существующемъ нынѣ курсѣ, составляетъ нѣсколько менѣе $2^1/_2$ милл. руб. (или 1.600.000 метал. руб.).

Итакъ, приведенныя цифровыя данныя удостовѣряютъ что Финляндія обремена военными расходами меньше другихъ странъ. Мы уже не говоримъ о томъ что съ 1867 по 1881 годъ она содержала всего одинъ гвардейскій стрѣлковый баталіонъ.

Г. Игнаціусъ, разсматривая бюджетъ Финляндіи, писалъ въ своихъ *Статистическихъ замѣткахъ* въ 1882 году: Счастливое положеніе финансовъ края, слѣ-

---

* См. предыдущую статью „Воинская повинность въ Финляндіи“, а также *Фин. Окр. Россіи*, вып. 1-й, стр. 171 — 177, 193 — 202, 492 — 494; вып. 2-й, стр. 195 — 199, 235 — 239, 513—524, 571 - 572.

Digitized by Google

дуетъ приписать *преимущественно* тому что военные расходы, столь отяготительные для бюджетовъ многихъ государствъ, до сего времени (до 1881 года) *были весьма малы* въ Финляндіи...“ (стр. 176). Къ этому остается лишь добавить: не только „были“ малы, но и въ настоящее время малы, по сравненію съ другими странами, а также съ тою тягостью которую несетъ по военному дѣлу Русское Государственное Казначейство.

Г. АБОВЪ.

3.

Обращикъ финляндской „полемики“.

(Передовая статья № 73 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года, 15 марта).

Въ статьѣ „Воинская повинность въ Финляндіи“, помѣщенной въ № 57 *Московскихъ Вѣдомостей*,* говорилось, между прочимъ, о томъ что отбываніе воинской повинности для Финляндіи много облегчено въ сравненіи съ другими частями Россіи, и что такая исключительная льгота для одной части государства не имѣетъ, въ сущности, никакихъ основаній:

„Иногда“—сказано было въ нашей статьѣ,—„говорятъ: Финляндія бѣдна, Финляндія—или сплошной камень, или болото. Ну, а наши Вологодскія, Олонецкія и другія губерніи—развѣ въ лучшихъ условіяхъ находятся? Напротивъ, онѣ удалены отъ главныхъ торговыхъ путей, лишены моря и пр.,—однако, никогда и рѣчи не было о томъ чтобъ облегчить имъ отбываніе воинской повинности.“

Гельсингфорсская газета *Päivälehti*, приводя это мѣсто нашей статьи (въ № 59), нашла, конечно, нужнымъ возразить намъ и говоритъ слѣдующее:

„Газета (то-есть мы) какъ будто не знаемъ что совсѣмъ иное дѣло *Финляндское государство* и какія-нибудь или даже всѣ губерніи *Россіи* (on tykkänään toista *Suomen valtio*, kuin jotkut ja kaikkikin *Wenäjan* kuvernementit).

И больше ни слова. Въ этихъ трехъ строкахъ заключается все возраженіе финляндской газеты на вышеприведенныя слова наши. Возраженіе это по истинѣ безподобно по своему лаконизму и—наглости. Дѣйствительно, мы, несмотря на всѣ бывшіе опыты и факты, не знали что нахальство финляндскихъ „патріотовъ“ можетъ доходить до такой степени. Какая дикая заносчивость, какое глубокое презрѣніе къ Россіи слышится въ этихъ словахъ избалованнаго постоянными поблажками и зазнавшагося инородца! Онъ не допускаетъ даже мысли о томъ чтобъ его „Финляндское государство“ не пользовалось во всемъ особыми, чрезвычайными льготами по сравненію со своимъ батракомъ, Россіей.

---

* См. выше, стр. 59—61.

Digitized by Google

4.

Разсужденія финляндской печати о воинской повинности *.

Небольшое движеніе, бывшее среди финляндской печати, и маленькій шумъ, поднятый ею по поводу статьи *Московскихъ Вѣдомостей* „О воинской повинности въ Финляндіи", въ настоящее время затихли, почему является возможность разобраться въ сдѣланныхъ возраженіяхъ и отмѣтить, ради куріоза, нѣсколько образчиковъ финляндской полемики и логики мѣстныхъ публицистовъ.

Въ названной статьѣ *Московскія Вѣдомости* (№ 57), въ сущности, лишь пересказали своими словами то что было указано въ цифрахъ *Русскимъ Инвалидомъ*, а именно, что изъ каждой тысячи новобранцевъ въ финскія войска поступало 196 человѣкъ, тогда какъ коренное населеніе Россіи, изъ той же тысячи, посылало въ ряды войска 460 чел.; кромѣ того, были отмѣчены высокій процентъ грамотныхъ въ финскихъ войскахъ и невѣроятно крупный процентъ Финновъ физически-неспособныхъ къ военной службѣ. Какъ же отнеслась къ этой спокойной и объективной статьѣ финляндская печать?

Uusi Suometar (№ 61) усмотрѣла въ ней нападки на Финляндію. *Hufvudstadsbladet* (№ 60)—какой-то „выброшенный крючекъ", а *Nya Pressen* (№ 77), вмѣстѣ съ названною *Hufvudstadsbladet* (№ 62)—желаніе раздражить настроеніе умовъ въ Россіи противъ Финляндіи. Болѣе другихъ ожесточилась *Uusi Suometar*, газета, видимо, „бодливая", но которой Богъ рогъ не далъ. Ея довольно бурный и крайне мутный потокъ словоизліянія сводится къ слѣдующему:

„Русскій Аргусъ—*Московскія Вѣдомости*, которыя изъ щели своей постоянно высматриваютъ всякій мало мальски подходящій случай для *нападенія* (?) на Финляндію", конечно, не упустили представлявшагося имъ рѣдкаго случая *„хоть разъ"* опереться „на опубликованныя правительствомъ офиціальныя цифры. Это и было причиной того что нападки на этотъ разъ не содержатъ *особенно большаго количества извращенныхъ* свѣдѣній. Хотя изложеніе все таки настолько *коварно*, что цифрамъ этимъ придается совсѣмъ *не то значеніе* какое онѣ имѣютъ. Изъ 1.000 подлежащихъ призыву людей въ Россіи попадаютъ на дѣйствительную службу 461, а у насъ 196. Разница, такимъ образомъ, довольна значительная. Но въ Россіи остальные становятся совсѣмъ свободными; у насъ же остальные, признанные годными, должны идти въ резервъ. Въ теченіе девяностодневнаго учебнаго сбора, употребляемаго на столь усердную работу, какъ это бываетъ у насъ въ резервѣ, *можно изучить военную службу* довольно хорошо (!). Особенно если принять во вниманіе что финскій молодецъ обладаетъ нѣкоторымъ образованіемъ, такъ что онъ понимаетъ и устное обученіе унтеръ-офицера и можетъ, кромѣ того, въ свободное время еще читать и солдатскія книжки. Иначе бываетъ въ русскихъ войскахъ, гдѣ первый, а часто и второй годъ уходитъ на *наружныя* лишь упражненія, такъ какъ солдаты въ *десяткахъ тысячахъ* случаевъ не понимаютъ языка своихъ учителей (финскія племена, Татары и прочія въ русскомъ населеніи составляютъ численность въ нѣсколько милліоновъ).

„Наши солдаты состоящіе на дѣйствительной службѣ, говорятъ *Московскія Вѣдомости*, извѣстны какъ хорошіе строевые солдаты и особенно хорошіе стрѣлки. Пусть эта газета узнаетъ также, что люди *нашего резерва*, отбывшіе послѣдній учебный сборъ, настолько хорошо обучены что ихъ

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 79, отъ 21 марта.

Digitized by Google

вполнѣ *можно поставить въ ряды дѣйствующихъ войскъ* (?). Это ясно было видно въ Вильманстрандѣ. Поэтому *Московскимъ Вѣдомостямъ* совсѣмъ нѣтъ надобности болтать о томъ что у насъ слишкомъ мало людей обученныхъ военнымъ экзерсиціямъ. У насъ, напротивъ, обучаютъ всякаго способнаго носить оружіе—*изъ тысячи тысячу.*

„*Московскія Вѣдомости*“ упоминаютъ, въ качествѣ свѣтлой стороны, о томъ что у насъ неграмотныхъ всего 2%, между тѣмъ какъ въ Россіи 77%. Еслибы газета остановилась на этомъ пунктѣ, то она могла бы изъ этого извлечь то *поученіе, что если ужъ стремиться къ объединенію, то русскимъ во многихъ отношеніяхъ слѣдуетъ стремиться къ объединенію съ нами.*

„Въ Финляндіи тоже только одно мнѣніе о томъ что большой процентъ, именно 52, признаваемыхъ негодными при призывѣ, представляетъ печальное обстоятельство. Были *и у насъ* времена когда всѣ калѣки и хромые брались для пополненія рядовъ войскъ, но взглядъ новѣйшаго времени состоитъ въ томъ, что отечество должно быть защищаемо руками здоровыхъ сыновъ своихъ. Нужно замѣтить что въ Балтійскихъ провинціяхъ и въ Польшѣ число не годныхъ гораздо больше (?) чѣмъ у насъ. Такъ какъ мы знаемъ, что въ помянутыхъ мѣстностяхъ смертность дѣтей на половину меньше чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи, почти столь же низкая, какъ въ Финляндіи, то можно понять что эти факты въ очень близкой связи другъ съ другомъ.

„Такъ какъ смертность дѣтей во внутренней Россіи столь велика, что лишь самые крѣпкіе остаются въ живыхъ, *удивительно ли*, что тамъ среднее число негодныхъ составляетъ 15%?

„Наша бѣдная страна нуждается для воздѣлыванія своей суровой природы въ такой большой степени въ силахъ своихъ сыновъ, что удлиненіе срока службы въ дѣйствующихъ войскахъ было бы большимъ изъяномъ. Если они, даже по отзывамъ враждебныхъ намъ людей, хорошіе строевые солдаты и особенно хорошіе стрѣлки, то чего отъ нихъ еще требовать?“

Такова въ своей неприкосновенности и полномъ блескѣ статья газеты *Uusi Suometar*. Она достаточно говоритъ за себя, почему ни комментировать ее, ни возражать на нее не будемъ. Мы хотѣли только показать чѣмъ угощаютъ своихъ читателей передовые и вліятельные органы финляндской печати.

Какъ бы въ pendant къ заявленію *Uusi Suometar*'а о томъ, что Финляндія нуждается въ силахъ своихъ сыновъ для обработки полей, *Hufvudstadsbladet* (№ 62) говоритъ: „Какія бы желѣзныя дороги мы имѣли, еслибы получили возможность тѣ суммы, которыя ежегодно идутъ на содержаніе войска, употребить на расширеніе средствъ передвиженія и на другіе производительные предметы“. O sancta simplicitas!...

Единственную *попытку* серіознаго возраженія на статью *Московскихъ Вѣдомостей* дѣлаетъ *Nya Pressen* (№ 77). Эта гельсингфорсская газета, выступая на защиту финляндскихъ интересовъ, вооружилась даже кое какими цифрами. Сперва она разсуждаетъ о томъ что войско имѣетъ свое назначеніе—поддерживать внутренній порядокъ и отражать нападенія извнѣ—и съ этими цѣлями соображается его количество; и такъ какъ Финляндія де отдѣльное государство, то она исполняетъ свой долгъ въ своихъ границахъ; и вообще странно и несправедливо де требовать чтобъ она содержала войско пропорціонально великой державѣ—Россіи. Внѣшняя политика Финляндіи и Россіи совмѣстна, это такъ; но притязанія (права) и вліяніе принадлежатъ Россіи, которой достаются и выгоды.

Мотивы этой пѣсенки намъ знакомы; мы ихъ слышали въ рѣчахъ сеймовыхъ ораторовъ въ 1877—78 годахъ, когда сословія доказывали, что финскія войска „ни подъ какимъ видомъ“ не должны быть выводимы за предѣлы „отечества“ (то-есть Финляндіи), и когда, въ подтвержденіе правоты своихъ взглядовъ, они указывали на то что депутаты Боргоскаго сейма просили о томъ же императора Але-

Digitized by Google

ксандра I; что въ манифестѣ 6 сентября 1812 г. было сказано, что егерскіе баталіоны тогда только начнутъ свою дѣятельность, когда непріятель войдетъ въ Финляндію, или потревожитъ ея границы; что въ 1854—55 годахъ стрѣлковые баталіоны служили въ предѣлахъ Финляндіи, и что поселенныя войска были возстановлены для защиты Финляндіи. Тогда же (въ 1877—78 годахъ) указывалось на то, что за предѣлами Великаго Княжества патріотизмъ финскихъ войскъ охладѣетъ, и интересы родины не воодушевятъ ихъ; слава войнъ достанется русскимъ знаменамъ, а на долю Финляндіи выпадутъ одни лишь ничѣмъ невознаградимыя разоренія; и, наконецъ, что у Финляндіи имѣются свои интересы: она желаетъ достичь высшей культуры и насадить ее за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. Главная и единственная забота маленькихъ странъ—забота о своемъ культурномъ развитіи, пишетъ *Nya Pressen*, какъ бы продолжая развивать доводы депутатовъ 1877 — 78; у другихъ странъ—бо́льшія притязанія. Монархъ и сословія, создавая уставъ о воинской повинности для Финляндіи, понимали это, а потому не отлили его въ одну форму съ общимъ русскимъ уставомъ.

Иначе говоря, мысль автора разбираемой статьи такова, что если для Финляндіи и былъ созданъ особый законъ объ отбываніи воинской повинности, то этого настоятельно требовали мѣстныя условія. Подобныя мысли высказывали Л. Мехелинъ * и др.—Но ни одинъ изъ нихъ не представилъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, наглядныхъ примѣровъ, какихъ-либо реальныхъ фактовъ и дѣльныхъ соображеній, а всѣ отдѣлывались подборомъ словъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, почему мы до сихъ поръ искренно недоумѣваемъ, вслѣдствіе чего именно Финляндцы не могутъ нести воинскую повинность согласно требованіямъ общаго устава для Россіи.

Наше правительство всегда было серіозно озабочено правильнымъ распредѣленіемъ воинской повинности—этой важнѣйшей натуральной повинности нашего времени—и, насколько возможно, сглаживало въ военномъ дѣлѣ областныя привилегіи; но достичь вполнѣ равномѣрнаго распредѣленія ея въ предѣлахъ обширной Россіи, при тѣхъ многоразличныхъ культурныхъ условіяхъ среди которыхъ живутъ сотни ея племенъ, конечно, немыслимо. При этомъ намъ совершенно понятны тѣ историческія, географическія, этнографическія и другія причины, въ силу которыхъ, напримѣръ, отбываніе воинской повинности *казаками* разнится отъ отбыванія ея жителями центральныхъ губерній, или почему, напримѣръ, Кавказъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемъ съ Сибирью и т. п. Весь укладъ жизни, политическая благонадежность, мѣстныя условія—все было принято во вниманіе и оцѣнено, когда дѣлались исключенія для *горцевъ*; безъ опасенія серіозныхъ послѣдствій нельзя было сразу ввести среди мусульманскихъ народовъ Кавказа сѣрую шинель или водворить часть ихъ въ казармы. Одни изъ сихъ племенъ сами заявляли желаніе отбывать воинскую повинность натурой, наравнѣ съ христіанами, для другихъ она оказывалась нестерпимою, о чемъ лучше всего свидѣтельствовала усилившаяся было среди нихъ смертность. *

Мимоходомъ напомнимъ финляндскимъ оппонентамъ (особенно изъ *Hufvudstadsbladet*), которые любятъ дѣлать ссылки на Кавказъ, что, согласно Высочайшее утвержденному 24 мая 1893 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, объявленному при приказѣ по военному вѣдомству за № 171 прошлаго года, воинская повинность на Кавказѣ значительно преобразована, въ цѣляхъ приближенія ея къ общей нормѣ: сроки и условія службы измѣнены, однимъ только Осетинамъ оставленъ трехлѣтній срокъ службы; кромѣ того, кавказскія племена будутъ назначаться на службу не только въ туземныя войска, но вообще въ войска Кавказскаго военнаго округа и т. д.

---

* См. выше, стр. 29.

* *Очерки Кавказа*, В С. Кривенко, 104—107 стр.

Digitized by Google

Возвращаясь къ нашей прерванной мысли, продолжаемъ: мы понимаемъ, когда намъ говорятъ что *Буряты* освобождены отъ воинской повинности въ виду непривычныхъ имъ казарменной жизни, пищи, платья и прочихъ условій солдатской жизни. Послѣ своеобразной и привольной жизни Бурятъ въ степи, перемѣщеніе ихъ изъ степныхъ юртъ въ городскія казармы не можетъ не отразиться на нихъ самымъ печальнымъ образомъ. Въ виду этого, администрація края остановилась на предположеніи объ образованіи изъ Бурятъ, хотя на первое время, въ видѣ переходной мѣры, особой конной милиціи". *

Подобно сказанному, каждое исключеніе сдѣланное общимъ уставомъ о воинской повинности имѣетъ свое объясненіе, свои причины. Какое же вполнѣ резонное основаніе приведено Финляндцами въ пользу того, что Финскій народъ долженъ стоять въ особомъ положеніи по вопросу объ отбываніи воинской повинности? Въ силу чего финляндскія войска получили своеобразную организацію? Почему Финнамъ облегчена воинская повинность? Почему они несутъ меньшіе расходы по военному дѣлу?

Всѣ эти вопросы оставлены финляндскими публицистами безъ отвѣта, ибо нельзя же напримѣръ, придать какое-либо серіозное значеніе праздной болтовнѣ *Uusi Suometar* въ дѣлѣ разъясненія сихъ вопросовъ. Жалкими и блѣдными фразами отдѣлываются также *Päivälehti* (№ 59) и *Hufvudstadsbladet* (№№ 60 и 61). Кое-что хотя нѣсколько похожее на дѣло находимъ въ *Nya Pressen* (№ 77), но и это „кое что" при первомъ къ нему прикосновеніи разлетается, какъ пыль. *Nya Pressen*, кромѣ вышеуказаннаго пустословія, основаніемъ коему послужилъ миѳъ объ особомъ „государственномъ" положеніи Финляндіи, преподноситъ такой, напримѣръ, доводъ: о тяжести воинской повинности весьма недостаточно говоритъ цифра, указывающая на количество людей, которое ставится подъ ружье. Надо принять еще во вниманіе *субъективный элементъ*, который находится въ зависимости отъ степени образованія, вкуса и наклонностей. Съ этой точки зрѣнія вопросъ освѣщается процентомъ неявившихся въ призыву, ибо чѣмъ болѣе чувствуется тяжесть воинской повинности, тѣмъ неудержимѣе склонность избѣгать таковой. Процентъ уклоняющихся таковъ: въ Германіи 10, въ Австріи 8, въ Италіи 3, въ Россіи 2 и въ Финляндіи 8.

Приведенное указаніе—весьма деликатнаго свойства. Въ немъ, очевидно, удареніе надо поставить на словѣ „образованіе". Грамотность у Финлянцевъ выше: слѣдовательно, — казарменная жизнь чувствительнѣе. *Päivälehti* высказывается еще категоричнѣе и опредѣленнѣе: *„совсѣмъ другое дѣло Финляндское государство и какія нибудь или даже всѣ русскія губерніи"*, то-есть какъ это вы только дерзаете сравнивать эти двѣ несоизмѣримыя величины! Мы де народъ культурный, передовой, а вы?

На эту тему поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ, а теперь укажемъ,—(ссылаясь на тотъ же курсъ военной администраціи Академіи Генеральнаго Штаба, на который, по другому вопросу, сослалась газета *Nya Pressen*)—что „тягость повинности для населенія *полнѣе всего* характеризуется тѣмъ, какой процентъ мужскаго населенія состоитъ въ мирное время на службѣ", то-есть тѣмъ именно способомъ, которымъ опредѣляли его *Московскія Вѣдомости*. „Тягость же службы для каждаго отдѣльнаго лица, призываемаго въ ряды арміи, зависитъ главнымъ образомъ отъ способа выбора новобранцевъ: отъ того, насколько принимается во вниманіе семейное положеніе призываемаго. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи разницы между предписаніями Общаго и Финляндскаго уставовъ о воинской повинности не существуетъ. Что же касается другихъ условій, вліяющихъ на тяжесть повинности, какъ-то: продолжительности срока службы, удаленія мѣста служенія отъ родины новобранца, обстановка, перемѣны климата * и

* *Краткій очеркъ Приамурскаго края* 1892, стр. 41.

* *Комплектованіе и устройство вооруж.*

Digitized by Google

т. п., то всѣ они на сторонѣ Финляндцевъ, такъ какъ извѣстно, что территоріальная система комплектованія арміи въ Россіи не примѣнима, Финляндцы же отбываютъ воинскую повинность въ той же губерніи, въ которой живутъ или родились (за весьма малымъ исключеніемъ). * Слѣдовательно, *Nya Pressen* совершенно напрасно подчеркиваетъ съѣъективный элементъ и пробуетъ выдвинуть на первый планъ высокую финскую образованность. По мѣркѣ, принятой *Nya Pressen*, приходится опасаться, что Франція, Италія и др. государства, окажутся менѣе культурными странами, чѣмъ Финляндскія губерніи, такъ какъ уклоняющихся отъ призыва во Франціи, напримѣръ, всего 1,0%, въ Италіи—3,4% и т. д.

Желая во что бы то ни стало подсластить горькую истину о 52% неспособныхъ къ воинской службѣ Финляндцевъ, гельсингфорская газета прежде всего утверждаетъ, что разчетъ *Московскихъ Вѣдомостей* невѣренъ, когда онѣ говорятъ, что въ Россіи всего 15% негодныхъ къ службѣ. *Московскія Вѣдомости* не приняли де при этомъ во вниманіе освобождаемыхъ въ Россіи отъ службы по семейнымъ обстоятельствамъ, которые вовсе не свидѣтельствуются, а таковыхъ 51% изъ числа призываемыхъ. Въ ихъ средѣ надо допустить также 15% негодныхъ къ службѣ, а потому число всѣхъ физически неспособныхъ слѣдуетъ считать 30%.

Въ этомъ заявленіи *Nya Pressen* кроются сразу двѣ ошибки. Освобождаются отъ освидѣтельствованія только льготные перваго разряда, а не всѣхъ трехъ разрядовъ. Въ числѣ же внесенныхъ въ призывные списки въ 1891 году, напримѣръ, имѣли право на льготу I разряда только 23,₉₉%, а въ 1892 году—24,₀₄%. При этомъ разчетѣ не приняты во вниманіе внесенные въ дополнительный списокъ, то есть люди получившіе отсрочку въ предыдущіе призывы; если же и ихъ принять во вниманіе, то указанное отношеніе измѣнится и выразится такъ: въ 1891 году—21,₅%, а въ 1892 году около 22% (I разряда). Первый разрядъ не свидѣтельствуется, кромѣ евреевъ. Очевидно, слѣдовательно, что *Nya Pressen* взяла льготныхъ не перваго только разряда, а всѣхъ трехъ разрядовъ; но и ихъ не 51%, а всего около 49% (1891—1892 годовъ). А извѣстно, что II и III разрядъ, согласно *154 ст.* Общаго Устава о воин. повин., по новой ея редакціи 1888 года, свидѣтельствуются, и даже нѣкоторая часть ихъ принимается въ войска на службу; такъ, напримѣръ, въ 1893 году было принято 26.390 человѣкъ, то есть 4% всего числа внесенныхъ въ призывные списки. Добавимъ здѣсь, что *Русскій Инвалидъ* (№ 35), желая поставить Россію и Финляндію въ равныя условія, при сравненіи тягости воинской повинности, вычелъ льготныхъ перваго разряда (211 тыс.) изъ общаго контингента призываемыхъ, о чемъ и сдѣлалъ соотвѣтствующую оговорку (на 2 стр.). Слѣдовательно и на этомъ пунктѣ аттака *Nya Pressen* отбита.

Изворачиваясь на разные лады, *Nya Pressen* предприняла обходное движеніе. Дабы показать, что цифра неспособныхъ не играетъ особой роли, газета остановилась на общемъ числѣ освобождаемыхъ отъ службы въ мирное время, и тутъ, по ея даннымъ, Финляндію удалось запрятать въ заднюю шеренгу и въ выводѣ сказать, что больше всего освобожденныхъ въ Россіи. Разчетъ *Nya Pressen* таковъ: въ Россіи по физическимъ недостаткамъ освобождаютъ 12%, а по семейнымъ условіямъ 51%, слѣдовательно, 63%, а въ Финляндіи по тѣмъ же обстоятельствамъ освобождаютъ 52+1%, то есть 53%. Однако, согласно вышеуказанной нами ошибкѣ, разчетъ приходится для Россіи измѣнить такъ: освобождаются по физическимъ недостаткамъ 15%, да еще льготные I разряда—23, всего 38. По сему и этотъ обходный маневръ надо отнести къ числу неудачныхъ: первое мѣсто, по легкости отбыванія воинской натуральной повинности, по прежнему остается за финляндскими губерніями.

Nya Pressen очень кстати вспомнила о курсѣ военной администраціи проф.

силы. Проф. А. Редигера, ч. I, 2-е изд., 1892, стр. 145 и др.

* Финл. уставъ о воин. пов. § 86.

Digitized by Google

А. Редигера. Сдѣлаемъ изъ него нѣсколько выписокъ въ подтвержденіе всего сказаннаго *Московскими Вѣдомостями* о воинской повинности въ Финляндіи:

„Штатный составъ (финскихъ) войсковыхъ частей... крайне ограниченный—5.600 человѣкъ, что составляетъ около $^1/_4$% населенія страны; такимъ образомъ Финляндія, по отношенію къ населенію, содержитъ въ 3—4 раза менѣе войскъ, нежели прочія части Имперіи". „Въ виду незначительности ежегодныхъ контингентовъ новобранцевъ, льготы по семейному положенію даютъ *безусловное* право на освобожденіе отъ дѣйствительной службы". Сравнивая тягость воинской повинности для населенія разныхъ частей Имперіи, названный профессоръ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: воинскую повинность отбываютъ—

На основаніи общаго устава (1874 года) 84,$_4$% населенія.

На основаніи казачьяго устава 2,$_1$% населенія.

На основаніи особаго положенія для жителей Финляндіи 2% населенія.

На основаніи общаго положенія для жителей Кавказа 5,$_5$% населенія.

Въ случаѣ войны, коренное населеніе Россіи должно выставить около 5% всего мужскаго населенія, а Финляндія около $1^1/_2$% (см. 117—121 стр., 2 изд. 1891 года).

Мы въ правѣ были ожидать, что финляндскія газеты фактами и цифрами докажутъ необходимость тѣхъ большихъ льготъ, коими ихъ губерніи пользуются по отбыванію воинской повинности, что онѣ основательно выяснятъ причины неслыханно-большаго количества неспособныхъ къ военной службѣ среди финскаго населенія: но, вмѣсто этого, мѣстная печать, по обыкновенію, ограничилась безсодержательными фразами. Впрочемъ, давно уже извѣстно, что за недостаткомъ фактовъ сочиняются фразы.

Г. АБОВЪ.

Digitized by Google

ЗАКОНЪ О РУССКИХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ *.

Въ числѣ разнообразныхъ вопросовъ и петицій, обсуждаемыхъ на нынѣшнемъ сеймѣ въ Гельсингфорсѣ, поднятъ также, при громкихъ рукоплесканіяхъ депутатовъ и при одобрительномъ эхо внѣ стѣнъ финляндскаго парламента,— вопросъ о расширеніи свободы печати въ предѣлахъ Финляндскихъ губерній. Ставя на очередь вопросъ о свободѣ печати, финскіе ораторы говорили, что это общее желаніе страны, что народъ давно уже дозрѣлъ до этой свободы, что новый законъ по этому дѣлу является насущною потребностью края и т. п.; при этомъ ораторы не упустили случая метнуть нѣсколько стрѣлъ и сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нынѣ дѣйствующемъ постановленіи по дѣламъ печати (1891 года, за № 26), по которому власти генералъ-губернатора предоставлено разрѣшать и закрывать періодическія изданія (§ 12, пп. 1 и 8). Финны болѣе всего недовольны тѣмъ, что такое важное законоположеніе издано *административнымъ* путемъ, безъ согласія земскихъ чиновъ, которые, по ихъ воззрѣніямъ, являются „второю государственною властію". Основаніе для подобныхъ своихъ заявленій они усматриваютъ въ § 40 формы правленія (Швеціи) 1772 года, гдѣ сказано: „король (шведскій) не можетъ издавать какой либо новый законъ безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ или отмѣнять какой либо старый".

Обходя вопросъ объ основательности или неосновательности жалобъ и ссылокъ на законы представителей сословій, мы пользуемся симъ случаемъ, дабы еще разъ ** завести рѣчь о русскомъ органѣ печати въ Финляндской окраинѣ. Дѣло въ томъ, что, при дѣйствіи нынѣ существующихъ въ Финляндіи постановленій о печати, *русская газета*, напримѣръ, тамъ никоимъ образомъ не можетъ народиться. Объ этомъ давно уже (въ 1867 году) позаботились предусмотрительныя финскія власти, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ напрягаютъ свои государственныя способности къ достиженію одной завѣтной цѣли: оградить себя возможно прочнѣе ото всякаго сближенія съ Россіей, ото всякой возможности проникновенія къ нимъ русскихъ воззрѣній, русскаго духа. Въ числѣ многихъ законовъ, коими они изолировали себя отъ насъ, находится также и законъ о печати. Приведемъ изъ него нѣсколько дословныхъ выписокъ:

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 62, отъ 4 марта.

** См. *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 157—160.

Digitized by Google

§ 1 гласитъ: „*Финляндскій гражданинъ* въ правѣ съ соблюденіемъ изложенныхъ въ настоящемъ постановленіи правилъ печатно выражать и излагать публикѣ свои мысли по всѣмъ предметамъ человѣческихъ знаній".

§ 2. Правила сего постановленія относятся: ко всѣмъ на финскомъ и шведскомъ языкахъ въ Финляндіи издаваемымъ печатнымъ сочиненіямъ ..„Касательно другихъ, издаваемыхъ въ Финляндіи на *иныхъ* языкахъ... постановлено особо". Спѣшимъ добавить, что эти требованія постановленія 1867 года за № 15 (стр. 1 и 2) не отмѣнены постановленіемъ 1891 года за № 26. Обращаясь затѣмъ къ правиламъ о сочиненіяхъ на „иныхъ" языкахъ, находимъ, что „выходящія въ Финляндіи *сочиненія* на русскомъ языкѣ подвергаются узаконеніямъ дѣйствующимъ въ Имперіи" (§ 3, стр. 25). Наконецъ, въ 12 § (закона 1891 года) значится: „Разрѣшеніе издавать періодическія изданія (на шведскомъ и финскомъ языкахъ) можетъ быть дано только генералъ-губернаторомъ..." Прежде, по закону 1867 года, разрѣшеніе это давалось Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати (Финляндіи) „финляндскому подданному" (sic!).

При наличности указанныхъ законоположеній, попробуйте въ настоящее время затѣять въ предѣлахъ Финляндіи изданіе русской газеты, даже при условіи, что будете пользоваться правами „финляндскаго гражданина". Впрочемъ, и пробовать не нужно: попытка этого рода была уже произведена и окончилась очень печально. Въ семидесятыхъ годахъ въ Финляндіи обдумывался планъ изданія *Русскаго Гельсингфорскаго Листка*. Затѣмъ, кажется, въ 1879 г. болѣе энергично за это дѣло взялся преподаватель русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ В. И. Ассоновъ. Отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу и подалъ прошеніе въ Главное Управленіе по Дѣламъ Печати (Имперіи) о разрѣшеніи ему издавать подцензурное повременное изданіе *Финляндскій Вѣстникъ*, въ которомъ онъ предполагалъ завести отдѣлы правительственныхъ узаконеній и распоряженій, хронику, отдѣлы разныхъ извѣстій: изъ Финляндіи, изъ другихъ губерній и областей Россіи, изъ Скандинавіи; кромѣ того, намѣчены были: краткія политическія обозрѣнія, фельетоны, справки и пр. За годовую плату въ 18 марокъ, проектировалось выпускать газету 3 раза въ недѣлю, печатая ее въ типографіи штаба округа. Наше Главное Управленіе по дѣламъ печати отвѣтило отказомъ, такъ какъ, по наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствія русскихъ законовъ о печати не распространяются на Великое Княжество Финляндское.

Тогда г. Ассоновъ „вошелъ съ просьбой" въ Финляндскій Сенатъ о разрѣшеніи ему издавать русскую газету. Сенатъ, конечно, отказалъ, отвѣтивъ, что финляндскими законами о печати не предусмотрѣно изданіе русской *газеты* въ краѣ. И дѣйствительно, въ приведенномъ нами выше § 3 говорится лишь о *сочиненіяхъ* на русскомъ языкѣ, а не о газетѣ или повременныхъ изданіяхъ. Итакъ, Финляндія герметически закупорена отъ возможности основанія въ ея предѣлахъ русскаго изданія...

А между тѣмъ потребность въ русскомъ „общественномъ голосѣ" въ Финляндіи давно уже сдѣлалась настоятельною. Достаточно сказать, что въ предѣлахъ Финляндіи живетъ до 40 тысячъ православнаго населенія, что тамъ основана епископская каѳедра, существуютъ 4 среднихъ и до 20 низшихъ русскихъ учебныхъ заведеній, расположены русскія войска, дѣйствуютъ Русское Благотворительное Общество и Общество Святыхъ Сергія и Германа, и т. д.

На всѣхъ окраинахъ обширной Россіи имѣются русскія газеты; необходимость русскаго органа печати признана даже для далекаго Амура; одна только Финляндія продолжаетъ стоять и въ этомъ отношеніи въ исключительномъ положеніи. Почему?... Финляндія обязана Россіи очень многимъ, Финляндія находится въ постоянныхъ и тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ нами и т. д., и т. д.; а печать ея относится ко всему русскому крайне пренебрежительно, она не знакомитъ финляндское общество съ проявленіями нашей государственной и обществен-

Digitized by Google

ной жизни, а напротивъ, игнорируетъ почти все русское, находя, вѣроятно, это весьма полезнымъ для сохраненія обособленности края. Корреспонденціи изъ Россіи—большая рѣдкость въ финляндскихъ газетахъ. Ни русская исторія, ни русская географія въ Финляндіи почти не изучаются, а посему, естественно, что Финляндцы до крайности малосвѣдущи во всемъ, что касается Россіи, и относятся къ ней несочувственно.

Печатное слово—великая сила! И этимъ могучимъ орудіемъ распространенія нашего истиннаго вліянія и значенія на Финляндской окраинѣ мы почему-то пренебрегаемъ, тогда какъ въ Финляндіи въ настоящее время уже появились интеллигентные русскіе люди съ русскими воззрѣніями, которые, зная мѣстные языки и не стыдясь своего русскаго происхожденія, были бы въ состояніи вполнѣ раціонально (конечно, съ субсидіей отъ казны), вести въ краѣ русскую газету. Главнѣйшимъ препятствіемъ является нынѣ дѣйствующій финляндскій законъ о печати, о который могутъ разбиться всѣ чаянія и надежды русскихъ людей края. Зная, что на сеймѣ нѣтъ ни единой живой души, для которой были бы дороги интересы русскаго печатнаго слова, мы беремъ на себя смѣлость просить подлежащія власти сдѣлать распоряженіе объ уничтоженіи въ новомъ проектѣ закона о печати всѣхъ тѣхъ ненормальностей, которыя упѣлѣли въ немъ до сихъ поръ и лишаютъ „русскаго гражданина“ возможности издавать въ краѣ русскій органъ печати.

Г. АБОВЪ.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДІЯ ВЪ РУССКОМЪ „ПУТЕВОДИТЕЛѢ“*.

Недавно намъ впервые довелось ознакомиться съ *Путеводителемъ по Россіи* Р. С. Попова (изд. 1886 года). Помѣщенный въ этой книгѣ „Общій очеркъ Финляндіи“ оказался довольно назидательнымъ. Изъ предисловія къ *Путеводителю* узнаемъ, что „описаніе Финляндіи въ главныхъ своихъ чертахъ заимствовано изъ путеводителя Бедекера *Russland*“. Уже одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ весьма характеристиченъ. (Быть-можетъ, описаніе Петербурга и его окрестностей составлено въ этомъ „русскомъ“ *Путеводителѣ* также главнымъ образомъ по Нѣмцу Бедекеру)...

Судя по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ *Путеводителѣ* г. Попова, оказывается, что Финляндія имѣетъ свой *военный* флотъ (стр. 364, 361), что „въ обращеніи встрѣчаются (въ Финляндіи) *билеты въ 1, 3, 12, 20, 40 и 100 марокъ*“ (стр. 365), что „всѣ безъ исключенія Финны грамотны“ (стр. 867), что „Выборгъ есть мѣсто стоянки русскаго балтійскаго флота“ (стр. 378), что въ городѣ Гельсингфорсѣ, на Коммерческой Площади (Salutorge), находится Императорскій дворецъ (Gouvernörs huset **) съ расположенною на гранитной скалѣ русскою *часовней*“ (стр. 407) и т. д.

Подобныхъ нелѣпостей въ *Путеводителѣ* г. Попова изрядное количество. Онъ сослался на Бедекера — и считаетъ свою роль оконченною; провѣрять „архаическія“ и извращенныя свѣдѣнія, какъ видно, не входило въ кругъ его редакторскихъ обязанностей. Или, быть-можетъ, у г. Попова установился тотъ взглядъ на дѣло, что путеводитель—не ученый трактатъ, а легонькій очеркъ для дремлющаго въ вагонѣ и скучающаго въ гостиницѣ путешественника, а посему не бѣда де, если въ немъ окажется примѣсь фантазіи. Однако, надо полагать что составителю *Путеводителя*, „приспособленнаго для русскаго читателя“ необходимо хоть кое-что знать изъ исторіи Россійской Имперіи и составныхъ ея частей, а равно понимать, что нельзя же, съ голоса Нѣмца, распространять всякія небылицы, напримѣръ, объ отношеніи Финляндіи къ Россіи и о другихъ весьма существенныхъ вопросахъ. А между тѣмъ вотъ что̀, напримѣръ, находимъ мы въ книгѣ г. Попова:

„Финляндія есть великое княжество, состоящее *вмѣстѣ* съ Россіей подъ *управленіемъ* одного и того же государя“,—такъ начинается очеркъ г. Попова, а далѣе (на стр. 361) онъ поясняетъ, что Финляндія есть „конституціонная монархія“; что шведскіе основные законы 1772 и 1789 годовъ были подтверждены Александромъ I и санкціонированы его наслѣдниками; что прокуроръ Финляндскаго Сената, „какъ *сотоварищъ* генералъ-губернатора, на-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 84, отъ 26 марта.

** Gouvernörs huset—по шведски означаетъ „домъ губернатора“.

Digitized by Google

блюдаетъ за исполненіемъ законовъ"; что министръ-статсъ-секретарь „есть начальникъ Императорской канцеляріи по дѣламъ Финляндіи", и что „ему *подчиненъ* (sic!) *генералъ-губернаторъ*, который, по инструкціи 1812 года, долженъ наблюдать за спокойствіемъ въ странѣ" и т. п. (стр. 363 и 364).

На неестественное положеніе финляндскаго генералъ-губернатора не разъ указывалось въ русской печати *; было говорено о томъ, что главноуправляющій краемъ, единственный представитель русской власти въ странѣ, самъ лично не докладываетъ о ходѣ дѣлъ Государю, а между нимъ и Верховною Властію поставлено третье лицо—министръ-статсъ-секретарь, который „долженъ быть" финляндскимъ уроженцемъ, какъ утверждаютъ юристы и историки „союзной" намъ Финляндіи... Русскіе находили такое положеніе ненормальнымъ и устарѣлымъ, писали что „генералъ-губернаторъ въ краѣ поставленъ съ нѣкоторымъ униженіемъ для Россіи", поставленъ „подъ контроль Финляндіи", во вредъ для Россіи, и т. д.,—но дѣлать изъ сего заключеніе о *подчиненіи* генералъ-губернатора министру-статсъ-секретарю не дерзали даже самые смѣлые изъ „викинговъ" Финляндіи, и съ подобнымъ выводомъ мы встрѣчаемся впервые...

Наконецъ, въ *Путеводителѣ* г. Попова излагаются и глубокомысленныя заключенія историческаго характера; такъ, напримѣръ, на стр. 371 читаемъ:

Хотя Финны, при своемъ привилегированномъ положеніи, терпѣливо выносили господство Русскихъ и съ теченіемъ времени почти сдружились съ ними, но слишкомъ строгая цензура и слишкомъ боязливое отношеніе ко всякому національному и свободному политическому движенію, особенно въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, вызывали неоднократно въ Финляндіи неудовольствіе, которое начало исчезать лишь съ возстановленіемъ старой сословной конституціи при Александрѣ II".

Sapienti sat.

На этомъ мы и закрываемъ книгу г. Попова.

Г. АБОВЪ.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1893 года № 317, *Новое Время* № 3.186 и др.

Digitized by Google

ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ О ФИНЛЯНДСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

1.

Стоимость посылки изъ Финляндіи *.

Недавно изъ Выборга отправлена мнѣ чрезъ почту связанная изъ шерсти вещица домашней работы, адресованная въ Москву; посылка, конечно, дошла по назначенію, но путешествіе отъ Выборга до Москвы по таможнямъ и почтовымъ учрежденіямъ продолжалось три недѣли, а затѣмъ, при полученіи посылки, предъявленъ былъ получателю къ уплатѣ слѣдующій счетъ по повѣсткѣ № 187:

Согласно ярлыку Московской таможни, 10 марта № 3.003, пошлины золотомъ 1 р. 53 к.,

а по курсу.....	2 р.	36 к.
складочныхъ		4 „
канцелярскихъ.....		30 „
пломба и печати.....		10 „
гербовый сборъ	1 „	60 к.
артельные		15 „
Итого...	4 р.	55 к.

Въ этомъ длинномъ счетѣ накладные расходы составляютъ столько же, сколько пошлина. Пересылка по Россіи и во всѣ окраины, на всѣ разстоянія и во всѣ стороны, *кромѣ* Финляндіи, производится лишь съ уплатой почтовыхъ расходовъ по сдачѣ посылки, почему же за удовольствіе получить бездѣлушку домашней ручной работы изъ русскаго Выборга взимается пошлина золотомъ, да еще съ надбавкой 100% накладныхъ расходовъ.

Конечно, все это дѣлается на основаніи дѣйствующихъ правилъ, но какъ-то чувствуется что тутъ есть что-то ненормальное.

2.

Замѣтка о Финляндіи **.

М. Г.—Въ статьѣ „Финляндія въ русскомъ *Путеводителѣ* (*Моск. Вѣд.* № 84), въ числѣ разнаго рода неправильностей допущенныхъ въ *Общемъ очеркѣ о Финляндіи*,—очеркѣ, составленномъ г. Поповымъ по Бедекеру въ 1886 году, было особенно подчеркнуто заявленіе о томъ, что высшій представитель русской власти въ краѣ, то-есть финляндскій генералъ-губернаторъ, *подчиненъ* министру

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 70, отъ 13 марта.

** *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 96, отъ 7 апрѣля.

Digitized by Google

статсъ-секретарю, и прибавлено было что съ подобнымъ исключительнымъ взглядомъ автору названной статьи (г. Абову) довелось встрѣтиться впервые...

Въ видахъ справедливости и ради, такъ-сказать, возстановленія исторической правды и точности, долженъ заявить что, въ дѣлѣ распространенія въ Россіи нѣмецкихъ (?) воззрѣній на финляндскіе порядки, г. Попова опередила газета *Недѣля*, которая еще въ 1885 году (№ 33, стр. 1 163) сообщила что „административнымъ центромъ Княжества служитъ Гельсингфорсъ, но собственно правительственный центръ находится въ Петербургѣ: здѣсь находится статсъ-секретаріатъ Великаго Княжества Финляндскаго, во главѣ котораго стоитъ министръ, или статсъ-секретарь, живущій постоянно въ Петербургѣ. *Непосредственно отъ этого министра зависитъ финляндскій генералъ-губернаторъ, живущій въ Гельсингфорсѣ*“...

Въ томъ же № 33 было сказано, что войско Финляндіи состоитъ изъ Финскаго стрѣлковаго баталіона, восьми баталіоновъ стрѣлковъ и *гвардейскаго экипажа, входящаго въ составъ Балтійскаго флота*“... и пр., и пр.

Всѣ подобныя данныя *Недѣля* почерпнула, такъ же какъ и г. Поповъ, изъ нѣмецкаго источника, а именно изъ газетъ *Kölnische Zeitung*, *Tägliche Rundschau* и *Gegenwart*'а и нашла необходимымъ довести ихъ до всеобщаго свѣдѣнія, потому что въ Европѣ де „знаютъ гораздо больше (о Финляндіи) чѣмъ у насъ“...

БИБЛІОФИЛЪ.

3.

Еще замѣтка о Финляндіи *.

М. Г.—Извѣстное ученіе о существованіи особаго Финляндскаго государства, неоднократно опровергнутое на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей* и встрѣтившее отпоръ также и со стороны представителей русской юридической науки, до сихъ поръ, однако, находитъ защитниковъ, которые силятся подвергнуть сомнѣнію научное безпристрастіе русскихъ изслѣдователей. Въ виду этого представляется небезынтереснымъ выслушать по этому вопросу авторитетный голосъ иностраннаго ученаго, котораго трудно было бы заподозрить въ желаніи угодить русскому патріотизму.

Извѣстный гельдельбергскій профессоръ, Іеллинекъ, въ своемъ обширномъ и блестящемъ трудѣ *Die Lehre von Staatenverbindungen*, являющемся плодомъ глубокаго изученія всѣхъ исторически извѣстныхъ формъ соединенія государствъ, говоритъ объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи слѣдующее:

„Финляндія относительно своей организаціи и управленія самостоятельна болѣе чѣмъ какая-либо иная провинція Россіи. Но, несмотря ня это, она все-таки только одна изъ провинцій Русской Имперіи, а никоимъ образомъ не особое государство, состоящее съ Россіей въ реальной или даже личной уніи. Въ силу завоеванія государства, или части его, господствовавшая тамъ ранѣе государственная власть совершенно уничтожается и на мѣсто ея выступаетъ власть новаго государства, въ данномъ случаѣ, на мѣсто шведской государственной власти—русская. Какимъ образомъ управлять новоприобрѣтенною частью территоріи, сохранить ли вполнѣ или отчасти ея старыя учрежденія, это—дѣло государственной мудрости. Но обезпеченіе или допущеніе извѣстной самостоятельности,—даже въ томъ случаѣ, если оно было обѣщано уступившему территорію или какому-либо иному государству, — не можетъ измѣнить того юридическаго факта, что завоеванныя области составляютъ часть территоріи завоевавшаго государства“. (*Die Lehre von Staatenverbindungen* von Dr Georg Jellinek. Wien. 1882, стр. 71).

ЮРИСТЪ.

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 96, отъ 7 апрѣля.

Digitized by Google

РУССКІЯ ЗАДАЧИ И ФИНЛЯНДСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

(Передовая статья № 96 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года).

Москва, 6 апрѣля.

Слѣдуетъ ли стремиться къ объединенію и къ „собранію Русской Земли“ или же стремиться къ ея разчлененію? Надлежитъ ли Русскимъ имѣть свои цѣли и свои задачи? Желательно ли болѣе тѣсное сближеніе съ нашими окраинами или не желательно?

На подобные вопросы не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ. Продолжать въ Россіи прежнюю не-русскую политику желательно только нашимъ врагамъ. Было время, когда въ Россіи всего лучше жилось не Русскимъ. Было время когда, по взятіи, напримѣръ, очаковскихъ земель, онѣ раздавались всѣмъ и каждому, только не Русскимъ; когда остзейскимъ баронамъ возможно было работать на пользу германскаго фатерланда; когда Татары могли смотрѣть съ упованіями на Стамбулъ; когда у православныхъ монастырей и церквей, у архіерейскихъ домовъ отнимались земли и крестьяне, а магометанское духовенство продолжало владѣть такъ-называемыми вакуфами; когда можно было въ Крыму видѣть убогій православный храмъ и рядомъ мечеть со стройнымъ минаретомъ, построенную на деньги русскаго уважаемаго магната *; было время, когда высшіе русскіе слои не считали для себя позорнымъ того, что разучивались и мыслить, и говорить по-русски. Все это считалось (да и теперь еще считается нашими „либералами“) въ порядкѣ вещей; но истинно Русскіе люди, „придя въ свой разумъ“, осудили такое прошлое и не захотятъ болѣе повторять его ошибокъ. Теперь, слава Богу, обращено вниманіе на повсемѣстную скупку русскихъ земель иностранцами; теперь есть надежда что не будутъ болѣе плодить всякихъ Гроссъ - и Клейнъ - Либенталей и Люстдорфовъ, не будутъ излишне ухаживать за муфтіями, не станутъ вновь создавать не - русскихъ

* *Воспоминанія И. Палимпсестова объ Иннокентіи архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ*, изданіе 1888 года.

Digitized by Google

царствъ и княжествъ въ границахъ Русской Земли.

Правда, и въ наше время еще, когда заводится простая и искренняя рѣчь о русскихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, когда дѣлается призывъ къ патріотизму и національной политикѣ, раздаются крики подобные тому что „это—*травля* окраинъ", „подкапываніе подъ чужія учрежденія", „проповѣдь права сильнаго" и т. п... Но, къ счастію, эти возгласы идутъ только изъ захудалаго лагеря „либераловъ" и космополитовъ съ вылущенною русскою душой. Напрасно они мятутся и шумятъ; никто не проповѣдуетъ насилія, никто не выдумаетъ мятежнаго духа, тамъ гдѣ его нѣтъ. Наши „либералы" и космополиты умышленно не хотятъ понять простаго и справедливаго желанія Русскихъ—чтобы всѣ разнообразныя племена и народности, входящія въ составъ Россійской Имперіи, составляли обязательно одинъ общій хоръ, хоръ согласный, созвучный, гармоничный. А гармонія, какъ извѣстно, „только тогда мыслима, когда въ данное время они (племена) выражаютъ *одну мысль или чувство*, а не поютъ или играютъ каждый голосъ или инструментъ свое, по нашей русской пословицѣ: „кто въ лѣсъ, кто по дрова" *. Въ указанномъ нами „разнообразіи должна быть одна общая мысль или идея" — и, конечно, идея русская. Все это, разумѣется, азбука; но ее, какъ видно, приходится повторять и повторять.

Какъ же теперь быть съ Финляндіей? Принимаетъ ли она какое-либо участіе въ общемъ русскомъ оркестрѣ, мало того: можетъ ли она, при существующихъ у нея учрежденіяхъ и порядкахъ, быть руководима общею русскою мыслью, въ состояніи ли наша русская идея проникнуть къ ней?

Профессоръ Варшавскаго университета, Ал. Блокъ, въ своей статьѣ „О Финляндскомъ вопросѣ" *, писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„До послѣдняго времени никакія, или почти никакія *собственно русскія власти не стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ* къ завоеванной у Шведовъ *области*, не могли быть дѣйствительно отвѣтственными даже за непоколебимую, нераздѣльную вѣрность ея жителей Императорскому и Великокняжескому Престолу, а потому, конечно, и законнѣйшія требованія правительства относительно Финляндіи (очевидно, не всегда предупреждавшіяся, напримѣръ, мѣстнымъ Сенатомъ) отличались вообще большою неопредѣленностью, особенно въ народномъ сознаніи".

Въ видѣ примѣра изолированности русской власти отъ края, Ал. Блокъ указываетъ на то, что „сношенія Военнаго министра по командованію и завѣдыванію финскими войсками должны происходить при помощи состоящаго въ его распоряженіи финляндскаго штабъ-офицера, съ особымъ канцелярскимъ персоналомъ. Для гражданскихъ дѣлъ.., имѣется подобное же, но гораздо болѣе самостоятельное *посредничество* въ видѣ существующаго съ 1811 года статсъ-секретаріата".

Мысль названнаго профессора о томъ, что русская власть не стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ нашей Финляндской окраинѣ—мысль вполнѣ вѣрная, и здѣсь нелишнимъ будетъ въ двухъ-трехъ строкахъ наглядно показать, насколько старательно Финляндцы повсюду окружили нашихъ властей своими должностными лицами.

---

* Ibid.

* Отдѣльный оттискъ изъ *Варшавскаго Дневника* 1891 года, № 268.

Digitized by Google

Ближе всего къ Престолу Русскаго Монарха поставленъ по финляндскимъ дѣламъ статсъ-секретаріатъ. Это учрежденіе, какъ теперь извѣстно, создалось стараніями Г. М. Армфельта. * Благодаря этому финляндскому „правительственному“ органу (а также мѣстному Сенату), всѣ дѣла финляндскихъ губерній были изъяты изъ вѣдѣнія русскихъ министровъ, и русская власть лишилась возможности непосредственнаго надзора за своею окраиной. Къ довершенію всего, русскіе люди изъ статсъ-секретаріата систематически устранялись. **

Затѣмъ, во время введенія въ странѣ всеобщей воинской повинности, Финляндцамъ посчастливилось увеличить число своихъ посредствующихъ органовъ и представителей около русскихъ властей: количество *финляндскихъ* адъютантовъ у командующаго войсками округа возросло; около него же выросъ цѣлый новый штабъ изъ *финскихъ* офицеровъ, а при Военномъ министрѣ создалась новая должность докладчика по дѣламъ финскихъ войскъ. Докладчикомъ этимъ по закону (см. *Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* 1881, № 6), можетъ быть только лицо *„финляндскаго* происхожденія“.

Далѣе, при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ, — этомъ единственномъ представителѣ русской власти на мѣстѣ, въ странѣ,—имѣется особая канцелярія, но и она, по составу служащихъ и по духу, совершенно не-русское учрежденіе.

Въ Сенатѣ, какъ извѣстно, русскіе представители креселъ не занимаютъ. Президентами Сената состоятъ генералъ-губернаторы, но они, по незнанію шведскаго языка и въ виду того, что русскій государственный языкъ въ засѣданіяхъ Сената не обязателенъ, обыкновенно лишены фактической возможности предсѣдать въ немъ. Въ Финляндскій Сеймъ Русскіе люди съ русскими воззрѣніями, конечно, по выборамъ, не пройдутъ.

Такимъ образомъ ясно, что по настоящее время русская власть въ Финляндіи не стоитъ въ непосредственномъ отношеніи ко всей ея административной организаціи, и прямой контроль надъ ея учрежденіями совершенно отсутствуетъ.

Спрашивается теперь, возможно ли,—хотя Финляндія и состоитъ въ государственномъ хорѣ Имперіи,—достигнуть желаемой гармоніи? Финляндія, положивъ предъ собой свои ноты и не обращая вниманія на окружающее, поетъ свой мотивъ. Стоя совершенно въ сторонѣ отъ вліянія русской государственной идеи, она всецѣло озабочена своими мыслями и планами. Въ ея предѣлахъ нѣтъ проводниковъ русскихъ воззрѣній, нѣтъ на мѣстѣ, въ официальныхъ ея учрежденіяхъ, достаточнаго русскаго контроля, ибо опытъ давно уже показалъ, какъ справедливо замѣтилъ Ѳ. П. Еленевъ, что присутствіе въ краѣ русскаго генералъ-губернатора (даже при русскомъ помощникѣ) для всего этого недостаточно. А между тѣмъ на нашихъ окраинахъ особенно необходимо настойчиво распространять убѣжденіе, что жители ихъ суть „русскіе граждане, подданные русскаго государства и останутся таковыми на вѣки“, какъ говорилъ генералъ І. В. Гурко, вступая въ 1883 году въ управленіе Варшавскимъ округомъ. Финляндія подобной заповѣди въ свой политическій катехизисъ не внесла; ея завѣтное желаніе,—чтобы Русскіе были не въ ней, а около нея (на случай защиты, напримѣръ); она озабочена тѣмъ, чтобы „не дать повода русскому упра-

* См. *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 585

** См. соч. Эдв. Берга.

Digitized by Google

вленію вмѣшаться“ въ свои дѣла и, благодаря полному отсутствію русскаго глаза въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, графу Ал. Армфельту удалось изготовить въ этомъ направленіи „Очеркъ управленія Финляндіи“ для покойнаго Государя*. Благодаря отсутствію въ Финляндскомъ Сенатѣ достаточнаго русскаго представительства, мѣстные сановники, безъ вѣдома генералъ-губернатора Рокасовскаго, сочинили проектъ новой конституціи, который отказались показать начальнику края даже по его требованію.“ Конечно, уже a priori можно сказать, что составителями проекта не руководили русскія государственныя идеи. Былъ, наконецъ, и такой періодъ времени, когда финляндскія власти получили въ свои руки даже цензуру русскихъ статей о Финляндіи: излишне прибавлять, что тогда всѣ описанія финляндскихъ дѣлъ легко было окрасить въ желаемые ими не-русскіе національные цвѣта, а русскіе интересы подвести подъ красный карандашъ цензора.

Остается еще одно общественное учрежденіе, гдѣ публично, при участіи болѣе 300 депутатовъ, обсуждаются важнѣйшія дѣла края: это—Финляндскій Сеймъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ учрежденіяхъ, русская власть непосреднаго участія въ дѣлахъ не принимаетъ, для интересовъ Имперіи преніями его не пользуется, и за ходомъ Сейма прямаго надзора не имѣетъ. А между тѣмъ есть основанія къ тому, чтобы поближе интересоваться сеймовыми дѣлами и рѣчами. Основаніе для такого взгляда находимъ, между прочимъ, и въ сочиненіяхъ финляндскаго писателя Эдв. Берга *Наше управленіе и наши сеймы* (II т., 666 стр.), гдѣ имѣется, напримѣръ, указаніе на то, что при обсужденіи вопроса о воинской повинности въ Финляндіи, въ дворянскомъ сословіи Сейма возникли столь горячія пренія, что постановлено было вовсе не вносить ихъ въ протоколъ. Что же касается свѣдѣній, добытыхъ о семъ засѣданіи гельсингфорсскою газетой (*Morgonbladet*), то утверждаютъ что и они оказались недостаточно достовѣрными... Если не ошибаемся, то и въ нынѣшнюю сессію была произнесена рѣчь, которую поспѣшили похоронить безъ офиціальной помпы. Наконецъ, въ одной изъ гельсингфорсскихъ корреспонденцій *Московскихъ Вѣдомостей* было сдѣлано указаніе на рѣчь одного финскаго Демосѳена, пропущенную мѣстными репортерами, несмотря на то, что они весьма аккуратно подбираютъ всѣ цвѣты краснорѣчія своихъ политическихъ дѣятелей.

Съ теченіемъ времени, благодаря такому отсутствію непосредственныхъ отношеній русской власти къ Финляндской окраинѣ,—„отсутствію“, простиравшемуся такъ далеко, что князь Меншиковъ, напримѣръ, состоя финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, почти совершенно не жилъ въ Гельсингфорсѣ,—изъ Финляндіи образовалось нѣчто совершенно особое и обособленное, гдѣ русскій голосъ, русская мысль, русское чувство не отражаются, а если иногда и принимаются въ разсчетъ, то въ очень малой долѣ и безъ всякаго желанія слиться въ одну русскую государственную семью.

„Можетъ быть, мы и сами виноваты въ нарожденіи этой *настоящей заграницы* (Финляндіи) у себя дома?“ спрашиваетъ газета *Недѣля* (№ 12). Несомнѣнно мы сами, вслѣдствіе полнаго своего безучастія къ дѣламъ этой окраины въ теченіе многихъ и долгихъ десятилѣтій, дали возможность фин-

** См. *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 1-й, стр. 43, 70, 95 и др.

Digitized by Google

ляндскому „правительству“ „окопаться“ (выраженіе Ю. Самарина), и укрѣпить ту китайскую стѣну, которая возведена была между Россіей и Финляндіей въ 1809—1811 годахъ стараніями Сперанскаго, Спренгтпортена, Г. М. Армфельта и др. Съ тѣхъ поръ и по сей день финляндскіе законы составляются и редижируются *финляндскимъ* Сенатомъ, „разсматриваются *финляндскимъ* Сеймомъ, подносятся Государю“ министромъ статсъ-секретаремъ *изъ Финляндцевъ*: такимъ образомъ даже высшія русскія государственныя учрежденія не видятъ сихъ законопроектовъ.

Итакъ, Финляндія имѣетъ излишнія и „безплодно-тенденціозныя“ учрежденія и порядки, какъ ихъ охарактеризовалъ Ал. Блокъ (напримѣръ, статсъ-секретаріатъ, докладчикъ по военнымъ дѣламъ и др.), — и въ то же время во всѣхъ ея учрежденіяхъ совершенно отсутствуютъ Русскіе люди, безъ которыхъ единственному представителю русской власти въ краѣ врядъ-ли когда-либо возможно будетъ въ надлежащей мѣрѣ, въ интересахъ Имперіи, сблизиться съ дѣлами и дѣятелями сей окраины.

Digitized by Google

ПРАВОСЛАВІЕ И ЛЮТЕРАНСТВО ВЪ ФИНЛЯНДІИ*.

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“.

Петербургъ, 11 апрѣля.

Восточная часть Финляндіи (напримѣръ, приходы Салминскій, Суоярвскій, Корбисельскій и друг.) населена главнымъ образомъ Корелами, которые всѣ православнаго исповѣданія. Финновъ-лютеранъ между ними очень ограниченное число. Любопытно, что даже по сознанію самихъ лютеранъ православные Корелы совсѣмъ не чувствуютъ особыхъ симпатій къ Финнамъ и иногда съ особымъ удовольствіемъ выставляютъ послѣднимъ на видъ, что они, Корелы, православные, что они Русскіе, а тѣ *ruotsit*, то-есть, дословно, Шведы, но въ устахъ Корелъ это слово означаетъ всякаго Финна-лютеранина. Въ Олонецкой губерніи, напримѣръ, да и прилегающихъ къ ней частяхъ Финляндіи, словомъ ruotsi Корелы называютъ всякаго, кто не соблюдаетъ постовъ, не ходитъ въ церковь или вообще ведетъ образъ жизни, болѣе подходящій иновѣрцу, чѣмъ православному. Въ печатавшихся въ прошломъ году въ финской газетѣ *Laatokka* отчетахъ разныхъ собирателей этнографическихъ матеріаловъ по Финляндіи (преимущественно студентовъ Гельсингфорсскаго Университета, учениковъ учительскихъ семинарій и т. д.) попадались именно такого рода жалобы. Посѣщая восточную часть Финляндіи, собиратели нерѣдко слышали отъ православныхъ Корелъ указаннаго рода замѣчанія. Имъ, очевидно, больше всего не нравится заявленіе Корелъ, что они — Русскіе, когда въ послѣднее время среди Финновъ все болѣе развивается идея національности, общности всѣхъ финскихъ племенъ и т. п. Не меньше задѣваетъ ихъ и то, что православные Корелы не могутъ чувствовать себя солидарными съ ними на почвѣ религіозныхъ интересовъ.

Видя въ послѣднее время заботы объ охраненіи православія въ Финляндіи (учрежденіе самостоятельной епископіи), Финны-лютеране тоже стали прилагать особенное стараніе о религіозномъ обученіи своихъ единовѣрцевъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ очень немного лютеранъ (напримѣръ, Суоярвскій приходъ) строятъ молитвенные дома, а въ

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 102, отъ 13 апрѣля.

Digitized by Google

послѣднее время финскія газеты (*Laatokka*, 1894 года, № 16) сообщаютъ объ окружномъ посланіи Боргоскаго каѳедральнаго капитула, въ которомъ говорится объ учрежденіи должности приходскихъ катихизаторовъ въ приходахъ: Салминскомъ, Суоярвскомъ и Корбисельскомъ (съ платой по 700 марокъ въ годъ). Катихизаторамъ вмѣняется въ обязанность слѣдующее: они должны обучать библейской исторіи и катихизису въ ближайшихъ къ киркѣ народныхъ школахъ, въ которыхъ учитель не принадлежитъ къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію,—обучать по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю дѣтей указаннаго исповѣданія. Далѣе обучать въ подвижныхъ школахъ преподаваемымъ въ послѣднихъ предметамъ: чтенію, библейской исторіи, катихизису, начальнымъ основаніямъ ариѳметики, также письму и пѣнію. На обязанность катихизаторовъ возлагается при этомъ чтеніе и пѣніе при посѣщеніи пасторомъ молитвенныхъ домовъ, а равно завѣдываніе молитвенными собраніями въ воскресные и праздничные дни въ отсутствіе пастора. Имъ же ввѣряется попеченіе за молитвенными домами. Къ должности катихизаторовъ будутъ допускаться лица не моложе 21 года. Кандидатамъ будетъ производиться экзаменъ для испытанія знанія ими тѣхъ предметовъ, которымъ они будутъ обучать въ народныхъ и передвижныхъ школахъ.

Цѣль учрежденія должности катихизаторовъ, безъ сомнѣнія,—поддержаніе лютеранъ въ означенныхъ выше приходахъ, которыхъ (лютеранъ), кстати, въ нихъ очень немного. Кромѣ того, бываютъ случаи, что родители-лютеране крестятъ дѣтей въ православную вѣру, что̀ еще болѣе должно смущать ревнителей лютеранства. По всей вѣроятности, вліяніе православныхъ Корелъ на сородичей ихъ лютеранъ, живущихъ среди нихъ, замѣтно для Финновъ,—и вотъ послѣдніе начинаютъ противодѣйствовать этому.

М.

Digitized by Google

Финляндскіе генералъ-губернаторы и мѣстные „патріоты".

(Передовая статья № 97 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года).

Москва, 7 апрѣля.

Извѣстно, какъ ограниченны полномочія и кругъ дѣятельности единственнаго представителя русской государственной власти въ Финляндскомъ краѣ, тамошняго генералъ-губернатора. Благодаря усиліямъ финляндскихъ дѣльцовъ, онъ уже въ первое время послѣ покоренія края поставленъ былъ въ положеніе почти безправнаго, хотя и почетнаго, наблюдателя за финляндскимъ управленіемъ и законодательствомъ, находящимися исключительно въ финляндскихъ рукахъ. Съ теченіемъ времени эта безправность, и путемъ практики, и посредствомъ разныхъ узаконеній и инструкцій, связывавшихъ генералъ-губернатора, еще болѣе увеличилась.

Предсѣдателемъ Финляндскаго Сената и главой мѣстнаго гражданскаго управленія русскій генералъ-губернаторъ числится, можно сказать, лишь номинально. На дѣлѣ его власть по отношенію къ Сенату ничтожна, и, въ виду этого, генералъ-губернаторы обыкновенно даже и не присутствуютъ въ засѣданіяхъ Сената (тѣмъ болѣе, что все дѣлопроизводство Сената ведется на непонятномъ для нихъ шведскомъ языкѣ), а вѣдаются съ этимъ „туземнымъ правительствомъ" (какъ называютъ Сенатъ мѣстные „патріоты") посредствомъ письменныхъ отношеній.

Ни одна отрасль финляндской администраціи, за исключеніемъ лишь цензуры,—да и то съ весьма недавняго времени, съ 1891 года,—не подчинена генералъ-губернатору непосредственно, и никакихъ распоряженій по административной и даже полицейской части онъ не можетъ дѣлать безъ соглашенія съ Сенатомъ и его отдѣленіями, или такъ-называемыми „экспедиціями", между которыми распредѣлены разныя части управленія.

О законодательствѣ уже и говорить нечего: просматривая самымъ тщательнымъ образомъ довольно объемистый томъ *Сборника Постановленій Великаго Княжества* за любой годъ, нельзя найти въ немъ ни одной строчки, исходящей отъ русскаго генералъ-губернатора края, или хотя бы редижированной подъ его руководствомъ; за то, на ряду съ

Digitized by Google

редижируемыми и издаваемыми Сенатомъ отъ имени Верховной Власти „постановленіями“ и „объявленіями“, значительная часть каждаго тома занята предписаніями и распоряженіями самого Сената и его „экспедицій“.

Почти единственное, находящееся въ распоряженіи русскихъ генералъ-губернаторовъ Финляндіи, средство оказывать вліяніе на ходъ финляндскаго законодательства и администраціи, въ смыслѣ охраненія и соблюденія русскихъ государственныхъ интересовъ, состоитъ въ правѣ прилагать ко всеподданнѣйшимъ представленіямъ и проектамъ Сената свои отдѣльныя мнѣнія. Но слишкомъ часто обращаться съ отдѣльными мнѣніями, по разнымъ соображеніямъ, бываетъ неудобно; при томъ же и эти отдѣльныя мнѣнія восходятъ къ Верховной Власти чрезъ чисто финляндскую инстанцію,—чрезъ финляндскій статсъ-секретаріатъ.

Даже собственная канцелярія русскаго генералъ-губернатора Финляндіи —совсѣмъ финляндская по составу и дѣйствуетъ согласно инструкціи, составленной и редижированной Финляндскимъ Сенатомъ.

Сами Финляндцы опредѣляютъ права и положеніе генералъ-губернатора слѣдующимъ образомъ: „Въ своей дѣятельности онъ стоитъ не надъ Сенатомъ, а координированъ съ нимъ (icke öfver Senaten utan är samordnad med densamma). Генералъ-губернаторъ не составляетъ какой-либо власти, имѣющей право входить въ сношенія съ Монархомъ (kommunicera med regenten) безъ Сената и помимо министра статсъ-секретаря“. *

Но даже и та небольшая власть, какою можетъ еще пользоваться до крайности ограниченный въ своихъ полномочіяхъ русскій генералъ-губернаторъ Финляндіи, кажется мѣстнымъ „патріотамъ“ непріятною, и они желали бы сдѣлать эту власть еще безсильнѣе для охраненія русскихъ государственныхъ интересовъ. Конечно, лучше всего это было бы достигнуто, еслибъ имъ удалось совсѣмъ избавиться отъ русскаго генералъ-губернатора и поставить на его мѣсто—Финляндца. Объ этомъ и мечтаютъ они и даже стараются (слѣдуя своему излюбленному пріему лжетолкованія законовъ), обосновать такое притязаніе на „духѣ“ финляндскихъ законовъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ финляндскихъ юристовъ, г. Бергъ, въ своей книгѣ *Государственно - правовое развитіе Финляндіи съ 1808 года*, говоритъ, между прочимъ, (стр. 40):

„Не только содержаніе регламента Правительственнаго Совѣта (Сената), и инструкціи для генералъ-губернатора, но и практика за первое время нашей уніи съ Россіей (af unionen med Ryssland) даютъ, такимъ образомъ, право (?!) заключать что, согласно съ духомъ (!) нашихъ учрежденій, генералъ-губернаторомъ долженъ быть знакомый съ нашими законами и нашимъ общественнымъ строемъ природный или натурализованный (?) финляндскій гражданинъ“.

Добиться осуществленія этой мечты, посадить въ финляндскіе генералъ-губернаторы Финляндца и тѣмъ окончательно порвать послѣднюю слабую связь съ русскимъ государственнымъ началомъ, финляндскимъ „патріотамъ“ до сихъ поръ, однако же, еще не удалось.

А пока они стараются сдѣлать русскаго генералъ-губернатора, по край-

* Такъ сказано, напримѣръ, въ составленной по университетскимъ лекціямъ г. Л. Мехелина о „финляндскомъ государственномъ правѣ“ и изданной въ 1886 году книжкѣ *Общественное устройство Финляндіи*. Книжка эта предназначена служить въ качествѣ учебника для финляндскихъ школъ.

Digitized by Google

ней мѣрѣ, возможно болѣе „безвреднымъ“ для себя, посредствомъ ограниченія его правъ, или даже устраиваютъ дѣло такъ, чтобъ онъ являлся орудіемъ ихъ цѣлей, служилъ бы дальнѣйшему отчужденію края отъ Россіи. Дѣятельность русскихъ генералъ-губернаторовъ края они оцѣниваютъ въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ, смотря по тому, обнаруживали ли они склонность къ поблажкамъ въ пользу „патріотическихъ“ притязаній, и защищали ли они эти притязанія противъ русскихъ государственныхъ учрежденій и лицъ, или нѣтъ.

Обращики такого рода „политики“ финляндскихъ „патріотовъ“ по отношенію къ мѣстнымъ русскимъ генералъ-губернаторамъ намъ приходилось уже указывать и раньше. Въ статьѣ „Чего требуютъ отъ финляндскихъ генералъ-губернаторовъ“, помѣщенной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ 1890 году,* мы приводили финляндскіе отзывы по поводу отставки бывшаго финляндскаго генералъ-губернатора, нынѣ умершаго, графа Адлерберга. Въ этихъ отзывахъ графа Адлерберга хвалили за то, что онъ „искусно и прямо умѣлъ защищать противъ русскихъ сановниковъ и учрежденій обособленное положеніе Финляндіи“. Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ „Какъ служилъ графъ Н. В. Адлербергъ императору Александру Второму и Финляндцамъ“, помѣщенной въ № 150 *Московскихъ Вѣдомостей* за минувшій 1893 годъ **, мы приводили некрологи финляндской печати по поводу кончины графа Адлерберга,—некрологи, въ которыхъ обстоятельно выяснено было, что главная роль при проведеніи финляндско-„патріотическихъ“ реформъ прошлаго царствованія (въ родѣ, напримѣръ, изданія Сеймоваго Устава, въ томъ видѣ какъ это желательно было финляндскимъ дѣльцамъ, установленія особой „финской арміи“ и т. д.), принадлежала графу Адлербергу, дѣйствовавшему по указкѣ „патріотовъ“.

Наоборотъ, такихъ генералъ-губернаторовъ, которые обнаруживали наклонность не слѣдовать указкѣ „патріотовъ“, а соблюдать въ краѣ русскіе государственные интересы и противиться дальнѣйшему отчужденію его отъ Россіи, мѣстные „патріоты“ порицаютъ и даже ругаютъ. Такъ, напримѣръ, графа Закревскаго, который въ 1827 году провелъ, помимо Финляндскаго Сената и финляндскаго статсъ-секретаря, нѣсколько мѣръ въ интересахъ Россіи (въ томъ числѣ отмѣну запрещенія для православныхъ занимать должности въ краѣ), финляндскіе историки называютъ „самовольнымъ солдатомъ“. * Строго порицаютъ они также князя Меншикова, который былъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1831 по 1855 года и, проживая большею частью въ Петербургѣ, самъ докладывалъ финляндскія дѣла Монарху, помимо министра-статсъ-секретаря.

Новѣйшій примѣръ въ такомъ же родѣ, хорошо иллюстрирующій и положеніе русскаго генералъ-губернатора въ Финляндіи, и отношенія къ нему мѣстныхъ „патріотовъ“, представляетъ разыгравшаяся недавно въ финляндской печати исторія по поводу слуха о предполагаемомъ устройствѣ для генералъ-губернатора лѣтняго мѣстожительства въ одномъ изъ финляндскихъ казенныхъ имѣній: печать предприняла цѣлый походъ противъ употребленія финляндска-

* См. сборникъ *Финл. Окр. Россіи*, вып. I, стр. 240—242.

** См. *Финл. Окр. Россіи*, вып 2-й, стр. 457—461.

* См. книгу Берга *Наше управленіе и наши сеймы*, т. II, стр. 404.

Digitized by Google

го казеннаго имущества „не въ пользу страны“, а для улучшенія матеріальнаго положенія русскаго генералъ-губернатора. Приводимъ извлеченіе изъ статьи гельсингфорсской газеты *Päivälehti* (№ 73), подъ заглавіемъ *По поводу одного слуха*.

„Время, когда князь Меншиковъ былъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ“,—говоритъ она,—„совсѣмъ не блестящее время въ нашей исторіи. Если когда нибудь, то именно тогда административныя мѣры противорѣчили не только общественному мнѣнію, но и общественному чувству справедливости. Причины, почему именно *этому* генералъ-губернатору нашей страны достался всетаки на долю такой знакъ благоволенія, какого не получалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ или преемниковъ — неизвѣстны. Разказываютъ, будто князь Меншиковъ иногда особенно усердно защищалъ финляндскіе порядки въ русскомъ Государственномъ Совѣтѣ, и что Финляндскій Сенатъ по этому поводу предложилъ дать ему какое-либо *національное вознагражденіе* (kansallispalkinnon). Съ другой стороны, утверждаютъ что одинъ изъ членовъ Сената ради собственной выгоды сдѣлалъ предложеніе о наградѣ человѣку, вліяніемъ котораго онъ надѣялся воспользоваться въ будущемъ. Суть дѣла, однако, въ томъ что наше туземное правительство въ 1841 году попросило разрѣшенія у Монарха, „въ знакъ вѣчной признательности Финляндіи“, купить на казенныя средства и подарить князю помѣстье, съ тѣмъ чтобъ онъ и его потомки владѣли имъ въ качествѣ майората. Затѣмъ, въ 1842 году, Сенатъ купилъ принадлежавшее роду Вреде помѣстье Аньяла и передалъ въ собственность Меньшикову и его потомкамъ.“

„Какъ сообщалось недавно въ газетахъ, княжескій родъ Меньшиковыхъ теперь прекратился. По этому случаю Высочайшимъ объявленіемъ опредѣлено чтобъ аньяльскій майоратъ возвращенъ былъ финляндской казнѣ для употребленія въ пользу края.

„Каковы бы ни были причины первоначальнаго подарка, нужно признать что теперь, послѣ прекращенія фамиліи Меньшиковыхъ, поступили справедливо. Финляндская казна имѣетъ, такимъ образомъ, полное право употребить помянутое помѣстье такъ, какъ она найдетъ лучшимъ и наиболѣе сообразнымъ съ выгодами страны. Едвали кто-нибудь думалъ что можетъ возникнуть даже и рѣчь о томъ чтобъ употребить это имущество такимъ же образомъ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ“.

„И однако же одна изъ гельсингфосскихъ газетъ сообщила вчера что поднятъ вопросъ объ употребленіи этого помѣстья для такой же (?) приблизительно цѣли съ какою оно было подарено князю Меньшикову. Изъ помѣстья этого нужно будто бы сдѣлать дачу для лѣтняго мѣстожительства нынѣшнему, а вѣроятно также и будущимъ генералъ-губернаторамъ.“

„Но если и была въ свое время какая-нибудь причина сдѣлать подобный подарокъ, то во всякомъ случаѣ теперь нѣтъ никакой причины возобновлять его. Экономическое положеніе нашей страны въ настоящее время совсѣмъ не поощряетъ къ расточительности, и есть полное основаніе употреблять всѣ находящіяся въ рукахъ средства дѣйствительно на пользу страны.

„Мы надѣемся, поэтому, что мѣры которыя, быть можетъ, уже пущены въ ходъ, для продолженія помянутаго дара, будутъ пріостановлены, и что это дорогое дареное помѣстье употреблено будетъ на пользу нашей бѣдной страны“.

Подобныя же статьи печатались и въ другихъ газетахъ. „Бѣдность страны“ понадобилась тутъ, конечно, только для приличія: на самомъ дѣлѣ какъ въ статьѣ *Päivälehlt*, такъ и въ другихъ статьяхъ весьма прозрачно намекается что дѣлать что-либо для русскаго генералъ-губернатора,— за исключеніемъ развѣ того случая, когда онъ заслуживаетъ „національнаго вознагражденія“ за усердное отстаиваніе финляндскихъ притязаній, — значитъ дѣйствовать не въ пользу, а во вредъ „страьѣ“.

Любопытно окончаніе этой исторіи: черезъ нѣсколько дней послѣ появленія

Digitized by Google

помянутыхъ статей, въ одной изъ финляндскихъ газетъ (*Uusi Suometar*) напечатано было извѣстіе что слухъ, подавшій поводъ къ статьямъ, не имѣлъ никакого основанія, а въ другой газетѣ (*Wiipurin Sanomat*) сообщается что предположеніе устроить въ Аньяльскомъ имѣніи дачу для генералъ-губернаторовъ дѣйствительно было и что мысль объ этомъ подана вице-предсѣдателемъ Хозяйственнаго Департамента Сената, г. Тудеромъ.

Какое изъ этихъ извѣстій достовѣрно,—пущенъ ли слухъ только для того чтобъ имѣть матеріалъ для лишней выходки, или же дѣйствительно существовавшее предположеніе оставлено въ виду поднятаго газетами шума, — неизвѣстно. Одно другаго, впрочемъ, стóитъ.

Невольно припоминается при этомъ мысль, высказанная еще въ 1809 году Барклаемъ де-Толли (извѣстнымъ по своему участію въ Отечественной Войнѣ), который былъ тогда финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и представилъ всеподданнѣйшую записку объ устройствѣ тогда еще только зараждавшагося особаго финляндскаго управленія: „Лучше“,—писалъ онъ,—„вовсе не имѣть въ Финляндіи генералъ-губернатора, нежели имѣть его безъ необходимыхъ полномочій!“

Digitized by Google

ФИНЛЯНДІЯ

ВЪ ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.*

Недавно появились въ Гельсингфорсѣ (на шведскомъ языкѣ) подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, первые три выпуска новой книги г. Эдв. Берга. Г. Бергъ, имя котораго не разъ уже упоминалось на столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, ** одинъ изъ самыхъ заядлыхъ финляндскихъ политическихъ писателей. Ему принадлежатъ книги: *Государственно-правовое развитіе Финляндіи посль 1808 года* и *Наше управленіе и наши сеймы*. Въ послѣднемъ изъ этихъ сочиненій излагается исторія „конституціоннаго развитія Финляндіи" съ 1855 по 1882 годъ. Настоящая книга является, такимъ образомъ, продолженіемъ этого сочиненія. Въ ней авторъ задался цѣлью изложить исторію „развитія" Финляндіи съ 1882 года по настоящее время. Какъ и въ книгѣ *Наше управленіе и наши сеймы*, г. Бергъ почти исключительно занимается здѣсь политическими фактами и въ особенности дѣятельностью финляндскихъ сеймовъ.

Финляндская печать еще заранѣе предвозвѣстила появленіе новой книги г. Берга и съ сокрушеніемъ сообщала что при ея печатаніи встрѣтились большія затрудненія: цензура многія мѣста въ книгѣ заставила де исключить или передѣлать, и даже заглавіе книги не одобрила въ первоначальномъ его видѣ. Въ предисловіи къ самой книгѣ говорится что „пружины событій во многихъ случаяхъ не могли быть разоблачены, сужденія о нихъ приходилось сдерживать или обнаруживать лишь въ видѣ намековъ".

Несмотря, однако, на это, финляндско-сепаратистская точка зрѣнія, судя уже по первымъ выпускамъ, достаточно опредѣленно проявляется въ книгѣ, и событія и лица оцѣниваются авторомъ въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ, смотря по тому, содѣй-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 98, отъ 9 апрѣля.

** См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 1-й, стр. 187, 331, 498 и др.; вып. 2-й, стр. 379 и др.

Digitized by Google

ствовали они или препятствовали развитію и осуществленію сепаратистской идеи объ отдѣльномъ отъ Россіи „финляндскомъ конституціонномъ государствѣ“.

I.

Въ вышеупомянутомъ прежнемъ своемъ трудѣ г. Бергъ остановился на изложеніи исторіи Сейма 1882 года, и первая глава настоящаго сочиненія его занята обзоромъ событій въ промежутокъ между этимъ и слѣдующимъ Сеймомъ, то-есть съ 1882 по 1885 годы.

Въ это время продолжалось еще полное и почти безпрепятственное „развитіе“ Финляндіи въ сепаратистскомъ направленіи: русская государственная власть попрежнему, какъ и въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, мало обращала вниманія на финляндскія дѣла, и мѣстные дѣльцы „самоуправлялись“ и хозяйничали въ краѣ, какъ хотѣли. Г. Бергу приходится, поэтому, отмѣчать здѣсь преимущественно факты „отрадные“ для него и его единомышленниковъ.

Къ такимъ „отраднымъ“ фактамъ принадлежало, прежде всего, состоявшееся въ 1882 году назначеніе въ члены Финляндскаго Сената трехъ столповъ сепаратизма, гг. Л. Мехелина, Р. Монгомери и З. Ирье-Коскинена. Всѣ они были, до своего назначенія въ сенаторы, профессорами Гельсингфорсскаго университета, первые двое — юристы, послѣдній — историкъ. Но сенаторскія кресла доставила имъ, конечно, не научная дѣятельность, а легко совмѣщающаяся вообще у финляндскихъ профессоровъ съ наукой дѣятельность политическая, или, точнѣе, политиканство. Они выдвинулись, вопервыхъ, въ финляндской журналистикѣ какъ творцы и главнѣйшіе проповѣдники ученія объ особомъ финляндскомъ государствѣ, состоящемъ лишь „въ уніи“ съ Россіей. Вовторыхъ, они на финляндскихъ сеймахъ, начиная еще съ шестидесятыхъ годовъ, являлись постоянно въ качествѣ передовыхъ дѣльцовъ и ораторовъ. Послѣднее обстоятельство г. Бергъ и считаетъ причиной возведенія ихъ въ сенаторское достоинство.

„Избраніе ихъ, — говоритъ онъ, — дало поводъ думать что высшая власть желаетъ (?) доставить возможность людямъ, игравшимъ выдающуюся роль на сеймахъ, въ качествѣ членовъ правительства страны, попрежнему оказывать вліяніе на руководство общественными дѣлами“.

Къ „отраднымъ“ фактамъ г. Бергъ относитъ также и Высочайшій рескриптъ, данный въ томъ же 1882 году на имя финляндскаго генералъ-губернатора по одному частному случаю, вслѣдствіе жалобы на допущенное будто бы нарушеніе финляндскихъ законовъ. Въ рескриптѣ этомъ онъ усматриваетъ даже „благоволеніе къ конституціонному устройству“ со стороны Верховной Власти, хотя ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ въ немъ нѣтъ. Приводимъ разказъ объ этомъ г. Берга цѣликомъ:

„Несмотря,—говоритъ онъ (стр. 4—5),—на автократическое направленіе, какое получилъ образъ мыслей въ руководящихъ кружкахъ въ Имперіи вслѣдствіе покушеній нигилистовъ и роковаго посягательства на жизнь Монарха, Финляндія получала со стороны Верховной Власти доказательства благоволенія къ своему конституціонному устройству и попеченія о поддержаніи святости нашихъ законовъ. Въ качествѣ явленія этого рода заслуживаетъ упоминанія одинъ случай, возбудившій въ свое время большое вниманіе. Два учителя русской Александровской гимназіи въ Гельсингфорсѣ, Сикорскій и Леонтьевъ, и прапорщикъ расположеннаго тамъ Двинскаго пѣхотнаго полка, Мощинскій, обвинены были, въ доненіи на нихъ, въ томъ что имѣютъ у себя нигилистическую литературу. По этому поводу начальникъ здѣшнихъ (то есть расположенныхъ въ Финляндіи) жандармовъ, генералъ Тобизенъ, велѣлъ произвести обыскъ въ квартирахъ обвиненныхъ и арестовать ихъ. Одинъ изъ нихъ, магистръ философіи П. Леонтьевъ, былъ, однакоже, природнымъ Финляндцемъ, да и другіе также находились подъ охраной нашихъ законовъ, почему арестованіе ихъ такою властію, которая не имѣетъ (?) на это законнаго права, сильно возмутило общественное мнѣніе. Сикорскій отосланъ

Digitized by Google

былъ подъ стражей въ Россію, а Леонтьевъ освобожденъ, такъ какъ не оказалось возможнымъ уличить его въ чемъ-либо преступномъ. Между тѣмъ братъ его подалъ жалобу прокурору (Финляндскаго Сената) по поводу его ареста. 18 октября 1882 года въ офиціальной газетѣ *Finlands Allmänna Tidning* появилось сообщеніе о томъ что генералъ-губернаторъ получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

„„Нашему генералъ-губернатору Великаго Княжества Финляндскаго. Съ сожалѣніемъ узнавъ изъ вашего всеподданнѣйшаго донесенія что вы вынуждены были по одному дѣлу принять мѣры, не вполнѣ соотвѣтствующія съ дѣйствующими въ Великомъ Княжествѣ установленіями, Я призналъ за благо повелѣть вамъ впредь, когда, въ случаѣ неполноты или неясности постановленій закона, возникнутъ сомнѣнія относительно его истиннаго смысла, требовать отзыва у прокурора Императорскаго Сената; кромѣ сего, имѣете вы, совмѣстно съ Сенатомъ, представить Мнѣ о томъ, какимъ образомъ можетъ быть произведена надлежащая кодификація законовъ Финляндіи.

„„*АЛЕКСАНДРЪ.*““

„„*Т. Брунъ.*““

„Изъ заключительныхъ словъ Высочайшаго рескрипта (продолжаетъ г. Бергъ) видно что начальникъ жандармовъ старался извинить свой незаконный образъ дѣйствій въ Леонтьевскомъ дѣлѣ тѣмъ что встрѣчаются затрудненія при ознакомленіи съ дѣйствующими въ Финляндіи законами и постановленіями, такъ какъ они разсѣяны по множеству изданныхъ въ разное время узаконеній. Это повело къ возникновенію такъ называемаго кодификаціоннаго вопроса, который затѣмъ въ измѣнившихся формахъ проходилъ чрезъ все слѣдующее десятилѣтіе. Въ Россіи кодификація ежегодно издаваемыхъ постановленій составляетъ предметъ регулярной дѣятельности постояннаго присутственнаго мѣста которое вводитъ ихъ въ систему прежнихъ законовъ. Это учрежденіе занимается, такимъ образомъ, составленіемъ офиціальнаго систематическаго свода дѣйствующихъ законоположеній. Нашли что этого недостаетъ въ Финляндіи. Но нужно замѣтить что такое офиціальное перередактированіе законовъ, явившихся чрезъ взаимодѣйствіе между правителемъ и земскими чинами, едвали можетъ быть произведено, не сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ толкованіемъ и объясненіемъ текста законоположеній и не затронувъ такимъ образомъ права пояснять законы, которое, согласно основнымъ законамъ (?), не можетъ принадлежать правительственному учрежденію“.

Повелѣніе о кодификаціи финляндскихъ законовъ, какъ видно уже изъ этого разказа г. Берга, пришлось очень не по вкусу финляндскимъ дѣльцамъ и въ значительной мѣрѣ охладило ихъ ликованіе по поводу вышеприведеннаго рескрипта, котораго имъ удалось добиться благодаря именно неясности и неопредѣленности финляндскихъ привилегій. Пользуясь этою неопредѣленностью, они ловко выдвигали всегда въ качествѣ дѣйствующихъ и утвержденныхъ якобы положительныхъ законовъ свои произвольныя толкованія и выводы, сдѣланные ими въ примѣненіи къ Финляндскому краю изъ пресловутыхъ шведскихъ конституціонныхъ хартій 1772—1789 годовъ. Такой пріемъ былъ пущенъ ими въ ходъ и при вышеупомянутомъ случаѣ арестованія русскою государственною полиціей, по распоряженію генералъ-губернатора, лицъ заподозрѣнныхъ въ преступленіи противъ Русской Верховной Власти. Въ шведской конституціи 1772—1789 годовъ есть, между прочимъ, постановленіе, по которому „никого нельзя лишать свободы безъ законнаго слѣдствія и суда“. Это постановленіе финляндскіе законовѣды истолковали, въ данномъ случаѣ, въ примѣненіи къ Финляндіи въ томъ смыслѣ что русскія власти не имѣютъ будто бы права арестовать въ Финляндіи даже Русскихъ, обвиненныхъ въ государственномъ преступленіи, а могутъ только обратиться съ просьбой объ арестованіи къ финляндскимъ судебнымъ властямъ, и тѣ уже, изслѣдовавъ дѣло, рѣшаютъ, по своему благоусмотрѣнію, удовлетворить или нѣтъ просьбу. Очевидна несообразность подобнаго толкованія: самое существова-

Digitized by Google

ніе въ Финляндіи русской государственной полиціи не имѣло бы тогда никакого смысла, и своевременное раскрытіе государственныхъ преступленій оказалось бы крайне затрудненнымъ.

Кодификація финляндскихъ законовъ, то есть приведеніе въ ясность, при участіи, конечно, русскихъ государственныхъ учрежденій, того что̀ изъ прежнихъ шведскихъ законовъ примѣнимо, и въ какомъ смыслѣ примѣнимо, къ Финляндскому краю, какъ къ составной части Русской Имперіи, устранила бы возможность такихъ произвольныхъ толкованій, и потому-то отъ нея всегда такъ усердно и открещивались финляндскіе дѣльцы. Первый разъ повелѣніе о кодификаціи финляндскихъ законовъ дано было еще императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1835 году, и тогда же былъ учрежденъ для этого особый мѣстный комитетъ, получавшій указанія отъ Втораго Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи (нынѣшняго Кодификаціоннаго Отдѣла). Финляндскія власти затянули, однако, дѣло до начала шестидесятыхъ годовъ, а потомъ и совсѣмъ его похоронили.

Изъ дальнѣйшаго изложенія г. Берга видно что Высочайшее повелѣніе о кодификаціи, содержавшееся въ рескриптѣ 1882 года, встрѣтило возраженія со стороны Финляндскаго Сената, который, во всеподданнѣйшемъ представленіи отправленномъ въ Петербургъ въ началѣ 1883 года, „возражая противъ кодификаціи, предложилъ, вмѣсто того, установить при Сенатѣ законоподготовительный комитетъ“, то-есть нѣчто совсѣмъ другое. Такой комитетъ и былъ учрежденъ въ 1884 году, и на него возложена предварительная разработка законопроектовъ поступающихъ на разсмотрѣніе Сената.

„Вопросъ о кодификаціи“, замѣчаетъ г. Бергъ, „былъ, однако же, чрезъ это лишь на одно мгновеніе снятъ съ очереди.

„Въ февралѣ 1884 года онъ выступилъ въ другой формѣ: генералъ-губернаторъ, въ представленіи Сенату на русскомъ языкѣ *, потребовалъ кодификаціи основныхъ законовъ страны. Предложеніе это повело въ началѣ къ учрежденію комитета для подготовки дѣла и для выработки свода дѣйствующихъ основныхъ законоположеній. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ ландсъ-секретарь Выборгской губерніи, Александръ Бернгардтъ фонъ-Вейсенбергъ, а членами: профессоръ Т. Рейнъ, докторъ правъ Роб. Германсонъ, секретарь штатсъ-конторы Г. І. Фельманъ и судья К. В. Нюстенъ. Секретаремъ комитета былъ профессоръ І. Р. Даніельсонъ“.

Въ третьемъ выпускѣ своей книги (стр. 185) г. Бергъ, излагая событія съ 1885 по 1888 годъ, даетъ дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ финляндскомъ кодификаціонномъ комитетѣ. Упоминая о назначеніи г. фонъ-Вейсенберга прокуроромъ Сената, онъ говоритъ: „Это назначеніе съ одобреніемъ было встрѣчено обществомъ, такъ какъ фонъ-Вейсенбергъ былъ предсѣдателемъ того комитета который незадолго предъ тѣмъ хорошо исполнилъ порученіе — выработать сводъ нашихъ дѣйствующихъ основныхъ законоположеній“.

Подъ „хорошимъ“ исполненіемъ порученія г. Бергъ разумѣетъ здѣсь то что г. фонъ-Вейсенбергъ со своимъ комитетомъ **, подъ видомъ кодификаціи якобы дѣйствующихъ „основныхъ законовъ“, изложилъ въ своемъ проектѣ тѣ самыя „патріотическія“ толкованія и выводы, о которыхъ упомянуто нами выше.

II.

Но кромѣ фактовъ болѣе или менѣе „отрадныхъ“ въ „финляндско-патріотическомъ“ смыслѣ, г. Бергъ, уже въ первой главѣ своего труда, за время съ 1882 по 1885 годъ, оказывается вы-

---

* Любопытно тутъ, между прочимъ, то что г. Бергъ считаетъ нужнымъ особо оттѣнить что представленіе генералъ-губернатора написано было на русскомъ языкѣ. Какъ будто русскій генералъ-губернаторъ можетъ обращаться къ Сенату на какомъ-либо иномъ языкѣ, кромѣ русскаго.

** О г. Вейсенбергѣ и его кодификаціонномъ комитетѣ см. *Фин. Окр. Россіи*, вып. 1-й, стр. 126—142, 186—187, 339—340, 399, 475—477; вып. 2-й, стр. 487, 503, 581—583.

Digitized by Google

нужденнымъ касаться и другаго рода явленій,—явленій неблагопріятныхъ для „развитія“ Финляндіи въ сепаратистскомъ духѣ.

Такъ, напримѣръ, онъ съ сокрушеніемъ замѣчаетъ что вопросъ о финляндской таможнѣ „уже въ это время въ угрожающемъ видѣ показался на нашемъ политическомъ горизонтѣ“. Въ русскихъ таможняхъ перестали безпошлинно пропускать въ коренную Россію финляндское желѣзо сверхъ опредѣленнаго количества. Въ то же время русская печать (въ началѣ 1883 года) заговорила о финляндскихъ таможенныхъ порядкахъ. „Эти грозныя предзнаменованія,—говоритъ г. Бергъ,—не могли не возбудить унынія у тѣхъ изъ нашихъ промышленниковъ которые привыкли сбывать свои издѣлія въ Россію. У нѣкоторыхъ изъ нихъ явилась мысль попытаться отклонить опасность посредствомъ приближенія нашихъ таможенныхъ пошлинъ (на заграничные товары) къ русскимъ“. Но другіе противились этому. „Подъ давленіемъ этихъ противоположныхъ интересовъ, Сенатъ рѣшилъ сдѣлать Монарху представленіе о передачѣ земскимъ чинамъ предложенія по таможенному вопросу“. Представленіе Сената отправлено было въ Петербургъ въ мартѣ 1884 года. Въ немъ Сенатъ ходатайствовалъ о предоставленіи Сейму права принимать участіе въ установленіи таможеннаго тарифа. Нужно замѣтить что установленіе таможенныхъ пошлинъ даже по шведскимъ конституціоннымъ хартіямъ 1772—1789 годовъ находилось исключительно въ рукахъ Монарха, и опереться, въ этомъ отношеніи, на „конституцію“ финляндскимъ дѣльцамъ никакъ нельзя было: Русская Верховная Власть, даже съ ихъ точки зрѣнія, имѣетъ безспорное право установлять финляндскіе таможенные порядки по своему благоусмотрѣнію. Финляндскій Сенатъ, выступая со своимъ домогательствомъ въ 1884 году, имѣлъ, такимъ образомъ, въ виду заручиться на будущее время новою „гарантіей“ которая должна была связать Русскую Верховную Власть и въ таможенныхъ дѣлахъ. Если бы домогательство удалось, то всякія предложенія объединительныхъ мѣръ въ таможенныхъ дѣлахъ впредь можно было бы встрѣчать съ финляндской стороны указаніемъ на необходимость испросить предварительно „согласіе“ Сейма. Представленіе Сената было, однако, къ великому сожалѣнію г. Берга и его единомышленниковъ, оставлено въ Петербургѣ безъ вниманія.

Но, со свойственною финляндскимъ „патріотамъ“ дерзкою назойливостью, они возобновили свое домогательство относительно ограниченія Верховной Власти въ таможенныхъ дѣлахъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ же 1885 году. Объ этомъ г. Бергъ повѣствуетъ во второй главѣ, посвященной дѣятельности Финляндскаго Сейма 1885 года и занимающей бо́льшую часть вышедшихъ пока трехъ выпусковъ его книги (стр. 15 — 178). Домогательство на этотъ разъ заявлено было уже не Сенатомъ, а самимъ Сеймомъ. Приводимъ разказъ г. Берга (стр. 54—56) о происшедшихъ на Сеймѣ преніяхъ по этому поводу,—разказъ ярко характеризующій взгляды и притязанія руководящихъ финляндскихъ земцевъ:

„Докторъ Аксель Лилле представилъ въ бюргерскомъ сословіи проектъ всеподданнѣйшей петиціи о томъ чтобы ближайшему Сейму передано было правительствомъ предложеніе объ участіи земскихъ чиновъ въ установленіи таможеннаго тарифа. Въ случаѣ еслибы бюргерское сословіе нашло что, въ виду нашихъ особыхъ политическихъ условій, требованіе земскими чинами для себя этого права въ настоящее время не могло бы повести къ желаемому результату, Лилле предлагалъ, въ видѣ альтернативы, петицію о томъ чтобы земскимъ чинамъ страны, начиная съ будущаго Сейма, постоянно предоставлялась возможность давать свои отзывы относительно таможеннаго тарифа *. Этотъ проектъ петиціи

---

* Финляндскіе дѣльцы и „юристы“, какъ извѣстно, дѣлятъ на два разряда законопроекты передаваемые правительствомъ на обсужденіе Сейма: по однимъ дѣламъ, наиболѣе многочисленнымъ и наиболѣе важнымъ, Верховная Власть не имѣетъ де права ни на іоту измѣнять одобренный Сеймомъ текстъ, а по

Digitized by Google

очевидно, вызванъ былъ тѣмъ что представленіе Сената о передачѣ Сейму 1885 года предложенія объ устройствѣ таможенныхъ порядковъ оставлено было Верховною Властью безъ всякихъ послѣдствій. Авторъ проекта петиціи мотивировалъ его тѣмъ что таможенные сборы стали теперь важнѣйшею частью косвенныхъ налоговъ страны, и за 1884 г. возросли до высокой цифры въ $15^1/_2$ милліоновъ марокъ. Въ сущности, таможенныя пошлины составляютъ лишь видъ добровольной подати, и притомъ подати наиболѣе щекотливаго характера. За исключеніемъ извѣстныхъ сортовъ хлѣба, машинъ и сырыхъ товаровъ, существуетъ лишь нѣсколько возможныхъ для обложенія предметовъ, которые не обложены въ нашей странѣ пошлиной. Безъ преувеличенія можно сказать что гражданинъ въ нашей странѣ едва-ли можетъ совершать какую-либо торговую сдѣлку безъ того чтобы не уплатить при этомъ безсознательно налога въ видѣ пошлины. Но именно вслѣдствіе того что таможенная пошлина есть такой налогъ который незамѣтно взимается вмѣстѣ съ цѣной на безчисленные потребные для жизни предметы, и поэтому вообще переносится безъ ропота, законодательство относительно него, находясь исключительно въ рукахъ правительства, наиболѣе можетъ вводить въ соблазнъ и составляетъ наиболѣе опасный способъ обложенія, ибо таможенная пошлина, будучи налагаема односторонне, можетъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, сдѣлаться нѣкотораго рода смирительною рубашкой (tvångs tröja), медленно изсушающей экономическую жизнь народа. Вслѣдствіе находящейся въ рукахъ правительства власти единолично завѣдывать таможеннымъ законодательствомъ; земскіе чины, поэтому, испытываютъ нарушеніе своего, сообразнаго съ основными законами, права самообложенія. Просвѣщенное (?!) правительство, какого бы взгляда оно ни держалось на свойство таможеннаго обложенія, и хотя бы оно и могло указать на старинный обычай въ подтвержденіе своего взгляда, не можетъ оспаривать что *духъ нашей конституціи, какъ и конституціоннаго государственнаго строя вообще*, безусловно требуетъ чтобы народъ самъ, посредствомъ своихъ представителей, имѣлъ право опредѣлять мѣры, посредствомъ которыхъ собираются средства для покрытія государственныхъ расходовъ. Съ этой точки зрѣнія нужно признать что земскіе чины должны имѣть право на участіе въ таможенномъ законодательствѣ".

„При передачѣ меморіала Лилле въ коммиссію Чиденіусъ высказалъ: Авторъ проекта петиціи поднялъ рѣчь объ одномъ изъ величайшихъ и тягчайшихъ недостатковъ нашей конституціонной жизни. Противъ той практики которая, оставивъ безъ вниманія ясное (?!) постановленіе нашихъ основныхъ законовъ о самообложеніи, передала правительству опредѣленіе таможенныхъ пошлинъ, можно дѣйствовать разными способами. Тотъ способъ, которому мы слѣдовали до сихъ поръ и который многими, быть-можетъ, считается самымъ мудрымъ, состоитъ въ томъ чтобы сообразоваться съ обстоятельствами, на существенное измѣненіе которыхъ не имѣется надежды, но, вмѣсто того, пользоваться тѣмъ правомъ (?!) которое повсюду признается въ отношеніи имущества отнятаго неправильнымъ образомъ, а именно—*брать его назадъ, когда къ тому представляется удобный случай*. Двадцать лѣтъ слѣдовали мы по этому пути. Быть можетъ, есть основанія, какъ предлагаетъ авторъ проекта петиціи, пойти теперь по другому пути и обратиться прямо къ правительству съ указаніемъ на дѣло. Но въ такомъ случаѣ тѣ отзывы и представленія, съ какими мы обратимся къ правительству, должны имѣть совсѣмъ иной характеръ чѣмъ это предлагаетъ Лилле въ своемъ проектѣ. *Когда мы имѣемъ право признанное за нами въ нашихъ основныхъ законахъ, и право это узурпировано* (?!), *то было бы, мнѣ кажется, и несправедливо, и опасно, и служило бы весьма плохимъ прецедикатомъ* — снова

другимъ дѣламъ, болѣе мелкимъ, касающимся подробностей администраціи и общественнаго хозяйства, отзывы Сейма дозволяется де измѣнять.

Digitized by Google

просить о санкціонированіи права которое уже выражено. Это значило бы отказаться отъ стариннаго дѣйствующаго закона и не признавать его значенія. *Это значило бы просить какъ милости того что намъ принадлежитъ по праву* (?!). Еще болѣе это относится къ тому случаю если, какъ предлагается во второй альтернативѣ, просить о томъ чтобъ изъ милости позволили лишь давать отзывы касательно налоговъ, на которые давать согласіе мы имѣемъ право. Эти соображенія возбудили во мнѣ сомнѣнія относительно формулировки данной авторомъ проекту петиціи. Наиболѣе сообразною со свойствомъ дѣла, наиболѣе достойною (!) земскихъ чиновъ, и, по моему мнѣнію, даже способною скорѣе повести въ желаемой цѣли, я считаю такую редакцію петиціи, по которой попросимъ у правительства чтобы таможенные сборы впредь не взимались безъ предварительнаго предоставленія земскимъ чинамъ возможности, согласно съ предписаніями и духомъ основныхъ законовъ, относительно этихъ сборовъ обсуждать, совѣщаться и входить въ соглашеніе".

Нужно замѣтить что такъ шумѣли финляндскіе „патріоты" еще въ 1885 г., когда никакихъ объединительныхъ реформъ не предпринималось и даже не замышлялось русскою государственною властью по отношенію къ Финляндскому краю, — когда попрежнему почти безпрепятственно шло дальнѣйшее „развитіе" сепаратистской политики. Эти выходки, далеко не единственныя въ то и въ болѣе раннее время, ясно показываютъ какъ ошибочно мнѣніе тѣхъ которые склонны думать что если финляндскіе „патріоты" въ послѣднее время и шумятъ, то это де объясняется тѣмъ что ихъ стали трогать, а раньше де они сидѣли спокойно. Заблужденіе это,— отъ котораго, къ сожалѣнію, не совсѣмъ свободны и нѣкоторыя высшія петербургскія сферы,—объясняется малою извѣстностью финляндскихъ дѣлъ, о которыхъ лишь съ весьма недавняго времени стали доходить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія до слуха Русскихъ людей.

ФИНЛЯНДСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Digitized by Google

189 СТАТЬЯ

„УЧРЕЖДЕНІЯ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ".*

Гельсингфорсъ, 10 апрѣля.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 96) было, между прочимъ, указано на то что мы, Русскіе, въ извѣстной мѣрѣ, сами повинны въ полной отчужденности Финляндіи отъ Россіи. Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ, позволю себѣ привести маленькій обращикъ нашего отношенія къ финляндскимъ дѣламъ,— обращикъ, на который до сихъ поръ въ печати не было сдѣлано указаній, но на который мнѣ, какъ живущему въ Гельсингфорсѣ, невольно пришлось обратить вниманіе.

Въ *Учрежденіи Судебныхъ Установленій*. имѣется 189-я статья, которая гласитъ: „Сношенія судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ Имперіи съ судебными и должностными лицами Великаго Княжества Финляндскаго производятся посредствомъ министра Юстиціи"...

Существовала ли надобность въ подобной статьѣ, или, по крайней мѣрѣ, не отжила ли она своего значенія для настоящаго времени? Поставленная рядомъ съ другою, 190-ю статьей, опредѣляющею порядокъ сношенія съ судебными мѣстами иностранныхъ государствъ чрезъ того же министра Юстиціи и чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, 189-я статья въ состояніи поселить лишь путаницу въ нашихъ понятіяхъ и представленіяхъ. Найдутся, пожалуй, бойкіе юристы, которые, изъ сопоставленія двухъ названныхъ статей, готовы будутъ вывести заключеніе о томъ что Финляндія—иностранная держава. Но разъ Финляндія въ дѣйствительности только часть Россіи, только ея окраина, — нѣтъ основанія требовать чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ судебныя власти разныхъ губерній сносились между собою чрезъ министра Юстиціи. Очевидно, это или аномалія, или недосмотръ, требующія исправленія—и это тѣмъ болѣе что 189 статья лишь безцѣльно тормозитъ дѣло, заставляя переписку судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ проходить нѣсколько лишнихъ инстанцій.

Положимъ, для примѣра, что судебному слѣдователю одной изъ Привислинскихъ губерній понадобилось допросить какого-нибудь крестьянина попавшаго на военную службу въ одну

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 102, отъ 13 апрѣля.

Digitized by Google

изъ финляндскихъ губерній. Для этого онъ обязанъ свое постановленіе представить прокурору, который направитъ его въ Министерство Юстиціи; оттуда вся переписка будетъ передана въ финляндскій статсъ-секретаріатъ, затѣмъ перейдетъ въ канцелярію финляндскаго генералъ-губернатора и, наконецъ, достигнетъ своего назначенія, попавъ или къ мѣстной полицейской власти (такъ какъ въ Финляндіи судебныхъ слѣдователей не имѣется), или въ руки военнаго слѣдователя въ округѣ. По исполненіи требованія привислинскаго судебнаго слѣдователя, протоколъ допроса и прочая переписка должны быть посланы обратно тѣмъ же долгимъ обходнымъ трактомъ. На это, очевидно, потребуются цѣлые мѣсяцы, тогда какъ все могло бы быть выполнено удобно и свободно въ теченіе двухъ, много трехъ недѣль: но для этого необходимо или вовсе исключить названную „безплодно тенденціозную“ статью изъ Судебныхъ Уставовъ, или измѣнить ея редакцію.

То обстоятельство что Финляндія имѣетъ особое мѣстное устройство и своеобразное судопроизводство отнюдь не можетъ измѣнить дѣла и вызывать необходимость вести переписку чрезъ высшее судебное учрежденіе Имперіи. Въ Финляндіи имѣются губернаторы, магистраты, полицейскія управленія, наконецъ, канцелярія начальника края,—и они отлично могутъ направить по назначенію переписку, *непосредственно* изъ коренныхъ, напримѣръ, губерній Россіи. Непосредственныя сношенія установлены для Варшавскаго судебнаго округа съ прусскими и австрійскими пограничными мѣстами, — а съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ Русскіе должны сноситься чрезъ посредство министра Юстиціи.. Нормально ли это? и желателенъ ли подобный порядокъ въ интересахъ Имперіи и судебныхъ дѣлъ?..

БОРИСЪ Ш—СКІЙ.

Digitized by Google

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.

Корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей.“ *

1.

Гельсингфорсъ, 9 апрѣля.

17 апрѣли (въ первый день праздника Св. Пасхи) состоится здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, торжественное открытіе воздвигнутаго на Сенатской площади монумента императору Александру II.

Мысль о сооруженіи памятника впервые явилась въ Финляндіи еще въ 1881 году, вскорѣ послѣ кончины покойнаго Государя, и тогда же приступлено было къ сбору добровольныхъ пожертвованій. Собравшійся въ 1882 году Финляндскій Сеймъ обратился на Высочайшее Имя со всеподданнѣйшимъ адресомъ, въ которомъ просилъ предоставить ему, Сейму, руководство сборомъ пожертвованій и самымъ сооруженіемъ монумента. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и Сеймъ избралъ комитетъ, которому поручилъ сборъ пожертвованій и составленіе проекта памятника, а также и выборъ мѣста для него. Комитетъ этотъ представлялъ затѣмъ отчеты о своей дѣятельности послѣдующимъ сеймамъ (1885, 1888 и 1891 годовъ) и получалъ отъ нихъ дальнѣйшія указанія. Въ 1891 году приступлено было къ сооруженію памятника. Скульптурная работа исполнена финляндскимъ художникомъ Рунебергомъ, а отливка изъ бронзы — парижскою мастерской **Thiébaut frères**. Памятникъ представляетъ бронзовую статую императора, въ $3{,}_{25}$ метра въ вышину, утвержденную на гранитномъ пьедесталѣ, который исполненъ по проекту финляндскаго архитектора Нюстрема. У подножія статуи императора расположены четыре бронзовыя же группы—*Попеченіе о правосудіи*, *Наука и Искусство*, *Миръ* и *Трудъ;* вышина каждой группы—$2{,}_{30}$ метра.

Памятникъ поставленъ, какъ уже упомянуто выше, на Сенатской площади которая находится въ центрѣ города и окружена зданіями Финлянд-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 104, отъ 15 апрѣля, и № 107, отъ 21 апрѣля.

Digitized by Google

ского Сената, лютеранской Николаевской кирки и Финляндскаго университета. Мѣсто памятника—въ той части площади которая прилегаетъ къ Николаевской киркѣ и къ зданію Сената.

Стоимость монумента—280.000 марокъ. Изъ этой суммы бо́льшая часть, около 240,000 марокъ, составилась изъ добровольныхъ пожертвованій, а остальныя деньги ассигнуетъ Сеймъ изъ находящихся въ его распоряженіи средствъ.

Господствующая на Сеймѣ „патріотическая“ клика не постѣснилась воспользоваться этимъ памятникомъ въ своихъ видахъ и выставить его, какъ памятникъ „возрожденія конституціоннаго государственнаго строя“ Финляндіи. Такъ поставлено было дѣло уже при составленіи проекта памятника. Между прочимъ, въ проектѣ предполагалось выразить въ самой подписи на памятникѣ, какой смыслъ ему придаютъ „патріоты“: на памятникѣ они рѣшили поставить только одну цифру „1863“—годъ открытія перваго Финляндскаго Сейма въ царствованіе императора Александра II. Эту подробность въ проектѣ мѣстная высшая русская власть собиралась было, насколько намъ извѣстно, устранить и въ надписи обозначить имя и годы царствованія императора, но „патріоты,“ какъ оказывается теперь, ухитрились настоять на своемъ, и на памятникѣ красуется лишь одна цифра „1863“.*

Еще съ большею откровенностью толкуютъ теперь здѣшніе „патріоты“ о значеніи памятника въ желательномъ для нихъ смыслѣ, въ своихъ газетахъ, и собираются истолковать при самомъ открытіи памятника—въ публичныхъ рѣчахъ. Изъ открытія памятника они, какъ по всему видно, хотятъ сдѣлать нѣчто въ родѣ весьма „внушительной“ политической манифестаціи, во время которой, подъ видомъ прославленія памяти покойнаго Государя и событій происходившихъ въ Финляндіи въ прошлое царствованіе, на первый планъ будетъ выдвинута „конституція“ Финляндіи и ея „государственная автономія“, въ яркихъ краскахъ будутъ изображаться и пріукрашиваться успѣхи, достигнутые въ то время „патріотами“ въ видахъ дальнѣйшаго обособленія края отъ Россіи, въ родѣ особой монеты, „финской арміи“ и т. д., — и въ мрачномъ видѣ описываться нынѣшнее „тяжелое положеніе“, когда успѣхи эти пріостановились.

Сообразно этому задуманъ былъ „патріотами“и церемоніалъ открытія памятника. Проектъ церемоніала видоизмѣнялся нѣсколько разъ, пока не получилъ, наконецъ, окончательную форму. Первоначальный проектъ, наиболѣе подходившій къ желаніямъ „патріотовъ“, составленъ былъ вышеупомянутымъ комитетомъ по сооруженію памятника и представленъ на обсужденіе Сейма. По этому проекту предполагалось (приводимъ извлеченіе изъ доклада комитета Сейму):

„Для торжества открытія, на которое земскіе чины пригласятъ надлежащимъ образомъ Его Величество Императора — Великаго Князя, можетъ быть назначенъ какой-либо день въ маѣ мѣсяцѣ. Церемонія открытія должна происходить слѣдующимъ образомъ: на мѣстѣ празднества, снабженномъ необходимыми эстрадами и окруженномъ войсками *подъ командой начальника финскихъ войскъ*, займутъ назначенныя мѣста сословія Сейма, а также генералъ-губернаторъ, Сенатъ, чины правительственныхъ учрежденій и приглашенныя на торжество лица. Затѣмъ ландмаршалъ Сейма въ краткой рѣчи дастъ отчетъ о происхожденіи памятника и попроситъ у Его Величества или у того, кому будетъ поручено Его Величествомъ открытіе, дозволенія снять покрывало, и потомъ, послѣ исполненія императорскаго гимна и отданія чести войсками, *избранный зем-*

* Это мѣсто въ письмѣ исправлено нами при изданіи настоящаго сборника: въ письмѣ сообщалось, наоборотъ. что надпись, предполагавшаяся въ проектѣ, измѣнена. Когда авторъ писалъ свое письмо, онъ полагалъ что надпись дѣйствительно измѣнена, какъ хотѣлъ это сдѣлать высшій представитель мѣстной русской власти. Но по открытіи памятника оказалось что это благое намѣреніе по неизвѣстнымъ причинамъ, не осуществилось.

Digitized by Google

скими членами ораторъ на обоихъ языкахъ страны (то есть по-шведски и по-фински) *изъяснитъ значеніе монумента* и поручитъ его попеченію страны и столицы. При окончаніи этой рѣчи запоютъ гимнъ *Vårt land* (то-есть пѣсню Рунеберга, выдаваемую „патріотами“ за особый „финляндскій національный гимнъ“). Церемонія закончится прохожденіемъ войскъ мимо статуи императора.“

Сеймъ рѣшилъ передать проектъ комитета въ одну изъ своихъ коммиссій, такъ называемую „статуйную коммиссію“. Этой коммиссіи, какъ оказалось въ послѣдствіи изъ преній сейма, сдѣлано было, чрезъ сословныхъ предводителей Сейма, отъ высшей власти внушеніе въ томъ смыслѣ что церемоніалъ выработанный комитетомъ не можетъ быть одобренъ въ такомъ видѣ. Вслѣдствіе этого коммиссія нѣсколько передѣлала его: вмѣсто рѣчи „избраннаго земскими чинами оратора (каковымъ оказался бы, вѣроятно, Л. Мехелинъ или какой-либо другой, столь же заядлый „патріотъ“), поставлены рѣчи сословныхъ предводителей Сейма и участіе „финской арміи“ въ торжествѣ открытія устранено. Но за то коммиссія сдѣлала къ церемоніалу своеобразное дополненіе: въ заключеніе торжества она проектировала пѣніе студентами финляндскихъ „патріотическихъ“ пѣсенъ. При обсужденіи доклада коммиссіи на Сеймѣ, сдѣлано было замѣчаніе о томъ что посѣщеніе засѣданія коммиссіи сословными предводителями и давленіе ихъ на рѣшенія ея противорѣчитъ де „конституціи“. Проектъ коммиссіи все-таки былъ одобренъ и представленъ на утвержденіе въ Петербургъ.

Въ настоящее время выработанный въ окончательномъ видѣ и подписанный финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ церемоніалъ открытія опубликованъ уже въ здѣшнихъ газетахъ и имѣетъ слѣдующее содержаніе:

„Торжество начнется въ Николаевской киркѣ, гдѣ будетъ совершена архіепископомъ молитва на обоихъ языкахъ страны. Изъ кирки сословія отправятся въ процессіи къ мѣсту памятника, куда соберутся между тѣмъ приглашенныя лица. По извѣщеніи о томъ отъ церемоніймейстера, къ мѣсту открытія прибудутъ въ процессіи генералъ-губернаторъ, Его Императорскаго Величества Финляндскій Сенатъ, генералитетъ, начальники вѣдомствъ и командиры отдѣльныхъ частей, и займутъ назначенныя для нихъ мѣста, послѣ чего оркестры Финскаго гвардейскаго и Финскаго Нюландскаго баталіоновъ исполнятъ гимнъ и хоралъ. Затѣмъ генералъ - губернаторъ прочтетъ рѣчь Его Императорскаго Величества къ представителямъ Финскаго народа, а ландмаршалъ обратится къ генералъ-губернатору и въ краткой рѣчи отъ имени земскихъ чиновъ попроситъ его дать знакъ къ снятію покрывала. Затѣмъ, по исполненіи почетнаго марша, тальманы (предводители) бюргерскаго и крестьянскаго сословій, первый на шведскомъ, а послѣдній на финскомъ языкѣ, объяснятъ происхожденіе и значеніе монумента, послѣ чего музыкальными оркестрами будутъ исполнены императорскій гимнъ и *Vårt land*. Потомъ ландмаршалъ въ рѣчи на обоихъ языкахъ страны поручитъ императорскую статую попеченію Финскаго народа и, въ особенности, главнаго города, а одно изъ присутствующихъ лицъ, отъ имени города, въ нѣсколькихъ словахъ приметъ ее на попеченіе городской общины, и въ заключеніе студентамъ - пѣвцамъ предоставлено будетъ исполнить какую - либо патріотическую пѣсню. Вечеромъ мѣсто празднества и окрестныя зданія будутъ иллюминованы

„Министръ статсъ-секретарь В. Фонъ-Денъ.“

К.

2.

Гельсингфорсъ, 16 апрѣля.

Въ дополненіе къ предыдущему письму касательно открытія монумента императору Александру II, сообщаю еще нѣкоторыя свѣдѣнія.

Памятникъ поручено открыть фин-

Digitized by Google

ляндскому генералъ-губернатору графу Ѳ. Л. Гейдену.

При открытіи памятника будутъ, между прочимъ, исполнены, пѣвческимъ хоромъ сочиненныя для этого случая кантата и гимнъ. По словамъ газеты *Nya Pressen*, при просмотрѣ шведскаго и финскаго текста кантаты, сочиненной финляндскимъ поэтомъ Лагусомъ, цензура, по приказанію генералъ-губернатора, сдѣлала нѣсколько пропусковъ. Газета *Hufvudstadsbladet* добавляетъ къ этому что и изъ гимна (сочиненнаго профессоромъ Гельсингфорсскаго университета Генецомъ) выпущена, по требованію высшей власти, третья строфа.

Въ день открытія монумента здѣшнее городское управленіе устраиваетъ въ манежѣ банкетъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, на 1.000 человѣкъ. На банкетъ, на которомъ будутъ произноситься рѣчи, приглашены всѣ члены Сейма и присланные къ открытію монумента особые депутаты изъ разныхъ финляндскихъ городовъ и сельскихъ мѣстностей. Такихъ депутатовъ соберется въ Гельсингфорсъ нѣсколько сотъ человѣкъ.

Въ городскомъ паркѣ Кайсаніеми будетъ устроено народное гулянье, въ программу котораго также входитъ рѣчь о значеніи памятника. Въ Выборгѣ, Або и другихъ финляндскихъ городахъ тоже предполагается устроить 17 апрѣля празднества, на которыхъ будутъ говориться рѣчи и исполняться „патріотическія“ пѣсни.

Устройство упомянутаго банкета подало поводъ къ перебранкѣ между финноманами и шведоманами. Городское управленіе, которое находится въ рукахъ шведской партіи, ассигновало на банкетъ довольно значительную сумму, до 20.000 марокъ. Противъ этого горячо протестуютъ городскіе жители изъ финской партіи въ органѣ этой партіи, газетѣ *Uusi Suometar*. Такихъ протестовъ появилось уже нѣсколько. Въ нихъ говорится что городское управленіе не имѣло никакого права распоряжаться такимъ образомъ деньгами собраннымп съ горожанъ на благоустройство города.

Студенты здѣшніе тоже перессорились по случаю празднества. Кантату, сочиненную для открытія памятника, рѣшено пѣть на шведскомъ языкѣ. На это, однако, не согласились студенты финноманы, и финскій студенческій хоръ отказался участвовать въ пѣніи.

К.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЙ МОНУМЕНТЪ

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

(Передовая статья № 108 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года).

Москва, 20 апрѣля.

Въ письмахъ г. К. изъ Гельсингфорса* уже сообщалось о томъ какой тенденціозный смыслъ стараются придать финляндскіе „патріоты“ монументу который воздвигнутъ Императору Александру Второму въ Гельсингфорсѣ, и въ какую враждебную сближенію съ Россіей манифестацію они обратили торжество открытія сего монумента.

Этого можно было ожидать отъ нихъ заранѣе. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ они не разъ пытались приписать свои захваты, сдѣланные въ прошлое царствованіе, личному почину и волѣ Императора Александра II. Поводомъ къ этому служило имъ то что именно въ прошлое царствованіе они всего болѣе сдѣлали успѣховъ въ своей политикѣ направленной къ отчужденію отъ Россіи, причемъ нѣкоторыя правительственныя мѣры, предпринятыя въ прошлое царствованіе, какъ, напримѣръ, допущеніе періодическихъ собраній финляндскихъ сеймовъ, введеніе въ краѣ общей воинской повинности, финансовыя реформы и проч., повели на дѣлѣ, благодаря финляндскимъ докладчикамъ и исполнителямъ, къ такимъ послѣдствіямъ которыя способствовали созданію, въ предѣлахъ Россіи, какъ бы особаго „финляндскаго конституціоннаго государства“.

Но приписывать эти послѣдствія личной волѣ и почину въ Бозѣ почившаго Государя Александра II было бы въ высшей степени несправедливо: есть факты ясно подверждающіе это, хотя

* См. выше, стр. 98 - 101.

Digitized by Google

для каждаго русскаго человѣка и безъ нихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ что въ намѣренія Русскаго Царя никакъ не могло входить выдѣленіе русской области, пріобрѣтенной русскою кровью, въ отдѣльное отъ Россіи государство. Приведемъ здѣсь для примѣра нѣкоторые факты, пользуясь при этомъ показаніями самихъ же финляндскихъ авторовъ.

Въ некрологахъ послѣ смерти бывшаго финляндскаго генералъ-губернатора, графа Адлерберга, финляндская печать прямо заявляла что Императоръ Александръ II не хотѣлъсперва утверждать составленнаго и редижированнаго финляндскими учрежденіями Сеймоваго Устава и что лишь по довѣрію къ графу Адлербергу далъ въ послѣдствіи свое соизволеніе на изданіе этого Устава, въ который, какъ потомъ оказалось, были включены нѣкоторые двусмысленные намеки, давшіе „патріотамъ“ поводъ предъявлять притязанія на ограниченіе Русской Верховной Власти въ пользу Финляндскаго Сейма. Составленный же финляндскими дѣльцами, одновременно съ Сеймовымъ Уставомъ, проектъ финляндской конституціи былъ Императоромъ Александромъ II уже прямо и рѣшительно отвергнутъ. Затѣмъ, при изданіи финляндскаго устава о воинской повинности (послѣдствіемъ котораго оказалось созданіе особой „финской арміи“), графъ Адлербергъ, по свидѣтельству вышеупомянутыхъ некрологовъ, — „сумѣлъ разсѣять въ умѣ императора тѣ сомнѣнія какія питались въ этомъ отношеніи Военнымъ министромъ, и, при помощи того большаго довѣрія, которое имѣлъ къ нему Александръ II, добился того что Уставъ былъ утвержденъ“. *

Далѣе, объ отношеніи покойнаго Государя Александра II къ установленію въ Финляндіи особой монетной системы, финляндскій историкъ Бергъ въ своей книгѣ *Наше управленіе и наши сеймы* (т. II, стр. 15), говоритъ: „Снельманъ (финляндскій сенаторъ), въ качествѣ начальника Финансовой Экспедиціи Сената, славнымъ образомъ связалъ свое имя съ начатою его другомъ Лангеншельдомъ (тоже финляндскій сенаторъ) и оконченною имъ монетною реформой. Какъ много усердія, осторожности, умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ и тонкой мудрости (fin klokhet, то-есть, попросту—ловкаго интриганства) нужно было пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли,—объ этомъ можно заключать изъ того что *Императоръ, когда увидѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе какое они* (послѣдствія) *должны были произвести въ Россіи, выразился слѣдующимъ образомъ: „„on a escamoté mon consentement““ (они выманили мое согласіе)*“.

Напомнимъ также рѣчь Императора Александра II прочитанную при закрытіи Финляндскаго Сейма 1863 года. Въ рѣчи этой выражено основное правило той политики какой желалъ держаться почившій Государь по отношенію къ Финляндіи: „Ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи“, — говорилось въ ней, — „должно склонять васъ (чиновъ сейма) къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіей, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины.“ **

Эти и подобные имъ факты, доказывающіе что покойный Государь не до-

* См. *Московскія Вѣдомости* за 1893 годъ, № 150, и *Фин. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 459—460.

** См. *Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1864 годъ, № 19.

Digitized by Google

пускалъ и мысли о законности и цѣлесообразности государственнаго обособленія Финляндскаго края отъ остальной Россіи, умышленно упускаются изъ виду и замалчиваются финляндскими „патріотами“. Отстаивая въ послѣдніе годы всевозможными средствами государственное обособленіе Финляндіи противъ совершаемыхъ, по предначертаніямъ Верховной Власти, объединительныхъ мѣропріятій, „патріоты“ нашли для себя выгоднымъ, такъ-сказать, освятить свои захваты и притязанія августѣйшимъ именемъ и памятью почившаго Монарха и выдать плоды своихъ интригъ и пронырства за совершившееся якобы по его почину и за якобы лично имъ одобренное. Воздвигнутымъ въ Гельсинфорсѣ монументомъ и торжествомъ его открытія они хотѣли воспользоваться какъ удобнымъ предлогомъ для подобной агитаціи. Въ этомъ смыслѣ писались и пишутся статьи въ финляндскихъ газетахъ, которыя всѣ находятся въ рукахъ „патріотической“ клики. Приводимъ, въ видѣ образчика, извлеченіе изъ статьи газеты *Hämeen Sanomat* (№ 32), носящей заглавіе ***Монументъ Александру Второму***:

„Въ мрачныя и темныя времена“,—такъ начинается эта статья,—„каждый охотно желаетъ вспоминать о болѣе свѣтлыхъ временахъ своей жизни, дабы извлечь изъ этого новую надежду и бодрость въ виду будущаго. Воспоминаніе о прежнемъ счастіи даетъ намъ какъ бы новыя силы и новую бодрость, и мы въ состояніи тогда даже въ самые тяжкіе моменты надѣяться и говорить: „„Еще настанетъ новый день который все можетъ измѣнить.““ *

„Но подобно тому какъ въ частной жизни свѣтлыя и темныя времена смѣняютъ друга, такъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Это видно изъ исторіи человѣчества, которая повѣствуетъ о многомъ такомъ что радуетъ, но также и о многомъ такомъ что угнетаетъ душу.

„*Почему же не желать и намъ, въ нынѣшнее мрачное время, ободрить душу воспоминаніемъ о прошедшемъ, болѣе счастливомъ времени;* почему не дать солнечнымъ лучамъ, которые столь ярко свѣтились *тогда*, взглянуть *сквозь нависшія тучи* на нынѣшнее время, дабы намъ *набраться отъ нихъ смѣлости и новыхъ силъ* для того чтобы *прямо* смотрѣть въ будущее.

„Обратимъ, поэтому, свой взглядъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Вспомнимъ объ одномъ монархѣ, память котораго будетъ вѣчно жить въ сердцѣ нашего народа, благородная личность котораго поднимается изъ моря минувшаго всегда блистающею звѣздой. Вспомнимъ объ Александрѣ II. И никакой моментъ не былъ бы для этого умѣстнѣе нынѣшняго момента, когда представители всей нашей страны собрались на Сеймѣ *защищать наши основные законы (!) и объявить свою твердую надежду на то что законы эти будутъ свято почитаться.* Но есть еще и другая причина почему этотъ моментъ даетъ намъ поводъ подробнѣе поговорить о великихъ дѣлахъ по отношенію къ нашему народу нашего благороднаго покойнаго монарха. *Во время нынѣшняго Сейма открывается монументъ Александру II въ нашей столицѣ на Сенатской площади.*“

Итакъ, въ „нынѣшнее мрачное время“,—то есть въ нынѣшнее царствованіе, когда предпринимаемыми по предначертаніямъ Верховной Власти, мѣрами полагаются предѣлы произвольному толкованію „основныхъ законовъ“ и дальнѣйшему отчужденію Финляндскаго края, когда укрѣпляется государственная связь его съ остальною Россіей,—„въ нынѣшнее мрачное время“ отрадно вспомнить, по случаю открытія монумента Императору Александру Второму „о прежнемъ счастіи“, когда сепаратист-

* Газета приводитъ эти слова изъ одного „патріотическаго“ стихотворенія финляндскаго поэта Рунеберга.

Digitized by Google

ская интрига, — хотя и вопреки, конечно, волѣ почившаго монарха,— могла дѣйствовать успѣшнѣе чѣмъ теперь Такое воспоминаніе придастъ де имъ, „патріотамъ“, „смѣлости и новыхъ силъ“ для усиленной борьбы противъ русской государственной власти за государственное обособленіе Финляндіи.

Такъ толкуютъ „патріоты“ въ своихъ газетахъ значеніе монумента. Та же самая тенденціозная, фальшивая нота можетъ болѣе или менѣе громко звучать и въ разныхъ рѣчахъ во время торжествъ по случаю открытія памятника.* Правда, относительно офиціальной части открытія памятника—мѣстною русскою властью приняты мѣры въ видахъ предупрежденія какихъ-либо тенденціозныхъ выходокъ; такъ, напримѣръ, вмѣсто предполагавшагося, по выработанному сеймовыми дѣльцами церемоніалу, „избраннаго земскими чинами оратора“, произнесеніе рѣчей при открытіи памятника предоставлено сословнымъ предводителямъ, отъ которыхъ ожидается настолько такта чтобы не вдаваться въ тенденціозныя толкованія. Затѣмъ, въ помѣщенномъ нами вчера дополнительномъ письмѣ изъ Гельсингфорса сообщено что въ кантатѣ и гимнѣ, которые должны были исполняться при открытіи памятника, выпущены, по требованію генералъ-губернатора, неумѣстныя выходки.

Но кромѣ офиціальнаго, неизбѣжны еще неофиціальныя празднества, не подлежащія контролю русской власти; въ самомъ Гельсингфорсѣ — грандіозный банкетъ, съ рѣчами мѣстнаго городскаго управленія, и народное гулянье, также съ рѣчами; въ другихъ финляндскихъ городахъ—тоже празднества съ рѣчами „патріотовъ“, вѣроятно, въ стилѣ ихъ газетныхъ писаній.

Надо надѣяться, однако, что масса не политиканствующаго населенія Финляндіи, до сихъ поръ, какъ извѣстно, весьма мало поддававшаяся сепаратистской агитаціи, оцѣнитъ по достоинству и эти выходки „патріотовъ“ и пойметъ что толковать значеніе воздвигнутаго въ Гельсингфорсѣ монумента въ такомъ тенденціозномъ смыслѣ, — въ смыслѣ враждебномъ объединительнымъ мѣропріятіямъ нынѣшняго царствованія, — значило бы не чтить, а *оскорблять* память въ Бозѣ почившаго Монарха.

---

* Какъ оказалось потомъ и какъ увидятъ читатели изъ помѣщенной ниже (стр. 112—115) статьи „По поводу открытія монумента императору Александру Второму въ Гельсингфорсѣ“, эта тенденціозная нота дѣйствительно громко прозвучала въ рѣчахъ финляндскихъ ораторовъ, хотя этого, къ сожалѣнію, и не замѣтила въ первое время наша печать, по малому знакомству съ финляндскими дѣлами.

Digitized by Google

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.

Корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей.“ *

1.

Гельсингфорсъ, 17 (29) апрѣля.

Въ первый день Свѣтлаго праздника, въ памятный день рожденія въ Бозѣ почивающаго императора Александра Втораго, торжественно открытъ въ Гельсингфорсѣ памятникъ императору Александру Второму.

На это торжество со всѣхъ концовъ Финляндіи съѣхались народные представители. Пріѣзжихъ была такая масса что не только всѣ гостиницы, но и частныя квартиры были переполнены. Говорятъ что всѣхъ съѣхавшихся на торжество было около тридцати пяти тысячъ человѣкъ. Несмотря на все это, порядокъ былъ образцовый. На вокзалѣ встрѣчалъ пріѣзжихъ полицеймейстеръ г. Гарди, по приказу котораго констебли размѣщали пріѣзжихъ по частнымъ квартирамъ и слѣдили за тѣмъ чтобы наемная плата не была чрезмѣрною, какая всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

Наканунѣ торжества весь городъ утопалъ во флагахъ, транспарантахъ съ иниціалами императора Александра Втораго, въ гирляндахъ и цвѣтахъ. На лучшихъ улицахъ не было окна, гдѣ бы не красовался портретъ въ Бозѣ почивающаго императора. Всѣ шведскія и финскія газеты вышли наканунѣ торжества съ портретами покойнаго императора. По улицамъ и бульварамъ сновала масса мальчиковъ, продававшихъ желающимъ посвященныя событію брошюры и отчеканенные въ память его жетоны.

Сенатская площадь была красиво убрана всевозможными флагами, пест-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, №№ 109 и 110, отъ 22 и 23 апрѣля.

Digitized by Google

рѣвшими между гирляндами хвои съ яркими въ ней розами. Вокругъ памятника, покрытаго синею пеленой, были устроены особыя мѣста для высшихъ представителей страны и земскихъ чиновъ. По правую сторону памятника высилась ораторская трибуна. По лѣвой сторонѣ, предъ университетомъ — большая эстрада для оркестра музыки и пѣвческихъ хоровыхъ обществъ. Все это мѣсто было окружено поднятыми на высокихъ флагштокахъ громадными красными флагами съ финляндскими гербами.

Въ день открытія памятника торжество началось богослуженіемъ въ Николаевскомъ лютеранскомъ соборѣ, куда собрались сенаторы, губернаторы Финляндскихъ губерній, начальники отдѣльныхъ учрежденій и войскъ и иностранные консулы; они были встрѣчены настоятелемъ собора и заняли мѣста по правую и лѣвую сторону, у самаго алтаря. Послѣ нихъ, съ Абоскимъ архіепископомъ Ренвалемъ во главѣ, прибыли въ соборъ духовныя лица и профессора и заняли мѣста по правую сторону отъ алтаря, а за ними слѣдомъ съ ландмаршаломъ фонъ-Геленсомъ во главѣ,—засѣдающіе на Сеймѣ рыцари, которые и заняли мѣста позади духовенства. Затѣмъ прибыли въ соборъ, со своими тальманами во главѣ, представители городскаго и крестьянскаго сословія на Сеймѣ. Они заняли мѣста по лѣвую сторону отъ алтаря: впереди горожане, а позади ихъ крестьяне. Ближе къ каѳедрѣ были отведены мѣста для представителей печати. За ними сидѣли депутаты изъ разныхъ мѣстъ Финляндіи, служащіе въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и офицеры.

Молебствіе началось пѣніемъ псалма за Царя, который былъ пропѣтъ, подъ аккомпаниментъ органа, стоя. Затѣмъ на каѳедру взошелъ Абоскій архіепископъ и сказалъ сначала на финскомъ, а затѣмъ на шведскомъ языкахъ проповѣдь о значеніи дня связаннаго съ памятью въ Бозѣ почивающаго Императора. Послѣ проповѣди архіепископа, всѣ вновь поднялись со своихъ мѣстъ и пропѣли псалмы за страну и народъ.

Затѣмъ сенаторы, земскіе чины Сейма и другія собравшіяся въ соборѣ лица вышли изъ него и помѣстились на приготовленныхъ мѣстахъ вокругъ памятника. По правую сторону—земскіе чины Сейма, по лѣвую—сенаторы, генералитетъ и военные. Далѣе, правѣе представителей Сейма,—депутаціи и дамы. Среднюю часть лѣстницы ведущей на площадку собора—студенты и студентки съ ихъ корпоративными знаменами. По лѣвую сторону памятника, подъ общимъ управленіемъ капельмейстера г. Леандера,— хоры музыки лейбъ-гвардіи 3-го и 1-го Нюландскаго финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и громадный соединенный хоръ всѣхъ хоровыхъ обществъ. Вся лѣстница ведущая къ собору, соборная площадка, Сенатская площадь, были полны съѣхавшимся со всѣхъ концовъ Финляндіи народомъ. Крыши домовъ и соборная колокольня были также усѣяны народомъ. Всѣ окна Сената, университета и выходящихъ на площадь домовъ были заняты дамами, нарядно одѣтыми, преимущественно въ бѣлыхъ и свѣтлыхъ туалетахъ.

Когда земскіе чины и прочія приглашенныя на торжество лица заняли свои мѣста, егермейстеръ Высочайшаго Двора г. Линдеръ отправился въ Сенатъ, куда изъ собора прошли сенаторы и гдѣ къ этому времени находился также финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ графъ Ѳ. Л. Гейденъ, и доложилъ ему что все къ открытію памятника готово и что земскіе чины Сейма, въ полномъ составѣ, уже находятся у его подножія. Послѣ этого генералъ-губернаторъ, въ предшествіи г. Линдера и сенаторовъ вышелъ изъ Сената, въ сопровожденіи состоящихъ при немъ генераловъ и адъютантовъ, и направился къ памятнику, гдѣ для него было приготовлено мѣсто съ лѣвой стороны. По прибытіи генералъ-губернатора къ памятнику, хоры музыки и пѣвцовъ исполнили *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ* и затѣмъ хоралъ Лютера *Ein feste Burg ist unser Gott.*

Графъ Ѳ. Л. Гейденъ, выступивъ впередъ, ближе къ памятнику и ораторской трибунѣ, громко и внятно про-

Digitized by Google

челъ по-русски слѣдующій Рескриптъ Государя Императора:

„Представители Финскаго народа! Нынѣ вы здѣсь собраны для открытія памятника въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру II.

„Мнѣ отрадно выразить вамъ искреннюю брагодарность за вашъ починъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, — отрадно видѣть чувства благоговѣйной преданности Финскаго народа къ блаженной памяти Родителю Мосму, вашему въ Бозѣ почившему Государю и Благодѣтелю.

„Да сохранятся эти чувства и да будутъ они на вѣки залогомъ вѣрноподданнической преданности и любви Финскаго народа къ своимъ государямъ.

„*АЛЕКСАНДРЪ.*“

Послѣ этого предсѣдатель судебнаго департамента, сенаторъ баронъ Пальменъ прочелъ переводы этого Рескрипта на финскій и шведскій языки.

Восторженные клики *ура!* были отвѣтомъ на милостивыя слова Монарха.

Когда все опять смолкло, ландмаршалъ фонъ-Гелленсѣ, взойдя съ ландмаршальскимъ жезломъ на трибуну, обратился къ генералъ-губернатору за разрѣшеніемъ снять завѣсу съ памятника.

Ровно въ 1 часъ 15 минутъ дня завѣса спала, и глазамъ собравшихся представилась величественная статуя Императора Александра II, стоящаго на коричневаго цвѣта гранитномъ пьедесталѣ въ той позѣ, въ какой былъ во время открытія Сейма въ 1863 году.*

Прекрасно отлитая изъ темной французской бронзы статуя замѣчательно похожа на покойнаго Императора. Онъ стоитъ съ непокрытою головой. На немъ свитскій мундиръ, цѣпь ордена Св. Владиміра Нижнюю часть постамента окружаютъ аллегорическія фигуры изъ бронзы: „Справедливое правосудіе, охраняемое царственною силой“, „Просвѣщеніе и искусство“, „Миръ и Трудъ“. Вокругъ памятника четыре обелиска съ фонарями.

Когда завѣса была убрана окончательно, на трибуну взошелъ представитель городскаго сословія Сейма, г. Куртенъ, и обратился къ собравшимся съ рѣчью на шведскомъ языкѣ:

„Многоуважаемые сограждане! Для чествованія памяти незабвеннаго благодѣтеля своего Императора Александра II и для сохраненія образа благороднаго и обожаемаго Монарха для грядущихъ поколѣній, Финскій народъ воздвигъ памятникъ, съ котораго только-что спала завѣса. Если только когда-нибудь можно сказать про памятникъ что онъ вылился изъ народнаго сердца, то, безъ сомнѣнія, такъ случилось съ этимъ памятникомъ. Когда сокрушающее извѣстіе о мученической смерти Императора Александра II достигло Финляндіи и распространило тамъ скорбь, которую описать словами невозможно, со всѣхъ сторонъ послышались клики: засвидѣтельствуемъ какимъ-либо образомъ предъ потомствомъ свою любовь и благодарность къ Тому, Кто такъ отечески и добросовѣстно охранялъ наше право и наше національное бытіе. По собственному побужденію и раньше чѣмъ самый способъ выраженія чувствъ еще былъ опредѣленъ, во многихъ мѣстахъ начали уже собирать пожертвованія для намѣченной цѣли. Когда земскіе чины края собрались въ 1882 году на Сеймъ, первою заботой ихъ было привести къ

* Къ сообщенію г. Я. Г. добавимъ еще что Императоръ представленъ со свиткомъ въ рукѣ произносящимъ рѣчь къ чинамъ Сейма. Эта рѣчь, произнесенная на французскомъ языкѣ, и составленная, по сообщенію финляндскаго историка Берга (см. его книгу *Наше управленіе и наши сеймы*, т. II, стр. 15), финляндскимъ сенаторомъ Снельманомъ и чиновникомъ Гамбургеромъ, какъ извѣстно, часто приводится финляндскими дѣльцами въ доказательство законности ихъ конституціонныхъ притязаній. Въ ней встрѣчается не совсѣмъ ясная фраза о „принципѣ конституціонной монархіи“, и эту фразу финляндскіе авторы, при помощи разныхъ натяжекъ и лжетолкованій, стараются обыкновенно объяснить въ томъ смыслѣ, будто Императоръ Александръ II признавалъ право Финляндіи на шведскую государственную конституцію 1772 — 1789 годовъ, чего на самомъ дѣлѣ, разумѣется, не было и быть не могло.

Digitized by Google

осуществленію починъ вышедшій изъ глубины народной. Всеподданнѣйшимъ адресомъ къ нашему нынѣ благополучно царствующему Всемилостивѣйшему Государю Императору и Великому Князю, земскіе чины просили разрѣшенія для Финскаго народа воздвигнуть въ столицѣ края монументальную статую благословенной памяти въ Бозѣ почившаго Благодѣтеля Финляндіи, Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Александра II, которая изображала бы лицо и фигуру увѣковѣчиваемаго, а также, черезъ посредство выбранной земскими чинами делегаціи, открыть національную подписку, съ тѣмъ чтобы каждый, даже самый незначительный, согражданинъ имѣлъ случай принять участіе въ этомъ чествованіи."

Далѣе, ораторъ передалъ исторію сооруженія памятника, авторомъ котораго былъ сынъ знаменитаго финляндскаго поэта Вальтеръ Рунебергъ, а затѣмъ перешелъ къ событіямъ царствованія Императора Александра II.

Послѣ привѣтственныхъ рѣчей оркестръ и хоры исполнили гимнъ *Боже, Царя храни* и пѣсню *Vart land* (Наша страна).

Вслѣдъ за тѣмъ ландмаршалъ фонъ-Гелленсъ, какъ представитель дворянскаго сословія на Сеймѣ, взошелъ на трибуну и сказалъ на финскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

„Финскій народъ!

„Присутствуя здѣсь черезъ представителей твоихъ, ты прислалъ сюда также свидѣтелей изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ. Твоей заботливой, вѣрной охранѣ ввѣряется нынѣ этотъ дорогой намъ памятникъ Благороднѣйшему Государю и твоей горячей любви предоставляется свидѣтельствовать предъ современниками и потомствомъ и повѣствовать грядущимъ поколѣніямъ какъ Государь, великодушный, мудрый, правдивый, искренній, добрый и кроткій, пріобрѣлъ лучшую награду для Монарховъ,—свободную, глубокую и почтительную любовь своего народа!

„Гельсингфорсская община! тебѣ досталось почетное довѣріе - быть ближайшимъ хранителемъ памятника. Столица Финляндіи, оставайся вѣчно достойною такого довѣрія! Не забывай что взгляды всей Финляндіи обращены на тебя!"

Предсѣдатель Гельсингфорсскаго городскаго правленія, г. Мехелинъ, одѣтый въ черный фракъ съ лентой ордена Св. Станислава черезъ плечо, взойдя на трибуну, снялъ съ головы цилиндръ и обратился къ ландмаршалу со слѣдующими словами:

„Господинъ ландмаршалъ! Открытіе памятника воздвигнутаго Финскимъ народомъ Государю Императору и Великому Князю Александру II привѣтствуется жителями столицы съ глубокою, душевною радостію. Нынѣшнимъ и будущимъ поколѣніямъ царскій памятникъ будетъ говорить на своемъ нѣмомъ, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчивомъ языкѣ о славномъ царствованіи Александра II, о многостороннемъ развитіи отечества начавшимся въ Финляндіи при возстановленіи Государемъ Императоромъ нашихъ сеймовъ, о преданной любви, составляющей отзывъ народа на довѣріе Монарха. Отъ земскихъ чиновъ края столица съ благодарностію и почтеніемъ принимаетъ на себя почетное порученіе пещись объ этой драгоцѣнной національной собственности."

Рѣчь г. Мехелина была покрыта восторженными кликами.

Послѣ этого студенческое и другія хоровыя общества исполнили написанный къ этому случаю г. Арви Геннесомъ гимнъ и нѣкоторыя патріотическія пѣсни. Въ это время на подножіе памятника были возложены вѣнки: предсѣдателями: Судебнаго Департамента Сената барономъ Пальменомъ и Хозяйственнаго Департамента шталмейстеромъ Высочайшаго Двора, сенаторомъ г. Тудеръ— отъ Сената, ландмаршаломъ фонъ-Гелленсомъ и графомъ Крейцъ—отъ рыцарей и дворянъ; Або-скимъ архіепископомъ Ренвалемъ и Куопіоскимъ епископомъ Іогансономъ — отъ духовнаго сословія; коммерціи совѣтникомъ Куртеномъ—отъ городскаго сословія, крестьяниномъ Вярри — отъ крестьянскаго сословія; генералъ-майоромъ Синнербергомъ и барономъ Сильвергельмомъ—отъ Финскаго гвардейскаго баталіона; флигель-

Digitized by Google

адъютантомъ полковникомъ Савоніусомъ — отъ 1-го Нюландскаго стрѣлковаго баталіона, и гжами Оманъ, Нюстремъ, Палинъ, Пальменъ, Рунебергъ и Сетеле и дѣвицами Аспелинъ, Естландеръ, Мерманъ, Нюбергъ и Топеліусъ—отъ гельсингфорсскихъ дамъ и дѣвицъ.

Когда всѣ вѣнки были возложены, музыка заиграла торжественный маршъ, студенты и студентки дефилировали мимо памятника, преклоняя предъ нимъ свои знамена. Этимъ и закончился обрядъ открытія памятника.

Я. Г.

2.

Гельсингфорсъ 18 (30) апрѣля.

Вслѣдъ за торжественнымъ открытіемъ памятника въ Бозѣ почивающему Императору Александру II, во дворцѣ генералъ-губернатора генералъ-адъютанта графа Ѳ. Л. Гейдена состоялся парадный завтракъ, къ которому были приглашены высшіе чины края. Графъ Гейденъ за завтракомъ провозгласилъ тость за здоровье Государя Императора. Восторженные клики „ура!“ были отвѣтомъ на этомъ тостъ.

Къ 5 часамъ дня, въ роскошно убранномъ гербами, флагами и экзотическою зеленью Гвардейскомъ манежѣ собрались земскіе чины Сейма и народные представители, спеціально командированные изо всѣхъ населенныхъ мѣстъ края. При входѣ гостей встрѣчалъ г. Мехелинъ съ гласными городской думы, такъ какъ парадный банкетъ народнымъ представителямъ давалъ городъ. Обѣденные столы, роскошно сервированные, съ массой цвѣтовъ на нихъ, въ залитомъ электрическимъ свѣтомъ манежѣ, представляли великолѣпное зрѣлище. Всѣхъ кувертовъ было 1.250. Въ центрѣ главнаго стола помѣстился Мехелинъ, а по сторонамъ — сенаторы, генералы и другія высокостоящія лица.

За прочими столами размѣстились представители печати, торговли и промышленности, а также всѣ остальныя приглашенныя на банкетъ лица. Первый тостъ за здоровье Государя Императора провозгласилъ нюландскій губернаторъ, генералъ-майоръ Я. К. Палинъ. Оркестръ гвардейскаго баталіона исполнилъ русскій національный гимнъ *Боже, Царя храни*, который всѣ собравшіеся прослушали стоя и покрыли восторженными кликами *ура!*

Затѣмъ поднялся со своего предсѣдательскаго мѣста г. Мехелинъ. Онъ обратился къ собравшимся гостямъ съ привѣтствіемъ на финскомъ и на шведскомъ языкахъ отъ имени главнаго города Финляндіи. Затѣмъ онъ перешелъ къ значенію празднества, сдѣлавъ въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ характеристику въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II какъ человѣка, и, главнымъ образомъ, какъ благодѣтеля Финляндіи, даровавшаго Финскому народу высшее образованіе, а вмѣстѣ съ нимъ и полное развитіе страны въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ; свою полную ораторскихъ красотъ рѣчь, горячо произнесенную, г. Мехелинъ закончилъ словами:

„Живи Императоръ Александръ Второй, въ нашей чтущей и уважающей Тебя памяти!

„Процвѣтай наше дорогое отечество!“

Восторженные клики и финляндская пѣсня *Vårt land* (Наша страна) были отвѣтомъ на эту рѣчь. Послѣ г. Мехелина, говорили почти на ту же тему членъ Сейма г. Піести, отъ имени прибывшихъ на торжество крестьянъ, церковный старшина І. Бекъ, г. Рейнъ и бургомистръ Гельсингфорса. Во время обѣда, послѣ офиціальныхъ тостовъ, пили за здоровье автора памятника, Вальтера Рунеберга, и за здоровье ораторовъ.

Одновременно съ этимъ банкетомъ былъ устроенъ въ паркѣ Кайсаніеми народный праздникъ. При входѣ въ паркъ была устроена довольно красивая арка, съ гербами, флагами и гирляндами хвои. На площадкѣ была поставлена уб-

Digitized by Google

ранная зеленью трибуна для ораторовъ и рядомъ съ нею большая эстрада для музыки и обществъ хороваго пѣнія. Лицевой фронтонъ эстрады былъ красиво декорированъ гирляндами, цвѣтами и массой флаговъ, среди которыхъ рельефно выступали старинные финскіе музыкальные инструменты. Вся площадка была огорожена высокими флагштоками, на которыхъ развѣвались большіе флаги всѣхъ націй. На народный праздникъ собрались тысячи простаго народа въ характерныхъ праздничныхъ нарядахъ. Былъ чудный солнечный день, безъ малѣйшаго вѣтра, такъ что каждое слово сказанное съ трибуны и пропѣтое съ эстрады разносилось по всему парку.

Праздникъ начался концертомъ военнаго оркестра Тавастгусскаго финскаго стрѣлковаго баталіона. Затѣмъ на эстраду взошли воспитанники и воспитанницы народныхъ школъ и, образовавъ изъ себя соединенный хоръ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, спѣли, подъ аккомпаниментъ оркестра, псаломъ: *Богъ намъ защита.* Ихъ смѣнилъ многочисленный хоръ членовъ Рабочаго Союза, который, подъ управленіемъ г. Мериканто, спѣлъ на финскомъ языкѣ нѣкоторыя патріотическія пѣсни.

Послѣ пѣнія на ораторскую трибуну взошелъ г. Ельвингъ и сказалъ къ народу рѣчь о событіи дня, въ которой подробно разсказалъ всю исторію царствованія благодѣтеля Финскаго народа, Императора Александра II, какъ вообще, такъ и по отношенію къ Финляндіи въ особенности.

Народная масса прерывала оратора восторженными кликами.

Затѣмъ, соединенный хоръ пѣвческихъ народныхъ обществъ спѣлъ на финскомъ языкѣ пѣснь *Suomis sång*.

Послѣ этого магистръ Гельманъ обратился къ народу съ патріотическою рѣчью, тоже посвященною памяти въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

Рѣчь была также покрыта восторженными кликами, послѣ чего хоръ спѣлъ пѣсню *Vart land*.

Этимъ закончилась офиціальная сторона народнаго праздника, но хоры музыки и пѣніе еще долго звучали въ паркѣ.

Въ восьмомъ часу вечера всѣ студенты и студентки со своими профессорами во главѣ и съ корпоративными знаменами, въ большой процессіи, вышли изъ студенческаго общежитія и стройною массой направились къ окруженному со всѣхъ сторонъ народомъ, только что открытому памятнику на Сенатской площади. Придя на мѣсто, студенческія знамена склонились предъ памятникомъ, а хоры исполнили *Suomis sång* на финскомъ языкѣ и *Vårt land* на шведскомъ. Затѣмъ, подъ звуки извѣстнаго Бьернеборгскаго марша, студенты двинулись обратно по эспланадѣ въ домъ своего общежитія. За ними слѣдовала шумная и многочисленная толпа. Съ наступленіемъ сумерекъ весь городъ принялъ феерическій видъ. Не было въ домѣ окна, гдѣ бы не горѣло свѣчей. Повсюду мелькали транспаранты съ иниціалами Императора Александра II, бюсты покойнаго Императора въ роскошной зелени и цвѣтахъ, залитые свѣтомъ электрическихъ лампъ, газовые вензели и звѣзды. Подобной иллюминаціи не запомнятъ даже старожилы Гельсингфорса.

Эффектнѣе всѣхъ была иллюминована Сенатская площадь. Постаментъ памятника былъ иллюминованъ сотнями разноцвѣтныхъ электрическихъ лампъ. Статуя же Императора была залита снопами сильныхъ лучей электрическаго освѣщенія, наводимаго съ крыши стоящаго напротивъ зданія. Сенатъ и университетъ были не менѣе красиво иллюминованы газовыми вензелями и звѣздами и сотнями свѣчей горѣвшихъ въ окнахъ. На вершинѣ широкой лѣстницы ведущей къ собору Св. Николая на громадныхъ древнегреческихъ жертвенникахъ ярко пылала смола. По ярко освѣщеннымъ улицамъ до поздней ночи бродила парядно одѣтая толпа. Въ Брунспаркѣ, въ одиннадцатомъ часу вечера, былъ сожженъ большой фейерверкъ собравшій массу публики.

Въ десятомъ часу дня прибывшіе на торжество депутаты устроили въ залѣ гостиницы *Societets Houset* братскій ужинъ по подпискѣ, который, полный рѣчей и тостовъ, затянулся далеко за полночь.

Я. Г.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ МОНУМЕНТА

Императору Александру Второму

ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.

1.

Письмо изъ Гельсингфорса. *

Гельсингфорсъ, 15 мая.

Въ №№ 109 и 110 *Московскихъ Вѣдомостей* было напечатано, за подписью Я. Г., подробное описаніе состоявшагося 17 апрѣля здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, открытія памятника Императору Александру II. То же самое описаніе, судя по сходству въ выраженіяхъ принадлежащее тому же автору, помѣщено было и въ разныхъ петербургскихъ газетахъ (въ томъ числѣ и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*).

Въ описаніи этомъ встрѣчается, къ сожалѣнію, цѣлый рядъ фактическихъ неточностей. Такъ, напримѣръ, говорится что финляндскіе хоры при открытіи *пѣли* (можно думать—даже по русски) гимнъ *Боже, Царя храни* (между тѣмъ какъ гимнъ только сыгранъ былъ военнымъ оркестромъ, а пѣть его здѣсь особенно по-русски, „не принято", и никогда этого не бываетъ),—сообщается что „всѣ шведскія и финскія газеты вышли наканунѣ торжества съ портретами покойнаго Императора", что на торжество прибыло 35.000 человѣкъ изъ другихъ мѣстностей края и т. д.

Но, что̀ еще хуже, описанію придана такая окраска какая несомнѣнно могла быть желательна только здѣшнимъ „патріотамъ": всѣ политическія выходки во время открытія тщательно замалчиваются и изъ рѣчей приводятся только самыя „невинныя" и „лойяльныя" мѣста, а иногда содержаніе рѣчей излагается даже прямо невѣрно (напримѣръ, содержаніе рѣчи г. Л. Мехелина на банкетѣ въ Манежѣ).

Не трудно догадаться, какъ явились въ описаніи эти послѣдняго рода „неточности". Самъ г. Я. Г. тутъ, конеч-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 140, отъ 23 мая

Digitized by Google

но, не при чемъ. Не будучи близко знакомъ съ Финляндіей и не зная мѣстныхъ языковъ, онъ, очевидно, положился на свѣдѣнія сообщенныя ему Финляндцами, которые вообще очень любятъ ухаживать за пріѣзжими корреспондентами * и просвѣщать ихъ. Финляндскіе дѣльцы, по всей вѣроятности, и изобразили ему открытіе памятника въ такомъ видѣ въ какомъ желали показать его для русской публики. Это уже не первый примѣръ того какъ финляндскіе „патріоты“ умѣютъ пользоваться для своихъ цѣлей даже русскою печатью.

Въ виду этого, считаю не лишнимъ, хотя письмо мое и запоздало нѣсколько, сообщить читателямъ нѣкоторыя подробности о финляндскомъ торжествѣ 17 апрѣля, въ дополненіе къ письмамъ г. Я. Г.

Въ предыдущихъ моихъ письмахъ (см. №№ 104 и 107 *Московскихъ Вѣдомостей*), написанныхъ еще до открытія памятника, и въ передовой статьѣ въ № 108 *Московскихъ Вѣдомостей* указано было, на основаніи обнаружившихся уже тогда фактовъ и статей финляндскихъ газетъ, какой тенденціозный смыслъ придаютъ памятнику финляндскіе „патріоты“, причемъ высказано было предположеніе что та же тенденція проявится и при открытіи монумента.

Предположеніе это вполнѣ оправдалось на дѣлѣ; дѣйствительно, финляндскіе „патріоты“ употребляли всѣ усилія къ тому чтобы превратить это торжество въ праздникъ финляндской „государственности“, въ праздникъ „возрожденія въ Финляндіи конституціоннаго государственнаго устройства“. Во всѣхъ рѣчахъ произнесенныхъ на праздникѣ, во всѣхъ газетныхъ статьяхъ неизмѣнно звучитъ одна и та же нота — восхваленіе на разные лады преимуществъ „конституціоннаго государственнаго устройства“ для Финляндіи; изо всѣхъ событій царствованія Императора Александра II ораторами и публицистами выбирались, выставлялись въ яркомъ свѣтѣ и въ той окраскѣ которая согласуется съ пресловутымъ ученіемъ объ особомъ „финляндскомъ государствѣ“, почти исключительно только два—созваніе Финляндскаго Сейма въ 1863 году и изданіе Сеймоваго Устава (нѣкоторые, впрочемъ, прибавляли къ этому еще установленіе особой монеты и созданіе „финской арміи“); въ Бозѣ почившій Государь представлялся въ качествѣ „возстановителя государственнаго строя Финляндіи“ (см., напримѣръ, газету *Nya Pressen*, № 115).

Въ письмахъ Я. Г. былъ обстоятельно описанъ видъ Сенатской площади во время торжества. Добавлю только еще одну подробность: на устроенныя вокругъ памятника обширныя досчатыя настилки публика допускалась по билетамъ. Въ качествѣ распорядителей принимали публику и указывали мѣста студенты Гельсингфорсскаго университета во фракахъ, съ длинными бантами изъ бѣлыхъ и синихъ лентъ на груди. Эти же цвѣта, бѣлый и синій, какъ извѣстно, выдаваемые „патріотами“ за „финляндскіе національные цвѣта“, преобладали и на флагахъ украшавшихъ казенныя и частныя зданія города (за исключеніемъ, конечно, русскихъ казенныхъ зданій). Государственные трехцвѣтные флаги попадались, сравнительно, гораздо рѣже. Громадные красные флаги съ изображеніемъ желтою краской финляндскаго герба, повѣшенные на разставленныхъ по Сенатской площади высокихъ красныхъ столбахъ, декорированный флагами финляндскій гербъ на лѣстницѣ Сенатскаго дома—также ясно указывали на то что мы находимся въ предѣлахъ „Великаго Княжества Финляндскаго“. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ *великокняжескія* короны увѣнчивающія красивые фонари, которые окружаютъ памятникъ.

Шведскій и финскій переводъ Высочайшей рѣчи къ земскихъ чинамъ, прочитанной при открытіи графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ (и приведенной г. Я. Г. въ № 109 *Московскихъ Вѣдомостей*)

* По извѣстіямъ гельсингфорсскихъ газетъ на открытіи присутствовали изъ русскихъ корреспондентовъ трое: отъ *Петербургской Газеты*, отъ *Всемірной Иллюстраціи* и петербургской *Нѣмецкой Газеты*. Имъ отведены были особыя мѣста, вмѣстѣ съ финляндскими репортерами.

Digitized by Google

былъ заблаговременно отпечатанъ на отдѣльныхъ листкахъ и тутъ же (во время чтенія рѣчи) раздавался всѣмъ желающимъ ходившими по площади среди публики почталіонами. Русскаго же подлиннаго текста распорядители празднества, со свойственною финляндскимъ дѣльцамъ „внимательностью“ къ государственному языку, не заблагоразсудили помѣстить на этихъ листкахъ, хотя въ числѣ присутствовавшихъ при открытіи было не мало и Русскихъ.

Изъ произнесенной при открытіи рѣчи предводителя бюргерскаго сословія, г. Куртена, г. Я. Г. привелъ въ своемъ описаніи только начало, гдѣ говорится о происхожденіи памятника. Но гораздо любопытнѣе дальнѣйшая часть рѣчи, гдѣ г. Куртенъ изъяснялъ значеніе памятника. Онъ воздвигнутъ, по его своимъ, въ благодарность за возстановленіе „конституціи“ и въ особенности за рѣчь произнесенную при открытіи Сейма 1863 года. При этомъ г. Куртенъ нашелъ возможнымъ и умѣстнымъ сопоставить Финляндскій Сеймъ,—въ томъ значеніи, какое стараются придать ему сами нынѣшніе финляндскіе руководители, то-есть въ значеніи законодательнаго собранія ограничивающаго Верховную Власть,—съ нашими земскими учрежденіями! Наши земства въ устахъ финляндскаго оратора оказались чѣмъ-то въ родѣ парламентовъ.

„Онъ (императоръ Александръ II), который при обдумываніи и обсужденіи мѣръ для развитія и благосостоянія своего Русскаго народа пришелъ къ убѣжденію что эти цѣли вѣрно и прочно могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ содѣйствія самого народа монарху, Онъ, который, для того чтобъ оживить въ самомъ народѣ чувство и стремленіе къ общему благу, нашелъ нужнымъ постановить чтобы русскіе земскіе чины (ryska landständerna!?), посредствомъ выборныхъ окружныхъ и провинціальныхъ комитетовъ (?), имѣли право на участіе въ управленіи своими общественными дѣлами,—Онъ былъ также нашимъ Великимъ Княземъ. При его заботахъ о Финляндіи, отъ его яснаго взора не укрылось что Финскій народъ издавна (?) имѣлъ право на участіе въ законодательствѣ и въ устройствѣ своихъ внутреннихъ дѣлъ, и что лишь отъ Него зависѣло дать ему возможность для этого. Онъ нашелъ у этого народа хорошее основаніе, на которомъ можно было строить, и Онъ чувствовалъ себя счастливымъ что можетъ исполнить его ожиданія. Онъ воззвалъ поэтому къ новой жизни народное представительство въ Финляндіи. Онъ строилъ осуществленіе своихъ желаній для счастія и благосостоянія страны на твердомъ основаніи права и конституціи“.

Г. Л. Мехелинъ главную мысль своей рѣчи, произнесенной на банкетѣ въ манежѣ, выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Безцѣнно, поистинѣ, наслѣдіе полученное нами отъ эпохи Александра II, наслѣдіе, которое мы и наши потомки должны беречь и пріумножать. Наше общественное зданіе выросло въ силѣ и все болѣе украшается печатью высшей культуры. Тѣ права, которыя предоставляютъ намъ наши основные законы, укоренились (?) въ народномъ сознаніи, и въ этой крѣпкой твердынѣ не могутъ быть нарушены какими-либо нападками, подобно тому какъ скалы на нашихъ берегахъ не могутъ быть сокрушены морскими волнами.“

Говорившій вслѣдъ за г. Мехелинымъ на томъ же банкетѣ ректоръ Гельсингфорскаго университета г. Рейнъ сравнилъ въ своей рѣчи положеніе „основныхъ законовъ Финляндіи“, то-есть шведскихъ конституціонныхъ хартій 1772—1789 годовъ, ограничивающихъ Верховную Власть, за періодъ съ 1809 по 1863 годъ, съ положеніемъ сѣмянъ находимыхъ въ египетскихъ могилахъ вмѣстѣ съ мумиями:

„Нѣчто подобное,—говорилъ онъ,—произошло и съ основными законами Финляндіи послѣ 1809 года. Они лежали погребенными въ архивной пыли,—правда, не въ теченіе столѣтій, но все-таки настолько долго что многіе считали ихъ умершими, полагали что они лишь историческіе памятники, которые никогда болѣе не получатъ никакого практическаго значенія (какъ

Digitized by Google

извѣстно, до шестидесятыхъ годовъ многіе изъ Финляндцевъ считали совершенно вздорными мечты объ ограниченіи Русской Верховной Власти и о выдѣленіи Финляндіи въ особое отъ Россіи государство). Но они ошиблись Явился благородный князь, взялъ эти сѣмена, посѣялъ (?!) ихъ въ хорошую землю, и они выросли и принесли плоды, богатые плоды, на счастье нашему народу."

Г. Р. Эльвингъ (одинъ изъ членовъ Сейма), которому поручено было руководителями сказать рѣчь на народномъ праздникѣ устроенномъ въ день открытія памятника, въ паркѣ Кайсаніеми, началъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ:

„Когда Александръ II 2 марта 1855 года *вступилъ на соединенные троны Россіи и Финляндіи* (Rysslands och Finlands förenade troner), онъ былъ не чужимъ для нашего народа" и т. д.

К.

2.

Объясненіе редакціи по поводу письма.

Помѣщая ниже, въ отдѣлѣ „Внутреннихъ Извѣстій", письмо изъ Гельсингфорса „По поводу открытія монумента Императору Александру Второму въ Гельсингфорсѣ", * — считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній.

Авторъ помѣщаемаго ниже письма, г. К.,—давнишній, высоко цѣнимый нами сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей* и одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ людей по вопросамъ и фактамъ русско - финляндскихъ отношеній,— очень неодобрительно отнесся къ напечатаннымъ въ №№ 109 и 110 нашей газеты письмамъ одного изъ нашихъ петербургскихъ корреспондентовъ, пріѣзжавшаго въ Гельсингфорсъ только на торжество открытія вышеупомянутаго монумента и описывавшаго это событіе единственно со внѣшней его стороны. Въ существѣ, г. К. вполнѣ правъ въ этомъ своемъ неодобрительномъ отзывѣ объ означенныхъ двухъ летучихъ корреспонденціяхъ: имѣя несомнѣнное достоинство интереса текущаго дня, онѣ дѣйствительно носятъ на себѣ отпечатокъ малаго знакомства ихъ автора съ финляндскими дѣлами и тенденціями полагаемыми въ ихъ основу, при незнаніи, можетъ-быть, и мѣстныхъ языковъ. Эта недостаточность знакомства автора порицаемыхъ корреспонденцій съ финляндскими дѣлами вообще, конечно, не могла не отразиться на томъ, что онъ писалъ: онъ, конечно, долженъ былъ во многомъ полагаться на свѣдѣнія, которыя получалъ въ Гельсингфорсѣ отъ мѣстныхъ интеллигентовъ, вообще наклонныхъ придавать всему тенденціозную окраску желательную финляндскимъ „патріотамъ" и, при спѣшномъ изложеніи видѣннаго и слышаннаго, не имѣлъ возможности ни провѣрить и исправлять эти свѣдѣнія, ни подвергать видѣнное и слышанное имъ критической оцѣнкѣ. Но во всемъ прочемъ укоры г. К. не должны относиться къ автору порицаемыхъ корреспонденцій: во всей своей силѣ эти укоры, по всей справедливости, падаютъ прямо на насъ.

Укоры эти очень серіозны: они ставятъ на видъ замалчиваніе корреспондентомъ политическихъ выходокъ и такое сокращеніе имъ рѣчей, при которомъ приведены только „невинныя" и „лойяльныя" мѣста; такъ, напримѣръ, изъ рѣчи предводителя бюргерскаго сословія на Финляндскомъ Сеймѣ, г. Куртена, приведено только начало...

Все это такъ; но ничего подобнаго г. Я. Г. въ своихъ гельсингфорскихъ корреспонденціяхъ не дѣлалъ: онъ безъ замалчиваній воспроизвелъ въ нихъ цѣлый рядъ рѣчей цѣликомъ. Но намъ

* См. выше, стр. 112—115.

Digitized by Google

отнюдь не было желательно послужить органомъ всего этого тенденціозно-политическаго финляндскаго краснорѣчія, а потому мы и вычеркнули большую часть того, что говорилось, по случаю торжества, разными финляндскими патріотами.

Можно было бы, конечно, поступить иначе: привести рѣчи и сопроводить ихъ надлежащими комментаріями. Но, вопервыхъ, это слишкомъ растянуло бы и безъ того пространныя корреспонденціи, а главное, необходимые комментаріи были бы лишь повтореніемъ въ №№ 109 и 110 *Московскихъ Вѣдомостей* того, что уже было въ нихъ высказано какъ разъ наканунѣ—въ передовой статьѣ № 108 и въ гельсингфорсскихъ корреспонденціяхъ г. К. въ №№ 100 и 107 *Московскихъ Вѣдомостей*. **

** См. выше, стр. 98—105.

Digitized by Google

ГРАФИНЯ Е. Н. ГЕЙДЕНЪ.

1.

Письмо изъ Гельсингфорса. *

Гельсингфорсъ, 6 мая.

Сегодня, 6 мая, грустная вѣсть облетѣла русское общество города Гельсингфорса: въ Петербургѣ, около девяти часовъ утра, скончалась супруга финляндскаго генералъ - губернатора, статсъ-дама графиня Елизавета Николаевна Гейденъ. Бодрая, энергичная, всѣмъ доступная и всѣхъ ободрявшая, она только на Пасхѣ покинула Гельсингфорсъ, задушевно простившись на время съ русскимъ обществомъ.

Хотя здѣсь ея болѣзнь, — порокъ сердца и одышка,—была извѣстна многимъ, но никому не внушала серіозныхъ опасеній. Разрывъ сердца положилъ конецъ служенію ея русскому дѣлу въ Финляндіи, русскимъ благотворительнымъ и учебнымъ учрежденіямъ, русскому бѣдному люду, русскому обществу. Не такъ бросалась въ глаза эта ея дѣятельность въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, такъ какъ покойная умѣла творить добро безъ шуму и огласки, а между тѣмъ преждевременная ея кончина унесла ея надежды на лучшее будущее для русскаго населенія Финляндіи и ея широкіе планы къ духовно-нравственной поддержкѣ православія противъ наступающаго лютеранства и сектантства. Петербургъ безъ сомнѣнія оцѣнитъ по заслугамъ ея дѣятельность по основанію и развитію Георгіевской общины, нынѣ образцоваго лѣчебнаго учрежденія. Негласная же ея благотворительность уже неизгладимо начертана въ сердцахъ и памяти благотворимыхъ. Миръ праху твоему и вѣчная тебѣ память, добродѣтельная христіанка, съ добрымъ русскимъ сердцемъ.

В. И.

2.

Некрологъ. **

6 мая, какъ уже было сообщено, скоропостижно скончалась въ Петербургѣ, отъ разрыва сердца, 60 лѣтъ отъ роду, супруга финляндскаго генералъ-губернатора, графиня Елизавета Николаевна Гейденъ.

Даемъ нѣкоторыя подробности изъ ея дѣятельности въ Финляндіи. Покой-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 127, отъ 10 мая.

** *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 128, отъ 11 мая.

Digitized by Google

ная (урожденная графиня Зубова) извѣстна была широкою благотворительною дѣятельностью какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Финляндіи. Въ Петербургѣ она завѣдывала Георгіевскою общиной сестеръ милосердія. Въ Финляндіи покойная оставила по себѣ добрую память въ особенности среди русскаго населенія края. Она принимала горячее участіе во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, касавшихся русской благотворительности и русскаго просвѣщенія въ Финляндіи, и состояла предсѣдательницей Русскаго Благотворительнаго Общества и состоящаго при немъ Дамскаго Кружка. Находящійся въ вѣдѣніи этого Кружка дѣтскій пріютъ въ Гельсингфорсѣ былъ въ особенности предметомъ ея постоянныхъ попеченій. Она много сдѣлала также для развитія русскаго просвѣщенія въ краѣ. Русская женская гимназія въ Выборгѣ была, можно сказать, прямо ея созданіемъ.

Женщина весьма умная и образованная, истинно-русская и православная по своимъ убѣжденіямъ, графиня Е. Н. Гейденъ глубоко сознавала всю важность и необходимость подъема православно-русскаго дѣла въ Финляндіи, находившагося еще до весьма недавняго времени въ загонѣ и безъ надлежащей матеріальной и нравственной поддержки. Крайняя скудость матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для успѣха этого дѣла, въ особенности занимала ее, и она дѣятельно заботилась о привлеченіи пожертвованій какъ внутри края, такъ и изъ коренной Россіи. Поддержка, которую начали оказывать въ этомъ отношеніи Москвичи съ прошлаго года (благодаря участію генерала М. В. Духонина и статьямъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*), глубоко радовала покойную, и она возлагала большія надежды на эту поддержку. Всякое новое предпріятіе на пользу православно-русскаго дѣла въ краѣ, будь то основаніе новой русской школы, или православной церкви, встрѣчали съ ея стороны теплое участіе и гдѣ нужно и возможно было, она дѣятельно оказывала помощь своимъ вліяніемъ и ходатайствомъ предъ властями.

Приведемъ въ заключеніе отрывокъ изъ сообщенія о смерти графини Е. Н. Гейденъ, напечатаннаго въ гельсингфорсской газетѣ. ***Hufvudstadsbladet*** (№ 132). Если принять во вниманіе то, какъ относятся финляндскіе „патріоты“ къ православно-русскому дѣлу въ краѣ, то отзывъ финляндской газеты въ глазахъ русскаго человѣка является лучшею похвалой дѣятельности покойной.

„Внѣ русскаго общества въ Гельсингфорсѣ, — говоритъ *Hufvudstadsbladet*,—въ которомъ графиня Гейденъ стояла во главѣ разныхъ отраслей благотворительности, она была мало извѣстна въ Финляндіи и проживала, особенно въ послѣднее время, большею частью въ Петербургѣ. Однако же и въ финляндскихъ кружкахъ хорошо было извѣстно о покойной, что она *была горячо предана греко-православной церкви и господствующему въ Россіи панславистскому движенію* (panslavistiskraörelsen), и будучи энергичною по натурѣ старалась дѣйствовать въ пользу той и другаго.“

Гельсингфорсская газета забываетъ только прибавить, что и мѣстныя шведско-финскія благотворительныя учрежденія всегда живо интересовали покойную, и она, въ чемъ могла, оказывала и имъ свое содѣйствіе.

ФИНЛЯНДСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Digitized by Google

СТРАНИЦА ИЗЪ „ГОСУДАРСТВЕННАГО“ ПРАВА ФИНЛЯНДІИ.*

1.

„Капля выдалбливаетъ камень не силой, а частымъ паденіемъ.“ Это присловье особенно твердо усвоили себѣ финляндскіе ученые и публицисты нашихъ дней, озабоченные распространеніемъ своего ученія о новомъ европейскомъ „государствѣ“,—Финляндіи,—состоящемъ въ уніи съ Россіей. Рвеніе Финляндцевъ въ этомъ отношеніи изумительное. Не успѣли мы оглядѣться послѣ тѣхъ „конфетти“ коими осыпали насъ Л. Мехелинъ, Р. Даніельсонъ и др., какъ ихъ смѣнилъ Робертъ Германсонъ, профессоръ Александровскаго университета. Не успѣла высохнуть типографская краска на страницахъ его перваго сочиненія *Государственно-правовое положеніе Финляндіи*, какъ онъ уже выпустилъ свои *Возраженія* по тому же вопросу.

Что побуждаетъ господъ Финляндцевъ такъ ретиво относиться къ этому вопросу? Много различныхъ обстоятельствъ. Тутъ играетъ роль прежде всего то что „нѣтъ ничего отраднѣе для патріотическаго чувства какъ начало организаціи Финляндіи, въ качествѣ особаго государства“, по заявленію мѣстнаго историка и сенатора Ирье-Коскинена. Затѣмъ, тутъ имѣетъ значеніе и то что новое ученіе еще мало укрѣпило свои корни въ родной скалистой почвѣ и плохо прививается въ сосѣдней Русской землѣ. Кромѣ того, у Финляндцевъ, какъ бѣльмо на глазу, торчитъ русская „агрессивная“ партія, не признающая Финляндіи за особое царство, а между тѣмъ, по заявленію Л. Мехелина,—въ русскихъ правительственныхъ мѣрахъ замѣчается нѣкоторый „рефлексъ“ программы этой партіи, которую нельзя де пронять доводами и не удается унять репрессивными мѣрами.

Остается одно: капля за каплей въ одно и то же мѣсто пробивать камень... Средство вѣрное, испытанное: И вотъ финляндскіе сенаторы, юристы, публи-

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 119, отъ 2 мая, и № 120, отъ 3 мая.

Digitized by Google

цисты, ученые — въ трактатахъ и брошюрахъ, въ отдѣльныхъ сборникахъ и передовыхъ статьяхъ, въ университетскихъ аудиторіяхъ и на публичныхъ чтеніяхъ, въ рѣчахъ и стихахъ, въ Сенатѣ и на Сеймѣ, на шведскомъ, финскомъ, русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, твердятъ о своемъ политическомъ отношеніи къ Россіи и о значеніи дарованныхъ имъ правъ. Русскіе возражали, и такимъ образомъ завязалась словесная борьба за Финляндское государство. Полемика оказалась очень плодотворною: она обнаружила очень многое лежавшее подъ спудомъ съ момента завоеванія Финляндіи, она „открыла“ нашу сѣверозападную окраину и повела къ нѣкоторымъ реформамъ, весьма желательнымъ для охраненія русскихъ государственныхъ интересовъ и достоинства Имперіи.

Какъ водится, эта словесная война за Финляндское государство началась вылазками отдѣльныхъ партизановъ съ той и другой стороны, и только съ 1885 года стали появляться болѣе сплоченныя и организованныя части, подъ которыми мы разумѣемъ коммиссіи бывшія подъ предсѣдательствомъ прокурора Финляндскаго Сената А. фонъ Вейсенберга, финляндскаго генералъ-губернатора графа Ѳ. Л. Гейдена (1890 года) и учрежденную въ 1893 году подъ предсѣдательствомъ помощника государственнаго секретаря, тайнаго совѣтника Н. А. Неклюдова. Разновременно обѣими сторонами подготовлялись проекты основныхъ законовъ Финляндіи, но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ еще не принятъ окончательно, то, очевидно, начатая кампанія далеко еще не окончена. Послѣ субкоммиссіи Н. А. Неклюдова, предстоитъ еще высказаться по сему вопросу особому совѣщанію учрежденному подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. Х. Бунге.

Въ виду такого неопредѣленнаго положенія „Финляндскаго вопроса“ неизлишне будетъ, полагаемъ, сгруппировать въ одномъ очеркѣ нѣсколько замѣчаній по наиболѣе существеннымъ его сторонамъ.

Прежде всего укажемъ на тѣ стадіи, которыя прошло въ своемъ развитіи ученіе о новомъ „государствѣ“ въ трудахъ финляндскихъ ученыхъ и публицистовъ; это указаніе заслуживаетъ вниманія по тому что сразу раскрываетъ пѣлый рядъ недостатковъ домороценной финляндской теоріи какъ съ исторической, такъ и съ юридической точекъ зрѣнія и, кромѣ того, свидѣтельствуетъ о томъ что, при поразительномъ усердіи представителей финляндской учености, они сами до сихъ поръ не спѣлись по важнѣйшимъ вопросамъ созидаемаго ими „финляндскаго государственнаго права.“

Итакъ, спрашиваемъ: государство ли Финляндія или нѣтъ? На этотъ вопросъ Финляндцы весьма дружно отвѣчаютъ: несомнѣнно, государство! Изрѣдка только среди ихъ раздавались голоса: „Финляндія—провинція“, „Финляндія — штатъ или особоправство“, какъ заявляли, напримѣръ, Лундаль и Головинъ.

Если Финляндія государство, то естественно спросить, какимъ образомъ онъ создалось и въ какомъ отношеніи находится оно къ Россійской Имперіи? Въ отвѣтахъ на эти вопросы мы уже не встрѣчаемъ среди Финляндцевъ прежняго согласія и единомыслія. А уже одно это обстоятельство сильно подрываетъ въ нашихъ глазахъ вѣру въ ихъ теорію и изобличаетъ ея шаткость. Интересно, поэтому, свести финляндскихъ ученыхъ на очную ставку и „протоколировать“ ихъ разсужденія.

Какъ извѣстно, застрѣльщикомъ со стороны финляндскихъ „государственниковъ“ явился Шведъ Израиль Вассеръ, бывшій профессоромъ медицины въ Абоскомъ университетѣ. Въ брошюрѣ, изданной имъ въ Швеціи въ 1838 году, онъ слѣдующимъ наивнымъ способомъ объяснилъ возникновеніе Финляндскаго государства.

„Прежде чѣмъ Швеція, черезъ Фридрихсгамскій миръ, отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ на Финляндію въ пользу Россіи, она сама освободилась отъ своихъ прежнихъ отношеній и, на сеймѣ въ Борго, черезъ свои сословія, заключила „„сепаративный миръ““ (Separatfred) съ Русскимъ императоромъ. Благодаря этому миру, Финлян-

Digitized by Google

дія не только перестала быть шведскою провинціей, но перешла въ состояніе *особаго государства*, которое, *имѣя* свое представительное государственное учрежденіе, особую форму правленія, свои законы, получило возможность свободно и хорошо направлять свои дѣла на общую свою пользу. Это признаніе финляндской національной самостоятельности подтверждено со стороны Швеціи Фридрихсгамскимъ мирнымъ договоромъ" *

Ученіе Вассера не умерло вмѣстѣ съ нимъ; напротивъ, принятое сочувственно многими Финляндцами, оно въ послѣдствіи не разъ комментировалось и дополнялось. Его, въ числѣ прочихъ, усердно распространялъ бойкій, молодой историкъ Робертъ Кастренъ; но особенно по душѣ пришлись мысли Вассера *о договорѣ* между Россіей и Финляндіей одному высокому представителю Финляндскаго правительства, скромно укрывшемуся за иниціалами Е. Е., а также поэту и профессору Зах. Топеліусу. Въ составленной г. Е. Е. статьѣ *Россія и Финляндія* ** онъ писалъ:

„На этомъ (Боргоскомъ) сеймѣ какъ бы былъ заключенъ окончательный *миръ*, закрѣпленный *договоромъ* между императоромъ Александромъ I, подтвердившимъ и „„примѣнившимъ себя къ вѣкамъ сложившемуся въ странѣ порядку"", и законно выбранными представителями Финскаго народа „„свободно и непринужденно присягнувшими"", отъ своего имени и отъ имени Финскаго народа, на вѣроподданство императору. Этотъ договоръ, конечно, не представляетъ собою юридически - формулованнаго трактата между двумя самостоятельными государствами, но, съ другой стороны, нельзя также отрицать юридическаго (?) значенія этого (какого?) *документальнаго* подтвержденія конституціи, равно какъ и нравственно обязательной силы *самаго* „„акта соединенія"". Такимъ образомъ, заключенный на Боргоскомъ сеймѣ „договоръ", не имѣя значенія международнаго трактата, все-таки долженъ быть разсматриваемъ какъ добровольное, съ цѣлью умиротворенія и возможно лучшаго устроенія Финскаго народа, *соглашеніе* между императоромъ и народомъ, выразившееся именно, со стороны императора — въ подтвержденіи конституціи края и признаніи основаннаго на ней обособленнаго государственнаго положенія Финляндіи, а со стороны Финскаго народа — въ *добровольномъ* вступленіи въ подданство Россійскаго Императора." Далѣе (на 681 стр.) тотъ же авторъ утверждаетъ что созданіе изъ Финляндіи государства „было дѣломъ взаимнаго (?) соглашенія между императоромъ и представителями Финскаго народа на Боргоскомъ сеймѣ."

Зах. Топеліусъ по разсматриваемому вопросу высказался такъ: * въ Борго императоръ Александръ I „государственнымъ актомъ, имѣющимъ характеръ договора заключеннаго между двумя *равноправными сторонами*, утвердилъ за ней (Финляндіей) сохраненіе ея конституціи.

„На этомъ *договорѣ* основывается ея государственное положеніе."

Эти же Вассеровскія мысли сквозятъ во многихъ мѣстахъ сочиненій Р. Даніельсона *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой* (1890 г.) и *Внутренняя самостоятельность Финляндіи* (1892 г.).

Вслѣдъ за Вассеромъ по вопросу о политическомъ положеніи Финляндіи волей-неволей пришлось высказаться профессорамъ Александровскаго университета, занимавшимъ каѳедры государственнаго и международнаго права. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ, послѣ Калоніуса, Яковъ Нордстрёмъ; онъ (въ 1842 г.) признавалъ Финляндію за государство „подчиненное верховенству Россіи ex unione civitatum". Самое соединеніе Финляндіи съ Россіей онъ опредѣлялъ такъ: „сперва инкорпорація, затѣмъ реальная унія." **

---

* *Русскій Архивъ* 1890, т. II, стр: 299.

** *Русская Старина* 1888, январь и февраль, стр. 134 и др.

* *Путешествіе по Финляндіи*, 1875 г., стр. 24 и 57.

** См. у Германсона *Государственно-право-*

Digitized by Google

Въ 1857 году, послѣ Нордстрема, каѳедру государственнаго права занялъ I. В. Росенборгъ. Онъ находилъ что „Финляндія и Россія состоятъ отнюдь не только въ личной уніи, но что существуетъ дѣйствительное реальное соединеніе". „Я, говоритъ онъ — формулирую соединеніе Россіи съ Финляндіей слѣдующимъ образомъ: Великое Княжество Финляндское составляетъ часть Россійскаго государства и неразрывно соединено съ Россійскою Имперіей, но управляется по собственнымъ основнымъ законамъ Финляндіи... Россійскій Императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь Финляндскій и, вступая на престолъ Имперіи, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ и престолъ Великаго Княжества". *

Къ этимъ выпискамъ, сдѣланнымъ г. Германсономъ изъ университетскихъ рукописныхъ лекцій Росенборга прибавимъ нѣсколько строкъ и замѣчаній, заимствуя ихъ изъ публичныхъ лекцій Росенборга изданныхъ имъ въ 1863 году, подъ общимъ заглавіемъ *О государственномъ сеймѣ*. ** Собраніе представителей сословій (въ Финляндіи), говоритъ Росенборгъ, всегда называется „риксдагомъ", а не „ландтагомъ" (сеймомъ), на томъ основаніи что „наши (финляндскіе) основные законы не знаютъ другихъ собраній государственныхъ сословій, кромѣ „риксдага", а посему это названіе должно быть де сохранено, пока оно не будетъ обмѣнено на другое въ законахъ указаннымъ путемъ. Окончивъ изложеніе правъ сословныхъ представителей, резюмируя сказанное и сопоставляя ихъ вообще съ правами предоставленными народнымъ представителямъ (западныхъ государствъ) и составляющими характерную особенность конституціоннаго образа правленія, В. Росенборгъ находитъ что права представителей финляндскихъ сословій далеко *не таковы какими они должны быть дабы возможно было поставить Финляндію на ряду съ конституціонными государствами.* Ни право самообложенія налогами, ни право законодательства не отвѣчаетъ симъ требованіямъ; а главное, — чего цѣликомъ не достаетъ, — это гарантіи того что̀ имѣется (294 стр.). Далѣе тотъ же авторъ доказываетъ что *такъ-называемые основные законы Финляндіи „темны и двусмысленны въ своихъ выраженіяхъ* и *отчасти не заключаютъ въ себѣ того что въ нихъ ищутъ; права сословій также двусмысленны* и могутъ подать поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, и, наконецъ, не опредѣлены границы между сеймомъ и верховною властію (предисловіе и 294 стр.).

Послѣ Росенборга, въ 1874 году каѳедра досталась Л. Мехелину. Извѣстно что въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ втораго сейма, Финляндцы проявили кипучую дѣятельность по расширенію своихъ конституціонныхъ правъ, и такъ какъ систематическаго изложенія „государственнаго" устройства Финляндіи все еще не существовало, то этой потребности взялся удовлетворить Мехелинъ. „Вѣрныя свѣдѣнія" по сему вопросу нужно было дать прежде всего людямъ не знающимъ мѣстныхъ языковъ. И вотъ, чтобы возбудить сочувствіе Запада къ основамъ финляндскаго самоуправленія, Мехелинъ въ 1886 году пишетъ на французскомъ языкѣ *Précis du droit publie du grand duché de Finlande*, а затѣмъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ изданіи Маркварда „*Handbuch des Oeffentlichen Rechts*" за 1889 годъ, помѣщаетъ свое описаніе Финляндскаго государственнаго права. „Русская же публика, которая имѣла законное право ближе интересоваться дѣлами Финляндіи нежели Западная Европа", по обыкновенію, была игнорирована. (Кстати добавимъ что узаконенія Финляндіи до сихъ поръ въ Россіи вовсе офиціально не объявляются.) Ознакомить русскаго читателя съ работами Мехелина взялся (въ 1888 году) К. Ф. Ординъ и, благодаря ему, мы теперь имѣемъ обращики тѣхъ „вѣрныхъ свѣдѣній" которыя такъ усердно распространялись на Западѣ финляндскими учеными.

вое полож. Финл., вып. II, стр. 163 и соч. Даніельсона *Внутрен. самост. Финл.*, стр. 5.

* Германсонъ, вып. II, стр. 163.

** *Om. Riksdagar*, Wilhelm Rosenborg H-fors. 1863.

Digitized by Google

2.

Въ соединеніи Финляндіи съ Россіей Л. Мехелинъ видитъ *реальную унію*. Этотъ взглядъ его на положеніе Финляндіи опредѣленно высказанъ имъ въ сочиненіи *Das Staatsrecht des Grossfürst. Finland* * и косвенно явствуетъ изъ всѣхъ его предыдущихъ и послѣдующихъ работъ по тому же вопросу. Отвѣчая, напримѣръ, г. Ордину въ *Вѣстникѣ Европы* **, онъ заканчиваетъ свою статью словами не оставляющими никакого сомнѣнія относительно исходнаго пункта его теоріи: „За разъясненіями о положеніи Финляндіи они (г. Ординъ и др.) могли бы обратиться... къ г. Чичерину, который... развиваетъ мысль, что Финляндія не входитъ въ составъ Россіи, не инкорпорирована въ Россію, а лишь, какъ отдѣльное государство, соединена съ Россіей подъ однимъ скипетромъ, и что это соединеніе, подобно соединенію Норвегіи съ Швеціей, соотвѣтствуетъ понятію реальнаго союза". Кромѣ того, Мехелинъ толкуетъ объ юридическомъ единствѣ Особы Монарха обоихъ государствъ (то-есть Россіи и Финляндіи), объ „актѣ соединенія", о соединеніи трона Великаго Княжества съ тономъ Имперіи и т. п.; наконецъ, въ изданномъ имъ въ 1893 году сборникѣ *Финляндія XIX стольтія* онъ писалъ: Подчиненная Монарху Россіи, Финляндія не является особымъ субъектомъ международнаго права, но во внутреннемъ управленіи пользуется своими законами, своею конституціей.

Къ сѣменамъ ученія о реальной уніи, брошеннымъ названными профессорами, финляндская почва оказалась наиболѣе воспріимчивою. Этому ученію особенно посчастливилось въ Финляндіи, и ему принадлежитъ наибольшее число послѣдователей; его проповѣдуютъ ученые, его восприняли публицисты, въ него увѣровало общество, и на немъ главнымъ образомъ возвели свои укрѣпленія финляндскіе „обособленники".

За реальную унію подалъ свой голосъ Эдвардъ Б е р г ъ въ книжкѣ *Finlands statsrättsliga utveckling efter 1808*, изданной въ 1889 году *(Развитіе государственнаго права Финляндіи послѣ 1808 года)*. Сочиненіе свое Бергъ предназначилъ преимущественно для учащейся молодежи, но почему-то не счелъ нужнымъ обосновать свой взглядъ теоретически, находя, вѣроятно, что для учениковъ достаточно будетъ его авторитета, основаннаго на томъ, что ранѣе были имъ изданы два тома сокращенныхъ выписокъ изъ сеймовыхъ протоколовъ (*Наше управленіе и наши сеймы*).

Говоря о реальной уніи, якобы существующей между Россіей и Финляндіей, необходимо упомянуть, для полноты перечня, о маленькой брошюрѣ Г. І. С у в а н д е р а, вовсе неизвѣстной большинству Русскихъ писавшихъ о Финляндіи. Она появилась на свѣтъ Божій при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Въ 1876 году „Финское Литературное Общество",—вѣроятно сознавая что настало время публично санкціонировать и возможно широко распространить выработанную мѣстными учеными формулу политическаго положенія Финляндіи и вообще свѣдѣнія изъ финляндскаго государственнаго права,—объявило на эту тему конкурсъ. Коммиссія, состоявшая изъ Рейна, Гротенфельта и Л. Мехелина, присудила премію названному Сувандеру за его краткое изложеніе свѣдѣній изъ области государственнаго права Финляндіи. О направленіи, въ которомъ составлена брошюрка Сувандера, распространяться, конечно, не приходится, коль скоро намъ извѣстно что крестнымъ отцомъ ея былъ Л. Мехелинъ. „На сеймѣ въ Борго",—пишетъ Сувандеръ,—„положеніе Финляндіи было устроено такъ что она стала особымъ государствомъ, неразрывно соединеннымъ съ Россіей, правитель которой сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Великимъ Княземъ Финляндскимъ." Изъ этихъ словъ уже видно что Сувандеръ—эхо Мехелина.

Несмотря на перечисленныя ученыя и популярныя изданія посвященныя

* См. стр. 247, 249, 340.

** Мартъ, 1888 года, стр. 389—390.

Digitized by Google

разъясненію вопроса о политическомъ положеніи Финляндіи, вопросъ этотъ для многихъ Финляндцевъ остается еще окутаннымъ большимъ туманомъ, и, бродя среди него ощупью и спотыкаясь, они только для вида пробуютъ увѣрить окружающихъ, что имъ все ясно какъ Божій день, и что ихъ не тяготятъ сомнѣнія. Иначе какъ объяснить то обстоятельство, что по столь существенному вопросу, какимъ является вопросъ о характерѣ соединенія Финляндіи съ Россіей, они отдѣлываются или полнымъ молчаніемъ, или неопредѣленными выраженіями. Для примѣра укажемъ на Ирье-Коскинена и Игнатіуса. Ирье-Коскиненъ послѣднюю главу своей *Исторіи Финляндіи* озаглавилъ такъ: „Финляндія, какъ государство, въ соединеніи * съ Россіей“. Онъ же, между прочимъ утверждаетъ (на 599 стр.) что на сеймѣ въ Борго Финскій народъ на свой рискъ заключилъ договоръ съ Русскимъ Государемъ. Разбирая *Покореніе Финляндіи* К. Ф. Ордина, тотъ же писатель въ финской газетѣ *Uusi Suometar* написалъ: „Если рѣчь идетъ только объ одномъ названіи, то можно считать безразличнымъ, употребляется ли слово „état“ или нѣтъ; но это фактъ что оно всегда употребляется въ тѣхъ актахъ, которыми утверждено было *административное* положеніе Финляндіи.“ Несмотря на это, Коскиненъ твердо держится одного положенія что Финляндія—государство. Г. К. Игнатіуса вполнѣ удовлетворяетъ слѣдующее опредѣленіе, которое онъ дословно повторяетъ во всѣхъ своихъ статистическихъ очеркахъ о Финляндіи (изд. 1876 года, на 28 стр., изд. 1882 года, на 50 стр.): „Вел. Кн. Финляндское соединено съ Россійскою Имперіей *такъ* что Императоръ Всероссійскій всегда есть Великій Князь Финляндскій; по отношенію къ внутреннему управленію и судоустройству, Финляндія составляетъ особое государство.“ Неясная формуловка вопроса, очевидно, является прямымъ слѣдствіемъ неопредѣленности воззрѣній названныхъ авторовъ. По нѣкоторымъ ихъ выраженіямъ можно догадываться что они придерживаются ученія о реальной уніи, но настаивать на этомъ мы лишены возможности.

Чтобъ еще нагляднѣе видѣть какая путаница царитъ среди Финляндцевъ по вопросу о характерѣ соединенія Финляндіи съ Россіей, возьмемъ Рихарда Даніельсона. Первую свою книгу онъ назвалъ: *Соединеніе * Финляндіи съ Россійскою державой;* за словомъ „соединеніе“ онъ ловко укрылся. Слово это давало возможность предполагать что Даніельсонъ, какъ большинство Финляндцевъ, стоитъ за унію. Но вотъ появилась его вторая книга *Внутренняя самостоятельность Финляндіи*, гдѣ онъ самъ держитъ такую рѣчь: „Не дѣло историка представлять полную теорію о томъ какъ слѣдуетъ опредѣлить отношенія Финляндіи къ Россіи, коль скоро принятое въ наукѣ значеніе *уніи не вполнѣ соотвѣтствуетъ* этимъ отношеніямъ. Всестороннее разъясненіе этого важнаго и во многихъ отношеніяхъ труднаго вопроса является, по преимуществу, задачей нашихъ юристовъ. Однако, не лишне будетъ привести здѣсь нѣкоторыя указанія относительно того какъ я понимаю дѣло.“ Далѣе мы изъ признанія Даніельсона узнаемъ, что на путь истинный, по уразумѣнію вопроса объ отношеніи Финляндіи къ Россіи, его наставили профессора Лабандъ и Р. Германсонъ. Въ настоящее время взглядъ Даніельсона сводится къ тому что „Имперія и Великое Княжество вмѣстѣ составляютъ *соединенное государство* или, точнѣе, державу, суверенная власть которой принадлежитъ исключительно Имперіи“, но, однако, суверенное государство не можетъ произвольно ограничивать или отмѣнять права несувереннаго государства (12—15 стр.) Для большей ясности остается добавить, что Даніельсонъ находитъ „рискованнымъ“ называть соеди-

---

* Förening—со шведскаго означаетъ: соединеніе, сочетаніе, союзъ, связь (но не то, что мы понимаемъ подъ выраженіемъ реальная унія).

* Förening.

Digitized by Google

неніе Финляндіи съ Россіей реальною уніей, въ виду того что верховенство Россіи надъ Финляндіей въ области международной политики не подлежитъ сомнѣнію (10 стр.).

Все это очень поучительно! Даніельсона прославили и превознесли въ Финляндіи за то, что онъ опровергъ (?) К. Ф. Ордина, за то что онъ возражалъ Ѳ. П. Еленеву, схватывался съ гг. Коркуновымъ и Таганцевымъ и пожурилъ г. Б. Л. (то есть Ленскаго); а всѣ названные русскіе писатели главнымъ образомъ только и занимались тѣмъ что старались выяснить надлежащее отношеніе Финляндіи къ Россіи и правильно подвести его подъ одну изъ принятыхъ въ наукѣ международнаго права категорій отношеній между странами и государствами. Даніельсонъ возражалъ имъ, отстаивалъ извѣстную самостоятельность Финляндіи, писалъ трактаты по поводу мнѣній своихъ противниковъ, укорялъ другихъ въ неправильныхъ воззрѣніяхъ на политическое положеніе Финляндіи, – и въ то же время самъ не уяснилъ себѣ исходнаго пункта, перваго вопроса о томъ—подъ какую изъ категорій существующихъ политическихъ комбинацій между государствами слѣдуетъ подвести взаимныя отношенія Финляндіи и Россіи, то есть, подъ личную ли, или реальную унію, подъ союзъ ли свободныхъ государствъ, федерацію, соединенное государство ,и т. п.? Въ свое оправданіе г. Даніельсонъ говоритъ что построеніе полной теоріи сихъ отношеній не дѣло историка; это справедливо, но историку надлежитъ знать ихъ и признавать какія-нибудь изъ нихъ, а не выходить, подобно Васькѣ Буслаевичу, и рубить безъ разбора направо и налѣво...

Итакъ, отъ г. Даніельсона мы узнаемъ что Россія и Финляндія вмѣстѣ составляютъ соединенное государство, причемъ первая является суверенным, а вторая несуверенным государствомъ. Онъ же утверждаетъ что теорія соединеннаго государства ранѣе другихъ въ Финляндіи проповѣдывалась И. В. Снельманомъ.

Въ излагаемой нами краткой исторіи развитія финляндскихъ политическихъ ученій было бы несправедливо обойти маленькій трудъ Б. Лундаля, извѣстный подъ названіемъ *Обзоръ основныхъ законовъ* Великаго Княжества Финляндскаго и изданный въ Гельсингфорсѣ въ 1857 году. Бирьеръ Лундалъ состоялъ переводчикомъ Императорскаго Финляндскаго Сената, а самъ онъ былъ юристъ и камералистъ. На 9 страницѣ его книжки читаемъ:

„Со времени присоединенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Россійской Имперіи и объявленія его въ 1808 году *особою провинціей,* Императоръ Всероссійскій, въ силу основныхъ законовъ Финляндіи, подтвержденныхъ государемъ Александромъ Павловичемъ въ означенномъ году, и въ послѣдствіи подвергшихся нѣкоторымъ измѣненіямъ, носитъ титулъ Великаго Князя Финляндіи и есть ея Монархъ. Когда Его Величеству благоугодно знать *мнѣнія* жителей Финляндіи о вопросахъ общественныхъ, то отъ государственныхъ сословій созываются депутаты для совѣщанія на сеймѣ... Впрочемъ, Государь Императоръ, какъ правитель края, можетъ и безъ созыванія сеймовыхъ чиновъ издавать новыя постановленія; ибо въ дѣлахъ хозяйственныхъ, административныхъ и по части общественнаго благоустройства, постоянныя измѣненія составляютъ необходимую потребность времени и обстоятельствъ (12 стр.).“

Появленіе въ Финляндіи книжки Б. Лундаля, съ такими простыми и трезвыми взглядами, можно объяснить лишь тѣмъ, что до втораго сейма (1863 года) либеральная волна не успѣла еще захлестнуть въ своемъ движеніи сей окраины, и что тогда таились еще далеко подъ спудомъ затѣи обособленниковъ. Нѣтъ сомнѣнія что въ настоящее время „ересь“ Лундаля была бы встрѣчена криками и свистками,—если не проклятьемъ и аутодафе,—финляндскихъ сепаратистовъ, ряды которыхъ теперь значительно сомкнулись, и на общемъ знамени коихъ всѣми буквами начертано „Финляндія—государство“, а не провинція.

Изъ сказаннаго о сплоченности сепаратистовъ не слѣдуетъ, однако дѣлать преувеличенныя заключенія. Они пока сошлись только, болѣе или менѣе,

Digitized by Google

во взглядахъ на Финляндію какъ на государство, но по вопросу о теоретическомъ опредѣленіи Финляндіи съ Россіей бредутъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Есть и такіе среди нихъ, которые оставляютъ это соединеніе безо всякаго теоретическаго опредѣленія, ограничиваясь лишь голою ссылкой на 4-ю ст. основныхъ законовъ въ Св. Зак„ какъ сознался въ этомъ прокуроръ Финляндскаго сената А. фонъ Вейсенбергъ въ письмѣ къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей* (1889, № 203). Къ числу сихъ отмалчивающихся надо причислить, между прочимъ, послѣдняго историка Финляндіи, М. Г. Ш ю б е р г с о н а, который, издавая свой трудъ въ самый разгаръ словесной войны за Финляндское государство (1887—1889), обошелъ молчаніемъ разсматриваемый нами вопросъ о политическомъ соединеніи Финляндіи съ Россіей.

Оставляемъ отмалчивающихся, такъ какъ въ общій перечень они войти не могутъ. Точно также приходится отнестись и къ проекту „Формы правленія", выработанному коммиссіей Финляндцевъ подъ предсѣдательствомъ А. фонъ Вейснеберга. Проектъ этотъ заключаетъ въ себѣ много перловъ финляндскаго государственнаго мудрствованія, кои особенно ярко блещутъ въ §§ 22, 36, 43. 47 и др.; но такъ какъ сей проектъ „отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть", то и мы не будемъ тревожить его мирнаго сна на архивной полкѣ.

Займемся лучше воззрѣніями, пущенными во всеобщее обращеніе. Въ ряду ихъ заслуживаютъ вниманія воззрѣнія автора *Листковъ изъ прошлаго и настоящаго Финляндіи* Влад. Головина. Г о л о в и н ъ (нынѣ покойный)—ошведившійся Русскій; служилъ онъ въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ; названную брошюру написалъ въ защиту Финляндцевъ и при ихъ содѣйствіи, почему надлежащее его мѣсто—среди финляндскихъ писателей. Въ области политической литературы Головинъ дебютировалъ двумя маленькими очерками: *О Финляндскомъ сеймѣ 1863—1864 годовъ* и объ *Устройствѣ правленія Великаго Княжества Финляндскаго* (1872). Судя по тому, что вторая брошюрка была отпечатана въ маломъ количествѣ экземпляровъ и вовсе не пускалась въ продажу, можно предположить что цѣль ея изданія, какъ и многихъ другихъ брошюрокъ финляндскихъ дѣятелей послѣдняго времени, была „направляющая" и „воздѣйствующая", а разсылка ея являлась чѣмъ то въ родѣ „визита почтенія" къ русскимъ сановникамъ.

Въ *Листкахъ* 1891 года мы прежде всего находимъ своеобразный трактатъ по поводу словъ „государство", „riket", „stat" и „état". По ученію Головина оказывается что „государство предполагаетъ государя, а état или stat, можетъ быть и народоправствомъ"; „штатъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ, можетъ быть въ то же время и независимымъ, а государство, какъ бы оно ни было мало, можетъ и должно соединять въ себѣ функціи внутренней и внѣшней дѣятельности, свойственной независимому государству". *Финляндія*, такимъ образомъ, при русскомъ владычествѣ стала *штатомъ*, *особоправствомъ*, или обособленною частью Русскаго государства, точно такъ какъ Финскій народъ сталъ націей или народомъ, управляемымъ собственными законами. Обосновавъ такимъ способомъ совершенно новую теорію для объясненія политическаго положенія Финляндіи, Головинъ принимается критиковать теоріи существовавшія до него. Онъ говоритъ что „лишенъ всякой фактической возможности признать Финляндію государствомъ (состоящимъ) въ *личномъ* соединеніи (unio personalis) съ Имперіей, такъ какъ Финляндія присоединена къ Россіи навсегда, а не связана съ нею только царствующею династіей". „Финляндія и не государство въ *реальномъ* соединеніи съ Русскою державой (продолжаетъ Головинъ), потому что, на основаніи Фридрихсгамскаго трактата, перешла въ полную собственность Россійской Имперіи, не вступавшей съ нею, въ качествѣ равноправнаго контрагента, ни въ какое взаимное соглашеніе." „Финляндія и *не союзное* государство, потому что это противорѣчило бы общему ученію международнаго права о союзныхъ государствахъ и приведеннымъ нами госу-

Digitized by Google

дарственнымъ актамъ".. „Императоръ Александръ I,—говоритъ все тотъ же авторъ,—никогда не признавалъ Финляндіи государствомъ въ русскомъ и международномъ смыслѣ этого слова, почему не могъ онъ установить для нея и государственнаго *престола.*" Коснувшись вопроса о финляндскомъ престолѣ, Головинъ, въ увлеченіи, дерзновенно заноситъ свое перо даже на непогрѣшимаго Р. Даніельсона за его фельетонныя замѣтки по вопросу о финляндскомъ престолѣ (85—88, 95 и 97 стр.)

Послѣднимъ по времени „архитекторомъ", который по своему плану пробуетъ перестроить всю прежнюю теоретическую основу политическаго положенія Финляндіи, всю систему финляндскаго государственнаго права, является профессоръ Робертъ Германсонъ. Въ 1892 году онъ издалъ свое сочиненіе о *Государственно - правовомъ положеніи Финляндіи*, въ которомъ полемизируютъ поименно со всѣми русскими и иностранными юристами дерзнувшими „свое сужденіе имѣть" объ отношеніи Финляндіи къ Россіи,—сужденіе несогласное съ его, германсоновскою, теоріей. Его сочиненіе, вѣроятно, вызвано сознаніемъ что русскіе писатели успѣли разметать почти всѣ прежніе устои мѣстныхъ ученій о Финляндскомъ государствѣ. Явилась потребность въ новомъ, болѣе пригодномъ ученіи. Богатый матеріалъ для этого ученія г. Германсонъ отыскалъ преимущественно въ трудахъ нѣмецкихъ юридическихъ авторитетовъ, которые много поработали надъ государственно-правовыми вопросами въ виду новыхъ требованій времени, созданныхъ объединеніемъ Германской имперіи. Изъ ихъ сочиненій Германсонъ черпаетъ полнымъ ковшомъ.

Изъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Германсонъ, отмѣтимъ пока лишь слѣдующіе:

„*Нельзя* считать Боргоскій актъ 17 (29) марта 1809 г. заключеніемъ между Финляндіей и Россіей *сепаратнаго* мира въ *техническомъ* смыслѣ слова. Сепаратный миръ есть международная сдѣлка, и потому необходимо чтобы заключающія договоръ стороны могли быть признаваемы государствами. Но таковымъ Финляндія не была, а потому для предупрежденія недоразумѣній слѣдуетъ избѣгать выраженія „сепаратный миръ"...

„То обстоятельство что нѣкоторые считаютъ событія происшедшія въ Боргоскомъ соборѣ *договоромъ* зависитъ въ извѣстной степени, хотя и не вполнѣ, отъ того что нерѣдко хотятъ видѣть договоръ тамъ где имѣются только согласующіяся между собой волеизъявленія, однако, едвали это правильно" (47 стр., I вып.)

„Нѣкоторые авторы считаютъ соединеніе Россіи съ Финляндіей *реальною уніей.*" Финляндія и Россія, вмѣстѣ взятыя, должны быть признаны составляющими „сложное государство, въ которомъ имперія суверенна, Финляндія же несуверенна, а потому мы не можемъ признать соединенія Россіи съ Финляндіей реальною уніей"... „Вся конструкція соединенія Финляндіи съ Россіей въ видѣ реальной уніи невѣрна" (стр. 115, 117, 120 и др.)

„Финляндія, какъ автономное государство съ особымъ государственнымъ устройствомъ (конституціей), соединена съ Имперіей въ одну державу, образующую *сложное государство*, въ которомъ Россійскій Императоръ осуществляетъ права суверенитета по дѣламъ всей державы; кромѣ того, онъ по праву есть Великій Князь Финляндіи, и ему, въ качествѣ таковаго, въ этомъ краѣ принадлежитъ верховная власть, въ томъ видѣ какъ она опредѣлена законами Финляндіи" (84 стр. II вып.).

Наконецъ, относительно „второй государственной власти" Финляндіи, или земскихъ чиновъ, у г. Германсона находимъ такое замѣчаніе:... „хотя народъ, или земскіе чины, участвовали въ законодательствѣ, все же нельзя сказать чтобъ они *на ряду* съ Монархомъ, въ качествѣ *координированнаго фактора*, осуществляли *государственную власть*, то есть власть повелѣвать въ государствѣ... Монархъ *единолично* осуществляетъ *государственную власть*, повелѣвая своею санкціей чтобы принятый законъ служилъ къ руководству" (69 стр., I вып.).

Digitized by Google

Итакъ, въ итогѣ мы получаемъ прежде всего, порядочный сумбуръ всякихъ противорѣчивыхъ мнѣній; тутъ и сепаратный миръ Вассера, и реальная унія большинства финляндскихъ ученыхъ и публицистовъ, и провинція Лундаля, и неопредѣленныя формулы нѣкоторыхъ писателей, и „штатъ“ Головина, и колебанія Даніельсона, и сложное государство Германсона! Какое разнообразіе мнѣній по столь близкому для Финляндцевъ вопросу, какимъ является вопросъ объ отношеніи Финляндіи къ Россіи! Въ этой путаницѣ они сами врядъ ли вполнѣ различаютъ союзниковъ своихъ воззрѣній отъ ихъ противниковъ. Лундаль, утверждая что Финляндія—провинція, идетъ противъ Головина, который, въ свою очередь, съ теоріей „штата“ стоитъ въ оппозиціи къ Лундалю и ко всѣмъ остальнымъ; Германсонъ возсталъ на Мехелина и идетъ противъ Вассера и т. д. Германсонъ, не признавая сепаратнаго мира, тѣмъ самымъ какъ бы срываетъ крышу съ финляндскаго государственнаго зданія, а вооружившись противъ реальной уніи большинства, подрываетъ самый его фундаментъ. Финляндцы сжились уже съ ученіемъ о реальной уніи, возвели его въ свой политическій догматъ, заклинали свое подрастающее поколѣніе не измѣнять ему,—и вдругъ эта теорія разрушается, не только Русскими, но и безжалостною рукой профессора ихъ собственной alma mater, какъ вещь непригодная, пустая, безсмысленная!.

Слѣдовательно, пока остался одинъ Германсонъ. Его теорія, какъ можно догадываться, и будетъ предъявлена со стороны Финляндцевъ коммиссіи г. Неклюдова, куда командированъ и самъ г. Германсонъ, какъ ученый до ногтей вооруженный всякими послѣдними выводами государственнаго права. Что уцѣлѣетъ изъ его ученія и выводовъ—поживемъ, увидимъ. По нашему же мнѣнію, г. Германсонъ такой же софистъ какъ и его соотечественники Мехелины, Вейсенберги и др., но только болѣе ихъ кропотливый.

Г. АВОВЪ.

Digitized by Google

3 *.

Прежде чѣмъ перейти къ „новому слову“ профессора Германсона по вопросу объ отношеніи Финляндіи къ Россіи, необходимо сдѣлать одно маленькое замѣчаніе объ его предшественникахъ въ дѣлѣ разработки „государственнаго“ права Финляндіи. Почти всѣ они, какъ мы видѣли, исходили изъ того нелѣпаго положенія что въ городѣ Борго (въ 1809 году) между Русскимъ Императоромъ и Финскимъ народомъ былъ заключенъ *договоръ*, или состоялось какое-то соглашеніе. Мнѣніе это весьма широко распространено среди Финляндцевъ; проповѣдникомъ его въ послѣднее время явился Р. Даніельсонъ, который въ книгѣ своей, *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой*, писалъ что „Финскій народъ... самостоятельно заключилъ лойяльное соглашеніе съ побѣдителемъ“ (стр. 78).

Извѣстно что наша Финляндская окраина во всемъ подражаетъ Скандинавіи. За политическій образецъ Финляндцы избрали отношеніе Норвегіи къ Швеціи. Въ исторіи сего отношенія они особенно облюбовали „Актъ соединенія“ (*Rigs Act*) отъ 6 августа 1815 года, которымъ шведско-норвежская унія была окончательно оформлена. Взаимныя отношенія Швеціи и Норвегіи дѣйствительно были установлены договоромъ заключеннымъ двумя равноправными государствами; здѣсь, несомнѣнно, состоялось соглашеніе. И вотъ Финляндцы, имѣя предъ собою этотъ образецъ, силятся всѣ свои политическія дѣла вылить по шведско-норвежской формѣ. Зная и помня это, мы легко поймемъ и всѣ завѣтныя стремленія Финляндцевъ: въ лицѣ монарха имъ желательно строго различать двѣ юридическія личности, въ экспедиціяхъ своего Сената они хотятъ видѣть особыя министерства; не довольствуясь особыми финансами и войскомъ, они добивались особаго флага; они желаютъ строго различать свою территорію отъ русской, своихъ подданныхъ отъ подданныхъ другихъ государствъ и т. п. Вотъ почему они, въ подражаніе Кильскому договору и учредительному собранію въ Эйдсвольдѣ, и пробуютъ выкроить себѣ изъ Боргоскаго сейма „Актъ соединенія“, или договоръ: удастся имъ эта затѣя,—думаютъ они,—и краеугольный камень ихъ государства будетъ заложенъ плотно.

Однако, усердіе Финляндцевъ по закладкѣ фундамента для реальной уніи и для договорной теоріи затрачено настолько непроизводительно что даже ихъ соотечественникъ, г. Германсонъ, вынужденъ былъ пойти противъ „уніонистовъ“ и заявить что Финляндія не вступала въ отношенія какого-то товарищества съ Имперіей, почему „мы не можемъ признать соединенія Россіи съ Финляндіей реальною уніей“; что тотъ авторъ (то-есть Л. Мехелинъ) который „наиболѣе подробно изложилъ ученіе о реальной уніи между Финляндіей и Россіей не можетъ, однакоже, вполнѣ послѣдовательно придерживаться этой своей теоріи“, и „что, слѣдовательно, вся конституція соединенія Финляндіи съ Россіей въ видѣ реальной уніи невѣрна.“ ** И дѣйствительно, реальную унію невозможно спасти отъ полнаго разложенія даже хитроумными (чтобы не сказать безастѣнчивыми) измышленіями Эдварда Берга (Finl. Statsrättsliga utvekl, p. 10) о томъ что „по особому опредѣленію рока случилось де такъ что *тронъ Финляндіи* (!!) не только фактически, но и de jure сталъ свободнымъ раньше чѣмъ состоялось торжественное открытіе сейма въ Борго“, такъ какъ Густавъ IV былъ низложенъ и арестованъ революціонерами, а члены риксдага, собравшіеся въ Стокгольмѣ безъ финскихъ представителей, присягнули Карлу XIII. Въ этомъ фактѣ г. Бергъ,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 195, отъ 18 іюля.

** *Государственно-правовое положеніе Финляндіи*, соч. Германсона, 1892 года, вып. II, стр. 117, 118 и 119.

Digitized by Google

очевидно, предлагаетъ своимъ соотечественникамъ и намъ усмотрѣть историческое и логическое основаніе для боргоскихъ депутатовъ *договориться* съ Императоромъ и требовать отъ него исполненія предложенныхъ ими условій. Но мы, Русскіе, со своей стороны,—именно въ виду историческихъ фактовъ и въ виду указаній простой логики, а не извращеній, подтасовокъ и софизмовъ,—не можемъ принять мнѣнія Финляндцевъ о Боргоскомъ договорѣ, несмотря на то что въ Финляндіи это мнѣніе повторяется сотнями устъ и распространено въ сотняхъ разныхъ писаній.

По нашему простому убѣжденію, исходнымъ пунктомъ всѣхъ отношеній Русской власти къ Финляндіи является прежде всего фактъ *завоеванія* страны силою оружія. Не будь этого факта, Финляндцы не стали бы ни присягать, ни высылать депутаціи въ Петербургъ, ни съѣзжаться на Сеймъ въ Борго. Сего обстоятельства не слѣдуетъ забывать при дальнѣйшихъ выводахъ. Въ полной гармоніи съ фактомъ завоеванія находятся всѣ послѣдующія дѣйствія императора Александра I. Всѣ отношенія Государя были отношеніями верховной власти къ подданнымъ, къ покореннымъ, а не къ договаривающимся или контрагентамъ. Никакого *посольства* Александръ I не видѣлъ въ тѣхъ депутатахъ которые по его же волѣ прибыли въ С.-Петербургъ; въ грамотѣ 15 марта 1809 года онъ писалъ что вступилъ въ обладаніе княжествомъ не по договору, а „произволеніемъ Всевышняго"; открывая Сеймъ, онъ обращался къ Финляндцамъ какъ „къ своимъ подданнымъ"; Императоръ всегда говорилъ: „Я обѣщалъ"... Я приму во вниманіе"... „Мы рѣшились управлять этою страною"... и т. п. Онъ „даровалъ" Финляндіи внутреннее самоуправленіе и высказалъ это въ грамотѣ, а не въ договорѣ или „актѣ удостовѣренія", почему и сословія благодарили его „за милость", и приняли грамоту 15 Марта какъ драгоцѣнный *подарокъ* великодушно имъ дарованный Императоромъ; а Спренгтпортенъ говорилъ: „всякая малѣйшая привилегія является *милостивымъ* даромъ любвеобильнѣйшаго Монарха, который, сообразно съ законами войны, могъ бы сдѣлать что ему угодно".

Вотъ почему крайне несправедливо превращать въ обязательство * то, что Императоръ „призналъ за благо" утвердить и оставить за Финляндцами „по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго *своего соизволенія*", какъ гласитъ VI ст. Фридрихсгамскаго договора. Всякій договоръ или соглашеніе неизбѣжно предполагаетъ равенство сторонъ и требуетъ самостоятельности отъ контрагентовъ. Равенство можетъ вести къ разномыслію, недоразумѣніямъ и пререканіямъ, и вотъ почему майоръ шведской службы Кликъ вполнѣ основательно предостерегалъ отъ всякаго договора. „Конечно", писалъ онъ, „не должно быть и мысли о томъ чтобы входить съ Финляндцами въ какія бы то ни было соглашенія." Но мало того. Гдѣ же взять вторую договаривающуюся сторону? Война въ періодъ Боргоскаго Сейма не была еще окончена, а отдѣльнаго Финляндскаго княжества не существовало (выдумка г. Берга о тронѣ Финляндіи была пущена въ обращеніе лишь въ 1889 году). Слѣдовательно, договариваться было рѣшительно не съ кѣмъ; втораго контрагента въ мартѣ 1809 года на-лицо не существовало, а посему и актовъ соглашенія или соединенія подписывать никто не могъ. Поэтому-то и нѣтъ договора подобнаго Кильскому, нѣтъ основанія для уніи, нѣтъ и документа возводящаго Финляндію въ государство. Центромъ власти Финляндіи и Россіи остался Императоръ. Власть эта одна; и такъ какъ источникомъ всякой власти для сихъ странъ является одинъ Императоръ, то онъ одинъ и устанавливаетъ собственною волей границы сей власти. Финляндія ничего сего не выговорила, а Императоръ ничѣмъ не обязалъ себя дать ей тѣ или другія привилегіи, права или учрежденія. Все было даровано *послѣ* Сейма въ Борго, *послѣ присяги* сословій, когда подданнымъ немыслимо было договариваться со своимъ повелителемъ.

---

* См. ст. Е. Е. въ *Русской Старинѣ* 1888 года, соч. Л. Мехелина, Даніельсона и др.

Digitized by Google

Ни сената, ни статсъ-секретаріата, ни особой монеты, ни законодательнаго почина, ни періодическихъ сеймовъ, ничего подобнаго Финляндцы себѣ не выговорили въ Борго, все это явилось добровольнымъ даромъ Русскаго Монарха, который Фридрихсгамскимъ договоромъ выговорилъ себѣ и своимъ преемникамъ *безусловную* власть Россіи надъ Финляндіей. „Швеція уступила Россіи свою провинцію Финляндію, которая стала провинціей Россіи, и своихъ подданныхъ, которые стали подданными Россіи", читаемъ въ изслѣдованіи М. Пергамента *Юридическая природа реальной уніи* (1893 года, стр. 96). Что же касается сейма въ Борго, то онъ является лишь „актомъ внутренняго управленія" покоренною областью.

Послѣ сказаннаго можно перейти къ ученію г. Германсона.

—

Сочиненіе профессора Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, Р. Германсона, о *Государственно-правовомъ положеніи Финляндіи* появилось еще въ 1892 году; но до сихъ поръ объ его книгѣ въ русской печати не было рѣчи, если не считать тѣхъ двухъ-трехъ (правда, весьма вѣскихъ) замѣчаній которыя сдѣланы проф. Н. М. Коркуновымъ въ его *Русскомъ государственномъ правѣ* (изд. 2-е, 1893 года, 152—153 стр.). Такое отношеніе къ труду г. Германсона объясняется, прежде всего, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ что книга его издана на мало извѣстномъ у насъ шведскомъ языкѣ; русскій же переводъ его книги въ продажу вовсе не поступалъ и предназначенъ, по всей вѣроятности, лишь для лицъ высокопоставленныхъ. Въ виду изложеннаго, надѣемся, не безынтересно будетъ нѣсколько ближе ознакомиться съ названною работой г. Германсона, и это тѣмъ болѣе что его теорія является послѣднею по времени стадіей въ развитіи „государственнаго" права Финляндіи.

Въ первой главѣ своего сочиненія г. Германсонъ разсматриваетъ тѣ факты которые легли въ основу нынѣшняго соединенія Финляндіи съ Россіей. Перечисливъ всѣ манифесты и рѣчи Императора Александра I, а также приведя выдержки изъ Фридрихсгамскаго трактата, онъ упоминалъ о томъ что, по мнѣнію однихъ, соединеніе это состоялось на основаніи Боргоскаго сейма, а по утвержденію другихъ—въ силу манифеста 20 марта 1808 года. Такъ какъ въ пользу обоихъ мнѣній можно, по его взгляду, привести вѣскіе доводы, то г. Германсонъ приступаетъ къ ближайшему разсмотрѣнію фактовъ съ цѣлью выясненія ихъ надлежащаго значенія и для этого начинаетъ съ нѣкоторыхъ общихъ положеній.

Для полнаго присоединенія чужой области, пишетъ г. Германсонъ, требуется прежде всего пріобрѣсти *фактическую* власть надъ нею, то-есть вступить въ обладаніе областію. *Государственная власть* есть нѣчто большее чѣмъ фактическая власть, такъ какъ она (то-есть первая) создаетъ *обязанности* и устанавливаетъ *правовой порядокъ*. Дабы фактическая власть преобразилась во власть государственную требуется, по мнѣнію автора, чтобы занявшій область имѣлъ *намѣреніе* сохранить ее за собой и *объявилъ* населенію о семъ намѣреніи особымъ актомъ. Однако, существуютъ и другіе способы для требуемой метаморфозы, а именно: путь полнаго уничтоженія прежней государственной власти надъ занятою областію и мирный договоръ. Но въ глазахъ г. Германсона всего этого еще недостаточно. Послѣ долгихъ научныхъ построеній и послѣ подобающихъ ссылокъ на авторитеты, онъ, наконецъ, доходитъ до положенія о томъ что необходимо дабы новая власть была *признана населеніемъ*, хотя бы даже и безъ *формальнаго* изъявленія воли.

По установленному такимъ образомъ мѣрилу, г. Германсонъ начинаетъ оцѣнку событій группировавшихся около 1808 и 1809 годовъ. Въ выводѣ оказалось, что манифестъ 20 марта 1808 года о соединеніи Финляндіи съ Имперіей не былъ опубликованъ въ Финляндіи во всеобщее свѣдѣніе, а прокламаціи послѣдовавшія за симъ манифестомъ и также выражавшія волю Императора чтобы Финляндія счи-

Digitized by Google

талась частію его государства—появились преждевременно, такъ какъ страна не была еще занята русскими войсками, и они еще не доставили Александру I „безспорной власти надъ краемъ". По заключеніи конвенціи въ Ольки-іоки 19 ноября 1808 года, шведскія войска очистили всю Финляндію. Фактическая власть такимъ образомъ была пріобрѣтена надъ страной, „но эта власть не могла создать для населенія Финляндіи обязанность повиноваться повелѣніямъ Русскаго Императора и внезапно отречься отъ всѣхъ прежнихъ узъ и считать себя соединеннымъ съ Россіей общими высшими цѣлями". Въ 1808 году населеніе Финляндіи принесло *потребованную присягу*; но это была присяга подъ *угрозой* лишиться охраны жизни и имущества, присяга, сопровождавшаяся „нарушеніемъ даже тѣлесной неприкосновенности". Слѣдовательно, заключаетъ г. Германсонъ, военное положеніе продолжалось, и новый порядокъ еще не возникъ; а пока война продолжается, область не пріобрѣтена, и въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, что крестьяне во многихъ мѣстахъ спасались бѣгствомъ отъ присяги или съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчали наступавшихъ Русскихъ. Если что̀ и пріобрѣтено Императоромъ въ это время, то только *вынужденная покорность* предъ властью поддерживаемою силой.

Однако, Императоръ съ самаго начала войны далъ понять что прежніе законы будутъ сохранены за Финляндіей. Въ Боргоскомъ *соборѣ* земскіе чины присягнули ему на вѣрность и отъ имени народа *признали* его законнымъ государемъ Финляндіи. Со своей стороны Александръ I „въ томъ же торжественномъ актѣ велѣлъ прочесть и *передать* земскимъ чинамъ подписанное имъ утвержденіе финляндской конституціи". *Вслѣдствіе* присяги народныхъ представителей, „власть Императора стала властью связывающею весь народъ". Слѣдовательно, фактическая власть теперь превратилась во власть государственную (а г. Германсону удалось стянуть всѣ нити къ Боргоскому сейму)... При всемъ этомъ авторъ разсматриваемаго нами новаго научнаго трактата о политическомъ положеніи Финляндіи сознаетъ что Императоръ располагалъ достаточною силой чтобы *заставить признать* себя носителемъ дѣйствительной государственной власти надъ Финляндіей; но Императоръ предпочелъ предоставить Финскому народу самому заявить что онъ подчиняется власти которую Императоръ *намѣренъ* былъ установить въ Финляндіи, и вслѣдствіе этого власть Императора *уже теперь* (въ Борго) стала для Финскаго народа „властью создающею обязанности", то-есть государственною (вып. I, 43 стр.). То обстоятельство что Александръ I *добровольно* обезпечилъ Финляндіи сохраненіе ея конституціи, по мнѣнію г. Германсона, отнюдь „не уменьшаетъ ни силы, ни *значенія* даннаго утвержденія".

Но такъ какъ война со Швеціей продолжалась, то явилась возможность отрицать значеніе всѣхъ распоряженій Русскаго правительства въ Финляндіи. Однако, 5 сентября 1809 года состоялся Фридрихсгамскій трактатъ, а „мирные договоры, какъ извѣстно, имѣютъ обратную силу въ отношеніи мѣръ воспослѣдовавшихъ во время военной оккупаціи, то отсюда вытекаетъ что... всѣ распоряженія сдѣланныя Императоромъ до заключенія мира въ отношеніи Финляндіи должны были быть признаваемы *во всѣхъ отношеніяхъ* дѣйствительными также на будущее время (предполагая что они не противорѣчили правамъ выговореннымъ Швеціей въ мирномъ трактатѣ). Всѣ манифесты и обѣщанія Императора теперь освящены и получили значеніе; а главное, „на основаніи изложеннаго, слѣдуетъ признать что соединеніе Финляндіи съ Россіей состоялось вслѣдствіе занятія края *и* формальнаго признанія пріобрѣтенной такимъ образомъ власти со стороны *народа*" (стр. 45).

Digitized by Google

4. *

Во II главѣ своей книги г. Германсонъ объясняетъ значеніе утвердительной грамоты Императора Александра I отъ 15 (27) марта 1809 года. Для большей обстоятельности авторъ и здѣсь начинаетъ свое описаніе издалека. Сперва онъ упоминаетъ о томъ что Финляндія была не простою провинціей Швеціи, такъ какъ населеніе ея было сравнено въ правахъ съ населеніемъ собственной Швеціи. Далѣе г. Германсонъ развиваетъ исторію возникновенія основныхъ законовъ Швеціи и главныхъ ихъ положеній. Въ выводѣ онъ получилъ что Швеція была конституціонно-монархическимъ государствомъ. Всѣми благами сей конституціи пользовался также и Финскій народъ. Императоръ, утвердивъ за Финляндіей основные законы Швеціи, желалъ чтобы Финляндія управлялась не на основаніи государственныхъ законовъ Имперіи, а согласно прежней ея (Финляндіи) конституціи" (74 стр.), и такъ какъ „государственные законы Имперіи *не* могли примѣняться въ Финляндіи на ряду съ особо установленными для нея законами, то Финляндія получила особое *государственное* устройство... Финляндія стала особымъ государствомъ" (75 стр.).

Что Императоръ не вводилъ въ Финляндіи государственнаго строя Имперіи видно еще изъ того, говоритъ г. Германсонъ, что Александръ I „не требовалъ присяги самодержавной Верховной Власти" (вып. II, стр. 81). „Что *основные* законы Имперіи не распространяются на Финляндію, явствуетъ изъ того обстоятельства, что прежніе основные законы Финляндіи (?), санкціонированные для Финляндіи Высочайшимъ утвержденіемъ, содержатъ *ея* и точныя нормы, дѣйствовавшія въ незапамятныхъ временъ, на основаніи которыхъ никакой законъ не можетъ быть изданъ безъ участія народа, то-есть его представителей, земскихъ чиновъ (вып. I, 93 стр.). Никогда не возникало мысли объ обнародованіи въ Финляндіи какого-либо постановленія о прямѣненіи въ ней свода законовъ — или только основныхъ законовъ". Отсюда,—заключаетъ авторъ,— основные законы Россіи не суть основные законы Финляндіи (110 стр.).

Затѣмъ для г. Германсона является очевиднымъ что Александръ I утвердилъ для Финляндіи Форму Правленія 1772 года и Актъ Соглашенія 1789 года; это вытекаетъ де изъ *буквальнаго смысла* грамоты 15 марта 1809 года, въ которой говорится о „lois fondamentales"; кромѣ того, въ этомъ никто не сомнѣвался въ теченіе 80-ти лѣтъ. „Какіе же законы Императоръ могъ имѣть въ виду, если не прежніе основные законы?" спрашиваетъ г. Германсонъ (79 стр.). Въ постановленіи государя (31 декабря 1811 года) о присоединеніи Выборгской губерніи говорится о „конституціи Великаго Княжества Финляндскаго"; а конституція обозначаетъ государственный строй, ибо подъ основными законами разумѣются опредѣленія касающіяся государственнаго устройства (стр. 81). Наконецъ, прибавляетъ г. Германсонъ, еслибы въ грамотѣ 15 марта 1809 года не разумѣлись политическіе законы, „то слѣдовало бы сказать что утверждаются, кромѣ политическихъ правъ земскихъ чиновъ и народа, всѣ прочія права (82 стр.)·

Въ III главѣ своего сочиненія г. Германсонъ предпринимаетъ длинный обходъ для выясненія понятій о „государствѣ" и „суверенитетѣ". Онъ, какъ трудолюбивая пчела, облетѣлъ всѣхъ ученыхъ трактовавшихъ о конституціяхъ, чтобы собрать данныя пригодныя для созданія новой теоріи о несуверенной Финляндіи составляющей съ Россіей сложное государство. Въ концѣ концовъ онъ воспринялъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ которые утверждаютъ что по-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 208, отъ 1 августа.

Digitized by Google

нятіе *суверенитета* несущественно для понятія государства. Разсуждая иначе, пишетъ г. Германсонъ, придется отрицать существованіе сложныхъ государствъ (вып. II, стр. 7, 22 и др.).

„Для наличности *государства* необходимо требуется опредѣленная территорія, осѣдлое населеніе и власть господствующая надъ территоріей, причемъ власть эта не должна быть делигированною властью *извнѣ*, а то не будетъ государства (вып. II, 9, 10 стр.). Ни одинъ индивидъ не можетъ считаться *субъектомъ* государственной власти", индивидъ можетъ быть *носителемъ* власти, осуществителемъ ея (II, 13). Продолжая свои разсужденія о государствѣ, онъ говоритъ что общество можетъ быть государствомъ и въ томъ случаѣ еслибъ оно и не само установило у себя государственныя учрежденія; но общество должно „*имѣть* такого рода учрежденія что оно, на основаніи его, обладаетъ принципіально общею,хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и ограниченною, властью измѣнять это устройство" (II, 19). Затѣмъ приведены примѣры государствъ получившихъ свое устройство отъ другихъ государствъ, а именно, указано на учрежденіе Краковской республики, на Іоническіе острова (1815 г.), на Болгарію и др. Г. Германсонъ указываетъ также на то, что завоеватель можетъ дать покоренной области права самостоятельнаго государства (II, 121—122). Въ концѣ III главы авторъ разсматриваетъ нѣкоторыя сложныя государства новаго времени, какъ-то: Германскую имперію, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Швейцарскій Союзъ, а также Турцію и ея вассальныя государства, причемъ находитъ что отдѣльныя германскія государства, кантоны Швейцаріи, штаты Сѣверной Америки и пр. суть дѣйствительныя государства, хотя и несуверенныя, а автономныя, и что Германская имперія, Швейцарія и Сѣверо - Американскій Союзъ сами суть суверенныя государства, но *государства сложныя*, состоящія, въ свою очередь, изъ государствъ.

Собравъ весь перечисленный нами матеріалъ и изучивъ, такъ - сказать, „политическую архитектуру" сложныхъ государствъ, г. Германсонъ, на вопросъ о томъ, каковъ характеръ соединенія Финляндіи съ Россіей и „къ какого рода государственнымъ образованіямъ оно относится?"—находитъ возможнымъ отвѣтить такъ: „Финляндія, какъ автономное государство съ особымъ государственнымъ устройствомъ (конституціей), соединена съ Имперіей въ одну державу, образующую *сложное государство*, въ которомъ Россійскій Императоръ осуществляетъ права суверенитета по дѣламъ всей державы; кромѣ того, онъ по праву есть Великій Князь Финляндскій, и ему, въ качествѣ таковаго, принадлежитъ въ этомъ краѣ верховная власть въ томъ видѣ какъ она опредѣлена законами Финляндіи. Другими словами: Великое Княжество Финляндское, въ качествѣ государства съ собственною конституціей, соединено съ Россійскою Имперіей въ одну державу подъ скипетромъ Россійскаго Императора. Императору, кромѣ того, принадлежитъ право, въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи, управлять этимъ краемъ по его законамъ" (II, 84—85).

Таковъ выводъ всего ученаго трактата г. Германсона.

Кромѣ того, въ его книгѣ многіе десятки страницъ заняты разсужденіями о томъ что „Финляндія не провинція", полемикой съ авторами высказывавшими о Финляндіи иныя воззрѣнія чѣмъ воззрѣнія г. Германсона; затѣмъ г. Германсонъ доказываетъ что финляндская государственная власть осуществляется только по финляндскому закону и существуетъ исключительно ради задачъ Финскаго народа; наконецъ, онъ довольно пространно говоритъ о подчиненіи Финляндіи Россійскому государству, о томъ, напримѣръ, что Россія имѣетъ право распространять свои военныя силы на Финляндію, вѣдать иностранною политикой и т. п.

Въ заключеніе приведемъ двѣ-три выписки изъ того параграфа книги г. Германсона, въ которомъ онъ разбираетъ вопросъ о правахъ Россіи (въ Финляндіи) въ военномъ отношеніи, дабы поближе ознакомить чита-

Digitized by Google

теля съ научными пріемами автора и способомъ его философствованія.

„Россія, говоритъ онъ, можетъ посылать свои войска въ Финляндію, когда это требуется ея задачами и ея интересами. Соотвѣтственныя мѣры могутъ быть принимаемы *Россійскимъ Императоромъ*, причемъ вовсе *не требуется* чтобъ онъ, *въ качествѣ Великаго Князя* Финляндскаго и сообразясь съ финляндскими законами, вдавался въ обсужденіе вопроса о совмѣстимости этихъ мѣръ съ интересами Финляндіи; мало того, поскольку Императоръ предоставитъ своему Военному министру постановлять о дислокаціи войскъ, этотъ министръ также можетъ посылать русскія войска въ Финляндію безъ предварительнаго сношенія съ финляндскими властями... * „Соображаясь съ интересами Россійской державы, *Императоръ* рѣшаетъ вопросъ объ основаніи новой крѣпости и затѣмъ, въ *качествѣ Великаго Князя Финляндіи*, по докладу министра статсъ-секретаря, дѣлаетъ распоряженія необходимыя, по финляндскимъ законамъ, для исполненія соотвѣтственныхъ требованій Россіи“. По вопросамъ же объ отводѣ земель для военныхъ цѣлей требованія должны быть направлены чрезъ генералъ-губернатора, а затѣмъ финляндскому правительству надлежитъ ходатайствовать у *Императора и Великаго Князя* объ этой экспропріаціи... „*Въ качествѣ Великаго Князя* Финляндіи, Монархъ имѣетъ начальство надъ финскими войсками... но, въ виду того что „Финляндія несуверенна, а составляетъ часть Россійской державы“... и такъ какъ „международное положеніе этой державы поддерживается преимущественно матеріальными средствами власти относящимися къ военной части, то по существу дѣла *верховное* начальство и надъ финскими войсками должно принадлежать общему Монарху, въ *качествѣ Главы* всей державы“.

Далѣе, г. Германсонъ находитъ несправедливымъ требовать отъ Финляндіи точно такого же участія въ военныхъ обязательствахъ какъ отъ Имперіи; онъ полагаетъ что вопросы о производствѣ офицеровъ слѣдовало бы признать *финляндскими* дѣлами и не относить ихъ къ вѣдѣнію Военнаго министра; наконецъ, онъ поясняетъ § 119 устава о Воин. Повин. въ Финл. (гдѣ встрѣчаются слова „Военный министръ Имперіи докладываетъ, въ *семъ же званіи* для финскихъ войскъ, Государю Императору и Великому Князю тѣ дѣла...) такъ что слова въ „семъ же званіи“ вовсе не означаютъ Военнаго министра Финляндіи, а указываетъ лишь на то что русскій Военный министръ вѣдаетъ *финляндскія дѣла* (II, 227—232).

—

Возражать послѣдовательно и подробно на всѣ положенія г. Германсона не представляется надобности, въ виду того что многія изъ нихъ являются не болѣе какъ повтореніями воззрѣній его предшественниковъ по разработкѣ вопроса объ отношеніи Финляндіи къ Россіи, каковыя воззрѣнія въ свое время были уже по достоинству оцѣнены русскою печатью. Избѣгая, поэтому, утомительныхъ повтореній, попытаемся здѣсь оттѣнить лишь то что̀ болѣе или менѣе самостоятельно принадлежитъ г. Германсону и является, такимъ образомъ, нѣсколько новымъ, особеннымъ и оригинальнымъ; стараго же коснемся мимоходомъ только въ мѣрѣ крайней необходимости. Все новое, конечно, необходимо извлечь изъ-подъ спуда, гдѣ оно укрывалось отъ русскихъ глазъ, и поставить его въ надлежащее освѣщеніе.

Г. Германсонъ, подобно остальнымъ финляндскимъ писателямъ, усматриваетъ въ Боргоскомъ сеймѣ удобный исходный пунктъ для своей гипотезы о Финляндскомъ государствѣ. Но для того чтобы получить возможность положить событія этого сейма въ основу своего ученія, ему приходится преодолѣть нѣсколько серіозныхъ препятствій. Такъ, напримѣръ, прежде всего онъ встрѣчается съ фактомъ *завоеванія*

* Прибавимъ кстати что дислокація финскихъ войскъ утверждается Государемъ „по представленію *Сената*“, а не Военнаго министра (§ 121 Устава о воин. повин. въ Финл.).

Digitized by Google

страны русскими войсками и, конечно, отлично понимаетъ что корень всѣхъ послѣдующихъ отношеній Россіи къ Финляндіи кроется именно въ этомъ событіи, которое является, такимъ образомъ, фактомъ первостепенной важности. „Финляндія включена въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ...“ писалъ Александръ къ Шведскому королю Густаву IV въ 1809 году. Мы согласны съ г. Германсономъ въ томъ что, кромѣ фактической власти, необходима еще власть государственная надъ покореннымъ краемъ; но мы протестуемъ противъ примѣшиванія тенденціозности къ историческимъ событіямъ.

По нашему крайнему разумѣнію, г. Германсомъ очень прозрачно направляетъ свои пространныя разсужденія по сему вопросу къ тому чтобъ обосновать нужное для его теоріи положеніе, что Александръ I будто бы тогда только сдѣлался дѣйствительнымъ властелиномъ Финляндіи, когда депутаты Боргоскаго сейма присягнули ему отъ имени народа и признали его своимъ великимъ княземъ. Автору желательно подчеркнуть эту присягу и это признаніе, дабы симъ способомъ выдвинуть впередъ финскій народъ и дать ему слово въ рѣшеніи участи Финляндіи; автору надо обезпечить за сеймомъ въ Борго историческое значеніе и сдѣлать его центромъ новой исторіи своего отечества. Къ достиженію подобной цѣли г. Германсонъ направляется осторожно, стараясь постоянно имѣть въ резервѣ кого-нибудь изъ европейскахъ юридическихъ авторитетовъ. Тѣмъ не менѣе, доводы г. Германсона, какъ мы уже имѣли случай заявить (см. *Русскій Архивъ*, 1894, 4 стр. 620), вовсе не убѣдительны, потому что въ исторіи присоединенія Финляндіи, кромѣ присяги въ Борго, имѣется налицо рядъ другихъ обстоятельствъ, которыя въ равной степени были способны превратить военное занятіе территоріи въ несомнѣнное и общепризнанное властвованіе; а именно: о своемъ *намѣреніи* присоединить Финляндію къ Россіи на вѣчныя времена Александръ I объявилъ достаточно опредѣленно и всенародно; *военный успѣхъ* настолько благопріятствовалъ ему что, по выраженію Л. Мехелина, Шведское правительство было безсильно сдѣлать что-либо въ пользу Финляндіи; война хотя и продолжалась, но жребій ея былъ рѣшенъ безповоротно, и *прежняя* шведская *власть* надъ краемъ фактически была *уничтожена*. Имѣя предъ собой рядъ подобныхъ фактовъ, излишне распространяться о необходимости волеизъявленія народа по вопросу объ окончательномъ признаніи русской государственной власти надъ краемъ, и это тѣмъ болѣе что *формальное* признаніе ея населеніемъ вовсе не обязательно, какъ это справедливо заявлено г. Германсономъ (I вып. 30 стр.). Слѣдовательно, признаніе сеймовыхъ депутатовъ является и запоздалымъ, и излишнимъ и отнюдь не рѣшающимъ. Предшествовавшія событія, то-есть занятіе страны войсками, присяга жителей, прокламаціи и т. п. сеймомъ въ Борго не уничтожались и не освящались; значеніе всѣхъ сихъ событій точнѣе могло быть опредѣлено лишь мирнымъ трактатомъ во Фридрихсгамѣ. Наконецъ, всемірная исторія свидѣтельствуетъ что, въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло рѣшалось оружіемъ, власть побѣдителя устанавливалась обыкновенно безъ формальнаго волеизъявленія со стороны покореннаго народа.

Вторымъ препятствіемъ для г. Германсона явилась та *присяга* которую большинство жителей Финляндіи принесло Александру I задолго до сейма. Желая уничтожить всякое значеніе этой присяги, г. Германсонъ указываетъ на то что она была дана подъ угрозой и явилась, слѣдовательно, вынужденною. Угроза здѣсь, дѣйствительно, играла извѣстную роль; но отвергать на этомъ основаніи значеніе присяги все-таки нельзя. Угроза во время войны неизбѣжна, и насильственная присяга въ періодъ военныхъ дѣйствій—явленіе обыкновенное, заурядное. Присяга всегда *требуется*, дабы отличить врага отъ союзника; безъ понудительной присяги въ наше время немыслимо себѣ представить сдачу крѣпости или военнаго судна, покорность побѣжденной арміи и т. п. Все

Digitized by Google

это въ извѣстной мѣрѣ безнравственно, но столь же безнравственна и сама война. Дождаться присяги данной по влеченію сердца — во время войны врядъ ли возможно; а между тѣмъ присяга неизбѣжна: ею искупается жизнь, сохраняется имущество, оберегается край отъ дальнѣйшихъ послѣдствій войны; присяга—залогъ возможности перехода къ иному, лучшему способу дѣйствій, она—преграда своеволію. Въ виду подобныхъ условій, ни международное право, ни практика не отвергаютъ значенія принудительной присяги въ войнѣ. Относиться иначе къ сей присягѣ рискованно, такъ какъ это значило бы превратить ее въ маску, за которою легко будутъ укрываться измѣна, хитрость, интрига и вражда. Всякая покорность являющаяся послѣдствіемъ войны вынужденная, но отвергать ее нельзя. Точно также невозможно отрицать первой присяги Финскаго народа и признавать только вторую, подъ тѣмъ предлогомъ что первая—ложная, а вторая—настоящая, какъ это желаетъ показать г. Германсонъ своими разсужденіями. Подобнаго положенія, конечно, никто не приметъ; а слѣдовательно, присяга народныхъ представителей въ Борго, въ смыслѣ изъявленія покорности и вступленія въ новое подданство, послѣ ранѣе принесенной присяги, является совершенно излишнею и можетъ имѣть значеніе лишь какъ актъ церемоніи открытія сейма.

Г. АБОВЪ.

Digitized by Google

КЪ ФИНЛЯНДСКОМУ ТАМОЖЕННОМУ ВОПРОСУ.*

1.

Нота Императорскаго Россійскаго посла въ Берлинѣ графа Шувалова на имя германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ барона Маршалля.

Берлинъ, 29 января (10 февраля) 1894 г.

Господинъ баронъ.

При обмѣнѣ мыслей предшествовавшемъ Берлинской конференціи о заключеніи договора о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Германіей, Императорское Русское Правительство, рѣшивъ объединить таможенный тарифъ Великаго Княжества Финляндскаго съ таможеннымъ тарифомъ Имперіи, сочло возможнымъ заявить о своемъ намѣреніи повышать первый изъ означенныхъ тарифовъ постепенно, такъ какъ финляндскій тарифъ только къ концу 1905 года подлежитъ совершенному объединенію съ русскимъ.

Подтверждая въ настоящее время это свое намѣреніе и желая устранить всякую въ семъ отношеніи неопредѣленность, могущую невыгодно отразиться на развитіи внѣшнихъ торговыхъ сношеній, Императорское Русское Правительство считаетъ нужнымъ нынѣ же установить главнѣйшіе сроки для постепеннаго повышенія финляндскаго тарифа.

Въ сихъ видахъ, Императорское Русское Правительство заявляетъ, что въ его намѣренія не входитъ приступить къ означенному повышенію ранѣе 19 (31) декабря 1898 года; съ этого срока финляндскій тарифъ можетъ подлежать повышенію на 50% разностей, какія къ тому времени существовать будутъ между ставками русскаго и финляндскаго тарифовъ; съ 18 (31) декабря 1901 года можетъ послѣдовать новое повышеніе на 25% означенныхъ разностей; съ 18 (31) декабря 1903 года Императорское Русское Правительство удерживаетъ за собой полную и совершенную свободу дѣйствій касательно окончательнаго объединенія таможеннаго тарифа Великаго Княжества Финляндскаго съ таможеннымъ тарифомъ Имперіи.

Впрочемъ, вышеупомянутыя условія, опредѣляющія порядокъ постепеннаго повышенія финляндскаго тарифа, не лишаютъ подлежащихъ властей Великаго Княжества Финляндскаго права дѣлать въ названномъ тарифѣ частныя измѣненія, вызываемыя мѣстными потребностями торговли и промышленности.

Само собой разумѣется что дѣйствіе договора о торговлѣ и мореплаваніи, заключеннаго между Россіей и Гер-

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 37, отъ 6 февраля.

Digitized by Google

маніей 29 января (10 февраля) 1894 года, вмѣстѣ съ постановленіями, содержащимися въ первой части заключительнаго протокола, составляющаго нераздѣльную часть договора, распространяется на Великое Княжество Финляндское во всемъ что можетъ быть къ этому послѣднему примѣнимо, и особенно—въ отношеніи постановленій, содержащихся въ статьяхъ 6, 9 и 13 договора.

Примите, г. статсъ-секретарь, увѣреніе въ моемъ отличномъ уваженіи.

Графъ ШУВАЛОВЪ.

2.

Отвѣтная нота германскаго статсъсекретаря по иностраннымъ дѣламъ барона Маршалля на имя Императорскаго Россійскаго посла въ Берлинѣ графа Шувалова,

Берлинъ, 10 февраля 1894 года.

Господинъ посолъ!

Ваше превосходительство, письмомъ отъ сего числа, изволили сообщить мнѣ о нижеслѣдующей постепенности, установленной вашимъ правительствомъ по отношенію къ объединенію таможеннаго тарифа Великаго Княжества Финляндскаго съ тарифомъ Россійской Имперіи.

Какъ видно изъ вашего письма, Русское Правительство не имѣетъ намѣренія приступать къ повышенію финляндскаго тарифа ранѣе 19 (31) декабря 1898 года. Съ этого срока Императорское Русское правительство удерживаетъ за собой право повысить названный тарифъ на 50% тѣхъ разностей, какія къ тому времени существовать будутъ между ставками русскаго и финляндскаго тарифовъ, а съ 18 (31) декабря 1901 года ввести новое повышеніе на 25% названныхъ разностей.

Независимо отъ вышеизложенныхъ условій, Императорское Русское Правительство, удерживая за собой, съ 18 (31) декабря 1903 года, полную и совершенную свободу дѣйствій касательно окончательнаго объединенія таможеннаго тарифа Великаго Княжества Финляндскаго съ таможеннымъ тарифомъ Россійской Имперіи, считаетъ нужнымъ сохранить, за подлежащими властями Великаго Княжества Финляндскаго право дѣлать въ названномъ тарифѣ частныя измѣненія, вызываемыя мѣстными потребностями торговли и промышленности.

Кромѣ того, Императорское Русское Правительство, какъ видно изъ письма вашего превосходительства, согласно съ тѣмъ что дѣйствіе договора о торговлѣ и мореплаваніи, заключеннаго между Германіей и Россіей 29 января (10 февраля) 1894 года, вмѣстѣ съ постановленіями первой части заключительнаго протокола, составляющаго нераздѣльную часть договора, распространяется на Великое Княжество Финляндское во всемъ что можетъ быть къ этому послѣднему примѣнимо, и особенно—въ отношеніи постановленій, содержащихся въ статьяхъ 6, 9 и 13 договора.

Отъ имени моего правительства спѣшу сообщить о принятіи содержащихся въ упомянутомъ письмѣ вашемъ декларацій къ свѣдѣнію.

Примите, г. посолъ, увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи.

Баронъ ФОНЪ-МАРШАЛЛЬ.

Digitized by Google

ЛОЦМАНСКОЕ И МАЯЧНОЕ ВѢДОМСТВО ВЪ ФИНЛЯНДІИ *.

„Лоцманское и маячное вѣдомство Финляндіи состоитъ подъ надзоромъ и въ вѣдѣніи главнаго управленія, которое, какъ и вообще лоцманская и маячная часть, устроено *въ видѣ военнаго учрежденія* и въ таковомъ отношеніи подчинено главному начальству *генералъ-губернатора* края, а въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ зависитъ отъ Хозяйственнаго Департамента Финляндскаго Сената".

Такъ гласитъ § 1 Устава для названнаго вѣдомства. Уставъ этотъ, помѣщенный въ *Сборникѣ постановленій В. Кн. Финляндскаго* за 1870 годъ (№ 17) заслуживаетъ того чтобы привести изъ него нѣсколько выписокъ.

Главное управленіе лоцманскаго вѣдомства находится въ Гельсингфорсѣ. Состоитъ это вѣдомство изъ одиннадцати офицеровъ, которые опредѣляются на должности Высочайшими приказами по донесенію генералъ-губернатора и по представленіямъ лоцъ-директора. На офицерскія должности опредѣляются *финляндскіе уроженцы изъ офицеровъ военнаго флота* и корпуса флотскихъ штурмановъ, а также финляндскіе корабельные капитаны или купеческіе шкипера, знающіе финскій и шведскій языки (§§ 2 и 6). Лоцъ-директоръ и его помощникъ до вступленія въ должности должны быть, въ присутствіи Хозяйственнаго Департамента Сената, приводимы къ присягѣ *на вѣрноподданство и на вѣрность службѣ*; прочіе чины главнаго управленія, *а также офицеры* лоцманскаго вѣдомства, принимаютъ *таковую присягу* въ главномъ управленіи (§ 9); присяжные листы представляются прокурору Сената (§ 28). Всѣ офицеры носятъ мундиръ корпуса флотскихъ штурмановъ, но съ выпушкой голубаго цвѣта; секретарь, камереръ и др. чиновники имѣютъ на своихъ мундирахъ пуговицы съ *финляндскимъ гербомъ*; лоцманы имѣютъ нагрудный знакъ съ финляндскимъ гербомъ и надписью на финскомъ и русскомъ языкахъ „финляндскій лоцманъ" (§ 11). Лоцъ-директоръ наблюдаетъ чтобы всѣ подчиненные ему чины исправно выполняли свои обязанности, „отвѣтствуя передъ Государемъ Императоромъ и *Короной*" (§ 18). При желаніи учредить въ предѣлахъ Финляндскаго прибрежья новые маяки, открыть новые фарватеры и т. п., испрашивается *мнѣніе* Морскаго Министерства Имперіи. „Ему же сообщаются чертежи и планы вновь

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 142, отъ 25 мая.

Digitized by Google

учреждаемыхъ маяковъ, башенъ и другихъ знаковъ", а также свѣдѣнія о необходимыхъ предметахъ, подлежащихъ нанесенію на карты (§ 19). Отпускъ лоцъ-директору разрѣшаетъ генералъ-губернаторъ (§ 23). Всѣ свѣдѣнія директоръ сообщаетъ *черезъ генералъ-губернатора* Морскому Министерству, русскимъ начальникамъ портовъ и военныхъ судовъ (§ 24). Офицерскіе послужные списки находятся въ главномъ управленіи. Наконецъ, директоръ, его помощникъ и офицеры лоцманскаго вѣдомства подлежатъ за упущенія по службѣ Верховному Военному Суду Финляндскихъ войскъ (§ 59).

Спрашивается теперь, къ какого рода учрежденіямъ принадлежитъ лоцманское вѣдомство Финляндіи,—въ военнымъ или гражданскимъ? Оно устроено *въ видѣ военнаго* учрежденія, какъ гласитъ законъ, то есть по своей организаціи ближе примыкаетъ къ военнымъ учрежденіямъ. Если оно болѣе военное чѣмъ гражданское учрежденіе, то не естественнѣе ли ему состоять въ вѣдѣніи русскаго Морскаго Министерства и командующаго войсками Финляндскаго военнаго округа, чѣмъ Сената и генералъ-губернатора? Затѣмъ, отчего только финляндскіе уроженцы способны служить въ лоцманскомъ вѣдомствѣ и почему славные *русскіе* моряки считаются не пригодными къ этой службѣ? Развѣ не своеобразно что доступъ въ названное вѣдомство открытъ финляндскимъ купеческимъ шкиперамъ и закрытъ для русскихъ офицеровъ нашего флота? Какъ объяснить себѣ подобную мотивировку шестаго параграфа? Считать ли Финляндцевъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній „родомъ избраннымъ", или признавать Финляндію особымъ „иностраннымъ" царствомъ, а не частію Русскаго государства? Если затѣмъ офицеры лоцманскаго вѣдомства комплектуются „изъ офицеровъ военнаго флота, или корпуса флотскихъ штурмановъ", то какая надобность обязывать ихъ принимать присягу въ Главномъ Управленіи въ присутствіи директора „на вѣрноподданство и на вѣрность службы"? Вѣдь всѣ они, при опредѣленіи на службу въ русскомъ военномъ флотѣ, клялись служить вѣрой и правдой, а также присягали на вѣрность нашему Монарху. Ужъ не переходятъ ли они въ новое, иноземное подданство, опредѣляясь на службу въ финляндское лоцманское вѣдомство? Какъ, наконецъ, понять обязанность лоцъ-директора наблюдать за тѣмъ чтобы всѣ его подчиненные честно исполняли свой долгъ, „*отвѣтствуя* предъ Государемъ Императоромъ и *Короной*"? Вслѣдствіе чего отвѣтственность передъ Государемъ Императоромъ оказалась недостаточною, и зачѣмъ понадобилось еще добавить оговорку объ особой коронѣ?

Развѣ все это не излишнія вставки тенденціознаго характера? Духъ безпримѣрныхъ привилегій, которымъ вообще проникнуто все законодательство касающееся Финляндіи, чувствуется здѣсь въ каждой строкѣ. Кромѣ того, въ этомъ уставѣ на каждомъ шагу замѣтны слѣды обособленности и стремленія оградить себя отъ русскаго элемента.

Въ виду изложеннаго, не пора ли подумать объ измѣненіи этого, очевидно устарѣвшаго, устава и о согласованіи его съ современными требованіями и воззрѣніями?

Въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ высшее начальство (образовавъ коммиссію генерала Величко) уже приняло мѣры къ искорененію подобныхъ ненормальностей изъ уставовъ подвѣдомственныхъ ему финскихъ воинскихъ частей и управленій; весьма желательно чтобъ этому благому примѣру послѣдовали и власти, отъ коихъ зависитъ реформа Финляндскаго лоцманскаго вѣдомства. Естественно ли, напримѣръ, что лоцманское управленіе, организованное въ видѣ *военнаго* учрежденія, испрашиваетъ только *мнѣніе* Морскаго Министерства, или „сообщаетъ ему по требованію" нѣкоторыя свѣдѣнія *черезъ* генералъ-губернатора, тогда какъ, по болѣе нормальному порядку вещей, казалось бы, этому управленію надлежитъ всецѣло состоять въ полномъ подчиненіи Морскому Министерству. Намъ никогда не приходилось видѣть тѣхъ морскихъ картъ которыя представляются финляндскимъ лоцманскимъ

Digitized by Google

вѣдомствомъ въ Морское Министерство, для руководства нашимъ морякамъ во время шхерныхъ плаваній, но мы почти увѣрены что онѣ сплошь покрыты шведскими или финскими надписями безъ всякихъ русскихъ наименованій. Офицеры лоцманскаго вѣдомства подсудны *военному* суду и въ то же время, какъ служащіе въ военномъ учрежденіи, подчинены *генералъ-губернатору*.

Нѣтъ сомнѣнія что рядъ указанныхъ нами несообразностей въ уставѣ лоцманскаго вѣдомства является прямымъ послѣдствіемъ измышленной финляндской государственности и излишней привязанности къ отжившимъ шведскимъ порядкамъ. Финляндцы, напримѣръ, находятъ обязательнымъ чтобы начальство надъ финскими войсками и ихъ военными учрежденіями ввѣрялось генералъ-губернатору, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, должность эта является „финляндскою государственною должностію“. Основаніе для подобнаго взгляда они ищутъ въ § 27 инструкціи генералъ-губернаторамъ отъ 31 января 1812 года, въ которомъ генералъ-губернаторъ названъ главнымъ начальникомъ милиціоннаго вѣдомства. Но они забываютъ или просто не желаютъ знать, что съ 1812 года много „воды утекло“, въ то время Финляндія имѣла *земское* войско, отбывавшее свою повинность по *поселенной* системѣ, а потому тогда въ извѣстной мѣрѣ естественно было главному *гражданскому* начальнику края завѣдывать сими войсками. Теперь же это войско превращено въ *подвижную* силу, почему мѣстной гражданской власти удобно и цѣлесообразно вѣдать только законодательствомъ, финансами и т. п.. командованіе же войсками должно быть передано въ другія руки, въ руки командующаго войсками округа. А посему и лоцманское вѣдомство, разъ оно организовано въ видѣ военнаго учрежденія, должно состоять въ вѣдѣніи того же командующаго войсками. Какъ бы то ни было, но, во всякомъ случаѣ, существующая обособленность финляндскаго лоцманскаго вѣдомства, какъ учрежденія которое заботится не только объ удобствахъ коммерческаго міра, но и о другихъ не менѣе серіозныхъ задачахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ оборонѣ государства, врядъ ли является желательною въ интересахъ Имперіи.

Г. АБОВЪ.

Digitized by Google

СТРАНА БЕЗПРИМѢРНЫХЪ ПРИВИЛЕГІЙ *.

Закономъ 11 декабря 1820 года финляндскимъ дворянамъ и разночинцамъ предоставлены одинаковыя преимущества съ дворянами и разночинцами Имперіи при опредѣленіи ихъ въ службу (см. *1е Пол. Соб. Закон.* 1821 года, № 28.560). Въ 1825 году финляндскимъ уроженцамъ дозволено было записываться во всѣ гильдіи россійскаго купечества (*1е П. С. З.* 1825 года, № 39.257). Разрѣшеніе это состоялось вслѣдствіе просьбы финляндскихъ купцовъ, причемъ оговорено было что новой присяги на подданство не требуется; ** тутъ же разъяснялось что финляндскіе уроженцы нигдѣ въ русскихъ законахъ иностранцами не признавались.

Этихъ двухъ постановленій было достаточно для того чтобы сдѣлать Финляндцевъ въ Россіи вполнѣ полноправными Русскимъ. За отсутствіемъ же подобныхъ законовъ о правахъ Русскихъ въ Финляндіи, мы до сихъ поръ остаемся въ этой странѣ на положеніи иностранцевъ, ничѣмъ не отличаясь отъ Нѣмцевъ, Англичанъ и другихъ народностей.

Чѣмъ вызвано созданіе такой неравноправности,—въ законѣ не указано. Но, благодаря изложеннымъ законоположеніямъ, Финляндцы безъ малѣйшихъ формальностей превращаются въ русскихъ дворянъ, во всероссійскихъ купцовъ и т. п.; они могутъ безпрепятственно пріобрѣтать себѣ недвижимость, могутъ быть у насъ министрами, а мы у нихъ не имѣемъ права сдѣлаться даже сторожами. „Финляндскій мужикъ безо всякихъ формальностей можетъ купить себѣ милліонный домъ на набережной Невы рядомъ съ дворцами“; финляндскій купецъ имѣетъ возможность торговать наравнѣ съ русскимъ купцомъ по всему лицу Русской земли; а мы, для пріобрѣтенія въ Финляндіи тѣхъ же правъ, обставлены рядомъ стѣснительныхъ условій. Мало того, нашъ дворянинъ, будь онъ графъ или свѣтлѣйшій князь, или происходи отъ именитыхъ Ярославичей, или Рюриковичей, все-таки остается русскимъ, а не финляндскимъ дворяниномъ. ***

Перечисленіе русскихъ подданныхъ въ финляндскіе обыватели, какъ мы только-что сказали, обставлено фор-

---

* *Московскія Вѣдомости*, 1894 года, № 149, отъ 1 іюня.

** Финляндскій Сенатъ, зная о существованіи сего закона, тѣмъ не менѣе, составляя въ 1870 году уставъ для своего лоцманскаго и маячнаго вѣдомства, вписалъ въ него параграфъ, въ силу котораго офицеры русскаго флота, переходя на службу въ названное вѣдомство, обязаны вновь присягать въ присутствіи финляндскихъ властей на „вѣрноподданство и на вѣрность службѣ“ (§ 9).

*** *Русск. Архивъ*, 1887, II, 469—470.

Digitized by Google

мальностями, и притомъ довольно стѣснительными. А именно: необходимо *письменно* обязаться поселиться въ Финляндіи, надо уплатить 1.000 рублей въ пользу бѣдныхъ, требуется офиціально ходатайствовать о семъ перечисленіи и т. д. * Съ 1891 года (см. *Постановленія В. Кн. Финл.* 1891, № 5) всѣмъ Русскимъ разрѣшено пріобрѣтать недвижимость въ предѣлахъ Финляндіи; но путемъ формальностей и это право сведено къ „благоусмотрѣнію“ финляндскаго суда. Финляндскаго дворянства до сихъ поръ удостоены только Арсеній Закревскій, Кушелевъ-Безбородко, фонъ-Сухтеленъ и Ѳ. Ѳ. Бергъ, пожалованные *графскимъ* титуломъ, и Рокасовскій возведенный (въ 1855 году) въ баронское достоинство.

„Русскій купецъ желающій торговать въ Финляндіи долженъ сдѣлаться сперва тамошнимъ гражданиномъ“, то-есть пройти извѣстный искусъ, опасаясь что въ его просьбѣ ему можетъ быть отказано. Слѣдуетъ прибавить что нѣкоторыя торговыя права Русскимъ людямъ приходилось брать съ боя въ теченіе многихъ лѣтъ и что существуютъ ограниченія которыя до сихъ поръ не уничтожены.

Начиная съ XVI столѣтія, Корелы Архангельской губерніи со своими сумами, наполненными ситцемъ, кумачемъ, платками, пуговицами, зеркальцами и т. п. дешевымъ товаромъ, стали бродить по финляндскимъ деревнямъ. Народъ отнесся къ нимъ дружелюбно, но враждебное Русскимъ Шведское правительство встрѣтило ихъ розничную продажу запретительнымъ закономъ (Уложеніе 1734 года, глав. VI, § 1). Съ переходомъ Финляндіи въ русское подданство, шведскія традиціи прочно укрѣпились въ Финляндскомъ Сенатѣ. Первое запрещеніе крестьянамъ Архангельской губерніи производить торгъ въ деревняхъ Финляндіи послѣдовало въ 1820 году (1е П. С. З., № 28,144), съ указаніемъ на ихъ обманы и на выпуски фальшивыхъ ассигнацій. Только въ 1839 году русскимъ крестьянамъ дозволили ходить по Финляндіи для торга, *но* въ паспортахъ ихъ предписано было обозначать что могутъ вести только ту торговлю которая дозволена *иностранцамъ* и сельскимъ обывателямъ Финляндіи не имѣющимъ правъ купечества и мѣщанства. (2е П. С. З. 1839 года, № 12.438.) Иначе говоря, „разносная торговля купеческими товарами въ уѣздѣ, съ одного двора на другой“, осталась запрещенною и доселѣ (см. *Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* 1879, № 12, § 10). О снятіи этого запрещенія хлопотали въ 1871 году архангельскій губернаторъ, въ 1886 году Общество Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности въ Петербургѣ и Московскій Биржевой Комитетъ; о допущеніи торговли въ разносъ писалъ Финляндецъ Эрвастъ въ 1891 году; но финляндское „правительство“ остается непреклоннымъ, повторяя свои запрещенія, въ виду того что торговцы эти „*принадлежатъ къ чужому народу*“. * Въ этомъ разгадка любезнаго отношенія къ нимъ Финляндскаго Сената.

Столь же предупредительными къ Русскимъ остались финляндскіе сенаторы и въ другихъ сферахъ своей законодательной дѣятельности. *Постановленіемъ Великаго Княжества Финляндскаго* 1889 года, за № 16, воспрещена Русскимъ постройка желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи; постановленіемъ 1890 года, за № 13, они изгнаны изъ Финляндскаго флота; закономъ о печати (1867 года, № 15) имъ не дается разрѣшенія на изданіе періодическихъ сочиненій; основнымъ законоположеніемъ 1889 года, за № 33, русскимъ учителямъ исторіи закрытъ доступъ въ финляндскія школы и т. д., и т. д. А между тѣмъ было же вѣдь и такое время, когда русскихъ учителей (изъ русскихъ уроженцевъ), пожелавшихъ ѣхать въ финляндскія учебныя заведенія, награждали слѣдующимъ чиномъ... Но то время миновало, и теперь русскій языкъ сдѣланъ въ университетѣ необязатель-

* См. 2е Полн. Св. Зак. 1852, № 25.944, и 1858, №№ 32.709 и 32.770.

* См. *Московскія Вѣдомости*, 1891 года, № 121, статью Ар—скаго.

Digitized by Google

нымъ (*Полное Собраніе Законовъ* 1844 года, № 18.360, и *Сборникъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, II, 2.384).

Мы же, „платя добромъ за зло", осыпали Финляндцевъ всѣми своими правами. Ихъ *медики*, имѣющіе дипломы отъ Александровскаго Гельсингфорсскаго университета, могутъ поступать на службу въ Имперіи и заниматься вольною врачебною практикой безъ малѣйшихъ ограниченій (*2е Полное Собраніе Законовъ* 1838 года, № 11,896). Русскимъ же врачамъ запрещено почему-то пользовать больныхъ въ частныхъ больницахъ, богоугодныхъ заведеніяхъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ Финляндіи; наши доктора не могутъ состоять врачами рабочихъ у лица пользующагося наемными рабочими; все это привилегіи финляндскихъ „легитимированныхъ" врачей, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже штрафуются снисходительнѣе Русскихъ ихъколлегъ (см. *Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* 1890 года*, № 8, §§ 8, 11 и 14). Финляндскіе ветеринары и фармацевты сравнены во всемъ съ нашимъ соотвѣтствующимъ медицинскимъ персоналомъ (*2е Полное Собраніе Законовъ* 1834 г., № 7.118); ихъ медицинскіе чиновники, желающіе получить высшія ученыя степени и званія въ Имперіи, подвергаются испытанію на общемъ основаніи (*2е Полное Собраніе Законовъ* 1838 года, № 11.896; § 73; права же финляндскихъ врачей указаны также въ *Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія* I т., стр. 1.129).

Гельсингфорсскому университету предоставлены всѣ права наравнѣ съ прочими университетами Имперіи по отношенію опредѣленія въ россійскую службу и производства въ чины обучавшихся или выдержавшихъ въ немъ экзаменъ (2е П. С. З. 1834 года, № 7.321). Выдержавшихъ при немъ особый экзаменъ въ наукахъ по части камеральной, горной, юридической и др. приказано считать, при поступленіи на службу въ Имперіи, по чинопроизводству принадлежащими къ первому разряду (2е П. С. З. 1840 года, № 13.193). Наконецъ, Гельсингфорсскій университетъ безденежно получаетъ по экземпляру всѣхъ книгъ и сочиненій напечатанныхъ въ Россіи (см. *Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія* т. I, стр. 1.248). Наши же права „доктора философіи и даже президента академіи въ Финляндіи—ничто". **

Своею гражданскою службой Финляндцы пріобрѣтаютъ всѣ права сопряженныя съ россійскими чинами (2е П. С. З. 1842 года, № 15.194); въ 1852 году финляндскимъ студентамъ окончившимъ полный университетскій курсъ предоставлено было право производства (черезъ шесть мѣсяцевъ) въ первый офицерскій чинъ (2е П. С. З. № 26.814). Гражданскіе чиновники служившіе при лейбъ гвардіи 3мъ стрѣлковомъ Финскомъ баталіонѣ были допущены къ участію въ эмеритальной кассѣ военно сухопутнаго вѣдомства (П. С. З. 1876 года, № 55.630). Въ этой же кассѣ могутъ участвовать всѣ офицеры перешедшіе и имѣющіе перейти изъ войскъ Имперіи въ финскія войска, въ ихъ управленія и даже въ постоянный кадръ ихъ запаса (П. С. З. 1887 года, № 4.457). По представленію Военнаго министра разрѣшено „время службы генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, проведенное въ финскихъ войскахъ и учрежденіяхъ, при назначеніи имъ пенсіи изъ Государственнаго Казначейства, считать наравнѣ со службой въ войскахъ и учрежденіяхъ военнаго вѣдомства Имперіи". (П. С. З. 1874 года, № 54.037). Что же касается тѣхъ пенсій которыя производились изъ финляндскихъ суммъ уволеннымъ чиновникамъ, то таковыя приказано было прекращать при опредѣленіи сихъ чиновниковъ въ россійскую государственную службу (П. С. З. 1854 года, № 25.842, 24 дек).

* Этимъ постановленіемъ сдѣланъ большой шагъ впередъ къ уравненію правъ врачей; до 1890 года финляндская аптека отказывалась выдать лѣкарство даже по рецепту знаменитаго Боткина.

** *Русскій Архивъ* 1887, II.

Digitized by Google

Укажемъ еще слѣдующія законоположенія:

Въ 1845 году (П. С. З.. № 19.057) было разрѣшено опредѣлять финляндскихъ уроженцевъ въ кадетскіе корпуса; въ 1857 году для тѣхъ же уроженцевъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ была прибавлена одна (по счету 5я) безплатная вакансія (П. С. З., № 31.757); въ 1855 году Государь Императоръ „въ знакъ особаго Монаршаго благоволенія къ Великому Княжеству Финляндскому", повелѣть изволилъ назначить *три* вакансіи въ Пажескомъ Корпусѣ для сыновей и внуковъ финляндскихъ подданныхъ (?) достигшихъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ (П. С. З. № 29.824), а въ 1863 году, *по просьбѣ финляндскаго начальства*, число этихъ вакансій было увеличено еще на три „безъ особой за то платы изъ суммъ Княжества" (П. С. З., № 39.941).

Въ настоящее время мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукой надлежащихъ свѣдѣній, но и a priori смѣло утверждаемъ что получилась бы весьма любопытная статистика при сопоставленіи сихъ многочисленныхъ финляндскихъ вакансій въ указанныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и малаго числа лицъ пользующихся правами на нихъ, съ соотвѣтственными вакансіями и лицами въ Имперіи. Излишне прибавлять, что финляндская казна расходовъ по русскимъ учебнымъ заведеніямъ края не несетъ. * Съ 1865 года въ Гельсингфорсѣ существовало пѣхотное юнкерское училище, на которое изъ финляндскихъ суммъ ежегодно отпускалось 3.500 р.; но это объясняется тѣмъ что въ этомъ училищѣ обучались наравнѣ съ русскими также и финляндскіе уроженцы. Училище, къ сожалѣнію, закрыли въ 1879 году (П. С. З. 1865 года, № 41.964 и 1879 года, № 59.504), и въ настоящее время изъ нашего государственнаго казначейства на русскія учебныя заведенія Финляндіи ежегодно выдается болѣе 32 тысячъ рублей (П. С. З. 1879 года, № 59.667).

Насколько, затѣмъ, Русское правительство было озабочено охраненіемъ малѣйшихъ финляндскихъ интересовъ, о томъ могутъ наглядно свидѣтельствовать слѣдующія его постановленія:

„Для оказанія финляндскимъ купцамъ, шкиперамъ и промышленникамъ всякаго законнаго по таможенному вѣдомству и по другимъ частямъ пособія и содѣйствія, какъ въ отношеніи привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ, такъ и по торговымъ дѣламъ Финляндцевъ въ Имперіи вообще", финляндскому начальству предоставлено было опредѣлять торговыхъ стряпчихъ по симъ дѣламъ въ С.-Петербургѣ, Ревелѣ и Ригѣ, а въ 1850 году также и въ Одессѣ (П. С. З. 1850 г., № 24.067). Въ 1870 году сему послѣднему присвоено было наименованіе Финляндскаго торговаго стряпчаго въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей (П. С. З., № 47.963). Мы уже не говоримъ о томъ, что въ уставѣ для россійскихъ консуловъ въ Европѣ и Америкѣ Финляндцы были во всемъ сравнены съ Русскими и поставлены подъ охрану русской власти (см. напр. §§ 1, 17, 18, 49, 52, 57, 58 и 83 устава 1858 года). Для обезпеченія интересовъ Финляндцевъ приходившихъ въ Петербургъ для промысловъ, въ 1852 году, при Финляндской паспортной экспедиціи, была учреждена должность ходатая по полицейскимъ и судебнымъ дѣламъ о Финляндцахъ (П. С. З., № 25.989); въ 1862 году этотъ же стряпчій былъ сдѣланъ опекуномъ родившихся въ Россіи дѣтей финляндскаго происхожденія, не имѣющихъ родителей или законныхъ опекуновъ. Стряпчій опредѣлялъ сихъ дѣтей въ ремесленныя училища и заключалъ о нихъ надлежащіе контракты (П. С. З., № 38.881).

А на ряду съ этимъ до сихъ поръ наши отставные солдаты, какъ и вообще всѣ Русскіе поселившіеся въ Финляндіи, не имѣютъ подобныхъ заступниковъ и ходатаевъ по своимъ дѣлишкамъ,—а когда *Московскія Вѣдомости* однажды заговорили о томъ что край-

---

* А если и несетъ, то очень „мизерные. Нѣмецкія же школы субсидируются („пропорціонально") весьма щедро, а еврейскія усердно поддерживаются мѣстною благотворительностію.

Digitized by Google

не было бы полезно учредить въ Финляндіи должность русскаго прокурора для большаго обереженія нашихъ частныхъ интересовъ въ финляндскихъ судахъ средневѣковаго устройства, то мѣстная печать готова была усмотрѣть въ этомъ посягательство на „конституцію“ края....

„Какъ же Финляндцамъ не смотрѣть на насъ свысока, когда мы сами, собственнымъ своимъ попустительствомъ, поставили финляндское гражданство выше русскаго!“ справедливо заявилъ К. Ф. Ординъ. „Какая цѣль имъ искать сближенія съ Россіей, когда они и такъ пользуются всѣми правами Русскаго гражданства, будучи свободны отъ обязанности оказывать Русскимъ взаимность!“ (*Новое Время*, 5.014).

Въ настоящую нашу *справку* мы не ввели еще льготъ Финляндцевъ, считая ихъ уже извѣстными нашимъ читателямъ; такъ, напримѣръ, не указали на законъ дающій Финляндцамъ право одинаково служить какъ въ русскихъ, такъ и въ финскихъ войскахъ и запрещающій нашимъ офицерамъ поступленіе въ ряды „финской арміи“ и т. п.

Остается уповать что вся указанная неравноправность, во имя простой справедливости, скоро будетъ совершенно уничтожена.

БИБЛІОФИЛЪ.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДІЯ-ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА

ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНІИ ОТЪ „ИГА“ РУССКИХЪ.*

Наканунѣ дня открытія въ Гельсингфорсѣ памятника „Великому Князю Финляндскому“, въ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ появилось новое сочиненіе профессора І. Р. Даніельсона (на шведскомъ языкѣ) о *Возсоединеніи Выборгской губерніи съ остальною Финляндіей*. Коротенькимъ предисловіемъ читатель предупреждается что авторъ не желаетъ предавать настоящей своей работѣ непосредственно полемическій характеръ, но, тѣмъ не менѣе, новый трудъ косвенно послужитъ къ болѣе яркому освѣщенію тѣхъ воззрѣній и дѣйствій, какъ самого основателя „государственно-конституціоннаго“ устройства Финляндіи, такъ и его довѣренныхъ лицъ, — о которыхъ въ послѣднее время такъ много спорили въ русской и финляндской печати. Во всякомъ случаѣ, содержаніе книги г. Даніельсона таково что съ нѣкоторыми ея положеніями необходимо ознакомиться русскому читателю, коль скоро онъ хотя немного интересуется исторіей своей Финляндской окраины.

Первая предлагаемая намъ справка г. Даніельсона показываетъ что въ царствованіе Густава III образовалась партія стремившаяся къ отдѣленію Финляндіи отъ Швеціи и къ созданію изъ нея новаго самостоятельнаго государства; во главѣ партіи сталъ извѣстный авантюристъ и рыцарь печальнаго образа, Г. М. Спренгтпортенъ. Новое государство „аньяльцы“ предполагали создать не изъ однѣхъ только земель „шведской“ Финляндіи,— нѣтъ, эти земли не утоляли ихъ аппетитовъ! — въ предѣлы проектируемаго царства они задумали включить еще по крайней мѣрѣ часть „русской“ Финляндіи. Майоръ І. А. Егергорнъ писалъ въ 1788 году Спренгтпортену въ томъ смыслѣ что Финляндцы тогда лишь сдѣлаются сторонниками самостоятельности новой финской республики, когда эта самостоятельность будетъ гарантирована Россіей; первою же подобною гарантіей должно быть возстановленіе Финляндіи „въ естественныхъ“ ея границахъ.

Итакъ, мысль о возсоединеніи Выборгской губерніи принадлежала аньяльскимъ заговорщикамъ: они взростили и взлелѣяли ее и, при содѣйствіи ихъ сочленовъ и единомышленниковъ, онъ

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 174, отъ 27 іюня.

Digitized by Google

была впослѣдствіи осуществлена... Таково начало печальной исторіи отчужденія бывшей русской губерніи, которую Петръ Великій добылъ русскою кровью для укрѣпленія государственнаго тѣла Имперіи.

Надо отдать справедливость аньяльскимъ мятежникамъ въ томъ что они весьма послѣдовательно и крайне нагло стремились къ осуществленію своей завѣтной цѣли, не маскируя своихъ вожделѣній. Когда Егергорну, напримѣръ, пришлось излагать свои мысли императрицѣ Екатеринѣ II, то онъ, указавъ на скромную роль Финляндцевъ и на ихъ ограниченныя желанія жить тихо и мирно, не забылъ добавить что „нынѣшняя граница Финляндіи, безъ крѣпостей (Вильманстранда, Фридрихсгама и Нюслота), или безъ другихъ указанныхъ природой средствъ защиты, не даетъ намъ (то есть Финляндцамъ) никакой безопасности, которой, тѣмъ не менѣе, всякое самостоятельное государство неизбѣжно требуетъ." Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ планы и предложенія Егергорна, нашелъ полезнымъ поддержать стремленіе Финляндцевъ къ самостоятельности, но безъ всякихъ измѣненій границъ Финляндіи, ибо въ противномъ случаѣ русская граница опять придвинулась бы ближе къ столицѣ. Послѣ сего императрица, всегда стоявшая на стражѣ интересовъ Россійскаго государства, принявъ Егергорна въ аудіенціи, сказала ему что Финляндцы могутъ разсчитывать на ея помощь *во всемъ что будетъ согласоваться съ пользой Россіи*. На этомъ и покончилась затѣя аньяльцевъ въ царствованіе Екатерины II.

Но надежда на возможность осуществленія ихъ „наивныхъ" плановъ не покидала аньяльцевъ; они стали выжидать другаго, болѣе удобнаго, случая, когда Россія, „безъ насилія извнѣ, отдастъ иноземной власти" часть своихъ завоеваній" (стр. 9). Ожидать имъ пришлось недолго, такъ какъ случай этотъ представился уже въ царствованіе Александра I. Такое стеченіе обстоятельствъ, съ точки зрѣнія финскаго историка разсматриваемыхъ событій, было, конечно, желательнымъ и благодѣтельнымъ для Финляндіи и всего человѣчества, въ виду того что „собственное исключительное положеніе восточной Финляндіи *требовало* соединенія" (съ западною Финляндіей), и это соединеніе являлось, „*пожалуй, единственнымъ средствомъ спасти страну* отъ той пропасти на край которой поставило ее *чужое* (читай: русское) вліяніе" (45 стр.).

Въ подтвержденіе приведеннаго вывода, г. Даніельсонъ рисуетъ положеніе Выборгской губерніи подъ русскимъ владычествомъ, заимствуя для сего краски у очевидцевъ-современниковъ. Такъ, напримѣръ, по словамъ капитана Германа Верньельма (1808 года) оказывается что, начиная съ Аббофорса (тогдашней границы) сразу потянулась каменистая и пустынная русская область, въ которой бѣдность и нечистоплотность были преобладающими чертами крестьянской жизни; священники ничѣмъ не отличались отъ мужиковъ; финскіе крестьяне, хотя еще и не закрѣпощенные, носили печать величайшаго притѣсненія; русскій образъ правленія потихоньку прокрался въ край, вопреки обѣщанію сохранить шведскіе права и порядки. Крестьяне жаловались на ярмо которое они принуждены были нести, и многіе изъ нихъ искренно желали возвращенія подъ власть шведской короны. „Дай Богъ чтобы наша (шведская) Финляндія... не сдѣлалась столь несчастною, какъ эта страна" (47 стр.). По свидѣтельству другаго очевидца, Маннергейма, бѣдность была повсемѣстна среди народа Выборгской губерніи; видъ почтовыхъ станцій—жалкій; разница между старою и новою Финляндіей — замѣтная. Наконецъ, Ребиндеръ писалъ что напрасно онъ напоминалъ себѣ что ѣхалъ по финляндской землѣ и что окружавшія его существа — бывшіе братья. Все было измѣнено: одежда, преподаваніе, образъ мыслей, языкъ. Жители потеряли всякое сочувствіе къ остальной Финляндіи и даже гостепріимство. Всякіе слѣды финской національности исчезли, и вообще этотъ народъ былъ лишенъ всякихъ характеристическихъ особенностей.. Пестрая смѣсь финскаго съ русскимъ и нѣмецкимъ не позволяла Ребиндеру видѣть будущее въ свѣтлой окраскѣ. „Прежнее вліяніе шведскаго

Digitized by Google

владычества въ этомъ краѣ",—прибавляетъ отъ себя г. Даніельсонъ,—„было и тяжелымъ и полнымъ страданій; но для крестьянъ начала нашего столѣтія, крестьянъ, лишенныхъ свободы и права владѣнія, это прошлое было счастливымъ минувшимъ временемъ" (51)

Все, слѣдовательно, неизбѣжно требовало, для спасенія погибавшей Выборгской губерніи, скорѣйшаго соединенія „разодранныхъ частей" Финляндіи въ одно государство, съ цѣлебною конституціей. Самъ Государь лично успѣлъ убѣдиться въ той разницѣ которая существовала между крестьянами жившими къ западу и къ востоку отъ рѣки Кюмени, то-есть между тѣми которые подпали русской власти и тѣми которые сохранили свою свободу, свое право владѣнія землей и право представительства на сеймахъ. Объ этой разницѣ, кромѣ того, неоднократно напоминали Императору. Такъ, въ 1810 году ему представлялась депутація съ генералъ-маіоромъ Аминовымъ во главѣ, просившая отъ оставленіи офицерамъ упраздненныхъ финскихъ войскъ ихъ прежняго содержанія; при этомъ Аминовъ заявилъ какъ Императору, такъ и канцлеру Румянцеву, что, въ случаѣ отказа въ семъ ходатайствѣ, „лучшая часть націи" принуждена будетъ эмигрировать. „Вслѣдствіе этого *Финляндія,* которая принадлежала къ *числу самыхъ просвѣщенныхъ странъ Европы*, должна будетъ попасть въ такое жалкое состояніе какъ Выборгская губернія". „Государь слушалъ съ большимъ вниманіемъ" (60 стр.).

Къ числу документовъ напоминавшихъ Императору о печальной участи Выборгской губерніи и, слѣдовательно, вліявшихъ на рѣшеніе вопроса о ней, г. Даніельсонъ относитъ: а) „Замѣчанія касающіяся Финляндіи, а также нѣкоторыя сравненія относящіяся до основъ ея внутренняго управленія" М. Сперанскаго, который, какъ извѣстно, былъ врагомъ всякой государственной нивеллировки и готовъ былъ размежевать всю Россію на сотни маленькихъ царствъ вовсе отъ нея независимыхъ; б) письмо Сперанскаго отъ 18 августа 1810 года къ Эмину; в) меморіалъ графа Г. М. Армфельта поданный имъ Государю во время пріѣзда въ Петербургъ въ 1810 году; г) какой-то неофиціальный документъ на французскомъ языкѣ, составленный, повидимому, Финляндцемъ и отысканный г. Даніельсономъ въ бумагахъ графа Г. М. Армфельта, и др.

Первымъ шагомъ къ практическому осуществленію плана возсоединенія Выборгской губерніи г. Даніельсонъ считаетъ указъ 18 октября 1809 года, который, впрочемъ, никогда опубликованъ не былъ. Кому Финляндцы обязаны мыслью объ организаціи коммиссіи по дѣлу объединенія „старой" и „новой" Финляндіи съ достовѣрностью неизвѣстно; Даніельсонъ же, довѣряя словамъ генерала Аминова, готовъ приписывать эту мысль Д. Алопеусу (78 стр.). Во всякомъ случаѣ, главнымъ дѣятелемъ по спасенію жителей Выборгской губерніи отъ русскаго „ига" является, безспорно, гр. Г. М. Армфельтъ. Въ началѣ апрѣля 1811 года графъ вернулся изъ Швеціи въ Финляндію и тотчасъ же былъ приглашенъ письмомъ Императора въ Петербургъ. При личномъ свиданіи съ нимъ, Александръ Павловичъ опредѣленно высказалъ свое намѣреніе неотложно соединить старую Финляндію съ остальною Финляндіей и и дать ей ту же конституцію и ту же свободу (83 стр.). *

О томъ рвеніи съ какимъ гр. Армфельтъ относился къ дѣлу расширенія финляндской границы опредѣленно свидѣтельствуютъ его собственныя письма, служащія вообще хорошимъ „зеркаломъ его души". Заимствуемъ изъ нихъ нѣсколько отрывковъ. 19 окт. 1811 года онъ писалъ, между прочимъ, своей женѣ, въ Швецію: „Сегодня я началъ свою большую работу по соединенію двухъ частей Финляндіи. Если мнѣ удастся довести ее до счастливаго конца, то я, какъ чувствующій человѣкъ и гражданинъ, буду имѣть отъ нея большое удовлетвореніе" (86 стр.). Планъ Армфельта держался сперва въ большомъ секретѣ. Въ письмѣ его отъ 5 ноября читаемъ: „Сегодня я опять

* ...Je vais réunir la vieille Finlande à vous autres et lui donner la même constitution et les mêmes formes de liberté.

Digitized by Google

обѣдалъ во дворцѣ, работалъ съ государемъ вечеромъ и, наконецъ, покончилъ съ соединеніемъ старой и новой Финляндіи, каковое соединеніе является дѣйствительно большимъ дѣломъ и не малою пользой для *человѣчества* ибо *несчастныя существа* (olyckliga varelsерна) Старой Финляндіи чрезъ это могутъ надѣяться вновь получить гражданское бытіе и выйти изъ своего *скотскаго* состоянія (förfäring) (87—88 стр.). О своей великой заслугѣ передъ человѣчествомъ Армфельтъ напоминаетъ еще разъ въ письмѣ (отъ 15 дек.) къ Фридриху Шернвалю:... „Когда я, послѣ труднѣйшей борьбы, одержалъ славную и *для человѣчества и Финляндіи крайне полезную побѣду...*“ (108 стр.).

Послѣ столь смѣлаго заявленія гр. Армфельта о своихъ подвигахъ, робость и колебанія г. Даніельсона, сказавшіяся на 45 страницѣ его книги, совершенно исчезли, и онъ категорически утверждаетъ теперь (на 88 стр.)., что „*самымъ естественнымъ* и *самымъ дѣйствительнымъ средствомъ* для улучшенія положенія сей провинціи являлось соединеніе ея съ остальною Финляндіей“.

Свои *Réflexions sur la Reunion de l' Ancienne et de la Nouvelle Finland* Армфельтъ начинаетъ такъ: Съ тѣхъ поръ какъ новая Финляндія очутилась подъ могущественнымъ скипетромъ кротнаго Александра, счастливые жители ея съ восторгомъ видятъ что сохранена ихъ конституція, оставлены ихъ законы... Но, для полнаго счастья имъ желательно заключить въ свои братскія объятія народъ живущій по другую сторону рѣки Кюмени, они хотятъ чтобъ и тѣ наслаждались плодами свободной конституціи и справедливости (или, какъ далѣе поясняетъ г. Даніельсонъ, „человѣческими законами“). Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возсоединенія со своими братьями, съ которыми жестокая судьба такъ давно разлучила ихъ...“ Иначе говоря, для достиженія намѣченной цѣли не забыты были тогда ни тонкая лесть, ни игра на струнахъ либерализма и гуманизма, ни идиллическія описанія; всѣ средства пробовались, всѣ пути исхаживались... Послѣ указаннаго фейерверка словъ, авторъ *Réflexions* перечисляетъ главныя основанія для возсоединенія, къ которымъ онъ относитъ: сохраненіе лютеранства, назначеніе на правительственныя должности только лицъ офиціально принадлежащихъ къ этому вѣроисповѣданію, право народа на самообложеніе налогами, право посылать представителей на Сеймъ и т. п.

Случилось такъ что въ указѣ о соединеніи Выборгской губерніи съ остальною Финляндіей о правахъ и привилегіяхъ жителей „старой“ Финляндіи ничего не было упомянуто. Это дало Армфельту поводъ вновь войти къ императору съ просьбами и представленіями, въ которыхъ повторялись прежніе мотивы и заявленія. Тутъ упоминалось о злой волѣ и неумѣньѣ тѣхъ которые правили несчастною провинціей и привели ее къ полному упадку; здѣсь указывалось на порчу народнаго характера, сопоставлялись успѣхи „новой“ Финляндіи съ паденіемъ земледѣлія и уменьшеніемъ народонаселенія въ „старой“. Въ частныхъ письмахъ графъ Армфельтъ былъ, конечно, откровеннѣе, и изъ нихъ-то мы узнаемъ какою страшною заразой являлись русскіе люди на финляндской почвѣ. Соотвѣтственно злу рекомендовались и средства борьбы съ нимъ. „Небходимо всю *ядовитую негодную траву* (то есть все русское) вырвать съ корнями (124 стр.). *. „Какъ вы думаете поступить съ почталіонами“ (Выборг. губерніи), спрашиваетъ Армфельтъ, въ другомъ письмѣ, Карла Шернваля. „Эти господа, по моему убѣжденію, *піявки народа*, а посему эти фигуры могли бы исчезнуть“ (130 стр.). По поводу установленія таможенной черты между Выборгомъ и Кексгольмомъ, Армфельтъ писалъ 6 марта: „Министръ Финансовъ, столько же глупый, какъ и высокомѣрный, одинъ изъ тѣхъ которые желаютъ постоянно вмѣшиваться въ дѣла Финляндіи. Воля же государя заключается въ томъ чтобы никто изъ Русскихъ должностныхъ лицъ, кромѣ генералъ-губернатора, никакимъ образомъ не могъ вмѣшиваться ни во что касающееся администраціи. Такимъ

* Письмо отъ 14 января, 1812 г.

Digitized by Google

образомъ распоряженіе о перенесеніи русской таможни изъ Выборга уже сдѣлано, и мнѣ офиціально дано увѣдомленіе чтобъ эта *сволочь* (или шушера, сбродъ—Packet) тѣмъ прекратила свою дѣятельность" (130—131).

Сказаннаго, надѣемся, достаточно для опредѣленія направленія книги Р. Даніельсона. Приведенные изъ нея отрывки вызываютъ однѣ лишь печальныя думы. Благодаря космополитизму господствовавшему въ началѣ столѣтія въ нашихъ руководящихъ сферахъ, являлась возможность свободно осуществлять затѣи подобныя „наивнымъ" планамъ аньяльскихъ заговорщиковъ, унижать русское государственное достоинство и оскорблять національное чувство. Мы согласны что, вслѣдствіе особеннаго и *исключительнаго* положенія Выборгской губерніи, а также вслѣдствіе стеченія разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, картина ея народной жизни представлялась далеко не отрадною; но слѣдуетъ ли, и возможно ли дѣлать изъ этого то заключеніе что „естественнымъ" и надежнѣйшимъ средствомъ для улучшенія положенія дѣлъ этой губерніи было отторженіе ея отъ Имперіи, къ которой она уже стала приростать, и передача ея Финляндіи для исправленія? Только „самовлюбленные" Финляндцы, подобные генералу Аминову, могли беззастѣнчиво утверждать будто Финляндія принадлежала тогда „къ числу самыхъ просвѣщенныхъ странъ Европы"; только вовсе незнакомые съ исторіей могли вѣрить что шведская Финляндія была чуть ли не раемъ по сравненію ея со старою Финляндіей; только либеральные болтуны могли превозносить шведскіе конституціонные порядки XVIII столѣтія. Шведская свобода, „финансовая власть" народа, или право народа на самообложеніе налогами, крестьянское представительство на риксдагахъ и т. п.—все это было пустымъ звукомъ. На дѣлѣ же вся тягость податей лежала на народныхъ плечахъ, депутаты подкупались, крестьянство по временамъ предавалось повальному пьянству и т. д. Еслибы при шведскомъ владычествѣ подвластные народы благоденствовали, то исторія сего королевства не была бы испещрена описаніями частыхъ смутъ и мятежей; въ дѣйствительности же бремя налоговъ, своеволіе помѣщиковъ, нарушеніе законовъ, вызывали во многихъ областяхъ весьма серіозныя вспышки крестьянскихъ протестовъ, какъ, напримѣръ, въ 1772 и 1773 годахъ. Въ ряду другихъ шведскихъ областей Финляндія не составляла исключенія, и для нея стокгольмскіе администраторы не мѣняли своихъ нравовъ и привычекъ. Финляндскій хилый львенокъ только тогда окрѣпъ и оправился, когда попалъ на могучую грудь русскаго орла, какъ выразился одинъ изъ шведскихъ безпристрастныхъ риксдагскихъ депутатовъ; только тогда Финляндія стала благоденствовать, прибавимъ мы отъ себя, когда была осыпана щедротами русскихъ государей; она тогда только культивировалась и проявила народное самосознаніе, когда получила русскую помощь. Все это слѣдовало бы помнить финскому профессору, прежде чѣмъ проповѣдывать о пользѣ извлеченной человѣчествомъ отъ присоединенія Выборгской губерніи къ остальной Финляндіи, прежде чѣмъ говорить объ этомъ соединеніи, какъ объ *„единственномъ средствѣ спасти" Выборгскій край* отъ вреднаго вліянія русскихъ людей (45, 88 стр.).

Истинно русскіе люди давно уже по достоинству оцѣнили все дѣло воссоединенія Выборгской губерніи, назвавъ его, устами Ф. Ф. Вигеля (см. его *Воспоминанія*, 2 изд., 3 ч., 66 и 183 стр.) измѣной Россіи... Въ распоряженіе „горсти иноземцевъ" предоставили русскую губернію, какъ даръ, въ воздаяніе какихъ-то невѣдомыхъ заслугъ. Чтобъ очистить эту губернію отъ сорной „ядовитой травы", покончить съ „піявками" и отдѣлаться ото всякаго „сброда", Финляндцы ассигновали 17 милліоновъ марокъ. „Нельзя не пожалѣть", писалъ недавно А. Чумиковъ (*Русск. Арх.* 1892, I, 99), „что правительство разрѣшило Финляндіи сдѣлать для того внѣшній заемъ и тѣмъ косвеннымъ образомъ способствовало къ вытѣсненію русскихъ началъ изъ края входившаго искони въ составъ Великаго Новгорода, изъ той Карелiи. гдѣ считаемъ въ настоящее время не

Digitized by Google

одинъ десятокъ православныхъ храмовъ со многими тысячами прихожанъ." Финляндцы же теперь торжествуютъ, какъ говорится, по всей линіи.* Откликъ ихъ нескрываемой радости отчетливо слышится въ слѣдующихъ словахъ ихъ современнаго поэта, Захарія Топеліуса: „Финляндія все болѣе и болѣе завоевывала это свое, разъ потерянное, сильное, внѣшнее укрѣпленіе. Выборгъ же понемногу возвратилъ себѣ свое прежнее, почетное мѣсто передовой стѣны своего края и сильнѣе чѣмъ валы, обратившіеся въ мусоръ, поднимаетъ теперь отечественная культура свой невидимый брустверъ *противъ посторонних вторженій*", (*Путешествіе по Финляндіи*, 1875, 66 стр.).

Да, на грустные факты и думы наводитъ русскаго человѣка книга г. Даніельсона...

Г. АБОВЪ.

---

* Ср. статью: „Вигель объ основаніи Финляндіи", *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 331—332, „Русскіе землевладѣльцы въ Старой Финляндіи", тамъ же, стр. 417—418, „Старинный русскій край и его финляндскіе благодѣтели", тамъ же, стр. 602 - 606.

Digitized by Google

Digitized by Google

1894 годъ.

ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.*

1.

Составъ Финляндскаго Сената на 1894—1897 годы.

По дѣйствующему регламенту Финляндскаго Сената, вице-предсѣдатели и члены его назначаются лишь на три года, и по истеченіи этого срока они, особыми Высочайшими манифестами, или оставляются въ своихъ должностяхъ, или же вмѣсто нихъ назначаются новые. Въ сентябрѣ нынѣшняго года истекаетъ трехлѣтіе со времени послѣдняго назначенія, и на дняхъ въ финляндской офиціальной газетѣ *Finlands Allmäna Tidning* опубликованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ о составѣ Сената на будущее трехлѣтіе (приводимъ его въ переводѣ со шведскаго языка):

„Его Императорскаго Величества Высочайшій манифестъ, коимъ призываются и назначаются на будущее трехлѣтіе вице-предсѣдатели и члены Императорскаго Финляндскаго Сената. Данъ въ Петергофѣ 2 іюля (20 іюня) 1894 года.

„Божіею милостію Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе что такъ какъ Высочайше установленный срокъ, въ теченіе котораго нынѣшніе вице-предсѣдатели и члены Нашего Финляндскаго Сената имѣютъ отправлять ввѣренныя имъ должности, оканчивается съ наступающимъ сентябремъ мѣсяцемъ, то Мы признали за благо на таковыя же должности на три года, считая съ перваго числа будущаго октября по 30 сентября 1897 года новаго стиля, Высочайше призвать и назначить нижеслѣдующихъ лицъ:

„Въ Судебномъ Департаментѣ:

„вице-предсѣдателемъ: сенатора, барона Іогана Филиппа Пальмена; членами: сенатора Карла Адольфа Теодора Седергольма, сенатора Суне Биргера Бьеркстена, сенатора Свена Вильгельма Хугберга, сенатора Николая Константина Хорнборга, сенатора Эмиля Стренга, сенатора Нильса Исака Фельмана, сенатора Оскара Фредрика Вильгельма Юллинга, сенатора Генрика Густава Бореніуса, сенатора Людвига Густава Леонарда Клуберга;

„Въ Хозяйственномъ Департаментѣ:

вице-предсѣдателемъ: шталмейстера Двора Нашего, сенатора Карла Тудера; членами: сенатора, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенанта, барона Георга

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, №№ 185, 188, 192, 194, 196, и 203, отъ 8, 11, 15, 17, 19 и 27 іюля.

Digitized by Google

фонъ-Альфтана, директора лоцманскаго и маячнаго вѣдомства въ Финляндіи, генералъ-лейтенанта по адмиралтейству Оттона Гадда, сенатора тайнаго совѣтника барона Класа Германа Моландера, сенатора, генералъ майора Карла Оттона Габріэля Мелана, сенатора Карла Августа Нюберга, сенатора Георга Захарію Ирье Коскинена, сенатора, барона Густава Акселя Самуила фонъ-Троиля, сенатора Карла Эмиля Фердинанда Игнаціуса, сенатора Іогана Густава Сольмана, сенатора Вальдемара Энеберга.

„При семъ сенаторамъ, генералъ-лейтенанту барону фонъ-Альфтану, тайному совѣтнику барону Моландеру, генералъ-майору Мелану, Нюбергу, Ирье Коскинену, барону фонъ-Троилю, Игнаціусу и Энебергу быть попрежнему: барону фонъ-Альфтану начальникомъ экспедиціи путей сообщенія, барону Моландеру начальникомъ финансовой экспедиціи, Мелану начальникомъ милиціонной экспедиціи, Нюбергу начальникомъ судебной экспедиціи, Ирье Коскинену начальникомъ церковной экспедиціи, барону фонъ-Троилю начальникомъ экспедиціи земледѣлія, Игнаціусу начальникомъ камеральной экспедиціи и Энебергу начальникомъ гражданской экспедиціи, а Гадду принять должность начальника экспедиціи торговли и промышленности.

„Съ чѣмъ соображаться всѣмъ кому слѣдуетъ. Петергофъ, 20 іюня 1894 года.

„*АЛЕКСАНДРЪ.*

Министръ статсъ-секретарь
В. фонъ-Денъ.“

Какъ видно изъ Манифеста, вновь назначенъ въ составъ Сената только одинъ членъ — генералъ-лейтенантъ Гадъ, вмѣсто умершаго недавно сенатора Арппе. Вице предсѣдатели и всѣ остальные члены Сената, какъ въ Судебномъ, такъ и въ Хозяйственномъ департаментѣ остаются прежніе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, гг. Пальменъ, Моландеръ, Альфтанъ, Ирье-Коскиненъ и пр., состоятъ сенаторами уже нѣсколько трехлѣтій.

2.

Первый женскій монастырь въ Финляндіи.

До сихъ поръ въ Финляндіи, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного женскаго монастыря. Существующіе въ предѣлахъ края, на островахъ Ладожскаго озера, два мужскіе монастыря, Валаамскій и Коневскій, основаны еще въ древнѣйшее время, до смутнаго времени, когда Восточная Финляндія принадлежала Россіи и православная вѣра могла свободно распространяться въ краѣ. Кромѣ этихъ двухъ монастырей, въ тотъ періодъ существовали въ Восточной Финляндіи и другіе монастыри, какъ мужскіе, такъ и одинъ женскій (въ городѣ Корелѣ, нынѣшнемъ Кексгольмѣ). Въ смутное время, когда Восточная Финляндія, вмѣстѣ съ нынѣшнею Петербургскою губерніей, была отторжена отъ Россіи Швеціей, всѣ православные монастыри были разрушены Шведами. Затѣмъ, послѣ завоеванія Выборгской губерніи Петромъ Великимъ, вышеупомянутые два монастыря, Валаамскій и Коневскій, были возстановлены, отъ остальныхъ же монастырей не осталось и слѣда.

Послѣ недавняго учрежденія въ Финляндіи самостоятельной архіерейской каѳедры, основаніе православной женской обители стало одною изъ заботъ финляндскаго архипастыря, высокопреосвященнаго Антонія. Съ большимъ сочувствіемъ относилась также къ этой мысли покойная супруга финляндскаго генералъ-губернатора, графиня Е. Н. Гейденъ.

Въ скоромъ времени этой благой мысли, повидимому, суждено осуществиться. По словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, тайный совѣтникъ Нероновъ пожертвовалъ часть принадлежащаго ему жалованнаго имѣнія Линтула, въ Выборгской губерніи, для учрежденія православнаго женскаго монастыря. Монастырь предполагается основать въ началѣ будущаго года.

Digitized by Google

3.

Финляндскіе „патріоты“ и „русская“ холера.

Холерная эпидемія, какъ извѣстно, надвигается нынѣшнимъ лѣтомъ все болѣе на западъ. Она показалась уже въ Швеціи. Было также нѣсколько холерныхъ заболѣваній въ разныхъ финляндскихъ городахъ. Совершенно естественно и необходимо, конечно, принимать въ такихъ случаяхъ разныя предохранительныя мѣры, въ родѣ осмотра путешественниковъ, ихъ багажа, дезинфекціи и т. п.; но финляндскіе „патріоты“ готовы, какъ видно, воспользоваться этими предохранительными мѣрами совсѣмъ своеобразно—какъ предлогомъ для того, чтобы лишній разъ кольнуть Россію и подчеркнуть свое отъ нея отчужденіе. Гельсингфорсская газета *Hufvudstadsbladet* обратилась на дняхъ къ своимъ читателямъ со слѣдующимъ воззваніемъ (№ 193):

„Такъ какъ сношенія Финляндіи съ русскою столицей весьма оживленны и разнообразны, то за этими сношеніями долженъ быть установленъ особенно тщательный надзоръ. Между тѣмъ, есть одна область сношеній совсѣмъ не подчиненная надзору, чрезъ которую зараза во всякое время и въ какомъ угодно размѣрѣ можетъ быть занесена сюда, а именно—привозимые сюда изъ Петербурга въ большомъ количествѣ фрукты и разныя огородныя растенія: капуста, лукъ и т. д. Грязными руками смятые и уложенные въ Россіи, эти фрукты и огородныя растенія всего легче могутъ занести къ намъ заразу. Въ виду этого, всѣ съѣстные припасы привозимые изъ Петербурга естественно должны бы внушать самое сильное недовѣріе. И это недовѣріе тѣмъ болѣе должно бы въ нынѣшнія времена поддерживаться въ нашей публикѣ что почти всѣ огородныя произведенія привозимыя изъ Россіи, за исключеніемъ только отчасти фруктовъ, можно получать и у нашихъ собственныхъ отечественныхъ огородниковъ, и притомъ въ болѣе чистомъ и свѣжемъ видѣ“.

4.

Скандинавскіе друзья финляндскихъ „патріотовъ“.

Въ Швеціи и Даніи у финляндскихъ „патріотовъ“, какъ извѣстно, много друзей, съ участіемъ слѣдящихъ за финляндскими дѣлами. Въ шведскихъ и датскихъ газетахъ нерѣдко появляются статьи въ защиту финляндско-сепаратистскихъ притязаній. Такъ, напримѣръ, на дняхъ гельсингфорсскія газеты съ большимъ восторгомъ привѣтствовали появившуюся въ копенгагенской газетѣ *Politiken* статью подъ заглавіемъ: „Мужественная борьба за существованіе“. Въ статьѣ этой повѣствуется, въ весьма сочувственномъ тонѣ, о томъ какъ Финляндцы ведутъ „борьбу за свою самостоятельность“ противъ русской власти. Авторъ статьи останавливается въ особенности на дѣятельности засѣдавшаго въ нынѣшнемъ году Финляндскаго Сейма, и излагаетъ поданную Сеймомъ петицію о „свободѣ печати“ и секретный всеподданнѣйшій адресъ объ „основныхъ законахъ“. Послѣдній онъ называетъ „могучимъ словомъ, въ которомъ нѣтъ недостатка въ искренности и ясности“.

5.

Какъ исполняются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія о русскомъ языкѣ.

Намъ не разъ уже приходилось приводить факты свидѣтельствующіе о томъ что финляндскія власти и „патріоты“ упорно не хотятъ исполнять изданныхъ въ 1891 году Высочайшихъ повелѣній о мѣрахъ направленныхъ

Digitized by Google

къ тому, чтобы хотя нѣсколько приблизить русскій языкъ къ положенію принадлежащему ему по праву, какъ языку государственному, ибо до сихъ поръ онъ все еще третируется въ Финляндіи какъ языкъ иностранный, ни для кого не обязательный и едва терпимый въ предѣлахъ „Финляндскаго государства". Эти Высочайшія повелѣнія были приведены нами и подробно разобраны, вмѣстѣ съ тѣми лжетолкованіями посредствомъ которыхъ стараются обойти ихъ „патріоты", въ 1892 году, въ двухъ передовыхъ статьяхъ (№№ 50 и 51 *Московскихъ Вѣдомостей*). Затѣмъ, въ томъ же 1892 году, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Какъ исполняются въ Финляндіи новыя постановленія о русскихъ уроженцахъ и русскомъ языкѣ" (№ 343 *Московскихъ Вѣдомостей*) * было помѣщено сообщеніе нашего гельсингфорсскаго корреспондента, въ которомъ указывалось на то, что заключающееся въ Высочайшемъ постановленіи 1 августа 1891 года опредѣленіе о назначеніи русскихъ чиновниковъ въ финляндскій статсъ-секретаріатъ и канцелярію финляндскаго генералъ-губернатора совсѣмъ не исполняется, и на вновь открывающіяся въ этихъ учрежденіяхъ вакансіи попрежнему назначаютъ исключительно Финляндцевъ, что Высочайшее постановленіе 7 декабря 1891 года „относительно распространенія знанія русскаго языка среди служащихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ" точно также не исполняется, и тѣ лица которыя выражаютъ желаніе воспользоваться предоставленнымъ въ немъ преимуществомъ для знающихъ русскій языкъ при назначеніи на должности подвергаются со стороны „патріотовъ" даже преслѣдованію. Наконецъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Всуе законы писать, коли ихъ не исполнять" (№ 348 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1892 годъ)** приведено было подлинное письмо главнаго начальника финляндскаго учебнаго вѣдомства, извѣстнаго „патріота", сенатора Ирье-Коскинена, показывающее что финляндскія власти не только не принимаютъ никакихъ мѣръ къ исполненію помянутаго закона 7 декабря 1891 года, но и не желаютъ ихъ принимать.

Въ качествѣ новѣйшаго примѣра въ такомъ же родѣ, укажемъ еще на одинъ фактъ. Въ Высочайшемъ постановленіи 7 декабря 1891 года сказано, между прочимъ: „При каждомъ назначеніи на службу дается безусловное преимущество тому кто знаетъ русскій языкъ, если онъ въ остальномъ соотвѣтствуетъ установленнымъ въ законѣ требованіямъ въ отношеніи права на производство по службѣ. Чтобы воспользоваться этимъ преимуществомъ, кандидатъ обязанъ къ прошенію о назначеніи въ должность приложить свидѣтельство о знаніи русскаго языка, выданное преподавателемъ сего языка при университетѣ, или же учителемъ того же языка при лицеѣ (гимназіи)".

Недавно одинъ изъ финляндскихъ чиновниковъ, г. Реландеръ, желая занять освободившуюся въ мѣстности Ювa должность уѣзднаго бухгалтера, задумалъ воспользоваться своимъ знаніемъ русскаго языка и приложить къ своему прошенію свидѣтельство объ этомъ. Гельсингфорсская газета *Päivälehti* помѣстила объ этомъ сообщеніе, съ цѣлію бросить тѣнь на г. Реландера, какъ на человѣка неблагонадежнаго (такой пріемъ, нужно сказать, всегда употребляется финляндскими газетами какъ въ подобныхъ случаяхъ, такъ и въ случаѣ если, напримѣръ, кто-нибудь изъ Финляндцевъ вздумаетъ произвести уплату русскими деньгами, вмѣсто финскихъ, или приклеить къ письму русскую почтовую марку, вмѣсто финляндской). Сообщеніе тотчасъ произвело желаемое дѣйствіе: г. Реландеръ смутился и помѣстилъ въ *Päivälehti* слѣдующее объясненіе, въ которомъ старается оправдать себя, вполнѣ признавая съ своей стороны что пользоваться предоставленнымъ въ Высочайшемъ постановленіи преимуществомъ непохвально:

„И по моему мнѣнію, говоритъ онъ, вполнѣ умѣстно сообщать публикѣ фа-

---

* См. эти статьи *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 283—292 и 388—391.

** *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 396—400.

Digitized by Google

миліи тѣхъ кто при соисканіи должности, на основаніи своего знакомства съ русскимъ языкомъ, старается получить преимущество предъ своими приблизительно одинаково заслуженными соискателями, но, прежде чѣмъ помѣщать такія сообщенія, редакціямъ газетъ, въ виду впечатлѣнія производимаго подобными извѣстіями, слѣдовало бы справляться, имѣлъ ли человѣкъ вос пользовавшійся свидѣтельствомъ о знаніи русскаго языка какую-либо причину поступить такъ какъ онъ поступилъ, потому что, безъ сомнѣнія, бываютъ случаи когда употребленіе помянутаго свидѣтельства легко можно оправдать. Когда я рѣшилъ проситься на вышеупомянутую должность, то мои соискатели были мнѣ извѣстны, и я зналъ что у многихъ изъ нихъ есть также свидѣтельства о знаніи русскаго языка, и что они намѣрены ими воспользоваться. Въ виду этого и я, не желая оставаться позади изъ-за такой причины, рѣшилъ приложить свидѣтельство къ своему прошенію. Предлагаю, поэтому, редакціи *Päivälehti* въ подлежащемъ учрежденіи (отъ котораго зависитъ назначеніе) удостовѣриться что не я одинъ, а и четверо изъ моихъ соискателей приложили свидѣтельства о знаніи русскаго языка. Могу еще прибавить при этомъ что я поручилъ своему повѣренному въ Гельсингфорсѣ взять мое свидѣтельство обратно, въ томъ случаѣ если и другіе, подавшіе прошенія, возьмутъ обратно свои свидѣтельства".

Въ заключеніе своего письма, г. Реландеръ, повторяя еще разъ что онъ не хотѣлъ получить преимущество предъ другими за свое знаніе русскаго языка, просилъ *Päivälehti* объяснить, со своей стороны, его поступокъ въ такомъ смыслѣ. Редакція *Päivälehti*, однако, не приняла его оправданій и присовокупила къ его письму слѣдующее язвительное примѣчаніе:

„Редакція не считаетъ нужнымъ со своей стороны давать какое-либо объясненіе. Г. Реландеръ соглашается что наше извѣстіе вѣрно, а публика пусть рѣшитъ, принадлежитъ ли употребленное г. Реландеромъ своеобразное свидѣтельство къ числу тѣхъ, „употребленіе которыхъ легко можно оправдать". Едва ли только такіе случаи вообще бываютъ".

Черезъ нѣсколько дней послѣ того *Päivälehti* сообщила что назначенъ на должность не г. Реландеръ, а другой.

Фактъ этотъ наглядно показываетъ какъ сильна еще въ Финляндіи „патріотическая" клика и какъ непримирима ея ненависть къ Россіи. Высочайшее повелѣніе о преимуществахъ предоставленныхъ чиновникамъ знающимъ русскій языкъ, существуетъ, такимъ образомъ, лишь на бумагѣ, и сами чиновники, опредѣляемые на должность, не осмѣливаются, изъ страха предъ „патріотами", примѣнять его.

6.

Сепаратистская агитація на «пѣвческихъ» праздникахъ.

Антирусская агитація въ финляндской печати въ послѣднее время, съ подчиненіемъ финляндской цензуры русскому генералъ-губернатору края и вслѣдствіе принятыхъ имъ мѣръ, нѣсколько поутихла. Но за то „патріоты" тѣмъ усерднѣе стараются агитировать устно, пользуясь тѣмъ что разныя народныя сборища и произносимыя на нихъ рѣчи не подвергаются въ Финляндіи никакому надзору. Особенно удобны въ этомъ отношеніи для „патріотовъ" часто устраиваемые въ лѣтнее время въ разныхъ мѣстностяхъ края пѣвческіе и музыкальные праздники. На нихъ, кромѣ исполненія финляндскихъ „патріотическихъ" пѣсенъ, обязательно произносятся и „патріотическія" рѣчи.

Объ одномъ изъ такихъ пѣвческихъ праздниковъ намъ пишутъ изъ Фридрихсгама слѣдующее:

„Праздникъ происходилъ въ концѣ мая. Въ торжествѣ принимали участіе чуть ли не всѣ жители города и много пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстностей края. Изъ Вильманстранда былъ приглашенъ оркестръ Финскаго драгун-

Digitized by Google

скаго полка (хотя здѣсь есть полковой оркестръ 3-го стрѣлковаго русскаго полка). Торжество началось „„финляндскимъ національнымъ гимномъ““, послѣ чего процессія съ музыкой двинулась съ городской площади на Форштадтскую площадь. По прибытіи туда, одинъ изъ мѣстныхъ обывателей взошелъ на устроенную для оратора эстраду, убранную зеленью и флагами, и обратился къ народу приблизительно со слѣдующею рѣчью. Коснувшись сперва вкратцѣ значенія торжества и поблагодаривъ публику за ея участіе въ немъ, онъ продолжалъ такъ: „„Господа! Хотя и трудное и тяжелое время переживаетъ Финляндія, хотя Россія и унижаетъ насъ въ глазахъ свѣта и силится ограбить (ryöstää) у насъ дарованныя намъ права, но мы этого не допустимъ. Мы Финляндцы; мы скорѣе ляжемъ всѣ до послѣдняго человѣка нежели уступимъ нашу національную драгоцѣнность нашимъ русскимъ врагамъ. Друзья! Будьте увѣрены что Русскіе хотятъ сдѣлать насъ своими рабами, будутъ попирать нашу религію и не станутъ пускать насъ въ наши церкви. Поэтому, еще разъ скажемъ: мы Финляндцы, которые способны какъ одинъ человѣкъ лечь для защиты нашего дорогаго отечества.“

„Приведенное мною есть только отрывокъ изъ рѣчи. Авторъ этой рѣчи не могъ, по болѣзни, присутствовать на праздникѣ самъ и передалъ свою рѣчь для прочтенія другому. Послѣ рѣчи процессія съ музыкой двинулась къ манежу Финляндскаго кадетскаго корпуса, гдѣ двѣнадцать хоровъ, прибывшихъ изъ другихъ мѣстъ края, состязались въ пѣніи, и лучшимъ хорамъ мѣстный коронный фохтъ (уѣздный начальникъ) раздавалъ награды“.

7.

Предстоящій финляндскій заграничный заемъ.

Финляндскій Сеймъ нынѣшняго года постановилъ, между прочимъ, заключить для Финляндіи, за ручательствомъ Сейма, новый заграничный заемъ въ 18 милліоновъ финляндскихъ марокъ. Заемъ предназначается преимущественно для постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Гельсингфорсская газета *Nya Pressen* № 201) помѣстила по этому поводу статью, въ которой приглашаетъ Финляндскій Сенатъ, не ожидая окончательнаго утвержденія постановленія Сейма Верховною Властью и окончанія сопряженныхъ съ этимъ „формальностей“ приступить теперь же къ переговорамъ о займѣ, дабы не упустить благопріятнаго момента.

8.

Иностранная политика финляндскихъ патріотовъ.

Стараясь выдѣлить Финляндскую окраину Россіи въ особое отъ Россіи „конституціонное государство“, финляндскіе дѣльцы, правда, увѣряютъ на словахъ что внѣшней самостоятельности они для своего фантастическаго „государства“ не добиваются, что во внѣшнихъ дѣлахъ они готовы де признавать свое финляндское „отечество“ частью „Россійской державы“ (Ryska riket). Но это только на словахъ. На дѣлѣ же крайняя обособленность и отчужденіе отъ остальной Россіи сказываются и въ отношеніяхъ „патріотовъ“ ко внѣшней политикѣ Россіи. Въ финляндскихъ газетахъ, напримѣръ, нерѣдко можно встрѣтить статьи, въ которыхъ „Россія“ разсматривается какъ какое-то чужое и чуть ли не враждебное государство.

Въ качествѣ новѣйшаго образчика въ этомъ родѣ, укажемъ на появившуюся на-дняхъ въ гельсингфорсской газетѣ *Nya Pressen* (№ 201, отъ 13 іюля нов. ст.) статью по поводу войны между Китаемъ и Японіей. Въ статьѣ этой финляндская газета такъ отзывается о русской политикѣ:

Digitized by Google

„Съ тѣхъ поръ какъ Англичане вынуждены были покинуть портъ Гамильтонъ, нѣтъ ни одного кабинета, гдѣ не знали бы вполнѣ о тѣхъ взглядахъ, какіе кидаетъ Россія на берега Кореи съ ихъ открытыми рейдами, съ ихъ защищенными отъ штормовъ глубокими заливами и гаванями, которыя никогда, подобно Владивостоку и Петропавловску, не запираются льдами въ теченіе большей части года. Россія, правда, обязалась не занимать никакихъ пунктовъ въ Кореѣ, *но русская политика въ Азіи не много справляется съ договорами*, и событія на границахъ Афганистана и Персіи достаточно показываютъ *какъ мало можно полагаться на ея обѣщанія*“ и т. д.

Все это, нужно замѣтить, говорится *отъ имени редакціи* газеты издаваемой въ предѣлахъ Русскаго государства.

9.

Православный женскій монастырь въ Финляндіи.

Въ дополненіе къ помѣщенному нами въ № 188 *Московскихъ Вѣдомостей* * извѣстію о предполагаемомъ учрежденіи перваго въ Финляндіи женскаго монастыря, сообщаемъ еще слѣдующія свѣдѣнія.

Монастырь устраивается на землѣ пожертвованной тайнымъ совѣтникомъ Нероновымъ съ супругой (а не Мироновымъ, какъ сообщалось ранѣе со словъ финляндскихъ газетъ), въ мѣстности Тери-іоки, въ 14 верстахъ отъ станціи Финляндской желѣзной дороги того же имени и въ 50 верстахъ отъ Петербурга. Стоимость пожертвованнаго имѣнія оцѣнивается во 100.000 финскихъ марокъ. На мѣстѣ будущаго монастыря, который предполагается наименовать „Свято-Троицкимъ Линтульскимъ женскимъ монастыремъ“, начата уже постройка храма. Въ новый монастырь изъявили уже желаніе переселиться 10 монахинь изъ одного монастыря въ Пензенской губерніи.

10.

Финляндская легенда о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

На дняхъ помѣщено въ выборгскихъ газетахъ и перепечатано также гельсингфорсскими газетами (см., напримѣръ, газету *Hufvudstadsbladet*, № 202, отъ 29 іюля нов. ст.) слѣдующее извѣстіе:

„Графъ Шереметевъ, зять генералъ-губернатора (финляндскаго) и с о б с т в е н н и к ъ *Московскихъ Вѣдомостей*, находился въ пятницу въ Выборгѣ. Графъ Шереметевъ путешествуетъ по финляндскимъ шхерамъ на двухъ великолѣпныхъ яхтахъ.“

Появленіе подобнаго куріознаго извѣстія и перепечатка его другими газетами объясняется тѣмъ что еще года два тому назадъ какой-то шутникъ пустилъ въ ходъ среди финляндскихъ „патріотовъ“ легенду о томъ будто *Московскія Вѣдомости* издаются на средства графа Шереметева. Они всѣ увѣровали въ нее и съ тѣхъ поръ повторяютъ ее, какъ фактъ не подлежащій сомнѣнію.

* См. выше, стр. 157.

Digitized by Google

СЪѢЗДЪ ФИНЛЯНДСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ СЕРДОБОЛѢ.

(Передовая статья № 183 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года).

Москва, 5 іюля.

Въ половинѣ іюня въ городѣ Сердоболѣ, Выборгской губерніи, состоялся съѣздъ финляндскаго православнаго духовенства. Это съѣздъ первый со времени учрежденія въ Финляндіи самостоятельной архіерейской каѳедры. Послѣдній съѣздъ такого же рода, еще во время принадлежности Финляндіи къ Петербургской епархіи, происходилъ въ 1890 году въ Выборгѣ, и о немъ въ свое время были сообщены подробныя свѣдѣнія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ статьяхъ „Съѣздъ православныхъ священниковъ въ Выборгѣ“ и „Православіе въ Финляндіи и лютеранскія притязанія“.* Нѣкоторые вопросы, обсуждавшіеся на съѣздѣ 1890 года, обсуждались, какъ увидимъ ниже, и теперь. Но главный, самый важный вопросъ, разсматривавшійся Выборгскимъ съѣздомъ,—вопросъ объ изданіи особаго уложенія для православныхъ приходовъ Финляндіи, — теперь, на Сердобольскомъ съѣздѣ, по-видимому, совсѣмъ не затрогивался. А между тѣмъ онъ до сихъ поръ не рѣшенъ.

На обсужденіи Выборгскаго съѣзда находились, какъ извѣстно, два законопроекта о православныхъ приходахъ Финляндіи выработанные Финляндскимъ Сенатомъ. Законопроекты эти, по отзыву бывшаго викарія С.-Петербургской митрополіи, преосвященнаго Владиміра (см. вышепомянутую статью „Православіе въ Финляндіи и лютеранскія притязанія“), суть „не болѣе какъ смѣлая попытка сразу покончить съ особенностями строя православной приходской общины, навязавъ ей цѣлый

* См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. I, стр. 442—453.

Digitized by Google

кругъ лютеранскаго Церковнаго Уложенія, сколокъ съ котораго они (проекты) представляютъ (см. лютеранское Церковное Уложеніе для Финляндіи 1869 года, §§ 290 — 355), попытка, увѣнчивающая собою цѣлый рядъ болѣе робкихъ попытокъ въ этомъ отношеніи". Выборгскій съѣздъ сдѣлалъ рядъ замѣчаній на нихъ въ интересахъ православія. Послѣ того проекты (въ 1891 году) снова попали въ Финляндскій Сенатъ для дальнѣйшей „обработки" со стороны финляндскихъ чиновниковъ-лютеранъ. Замѣчаніями съѣзда финляндскія власти и „патріоты", какъ и слѣдовало ожидать, остались очень недовольны. Такъ, напримѣръ, гельсингфорсская газета *Hufvudstadsbladet* въ февралѣ 1892 года писала о нихъ что:

„противъ проектовъ собраніе русскихъ священниковъ въ Выборгѣ, вѣроятно подъ вліяніемъ алармистскихъ (?!) статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, сдѣлало такъ много замѣчаній что оказалась необходимою коренная переработка ихъ; винить финляндскія власти въ замедленіи, поэтому, нельзя".

Это писалось, какъ сказано, въ февралѣ 1892 года. Прошло съ тѣхъ поръ болѣе двухъ лѣтъ—а дѣло все еще въ прежнемъ положеніи. Не подвинуло его впередъ, какъ видно, и учрежденіе въ Финляндіи особой православной епархіи. А между тѣмъ именно въ связи съ этою важною мѣрой можно было бы ожидать изданія уложенія для православныхъ приходовъ Финляндіи, и, конечно, не по финляндско-лютеранскимъ образцамъ, а сообразно съ духомъ и уставами Православной Церкви. Вообще положеніе новой финляндской православной епархіи, несмотря на то что скоро будетъ уже два года со времени ея учрежденія, представляется все еще въ неустроенномъ, переходномъ видѣ; епархіальное управленіе ея еще не организовано, и дѣлами управленія завѣдуетъ временно существовавшее и раньше въ Выборгѣ Финляндское духовное правленіе, вмѣсто установленной въ указѣ объ учрежденіи епархіи Финляндской духовной консисторіи; причиной этого, какъ слышно, служитъ то что еще не окончена переписка съ финлядскими властями по дѣлу объ отпускѣ изъ финляндскихъ суммъ средствъ необходимыхъ для содержанія консисторіи; архіерейскій домъ въ Финляндіи тоже еще не устроенъ, и также по недостатку средствъ. Много и другихъ вопросовъ, касающихся упорядоченія церковныхъ дѣлъ православнаго населенія Финляндіи и оставшихся въ наслѣдіе отъ того времени когда финляндскимъ лютеранскимъ властямъ предоставленъ былъ широкій просторъ направлять жизнь православныхъ приходовъ края по своему, требуетъ теперь разрѣшенія сообразно съ интересами православія.

Въ виду этого, дѣятельность перваго послѣ учрежденія новой епархіи съѣзда мѣстнаго православнаго духовенства представляетъ особенный интересъ. Пока мы имѣемъ объ этомъ съѣздѣ извѣстія только изъ финляндскихъ источниковъ. По нимъ результаты дѣятельности съѣзда оказываются, къ сожалѣнію, довольно скудными, и нѣкоторыя изъ постановленій съѣзда возбуждаютъ даже недоумѣніе. Это можетъ зависѣть, впрочемъ, частію и отъ недостаточной обстоятельности и точности финляндскихъ извѣстій. Приводимъ эти извѣстія съ необходимыми поясненіями.

По сообщенію гельсингфорсской газеты *Nya Pressen* (№ 183, отъ 10 іюля нов. ст.), съѣздъ, на которомъ, какъ видно изъ именъ участниковъ, присутствовали главнымъ образомъ священники только изъ Восточной

Digitized by Google

Финляндіи, подъ предсѣдательствомъ законоучителя финской учительской семинаріи въ Сердоболѣ, священника Окулова, сдѣлалъ слѣдующія постановленія:

„1) Просить чтобы законы (финляндскіе, касающіеся лютеранскихъ праздниковъ) о препровожденіи праздничныхъ дней распространены были и на православныхъ, такъ чтобы они въ церковные праздники были свободны и не производили торговли и не участвовали въ публичныхъ работахъ, подобно тому какъ они рескриптомъ отъ 15 января 1827 года освобождены отъ празднованія чужихъ (то-есть лютеранскихъ) праздниковъ;

„2) выразить пожеланіе чтобы публикованіе въ церквахъ свѣтскихъ постановленій и т. п. было отмѣнено:

„3) просить чтобы главное управленіе училищъ (финляндское) наблюдало за исполненіемъ постановленій школьнаго устава 1872 года касательно обученія Закону Божію православныхъ учащихся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ края;

„4) чтобы духовенство вошло въ соглашеніе со своими прихожанами о постройкѣ священническихъ домовъ;

„5) одобрить принятыя Финляндскимъ духовнымъ правленіемъ правила относительно ремонта и сооруженія часовень и молитвенныхъ домовъ.

„6) когда въ Православной Церкви присоединяются иновѣрцы, то требовать отъ прозелитовъ чисто религіозныхъ побужденій и добраго христіанскаго поведенія; чтобъ обращаемому, если онъ прежде подвергался наказаніямъ за преступленія, разъяснялось что замѣчанія сдѣланныя въ пасторскомъ свидѣтельствѣ не теряютъ своей силы вслѣдствіе его присоединенія къ Православной Церкви; требовать отъ желающихъ присоединиться къ Православной Церкви знанія главнѣйшихъ молитвъ этой Церкви и краткаго катехизиса. Православные священники должны въ такихъ случаяхъ своими совѣтами содѣйствовать лицамъ желающимъ принять православіе;

„7) оставить нѣкоторые сборы съ церквей безъ измѣненія, а касательно другихъ принять мѣры вызываемыя отдѣленіемъ финляндскихъ церквей отъ С.-Петербургской епархіи;

„8) принять мѣры къ обезпеченію вдовъ и сиротъ православнаго духовенства епархіи;

„9) организовать особые съѣзды учителей и учительницъ православныхъ приходскихъ школъ;

„10) устраивать по временамъ церковные праздники для учащихся въ школахъ;

„11) обязать духовенство по крайней мѣрѣ разъ въ годъ устраивать духовныя собранія (? andliga sammankomster) со своими прихожанами и по меньшей мѣрѣ два раза въ годъ устраивать катехизаціонныя школы;

„12) отъ желающихъ вступить въ бракъ требовать знанія главнѣйшихъ молитвъ и основъ вѣроученія; это опредѣленіе должно, однако, вступить въ полную силу лишь по истеченіи 5 лѣтъ;

„13) къ двумъ стипендіямъ учрежденнымъ Финляндскимъ Сенатомъ для лицъ желающихъ обучаться въ С.-Петербургской духовной семинаріи съ тѣмъ чтобы быть затѣмъ православными священниками въ Финляндіи, прибавить еще 4 стипендіи и впредь требовать отъ всѣхъ обучающихся въ помянутой семинаріи, съ намѣреніемъ сдѣлаться православными священниками въ Финляндіи, знанія финскаго языка“.

Изъ этихъ вопросовъ первые три обсуждались и на Выборгскомъ съѣздѣ (см. вышеупомянутую статью „Съѣздъ православныхъ священниковъ въ Выборгѣ“). Очевидно, никакихъ мѣръ подлежащими финляндскими властями съ тѣхъ поръ не было принято, если вопросы эти понадобилось поднимать снова. Относительно перваго вопроса, о соблюденіи православными своихъ праздниковъ. нужно, однако, замѣтить что на съѣздѣ 1890 года онъ поставленъ былъ прямѣе и яснѣе чѣмъ теперь. Дѣло въ томъ что дѣйствительно православные въ Финляндіи не соблю-

Digitized by Google

дают своихъ праздниковъ; всѣмъ бывшимъ въ краѣ извѣстно что даже въ такіе великіе праздники, какъ Рождество Христово, Крещеніе, Срѣтеніе, Благовѣщеніе, Вознесеніе и пр., магазины русскихъ купцовъ съ чисторусскими фамиліями, напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ, открыты. Но извѣстно также что они *обязательно закрываются въ лютеранскіе праздники*, и купцы ссылаются на то, что мѣстныя финляндскія власти подвергаютъ ихъ взысканіямъ, если они откроютъ свои лавки въ лютеранскіе праздники. Въ постановленіи съѣзда приводится ссылка на рескриптъ 1827 года, освобождающій будто бы православныхъ отъ празднованія лютеранскихъ праздниковъ. Такой рескриптъ, правда, существуетъ, но въ немъ есть одно существенное ограниченіе: въ немъ сказано что производить торговлю, работы и проч. можно православнымъ и въ лютеранскіе праздники *во время свободное отъ богослуженія*. Это-то и подаетъ, очевидно, поводъ совсѣмъ не исполнять рескрипта. Въ лютеранскихъ киркахъ, напримѣръ, Гельсингфорса, богослуженіе, попеременно, то на шведскомъ, то на финскомъ языкѣ совершается нѣсколько разъ въ день. Вѣроятно, этимъ и объясняется то что русскіе купцы тамъ, изъ боязни взысканія, совсѣмъ не производятъ торговли въ лютеранскіе праздники. Праздновать же и свои, и лютеранскіе праздники они, конечно, находятъ для себя невыгоднымъ, и за это ихъ и винить трудно. Нужно, слѣдовательно, чтобы православные были вполнѣ и безусловно освобождены отъ празднованія лютеранскихъ праздниковъ, такъ и былъ поставленъ вопросъ на Выборгскомъ съѣздѣ. Тогда, надо надѣяться, окажется даже излишнимъ обязывать ихъ праздновать свои праздники: они и такъ будутъ ихъ праздновать.

Постановленія съѣзда о присоединяющихся къ Православной Церкви вызываютъ недоумѣніе. Можно подумать что случаи присоединенія къ православію очень часты въ Финляндіи, и что при этомъ православнымъ духовенствомъ допускается прямое нарушеніе уставовъ Православной Церкви, то-есть присоединяются люди не по религіознымъ побужденіямъ и т. д., такъ что понадобилось теперь напомнить ему о требованіяхъ искони предъявляемыхъ Православною Церковію къ новообращающимся. Ничего подобнаго, однако, сколько извѣстно, нѣтъ, да и случаи обращенія въ православіе въ Финляндіи пока, къ сожалѣнію, все еще довольно рѣдки. Опредѣленіе о „пасторскихъ свидѣтельствахъ“ объясняется тѣмъ что въ Финляндіи свидѣтельства лютеранскихъ пасторовъ о поведеніи замѣняютъ паспорты; безъ этихъ свидѣтельствъ нельзя совершить никакого юридическаго акта. Подобныя же свидѣтельства, чисто полицейскаго характера, заставляютъ выдавать и мѣстныхъ православныхъ священниковъ. По словамъ изданной въ 1893 году, по распоряженію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, книги *Православная Церковь въ Финляндіи*, православные священники чрезвычайно тяготятся обязанностью выдавать подобныя свидѣтельства; отпустивъ, какъ духовникъ, прихожанину грѣхъ его, тотъ же священникъ долженъ казнить его какъ полицейскій чиновникъ.

Было бы, поэтому, лучше, кажется, настаивать на отмѣнѣ этихъ свидѣтельствъ для православныхъ чѣмъ обязывать, какъ это предлагаетъ съѣздъ, православныхъ священниковъ воспроизводить свидѣтельство лютеранскаго пастора въ случаѣ обращенія лютеранина въ православіе. Пусть выдаетъ для православныхъ такія свидѣтельства

Digitized by Google

мѣстная полиція, это прямое ея дѣло.

По поводу всѣхъ вообще постановленій съѣзда, и въ особенности тѣхъ которыя касаются финляндскаго законодательства, возникаетъ, затѣмъ, одинъ существенный вопросъ — какъ будутъ, и будутъ ли приведены въ исполненіе пожеланія съѣзда. Съѣздъ постановляетъ „просить“; по принятому до сихъ поръ порядку, просить о принятіи необходимыхъ законодательныхъ мѣръ придется *Финляндскій Сенатъ*, то-есть то самое учрежденіе, состоящее исключительно изъ лютеранъ, которое своими законодательными мѣрами и проектами, въ родѣ вышеуказанныхъ двухъ проектовъ, обсуждавшихся на Выборгскомъ съѣздѣ, всегда старалось лишь забрать Православную Церковь въ Финляндіи въ свои руки и сообщить ей лютеранскую окраску.

Нечего и говорить что такой порядокъ къ добру, то-есть къ надлежащему благоустройству и упорядоченію дѣлъ православія въ краѣ, привести не можетъ. И мы можемъ только повторить здѣсь не разъ уже высказанную нами прежде мысль *, что единственнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ было бы лишь коренное измѣненіе самаго порядка составленія и изданія узаконеній касающихся Православной Церкви въ Финляндіи. Дѣла о законодательныхъ мѣрахъ этого рода должны идти не черезъ Финляндскій Сенатъ и финляндскій статсъ-секретаріатъ, какъ это дѣлается до сихъ поръ, а черезъ высшія русскія власти.

Безъ этого никакія мѣры, ни даже самое учрежденіе въ Финляндіи самостоятельной архіерейской каѳедры, по нашему глубокому убѣжденію, не приведутъ къ желаемой цѣли.

---

* См. сборникъ *Финляндская окраина Россіи*, вып. I, стр. 453, вып. II, стр. 305—307 и пр.

Digitized by Google

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ЕВРЕЙСКІЙ ШАБАШЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Передовая статья № 198 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года).

Москва, 20 іюля.

Статья наша по поводу съѣзда финляндскаго православнаго духовенства, помѣщенная въ № 183 *Московскихъ Вѣдомостей*, вызвала возраженіе въ гельсингфорсской газетѣ *Hufvudstadsbladet* (№ 195), въ видѣ передовой статьи подъ заглавіемъ: „Религіозное усердіе *Московскихъ Вѣдомостей*“. Финляндскія газеты вообще очень любятъ возражать на наши статьи о финляндскихъ дѣлахъ. Обыкновенно „возраженія“ эти состоятъ изъ сплошной ругани и пишутся, очевидно, только для того чтобъ излить на насъ „патріотическую“ злобу возбуждаемую непріятнымъ сознаніемъ того что за продѣлками и выходками „патріотовъ“ въ послѣднее время стали слѣдить въ русской печати и разоблачать ихъ. Въ этомъ отношеніи „возраженіе“ *Hufvudstadsbladet* нисколько не отличается отъ прочихъ „возраженій“ финляндской печати и не заслуживало бы отвѣта. Въ первой половинѣ своей статьи финляндская газета, для того чтобъ удобнѣе было ругаться, занимается извращеніемъ и подтасовкой высказаннаго нами. Она, напримѣръ, объясняетъ своимъ читателямъ, будто мы считаемъ „излишнею совѣстливостью“ требовать отъ присоединяющихся къ православной Церкви иновѣрцевъ религіозныхъ побужденій и знакомства съ православіемъ и будто мы въ своей статьѣ рекомендовали принимать въ православіе даже людей порочныхъ и т. д.

Но вторая половина статьи *Hufvudstadsbladet* любопытна по дерзости и нахальству необычныхъ даже для финляндскихъ „патріотовъ“, и на ней стóитъ остановиться.

Въ статьѣ нашей говорилось, между прочимъ, о слѣдующемъ постановленіи съѣзда:

Digitized by Google

„Просить чтобы законы (финляндскіе, касающіеся лютеранскихъ праздниковъ) о препровожденіи праздничныхъ дней распространены были и на православныхъ, такъ чтобъ они въ церковные праздники были свободны и не производили торговли и не участвовали въ публичныхъ работахъ, подобно тому какъ они рескриптомъ отъ 15 января 1827 года освобождены отъ празднованія чужихъ (то есть лютеранскихъ) праздниковъ".

По поводу этого постановленія мы пояснили что рескриптъ 1827 года на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не соблюдается въ Финляндіи; въ немъ есть ограниченіе (о томъ что православные не имѣютъ права производить торговлю, работы и прочее въ то время, когда происходитъ лютеранское богослуженіе), ограниченіе, которое приводитъ къ тому что въ дѣйствительности православные, проживающіе въ Финляндіи, вынуждены праздновать лютеранскіе праздники, такъ что, напримѣръ, лавки русскихъ купцовъ всегда обязательно закрываются въ лютеранскіе праздники (между тѣмъ какъ въ православные праздники онѣ открыты). Мы высказали поэтому что необходимо сперва освободить православныхъ вполнѣ и безусловно отъ празднованія лютеранскихъ праздниковъ; тогда можетъ оказаться даже излишнимъ обязывать ихъ, посредствомъ особаго финляндскаго закона, къ празднованію своихъ православныхъ праздниковъ: они и такъ будутъ ихъ праздновать.

Hufvudstadsbladet, указавъ на это мѣсто нашей статьи и подтвердивъ, со своей стороны, что рескриптъ 1827 года не исполняется, находитъ это вполнѣ естественнымъ. Такъ де, по ея мнѣнію, и должно быть чтобы православные въ Финляндіи праздновали лютеранскіе праздники, потому что они де составляютъ, по сравненію съ лютеранами, меньшинство, которое должно слѣдовать „мѣстнымъ обычаямъ". Въ подтвержденіе она ссылается на примѣръ лютеранъ „въ Россіи" (то есть коренной Россіи).

„Это слѣдованіе мѣстному обычаю,— говоритъ она,—соблюдается и лютеранами въ Россіи. При празднованіи большихъ церковныхъ праздниковъ они слѣдуютъ тамъ юліанскому календарю. Наше новое Уголовное Уложеніе смотритъ какъ на нарушеніе праздничнаго дня (sabbatsbrott) на занятіе ремесломъ или торговлей въ воскресенье или церковный праздникъ „„который по закону вообще празднуется"". Проступокъ заключается, такимъ образомъ, въ томъ что оскорбляется общественное чувство требующее уваженія къ религіознымъ убѣжденіямъ другихъ. Въ этомъ отношеніи нужно соображаться съ религіознымъ чувствомъ большинства публики. Ибо еслибы принимать при этомъ во вниманіе также и меньшинство, то праздникамъ никогда не было бы конца, и это оказалось бы одинаково невыгоднымъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи".

Финляндская газета не понимаетъ или, вѣрнѣе, не хочетъ понять что дѣло тутъ совсѣмъ не въ „мѣстныхъ обычаяхъ" и даже не въ „большинствѣ" и „меньшинствѣ", а въ томъ, какая религія признается господствующею, государственною религіей. Если считать Финляндскій край отдѣльнымъ отъ Россіи государствомъ со своею собственною, лютеранскою, государственною религіей, тогда конечно, православію пришлось бы подчиниться лютеранству, и положеніе православія въ Финляндіи можно было бы приравнивать къ положенію лютеранства въ остальной Россіи. Но Финляндія есть лишь русская окраина, часть Русскаго государства, въ которомъ по основнымъ государственнымъ законамъ, православная вѣра есть господствующая, государственная религія, и въ Финляндской окраинѣ она по праву должна

Digitized by Google

занимать такое же положеніе, какъ и въ остальной Россіи. Православные въ Финляндскомъ краѣ, правда, составляютъ меньшинство, но во-первыхъ, это меньшинство довольно внушительное (около 50.000), и къ нему принадлежитъ часть кореннаго финскаго населенія края; во-вторыхъ, и это самое главное, за православнымъ меньшинствомъ финляндскаго населенія стоитъ вся единовѣрная съ нимъ великая Россія. Довольно бы казалось, уже и того что русская власть не заставляетъ финляндскихъ лютеранъ почитать праздники господствующей въ государствѣ православной вѣры, что дни, когда во всей остальной Россіи всѣ присутственныя мѣста и проч. закрыты, въ Финляндской окраинѣ, — простые будничные дни. Но финляндскимъ „патріотамъ“ и этого недовольно. Они заставляютъ и православныхъ праздновать лютеранскіе праздники и изъявляютъ такимъ образомъ притязаніе ставить лютеранство надъ православіемъ въ положеніе господствующей, государственной религіи, а православіе въ положеніе религіи лишь терпимой въ краѣ, наравнѣ съ прочими не лютеранскими вѣроисповѣданіями и сектами. Это дерзкое притязаніе еще яснѣе видно изъ примѣра который приводитъ далѣе гельсингфорсская газета для вящшаго убѣжденія насъ. Она прямо приравниваетъ православные праздники въ Финляндіи—къ *еврейскому шабашу*:

„Близко (!) подходящій примѣръ“,— говоритъ она,—„у насъ представляютъ послѣдователи іудейской вѣры, у которыхъ шабашъ приходится на иной день въ недѣлѣ, чѣмъ наше воскресенье. Они слѣдуютъ своему религіозному убѣжденію, удерживаясь отъ производства торговли по субботамъ, но они не могутъ требовать для себя какой-либо индивидуальной свободы производить торговлю по воскресеньямъ, ибо они этимъ оскорбили бы общественное религіозное чувство въ томъ обществѣ, среди котораго они живутъ и законы котораго они обязаны уважать. Дѣло касается здѣсь не ихъ субъективнаго убѣжденія, а общественнаго порядка“.

Въ заключеніе своей статьи *Hufvudstadsbladet* обращается къ намъ со слѣдующимъ нахальнымъ поученіемъ:

„Но именно неспособность смотрѣть на вещи съ иной точки зрѣнія, кромѣ субъективной, и составляетъ корень и причину свойственнаго *Московскимъ Вѣдомостямъ* шовинистскаго образа мыслей. Противъ такой субъективности (subjektivitet) есть лишь одно цѣлебное средство—образованіе“.

Благодаримъ покорно. Нѣтъ, ужъ лучше намъ остаться „необразованными“ и „субъективными“ въ глазахъ „объективныхъ“ и высокопросвѣщенныхъ финляндскихъ „патріотовъ“, чѣмъ равнодушно взирать на униженіе въ одной изъ русскихъ окраинъ православія предъ лютеранствомъ.

Долго терпѣла это униженіе русская государственная власть, а можетъ-быть и не знала о немъ. Но пусть не забываютъ финляндскіе „патріоты“ что всякому терпѣнію есть мѣра, что въ царствѣ Верховнаго Покровителя и Защитника православной вѣры (какъ именуютъ Самодержца Всероссійскаго наши основные государственные законы) ставить безнаказанно православные праздники въ одинаковое положеніе съ еврейскимъ шабашомъ можно лишь до поры до времени.

Digitized by Google

ВНИМАНІЮ РЕВНИТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВІЯ.*

(Православный храмъ въ городѣ Таммерфорсѣ, въ Финляндіи).

Намъ приходилось уже какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ году обращать вниманіе нашихъ читателей на нужды православно-русскаго дѣла въ Финляндіи. Велики и разнообразны эти нужды, долго не находившія удовлетворенія. Въ числѣ ихъ одна изъ самыхъ насущныхъ, это—недостатокъ православныхъ храмовъ. Православное населеніе Финляндіи разбросано по всему почти краю. Между тѣмъ, вполнѣ вмѣстительныхъ и благолѣпныхъ храмовъ тамъ всего два-три, прочіе храмы небольшіе и убогіе, и есть не мало такихъ мѣстностей, гдѣ живутъ православные и гдѣ даже по близости совсѣмъ нѣтъ православныхъ храмовъ. Въ числѣ этихъ мѣстностей находится и одинъ изъ самыхъ значительныхъ финляндскихъ городовъ—Таммерфорсъ.

Намъ доставлено воззваніе образовавшагося среди православныхъ жителей Таммерфорса Комитета для сбора пожертвованій на построеніе въ этомъ городѣ православнаго храма, и съ этимъ-то воззваніемъ мы и желали бы теперь ознакомить ревнителей православія, въ твердой надеждѣ что они не оставятъ его безъ вниманія. Это—трогательный крикъ наболѣвшаго сердца, тоскующаго по красотѣ и благолѣпію храма Божія.

„Въ Таммерфорсѣ, говоритъ комитетъ, — городѣ многолюдномъ и фабричномъ, соединяющемъ съ собою обширныя окрестности, въ которыхъ проживаетъ постоянно и странствуетъ немалое число православныхъ, преимущественно переселенцевъ изъ корельскихъ волостей Архангельской губерніи, до сихъ поръ нѣтъ православнаго храма. Нѣтъ его и по близости; только въ 80 верстахъ, въ городѣ Тавастгусѣ, стоитъ вовсе непримѣтная при въѣздѣ въ городъ, маленькая деревянная военно-мѣстная церковь, далеко не вмѣщающая стоящихъ въ этомъ городѣ частей русскихъ войскъ. Между тѣмъ, въ самомъ городѣ Таммерфорсѣ теперь уже постоянно жительствуетъ свыше ста человѣкъ Русскихъ; да не малое число руссихъ рабочихъ—мостильщиковъ улицъ пріѣзжаетъ изъ С.-Петербургской губерніи на все лѣто сюда работать, а богослуженіе должно совершаться въ тѣсной наемной комнаткѣ.

„Одновременно съ открытіемъ въ городѣ минувшею осенью русской школы съ общежитіемъ при ней для православныхъ дѣтей не-городскихъ жителей, пріобрѣтена на 700 рублей, пожертвованные московскимъ жителемъ, потомственнымъ дворяниномъ Иваномъ Николаевичемъ Коншинымъ, необходимая церковная утварь для устройства

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 198, отъ 21 іюля.

Digitized by Google

при школѣ въ особой комнатѣ временной домовой церкви, въ которой богослуженіе совершается причтомъ перваго походнаго округа Финляндіи во время свободное отъ разъѣздовъ по округу *.

„Высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, совершая свою первую (послѣ учрежденія Финляндской епархіи) ревизіонную поѣздку минувшею осенью, посѣтилъ 21 и 22 октября также городъ Таммерфорсъ и самолично убѣдился въ необходимости построенія здѣсь православнаго храма, что́ онъ и выразилъ въ словѣ, сказанномъ послѣ литургіи и молебна въ назиданіе и утѣшеніе православнымъ, тѣснившимся въ комнаткѣ-церкви и школьной комнатѣ.

„Съ благословенія его высокопреосвященства теперь рѣшено построить въ Таммерфорсѣ каменный, вмѣстимостію на 500 человѣкъ, храмъ въ древне византійскомъ стилѣ. Городское управленіе, благодаря покровительству финляндскаго генералъ-губернатора, отвело безплатно вполнѣ приличное возвышенное мѣсто подъ храмъ и ассигновало 3.000 финскихъ марокъ на выкупъ у частнаго владѣльца построекъ, подлежащихъ снесенію съ мѣста подъ церковь.

„Но наличныя средства Комитета настолько ничтожны, что ихъ едва достанетъ на загрунтовку и устройство фундамента подъ храмъ. ** Всѣ дальнѣйшія средства ожидаются отъ добровольныхъ пожертвованій радѣтелей святыхъ храмовъ Божіихъ. Болитъ, щемитъ сердце русскаго православнаго человѣка, когда онъ видитъ кругомъ роскошныя по своей внѣшности лютеранскія молитвенныя зданія, къ которымъ не лежитъ и не можетъ лежать душа его, и видитъ, въ то же время, крайнее униженіе своей православной святыни, долженствующей укрываться подъ невзрачною крышей въ наемной комнатѣ.

„Помогите же, православные, своими пожертвованіями устроить намъ приличный храмъ православный, помогите чрезъ устроеніе сего храма въ инородческомъ и иновѣрческомъ городѣ поднять высоко знамя святаго православія.

„Пожертвованія могутъ быть направляемы на имя Комитета по сбору пожертвованій на построеніе православнаго храма въ городѣ Таммерфорсѣ".

Въ письмѣ Комитета на имя одного изъ нашихъ сотрудниковъ говорится, между прочимъ:

„Сколь насущна нужда въ построеніи здѣсь храма не только для мѣстныхъ православныхъ жителей, но и для русскаго человѣка, прибывающаго сюда на заработки и не находящаго здѣсь любимаго и единственнаго для него убѣжища, гдѣ онъ могъ бы утѣшиться душевно, храма Божія,— видно изъ усердія, съ какимъ простой крестьянинъ, мостильщикъ улицъ, весь свой лѣтній заработокъ, 100 финскихъ марокъ, пожертвовалъ 11 іюля на построеніе нашего храма".

Мы съ радостью готовы со своей стороны принимать и пересылать по назначенію пожертвованія тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ передать черезъ насъ свою лепту на это святое дѣло.

---

* Въ виду разбросанности православнаго населенія и недостатка храмовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи учреждены такъ называемые „походные причты", которые, по опредѣленному маршруту, въ теченіе большей части года, объѣзжаютъ свои округи для совершенія (въ домахъ) богослуженія и требъ. *Прим. Ред.*

** Въ распоряженіи Комитета имѣется теперь, какъ сообщаютъ намъ, только 5.000 руб., а понадобится, по приблизительному разсчету, на сооруженіе храма около 50.000 рублей. *Прим. Ред.*

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКАЯ „КОНСТИТУЦІЯ“

И

„МАРГАРИНОВЫЙ ВОПРОСЪ“.*

I.

Казалось бы что общаго между такимъ „высокимъ“ предметомъ, какъ „конституція“, хотя бы и въ томъ нѣсколько уродливомъ видѣ, въ какомъ представляется напяливаемая финляндскими „патріотами“ на ихъ финляндское „отечество“ архивная шведская конституція 1772—1789 гг.,—и искусственнымъ масломъ, приготовляемымъ изъ сала и извѣстнымъ подъ именемъ маргарина? Связь между ними можно бы, съ перваго взгляда, усмотрѣть развѣ только въ томъ что какъ маргаринъ составляетъ суррогатъ натуральнаго, коровьяго масла, употребляемый лишь за неимѣніемъ послѣдняго, такъ и помянутая извлеченная финляндскими дѣльцами въ шестидесятыхъ годахъ изъ архивной пыли шведская конституція служитъ для нихъ суррогатомъ настоящей, „заправской“ и вполнѣ „современной“ финляндской „конституціи“, которой они уже давно, но тщетно добиваются, стараясь разными интригами выманить ея утвержденіе у Русской Верховной Власти.

Но такого сходства, конечно, слишкомъ недостаточно еще для серіознаго сопоставленія этихъ предметовъ. А между тѣмъ, они самымъ серіознымъ образомъ сопоставляются въ Финляндіи вотъ уже цѣлые два года. Для каждаго слѣдившаго хотя бы мелькомъ въ послѣднее время за дѣятельностью финляндскихъ политиковъ въ мѣстной печати и на закрывшемся недавно Финляндскомъ Сеймѣ,** до очевидности ясно было что связь между этими предметами есть, и очень близкая, хотя и создана она совершенно искусственнымъ образомъ. Сперва въ газетныхъ статьяхъ, потомъ въ многочисленныхъ рѣчахъ сеймовыхъ ораторовъ и опять-таки въ газетныхъ статьяхъ „маргаринъ“ и „конституція“ безпрестанно упоминались рядомъ и упоминанія о нихъ че-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, №№ 217 и 224, отъ 10 и 17 августа.

** См. выше „Финляндскій Сеймъ 1894 года“, стр. 3—25.

Digitized by Google

редовались съ такими громкими словами, какъ „конституціонный конфликтъ“, „права представителей Финскаго народа“, „свобода промысловъ“, и т. п. И въ печати и на Сеймѣ велись жаркіе дебаты о томъ, „конституціонно“ или „неконституціонно“ постановлять о производствѣ маргарина „безъ согласія“ Сейма. Если бы собрать вмѣстѣ всѣ газетныя статьи и сеймовыя рѣчи по „маргариновому вопросу“ который на Сеймѣ нынѣшняго года, по отзывамъ мѣстныхъ политиковъ, занялъ самое видное положеніе и получилъ значеніе „жгучаго вопроса“, то изъ этого образовался бы довольно объемистый томъ.

Вся эта буря въ финской лужѣ въ глазахъ посторонняго была бы, конечно, только куріозна, еслибъ она не была, съ другой стороны, такъ возмутительна для русскаго наблюдателя, не забывающаго что Финляндія есть окраина Россіи и что дѣло идетъ тутъ о правахъ и значеніи *Русской* Верховной Власти. Неоднократно обнаруживавшіеся уже и прежде дерзкія притязанія финляндскихъ земцевъ свести эти права на ничто и поставить свою власть наравнѣ съ Монаршею властью или даже выше ея, особенно ярко проявились въ этомъ дѣлѣ. У Самодержца Всероссійскаго финляндскіе земцы и „патріоты“ отрицаютъ право постановлять, по собственному усмотрѣнію, даже о такихъ, сравнительно ничтожныхъ, предметахъ какъ производство маргарина, и Финляндскій Сеймъ позволяетъ себѣ выражать прямое порицаніе высшей власти за то что она, не спросивъ предварительно его разрѣшенія, воспретила маргариновое производство въ краѣ.

Но я забѣгаю впередъ. Разкажу всю эту „маргариновую исторію“ по порядку: она стóитъ того, такъ какъ введетъ читателей въ самый круговоротъ современной финляндской „политической жизни“.

II.

Началась исторія, какъ уже сказано, съ газетныхъ статей. Въ Финляндіи до сихъ поръ совсѣмъ не производилось маргарина. Извѣстно, съ другой стороны, что однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза Финляндіи въ коренную Россію и за границу служитъ коровье масло. Въ январѣ 1892 года Акціонерное Общество, содержащее скотобойню для убоя свиней въ городѣ Гангѣ, подало въ Финляндскій Сенатъ прошеніе о дозволеніи учредить въ этомъ городѣ, при скотобойнѣ, маргариновый заводъ. Сенатъ, имѣя въ виду интересы молочнаго хозяйства, затребовалъ отзывы по этому дѣлу у существующихъ въ краѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, земледѣльческихъ обществъ, у отдѣльныхъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству и у Финляндскаго Экономическаго Общества (въ Або). Бóльшая часть земледѣльческихъ обществъ высказались противъ учрежденія маргариновыхъ заводовъ. Допущеніе производства маргарина въ краѣ, говорили они въ своихъ отзывахъ, можетъ вредно отозваться на молочномъ хозяйствѣ, тѣмъ что вызоветъ недовѣріе къ финляндскому маслу за границей и паденіе цѣнъ на него. Финляндское Экономическое Общество въ своемъ отзывѣ, напротивъ, высказывалось въ пользу маргариноваго производства, находя возможнымъ допустить его, по примѣру Швеціи и Даніи, съ тѣмъ только условіемъ чтобъ оно было подвергнуто строгому контролю. Сенатъ согласился съ отзывами земледѣльческихъ обществъ и, чтобы не подрывать торговли „чухонскимъ“ масломъ, большинствомъ голосовъ постановилъ отказать Гангёскому Акціонерному Обществу въ его просьбѣ.

Какъ только извѣстіе объ этомъ постановленіи Сената огласилось, финляндскія газеты подняли шумъ. Прежде другихъ выступили, конечно, наиболѣе рьяные органы сепаратистской клики, въ родѣ гельсингфорской газеты *Nya Pressen*. Онѣ стали доказывать что, вопервыхъ, производство маргарина вовсе не вредно, а, во вторыхъ, что, еслибъ оно и было вредно, запрещать его все-таки нельзя, такъ какъ это противорѣчитъ де изданному „съ согласія“ Сейма закону о промыслахъ отъ 31 марта 1879 года. Нужно сказать что проэктъ этого закона,—какъ и бóльшая часть финляндскихъ законо-

Digitized by Google

проектовъ всякаго рода за послѣднія десятилѣтія,—передавался, до утвержденія его Верховною Властію, на заключеніе Финляндскаго Сейма. А по ученію финляндскихъ политиковъ, законъ, разъ попавшій на обсужденіе Сейма, можетъ быть впредь измѣняемъ и дополняемъ уже не иначе какъ „съ согласія“ Сейма *хотя бы раньше законы и издавались по тому же предмету помимо Сейма.* Это ученіе они выводятъ изъ „общаго конституціоннаго права“ и изъ „духа конституціоннаго строя“, такъ какъ даже шведская конституція 1772 — 1789 годовъ, на которой они обыкновенно основываютъ свои притязанія, не содержитъ сколько нибудь ясныхъ постановленій въ этомъ смыслѣ. За послѣднія десятилѣтія весьма часто бывало что законы по такимъ предметамъ, по которымъ даже безправные шведскіе короли прошлаго столѣтія законодательствовали по своему благоусмотрѣнію, направлялись финляндскими дѣятелями и властями на Сеймъ и переходили такимъ образомъ въ область, какъ они выражаются, „сеймоваго законодательства“, или „сеймовыхъ законовъ“. Соотвѣтственно расширенію области „сеймоваго законодательства“, уменьшалась, и все болѣе уменьшается съ каждымъ сеймомъ, область „административнаго“, или „экономическаго“ законодательства, въ которой они, финляндскіе дѣльцы, великодушно предоставляютъ Верховной Власти постановлять по ея единоличному усмотрѣнію. Къ этой послѣдней области они относятъ теперь уже только наименѣе важныя, мелкія постановленія; а все наиболѣе существенное и важное отнесено ими къ первой области. Въ „сеймовыхъ законахъ“, по ихъ мнѣнію, Верховная Власть не имѣетъ де права измѣнять ни одной іоты „безъ согласія“ Сейма. Мало того: если какую-либо вновь принимаемую правительствомъ мѣру окажется возможнымъ истолковать въ томъ смыслѣ что она, хотя бы въ малѣйшей степени несогласна съ какимъ-нибудь „сеймовымъ закономъ“, то какъ бы ни неотложна была она, какими бы требованіями общественной пользы ни вызывалась, финляндскіе политики обыкновенно требуютъ передачи вопроса о ней на предварительное разсмотрѣніе „второй государственной власти“, какъ величаютъ они Сеймъ.

Такъ поступили они и въ настоящемъ случаѣ. Въ законѣ о промыслахъ 1879 года, въ § 1, постановляется что „каждый финляндскій гражданинъ“ можетъ свободно заниматься всѣми „дозволенными закономъ промыслами“, за исключеніями, указанными въ § 14 того же закона. А въ § 14 перечисляются нѣкоторые промыслы, въ родѣ, напримѣръ, приготовленія взрывчатыхъ веществъ, ядовъ и т. п., и говорится что относительно этихъ промысловъ дѣйствуютъ особыя правила; кромѣ того, тамъ сказано что промыслами которые могутъ быть вредны „для здоровья, имущества или жизни людей“ можно заниматься не иначе какъ съ особаго разрѣшенія правительства. О маргаринѣ во всемъ законѣ нѣтъ никакого упоминанія. Да оно и не удивительно: 15 лѣтъ тому назадъ производство маргарина было еще сравнительно мало извѣстно.

Поборники маргарина и „конституціонныхъ правъ“ Сейма стали разсуждать слѣдующимъ образомъ: законъ 1879 года дозволяетъ свободно заниматься всѣми промыслами и въ числѣ изъятій, въ § 14, не называетъ маргариноваго производства, которое притомъ нельзя считать вреднымъ для здоровья, имущества или жизни людей; слѣдовательно, запрещеніе основать въ краѣ маргариновый заводъ противорѣчитъ де „сеймовому закону“ и Сенатъ поступилъ незаконно.

Но у Сената нашлись въ финляндской печати и защитники. Они доказывали, напротивъ, что допущеніе производства маргарина будетъ вредно для края и что мѣропріятіе Сената нельзя считать противорѣчащимъ закону 1879 года. Это разногласіе, обнаружившееся уже въ самомъ началѣ въ печати, еще болѣе рѣзко проявилось потомъ на Сеймѣ. Оно находится въ тѣсной связи со взаимными раздорами и счетами двухъ финляндскихъ партій—„шведомановъ“ и „финномановъ“. „Шведоманы“ (сторонники преобладанія шведскаго языка и швед-

Digitized by Google

ской культуры), занимавшіе раньше господствующее положеніе въ финляндскомъ управленіи, очень недовольны нынѣшнимъ составомъ Финляндскаго Сената, такъ какъ въ немъ господствуютъ въ послѣдніе годы „финноманы“ (сторонники финскаго языка и финской народности). „Шведоманы“, кромѣ того, считаютъ себя истинными представителями западнаго „либерализма“ въ Финляндіи и особенно усердно выступаютъ въ защиту всякаго рода „свободъ“: „свободы печати“, „свободы промысловъ“, „свободы религіозныхъ сектъ“ и т. д., а „финномановъ“ обвиняютъ въ наклонности къ „консерватизму“. „Финноманы“ же считаютъ своимъ долгомъ поддерживать своихъ единомышленниковъ засѣдающихъ въ Сенатѣ и защищаютъ обыкновенно противъ „шведомановъ“ финляндское „туземное правительство“. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ маргарину, разногласіе между „шведоманами“ и „финноманами“, выступившими противъ маргарина и въ защиту мѣропріятія Сената, объясняется еще и тѣмъ что „финноманамъ“, выдающимъ себя за представителей интересовъ массы финскаго населенія, ближе интересы сельскаго хозяйства, а слѣдовательно, и „чухонскаго масла“, между тѣмъ какъ „шведоманамъ“, представляющимъ преимущественно зажиточную „буржуазію“, дороже торгово-промышленные интересы.

Пока велись эти споры въ финляндскихъ газетахъ о вредѣ или безвредности маргариноваго производства и о „законности“ или „незаконности“ его воспрещенія, Финляндскій Сенатъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ представленіемъ объ изданіи Высочайшею Властію особаго закона, воспрещающаго производство въ краѣ маргарина. При обсужденіи этого дѣла въ Сенатѣ, какъ оказалось въ послѣдствіи, тоже обнаружилось разногласіе приблизительно того же рода какъ и въ печати: одни изъ сенаторовъ находили производство маргарина безвреднымъ, другіе, независимо отъ вопроса о вредѣ или безвредности, считали невозможнымъ постановлять что-либо объ этомъ „безъ согласія“ Сейма, третьи, наконецъ, стояли за воспрещеніе. Большинство сошлось на томъ чтобы представить объ изданіи закона воспрещающаго производство маргарина *„до тѣхъ поръ пока земскимъ чинамъ дана будетъ возможность высказаться по этому дѣлу на слѣдующемъ Сеймѣ“*. Преклоненіе предъ „второю государственною властью“, такимъ образомъ, и со стороны Сената проявилось въ сущности нисколько не меньше чѣмъ со стороны газетныхъ политикановъ: послѣдніе предлагали совсѣмъ не запрещать производства маргарина до разсмотрѣнія этого дѣла Сеймомъ, а Сенатъ предложилъ запретить лишь временно, до созванія Сейма, и на дальнѣйшее запрещеніе, значитъ, просить разрѣшенія у „земскихъ чиновъ“, и если они не благоволятъ разрѣшить, то отмѣнить запрещеніе.

Само собою разумѣется что на такой странный и унизительный для высшей власти проектъ не могло послѣдовать Высочайшаго соизволенія. Проектъ Сената былъ въ Петербургѣ видоизмѣненъ и въ финляндскомъ *Сборникѣ Постановленій* издано „Высочайшее Объявленіе“ отъ 14 іюля 1892 года, въ которомъ производство въ краѣ маргарина воспрещается *„впредь до усмотрѣнія и пока о томъ особо будетъ постановлено“*.

III.

Изданіемъ Высочайшаго объявленія отъ 14 іюля 1892 года, казалось, и должна была бы окончиться финляндская „маргариновая“ исторія. Существовало сомнѣніе, велись споры о томъ какъ понимать законъ о промыслахъ 1879 года: считать ли запрещеніе производства маргарина противорѣчащимъ ему, или нѣтъ; Верховная Власть, въ особомъ постановленіи, законодательнымъ порядкомъ подтвердила запрещеніе и тѣмъ разрѣшила недоумѣніе относительно истиннаго смысла закона 1879 года. Дальнѣйшимъ спорамъ, казалось, уже не было мѣста.

Но не тутъ-то было. Въ Финляндской окраинѣ Россіи, наряду съ единою и непререкаемою для всей остальной Россіи Монаршею Властію, дер-

Digitized by Google

зостно и настойчиво выдвигается еще какая то „вторая государственная власть“, и ей присвоивается такая же сила какъ и Монаршей Власти. Изданіе помянутаго Высочайшаго объявленія о воспрещеніи производства маргарина не только не прекратило, но даже усилило шумъ и оппозиціонные крики среди финляндскихъ „патріотовъ“. Они не постѣснились объявить и Высочайшее повелѣніе „незаконнымъ“ и „нарушающимъ права Сейма“ и заговорили о „конституціонномъ конфликтѣ“ между „обѣими государственными властями“. Сеймъ они побуждали протестовать противъ мнимаго „нарушенія“ его „правъ“.

Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ криковъ, а можетъ быть также и изъ собственнаго усердія къ соблюденію „конституціонныхъ правъ“ Сейма, Финляндскій Сенатъ прибѣгнулъ тогда къ мѣрѣ, поистинѣ удивительной: онъ рѣшилъ передать Финляндскому Сейму нынѣшняго (то-есть 1894) года правительственное предложеніе въ томъ смыслѣ чтобы *Сеймъ позволилъ Верховной Власти впредь установлять временныя правила по ея усмотрѣнію* (то-есть не обращаясь каждый разъ немедленно къ Сейму) *въ случаяхъ подобныхъ вышеописанному случаю съ маргариномъ*. Это правительственное предложеніе выражено было Сенатомъ въ видѣ проекта дополненія къ закону о промыслахъ 1879 года, слѣдующаго содержанія:

„Когда возникнутъ такіе не производившіеся прежде въ Финляндіи промыслы которые могутъ неблагопріятно подѣйствовать на естественную производительность и интересы страны, то Его Императорское Величество властенъ постановлять, можно ли и на какихъ условіяхъ можно сіи промыслы производить, до тѣхъ поръ пока не состоится по дѣлу окончательное законодательство.“

Заранѣе можно было предвидѣть, какъ поймутъ подобное правительственное предложеніе и какъ отнесутся къ нему финляндскіе „патріоты“ и земцы. Передача его на Сеймъ была для нихъ крупною побѣдой. „Правительство,—стали разсуждать они,—само идетъ къ намъ съ повинною головой; а мы покажемъ ему себя.“

И, дѣйствительно, показали. Предложеніе подало поводъ на Сеймѣ къ цѣлому потоку громкихъ фразъ о значеніи „второй государственной власти“ и „грозныхъ“ рѣчей противъ „нарушенія конституціи“.

По принятому на финляндскихъ сеймахъ порядку, всѣ правительственныя предложенія передаются сперва въ одну изъ сеймовыхъ коммиссій, въ которыя избирается по нѣскольку членовъ отъ каждаго изъ четырехъ сословій Сейма. Передача дѣла въ коммиссію сопровождается или не сопровождается преніями, смотря по тому, найдетъ ли кто-либо изъ членовъ Сейма нужнымъ обратить на что-нибудь особенное вниманіе коммиссіи. По изготовленіи коммиссіей отзыва, происходятъ окончательныя пренія, и каждое сословіе постановляетъ свое рѣшеніе. Если большинство Сейма, то-есть три сословія, не сходятся на какомъ либо буквально одинаковомъ рѣшеніи, то дѣло снова передается въ коммиссію для выработки проекта соглашенія разнорѣчивыхъ рѣшеній. Проектъ коммиссіи опять передается во всѣ сословія и т. д., пока не выработана будетъ такая редакція сеймоваго заключенія, съ которою согласятся всѣ четыре (въ извѣстнаго рода дѣлахъ) или, по крайней мѣрѣ, три сословія.

Первый рядъ „филиппикъ“ финляндскихъ сеймовыхъ витій противъ вышеприведеннаго правительственнаго предложенія произнесенъ былъ при передачѣ дѣла въ коммиссію. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя извлеченія.

Въ дворянскомъ сословіи профессоръ права въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, баронъ Вреде,—одинъ изъ самыхъ рьяныхъ сеймовыхъ ораторовъ, отличившійся уже на прошломъ Сеймѣ въ качествѣ „передоваго“ дѣятеля сепаратистской клики,—сказалъ между прочимъ:

„Всегда случаются такіе вопросы, по которымъ не было прежде законодательства, и по которымъ правительству приходится временно принимать такія мѣры, относительно которыхъ оно затѣмъ *должно испрашивать ут-*

Digitized by Google

верженія у земскихъ чиновъ. Но запрещеніе производить маргаринъ было, однако, мѣрой которой правительство не должно было и не имѣло права принимать." „*Правительству* заключилъ онъ свою рѣчь,—*нельзя давать такой большой власти, какъ проектируется въ предложеніи.*"

Другой ораторъ въ томъ же сословіи, В. фонъ-Гаартманъ (бывшій сенаторъ и ландмаршалъ Сейма) заявилъ что „*правительство превысило свою власть*, постановивъ запрещеніе маргариноваго производства. Въ особенности при нынѣшнихъ обстоятельствахъ опасно переступать границы сеймовыхъ законовъ. Можно было ожидать отъ правительства какого-либо предложенія по маргариновому вопросу, но никакого предложенія нѣтъ, и неизвѣстно, намѣрено ли правительство оставить это запрещеніе въ силѣ, или отмѣнить его. Если одобрить Высочайшее предложеніе, то никакая новая отрасль промышленности, какъ бы невинна она ни была, не можетъ возникнуть безъ разрѣшенія правительства."

Въ городскомъ сословіи самую длинную и самую „пламенную" рѣчь при передачѣ дѣла въ коммиссію произнесъ издатель газеты *Nya Pressen* Лилле.

„Я не отрицаю, — ораторствовалъ онъ,—у правительства права при извѣстныхъ обстоятельствахъ пріостанавливать примѣненіе принятаго Монархомъ и земскими чинами закона въ какомъ-либо извѣстномъ пунктѣ, если примѣненіе его въ этомъ пунктѣ можетъ повредить обществу; но это можетъ быть дѣлаемо лишь съ тѣмъ условіемъ что у *представительства относительно этого испрашивается потомъ извиненіе* (indemnitet). Какъ бы ни разсматривать образъ дѣйствій правительства въ настоящемъ случаѣ, нельзя, однако, придти къ иному заключенію какъ къ тому что оно поступило неконституціонно. *Правительство проситъ теперь чтобъ ему дана была власть постановлять*, можно ли и на какихъ условіяхъ можно производить такіе не производившіеся прежде въ странѣ промыслы, которые могутъ неблагопріятно подѣйствовать на естественную производительность страны, впредь до установленія окончательнаго законодательства по этому предмету. Если земскіе чины теперь одобрятъ это предложеніе, то отъ свободы промысловъ въ нашей странѣ не останется ничего кромѣ пустой скорлупы".

Рѣчь г. Лилле оказалась до того рѣзкою что финляндская цензура не нашла возможнымъ пропустить ее цѣликомъ въ стенографическихъ отчетахъ газетъ. По этому поводу г. Лилле поднялъ на Сеймѣ вопросъ о правѣ сеймовыхъ ораторовъ печатать свои рѣчи безъ цензуры. Городское сословіе, по его предложенію, постановило впредь печатать рѣчи, не предъявляя ихъ цензурѣ.

IV.

Сеймовая коммиссія представила сословіямъ обширный докладъ по „маргариновому вопросу." Какъ и слѣдовало ожидать по предварительнымъ преніямъ и по всему ходу дѣла, она предложила отвергнуть правительственное предложеніе.

„Предоставить правительству новое полномочіе какого оно желаетъ,—говорится, между прочимъ, въ докладѣ коммиссіи,—это значило бы не только сдѣлать совершенно призрачнымъ выраженный въ законѣ о промыслахъ 1879 года принципъ свободы промысловъ, но и постепенно уменьшить неоспоримое (!) право земскихъ чиновъ принимать участіе въ дальнѣйшимъ развитіи законодательства о промыслахъ".

При обсужденіи доклада коммиссіи начался второй рядъ „филиппикъ" противъ предоставленія Верховной Власти „столь широкихъ полномочій". Болѣе другихъ и на этотъ разъ отличился вышеупомянутый финляндскій профессоръ Вреде въ дворянскомъ сословіи. Онъ повторилъ въ своей рѣчи выраженное имъ уже на прошломъ Сеймѣ (по поводу Высочайшаго манифеста о пріостановкѣ новаго финляндскаго Уголовнаго Уложенія) мнѣніе что *не слѣдуетъ де исполнять такія Высочайшія постановленія которыя изданы „неза-*

Digitized by Google

коннымъ образомъ", *то-есть „безъ согласія" Сейма* *.

„Коммиссія, — говорилъ онъ, — до полной очевидности доказала что Высочайшее объявленіе отъ 14 іюля 1892 года о запрещеніи производства маргарина противорѣчитъ дѣйствующему закону о промыслахъ, состоявшемуся при участіи земскихъ чиновъ. Отвѣтственность за эту мѣру, явившуюся по почину большинства Сената, состоявшаго всего изъ пяти членовъ, падаетъ, однако, *не столько на наше туземное правительство* (то есть Сенатъ), *сколько на власти, стоящія внѣ его* (?), *въ особенности на генералъ-губернатора страны*, по представленію котораго объявленіе издано. Коммиссія поступила вполнѣ правильно въ томъ что не пустилась въ обсужденіе самого маргариноваго вопроса: ибо рѣчь тутъ должна быть, прежде всего, о конституціонномъ вопросѣ, и уже на второмъ планѣ — о вопросѣ экономическаго свойства. Одно только замѣчаніе можно сдѣлать противъ доклада коммиссіи: соотвѣтственно своему отзыву о происхожденіи постановленія отъ 14 іюля 1892 года, она должна была бы предложить отмѣну этого постановленія. Иначе это незаконнымъ образомъ явившееся повелѣніе можетъ остаться въ силѣ еще на одинъ сеймовый періодъ. *Я, правда, держусь того взгляда что постановленія, явившіяся незаконнымъ образомъ, суду не слѣдуетъ примѣнять, но такъ какъ я знаю что многіе судьи, относительно исполненія манифеста о пріостановкѣ Уголовнаго Уложенія, держались иного взгляда*, то я вынужденъ предложить слѣдующее дополненіе къ проекту коммиссіи (то-есть къ составленному ею проекту отрицательнаго отвѣта Сейма на Высочайшее предложеніе): „*Чтобъ Его Императорскому Величеству благоугодно было немедленно отмѣнить помянутое объявленіе* (о запрещеніи производства маргарина) *и на слѣдующемъ Сеймѣ передать земскимъ чинамъ* законопроектъ о регулированіи производства и продажи маргарина, если это (то-есть регулированіе), по изслѣдованіи дѣла, окажется нужнымъ.""

Говорившій вслѣдъ за барономъ Вреде пресловутый Л. Мехелинъ поспѣшилъ изъявить полное свое согласіе съ нимъ относительно предложеннаго имъ дополненія къ проекту коммиссіи. При крикахъ благородныхъ финляндскихъ „рыцарей" „bra", „bra" („хорошо", „хорошо"), какъ это отмѣчено въ стенографическомъ отчетѣ о засѣданіи сословія, онъ выпустилъ, между прочимъ, такую „стрѣлу" по адресу высшей власти: „Ничто не способно въ болѣе высокой степени ослаблять вѣру въ будущее спокойное развитіе страны, *какъ если приходится видѣть что законъ нарушаютъ тамъ гдѣ больше всего его должны бы защищать.*"

Одинъ изъ слѣдующихъ ораторовъ, К. Антель, объявилъ въ своей рѣчи что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ которые, на сдѣланные Сенатомъ у земледѣльческихъ обществъ и у спеціалистовъ запросы, отвѣчали въ томъ смыслѣ что значительное производство маргарина въ краѣ будетъ вредно для вывоза коровьяго масла, но „по вопросу о правѣ правительства переступать границы „сеймовыхъ законовъ" онъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію барона Вреде" и считаетъ этотъ вопросъ „по преимуществу конституціоннымъ вопросомъ".

Изъ преній въ дворянскомъ сословіи отмѣчу еще одинъ эпизодъ, весьма любопытный для характеристики финляндскихъ „конституціонныхъ" порядковъ: въ преніяхъ принимали участіе также два сенатора, генералъ-лейтенантъ, баронъ Г. Альфтанъ * (финляндскій „министръ путей сообщенія", завѣдующій Коммуникаціонною Экспедиціей Сената) и баронъ Моландеръ (начальникъ Финансовой Экспедиціи); они не постѣснились высказаться *тоже въ пользу доклада сеймовой коммиссіи, то есть за отверженіе Высочайшаго предложенія.* Эти господа разсуждали, очевидно, такъ: правительственное предложеніе Сейму они составляли въ качествѣ членовъ

---

* См. объ этомъ мнѣніи *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 179—180 и 318.

* О немъ см. статью „Передовой финляндскій „„государственный дѣятель"" въ *Финл. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 195—199.

Digitized by Google

правительства, сенаторовъ, а отвергнутъ его имѣютъ право въ качествѣ „представителей Финскаго народа“.

Въ заключеніе преній финляндскіе „рыцари“ постановили: одобрить докладъ коммиссіи съ дополненіемъ къ нему предложеннымъ барономъ Вреде.

Такое же постановленіе сдѣлано было и бюргерскимъ сословіемъ Сейма. Въ этихъ двухъ сословіяхъ господствуютъ „шведоманы“ и правительственное предложеніе почти никто не защищалъ. Въ духовномъ же и крестьянскомъ сословіяхъ, гдѣ большинство составляютъ „финноманы“, послѣдніе хотѣли сперва одобрить правительственное предложеніе чтобы не обидѣть своихъ друзей въ Сенатѣ и оградить ихъ отъ упрековъ въ „нарушеніи конституціи“. Они ставили только условіе чтобы вопросъ о маргариновомъ производствѣ переданъ былъ на обсужденіе слѣдующаго Сейма. Въ этомъ смыслѣ и сдѣлано было ими постановленіе.

Тогда, въ виду разнорѣчивыхъ постановленій двухъ половинъ Сейма, дѣло передано было снова въ коммиссію. Она составила проектъ соглашенія, въ которомъ предложила „рыцарямъ“ и бюргерамъ отказаться отъ поправки барона Вреде, а пасторамъ и „крестьянамъ“ одобрить первоначальный докладъ коммиссіи. При окончательномъ разсмотрѣніи вопроса, крики о „конституціонныхъ правахъ“ Сейма оказали свое дѣйствіе на большинство „крестьянскаго“ сословія. Это сословіе хотя и называется „крестьянскимъ“, но руководятъ имъ, конечно, не крестьяне, а вполнѣ „интеллигентные“ вожаки, въ родѣ юркаго и многорѣчиваго финляндскаго адвоката и публициста Іонаса Кастрена. Оно отказалось отъ своего первоначальнаго рѣшенія и постановило принять докладъ коммиссіи.

Такимъ образомъ, составленное Сенатомъ предложеніе о предоставленіи „болѣе широкихъ полномочій“ Верховной Власти *большинствомъ Сейма отвергнуто.*

На этомъ пока и прерывается „маргариновая исторія“. Чѣмъ она окончится, то-есть какъ отнесется къ заключенію Сейма высшая власть, покажетъ будущее.

К. ЯКУБОВЪ.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ*.

11.

Финляндскіе „патріоты“ и Испанское правительство.

Финляндскихъ „патріотовъ“ обидѣло Испанское правительство! Дѣло заключается въ слѣдующемъ:

Въ настоящее время готовится къ заключенію новый русско-испанскій торговый трактатъ. Трактатъ еще не утвержденъ окончательно, но Испанское правительство, въ видахъ облегченія торговыхъ сношеній съ Россіей, нашло нужнымъ теперь же примѣнить къ русскимъ товарамъ испанскій минимальный тарифъ и недавно издало объ этомъ законъ.

Этотъ то законъ или, точнѣе, его редакція и не нравится финляндскимъ „патріотамъ“.

Въ гельсингфорсской газетѣ *Nya Pressen* (№ 220, отъ 16 августа нов. ст.) помѣщена передовая статья, въ которой говорится слѣдующее:

„Нѣсколько дней тому назадъ мы сообщили полученную нами изъ Барселоны телеграмму о томъ что послѣдніе прибывшіе туда финляндскіе грузы лѣсныхъ товаровъ обложены пошлиной наравнѣ со шведскими.

„Согласно полученнымъ нами теперь свѣдѣніямъ, эта мѣра основана на изданномъ 10 іюля сего года испанскомъ законѣ который гласитъ:

„„Со дня обнародованія сего закона и до вступленія иного договора въ дѣйствующую силу, товары привозимые изъ Бельгіи и *Русской Имперіи* облагаются минимальными таможенными пошлинами и пользуются тѣми же преимуществами и на тѣхъ же условіяхъ какія содержатся въ торговыхъ конвенціяхъ со Швейцаріей, Швеціей-Норвегіей и Нидерландами. При семъ, и чтобы пользоваться этими преимуществами, помянутыя націи должны примѣнять свои минимальные тарифы къ произведеніямъ испанской почвы и промышленности““.

„Своеобразная редакція этого закона,—говоритъ *Nya Pressen*, — даетъ, поводъ сомнѣваться, подразумѣвается ли въ постановленіи о таможенныхъ преимуществахъ также и Финляндія, такъ какъ въ немъ говорится лишь о „Русской Имперіи“, а не о „Россійской державѣ“ или о „Россіи и Финляндіи“. Но, какъ показываетъ вышеупомянутая телеграмма и какъ подтверждаютъ полученныя нами теперь извѣстія, облегченія относятся и къ Финляндіи, и прибывшіе въ Испанію финляндскіе грузы лѣсныхъ товаровъ обложены пошлиной въ 3 пезеты съ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, №№ 217, 260 и 275, отъ 10 августа, 22 сентября и 7 октября.

Digitized by Google

кубическаго метра, то-есть наравнѣ со шведскими. *Неправильныя выраженія въ испанскомъ законѣ нужно такимъ образомъ приписать неточнымъ свѣдѣніямъ испанскихъ властей о взаимномъ положеніи Россіи и Финляндіи*".

Итакъ, финляндскіе „патріоты", не считая очевидно свое „отечество" принадлежащимъ къ Россійской Имперіи, хотятъ чтобы за границей отдѣляли „Россію отъ Финляндіи", а иностранныя правительства, къ ихъ досадѣ, настолько „невѣжественны" что смѣшиваютъ „Россію" съ „Финляндіей", въ простотѣ души считая послѣднюю русскою областью.

Какъ же тутъ быть? Намъ кажется, финляндскимъ „патріотамъ" остается только обратиться по этому поводу съ особою „нотой" ко всѣмъ державамъ и внушить имъ что такъ дѣлать не годится.

12.

Предостереженіе газетѣ „Nya Pressen".

Въ № 203 *Московскихъ Вѣдомостей* за текущій годъ, въ замѣткѣ подъ заглавіемъ „Иностранная политика финляндскихъ „„патріотовъ"", мы указали въ видѣ обращика антирусскихъ выходокъ финляндскихъ „патріотовъ", на появившуюся въ гельсингфорсской газетѣ *Nya Pressen* статью по поводу войны между Китаемъ и Японіей. Въ статьѣ этой финляндская газета, разсматривая „Россію", по усвоенной финляндскими сепаратистами привычкѣ, какъ какую то иностранную и чуть ли не враждебную „финляндскому государству" державу, заявляла, между прочимъ, что „русская политика не много справляется съ договорами", что на ея обѣщанія нельзя полагаться и т. п.

Выходка эта, вѣроятно, въ виду ея особенной рѣзкости (вообще же подобныя выходки, повторяемъ, встрѣчаются у финляндскихъ „патріотовъ" сплошь и рядомъ), обратила на себя вниманіе, какъ оказывается теперь, и мѣстныхъ финляндскихъ властей. Финляндское Главное Управленіе по дѣламъ печати признало нужнымъ дать *Nya Pressen* предостереженіе; впрочемъ, надо полагать, что предостереженіе это дано управленіемъ не по собственному почину, а по особому внушенію представителя русской государственной власти въ краѣ. Оно напечатано въ № 247 *Nya Pressen* въ слѣдующей формѣ:

„Извлеченіе изъ протокола засѣданія Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 29 августа 1894 года.

„Такъ какъ отвѣтственный издатель газеты *Nya Pressen*, докторъ обоихъ правъ, Аксель Іоганъ Лилле, опубликовавъ въ № 201 помянутой газеты отъ 28 минувшаго іюля статью, „Война между Китаемъ и Японіей объявлена (великія европейскія державы заинтересованы)", содержавшую въ себѣ крайне предосудительные отзывы о русской политикѣ, позволилъ себѣ чрезъ это совершить тяжкое злоупотребленіе предоставленнаго ему права издавать названную газету, то постановлено: на основаніи пункта 7 § 12 Высочайшаго постановленія отъ 18 іюня 1891 года объ измѣненіи и дополненіи Императорскаго постановленія отъ 31 мая 1867 года о дѣлахъ печати, дать ему, доктору обоихъ правъ Лилле, такое письменное предостереженіе, какое имѣется въ виду въ вышеуказанномъ пунктѣ, причемъ сіе предостереженіе, согласно опредѣленію въ томъ же пунктѣ, должно быть безъ добавленій немедленно помѣщено въ газетѣ *Nya Pressen*, для каковой цѣли сдѣлать выписку изъ протокола и препроводить ее при отношеніи начальнику губерніи для сообщенія доктору обоихъ правъ Лилле къ свѣдѣнію и руководству".

Пунктъ 7-й въ указываемомъ Финляндскимъ Главнымъ Управленіемъ по

Digitized by Google

дѣламъ печати § 12-мъ Высочайшаго постановленія отъ 18 іюня 1891 года гласитъ слѣдующее:

„Въ случаѣ важнаго или часто повторявшагося нарушенія издателемъ въ періодическомъ изданіи общаго закона или сего постановленія, Главное Управленіе дѣлаетъ ему письменное предостереженіе, которое издатель обязанъ немедленно помѣстить въ томъ же изданіи, безъ всякихъ добавленій. Если послѣ вторичнаго подобнаго предостереженія издатель не исправится, то Главное Управленіе прекращаетъ изданіе".

13.

Финляндцы о древне-русскомъ Корельскомъ уѣздѣ.

Въ концѣ минувшаго 1893 года, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Старинный русскій край и его финляндскіе „благодѣтели" (см. второй выпускъ сборника *Финляндская Окраина Россіи*, стр. 602—606) приведенъ былъ нами рядъ возмутительныхъ для русскаго чувства фактовъ, показывающихъ что финляндскія власти и дѣльцы давно уже и не безъ успѣха систематически офинляндиваютъ старинный русскій край, принадлежавшій Россіи еще съ первыхъ вѣковъ существованія Русскаго государства и извѣстный въ древности подъ именемъ Корельскаго уѣзда. Разными способами, въ особенности же посредствомъ финскихъ школъ, они стараются искоренить въ немъ все русское. Усилія эти, однакоже, не всегда сопровождаются успѣхомъ: православные жители края помнятъ еще о своей вѣковой связи съ Россіей и иногда оказываютъ сопротивленіе офинляндиванію. Въ послѣднее время имъ стала оказывать содѣйствіе въ этомъ отношеніи, хотя, къ сожалѣнію, еще въ весьма малой степени, и русская власть.

Въ гельсингфорсской газетѣ *Uusi Suometar* (№ 217) помѣщено недавно слѣдующее извѣстіе относящееся къ одному изъ православныхъ приходовъ этого края, Шуэзерскому:

„До сихъ поръ въ Шуэзерѣ дѣйствовали двѣ народныя школы (финскія), одна въ деревнѣ Леппяніеми, другая въ деревнѣ Кирконкюля. Теперь, въ прибавку къ нимъ, открывается еще третья школа на Аннинскомъ заводѣ, но эта новая школа отличается отъ прежнихъ тѣмъ что языкъ преподаванія въ ней будетъ русскій. О школѣ этой хлопотали уже давно, но ея открытіе стало возможнымъ только теперь, когда епископъ Антоній (то-есть архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, высокопреосвященный Антоній— финляндская газета не считаетъ даже нужнымъ называть его настоящимъ титуломъ, хотя не можетъ, конечно, не знать его) сталъ дѣйствовать въ пользу этого дѣла. Въ началѣ школа будетъ существовать во временномъ помѣщеніи и въ октябрѣ прибудетъ туда изъ Россіи учитель. На общемъ собраніи мѣстныхъ заводскихъ жителей лѣтомъ, когда у нихъ спросили, желаютъ ли они чтобы школа была финская съ преподаваніемъ лишь русскаго языка, какъ добавочнаго предмета, или чтобъ она была совсѣмъ русскою, они единогласно отвѣтили что желаютъ имѣть русскую школу. *Населеніе Аннинскаго завода, принадлежащаго вмѣстѣ съ землей русской казнѣ, какъ видно, совсѣмъ не понимаетъ что оно корельскаго происхожденія и принадлежитъ къ корельской народности*".

Послѣднія слова финляндской газеты показываютъ съ какими чувствами относятся финляндскіе „патріоты" къ заведенію русскихъ школъ въ Корельскомъ краѣ.

Digitized by Google

14.

Русскія школы и тревоги «патріотовъ».

Въ разныхъ городахъ Финляндскаго края, преимущественно въ тѣхъ, гдѣ расположены русскія войска, а также въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ, существуетъ въ настоящее время около пятнадцати русскихъ народныхъ школъ. Школы эти явились для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей мѣстнаго православно-русскаго населенія; нѣкоторыя изъ нихъ основаны лишь въ послѣдніе два, три года. Сравнительно съ численностію православно русскаго населенія, разсѣяннаго притомъ небольшими группами по разнымъ мѣстностямъ края, ихъ далеко еще недостаточно. Содержатся онѣ частію на пожертвованія мѣстныхъ благотворителей, образовавшихъ „Русское Благотворительное Общество въ Финляндіи“ (съ отдѣлами по тѣмъ мѣстностямъ края, гдѣ существуютъ школы); главнымъ же образомъ—на пособія отпускаемыя изъ Русскаго Государственнаго Казначейства въ распоряженіе состоящаго при финляндскомъ генералъ губернаторѣ Совѣщательнаго Комитета по дѣламъ русскихъ училищъ въ Финляндіи, который и завѣдуетъ этими школами (какъ и четырьмя существующими въ краѣ среднеучебными русскими заведеніями — классическою мужскою и женскою гимназіями въ Гельсингфорсѣ, реальнымъ училищемъ и женскою гимназіей въ Выборгѣ) въ хозяйственномъ отношеніи; въ учебномъ и административномъ отношеніяхъ онѣ подчинены начальству С.-Петербургскаго учебнаго округа. По недостатку средствъ, русскія школы вообще скудно обставлены; такъ, напримѣръ, многія не имѣютъ школьныхъ библіотекъ *; нѣкоторыя, за неимѣніемъ собственныхъ школьныхъ изданій, помѣщаются (какъ, напримѣръ, Таммерфорсская, при которой устроено и общежитіе для учащихся, и Николайстадская) въ тѣсныхъ наемныхъ квартирахъ и т. д.

Но и эти малочисленные и скудно обставленные разсадники православно-русскаго просвѣщенія въ инородческомъ краѣ составляютъ, какъ видно, бѣльмо на глазу у мѣстныхъ „патріотовъ“ финляндскаго „отечества“. Они косо смотрятъ на нихъ и предпочитали бы и теперь, какъ это было весьма часто прежде, а нерѣдко бываетъ и до сихъ поръ, направлять православныхъ и русскихъ дѣтей въ свои лютеранскія шведско-финскія школы, дабы воспитать изъ нихъ, по своему образу и подобію, истыхъ сыновъ финляндскаго „отечества“ и сдѣлать ихъ чуждыми Россіи. Особенно же недовольны „патріоты“ когда они замѣчаютъ что эти непріятныя имъ русскія школы привлекаютъ къ себѣ симпатіи и со стороны мѣстныхъ не политиканствующихъ шведско финскихъ обывателей.

На дняхъ въ гельсингфорсскихъ газетахъ (см., напримѣръ, *Nya Pressen* № 276, отъ 13 октября нов. ст.) перепечатана изъ абоской газеты *Åbo Tidning*, подъ заглавіемъ: *Интересъ къ изученію языковъ или что?* слѣдующая замѣтка.

„Ходятъ слухи что многіе изъ воспитанниковъ абоскихъ городскихъ (то-есть содержимыхъ городомъ) народныхъ школъ вышли изъ нихъ и поступили въ существующую здѣсь въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ русскую народную школу. Мы старались разслѣдовать насколько достовѣрны эти нѣсколько невѣроятные слухи и констатировали что, по крайней мѣрѣ, два такіе случая дѣйствительно были. Въ одномъ изъ нихъ воспитанникъ, какъ намъ передавали, окончилъ уже курсъ (то-есть въ финской школѣ) и сталъ проситься въ русскую школу для изученія русскаго языка; въ другомъ случаѣ намъ не могли указать никакого опредѣленнаго мотива для перехода.

* См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, выпускъ 2, стр. 546—547, 592—595.

Digitized by Google

Намъ кажется, нельзя предполагать чтобъ интересъ къ расширенію своихъ познаній въ языкахъ былъ единственною причиной того что эти молодые люди стали посѣщать школы съ чуждымъ для нихъ языкомъ обученія, но трудно также угадать что́ другое могло повести къ такому переходу".

Въ концѣ этой нѣсколько туманной (по цензурнымъ условіямъ) замѣтки абоскіе „патріоты" намекаютъ, очевидно, на то что въ среду абоскихъ аборигеновъ какимъ-то образомъ проникли „зловредныя" руссофильскія тенденціи.

15.

Новая коммиссія по таможенному вопросу.

По словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, въ началѣ ноября въ Петербургѣ соберется новая коммиссія для обсужденія вопроса „о торговыхъ сношеніяхъ между Россіей и Финляндіей и для составленія проекта новаго тарифа на всѣ предметы ввоза и вывоза". Финляндскій Сенатъ назначилъ въ эту коммиссію представителями отъ Финляндіи начальника финляндскаго таможеннаго вѣдомства Винтера, чиновника управленія промышленности Грипенберга и генерала Линдфорса.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ВТОРАГО ВЫПУСКА „ФИНЛЯНДСКОЙ ОКРАИНЫ РОССІИ."

(Передовая статья № 225 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года, 18 августа).

Въ сегодняшнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, въ отдѣлѣ объявленій, читатели найдутъ извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ втораго выпуска издаваемаго нами, подъ заглавіемъ *Финляндская Окраина Россіи*, сборника статей и отзывовъ по финляндскимъ дѣламъ, помѣщавшихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Въ послѣднія шесть лѣтъ, съ того самаго времени какъ „Финляндскій вопросъ" силою обстоятельствъ получилъ значеніе, такъ-сказать, очереднаго вопроса въ русской государственной жизни, мы, какъ знаютъ наши постоянные читатели, всегда удѣляли особенно много мѣста этому вопросу. Сначала это подало даже поводъ нѣкоторымъ злословить,* будто мы сами и сочинили *Финляндскій вопросъ*. Мы отъ души желали бы чтобъ это дѣйствительно было такъ, чтобы все по отношенію къ Финляндской окраинѣ Россіи обстояло благополучно, и чтобы „вопросъ" этотъ былъ только „сочиненъ" нами. Но горькая дѣйствительность, къ сожалѣнію, показала уже и продолжаетъ показывать противное. И послѣ всего того что̀ стало извѣстно о финляндскихъ событіяхъ и дѣлахъ, едвали кто-нибудь найдетъ возможнымъ теперь взводить на насъ это странное обвиненіе.

Да и одно ли только это обвиненіе приходилось намъ выслушивать по поводу нашихъ статей о финляндскихъ дѣлахъ! О самихъ финляндскихъ „патріотахъ" уже и говорить нечего: какихъ только не взводили они на насъ поклеповъ и клеветъ, то злостныхъ,— въ родѣ, напримѣръ, той, будто мы намѣренно „возбуждаемъ національную вражду", или будто мы разсылаемъ своихъ „эмиссаровъ" по Финляндіи

* См. появившійся теперь второй выпускъ *Финляндской Окраины Россіи*, стр. 17.

Digitized by Google

для смущенія и подстрекательства массы финляндскаго населенія, — то куріозно наивныхъ,—въ родѣ, напримѣръ, клеветы о томъ будто мы получаемъ деньги „отъ Русскаго правительства“ за „преслѣдованіе Финляндіи“, или на дняхъ еще воспроизведенной финляндскими газетами легенды о томъ будто наша газета издается на средства графа Шереметева, зятя финляндскаго генералъ-губернатора. Какихъ ругательствъ и поношеній не произносили по нашему адресу! Въ финляндской печати названіе нашей газеты всегда почти сопровождается разными ругательными эпитетами.

Но не одни дѣятели финляндской сепаратистской клики злобствуютъ на насъ. Намъ приходилось и приходится выслушивать упреки и обвиненія также и отъ иныхъ, своихъ же, русскихъ, людей, или, по крайней мѣрѣ, считающихъ себя Русскими. Наши „либералы“ всегда готовы обвинять насъ въ „травлѣ“ ни въ чемъ де неповинныхъ финляндскихъ дѣятелей, которые облагодѣтельствовали свое „отечество“ „конституціей“ и имѣютъ де право стремиться къ обособленію отъ Россіи, лишенной прелестей „правоваго порядка“.

Не смущаясь подобными упреками и обвиненіями, мы продолжаемъ заниматься финляндскими дѣлами, ибо заниматься ими въ настоящее время, когда вопросъ о сближеніи отторженной сепаратистскою интригой Финляндской окраины съ остальною Россіей выдвинулся на очередь, есть, по нашему глубокому убѣжденію, долгъ русской печати, если она хочетъ добросовѣстно исполнять свои обязанности. И роль русскаго печатнаго слова въ этомъ именно вопросѣ, по нашему мнѣнію, особенно важна: по разнымъ обстоятельствамъ, не только русское общество, но даже и высшая русская государственная власть, не всегда, какъ ясно показалъ опытъ, можетъ получать инымъ путемъ свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Финляндскомъ краѣ, управляемомъ, можно-сказать, исключительно туземцами-инородцами. Выясненіе и освѣщеніе финляндскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ должно составлять, поэтому, одну изъ важнѣйшихъ задачъ русской печати.

Не намъ, конечно, судить, насколько успѣшно выполняли и выполняемъ мы эту задачу, насколько полезными окажутся свѣдѣнія и отзывы по финляндскимъ дѣламъ заключающіеся какъ въ первомъ, такъ и въ издаваемомъ нами нынѣ второмъ выпускѣ *Финляндской Окраины Россіи*.

Позволимъ себѣ воспроизвести здѣсь предпосланное нами этому выпуску предисловіе, въ которомъ дѣлается краткій обзоръ содержанія книги:

„Издавая три года тому назадъ первый выпускъ *Финляндской Окраины Россіи*, мы, въ предисловіи къ нему, изложили уже мотивы побудившіе насъ къ этому изданію: собрать статьи разсѣянныя по разнымъ нумерамъ газеты за нѣсколько лѣтъ, относящіяся до столь малоизвѣстнаго и малоизслѣдованнаго вопроса, каковъ Финляндскій, и тѣмъ значительно облегчить трудъ лицъ желающихъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ.

„Первый выпускъ нашего сборника обнималъ (за исключеніемъ помѣщенныхъ въ началѣ его статей М. Н. Каткова, писанныхъ въ 1883 и 1885 годахъ) трехлѣтній періодъ времени, съ 1888 года по 1890 годъ. То была эпоха поворота въ русско-финляндскихъ отношеніяхъ, поворота обнаружившагося какъ въ небываломъ дотолѣ проясненіи русскихъ взглядовъ на финляндскія дѣла, такъ равно и въ принятіи русскою государственною властію первыхъ правительственныхъ

Digitized by Google

мѣръ направленныхъ къ упорядоченію этихъ дѣлъ, столь долго остававшихся безъ надлежащаго вниманія. То было, вмѣстѣ съ тѣмъ, время усиленной борьбы со стороны финляндскихъ оппозиціонныхъ элементовъ, напрягшихъ всѣ свои силы, пустившихъ въ ходъ всевозможныя средства для того чтобъ остановить въ самомъ началѣ поворотъ къ новому направленію.

„Въ слѣдующее трехлѣтіе, обнимаемое настоящимъ выпускомъ, въ 1891—1893 годахъ, это новое направленіе въ дѣлахъ относящихся до Финляндской окраины Россіи, проникнутое и питаемое все крѣпнущею, благодаря Бога, русскою государственною мыслію, продолжало, однако, утверждаться, несмотря на всѣ усилія подавить его. Правда, въ дѣйствительности еще немного сдѣлано для осуществленія предначертанной Верховнымъ Вождемъ Россіи цѣли „болѣе тѣснаго единенія", „укрѣпленія государственной связи" Финляндскаго края съ остальною Россіей, по выраженію извѣстнаго Высочайшаго Рескрипта генералъ-губернатору Финляндіи отъ 28 февраля 1891 года; въ извѣстныхъ финляндскихъ кружкахъ и даже въ управленіи этого края все еще попрежнему держится идея объ отдѣльномъ отъ Россіи „Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ"; все попрежнему стоитъ стѣна поддерживающая эту идею и сооруженная изъ цѣлаго ряда сепаратистскихъ захватовъ и притязаній, каковы, напримѣръ: ограниченіе, въ пользу Финляндскаго Сейма, Русской Самодержавной Верховной Власти на основаніи незаконно присвоиваемой финляндскими дѣльцами шведской государственной конституціи 1772—1789 годовъ, особая „финская армія", особая монета и таможня, исключительно-финляндскій составъ даже высшихъ правительственныхъ учрежденій и т. п. Но искусственно-созданныя подпорки этой стѣны, мѣшающей Финляндской окраинѣ стать частію единаго Русскаго государства не по имени только, а и на дѣлѣ, начинаютъ уже расшатываться. Немного еще сдѣлано въ вышеуказанное трехлѣтіе, но много задумано и начато. Финляндскія дѣла продолжали быть предметомъ неослабнаго вниманія русской государственной власти. Серіозныя мѣропріятія, какъ, напримѣръ, учрежденіе въ 1892 году Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, изъ высшихъ русскихъ государственныхъ сановниковъ, для рѣшенія вопроса объ объемѣ и значеніи такъ-называемой финляндской „конституціи"; назначеніе въ минувшемъ 1893 году особой коммиссіи Н. А. Неклюдова, для детальной разработки того же вопроса; назначеніе коммиссіи генералъ-лейтенанта Величко для выработки проекта преобразованія „финской арміи" и объединенія ея съ общерусскою императорскою арміей; предпринятыя подъ руководствомъ министра Финансовъ С. Ю. Витте новыя подготовительныя работы для разрѣшенія финляндскаго таможеннаго вопроса и проч.,—подтверждаютъ это вниманіе и обѣщаютъ добрые плоды въ будущемъ.

„Но чтобы начатое такимъ образомъ великое дѣло собиранія Руси за Сестрой рѣкой (отдѣляющей финляндскія губерніи отъ остальной Россіи) не заглохло, не оставлено было въ небреженіи; чтобы русскіе люди, его двигающіе, могли дѣйствовать во всеоружіи знанія,—крайне необходимо возможно полное разъясненіе и освѣщеніе разныхъ сторонъ Финляндскаго вопроса. Невѣдѣніе объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Финляндскомъ краѣ, невѣдѣніе, которое тщательно старались поддерживать даже въ нашихъ высшихъ правящихъ сферахъ финляндскіе дѣльцы-„патріоты", дабы пользоваться имъ для своихъ цѣлей,—было несомнѣнно одною изъ главныхъ причинъ упущеній, какія еще въ недавнее время дѣлались по отношенію къ Финляндіи, и небреженія, въ какомъ находились финляндскія дѣла.

„Въ этомъ отношеніи, въ видахъ дальнѣйшаго уясненія Финляндскаго вопроса русскому сознанію, издаваемый нами нынѣ второй выпускъ *Финляндской Окраины Россіи*, смѣемъ надѣяться, можетъ принести свою долю пользы.

„Читатель найдетъ въ немъ, прежде всего, довольно полную *хронику событій* касающихся Финляндскаго края

Digitized by Google

за 1891—1893 годы. Эта хроника содержится преимущественно подъ рубрикой *Финляндскихъ Новостей*, а также въ письмахъ изъ Гельсингфорса, причемъ изложеніе важнѣйшихъ событій сопровождается поясненіемъ ихъ значенія и связи съ другими фактами; таковы, напримѣръ, статьи объ открытіи Финляндскаго Сейма 1891 года (стр. 29—33 и 55—58), о Высочайшемъ Рескриптѣ 28 февраля 1891 года (стр. 83—84, 87—90, 94—99), объ офиціальномъ исправленіи его шведскаго перевода и объ отставкѣ финляндскаго министра-статсъ-секретаря генерала Эрнрота (стр. 111—121, 123—124), объ упраздненіи состоявшаго при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ Комитета по Финляндскимъ дѣламъ (стр. 153—155 и 463—464), объ изданіи новаго финляндскаго устава о печати (стр. 200—202), объ отставкѣ барона Троиля (стр. 241—243), о перемѣнахъ въ составѣ Финляндскаго Сената (стр. 273—276), о преобразованіи Сената (стр. 371—372), объ учрежденіи Финляндской православной епархіи (стр. 373—375), объ изданномъ въ мартѣ 1893 года циркулярѣ финляндскаго генералъ-губернатора (447—448 и 455), о созваніи Финляндскаго Сейма 1894 года (стр. 464—467) и проч.

„Затѣмъ, бо́льшая часть книги, какъ и въ первомъ выпускѣ, занята статьями, письмами и замѣтками, выясняющими тѣ или другіе отдѣльные вопросы въ области русско-финляндскихъ отношеній. Многія изъ нихъ представляютъ дальнѣйшее развитіе мыслей и доводовъ изложенныхъ въ первомъ выпускѣ, но не мало и такихъ статей, которыя выдвигаютъ новые вопросы, не затронутые раньше.

„Въ числѣ вопросовъ обсуждавшихся уже въ первомъ выпускѣ, хотя далеко еще неисчерпанныхъ и до сихъ поръ, важнѣйшее мѣсто занимаетъ *вопросъ о такъ называемой финляндской „конституціи“*, то-есть вопросъ о томъ, имѣетъ ли право Финляндія, какъ это утверждаютъ мѣстные дѣльцы и юристы, на особую государственную конституцію, предоставляющую ей значеніе отдѣльнаго государства и ограничивающую права Русской Верховной Власти въ пользу Финляндскаго Сейма. Этотъ безспорный въ сущности вопросъ, на который, казалось бы, трудно даже представить себѣ возможность утвердительнаго отвѣта, обращенъ въ предметъ спора финляндскими „патріотами“, которые въ многочисленныхъ брошюрахъ, газетныхъ статьяхъ и офиціальныхъ запискахъ продолжаютъ выдвигать и повторять разныя болѣе или менѣе ловкія лжетолкованія и софизмы въ доказательство своего утвержденія. Разбору и опроверженію этихъ лжетолкованій посвящены въ настоящемъ выпускѣ, между прочимъ, слѣдующія статьи: „Н. М. Коркуновъ о Финляндскомъ Сеймѣ“ (стр. 16—17), „Задачи и права Финляндскаго Сейма“ (стр. 19—20), „Какъ смотритъ Финскій народъ на финляндскіе сеймы“ (стр. 51—54), „Финляндскіе сеймы и одно изъ правъ короны“ (стр. 64—67), „До чего дошло дѣло на Финляндскомъ Сеймѣ“ (стр. 182—188), „Новая апологія финляндскаго сепаратизма“ (стр. 230—234), „Слова и дѣла финляндскихъ „„патріотовъ““ (стр. 335—339), „Значеніе финляндскихъ сеймовъ“ (стр. 468—471), „Новый русскій трудъ о финляндской сепаратистской теоріи“ (стр. 472—490), „Финны и финляндскіе сеймы“ (стр. 498—502) и проч.

„Финляндскій *таможенный вопросъ*, также подробно обсуждавшійся въ статьяхъ М. Н. Каткова и другихъ статьяхъ перваго выпуска и близившійся уже къ разрѣшенію, по окончаніи работъ назначенной въ 1890 году коммиссіи, какъ извѣстно, встрѣтилъ въ 1891 году новыя затрудненія съ финляндской стороны и поднятъ снова русскою властью только въ самое недавнее время. Къ этому вопросу относятся статьи: „Таможенный вопросъ въ Финляндіи“ (стр. 203—204), „Таможенная обособленность Финляндіи“ (стр. 316—320), „Финляндскій Сеймъ и объединительныя реформы“ (стр. 100—104) и др.

„Вопросъ о положеніи *православія* въ Финляндіи обсуждался въ предыдущемъ выпускѣ (стр. 437—455) въ рядѣ статей написанныхъ по поводу съѣзда финляндскаго православнаго духовенства въ Выборгѣ. Въ настоящемъ

Digitized by Google

выпускѣ ему посвящены статьи: „Къ вопросу о православіи въ Финляндіи“ (стр. 281—282), „Законопроекты о православныхъ приходахъ Финляндіи“ (стр. 305—307), „Новая православная епархія“ (стр. 373—375), „Православная церковь въ Финляндіи“ (стр. 405—414), „Москвичамъ — о православно-русскомъ дѣлѣ въ Финляндіи“ (стр. 576 — 580), „Нужды православія въ Финляндіи“ (стр. 592—595) и пр.

„Къ вопросамъ обстоятельно разсматривавшимся уже въ первомъ выпускѣ относятся также вопросы о *финскихъ войскахъ* и о *новомъ финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи*. Первый изъ нихъ въ настоящемъ выпускѣ разсматриваютъ статьи: „Передовой финляндскій государственный дѣятель“ (стр. 195—199), „Нужны ли въ Финляндіи русскія войска?“ (стр. 235 — 239), „Нужна ли провинціальная финляндская армія обособленная отъ императорской русской?“ (стр. 513—514), „Финляндская армія“ (стр. 571—572). Второй принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ отдѣльныхъ финляндскихъ вопросовъ которые получили уже болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе: въ настоящее время новое Финляндское Уголовное Уложеніе уже введено въ дѣйствіе съ тѣми измѣненіями какія нашла нужнымъ потребовать въ немъ русская государственная власть. Прямымъ продолженіемъ статей перваго выпуска объ этотъ вопросѣ служатъ статьи: „Н. С. Таганцевъ о пересмотрѣ Финляндскаго Уголовнаго Уложенія“ (стр. 168—181) и „Ходъ дѣла о Финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи“ (стр. 346—355).

„Вопросъ *о русскомъ языкѣ* въ Финляндіи былъ лишь отчасти затронутъ въ первомъ выпускѣ. Въ настоящемъ выпускѣ (главнымъ образомъ по поводу состоявшихся въ 1891 году Высочайшихъ повелѣній о русскомъ языкѣ) онъ разсмотрѣнъ подробнѣе въ статьяхъ: „Русскій языкъ и русская газета въ Финляндіи“ (стр. 157—160), „Какъ публикуются и истолковываются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія“ (стр. 225—229), „Что необходимо въ Финляндіи для „„единенія““ съ Россіей“ (стр. 246—250), „Вопросъ о русскомъ языкѣ въ Финляндіи“ (стр. 283—292), „Всуе законы писать, коли ихъ не исполнять“ (стр. 396—400) и др.

„Но немало также въ настоящемъ выпускѣ, какъ мы уже сказали, статей и по такимъ вопросамъ которыхъ намъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не приходилось касаться въ первомъ выпускѣ. Изъ числа ихъ отмѣтимъ въ особенности статьи: о *финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ* („Финляндскій статсъ-секретаріатъ“, стр. 584—588, „Русская правда и финляндская ложь о финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ“, стр. 596—601); о *Гельсингфорсскомъ университетѣ*, этомъ гнѣздѣ финляндскаго сепаратизма („Привилегированный университетъ“, стр. 277—279, „Антирусское направленіе одного изъ нашихъ университетовъ,“ стр. 366—370, „Гельсингфорсскій университетъ и „„народные университеты““ въ Финляндіи“, стр. 376—383); *о финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ и ихъ отношеніи къ нашей государственной оборонѣ* („Русско-финляндскій вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ“, стр. 188, „Финляндскія дороги и русскія власти“, стр. 220—222, „Изъ морскихъ писемъ“, стр. 436—439, 573—575, „Финляндскія желѣзныя дороги и наша оборона“, стр. 560—562); о *финляндскихъ партіяхъ* („Финляндскіе „„шведоманы““ и „„финноманы““ и ихъ отношенія къ Россіи“, стр. 251—256); объ *офинляндиваніи древне-русскаго Корельскаго уѣзда* („Старинный русскій край и его финляндскіе „„благодѣтели““, стр. 602—606) и т. д.

„Для облегченія справокъ къ книгѣ, по примѣру перваго выпуска, приложены: подробное оглавленіе и азбучный указатель лицъ, обнимающій имена всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ обоихъ выпускахъ.

„Въ издаваемыхъ нами *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы продолжаемъ и въ текущемъ году столь же внимательно, какъ и прежде, слѣдить за финляндскими дѣлами. Когда накопится достаточно матеріала, мы сочтемъ своимъ долгомъ приступить къ изданію новаго, третьяго, выпуска сборника.

„Сергѣй Петровскій“.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ

ФИНСКАГО НАРОДА.*

Въ городѣ Николайстадѣ нынѣшнимъ лѣтомъ происходилъ рядъ торжествъ, устроенныхъ финляндскимъ обществомъ народнаго просвѣщенія по поводу 8-го съѣзда, и состязаніе разныхъ пѣвческихъ обществъ. Подобные же съѣзды и празднества раньше устраивались въ Ювяскюлѣ, Куопіо, Або и другихъ городахъ. Не задолго до съѣзда въ Николайстадѣ въ Гельсингфорсѣ состоялись празднества гимнастическихъ обществъ. Всѣ эти съѣзды и празднества обыкновенно устраиваются подъ открытымъ небомъ, въ большихъ манежахъ, или другихъ обширныхъ помѣщеніяхъ, и привлекаютъ громадныя толпы народа. По сообщенію одного корреспондента, въ Николайстадѣ собралось до 10.000 человѣкъ.** Программы сихъ сходокъ въ изобиліи наполняются рѣчами, такъ что трудно, напримѣръ, опредѣлить, чего было больше въ Николайстадѣ: пѣнія или ораторскаго краснорѣчія.

Офиціальная цѣль съѣздовъ ясна и опредѣленна: содѣйствовать развитію той или другой отрасли искусства и проложить для нея новые пути въ глубь народныхъ массъ. Музыка, напримѣръ, облагораживаетъ чувства, возбуждаетъ патріотизмъ и т. п., а посему необходимо широко распространить пѣсню, ввести ее, какъ обязательный элементъ, въ народную школу и такимъ образомъ поднять и облагородить народъ. Но цѣль эта, очевидно, для финляндскихъ „патріотовъ“ показалась узкою и они расширили ее въ политическое воспитаніе народа.—Гимнастика и музыка даютъ имъ только удобный поводъ для сходокъ, а главною цѣлью давно уже сдѣлалось развитіе національнаго чувства и „патріотизма“, съ безконечными напоминаніями о „своихъ братьяхъ“, живущихъ за Ботническимъ заливомъ, и объ ихъ незабвенныхъ заслугахъ для Финляндіи.

Въ справедливости нашихъ словъ не трудно убѣдиться; стóитъ только прислушаться къ тѣмъ безчисленнымъ рѣчамъ, которыя льются на сихъ съѣздахъ въ такомъ изобіи, какъ вода... въ Иматрѣ. Кромѣ того, въ послѣднее время, къ гимнастическимъ и музыкальнымъ празднествамъ обыкновенно пристегивались какія-нибудь побочныя обстоятельства. Такъ, напримѣръ, къ празднику въ Николайстадѣ присоединено было открытіе памятника въ воспоминаніе перенесенія христіанства на финляндскій берегъ. Но „вѣнчались“ эти торжества, конечно участіемъ въ

* *Московскія Вѣдомости* 1891 года, № 255, отъ 17 сентября.

** А въ 1891 году въ Куопіо до 17 тысячъ человѣкъ.

Digitized by Google

нихъ шведской молодежи! Она сдѣлала торжества вѣчно памятными для Финскаго народа! Впрочемъ, предоставимъ рѣчь самимъ Финляндцамъ и все объяснится само собой, безо всякихъ комментаріевъ.

Послушаемъ, напримѣръ, барона Р. Ф. Виллебранда, говорившаго на праздникѣ гимнастовъ, въ которомъ пріѣхавшіе изъ Швеціи гости принимали участіе съ профессоромъ Хольмгреномъ и майоромъ Балкомъ во главѣ. Ораторъ повѣствовалъ что Финляндцы официально получили разрѣшеніе принять представителей „нашей незабвенной родины“ *. 19 лѣтъ тому назадъ, 3 іюня (нов. ст.) 1875 года, былъ открытъ, говорилъ онъ, съѣздъ сѣверныхъ студентовъ въ Упсалѣ—послѣднее празднество скандинавскаго братства, на которомъ Финскій народъ, младшій въ братскомъ звенѣ, принималъ участіе чрезъ своихъ (представителей) студентовъ. Тѣ, которые участвовали въ немъ, считаютъ то время счастливѣйшимъ въ своей жизни, и во всей нашей странѣ съ радостію ощущалось впечатлѣніе восторженной привѣтливости, павшей на долю нашихъ (студентовъ). Съ тѣхъ поръ, едва ли проходитъ хоть одинъ годъ безъ того чтобы на съѣздахъ и празднествахъ, съ гуманными цѣлями по случаю разныхъ славныхъ дѣлъ, наши соотечественники не испытывали того же самого... Финляндія находится въ долгу у Швеціи за другіе, совершенно особые, дары; долгъ этотъ она несетъ съ радостію, безъ мысли уплатить его, такъ какъ онъ не можетъ быть уплаченъ... Едва вѣсть о томъ что мы получили возможность привѣтствовать Швецію стала извѣстною, какъ бо́льшая часть общества усмотрѣла въ этомъ лучшую приманку и удовольствіе. Такой бури восторга, какою вчера привѣтствовали синежелтое, то-есть шведское, знамя и его прекрасный почетный караулъ, мы никогда не слыхали, и это мгновеніе никогда не забудется присутствующими.

. „Исторія свидѣтельствуетъ, говорилъ баронъ Виллебрандъ, что мы, Шведы и Финны, поклялись другъ другу въ вѣрности, и въ теченіе 700 совмѣстныхъ лѣтъ горя и радости клятва не нарушалась. Какіе узы насъ связываютъ на нашихъ разныхъ путяхъ, мнѣ не приходится здѣсь объяснять. Достаточно сказать что исторія едва ли въ состояніи указать два политически разъединенные народа, которые имѣютъ въ своей жизни столь много существенно общаго...

„Надѣюсь что покинувъ Финляндію, вы, господа, въ послѣдствіи когда-нибудь дружески вспомните о сихъ дняхъ. Когда-нибудь, въ дни вашей старости, предъ вами возстанутъ клики восторга въ нашемъ манежѣ *, тысячная и радостно-настроенная толпа въ нашемъ паркѣ. Вы вспомните что при всемъ этомъ тамъ слышно было нѣчто, что̀ согрѣвало болѣе, чѣмъ клики восторга, болѣе, чѣмъ солнце лѣта, и что это нѣчто была сердечная теплота, которая вѣрнѣе всего вызывается въ Финляндіи дружескимъ пожатіемъ руки потомками того народа, который стоялъ къ намъ ближе всѣхъ другихъ“.

Спрашивается, между прочимъ, какое отношеніе имѣетъ прошлая исторія Швеціи и Финляндіи къ тѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ, которыя показывались публикѣ въ манежѣ и и паркѣ Кайсаніеми? Общества собрались „во имя“ гимнастики, а Финляндцы, пользуясь случаемъ, вздыхаютъ по сине-желтомъ знамени Швеціи, преклоняя предъ нимъ „колѣна сердца“.

То же самое повторилось на музыкальныхъ празднествахъ въ Николайстадѣ. Представителями отъ Швеціи явились студенты пѣвческаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ „Работниковъ Орфея“. Прибывъ въ Гельсингфорсъ, „Работники Орфея“ прямо съ парохода отправились къ памятнику финляндскаго поэта Рунеберга, распѣвая пѣснь, въ которой говорится, между прочимъ, что „въ звукахъ еще разъ принесемъ клятву вѣрности“, „еще

* Финляндскіе „патріоты“, говоря о Швеціи, называютъ ее „modersland“, то есть „материнскою страной“.

* Празднество Гельсингфорсскаго Гимнастическаго Общества происходило въ манежѣ Финскаго гвардейскаго баталіона.

Digitized by Google

разъ пойдемъ впередъ", „пѣсня производитъ благородныя чувства". Къ подножію памятника былъ положенъ роскошный вѣнокъ съ лентами шведскихъ національныхъ цвѣтовъ и съ надписью: „Привѣтъ отъ Швеціи". Изъ рѣчи предсѣдателя общества упсальскихъ студентовъ г. Шеле (Scheele) мы знаемъ что они (Шведы) высоко чтутъ Рунеберга за то что онъ является связующимъ звеномъ между Шведами и Финнами, за то что подъ его пѣсни ихъ „сердца часто дружно бились и руки (Шведовъ и Финновъ) встрѣчались въ пожатіяхъ". Провозгласивъ четырехкратное *ура* за короля финскаго пѣснопѣнія, пѣвцы разошлись.

Изъ ораторовъ, подвизавшихся „въ вазаскіе дни", отмѣтимъ профессора Рунеберга, который сказалъ слѣдующее: „Какая сила собрала насъ? Музыка ли только, или желаніе отдохнуть отъ труда? Нѣтъ. Причина лежитъ глубже. Насъ собрала родина на совмѣстное національное торжество. Мы не только радуемся музыкѣ и ея успѣхамъ, но мы вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаемся для еще болѣе усиленной работы на пользу родины, для развитія въ народѣ любви къ общей родинѣ *. . Когда нашей національной самостоятельности и нашему дорогому отцовскому наслѣдію—праву угрожаютъ, то чувство общности проявляется болѣе, чѣмъ сила разъединяющая. Послѣдуемъ примѣру Паво: ** не впадайте въ унынiе, не предавайтесь отчаянію, но начинайте работу снова работайте больше. Никакая сила на землѣ не въ состояніи уничтожить народа, который самъ не сдается. „Да здравствуетъ любезная родина!" Рѣчь Рунеберга была покрыта безконечными рукоплесканіями.

Гдѣ ни появлялись „Работники Орфея", всюду имъ устраивались неслыханныя овацiи: имъ рукоплескали, подносили букеты и вѣнки, выкрикивались привѣтствія. По описанію мѣстныхъ газетъ, слушатели выражали имъ свой восторгъ топаньемъ ногъ, стучаніемъ стульевъ, маханьемъ платковъ. Очевидно также что

Кричали женщины *ура* и въ воздухъ чепчики бросали!

Когда „дорогіе гости" уѣзжали, то Гельсингфорцы провожали ихъ на пароходѣ далеко за Свеаборгъ.

Итакъ, финляндскіе гимнастическіе и музыкальные праздники нынѣшняго лѣта превратились въ сплошное чествованіе Шведовъ. Замѣтимъ кстати что, по свидѣтельству самихъ Финляндцевъ, пѣніе „Работниковъ Орфея" было далеко не безъ изъяновъ и что не имъ досталась пальма первенства на состязаніи пѣвцовъ. Изъ отчетовъ гельсингфорсскихъ газетъ видно что прямая цѣль съѣздовъ отодвигалась далеко на задній планъ; на первомъ мѣстѣ остались не гимнастика и музыка, а чтеніе хвалебныхъ гимновъ по адресу Швеціи, присутствіе же на съѣздѣ заурядnаго студенческаго хора явилось къ тому лишь пустѣйшимъ предлогомъ. Когда тѣ же газеты подводили итоги празднику въ городѣ Вазѣ, то прежде всего выразили радость что онъ возбуждающимъ образомъ подѣйствовалъ на рабочій народъ, назвали его національнымъ торжествомъ, создающимъ чувство патріотизма и единенія, а въ наше де время, когда толкуютъ объ опасеніяхъ и безпокойствахъ, это единеніе, болѣе чѣмъ когда-либо, является необходимымъ.

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство что патріотическія рѣчи, подобныя выше приведеннымъ, съ тою же тенденціей, на тѣ же темы, съ указаніемъ на тѣ же опасенія, на „нападки" русской печати, съ такими же воззваніями къ единенію и т. п., звучали, какъ главная основная мелодія, и на всѣхъ предыдущихъ праздникахъ, устроенныхъ обществомъ народнаго просвѣщенія. Для примѣра, укажемъ на съѣздъ въ городѣ Куопіо 1891 года, гдѣ редакторъ газеты *Uusi Suometär*, магистръ В. Сойни *, ораторствовалъ

* Подъ „общею родиною" ораторъ разумѣетъ Финляндію, какъ родину и финляндскихъ Шведовъ (къ которымъ принадлежитъ самъ ораторъ) и Финновъ.

** Герой одного изъ „патріотическихъ" стихотвореній Рунеберга.

* Заимствуемъ рѣчь Сойни изъ книжки *Недѣли* 1891 года, № 10.

Digitized by Google

такъ: „Въ послѣднее время въ душѣ Финскаго народа (?) болѣзненно отозвалось чувство, подобное тому, какое испытываетъ человѣкъ внезапно разбуженный во время пріятнаго сновидѣнія. Дѣйствительность сурово встряхнула его и дала понять, насколько непрочно положеніе народа, когда въ основѣ этого положенія не остается ничего, кромѣ правъ, писанныхъ на бумагѣ... Въ наше время всякій предавался серіознымъ размышленіямъ о дѣйствительномъ значеніи нашихъ правъ и приходилъ къ старому заключенію что законы можно толковать различно. Это—горькій опытъ, но да послужитъ онъ наукой для насъ и руководствомъ для того, кто окончательно опредѣляетъ, въ чемъ правда и въ чемъ неправда.

„Народамъ, такъ же, какъ и отдѣльнымъ лицамъ, приходится учиться въ школѣ. Для однихъ она бываетъ труднѣе, для другихъ легче; бѣдному и слабому обыкновенно труднѣе, чѣмъ сильному и богатому...

„Въ настоящее время начинается, можно сказать, новая эпоха въ развитіи Финскаго народа. Новыя и непривычныя вліянія стремятся наложить на насъ свою печать. Слышатся голоса, требующіе чтобы мы перестали быть тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, чтобы мы признали ложью то что до сихъ поръ считали правдой...

„Та безпечальная жизнь, какую мы вели до сихъ поръ, теперь оканчивается, и предъ нами возникаютъ неожиданныя трудности. Но исторія учитъ насъ что народы, въ которыхъ живетъ національное чувство и сознаніе своей личности, могутъ выдерживать продолжительныя и тяжкія испытанія, не подвергаясь опасности погибнуть. Снельманъ * говоритъ что всякая народность въ столкновеніи съ другими обнаруживаетъ тѣмъ больше энергіи и устойчивости, чѣмъ выше пріобрѣтенное ею просвѣщеніе.

„...Финскій народъ въ своей политической школѣ успѣлъ кое-чему научиться; въ этомъ убѣждаетъ насъ и та сдержанность, какую проявляли жители Финляндіи въ то время, когда ихъ важнѣйшія права подверглись не только публичной критикѣ, но и злобно-превратнымъ толкованіямъ. Эти толкованія были такого свойства, какъ будто главною ихъ цѣлью было вызвать со стороны Финновъ такія дѣйствія, изъ которыхъ наши противники могли бы выковать противъ насъ новое оружіе. Но они ошиблись... ничего подобнаго не случилось... хотя всѣ и повсюду съ замираніемъ сердца слѣдили за общественными дѣлами. Спокойно и сдержанно наши передовые представители разъяснили, въ чемъ заключаются наши права и обязанности (?),—и народная масса (?) выразила полное согласіе съ ихъ основными идеями. Эта сдержанность объясняется не только спокойною и хладнокровною натурой Финна, но также и политическимъ развитіемъ народа, воспитавшаго въ себѣ чувство законности. Этотъ народъ никогда не обратитъ свободу слова и дѣйствія въ беззаконіе и мятежные помыслы... Невѣжество или недоброжелательность стараются заподозрить нашъ маленькій народъ... и выказываютъ склонность обращаться съ нашимъ краемъ почти такъ же, какъ злой землевладѣлецъ можетъ обращаться съ фермеромъ безъ контракта...

„Мы собрались сюда со всѣхъ концовъ нашей родины для того чтобы почувствовать и сознавать что мы составляемъ одинъ народъ, чтобы пѣснями и музыкой выразить свои чувства, какъ радостныя, такъ и печальныя. Чѣмъ же инымъ можемъ мы выразить все то что нельзя высказать словами?.. Въ пѣснѣ окажется и наша любовь ко всему доброму и наша ненависть ко всему злому и лживому".

Прибавимъ къ этому что, вѣроятно, благодаря отсутствію Шведовъ, г. Сойни рѣшился признать что 700-лѣтняя шведская школа была для Финновъ иногда „слишкомъ тяжка", и что восемьдесятъ лѣтъ, проведенныхъ въ русской школѣ, привели Финновъ „къ самосознанію и дали имъ возможность принять участіе въ общей работѣ всѣхъ народовъ на благо человѣчества".

* Снельманъ—финляндскій писатель и сенаторъ.

Digitized by Google

Повторяемъ, пѣніе и музыка во всѣхъ лѣтнихъ съѣздахъ были не болѣе, какъ вывѣской, за которою велось дѣло „политическаго воспитанія“ Финскаго народа, преимущественно путемъ „патріотическихъ“ рѣчей. Къ сожалѣнію, дѣло это не ограничилось такъ-сказать „воздѣлываніемъ“ національнаго чувства, поднятіемъ народнаго образованія и любви къ родинѣ, или доставленіемъ народу удовольствія хорошимъ пѣніемъ и простою разумною рѣчью, а къ нему примѣшали много лишняго, тенденціознаго и прямо вреднаго и предосудительнаго. Для чего ораторы такъ усердно подчеркиваютъ предъ народными массами мнимую опасность отъ „холодныхъ восточныхъ вѣтровъ“ для всходовъ отцовскаго наслѣдія на финскихъ поляхъ? Зачѣмъ они измышляютъ небылицы объ остановкѣ жизненныхъ силъ Финскаго народа послѣ 1808 года? Къ чему понадобились картины о „фермерахъ безъ контракта“, или разсказы о положеніи народа, основанномъ только „на писаной бумагѣ?“ и т. д Неужели подобными вымыслами и патріотическою ложью руководители Финскаго народа желаютъ прочнѣе скрѣпить узы Финляндіи и Россіи и надѣются вызвать въ своихъ соотечественникахъ любовь и пріязнь къ русской націи? А между тѣмъ до тѣхъ поръ, пока учители Финскаго народа не введутъ въ свою политическую программу воспитанія и развитія въ духѣ любви и пріязни къ Русскому народу, а также солидарности съ русскими государственными интересами, они будутъ идти по ложной дорогѣ и направленіе всего ихъ дѣла останется по меньшей мѣрѣ узко - одностороннимъ, фальшивымъ и даже вреднымъ. Допустимъ что признательность Финскаго народа къ „братьямъ за Ботническимъ заливомъ“ естественна и похвальна. Западно-европейское и шведское просвѣщеніе, безспорно, легло въ основу всего финскаго культурнаго развитія; но въ то же время не слѣдуетъ забывать что благопріятныя условія для воздѣлыванія почвы финской самобытности и для взращенія заимствованныхъ сѣменъ даны Финляндіи Россійскою Имперіей. „Безпечное житье“ и ростъ экономическихъ и духовныхъ силъ Финскаго народа начались съ того времени, когда онъ попалъ подъ защиту политическаго могущества Россіи, когда онъ получилъ возможность пользоваться всѣми выгодами того „транзитнаго пути“ между западомъ и востокомъ, на которомъ онъ случайно очутился. Россія дала Финляндіи многое, но требуетъ отъ нея весьма малаго; Финляндцы не могутъ жаловаться что дорого платятъ за свои выгоды, такъ какъ не несутъ никакихъ, „непосильныхъ расходовъ по общегосударственному управленію Россіи“, хотя логика и подсказываетъ что тѣ, кто въ изобиліи пользуется особенными правами, должны бы нести и особенныя обязанности. Все это показываетъ что та правдивость, которою желаютъ славиться Финляндцы, обязываетъ ихъ, при восхваленіяхъ шведскихъ временъ, не замалчивать и выгодъ временъ русскаго владычества; что та лойяльность, которою хотятъ щеголять финскіе ораторы, должна подсказать имъ что они совершенно напрасно вздыхаютъ о какомъ-то свѣтломъ прошломъ и томятся чѣмъ-то тяжелымъ и темнымъ въ настоящемъ. Радость и счастье не были исключительными и постоянными спутниками Финскаго народа при шведскихъ корольхъ, точно такъ же, какъ теперь никакія грозныя тучи не застилаютъ его горизонта и никакіе сильные вѣтры не угрожаютъ ему разрушеніемъ. Восьмидесятилѣтнее прошлое русскаго владычества опредѣленно показало Финляндцамъ что Россія оставляетъ Финляндію въ ея индивидуализированномъ (природой и исторіей) положеніи, * что Императоръ Россіи признаетъ Финляндію отдѣльною культурно-историческою и духовно-самобытною областью, но ни государственныхъ правъ, ни политической самостоятельности ей не давалъ. Финляндіи обѣщано было сохранить ея *прежнія* права, въ числѣ которыхъ и помину не было о какомъ-либо обособленномъ и самостоятельномъ политическомъ существованіи.“

---

* П. Семеновъ. *Живописная Россія*, т. II, ч. I.

Digitized by Google

„Слово наше, — говоритъ Александръ I—о сохраненіи васъ (обывателей Финляндіи) въ единствѣ (съ Россіей) есть непреложно". „Ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи, говорилъ Александръ II, должно склонять васъ (Финляндцевъ) къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіей, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины." Вотъ тѣ слова и мысли, которыя должны быть преподаваемы Финскому народу и которыхъ мы, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ въ рѣчахъ его политическихъ воспитателей.

Г. АБОВЪ.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ ПАРТІИ И ИХЪ РАЗДОРЫ.*

Корреспонденція «Московскихъ Вѣдомостей».

Гельсингфорсъ, 10 октября.

Въ послѣдніе мѣсяцы особенно усилились раздоры между двумя здѣшними партіями „финноманами“ (сторонниками финскаго языка) и „шведоманами“ (сторонниками шведскаго языка). Газеты той и другой партіи ведутъ ожесточенную полемику между собою, обвиняя другъ друга въ самыхъ коварныхъ замыслахъ и, чаще всего, „въ измѣнѣ финляндскому отечеству“. Это обвиненіе въ „измѣнѣ“ раньше обыкновенно высказывалось „шведоманами“ по отношенію къ „финноманамъ“ за то что послѣдніе, при помощи русской власти, добились въ послѣднее десятилѣтіе большихъ успѣховъ въ пользу своего дѣла: изданъ цѣлый рядъ постановленій, расширяющихъ права финскаго языка въ краѣ, основано много новыхъ финскихъ среднеучебныхъ заведеній (частію взамѣнъ существовавшихъ прежде шведскихъ); наконецъ, представители финноманской партіи, въ лицѣ своихъ вожаковъ Ирье-Коскинена, Игнаціуса, Сольмана и др. попали, тоже благодаря покровительству русской власти, въ Финляндскій Сенатъ и пріобрѣли теперь въ немъ, а также и въ разныхъ другихъ высшихъ финляндскихъ учрежденіяхъ большое вліяніе. Чтобы достигнуть этихъ успѣховъ въ пользу своей партіи, финноманы не разъ обращались съ настойчивыми ходатайствами къ русской власти о защитѣ и покровительствѣ противъ шведомановъ. Это-то и подавало поводъ шведоманамъ обвинять своихъ противниковъ, вступившихъ „въ союзъ съ Русскими“, въ „измѣнѣ“.

Но теперь, какъ видно, пришла очередь и самимъ шведоманамъ выслушать обвиненіе въ „измѣнѣ“. Недавно одна изъ здѣшнихъ газетъ, *Helsingfors Aftonbladet*, служащая органомъ для крайнихъ шведомановъ или „викинговъ“ (какъ называютъ ихъ финноманы) помѣстила передовую статью подъ заглавіемъ *Цѣли финномановъ*. Въ этой статьѣ она жаловалась на то что финноманы, забравъ въ послѣднее время власть въ свои руки, стремятся явно къ тому чтобы совсѣмъ уничтожить въ Финляндіи шведскую народность и шведскій языкъ и „офиннить какъ правительственныя учрежденія, такъ и всю страну“. Въ заключеніе она обратилась къ финноманамъ съ увѣщаніемъ „открыть глаза вовремя“ и не доводить шведомановъ до отчаянія; если же ихъ доведутъ до отчаянія, то, пригрозила она, легко можетъ случиться что „та часть населенія, языкъ кото-

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 281, отъ 13 октября.

Digitized by Google

рой подвергаютъ отлученію, изберетъ въ отчаяніи *иной языкъ* (то-есть русскій), а не финскій". Эта статья подняла въ финскихъ газетахъ настоящую бурю; въ цѣломъ рядѣ статей набросились они на шведомановъ, обвиняя ихъ въ коварномъ намѣреніи „измѣнить отечеству" и предать его Россіи. „Напрягайте всѣ ваши силы",—патетически восклицаетъ, напримѣръ, главный органъ финномановъ, газета *Uusi Suometar* (въ статьѣ отъ 12 октября нов. ст.), обращаясь къ шведоманамъ,— „добыча стоитъ того. Обвиняйте насъ въ намѣреніи создать большое финское государство (такое обвиненіе, дѣйствительно, высказывалось недавно шведоманами) и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляйте себя сторонниками инаго (то-есть русскаго) языка. Тогда вамъ предложатъ должности и бразды управленія страной и вы избавитесь отъ финномановъ. Но тогда признайте также кто въ этой странѣ долженъ быть запятнанъ какъ измѣнникъ". Шведоманскія газеты нѣсколько дней конфузливо молчали, не рѣшаясь выступить въ защиту *Aftonbladet* и подвергнуться обвиненію въ „измѣнѣ". Наконецъ, газета *Nya Pressen*, считающаяся самымъ вліятельнымъ органомъ шведоманской партіи, сочла нужнымъ публично отречься отъ солидарностя съ *Aftonbladet* и заявила что послѣдняя высказала только свое отдѣльное мнѣніе, а не взгляды всей шведской партіи.

К.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКАЯ ОКРАИНА

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА III.

(Передовая статья № 309 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года, отъ 10 ноября).

Пассивъ наслѣдства доставшагося прошлому царствованію отъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ заключался не въ одной умственной смутѣ и разстройствѣ въ управленіи и въ бытѣ сословій: подъ вліяніемъ ослабленія государственной власти, всѣ центробѣжныя силы Имперіи стали вырываться наружу и заявлять о своемъ существованіи въ той или иной формѣ. И если такія явленія какъ украинофильство или автономныя стремленія нѣсколькихъ Сибиряковъ представляются болѣе комическими чѣмъ вредными, то финляндскій сепаратизмъ, какъ глубоко внѣдрившаяся и злокачественная политическая болѣзнь цѣлой обширной области съ двухмилліонымъ населеніемъ, не можетъ не вызывать совершенно иного къ себѣ отношенія.

Сепаратистская интрига Финляндцевъ началась съ того самаго времени, когда они впервые присягнули Русскому Императору и были „навсегда“ присоединены къ Россіи, то-есть съ 1808 года, и продолжается и до настоящаго времени. Но никогда дѣйствія этой интриги не были столь наглы, никогда не успѣвала она больше чѣмъ въ царствованіе Императора Александра II. Такъ, уже 20 декабря 1858 года было издано Положеніе о торговлѣ Имперіи съ Финляндіей, съ прямою цѣлію увеличить привилегіи этой окраины, вслѣдствіе чего безпошлинный привозъ изъ нея увеличился до размѣровъ серіозно подрывающихъ нашу промышленность и торговлю; манифестомъ 1860 года Финляндіи дарована самостоятельная монетная единица; въ

Digitized by Google

1878 году ей разрѣшено имѣть свою особую армію и т. д., и т. д. Цѣлый рядъ причинъ благопріятствовалъ Финляндцамъ, и, несмотря на то что всѣ ихъ захваты производились открыто, среди бѣла дня, эти захваты не вызывали никакого протеста и отпора: до такой степени все и всѣ были загипнотизированы разными либеральными теоріями, съ точки зрѣнія которыхъ всѣ козни нашихъ сѣверныхъ Мадьяръ были подвигами цивилизаціи и прогресса. Но наступило незабвенное прошлое царствованіе,— и только тогда русская государственная и общественная мысль, отрезвѣвшая отъ долголѣтняго политическаго угара, узрѣла какъ далеко зашло дѣло отторженія отъ Имперіи одной изъ самыхъ необходимыхъ ей провинцій, за которую предки наши пролили столько своей крови.

Уже въ годъ священнаго коронованія, въ печати, и именно на столбцахъ нашего изданія, былъ возбужденъ вопросъ о ненормальности существованія особой финляндской таможенной границы, отдѣляющей русскія области одну отъ другой. Первая серіозная тревога по поводу сепаратистскихъ узурпацій не прошла безслѣдно, и въ томъ же году уже была назначена, по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія для обсужденія вопроса о финляндскихъ торговыхъ привилегіяхъ. Это пробужденіе общественной дѣятельности, казалось, должно было бы предостеречь горсть Шведовъ, заправляющихъ дѣлами Финляндіи, что не слѣдуетъ истощать терпѣніе Россіи: но сепаратисты вступили уже на такую наклонную плоскость, что имъ трудно было остановиться. 15 августа 1885 года ими былъ торжественно открытъ близъ города Иденсальми памятникъ для увѣковѣченія якобы бывшаго тамъ *пораженія русскихъ войскъ* Финнами. Скандальное для мѣстныхъ русскихъ властей, дѣло это открыло глаза и слѣпымъ, показавъ, что Финляндцы уже не довольствуются своими захватами, а позволяютъ себѣ и дерзкіе вызовы русскому національному чувству.

Дѣло отторженія Финляндской окраины, повидимому, считалось тамъ столь назрѣвшимъ, что финляндскіе руководители находили возможнымъ отъ скрытнаго и тихаго образа дѣйствій перейти къ публичнымъ заявленіямъ своихъ якобы правъ, дабы такимъ путемъ закрѣпить ихъ. Такъ, въ 1888 году, извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ Финляндіи, сенаторомъ Л. Мехелинымъ, была издана на французскомъ языкѣ книга — *Конституція Финляндіи*—видимо предназначенная для нашихъ западныхъ сосѣдей, изъ которой выяснилась вся финская политическая программа, сводившаяся къ полному отдѣленію Финляндіи отъ Россіи и къ умаленію власти Русскаго Императора до безправія шведскихъ королей половины прошлаго вѣка. Финляндія открыто объявлялась самостоятельнымъ государствомъ, которое находится де только въ соединеніи съ Россіей, основанномъ на обоюдномъ договорѣ. Съ чисто-финскою настойчивостію проводили эти взгляды мѣстные сепаратисты при всякомъ случаѣ—и въ мелочахъ, и въ дѣлахъ серіозныхъ.

Все систематически приноравливалось къ тому чтобы создать такіе прецеденты вольностей въ порядкѣ управленія и административныхъ формахъ, которые подтверждали бы вышеприведенныя основы финляндской „конституціи“. Такъ, въ текстѣ манифестовъ отъ лица Самодержавнаго Императора появилась въ началѣ формула: *съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи*; въ извѣстномъ *Готскомъ Альманахѣ* Финляндія фигурировала уже въ качествѣ

Digitized by Google

конституціонной монархіи, состоящей въ уніи съ Россіей въ лицѣ одного правителя и т. д. и т. д.

Не довольствуясь автономіей въ смыслѣ государственномъ, Финляндцы употребили всѣ мѣры къ обособленію своей области въ отношеніи бытовомъ, къ созданію для Русскихъ совершенно невозможныхъ условій существованія въ ней. Не говоря уже про то, что нигдѣ въ странѣ, почти ни въ одномъ даже публичномъ учрежденіи никто не владѣетъ русскимъ языкомъ, жители коренной Россіи не пользуются въ области даже и элементарными правами гражданства. Такъ, между тѣмъ какъ финляндскимъ дворянамъ присвоены во внутреннихъ областяхъ Имперіи права дворянъ россійскихъ, русскіе дворяне не признаются въ Финляндіи въ своемъ званіи. Затѣмъ, русскіе собственники не имѣютъ права на участіе въ финляндскомъ самоуправленіи и т. д. Наша государственная религія—Православная вѣра—находится въ Финляндіи въ положеніи едва терпимаго вѣроисповѣданія и даже мѣстные уроженцы, ее исповѣдающіе, не допускаются на нѣкоторые роды государственной службы. Духовенство наше и церковныя процессіи подвергались на улицахъ настоящимъ нападеніямъ и издѣвательствамъ толпы, остававшимся безнаказанными. Наконецъ, русскіе военные и матросы въ портахъ сплошь и рядомъ терпѣли безпричинныя оскорбленія.

Такое положеніе края и отсутствіе какихъ бы то ни было основаній надѣяться что финляндскіе сепаратисты сами образумятся и остановятся на своемъ скользкомъ пути заставило правительство выйти изъ его пассивнаго положенія и положить конецъ ихъ опасной игрѣ. Поистинѣ нужно было все миролюбіе, все царственное спокойствіе и милосердіе незабвеннаго въ Бозѣ Почившаго Государя для того чтобы, прекрасно *понимая*, какъ это показали послѣдствія, интриги мѣстныхъ политикановъ, столь долго ограничиваться по отношенію къ нимъ мѣрами кротости и терпѣнія. Но когда, наконецъ, стало несомнѣннымъ что мѣры эти не достигали цѣли, бывъ, повидимому, приняты за ту же слабость власти которая характеризовала недавнее прошлое,—программа правительственной политики въ отношеніи Финляндіи вполнѣ опредѣлилась и твердо проводилась до конца царствованія. Эта ясная программа нашла себѣ мѣсто въ Высочайшемъ Рескриптѣ генералъ-губернатору Финляндіи отъ 28 февраля 1891 года. Заявивъ въ этомъ важномъ актѣ о Своемъ расположеніи „относиться съ прежними благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ Финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими Монархами права и преимущества“ и о томъ что въ намѣренія Его „не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія“, въ Бозѣ Почившій Государь Императоръ изволилъ, между прочимъ, выразить что Финляндскій край „съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе“, состоитъ „*въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской*“, и что предначертанныя въ краѣ мѣропріятія имѣютъ цѣлію достиженіе „*болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской Державы*“.

Направленіе политики, выраженное вышеприведенными знаменательными словами Рескрипта, начало осуществляться еще до его обнародованія. Такъ, въ январѣ 1890 года состоялось Высочайшее повелѣніе о составленіи проектовъ, направленныхъ къ приве-

Digitized by Google

денію таможенной и монетной системъ Финляндіи въ соотвѣтствіе съ системами Имперіи и объ объединеніи подъ однимъ высшимъ завѣдываніемъ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій съ таковыми же въ остальной Россіи. Послѣднее предположеніе было вскорѣ приведено и въ исполненіе и, въ силу Манифеста 31 мая 1890 года, почтовыя учрежденія Финляндіи поступили въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, причемъ для служащихъ въ нихъ знаніе русскаго языка сдѣлалось обязательнымъ. Въ томъ же году изданы узаконенія о воспрещеніи ставить публичные памятники безъ особаго каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія и объ обязательномъ принятіи въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ края платежей русскою монетой. Это послѣднее постановленіе явилось первою подготовительною мѣрой къ объединенію провинціальной финляндской монетой системы съ общегосударственною русскою.

Одною изъ причинъ вышеописаннаго ненормальнаго положенія Православной Церкви является завѣдываніе ея дѣлами въ предѣлахъ Финляндіи мѣстнымъ лютеранскимъ Сенатомъ. Въ виду этого, въ томъ же 1890 году послѣдовало распоряженіе о пересмотрѣ всѣхъ законовъ касающихся финляндскихъ православныхъ приходскихъ общинъ и ихъ духовенства, съ тѣмъ чтобы разработать соотвѣтственный законопроектъ на началахъ подчиненія финляндскаго духовенства Святѣйшему Синоду, наравнѣ съ духовенствомъ другихъ частей Имперіи.

Въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, въ Финляндіи дѣятельно разрабатывался проектъ новаго Уголовнаго Уложенія. Отрывочныя извѣстія объ этомъ проникали въ печать, но въ отношеніи въ этой окраинѣ у насъ тогда уже установилась особая традиція безпечности и наивнаго попустительства, исходившая изъ положенія что все происходящее въ такой европейски - цивилизованной странѣ могло быть лишь совершеннымъ и „прогрессивнымъ“. Мы даже не интересовались узнать какого рода реформу готовили себѣ наши „лойяльные“ „сосѣди“. Тѣмъ большее впечатлѣніе произвели разоблаченія сдѣланныя по этому поводу нашимъ изданіемъ. Оказалось что всѣ части Уложенія, уже опубликованнаго въ началѣ 1890 года какъ законъ, имѣющія хоть какое-либо отношеніе къ политической интригѣ господствующаго класса, были редижированы съ явно-возмутительною тенденціей. Такъ, напримѣръ, тогда какъ по русскому Уложенію за снятіе и опубликованіе плановъ укрѣпленій назначается *ссылка въ Сибирь на поселеніе*, финляндскіе сепаратисты сочли возможнымъ ограничить наказаніе за это преступленіе денежнымъ штрафомъ не свыше *пятидесяти* рублей; человѣкъ, допустившій цареубійство, которое онъ могъ предотвратить своевременнымъ увѣдомленіемъ власти, наказывается по нашимъ законамъ *лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и смертною казнію;* Финляндцы же признали что въ этомъ случаѣ иной разъ можно покарать и однимъ лишь *денежнымъ взысканіемъ*... Помимо всѣхъ этихъ дерзостей и другихъ несообразностей, финляндское Уложеніе представляло ту типичную черту что различало лишь финляндскаго гражданина и иностранца, Финляндію и „заграницу“, причемъ коренные Русскіе приравнивались къ иностранцамъ, а Россія — къ иноземнымъ странамъ наравнѣ съ Турціей.

Всѣ эти разоблаченія, слава Богу, достигли своей цѣли: осенью 1890 года, по докладу Министерства Юстиціи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой коммиссіи изъ че-

Digitized by Google

тырехъ членовъ для пересмотра финляндскаго Уголовнаго Уложенія, а 1 слѣдующаго декабря былъ обнародованъ Высочайшій Манифестъ о пріостановкѣ введенія въ дѣйствіе этого Уложенія впредь до окончанія его полнаго пересмотра. Участіе въ этомъ пересмотрѣ приняли министръ Юстиціи и главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ.

Девяностые года царствованія явились особенно плодотворными, если не для положительнаго успѣха русскаго дѣла въ Финляндіи, то, по крайней мѣрѣ, для почина въ разрушеніи той стѣны между этою областью и Имперіей, которую такъ тщательно воздвигли мѣстные сепаратисты. За недостаткомъ мѣста, мы не можемъ останавливаться подробно на всѣхъ предпринятыхъ за это время мѣрахъ; ограничимся лишь перечисленіемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

1 мая 1891 года былъ изданъ Высочайшій Манифестъ объ упраздненіи, состоящаго при финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ въ Петербургѣ, Комитета по финляндскимъ дѣламъ. Это учрежденіе было „делегаціей Финляндскаго Сената“ въ столицѣ Имперіи, состояло почти исключительно изъ Финляндцевъ, и о значеніи его можно безошибочно судить уже по однѣмъ жалобамъ и ламентаціямъ финляндскихъ сепаратистовъ при его упраздненіи.

Осенью 1892 года былъ преобразованъ Финляндскій Сенатъ, причемъ его Хозяйственный (административный) Департаментъ получилъ самостоятельное, независимое отъ Судебнаго Департамента, значеніе. Этимъ сенаторы-юристы, главные двигатели сепаратизма, нѣсколько устранены отъ вліянія на административныя дѣла.

Въ 1892 году, по Высочайшему повелѣнію, было учреждено Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, изъ высшихъ русскихъ государственныхъ сановниковъ, для рѣшенія вопроса объ объемѣ и значеніи такъ-называемой финляндской „конституціи“.

Въ 1893 году для детальной разработки того же вопроса была назначена особая коммиссія Н. А. Неклюдова; въ этомъ же году на постъ помощника финляндскаго генералъ-губернатора впервые былъ назначенъ коренной Русскій, генералъ-лейтенантъ С. О. Гончаровъ. Затѣмъ слѣдуютъ: назначеніе коммиссіи генералъ-лейтенанта Величко для выработки проекта преобразованія „финской арміи“ и объединенія ея съ обще-русскою Императорскою арміей, коммиссія Министерства Финансовъ по разрѣшенію таможеннаго вопроса и т. д. и т. д.

Не легко разрушить прочныя сооруженія восьмидесятилѣтнихъ интригъ послѣдовательнаго ряда поколѣній верхнихъ слоевъ населенія Финляндіи, въ особенности щадя ни въ чемъ неповинный народъ, который и самъ является лишь предметомъ эксплуатаціи горсти честолюбцевъ иноплеменнаго происхожденія, — и минувшее краткое царствованіе могло положить лишь починъ рѣшенію этой задачи. Предстоитъ еще многое и многое для вторичнаго завоеванія области—на этотъ разъ завоеванія культурнаго,—области столь дорого намъ стоившей и столь намъ необходимой. Но важно и то уже что сепаратистскія стремленія высшихъ классовъ ея населенія стали понятны и очевидны даже и для самыхъ недальновидныхъ и благодушныхъ политиковъ, и мы вѣримъ что во всякомъ случаѣ, послѣ всего раскрытаго въ финляндскихъ дѣлахъ въ теченіе восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, повтореніе прежнихъ нашихъ ошибокъ въ отношеніяхъ къ этой окраинѣ стало немыслимымъ.

Digitized by Google

ЧТО ТВОРИЛОСЬ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

ВЪ

СКОРБНЫЕ ДНИ РОССІИ.*

Съ чувствомъ отвращенія и глубокаго негодованія слѣдили мы въ переживаемые нынѣ Россіей скорбные дни за тѣмъ, что творилось въ Финляндской окрайнѣ Россіи со времени кончины Великаго Самодержца земли Русской. Намъ не хотѣлось говорить объ этомъ съ нашими читателями, пока еще не былъ погребенъ прахъ усопшаго Царя, не хотѣлось нарушать дивную гармонію чувствъ скорби о скончавшемся возлюбленномъ Царѣ Русскомъ и чувствъ вѣрноподданнической преданности и любви ко вступившему на престолъ Его Державному Сыну,—чувствъ общихъ всѣмъ людямъ земли Русской. Фальшивые голоса, раздававшіеся въ Финляндскихъ губерніяхъ Россіи, и не только голоса, но и дѣйствія, шли уже слишкомъ въ разрѣзъ съ охватившимъ всю остальную Россію настроеніемъ.

Фальшивая нота сказалась уже въ отзывахъ финляндскихъ газетъ о почившемъ Монархѣ, на другой день послѣ Его кончины. Финляндскія газеты тоже какъ бы восхваляютъ Его, но восхваляютъ такъ, что въ ихъ похвалахъ проявляются скорѣе ихъ собственныя вожделѣнія, приписываемыя ими Монарху, чѣмъ Его дѣйствительныя заслуги и намѣренія. Онѣ дѣлятъ царствованіе Императора Александра III на два періода: въ первый періодъ Онъ строго держался де „конституціонныхъ“ взглядовъ и не только соблюдалъ „конституцію“ Финляндіи, но и всячески способствовалъ ея дальнѣйшему „развитію“, а во второй періодъ Своего царствованія Онъ подпалъ де вліянію „нѣкоей могущественной партіи“ въ Имперіи, проникнутой „автократическими“ и національными стремленіями. „Первыя впечатлѣнія о личности Александра III какъ правителя“, говоритъ, напримѣръ, гельсингфорсская газета *Hufvudstadsbladet*, № 298,—„связываются съ предложеніемъ законодательнаго почина для земскихъ чиновъ“ и со вступленіемъ въ составъ „туземнаго правительства (то-есть Финляндскаго Сената) нашихъ руководящихъ сеймовыхъ дѣятелей (то-есть Л. Мехелина, Ирье-Коскинена и др.). Болѣе половины царствованія Александра III протекло безъ всякой даже тѣни недоразумѣнія между Монархомъ и Его Финскимъ народомъ. Когда же потомъ на нашемъ политическомъ горизонтѣ скопились тучи, то и тогда никто у

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 309, отъ 10 ноября.

Digitized by Google

насъ не отчаивался въ томъ что въ Немъ мы найдемъ поддержку. У насъ видѣли опасность отъ того, что образъ мыслей въ Россіи обращается противъ насъ, такъ какъ нужно было предполагать, что Монархъ не можетъ не принять во вниманіе чувства Своихъ подданныхъ въ Имперіи, число которыхъ во столько разъ превосходитъ число жителей Финляндіи. Но при безпокойствѣ и унынiи, которыя возбуждались этимъ въ нашей странѣ, никогда, однакоже, не терялась надежда на успѣхъ нашего справедливаго дѣла, если только оно будетъ разсмотрѣно Имъ самимъ".

„Первые годы царствованія Александра III," говоритъ другая гельсингфорсская газета *Nya Pressen*, № 298,—„характеризуются не только конституціоннымъ взглядомъ, какъ наслѣдіемъ отъ предыдущаго періода, но и попеченіемъ о святости нашихъ законовъ. Если, однако, несмотря на симпатіи Императора къ нашей странѣ и Его намѣренія поддерживать конституцію Финляндіи согласно съ основными законами, на нашу страну могли дѣлаться непрерывныя нападки, и стали подготовляться планы, клонящіеся къ передѣлкѣ нашего общественнаго строя, то причину этихъ явленій нужно искать прежде всего въ направленіи образа мыслей вліятельной части Русскаго народа. Ясно, что Александръ III, подъ впечатлѣніемъ покушеній на Его Отца,—впечатлѣніемъ еще болѣе укрѣпившимся происшедшимъ восемь лѣтъ спустя желѣзнодорожнымъ несчастіемъ при Боркахъ и другими событіями, стоящими въ связи съ этимъ,—не могъ остаться незатронутымъ тѣмъ сильнымъ національнымъ движеніемъ, которое обнаружилось въ Россіи. Въ желаніи удовлетворить вліятельное общественное мнѣніе въ Имперіи нужно, безъ сомнѣнія, искать главнѣйшее основаніе той программы по отношенію къ Финляндіи, которая имѣла въ виду проведеніе извѣстныхъ объединительныхъ реформъ и выразилась въ почтовомъ манифестѣ (то-есть въ Высочайшемъ Манифестѣ 1890 года, касательно объединенія финляндской почты съ общегосударственною), въ пріостановкѣ и передѣлкѣ Уголовнаго Уложенія и въ Кодификаціонныхъ коммиссіяхъ. Но въ нашей странѣ всегда были увѣрены въ томъ, что Александръ III не желалъ проведенія какихъ-либо реформъ вопреки конституціи Финляндіи".

Въ такомъ же родѣ отзываются и другія финляндскія газеты и даже финляндскіе пасторы въ своихъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ по поводу кончины Монарха. Такъ, напримѣръ, гельсингфорсскій пасторъ Бергротъ въ своемъ похвальномъ словѣ, сказанномъ во время богослуженія въ Николаевской церкви, 21 октября, говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: *

„Исторія Финляндіи въ будущемъ занесетъ на свои страницы Его образъ, Его, который одинъ высоко стоялъ со своимъ маленькимъ Великимъ Княжествомъ, съ двумя милліонами населенія, какъ опора этого Княжества противъ волнующихся могучихъ силъ стомилліонной толпы могущественнѣйшей въ мірѣ Имперіи".

Тотъ же самый взглядъ на Финляндію какъ на совершенно отдѣльное отъ Россіи государство, „Великое Княжество Финляндское", имѣющее связь только съ Россійскими Монархами, а не съ самою Россіей, проявляется и въ статьяхъ привѣтствующихъ вступленіе на престолъ новаго Монарха, Императора Николая II.

„Финляндскій народъ", говоритъ напримѣръ, *Hufvudstadsbladet*, № 299, „въ эту минуту привѣтствуетъ новаго *Великаго Князя страны* и *Императора Россійскаго государства* Николая II (landets nye storfurste och ryska rikets kejsare Nicolas II)... Вслѣдствіе близости Финляндіи къ столицѣ Русскаго Государства, Финскій народъ сталъ какъ бы почетною стражей у трона Монарховъ".

Но еще болѣе рѣзко чѣмъ въ отзывахъ газетъ, *въ словахъ*, проявилъ себя финляндскій сепаратизмъ, въ настоящій историческій моментъ, *въ самомъ*

---

* Проповѣдь эта напечатана въ гельсингфорсскихъ газетахъ; см., напримѣръ, газету *Hufvudstadsbladet*, № 307.

Digitized by Google

дѣйствіи, а именно въ томъ какъ понята была, и какъ приносилась въ Финляндіи присяга на вѣрность вступившему на престолъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору.

Объ этомъ вотъ что намъ пишутъ изъ Гельсингфорса.

„Высочайшій Манифестъ о вступленіи на престолъ Государя Императора Николая Александровича полученъ былъ здѣсь въ субботу, 22 октября, тогда же доложенъ былъ въ Финляндскомъ Сенатѣ и опубликованъ имъ на мѣстныхъ шведскомъ и финскомъ языкахъ въ финляндской офиціальной газетѣ и въ *Сборникѣ Постановленій Финляндіи*. Въ Манифестѣ этомъ, какъ извѣстно, содержится уже повелѣніе о принесеніи вѣрноподданнической присяги вступившему на престолъ Монарху и Его законному Наслѣднику. Кромѣ того, Финляндскій Сенатъ нашелъ нужнымъ издать еще отъ Высочайшаго Имени особый „рескриптъ“ къ финляндскимъ властямъ о принесеніи присяги. Въ этомъ „рескриптѣ“ сдѣлано было, между прочимъ, указаніе и на ту особую форму, по какой присяга должна быть учинена въ краѣ, — форму, установленную Финляндскимъ Сенатомъ въ 1877 году. Эта форма, какъ извѣстно, отличается отъ обще-русской формы присяги на вѣрноподданство тѣмъ что изъ нея исключено упоминаніе о самодержавныхъ правахъ Верховной Власти, и говорится только о служеніи краю, а не всей Россіи (см. объ этомъ статью: „Какъ и когда измѣнилась въ Финляндіи присяга на вѣрноподданство“ въ сборникѣ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. I, стр. 229 — 234 и „Почему Финляндцы измѣнили обще-русскую присягу на вѣрноподданство“, тамъ же, стр. 287).

„Расположенныя въ Финляндіи русскія войска и русскія учрежденія приведены были къ присягѣ уже 21 октября, то есть одновременно съ принесеніемъ присяги и въ остальной Россіи. Финскія войска, Финляндскій Сенатъ и чины нѣкоторыхъ другихъ финляндскихъ правительственныхъ учрежденій также принесли присягу въ первые дни послѣ вступленія на престолъ новаго Государя, но населеніе Гельсингфорса, а также и другихъ городовъ и сельскихъ мѣстностей края, не приводилось къ присягѣ, хотя прошло уже больше недѣли. Люди не посвященные въ тайны финляндской политики удивлялись что за причина такого страннаго замедленія. Въ концѣ недѣли слѣдовавшей за днемъ кончины Государя, то-есть около 27 — 29 октября, дѣло, наконецъ, разъяснилось. Оказалось, что финляндскія власти не приводятъ населенія къ присягѣ въ ожиданіи утвержденія „конституціи“. Во главѣ протестующихъ противъ принесенія присяги до изданія такъ-называемаго „Монаршаго удостовѣренія“ выступило Гельсингфорсское городское управленіе. Гельсингфорсскія газеты объ этомъ молчали (вѣроятно, по цензурнымъ соображеніямъ), глухо упомянувъ лишь что принесеніе присяги гельсингфорсскимъ населеніемъ отложено на нѣкоторое время высшими финляндскими властями по иниціативѣ Гельсингфорсскаго магистрата, но въ то же время полетѣли, какъ оказывается, въ другіе финляндскіе города телеграммы, демонстративно разъяснявшія причину замедленія. Такъ, напримѣръ, въ абоской газетѣ *Åbo Underrättelser*, въ нумерѣ отъ 27 октября, появилась телеграмма слѣдующаго содержанія: „„Гельсинг„форсскій магистратъ сдѣлалъ предста„вленіе начальнику Нюландской губер„ніи о томъ чтобы принесеніе присяги „отложено было до изданія Монаршаго „удостовѣренія, такъ какъ, говорится „въ бумагѣ магистрата, *вѣрноподдан„ническая присяга и Монаршее удосто„вѣреніе неразрывно связаны „другъ съ другомъ*. Послѣ изданія „Монаршаго удостовѣренія присяга, по „мнѣнію магистрата, будетъ принесена „населеніемъ не только по доброй во„лѣ, но и безо всякаго чувства угне„тенія; а теперь этихъ необходимыхъ „для принесенія присяги условій не „можетъ быть.““ Въ таммерфорсскихъ газетахъ извѣстіе о подвигѣ гельсингфорсскаго магистрата передано было тоже въ видѣ телеграммы изъ Гельсингфорса, приблизительно въ слѣдующей формѣ: „Магистратъ предложилъ отложить принесеніе присяги на томъ

Digitized by Google

основаніи что еще офиціально неизвѣстно, какъ присягалъ Монархъ".

Странными, дикими должны показаться эти финляндскія понятія о вѣрноподданнической присягѣ. Присяга на вѣрность Монарху ставится въ Финляндіи открыто, офиціально, въ связь, да еще „неразрывную", съ „Монаршимъ удостовѣреніемъ", — считается возможнымъ отказываться отъ вѣрноподданнической присяги до тѣхъ поръ пока нѣтъ „удостовѣренія". У „лойяльныхъ" финляндскихъ дѣятелей, у этой „почетной стражи" Россійскихъ Монарховъ, какъ они себя называютъ, это вяжется, какъ видно, съ вѣрноподданническими чувствами: но мы, русскіе люди, этого понять, признаться, не можемъ...

Но что́ же это за „Монаршее удостовѣреніе", неразрывно соединяемое въ Финляндіи съ вѣрноподданническою присягой? Люди слѣдившіе за исторіей созиданія „финляндскаго конституціоннаго государства" въ предѣлахъ Россіи, знаютъ что подъ именемъ „Монаршихъ удостовѣреній" извѣстны въ Финляндіи Всемилостивѣйшіе Манифесты, издававшіеся Россійскими Монархами при вступленіи ихъ на престолъ для утвержденія дарованныхъ Финляндскому краю правъ и преимуществъ. Первый разъ такой Всемилостивѣйшій Манифестъ изданъ былъ при покореніи Финляндіи Императоромъ Александромъ I. Въ немъ объявлялось что Монархъ „призналъ за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, доселѣ пользовались". Подобные же манифесты, и почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, изданы были и Императорами: Николаемъ I, Александромъ II и Александромъ III при ихъ вступленіи на престолъ. Слишкомъ общая и не совсѣмъ опредѣленная форма этихъ манифестовъ еще въ первыя десятилѣтія послѣ присоединенія Финляндскаго края къ Россіи стала подавать поводъ финляндскимъ властямъ и дѣятелямъ къ преувеличенію дарованныхъ Финляндскому краю правъ и къ отрицанію государственныхъ правъ Россіи на ея Финляндскую окраину. Въ шестидесятыхъ годахъ подобныя лжетолкованія получили уже совсѣмъ систематическій характеръ. Изъ этихъ манифестовъ финляндскіе дѣятели стали выводить мнимое право Финляндіи на полную государственную обособленность отъ Россіи и на конституціонное ограниченіе Самодержавной власти Русскихъ Монарховъ въ пользу Финляндскаго Сейма. Подъ упоминаемыми въ манифестахъ „коренными законами" финляндскія власти и политическіе дѣльцы стали подразумѣвать шведскую государственную конституцію 1772 — 1789 годовъ, а самые манифесты приравнивать къ установленной для шведскихъ королей прошлаго столѣтія конституціонной присягѣ, по которой короли торжественно отрекались отъ „ненавистнаго королевскаго самодержавія или такъ-называемаго суверенитета". Создалась постепенно цѣлая теорія финляндскаго „государственнаго права", въ которой обязательное якобы для Монарха при Его вступленіи на престолъ „монаршее удостовѣреніе" или „монаршая присяга" (Regent förs äkran) на вѣрность шведской конституціи 1772 — 1789 годовъ и основываемая на этой конституціи „государственная самостоятельность" Финляндіи занимаютъ главное мѣсто. Дошло, наконецъ, до того что эта теорія въ послѣднее время прямо и открыто стала провозглашаться въ Финляндіи не только въ сочиненіяхъ мѣстныхъ юристовъ и историковъ и въ мѣстной печати, но и въ разныхъ офиціальныхъ документахъ и запискахъ финляндскихъ властей. Исходя изъ этой теоріи, финляндскія учрежденія, какъ извѣстно, прямо противились объединительнымъ реформамъ, предпринятымъ по повелѣнію и по предначертанію въ Бозѣ почившаго Государя. Такъ, напримѣръ, при изданіи Высочайшаго Манифеста о подчиненіи финляндской почты Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, со стороны финляндскихъ дѣятелей (напримѣръ, бывшаго прокурора Финляндскаго Сената Вейсенберга), а вслѣдъ за ними и со стороны Финляндскаго Сейма, сдѣланы были офиціальныя представле-

Digitized by Google

нія о томъ что этотъ Манифестъ нарушаетъ де основные законы Финляндіи, утвержденные Монархомъ при вступленіи на престолъ. *

Въ виду существованія въ Финляндіи подобной общепризнанной тамъ теоріи, столь широко и превратно изъясняющей смыслъ всемилостивѣйшихъ манифестовъ, издававшихся прежде при вступленіи на престолъ новыхъ монарховъ, не удивительно что теперь, въ первые дни послѣ восшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, среди людей, слѣдящихъ за финляндскими дѣлами, распространились слухи что на этотъ разъ или совсѣмъ не будетъ издано подобнаго всемилостивѣйшаго манифеста или же онъ будетъ изданъ въ иной, чѣмъ прежде, болѣе опредѣленной формѣ, съ оговоркой о томъ что права, преимущества и основные законы Финляндскаго края утверждаются и будутъ сохраняться ненарушимо лишь поскольку они не противорѣчатъ общегосударственнымъ интересамъ и благу Россіи. Подобные же слухи появились и въ финляндскихъ кругахъ. Объ этомъ намъ пишутъ изъ Гельсингфорса слѣдующее:

„Съ первыхъ же дней послѣ кончины почившаго Монарха финляндскіе дѣятели пустили въ ходъ всѣ средства къ тому чтобы „обезпечить", какъ они выражаются, „будущее Финляндіи". Финляндскій министръ - статсъ - секретарь, генералъ Денъ, въ сопровожденіи одного изъ финляндскихъ чиновниковъ, г. Бруна, спѣшно выѣхалъ изъ Петербурга на другой же день послѣ кончины Государя и направился въ Ливадію. Въ здѣшнихъ газетахъ тотчасъ же появились извѣстія о днѣ и часѣ его выѣзда, сообщалось затѣмъ объ его прибытіи въ Ливадію въ понедѣльникъ 24 октября, но затѣмъ извѣстія о немъ на нѣкоторое время прекратились. Почти цѣлую недѣлю, съ понедѣльника до воскресенья 30 октября, финляндскіе политическіе дѣльцы томились неизвѣстностью. Въ газетахъ печатались статьи о томъ что Финляндія ждетъ де „Монаршаго удостовѣренія", но такъ какъ, по всѣмъ предположеніямъ, всеподданнѣйшій докладъ генерала Дена долженъ былъ состояться еще въ началѣ недѣли, а между тѣмъ не получалось никакихъ извѣстій объ успѣхѣ его миссіи, то въ финляндскихъ кругахъ явилось предположеніе что миссія эта окончилась неудачей. Въ это-то время и произведена была Гельсингфорсскимъ магистратомъ вышеописанная демонстрація. Принесеніе присяги гельсингфорсскимъ населеніемъ отложено было до понедѣльника, 31 октября. Но вотъ въ воскресенье, 30 октября, по городу быстро распространилось что генералъ Денъ возвратился въ Петербургъ и привезъ что-то „благопріятное" для Финляндіи. Извѣстіе это, полученное по телеграфу изъ Петербурга, передано было въ особыхъ газетныхъ прибавленіяхъ въ тотъ же день. На другой день рано утромъ, то-есть въ день, назначенный для принесенія присяги гельсингфорсскимъ населеніемъ, газета *Uusi Suometar* выпустила листокъ, на которомъ громадными буквами было изображено: „„Конституція Великаго Княжества Финляндскаго утверждена"" (Suomen Suuriruhtinanmaan Perussääntö vahvistettu), а далѣе пояснялось что, „по полученнымъ извѣстіямъ, Его Величество Императоръ Николай II, въ изданномъ Имъ Манифестѣ, утвердилъ конституцію Великаго Княжества Финляндскаго." Къ вечеру въ тотъ же день въ финляндской официальной газетѣ и во всѣхъ частныхъ газетахъ появился и самый Манифестъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Русскій текстъ до сихъ поръ еще не опубликованъ, но, по свѣдѣніямъ здѣшнихъ газетъ, онъ буквально сходенъ съ Высочайшимъ Манифестомъ изданнымъ при восшествіи на престолъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III."

Гельсингфорсскій магистратъ, такимъ образомъ, какъ видно, достигъ своей цѣли: населеніе Гельсингфорса приносило вѣрноподданническую присягу уже послѣ полученія извѣстія о „Монаршемъ удостовѣреніи".

* См. *Финляндская Окраина Россіи*, вып. I, стр. 403—415.

Digitized by Google

ОДНО ИЗЪ ФИНЛЯНДСКИХЪ ДѢЛЪ.

Какими путями достигается изданіе такъ-называемыхъ «монаршихъ удостовѣреній» для Финляндіи, и какъ они толкуются тамошними дѣятелями и властями.*

Въ помѣщенной нами вчера статьѣ—„Что творилось въ Финляндіи въ скорбные дни Россіи"—мы привели извѣстіе о томъ что въ понедѣльникъ 31 октября опубликовано было въ Гельсингфорсѣ, на шведскомъ и финскомъ языкахъ, такъ-называемое „монаршее удостовѣреніе" (Regentförsäkran) или, какъ названъ былъ подобный актъ императора Александра I въ русскомъ подлинномъ текстѣ, „Всемилостивѣйшій Манифестъ" объ утвержденіи правъ и преимуществъ Финляндіи. Русскій подлинный текстъ этого акта еще не обнародованъ, но, по свѣдѣніямъ гельсингфорсскихъ газетъ, онъ буквально сходенъ съ подобнымъ же актомъ изданнымъ при вступленіи на престолъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. А тогда, какъ видно изъ *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1881 годъ (№ 7), издано было нижеслѣдующее:

„Высочайшее Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Александра Третьяго утвержденіе всѣмъ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго.

„Дано въ С.-Петербургѣ 14 (2) марта 1881 года.

Божіею милостію, Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч. Объявляемъ чрезъ сіе что, произволеніемъ Всевышняго, вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющее (іе), отъ мала до велика по установленіямъ этого края донынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ С.-Петербургѣ 2 (14) марта 1881 года.

„Александръ.

„Министръ статсъ-секретарь, баронъ *Шернвалъ Валленъ.*"

Изъ опубликованныхъ въ Гельсингфорсѣ, въ офиціальной газетѣ, шведскаго и финскаго переводовъ нынѣ изданнаго Манифеста, при сличеніи ихъ съ вышеприведеннымъ „Утвержденіемъ" Императора Александра III, видно, однако, что въ нихъ есть три довольно существенныя отличія:

Вопервыхъ, актъ названъ не „Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ" и даже не „Утвержденіемъ", а „Удостовѣреніемъ" (Försäkran). Вовторыхъ, что еще важнѣе, въ актѣ Императора Александра III употреблено выраженіе

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 310, отъ 11 ноября.

Digitized by Google

„по установленіямъ этого края донынѣ пользовались", а въ шведскихъ и финскихъ переводахъ изданнаго нынѣ акта сказано: „по конституціи этой страны донынѣ пользовались" (hittils enligt detta Lands Författning åtnjutit"; „tämän maan Perussäännön mukaan"). Втретьихъ, въ актѣ изданномъ Императоромъ Александромъ III приводится обычный, установленный основными русскими государственными законами краткій Императорскій титулъ: „Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч.",—а въ шведскомъ и финскомъ переводахъ нынѣ изданнаго акта титулъ приведенъ совершенно особый, никакими законами не установленный: „Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч."

Не имѣя пока въ рукахъ подлиннаго русскаго текста, мы не можемъ сказать отчего происходятъ эти отличія: отъ того ли что подлинный текстъ нынѣ изданнаго акта не совсѣмъ сходенъ съ актомъ Императора Александра III, или отъ неточности перевода на шведскій и финскій языки.

Во вчерашней статьѣ мы говорили уже * что по установившейся въ Финляндіи теоріи „государственнаго права",—теоріи проводимой не только въ мѣстныхъ газетахъ и вообще въ финляндской политической литературѣ, но и въ разныхъ офиціальныхъ документахъ финляндскихъ властей,—Высочайшіе манифесты такого рода прямо приравниваются къ той конституціонной присягѣ (Regentförsäkran) шведскихъ королей прошлаго столѣтія, по которой они отрекались отъ „ненавистнаго королевскаго самодержавія или такъ-называемаго суверенитета". Мы говорили также что подъ именемъ „коренныхъ" или „основныхъ" законовъ эта теорія разумѣетъ шведскую государственную конституцію прошлаго столѣтія, самымъ произвольнымъ образомъ примѣняемую къ „Финляндскому государству". Основываясь на такомъ примѣненіи шведскихъ конституціонныхъ актовъ къ Финляндскому краю, Финляндскій Сеймъ и вообще всѣ тамошніе политическіе дѣльцы проявляли, какъ знаютъ наши читатели, упорную и дерзкую оппозицію * противъ объединительныхъ реформъ и предначертаній въ Бозѣ почившаго Государя Императора,—предначертаній, клонившихся, по Его собственному выраженію въ извѣстномъ Высочайшемъ Рескриптѣ 28 февраля 1891 года, „къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіей".

Въ числѣ реформъ, предпринятыхъ съ этою цѣлію Почившимъ Монархомъ, весьма видное мѣсто занимаетъ изданное по Его повелѣнію въ 1891 году Высочайшее постановленіе „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ порядка производства дѣлъ и замѣщенія должностей въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго". Въ пунктѣ первомъ этого постановленія (см. *Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* 1891 года, № 27) сказано: „Министръ-статсъ-секретарю Финляндіи, предварительно всеподданнѣйшаго доклада проектовъ новыхъ законовъ для Великаго Княжества, а также предложеній Финляндскому Сейму, запрашивать заключенія министровъ Имперіи, въ тѣхъ случаяхъ *когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ Имперіи* и ихъ вѣдомства."

По извѣстіямъ финляндскихъ газетъ (см. газеты: *Nya Pressen*, № 308, и *Hufvudstadsbladet*, № 308), Высочайшій Манифестъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора объ утвержденіи правъ Финляндіи подписанъ былъ въ Ливадіи 25 октября (6 ноября), по всеподданнѣйшему докладу финляндскаго министра статсъ-секретаря генерала Дена, который присемъ представилъ на Высочайшее воззрѣніе подобные же манифесты издававшіеся Августѣйшими предшественниками Его Величества. Насколько можно судить по этимъ извѣстіямъ, генералъ Денъ не нашелъ нужнымъ примѣнить въ настоящемъ дѣлѣ выше-

* См. выше, стр. 208—209.

* См. *Финл. Окр. Россіи*, вып. 1-й, стр. 408—415, 597—598; вып. 2-й, стр. 182—188, 346—355, 431—435 и др.

Digitized by Google

упомянутый законъ, изданный въ Бозѣ почившимъ Государемъ. Проектъ Высочайшаго Манифеста *не передавался* имъ на предварительное, до всеподданнѣйшаго доклада заключеніе министровъ Имперіи. Какими соображеніями руководствовался при этомъ генералъ Денъ — непонятно. Нельзя, конечно, допустить и мысли о томъ чтобъ этотъ законодательный актъ могъ почитаться *не касающимся интересовъ Имперіи*, дѣломъ чисто финляндскимъ, не требующимъ предварительнаго обсужденія съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. Именно въ данномъ случаѣ и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ особенно важное значеніе имѣли бы заключенія высшихъ русскихъ государственныхъ сановниковъ о томъ какую форму лучше всего было бы придать проекту Высочайшаго Манифеста объ утвержденіи правъ и преимуществъ Финляндскаго края. Произвольное толкованіе этихъ правъ финляндскими властями и политическими дѣятелями во вредъ общегосударственному благу, произвольное примѣненіе ими къ Финляндіи шведскихъ конституціонныхъ актовъ прошлаго столѣтія, побудило, какъ извѣстно, въ Бозѣ почившаго Государя учредить въ 1892 году Особое Совѣщаніе изъ высшихъ русскихъ государственныхъ сановниковъ (съ участіемъ также представителей финляндскихъ учрежденій, въ томъ числѣ и генерала Дена) подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. Х. Бунге. Этому Совѣщанію было поручено обсудить и опредѣлить объемъ и значеніе Высочайше утвержденныхъ для Финляндскаго края „основныхъ законовъ, правъ и преимуществъ“. Труды совѣщанія пока еще не закончены, но, насколько извѣстно, большинство Совѣщанія, состоявшее изъ русскихъ государственныхъ сановниковъ, пришло уже къ тому заключенію что вышеупомянутая теорія финляндскаго „государственнаго права“, выводимая изъ всемилостивѣйшихъ манифестовъ издававшихся при вступленіи Государей на престолъ, не только совершенно противорѣчитъ общегосударственному благу, но и не имѣетъ прочной основы въ дѣйствительно утвержденныхъ и правильно истолкованныхъ, а не произвольно измышленныхъ и превратно понятыхъ финляндскихъ особыхъ правахъ и законахъ. Меньшинство же Совѣщанія, состоявшее изъ генерала Дена и другихъ финляндскихъ членовъ, по извѣстіямъ сообщеннымъ финляндскою печатью,* отстаивало проектъ Финляндскаго Сената, вполнѣ выражающій выработанную финляндскими юристами теорію объ отдѣльномъ отъ Россіи „Финляндскомъ конституціонно-автономномъ государствѣ“. Оно основывалось при этомъ, конечно, на своеобразномъ толкованіи помянутыхъ Высочайшихъ манифестовъ или „Монаршихъ удостовѣреній“. И нельзя не признать что слишкомъ общая и недостаточно ясная традиціонная форма этихъ актовъ какъ бы даетъ нѣкоторое основаніе для подобныхъ толкованій.

Весьма вѣроятно что генералъ Денъ, при представленіи на Высочайшее утвержденіе проекта нынѣ изданнаго Манифеста о финляндскихъ правахъ, имѣлъ въ виду что проектъ этотъ составленъ имъ въ традиціонной, установленной, такъ-сказать, обычаемъ формѣ, а посему и не счелъ нужнымъ запрашивать, согласно вышеприведенному постановленію въ Бозѣ почившаго Монарха, „заключенія министровъ Имперіи“. Но если форма, которую до извѣстной степени можно считать традиціонною, именно въ послѣднее время все болѣе и болѣе стала подавать поводъ къ недоразумѣніямъ весьма важнаго свойства, вызывала разногласіе даже среди высшихъ государственныхъ учрежденій, то это обстоятельство, казалось бы, нельзя было оставить совершенно безъ вниманія, и заключенія министровъ Имперіи въ данномъ случаѣ могли бы, безъ сомнѣнія, способствовать всестороннему освѣщенію дѣла. Что финляндскіе дѣятели и власти не преминутъ воспользоваться и нынѣ изданнымъ Высочайшимъ Манифестомъ для односторонніхъ толкованій въ духѣ

---

* См. статью: „Вопросъ о финляндской „конституціи“ или „основныхъ законахъ““. *Фин. Окр. Россіи*, вып. 2-й, стр. 583.

Digitized by Google

своей государственной теоріи, — это ясно видно изъ отзывовъ какими встрѣтила Манифестъ финляндская печать. Вотъ что̀ говоритъ, напримѣръ, газета *Nya Pressen* (№ 308) въ своемъ отзывѣ:

„Императоръ Николай II, *Великій Князь Финляндскій*, подобно Своимъ Августѣйшимъ предкамъ, посредствомъ особо изданнаго удостовѣренія отмѣтилъ (betona) лежащую на Немъ, какъ на Монархѣ, *обязанность* ненарушимо сохранять основные законы Финляндіи. Страна привѣтствуетъ это съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Въ этомъ дѣйствіи, свидѣтельствующемъ о возвышенномъ чувствѣ справедливости и предусмотрительной государственной мудрости, у насъ видятъ доказательство намѣренія Императора и Великаго Князя предоставить Финляндіи преуспѣвать *на пути конституціоннаго развитія* (*på den konstitutionella utvecklingens bana*). Это дѣйствіе, мы увѣрены въ томъ, должно наложить полезную узду какъ на открытыя, такъ и на *во тьмѣ* (?!) дѣйствующія стремленія ниспровергнуть основы *конституціи* (?!) страны и вмѣстѣ съ тѣмъ *самостоятельности* и счастія (?) Финскаго народа. Въ Финляндіи же изданіе Высочайшаго удостовѣренія влило новую надежду на будущее, тѣмъ что для страны предвидится спокойное развитіе ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ на основѣ унаслѣдованнаго отъ предковъ общественнаго устройства.“

Газета *Hufvudstadsbladet* (№ 309), въ статьѣ подъ заглавіемъ *Монаршія удостовѣренія Русскихъ Монарховъ для Финляндіи*, говоритъ:

„Этотъ взаимный обмѣнъ клятвъ въ вѣрности и монаршаго удостовѣренія (regentförsäkran—королевской присяги) основанъ на старинномъ обычаѣ, который ведетъ свое начало отъ того времени когда короли избирались, и новоизбранный король, согласно постановленію главы о королѣ въ земскомъ уложеніи, долженъ былъ въ день своего избранія и въ томъ же самомъ мѣстѣ гдѣ происходили выборы, „„поклясться „и учинить свою присягу на вѣрность „всѣмъ живущимъ въ государствѣ““. Такъ какъ монархъ у насъ теперь уже не избирается, а вступаетъ на престолъ въ силу своего опредѣленнаго въ основныхъ законахъ и порядкѣ престолонаслѣдія права, то уже самое его вступленіе на престолъ заключаетъ въ себѣ подтвержденіе тѣхъ законовъ на которыхъ его правительственная власть основывается. Но нельзя поэтому сказать чтобы старинный обычай, по которому *народъ и монархъ обмѣниваются клятвами въ вѣрности и удостовѣреніемъ*, лишенъ былъ существеннаго значеніе. Онъ составляетъ формальное признаніе того факта что святость законовъ имѣетъ своего воплощеннаго представителя въ лицѣ Монарха.“

Было бы ошибочно думать что подобные отзывы суть только единичныя мнѣнія: мы уже говорили выше что теорія финляндскаго „государственнаго права“, на которой основываются эти взгляды, открыто и офиціально провозглашается въ Финляндіи и мѣстными властями.

Тяжело, больно подумать что въ пережитыя и еще переживаемыя Россіей великія историческія минуты, когда великій, священный принципъ Самодержавія, въ воспоминаніяхъ о почившемъ возлюбленномъ Царѣ и благодаря Его великимъ дѣламъ, возвеличенъ и прославленъ не только предъ лицомъ Русской Земли, но и предъ всѣмъ свѣтомъ, — что этотъ самый принципъ грубо попирается въ одной изъ частей Русскаго Царства, что противъ него выставляется намъ противуположный ему принципъ безсмысленнаго договора между Монархомъ и народомъ, принципъ конституціи, „взаимнаго обмѣна клятвъ“... Въ то самое время когда всѣ остальныя части единаго Русскаго Царства, единой Имперіи, слились въ общемъ чувствѣ скорби по Великомъ Усопшемъ и въ чувствѣ безграничной, никакими договорами и „конституціями“ необусловленной, преданности Его Державному Сыну, Преемнику Его великихъ завѣтовъ,—одна изъ окраинъ Царства, болѣе рѣзко чѣмъ когда-либо прежде, выставляетъ себя, въ лицѣ и устами своихъ „передовыхъ“ дѣятелей, отдѣльнымъ государствомъ, слѣдующимъ „по пути конституціоннаго развитія“...

Digitized by Google

КАКЪ ДѢЙСТВОВАЛИ ФИНЛЯНДСКІЕ СТАТСЪ-СЕКРЕТАРИ ВЪ ПРЕЖНІЯ ВРЕМЕНА.*

I.

Въ финляндскихъ газетахъ за послѣднія двѣ недѣли находимъ рядъ извѣстій о томъ какъ нынѣшній финляндскій министръ-статсъ-секретарь, генералъ Денъ (чистокровный Финляндецъ по происхожденію, какъ и всѣ прежніе финляндскіе статсъ-секретари, за исключеніемъ только перваго, извѣстнаго графа М. М. Сперанскаго), ѣздилъ въ Ливадію и подносилъ къ Высочайшему подписанію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора манифестъ объ утвержденіи финляндскихъ правъ и преимуществъ. По этимъ извѣстіямъ, генералъ Денъ выѣхалъ изъ Петербурга на другой же день послѣ кончины почившаго Государя, то-есть 21 октября, и прибылъ въ Ливадію въ понедѣльникъ, 24 октября, вечеромъ. Его сопровождалъ финляндскій чиновникъ Брунъ. Кромѣ проектовъ манифеста и рескрипта на имя финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ Денъ привезъ съ собой изъ Петербурга также печатные экземпляры прежнихъ подобныхъ же манифестовъ издававшихся для Финляндіи. Во вторникъ, 25 октября, генералъ Денъ имѣлъ аудіенцію у Государя Императора и немедленно послѣ того направился обратно въ Петербургъ.

Каковъ былъ исходъ его миссіи,—объ этомъ въ Гельсингфорсѣ не получалось никакихъ извѣстій до воскресенья, 30 октября. Между тѣмъ финляндскіе политическіе дѣльцы въ Гельсингфорсѣ изнывали отъ нетерпѣнія и, въ виду появившихся среди нихъ слуховъ о неуспѣхѣ миссіи генерала Дена, стали, на всякій случай, принимать свои „мѣры“. Къ этому-то времени нетерпѣливаго ожиданія относится разказанный уже въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 309) „подвигъ“ гельсингфорсскаго магистрата — отказъ отъ вѣроподданнической присяги до полученія извѣстія объ утвержденіи „конституціи“. Газеты въ своихъ статьяхъ въ эти дни тоже выражали нетерпѣніе и нѣкоторые признаки безнадежности. Такъ, напримѣръ, гельсингфорсская газета *Päivälehti*, въ № за воскресенье, 30 октября, жалобно взывала: „Наше

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 315, отъ 16 ноября.

Digitized by Google

Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Финляндіи лучше всего выражается словами: „„выжидательное положеніе““, — ожиданіе напряженное, безпокойное, нервное. Гдѣ-то тамъ путешествуютъ наши предетавители (то-есть генералъ Денъ съ г. Бруномъ), когда они доѣдутъ до цѣли своего путешествія, что̀ имъ удастся сдѣлать? Какіе плоды выростутъ изъ событій этихъ дней? Ожиданіе, безпокойство! И нѣтъ человѣка у котораго можно было бы добыть вѣрныя свѣдѣнія, котораго можно было бы, какъ въ другихъ странахъ, интервьюировать. У насъ нѣтъ государственныхъ людей, и нѣтъ даже знатоковъ дипломатіи.“

Но *Päivälehti* напрасно упрекала свое финляндское „отечество“ въ неимѣніи „государственныхъ людей“ и искусныхъ „дипломатовъ“. „Финляндскіе дипломаты“ оказались очень искусными. Въ тотъ же самый день когда появилась указанная статья въ *Päivälehti*, то-есть въ воскресенье, 30 октября, около 4 часовъ пополудни въ Гельсингфорсѣ получены были телеграммы изъ Петербурга о томъ что миссія генерала Дена увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. „Конституція Великаго Княжества Финляндскаго утверждена“,—извѣстили газеты посредствомъ особыхъ прибавленій.

Любопытно по этому поводу припомнить какъ дѣйствовали финляндскіе статсъ-секретари въ подобныхъ же случаяхъ въ прежнія времена. Приведемъ объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія на основаніи разказовъ финляндскихъ историковъ Кастрена и Берга.

II.

Докладываніе финляндскихъ дѣлъ Монарху находилось, какъ извѣстно, первоначально въ рукахъ русскаго государственнаго сановника, М. М. Сперанскаго, и канцелярія подготовлявшая финляндскія дѣла для всеподданнѣйшихъ докладовъ была лишь отдѣленіемъ русской государственной канцеляріи. Но въ 1811 году шведскому выходцу и интригану Армфельту удалось добиться преобразованія ея въ особое и чисто финляндское учрежденіе. *

Съ тѣхъ поръ у финляндскихъ дѣятелей постепенно образовалось особое ученіе о назначеніи и обязанностяхъ финляндскаго статсъ-секретаря,—ученіе, составляющее одну изъ важнѣйшихъ частей пресловутой теоріи финляндскаго „государственнаго права“. Посредствомъ разныхъ лжетолкованій и подтасовокъ, это ученіе, какъ и сама теорія, связывается у финляндскихъ юристовъ и политиковъ со шведскими конституціонными актами 1772—1789 годовъ. Финляндскій статсъ-секретарь является, по этому ученію, представителемъ интересовъ „Финляндскаго государства“ передъ престоломъ Русскихъ Монарховъ въ „русской столицѣ“. Дѣятельность его имѣетъ, по взгляду финляндскихъ политиковъ, „дипломатическій“ характеръ. Первымъ такимъ финляндскимъ „дипломатомъ“ былъ извѣстный Ребиндеръ, превратившійся изъ помощника Сперанскаго въ самостоятельнаго финляндскаго статсъ-секретаря. За свою искусную „дипломатическую“ дѣятельность онъ прославленъ финляндскими историками какъ національный герой. Особенное „геройство“, по разказу Кастрена, проявилъ Ребиндеръ, въ 1825 году при поднесеніи государю императору Николаю Павловичу, для подписанія манифеста объ утвержденіи финляндскихъ правъ.

„Разказываютъ,“ — говоритъ Кастренъ, **—„что съ этимъ случаемъ (то-есть съ подписаніемъ манифеста) связанъ былъ торжественный моментъ въ жизни Ребиндера, и что онъ тогда, положивъ руку на бумагу, гдѣ перо новаго монарха уже готово было внести измѣненія и условія, произнесъ гордыя слова: „„Sir, tout ou rien““!

---

* См. объ этомъ подробнѣе статьи: „Финляндскій статсъ-секретаріатъ“ и „Русская правда и финляндская ложь о финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ“, сборникъ *Фин. Окр. Россіи*, вып. II, стр. 584—588, 596—604.

** См его книгу *Skildringar ur Finlands nyare historia* (*Очерки новѣйшей исторіи Финляндіи*), стр. 314.

Digitized by Google

(Государь, все или ничего!)“ И манифестъ, послѣ этихъ „гордыхъ“ словъ, былъ де подписанъ безъ всякихъ предполагавшихся ранѣе измѣненій и оговорокъ.

Воспроизведемъ здѣсь сказанное нами * въ 1890 году по поводу этого разказа:

„Кастренъ не указываетъ на чемъ основанъ его разказъ, сильно смахивающій на „героическую“ легенду. „Разказываютъ“ такъ, конечно, только Финляндцы же о своемъ „героѣ“, и въ достовѣрности ихъ преданія позволительно усомниться. Мало вѣроятно, чтобы на Императора Николая Павловича можно было подѣйствовать какими бы то ни было „гордыми“ словами. Скорѣе можно предположить что Ребиндеръ пустилъ въ ходъ обычныя въ такихъ случаяхъ у Финляндцевъ увѣренія въ необыкновенной преданности и особенной лойяльности, которая не допуститъ де злоупотребленія общею и неопредѣленною формой акта. Но послѣдствія показали что Финляндцы (то-есть мѣстная „интеллигенція“ и власти) всегда склонны злоупотреблять нѣкоторою неопредѣленностью этихъ жалованныхъ грамотъ, подписывавшихся Русскими Государями при вступленіи на престолъ, и выводить изъ нихъ самыя произвольныя заключенія. Нынѣшнія разсужденія финляндской печати по поводу извѣстныхъ трехъ коммиссій ** въ особенности отличаются этимъ, и можно только пожалѣть что Императоръ Николай Павловичъ повѣрилъ Ребиндеру и финляндской лойяльности и не исполнилъ своего первоначальнаго намѣренія.“

III.

Ребиндеръ (переименованный въ 1834 году въ „министра статсъ-секретаря“) занималъ этотъ постъ до самой смерти своей, въ 1841 году. Онъ былъ однимъ изъ основателей финляндской государственной обособленности. Обособленность эта, правда, въ тѣ времена не проявлялась еще въ такой рѣзкой и крикливой формѣ какъ въ послѣднее время; тогда еще и сами финляндскіе дѣятели готовы были, напримѣръ, называть свое „отечество“ просто русскою провинціей, лишь управляемою на особомъ положеніи; о „конституціи“, въ смыслѣ ограниченія Самодержавной власти Монарха въ пользу Сейма, не было и помину. Но основы новѣйшихъ финляндскихъ порядковъ и притязаній, развившихся постепенно, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, были положены уже тогда полною изолированностью Финляндскаго края отъ центральныхъ общегосударственныхъ властей, и Ребиндеръ искусно поддерживалъ эту изолированность и создалъ традиціи и пріемы своеобразной финляндской политики. Онъ, по словамъ финляндскаго автора, „умѣлъ въ русской столицѣ бороться съ затрудненіями и обнаруживать спокойную твердость противъ невыгодныхъ для Финляндіи взглядовъ“.

Преемникомъ его былъ, самимъ имъ подготовленный и предназначенный, графъ Армфельтъ (сынъ вышеупомянутаго шведскаго выходца). Онъ состоялъ финляндскимъ статсъ-секретаремъ тоже долго, до своей смерти въ 1876 году. Онъ во многомъ довершилъ начатое Ребиндеромъ, искусно воспользовавшись „либеральными“ теченіями шестидесятыхъ годовъ. Не сохранилось, или, по крайней мѣрѣ, не опубликовано пока въ Финляндіи, никакихъ разказовъ о томъ какъ подносилъ Армфельтъ къ Высочайшему подписанію манифестъ объ утвержденіи финляндскихъ правъ при вступленіи на престолъ императора Александра II, но у финляндскаго историка Берга, въ его книгѣ *Наше управленіе и наши Сеймы*, находимъ за то любопытныя свѣдѣнія о способѣ какимъ поддерживалъ финляндскій статсъ-секретарь „свое вліяніе“ на императоровъ Николая I и Александра II.

---

* См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, выпускъ I, стр. 185.

** Рѣчь шла здѣсь о трехъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III въ 1890 году въ С.-Петербургѣ для составленія проектовъ объединенія финляндскихъ почты, монеты и таможни съ соотвѣтствующими общегосударственными учрежденіями.

Digitized by Google

„Извѣстно, — говоритъ онъ, *— нѣсколько случаевъ свидѣтельствующихъ о нѣкораго рода угрюмомъ благоволеніи (barsk välvilja) императора Николая I къ Финляндіи, и продолженіе этого чувства нужно приписать заслугѣ графа Армфельта. Однимъ изъ средствъ употреблявшихся имъ для того чтобы пріобрѣсти благоволеніе монарха было то что онъ постоянно держалъ себя au cours всего происходившаго въ Финляндіи и могъ всегда давать самыя свѣжія, надежныя (?) и подробныя свѣдѣнія. Для этой цѣли онъ велъ обширную корреспонденцію и получалъ отъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ регулярныя недѣльныя хроники, часть которыхъ довольно замѣтно входила *въ область сплетенъ* и доставляла матеріалъ для той или другой *хорошо разказанной historiette, способной развеселить императора. Тѣмъ же самымъ средствомъ поддерживалъ онъ свое вліяніе* (sitt inflytande) и надъ Александромъ II; и новые любимцы, которые его окружали, должны были попрежнему оказывать извѣстное уваженіе „старому“ (то-есть Армфельту), какъ они его обыкновенно называли“.

* См. книгу *Vår Styrelse och våra landtdagar* (*Наше управленіе и наши сеймы*, т. II, стр. 405—406.

Разказывая, по свидѣтельству финляндскаго историка, забавные анекдоты для развлеченія Монарха, Армфельтъ въ то же самое время подносилъ къ его подписанію разные акты, урѣзывавшіе, въ искусно замаскированной формѣ, права Россіи и Самодержавной власти въ пользу „Финляндскаго государства“, какъ, напримѣръ, сеймовый уставъ, законъ объ особой монетѣ для Финляндіи и т. п.

Однихъ забавныхъ анекдотовъ, для проведенія подобныхъ мѣръ, было, конечно, не всегда достаточно: нерѣдко требовалось и „дипломатическое“ искусство. Объ этомъ тотъ же Бергъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги (т. II, стр. 15).

„Какъ много усердія, осторожности, умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ и тонкой мудрости нужно было пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли (рѣчь идетъ объ установленіи для Финляндіи особой монетной системы),—объ этомъ можно заключать изъ того что *императоръ* (Александръ II), *когда увидѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе какое они* (послѣдствія) *должны были произвести въ Россіи, выразился слѣдующимъ образомъ* „„*on a escamoté Mon consentement*““ (*они выманили Мое согласіе*).

Digitized by Google

ИСКАЖЕНІЕ ФИНЛЯНДЦАМИ

ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА

ОБЪ ИХЪ ПРИВИЛЕГІЯХЪ.*

Въ статьѣ нашей въ № 310 *Московскихъ Вѣдомостей*** мы сравнили, между прочимъ, текстъ Высочайшаго Манифеста или „Утвержденія", изданнаго при вступленіи на престолъ Александра III, съ опубликованными въ Финляндіи текстами, шведскимъ и финскимъ, подобнаго же Манифеста изданнаго нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, — въ виду того что, по заявленію финляндскихъ газетъ, русскіе подлинные тексты того и другаго Манифеста буквально сходны. Мы отмѣтили при этомъ три между ними различія, но, не имѣя тогда въ рукахъ русскаго текста нынѣ изданнаго Манифеста, мы не знали чему приписать эти различія: невѣрности ли переводовъ, или невѣрности заявленія о буквальномъ сходствѣ обоихъ манифестовъ.

Теперь мы получили подлинный русскій текстъ Высочайшаго Манифеста, даннаго въ Ливадіи 25 октября и опубликованнаго въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго, въ № 40.* (Сборникъ этотъ, какъ извѣстно, издается въ видѣ трехъ отдѣльныхъ сборниковъ: русскаго, шведскаго и финскаго.) Оказалось что третье изъ указанныхъ нами тогда различій,— разница въ Императорскомъ титулѣ,— объясняется различіемъ самихъ подлинныхъ текстовъ. Въ Манифестѣ Императора Александра III употребленъ обычный установленный нашими основными государственными законами, такъ-называемый, „малый Императорскій титулъ": „Божіею милостію, Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч." (см. *Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 1881 г., № 7*). Въ нынѣ же изданномъ Манифестѣ титулъ употребленъ слѣдующій: „Божіею милостію, Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая", то-есть въ титулѣ опущено „Царь Польскій". Одна изъ финляндскихъ га-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 317, отъ 18 ноября.

** См. выше, стр. 210.

Digitized by Google

зетъ, *Wiborgsbladet* (см. перепечатку въ гельсингфорсской газетѣ *Hufvudstadsbladet*, № 319) объясняетъ это различіе „недосмотромъ“ со стороны финляндскаго статсъ-секретаріата и сообщаетъ при этомъ что, вслѣдствіе помянутаго различія, русскія власти отказались публиковать въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* „столь высокоцѣнимый нами (то есть Финляндцами) документъ“. „До послѣдней крайности“, говоритъ далѣе финляндская газета, „мы не желали бы, однако, терять надежды на то что министру статсъ-секретарю удастся оказать *свое вліяніе*, такъ что опубликованіе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* состоится, и тогда и всѣ русскія газеты перепечатаютъ документъ.“ *

Итакъ, указанное различіе въ титулѣ объясняется въ Финляндіи „недосмотромъ“ со стороны финляндскаго статсъ-секретаріата. Можетъ-быть, оно такъ и есть. Но, къ сожалѣнію, этотъ недосмотръ, по своему значенію, страннымъ образомъ совпадаетъ со сдѣлавшимися въ послѣднія десятилѣтія обычными стремленіями финляндскихъ политикановъ при всякомъ случаѣ подчеркивать государственную обособленность Финляндіи, что̀ сказывается, между прочимъ, и въ томъ какъ вообще употребляется финляндскими дѣятелями въ послѣднее время титулъ „Великій Князь Финляндскій“.

Титулъ Великаго Княжества былъ данъ Финляндіи шведскими королями въ XVI столѣтіи, въ тѣ времена когда Шведское королевство дѣлилось на удѣлы, дававшіеся королевскимъ сыновьямъ и родственникамъ. Въ XVII столѣтіи удѣлы были уничтожены, и за Финляндіей оставалось названіе „Великаго Княжества“ въ видѣ простаго титула. Она была простою шведскою провинціей и въ эпоху покоренія Россіей не имѣла даже никакого особаго управленія (должность шведскаго генералъ-губернатора Финляндскаго края была упразднена въ XVIII столѣтіи). Шесть губерній, на которыя дѣлилась въ то время шведская Финляндія, зависѣли непосредственно отъ Стокгольмскихъ коллегій. При покореніи шведской Финляндіи Россіей въ 1808—1809 годахъ, титулъ Великаго Князя Финляндскаго перешелъ къ Императору Всероссійскому въ силу исконнаго обычая Россійскихъ государей принимать титулы вновь включенныхъ въ составъ государства земель, были ли онѣ прежде когда-то особыми государствами, какъ, напримѣръ, царство Грузинское или Великое Княжество Литовское, или всегда были и остаются областями другаго государства, какъ, напримѣръ, Княжество Корельское и Эстляндское или Великое Княжество Финляндское (титулы: „Князь Корельскій и Князь Эстляндскій“, какъ извѣстно, входили уже въ общій Императорскій титулъ въ XVIII столѣтіи). Въ первыя пятьдесятъ лѣтъ послѣ включенія Финляндскихъ губерній въ составъ Россіи титулъ „Великій Князь Финляндскій“ употреблялся лишь въ заголовкахъ законодательныхъ актовъ издававшихся въ Финляндіи, а въ самыхъ текстахъ, для обозначенія Верховной Власти, употреблялись всегда тѣ же выраженія какія употребляются обыкновенно и въ русскихъ законахъ: „Его Императорское Величество“, или „Государь Императоръ“. Съ шестидесятыхъ же годовъ (то-есть съ тѣхъ поръ какъ появилась особая теорія финляндскаго „государственнаго права“) финляндскія власти ввели обычай, *неосновавшійся ни на какомъ законѣ*, употреблять во всѣхъ такихъ случаяхъ выраженіе: „Императоръ и Великій Князь“, а въ финляндской политической литературѣ Верховная Власть по отношенію къ Финляндіи обозначается обыкновенно словами „Императоръ-Великій Князь“ (Kejsaren-Storfursten), въ подражаніе употребляемымъ въ Германіи или Австріи выраженіямъ: „Императоръ-Король“. Часто также для обозначенія Русскаго Монарха употребляется просто одинъ Финляндскій титулъ: „Великій Князь страны“, „Нашъ Великій Князь“ и т. п. Стóитъ только про-

* Эта надежда финляндскихъ политиковъ осталась, однакожъ, безъ исполненія: *Правительственный Вѣстникъ* такъ и не напечаталъ „высокоцѣнимаго“ ими документа съ искаженнымъ Императорскимъ титуломъ. Не перепечатали его и другія русскія газеты.

Digitized by Google

смотрѣть, напримѣръ, финляндскія газеты за послѣднія недѣли чтобъ убѣдиться въ томъ что во всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ, сообщеніяхъ и извѣстіяхъ систематически проводится различіе между „Русскимъ Императоромъ“ и „Нашимъ Великимъ Княземъ“. Когда рѣчь идетъ о коренной Россіи, то финляндскіе публицисты пишутъ: „Императоръ“ или „Царь“, а когда рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ Верховной Власти по отношенію къ Финляндіи, то всегда уже видимъ: „Нашъ Великій Князь“, или „Императоръ - Великій Князь“. Очевидно что все это дѣлается для того чтобы подчеркнуть мнимую государственную обособленность Финляндіи.

Обратимся къ двумъ прочимъ изъ указанныхъ нами въ упомянутой статьѣ трехъ различій шведскаго и финскаго текстовъ отъ подлиннаго русскаго: эти остальныя два различія объясняются, какъ мы убѣдились теперь, *невѣрнымъ переводомъ изданнаго 25 октября Высочайшаго Манифеста на шведскій и финскій языки*. Для большей наглядности сличенія, приводимъ здѣсь рядомъ, изъ *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*, № 40 за текущій годъ, всѣ три текста Высочайшаго Манифеста — русскій подлинный, шведскій и финскій.

1. Подлинный русскій текстъ.

(Публиковать въ церквахъ.)

Высочайшій Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Николая Втораго *Манифестъ* всѣмъ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Данъ въ Ливадіи, 6 ноября (25 октября) 1894 года.

Божіею Милостію

Мы, Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе: что, произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить *религію*, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика *по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались*, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ Ливадіи, 25 октября 1894 года.

НИКОЛАЙ.

Министръ статсъ-секретарь *В. Деп.*

---

2. Шведскій официальный переводъ.

(Uppläses från predikstolen.)

Hans Majestät Kejsaren och Storfursten Nikolai den Andres Nadiga *Försäkran* till Storfurstendömet Finlands samtlige invånare.

Gifven i Livadia, den 6 November (25 Oktober 1894).

Wi Nikolaj den Andre, med Guds Nåde, Kejsare och Sjelfherrskare öfver hela Ryssland, Storfurste till Finland, etc., etc., etc. Göre veterligt: Sedan Wi, genom den Högstes skickelse, kommit i ärftlig besittning af Storfurstendömet Finland, hafve Wi härmedelst velat ytterligare stadfästa och bekräfta den religion, de grundlagar, rättigheter och privilegier, hvart och ett stånd inom berörda Storfurstendöme isynnerhet och alla dess inbyggare i gemen, så högre som lägre, *hittills enligt detta lands författning åtnjutit*, lofvandes att bibehålla desamma fasta och oförryckta i deras kraft och verkan. Livadia, den 25 Oktober 1894.

NIKOLAI.

Minister-Statssekreterare W. v. *Daehn.*

---

3. Финскій официальный переводъ.

(Julkilüettava saarnastuolista.)

Hänen Majesteettinsa Keisarin ja Suuriruhtinaan Nikolai Toisen Armollinen *Vakuutus* Suomen Suuriruhtinaanmaan kaikille asukkaille.

Annettu Livadiassa, 6 p:nä Marraskuuta (25 p:nä Lokakuuta) 1894.

Me Nicolai Toinen, Jumalan Armosta, koko Wenäjänmaan Keisari ja Iseval-

Digitized by Google

tias, Suomen Suuriruhtinas, y. m., y. m., y. m. Teemme tiettäväksi: Sittenkuin Me, Jumalan sallimuksesta, olemme perinnöksi haltuumme saaneet Suomen Suuriruhtinaskunnan, olemme Me tämän kautta tahtoneet lisäksi vakuuttaa ja vahvista a *Mavn Uskonnon* ja Perustuslait sekä ne oikeudet ja etuudet, joita itsekukin sääty mainitussa Suuriruhtinaskunnassa erittäin ja kaikki sen asujaimet yhteisesti, niin ylhäiset kuin alhaisetkin, *tähän asti ovat tämän maan Perussäännön mukaan nauttineet*; luvaten säilyttää nämät kaikki vakavina ja rikkomattomina voimassaan ja vaikutuksessaan. Livadiassa, 25 p:na Lokakuuta 1894.

NIKOLAI.

Ministeri-Valtiosihteeri W. v. *Daehn.*

—

Курсивомъ отмѣчены нами здѣсь тѣ выраженія въ Манифестѣ, которыя искажены финляндскими переводчиками:

1) Въ русскомъ текстѣ *Манифестъ*, а въ шведскомъ текстѣ „*Försäkran*“ (удостовѣреніе, королевская присяга), въ финскомъ „*Vakuutus*“ (значитъ то же: удостовѣреніе, монаршая присяга).

2) Въ русскомъ подлинномъ текстѣ сказано: „*по установленіямъ* этого *края* донынѣ пользовались“, а въ шведскомъ текстѣ: „hittils enligt detta *lands författning åtnjutit*“ (*по конституціи* этой *страны* донынѣ пользовались), въ финскомъ текстѣ то же самое: „tähän asti ovat tämän *Maan Perussäännön* mukaan nauttineet“ (*по конституціи* этой *страны* донынѣ пользовались).

3) Въ русскомъ текстѣ: „утвердить и удостовѣрить религію, основные законы“ и проч., въ финскомъ текстѣ: „vakuuttaa ja vahvistaa *Maan Uskonnon* ja Perustuslait“, „утвердить и удостовѣрить *религію страны*, основные законы“ и т. д.

Остановимся подробнѣе на этихъ отличіяхъ русскаго подлиннаго текста Высочайшаго Манифеста отъ офиціальныхъ переводовъ на мѣстныя финляндскія нарѣчія. Если послѣднее изъ указанныхъ различій („религію страны“ въ финскомъ текстѣ вмѣсто просто „религію“) можно еще до нѣкоторой степени объяснить недосмотромъ финскаго переводчика и признать неважнымъ, то первыя два отличія, согласующіяся какъ въ шведскомъ, такъ и въ финскомъ текстахъ, никакъ уже не могутъ быть объяснены недосмотромъ и, по важности своей, представляются положительно *искаженіемъ* русскаго подлиннаго текста,—*искаженіемъ*, которое явно направлено къ тому чтобъ облегчить возможность истолкованія Высочайшаго акта въ смыслѣ согласномъ съ извѣстною теоріей финляндскаго „государственнаго права“. Мы уже говорили объ этой теоріи въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ. Манифесты русскихъ монарховъ объ утвержденіи финляндскихъ правъ и преимуществъ эта теорія приравниваетъ къ обязательной конституціонной присягѣ шведскихъ королей. А эта присяга всегда обозначалась и обозначается на шведскомъ языкѣ именно словомъ „Försäkran“ (удостовѣреніе), а на финскомъ „Vakuutus“. Перевести или, скорѣе, передать (такъ какъ переводомъ этого назвать нельзя) названіе русскаго подлиннаго текста „Манифестъ“ словами „Försäkran“ и „Vakuutus“ финляндскимъ переводчикамъ понадобилось, очевидно, для того чтобы легче было объяснить актъ какъ именно „присягу“, а не актъ Высочайшей милости. Во всѣхъ другихъ случаяхъ русское слово „манифестъ“ въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* передавалось и передается всегда вѣрно словами „*Manifest*“ въ шведскихъ текстахъ и „*Julistuskirja*“ въ финскихъ. Возьмемъ, для примѣра, Высочайшіе манифесты опубликованные въ Финляндіи въ текущемъ году. Въ № 17 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*, въ русскомъ изданіи опубликованъ „Высочайшій Его Императорскаго Величества *Манифестъ*“ о приведеніи въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія для Финляндіи отъ 19 декабря 1889 года. Въ шведскомъ изданіи названіе акта переведено такъ: „Hans Kejserliga Majestäts Nådiga *Manifest*“ и т. д.; въ финскомъ изданіи: „Keisarillisen Majesteetin Armollinen *Julistuskirja*“ и т. д. То же самое мы видимъ въ шведскомъ и финскомъ переводахъ

Digitized by Google

всѣхъ остальныхъ Высочайшихъ манифестовъ изданныхъ въ текущемъ году. (См. *Сборн. Постановл. Велик. Княж. Финл.*, №№ 31, 38 и др.). Ясно, такимъ образомъ, что въ настоящемъ случаѣ переводчиками допущено умышленное искаженіе при передачѣ названія акта. Никакой иной причины, намъ кажется, нельзя себѣ и представить для объясненія того, почему не названъ Высочайшій Манифестъ въ шведскомъ и финскомъ официальныхъ текстахъ словами: „Manifest“ и „Julistuskirja“.

Еще болѣе важное значеніе имѣетъ совершенно невѣрный переводъ словъ подлиннаго русскаго текста „по установленіямъ этого края донынѣ пользовались“. Тутъ собственно двѣ неправильности: слово „край“ переведено словомъ обозначающимъ „страна“, „земля“ (land, maa); „краемъ“ едвали кто назоветъ особое государство, между тѣмъ какъ выраженіе „страна“ допускаетъ понятіе и объ отдѣльномъ государствѣ. Какъ въ шведскомъ, такъ и въ финскомъ языкѣ нашлись бы, конечно, слова, вполнѣ точно передающія смыслъ русскаго слова „край“ (напримѣръ, landsdel, område—по-шведски, maanosa, maakunta—по-фински). Нужно, впрочемъ, замѣтить что такой неточный переводъ слова „край“ постоянно встрѣчается въ шведскихъ и финскихъ текстахъ издаваемыхъ для Финляндіи официальныхъ актовъ, и финляндскіе переводчики въ этомъ случаѣ могутъ сослаться на установившуюся традицію, хотя, конечно, это не можетъ ихъ оправдывать. Какъ велико различіе между выраженіями „*установленія*“ и „*конституція*“ (въ современномъ политическомъ смыслѣ этого слова, то-есть въ смыслѣ закона или совокупности законовъ опредѣляющихъ ограниченіе Верховной Власти и основанное на такомъ ограниченіи государственное устройство),—это, конечно, понимаетъ каждый русскій читатель и безъ нашихъ объясненій. Финляндская теорія „государственнаго права“, какъ мы уже не разъ говорили, присвоиваетъ Финляндскому краю, въ смыслѣ особой государственной конституціи, шведскіе конституціонные акты 1772—1789 годовъ, и эти именно акты и разумѣются обыкновенно, какъ въ шведской, такъ и въ финляндской политической литературѣ, подъ словомъ „*Författning*“. Иногда только, въ видѣ синонима слова „Författning“, употребляется заимствованное изъ французскаго языка слово „Konstitution“. Такъ, напримѣръ, извѣстный историкъ шведскаго государственнаго права Науманъ въ своемъ сочиненіи: *Sveriges Statsförfattnings-rätt* (*Исторія шведскаго конституціоннаго права*), постоянно употребляетъ слово „Författning“ для обозначенія шведской конституціи (см., напримѣръ, стр. 396 и др.). Вмѣсто словъ „Författning“ (въ единственномъ числѣ) и „Perussääntö“ финляндскіе переводчики могли бы и должны бы были употребить выраженія вполнѣ точно передающія смыслъ слова „установленія“ (напримѣръ, författningar, institutioner, stadgar—по-шведски, säännöt, asetukset—по-фински), но тогда, конечно, финляндскимъ дѣльцамъ не такъ удобно было бы толковать объ утвержденной будто бы для „страны“ „конституціи“, о „взаимномъ обмѣнѣ клятвъ“ между монархомъ и народомъ, о надеждахъ на дальнѣйшее „конституціонное развитіе“ и т. д.

Читатели наши припомнятъ что въ Финляндіи не въ первый уже разъ происходятъ такія возмутительныя, съ нашей русской точки зрѣнія вещи—искаженія при переводѣ изданныхъ русскою Верховною Властію актовъ. Исторія съ переводомъ Высочайшаго Рескрипта Почившаго Государя, отъ 28 февраля 1891 года, вѣроятно, еще памятна многимъ. Высочайшій Рескриптъ былъ переведенъ тогда на шведскій и финскій языки съ явными искаженіями (и тоже въ духѣ теоріи финляндскаго „государственнаго“ права). Въ Бозѣ почившій Монархъ обратилъ вниманіе на эти искаженія, и, по Его повелѣнію, Рескриптъ, уже переведенный и опубликованный въ шведскомъ изданіи *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* (№ 13, за 1891 годъ), переведенъ былъ снова и въ исправленномъ видѣ опубликованъ въ другомъ нумерѣ того же *Сборника* *.

* См. объ этомъ статью „Официальное ис-

Digitized by Google

Кромѣ Высочайшаго Манифеста, въ томъ же сороковомъ нумерѣ *Сборника постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* опубликованъ нижеслѣдующій Высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору, изданный одновременно съ Манифестомъ:

„Высочайшій Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Николая Втораго Рескриптъ по поводу Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста жителямъ Финляндіи. Данъ въ Ливадіи, 6 ноября (25 октября) 1894 года.

„Нашему генералъ-губернатору Финляндіи. Утвердивъ Высочайшимъ Манифестомъ отъ сего числа установленія, дарованныя Великому Княжеству Финляндскому Блаженныя памяти Августѣйшими предшественниками Нашими, Мы исполнили сіе съ душевнымъ удовольствіемъ, памятуя многочисленныя доказательства неизмѣнной преданности и признательности жителей этого края къ своимъ Государямъ, всегда нѣжно заботившимся объ ихъ благѣ. Повелѣваю вамъ объявить сіе всѣмъ финляндскимъ Нашимъ вѣрноподданнымъ. Въ Ливадіи, 25 октября 1894 г.

„*НИКОЛАЙ*“.

„Министръ статсъ-секретарь

В. Денъ.“

Въ шведскомъ и финскомъ переводахъ этого Высочайшаго рескрипта повторены тѣ же искаженія которыя мы видѣли и въ переводахъ Манифеста: слово „Манифеста“ въ заголовкѣ передано словомъ „Удостовѣренія“ (Fôrsäkran, Vakuutuksen), а слово „*установленія*“ въ самомъ текстѣ словами: „*den Författning*“ и „sen Perussäännön“ („*ту конституцію*“).

правленіе перевода Высочайшаго Рескрипта 28 февраля“ — въ сборникѣ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. II, стр. 123—124, и тамъ же другія статьи объ искаженіяхъ въ переводѣ, стр. 91—99, 111—117, 119—120.

Digitized by Google

СОМНИТЕЛЬНОЕ ФИНЛЯНДСКОЕ ДѢЛО.

(Передовая статья *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года, № 320, отъ 21 ноября).

Между финляндскою печатью и нашею газетой возникла полемика касательно оцѣнки того, въ какой мѣрѣ правильно дѣйствовали финляндскія власти при исходатайствованіи Высочайшаго утвержденія финляндскихъ правъ и привилегій. Какъ видно изъ помѣщаемой ниже замѣтки *Финляндскія „возраженія" на наши статьи*, спорнымъ между финляндскими публицистами и нами является тутъ, главнымъ образомъ, пока только одинъ вопросъ: обязательно, или необязательно было для министра-статсъ-секретаря Финляндіи, когда онъ представлялъ въ Ливадіи, 25 минувшаго октября, къ Высочайшему Его Величества подписанію проектъ Манифеста всѣмъ жителямъ Финляндіи и дѣлалъ о семъ докладъ,— обязательно ли было для него руководствоваться постановленіемъ въ Бозѣ почившаго Императора, состоявшимся въ 1891 году?

Мы находимъ что подчиненіе сему постановленію было въ данномъ случаѣ для генерала Дена обязательнымъ; наши финляндскіе оппоненты рѣшительно отрицаютъ эту обязательность.

Разберемъ кто изъ насъ правъ.

Высочайшее постановленіе 1891 года ставитъ финляндскому министру-статсъ-секретарю въ обязанность, *до* всеподданнѣйшаго доклада „проектовъ *новыхъ* законовъ для Великаго Княжества, а также предложеній Финляндскому Сейму, *запрашивать заключенія министровъ Имперіи*, въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ Имперіи и ихъ вѣдомства".

Противъ обязательности этого постановленія вообще – наши финляндскіе оппоненты не возражаютъ; но они отрицаютъ примѣнимость его именно къ данному случаю—къ докладу проекта Манифеста о подтвержденіи правъ и привилегій Великаго Княжества Финляндскаго. Еслибы докладъ имѣлъ предметомъ *новый* законъ,—говорятъ они,— то, конечно, генералъ Денъ долженъ былъ бы предварительно запросить „заключенія министровъ Имперіи", но вѣдь дѣло шло де о подтвержденіи закона не новаго, а стараго, и, стало-быть, въ запрашиваніи заключеній министровъ Имперіи не предстояло де надобности.

Digitized by Google

Такъ ли это, однако, даже съ той чисто-формальной точки зрѣнія съ какой смотрятъ на дѣло финляндскіе публицисты и дѣятели? Точно ли, при всеподданнѣйшемъ докладѣ генерала Дена 25 минувшаго октября, дѣло шло о представленіи къ подписи Государя Императора *лишь того* что подписывалось Его Предшественниками, *безо всякихъ новшествъ?*

Нѣтъ, тутъ было *новшество*, и важное, въ политическомъ отношеніи, новшество — умаленіе и сокращеніе *титула Императорскаго Величества*, въ прямое нарушеніе 38й статьи Основныхъ Государственныхъ Законовъ. Въ силу этой статьи, въ Манифестѣ должно было быть сказано: „Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, *Царь Польскій*, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая"; въ своемъ проектѣ Манифеста, генералъ Денъ опустилъ слова „Царь Польскій" и предложилъ Государю изданіе Манифеста съ опущеніемъ сихъ, требуемыхъ Основными Государственными Законами Россійской Имперіи, словъ.

Въ правѣ ли былъ финляндскій министръ-статсъ-секретарь, входя со всеподданнѣйшимъ докладомъ о подписаніи акта съ таковымъ, донынѣ небывалымъ и весьма сильно затрогивающимъ интересы Имперіи отступленіемъ отъ Основныхъ Законовъ,— въ правѣ ли былъ онъ дѣлать такой докладъ не запросивъ, предварительно,— въ силу непререкаемаго Высочайшаго повелѣнія 1891 года,—заключенія министровъ Имперіи?

„Ошибка" въ титулѣ Императорскаго Величества, въ виду документальной ея неоспоримости, финляндскими публицистами не отрицается. Но они недовольны тѣмъ что этой „ошибкѣ" придается значеніе въ такой мѣрѣ что, напримѣръ, *Правительственный Вѣстникъ* не захотѣлъ быть соучастникомъ въ дѣлѣ допущенія умаленій въ Императорскомъ титулѣ и отказался отъ опубликованія акта съ таковымъ умаленіемъ Финляндскимъ публицистамъ хотѣлось бы, какъ они печатно заявляютъ, чтобы генералъ Денъ въ этомъ дѣлѣ пустилъ въ ходъ свое „вліяніе", дабы текстъ Манифеста, съ допущенною имъ въ немъ неправильностію, появился въ свѣтъ не въ финляндскихъ только губерніяхъ, но и во всей Россіи, чтобъ онъ былъ оглашенъ, какъ новый законъ, и въ офиціальной, и въ неофиціальной русской печати. Имъ хотѣлось бы чтобы на умаленіе титула Императорскаго Величества смотрѣли въ Россіи какъ на дѣло не важное, не заслуживающее особаго вниманія и объясняемое простымъ „недосмотромъ"...

„Недосмотръ"! Пусть такъ,—хотя, по исконнымъ русскимъ понятіямъ, никакіе недосмотры въ соблюденіи титула Императорскаго Величества не допускаются. Но въ данномъ случаѣ недосмотръ проявился не случайный, а строго-послѣдовательный и систематическій.

Предъ нами лежитъ Манифестъ 25 октября въ трехъ видахъ: въ подлинномъ русскомъ текстѣ и въ офиціальныхъ переводахъ шведскомъ и финскомъ,—и *въ каждомъ изъ нихъ* Царскій титулъ *дважды* искажается опущеніемъ титула „Царь Польскій"; опускается онъ и въ текстахъ, опускается и въ предпосылаемыхъ текстамъ заголовкахъ. Но и этого мало. Допущенный въ Манифестѣ, тотъ же самый „недосмотръ" повторяется и въ заголовкахъ къ Высочайшему Рескрипту на имя Финляндскаго генералъ-губернатора: и тутъ Русскій Царь именуется лишь „Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ", съ умол-

Digitized by Google

чаніемъ о томъ что Онъ также и „Царь Польскій".

Но — недосмотръ такъ недосмотръ. Однако, не требуется ли исправленіе сего недосмотра, равно какъ и исправленіе существенныхъ искаженій Манифеста 25 октября въ офиціальныхъ переводахъ его на шведскій и финскій языки,—искаженій, на которыя документально указано въ № 317 нашей газеты? А вмѣстѣ съ симъ, сами собою напрашиваются вопросы: вопервыхъ—должна ли быть признаваема за искаженными актами, доколѣ они не исправлены, сила закона, а вовторыхъ,—не требуется ли, при исправленіи ихъ, запросить заключенія министровъ Имперіи, согласно не соблюденному на этотъ разъ финляндскими властями, но не утратившему отъ того своей силы, Высочайшему постановленію почившаго Государя Императора?

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ „ВОЗРАЖЕНІЯ“ НА НАШИ СТАТЬИ.*

Въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ №№ 309 и 310 *Московскихъ Вѣдомостей*,* мы разказали что происходило въ Финляндской окраинѣ въ пережитые Россіей скорбные дни. Факты приведенные нами въ этихъ статьяхъ столь возмутительны для русскаго чувства что мы готовы были допустить и даже надѣяться что то освѣщеніе, какое придано было этимъ фактамъ въ нашихъ статьяхъ, можетъ-быть, не совсѣмъ вѣрно, что факты эти, быть-можетъ, имѣли на самомъ дѣлѣ, такъ-сказать, болѣе невинный характеръ. Но полученные нами теперь послѣдніе нумера финляндскихъ газетъ отнимаютъ и эту надежду. Оказывается что все было въ дѣйствительности именно такъ, какъ мы изобразили. Гельсингфорсскія газеты въ своихъ отзывахъ по поводу нашихъ вышеуказанныхъ статей, такъ-сказать, „расписываются въ полученіи“. „Возраженія“ ихъ нельзя даже назвать возраженіями: это просто прямое подтвержденіе того что мы сообщили и говорили.

Въ статьѣ „Что творилось въ Финляндіи въ скорбные дни Россіи“ (№ 309) былъ приведенъ разказъ** нашего гельсингфорсскаго корреспондента о томъ какъ Гельсингфорсскій магистратъ сдѣлалъ официальное представленіе высшимъ финляндскимъ властямъ о томъ чтобы принесеніе вѣрноподданнической присяги нынѣ царствующему Государю Императору отложено было до изданія „Монаршаго удостовѣренія“ (то-есть Высочайшаго Манифеста объ утвержденіи финляндскихъ привилегій), на томъ основаніи что *„вѣрноподданническая присяга и Монаршее удостовѣреніе неразрывно связаны другъ съ другомъ“*.

Въ своей статьѣ мы замѣтили по поводу этого разказа слѣдующее: „странными, дикими должны показаться эти финляндскія понятія о вѣрноподданнической присягѣ. Присяга на вѣрность Монарху ставится въ Финляндіи открыто, официально, въ связь, да еще „„неразрывную““, съ „„Монаршимъ удостовѣреніемъ““,— считается возможнымъ отказываться отъ вѣрноподданнической присяги до тѣхъ поръ пока нѣтъ удостовѣренія. У „„лойяльныхъ““ финляндскихъ дѣятелей, у этой „„почетной стражи““ Россійскихъ Монарховъ, какъ они себя называютъ, это вяжется, какъ видно, съ вѣрноподданническими чувствами; но мы, Русскіе люди, этого понять, признаться, не можемъ...“

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 320, отъ 21 ноября.

** См выше, стр. 207—208.

Digitized by Google

Въ отвѣтъ на это, гельсингфорсская газета *Hufvudstadsbladet* (№ 323) говоритъ:

„Мы хорошо понимаемъ что такое лойяльное и конституціонное (konstitutionell) отношеніе къ Монарху должно представляться непонятнымъ для *Московскихъ Вѣдомостей*. Вѣроятно, газета никогда не думала что слово „„лойяльный“ происходитъ отъ loi—законъ. Еще болѣе непонятнымъ должно, конечно, представляться газетѣ то что финляндскія власти желали придать торжественному моменту принесенія присяги новому Монарху надлежащее настроеніе, настроеніе спокойствія и довѣрія, посредствомъ извѣстія касательно удостовѣренія Монарха.“

Мы и теперь продолжаемъ оставаться при своемъ „непониманіи“. Мы по прежнему не понимаемъ—и, надѣемся, никто изъ истинно-Русскихъ людей не понимаетъ—такой „лойяльности“, отъ какого бы слова она ни происходила, которая торгуется съ Монархомъ, которая обусловливаетъ вѣрноподданническую присягу предварительными обѣщаніями, или „удостовѣреніями“ со стороны Монарха, и допускаетъ „спокойное“ и „довѣрчивое“ принесеніе присяги лишь послѣ того, какъ Монархомъ дано „удостовѣреніе“.

Въ другой статьѣ нашей—о томъ „какими путями достигается изданіе такъ-называемыхъ Монаршихъ удостовѣреній для Финляндіи и какъ они толкуются тамошними дѣятелями и властями“ (№ 310 *Московскихъ Вѣдомостей*)—мы привели, между прочимъ, изданное въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ въ 1891 году постановленіе о томъ что финляндскій министръ-статсъ-секретарь обязанъ до всеподданнѣйшаго доклада „проектовъ новыхъ законовъ для Великаго Княжества, а также предложеній Финляндскому Сейму, запрашивать заключенія министровъ Имперіи, въ тѣхъ случаяхъ *когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ Имперіи* и ихъ вѣдомства.

Мы выразили далѣе свое недоумѣніе, почему это постановленіе почившаго Государя не было примѣнено генераломъ Деномъ въ данномъ случаѣ, то-есть при составленіи проекта Высочайшаго Манифеста объ утвержденіи финляндскихъ привилегій, въ особенности въ виду того что слишкомъ общая и недостаточно опредѣленная традиціонная форма Манифеста возбудила въ послѣднее время разногласія между высшими русскими общегосударственными учрежденіями и финляндскими властями. На это недоумѣніе та же гельсингфорсская газета отвѣчаетъ намъ:

„Лишь по поводу проектовъ *новыхъ* законовъ и сеймовыхъ предложеній финляндскій министръ-статсъ-секретарь долженъ запрашивать заключенія министровъ Имперіи, въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ Имперіи и ихъ вѣдомства. Но нельзя сказать чтобы что-либо подобное относилось къ Монаршему удостовѣренію.“

Если финляндскіе дѣятели *серіозно* толкуютъ такимъ образомъ законъ Императора Александра III, то подобное толкованіе можно назвать лишь крайне наивнымъ. Какъ будто не ясно для всякаго что выраженіе: „проекты новыхъ законовъ“ можетъ означать здѣсь лишь всѣ вообще проекты вновь издаваемыхъ законодательныхъ актовъ, въ отличіе отъ законовъ уже существующихъ и утвержденныхъ! Но мы и не допускаемъ, впрочемъ, чтобы подобное толкованіе могло выставляться серіозно: очевидно, это только уловка, и уловка, нужно прибавить, очень некрасивая.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ*.

16.

Куріозное заявленіе гельсингфорсскихъ газетъ.

Во всѣхъ гельсингфорсскихъ утреннихъ газетахъ (ихъ издается тамъ четыре: двѣ шведскія—*Nya Pressen* и *Hufvudstadsbladet* и двѣ финскія—*Uusi Suometar* и *Päivälehti*; пятая, небольшая, *Aftonbladet* выходитъ по вечерамъ) появилось 16 (28) ноября слѣдующее куріозно-торжественное заявленіе:

„Редакціи четырехъ большихъ газетъ нашего города, на состоявшемся вчера собраніи, рѣшили на будущее время совершенно игнорировать *Московскія Вѣдомости* и не упоминать даже объ ихъ статьяхъ по финляндскимъ дѣламъ".

„Надо полагать что послѣднія статьи наши о Финляндіи пришлись уже слишкомъ не по вкусу гельсингфорсскимъ публицистамъ, если они приняли такое отчаянное „рѣшеніе". Боимся только что они не сдержатъ своего слова. Помнится намъ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя финляндскія газеты давали подобный же обѣтъ,** но потомъ отказались отъ него, заявивъ что де многіе читатели ихъ остались недовольны тѣмъ что не сообщается объ отзывахъ русской печати.

Что касается насъ, то мы были бы довольны еслибы гельсингфорсскія газеты на этотъ разъ исполнили свой „торжественный" обѣтъ: статьи наши онѣ передавали нерѣдко въ самомъ извращенномъ видѣ, и лучше, конечно, чтобы желающіе изъ финляндскихъ читателей знакомились съ ними въ подлинникахъ, а не въ подобныхъ пересказахъ.

Мы, со своей стороны, отнюдь не намѣрены платить тою же монетой и будемъ столь же внимательно, какъ и прежде, слѣдить за гельсингфорсскими газетами: статьи ихъ часто весьма назидательны, въ извѣстномъ смыслѣ, и для русскихъ читателей, поясняя „пружины" финляндской „политики".

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 322, отъ 23 ноября.

** См. *Финляндская Окраина Россіи*, вып. I, стр. 289.

Digitized by Google

17.

Финляндскія телеграммы и адресы.

Въ гельсингфорсскихъ газетахъ находимъ цѣлый рядъ поздравительныхъ телеграммъ и адресовъ отправленныхъ отъ разныхъ финляндскихъ учрежденій и городовъ въ Петербургъ (большею частію на имя проживающаго тамъ финляндскаго генералъ-губернатора, а также министра-статсъ-секретаря) по случаю бракосочетанія Ихъ Величествъ. Любопытно что всѣ эти телеграммы (какъ и ранѣе посылавшіеся телеграммы и адресы съ выраженіемъ соболѣзнованія) составлены на разныхъ европейскихъ языкахъ (на французскомъ, на нѣмецкомъ; были даже адресы на датскомъ языкѣ), но *только не на русскомъ*. Такъ, напримѣръ, гельсингфорсское городское управленіе отправило телеграмму по-французски; текстъ ея даже въ подлинникѣ помѣщенъ въ газетахъ и начинается словами: „General Comte Heiden“ и т. д.

Выходитъ, такимъ образомъ, что французскій, нѣмецкій и другіе языки болѣе знакомы финляндскимъ офиціальнымъ учрежденіямъ чѣмъ государственный русскій языкъ. Неужели даже въ Гельсингфорсскомъ городскомъ управленіи (несмотря на то что въ Гельсингфорсѣ считается болѣе 5.000 русскихъ жителей) не нашлось никого умѣющаго написать телеграмму по-русски? Вѣроятно, нашлись бы. Но умыселъ тутъ, очевидно, другой: *русскій* языкъ требуется „въ политическихъ видахъ“ презрительно „игнорировать“...

Digitized by Google

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

ПО ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Финляндскіе политиканы.*

Свѣтъ (№ 277) по поводу указанныхъ нами „неточностей" финляндскаго перевода Высочайшаго Манифеста говоритъ:

Относительно Великаго Княжества Финляндскаго, завоеваннаго силой русскаго оружія, если и пользующагося нѣкоторыми правами и привилегіями, то единственно „Царскою милостью", не можетъ быть рѣчи о какой-либо самостоятельности и обособленности отъ Россійской Имперіи: это номинальное Княжество и ранѣе его завоеванія Россіей никогда не существовало самостоятельно.

Къ чему же создавать самимъ себѣ затрудненія?

* *
*

Негодованіе общественнаго мнѣнія по поводу продѣлокъ финляндскихъ политикановъ находитъ отголосокъ и въ *Новомъ Времени* (№ 6.731):

Финляндскіе политиканы еще разъ доказали, какъ они мелко плаваютъ, пользуясь исключительными обстоятельствами при перемѣнѣ царствованія, чтобы создать, будто „по недосмотру", нѣкоторый новый прецедентъ въ опору своимъ притязаніямъ стать „государствомъ въ государствѣ". Жалкая опора! Но какая, однако, оригинальная манера у этихъ финляндскихъ политикановъ. Дѣйствуя сами лукавыми изворотами, какъ не дѣйствуютъ люди, у которыхъ слово есть дѣло, они, тѣмъ не менѣе, какъ будто хотятъ поймать Россію на словѣ и—намѣренный или ненамѣренный — „недосмотръ" пускаютъ въ видѣ козыря, чтобы связать Россію на будущее время. Мы говоримъ объ искаженіи и умаленіи Императорскаго титула въ Высочайшемъ Манифестѣ, коимъ объявлено въ Финляндіи о восшествіи на престолъ Императора Николая Александровича. Въ этомъ Манифестѣ послѣ словъ титула: „Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій" пропущены слова: „Царь Польскій", а прямо слѣдуетъ: „Великій Князь Финляндскій". Для насъ совершенно безразлично, умышленно или неумышленно, — какъ увѣряютъ финляндскія газеты,—сдѣланъ этотъ пропускъ. Онъ во всякомъ случаѣ доказываетъ недопустимое невниманіе къ предмету столь священному для каждаго вѣрноподданнаго, какъ титулъ Императорскаго Величества, и столь обязательному, какъ одно изъ постановленій нашихъ основныхъ законовъ, которые финляндскимъ сановникамъ на русской Императорской службѣ должны быть не менѣе извѣстны, чѣмъ и всѣмъ прочимъ слугамъ Государя. Кстати сказать: этотъ маловѣроятный „недосмотръ" уже получилъ надлежащую оцѣнку не только со стороны частной русской печати, но и со стороны *Правительств. Вѣстника,* который отказался опубликовать текстъ сказаннаго Манифеста съ искажен-

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, №№ 323 и 324, отъ 24 и 25 ноября.

Digitized by Google

нымъ титуломъ Государя Императора. Еще ранѣе тѣ же финляндскіе политиканы въ самые горестные для русскаго сердца дни заставили говорить о себѣ откладываніемъ присяги на вѣрноподданство новому Государю подъ предлогомъ неполученія особаго для Финляндіи Манифеста о восшествіи на престолъ Императора Николая Втораго. Особый Манифестъ и явился, и распубликованъ въ Финляндіи съ указаннымъ искаженіемъ и умолчаніемъ титула Императорскаго Величества.

По поводу столь грубыхъ и—пусть намъ простятъ это выраженіе — столь неприличныхъ пріемовъ и изворотовъ финляндскаго политиканства, мы хотѣли отмѣтить къ свѣдѣнію и для нравственнаго удовлетворенія русскихъ людей лишь тотъ важный и безусловно непререкаемый фактъ, что какъ при началѣ царствованія Императора Александра III, такъ и при началѣ нынѣшняго благополучнаго царствованія, въ Высочайшихъ Манифестахъ о вступленіи на престолъ ясно и твердо выражена истина, которую напрасно усиливаются ослабить финляндскіе политиканы,—что съ Россійскою Имперіей „нераздѣльны“ Царство Польское и Великое Княжество Финляндское. Это торжественное свидѣтельство въ русскихъ глазахъ авторитетнѣе и достовѣрнѣе всѣхъ архивныхъ изысканій финляндскихъ политиковъ. Одно это свидѣтельство и можетъ имѣть вѣсъ въ оцѣнкѣ взаимныхъ политическихъ отношеній Россіи съ одною изъ ея провинцій, пользующеюся лишь административною автономіей, но не политическою самобытностью, какъ хотятъ увѣрить себя и другихъ финляндскіе политиканы.

Digitized by Google

ПРЕБЫВАНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНА ВЪ ФИНЛЯНДІИ

И

ГЕЛЬСИНГФОРССКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.*

Въ финляндскихъ газетахъ помѣщены извѣстія о поѣздкѣ по Финляндіи, предпринятой на дняхъ финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ, генераломъ Деномъ, и объ устроенныхъ ему тамъ овацiяхъ. Овацiи эти находятся, очевидно, въ тѣсной связи съ успѣхомъ той миссіи генерала Дена о которой мы недавно разказывали со словъ финляндскихъ газетъ и съ послѣдовавшимъ затѣмъ опубликованіемъ „Монаршей присяги“ (regent-försäkran), какъ названъ былъ въ офиціальныхъ переводахъ на мѣстныя финляндскія парѣчія Высочайшій Манифестъ объ утвержденіи финляндскихъ привилегій.

По этимъ извѣстіямъ, генералъ Денъ проѣхалъ сперва въ Або по своимъ семейнымъ дѣламъ. При отъѣздѣ изъ Або, его провожала на вокзалѣ большая толпа народа. 17 ноября онъ прибылъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ на вокзалѣ была ему устроена торжественная встрѣча: студенты Гельсингфорсскаго университета явились на вокзалъ со знаменемъ и, въ присутствіи многочисленной публики, исполнили при выходѣ генерала Дена изъ вагона нѣсколько финляндскихъ „патріотическихъ“ пѣсенъ. Въ отвѣтъ на эту овацію, генералъ Денъ обратился къ студентамъ тутъ же, на платформѣ вокзала, съ рѣчью на финскомъ языкѣ. Въ рѣчи своей онъ, между прочимъ, сообщилъ что вопросъ о назначеніи новаго канцлера для Гельсингфорсскаго университета будетъ рѣшенъ *до истеченія нынѣшняго года.*** На другой день генералу Дену давали парадный обѣдъ, съ тостами и рѣчами, члены Финляндскаго Сената. Къ сожалѣнію, финляндскія газеты почему-то не сочли нужнымъ привести рѣчи произнесенныя на этомъ обѣдѣ.

Для поясненія вышеприведеннаго сообщенія генерала Дена о предстоящемъ назначеніи для Финляндскаго университета „новаго канцлера“, нужно ска-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 331, отъ 2 декабря.

** Въ дѣйствительности вопросъ этотъ не рѣшенъ и до сихъ поръ. Должность канцлера Гельсингфорсскаго университета продолжаетъ исправлять и теперь генералъ Денъ. Назначеніе же на этотъ постъ Наслѣдника Престола, чего ожидали, повидимому, Финляндцы, не состоялось. *Примѣч. издателя.*

Digitized by Google

зать что университетъ этотъ управляется на совершенно особомъ основаніи, совсѣмъ не подчиненъ финляндскому генералъ-губернатору и пользуется при этомъ съ 1816 года чрезвычайными, неслыханными въ коренной Россіи, привилегіями: канцлеромъ, или главнымъ начальникомъ его, состоитъ, по установившейся съ вышеуказаннаго времени практикѣ, Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола.

Практика эта установилась слѣдующимъ образомъ. Въ Швеціи существовалъ обычай, въ силу котораго шведскіе университеты находились обыкновенно подъ особымъ покровительствомъ знатнѣйшихъ вельможъ королевства. Финляндскій университетъ, въ то время когда Финляндскій край былъ шведскою провинціей, также управлялся обыкновенно какимъ-либо знатнымъ шведскимъ сановникомъ. Послѣ включенія края въ составъ Русской Имперіи, канцлеромъ этого университета, по его ходатайству (въ которомъ указывалось на вышеупомянутый шведскій обычай), назначенъ былъ извѣстный графъ М. М. Сперанскій, а послѣ его удаленія—занявшій его мѣсто, въ качествѣ руководителя по финляндскимъ дѣламъ при Монархѣ, шведскій выходецъ Армфельтъ. Со смертью Армфельта канцлеромъ Финляндскаго университета, по особому его ходатайству, императоръ Александръ I назначилъ великаго князя Николая Павловича. Такъ какъ Николай Павловичъ вступилъ въ послѣдствіи на императорскій престолъ, то это и подало Финляндцамъ поводъ ходатайствовать предъ нимъ о назначеніи канцлеромъ университета Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Ходатайство было уважено, и съ тѣхъ поръ, при послѣдовавшихъ двухъ перемѣнахъ царствованія, канцлерами назначались также Наслѣдники Престола. При вступленіи, напримѣръ, на престолъ, въ 1881 году, Императора Александра Александровича, одновременно съ изданіемъ Высочайшаго Манифеста объ утвержденіи финляндскихъ привилегій (2 марта 1881 года) былъ изданъ также Высочайшій Рескриптъ о назначеніи канцлеромъ Финляндскаго университета (который еще ранѣе получилъ также почетное наименованіе Императорскаго и Александровскаго) Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора) Николая Александровича. Теперь подобнаго рескрипта при вступленіи на престолъ не послѣдовало и,—какъ видно изъ вышеуказаннаго сообщенія генерала Дена студентамъ на вокзалѣ, -- вопросъ о назначеніи канцлера будетъ еще рѣшаться въ недалекомъ будущемъ.

Считаемъ нелишнимъ напомнить по этому поводу рядъ фактовъ, уже приводившихся нами ранѣе и характеризующихъ дѣятельность и направленіе Финляндскаго университета.

Фактически управленіе имъ, какъ извѣстно, находилось въ послѣднія десятилѣтія въ рукахъ финляндскихъ министровъ статсъ-секретарей (именующихся исправляющими должность канцлера) и одного изъ финляндскихъ же высшихъ чиновниковъ въ Гельсингфорсѣ, называющагося вице-канцлеромъ (таковымъ много лѣтъ уже состоитъ вице-предсѣдатель Судебнаго Департамента Финляндскаго Сената, г. Пальменъ). Этой-то обособленности и исключительно финляндскому управленію (Гельсингфорсскій университетъ, какъ уже упомянуто, совсѣмъ не зависитъ отъ русскаго генералъ-губернатора края) и приходится, вѣроятно, приписать то что въ послѣднія десятилѣтія (особенно начиная съ шестидесятыхъ годовъ) изъ этого университета систематически и послѣдовательно изгонялись и тѣ немногіе признаки русскаго вліянія и русскаго просвѣщенія какіе успѣли въ немъ появиться въ первое время послѣ присоединенія Финляндскаго края къ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ то первое время, по повелѣнію Императора Александра I, всѣ оканчивающіе курсъ въ университетѣ должны были сдавать экзамены по русскому языку. Обязательство это было затѣмъ, подъ разными предлогами, отмѣнено финляндскими властями сперва для студентовъ теологіи (будущихъ пасторовъ), потомъ для будущихъ учителей школъ, а наконецъ и для всѣхъ остальныхъ окончившихъ курсъ. Еще

Digitized by Google

въ 1852 году всѣ зачисляющіеся въ студенты университета держали экзаменъ по русскому языку, а съ 1863 года такого экзамена уже не требуется. Еще въ 1852 году при университетѣ были двѣ профессуры русскаго языка (ординарная и экстраординарная), а теперь только одна, и русскій языкъ изучаютъ лишь немногіе „желающіе“. Каѳедра русскаго законовѣдѣнія и статистики, существовавшая раньше, въ послѣднее время совсѣмъ упразднена. Точно также упразднена и особая каѳедра русской исторіи. Кромѣ преподаванія русскаго языка „для желающихъ“, теперь въ Гельсингфорсскомъ университетѣ не осталось уже положительно ничего напоминающаго Россію и знакомство съ нею. Преподаваніе въ университетѣ ведется на шведскомъ и финскомъ языкахъ, и даже профессора университета не знаютъ русскаго языка.

За то съ тѣмъ большею основательностью проходятся въ этомъ разсадникѣ просвѣщенія финляндское „государственное право“ и прикрашенная и подправленная надлежащимъ образомъ исторія Финляндіи. Теорія объ отдѣльномъ отъ Россіи „Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ“, какъ извѣстно, и создалась именно въ стѣнахъ Гельсингфорсскаго университета: профессора этого университета явились первыми ея проповѣдниками, а нѣкоторые изъ нихъ, самые бойкіе (какъ, напримѣръ, Мехелинъ, Монгомери, Ирье-Коскиненъ), вступили затѣмъ въ Финляндскій сенатъ и проводили эту теорію уже на дѣлѣ...

Digitized by Google

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ ИСКАЖЕНІЯ ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА

О

ФИНЛЯНДСКИХЪ ПРИВИЛЕГІЯХЪ.*

Въ статьяхъ помѣщенныхъ въ №№ 317 и 320 *Московскихъ Вѣдомостей* ** мы указали на искаженіе или умаленіе установленнаго основными государственными законами Императорскаго титула въ Высочайшемъ Манифестѣ 25 октября объ утвержденіи финляндскихъ привилегій. Вслѣдъ за нами, на это обстоятельство, а равно и на возмутительное искаженіе Манифеста въ шведскомъ и финскомъ офиціальныхъ переводахъ, обратила вниманіе и петербургская печать. Газеты *Свѣтъ* и *Новое Время*, какъ могли видѣть читатели изъ приведенныхъ нами отзывовъ ихъ,*** по достоинству оцѣнили эти факты неслыханной дерзости.

Между тѣмъ, въ отвѣтъ на это, гельсингфорсскія газеты, совсѣмъ умалчивая объ искаженіяхъ Манифеста въ шведскомъ и финскомъ переводахъ („Монаршая присяга" вмѣсто „Манифестъ", „по конституціи этой страны" вмѣсто: „по установленіямъ этого края"), позволяютъ себѣ относительно титула увѣрять будто искаженія въ немъ нѣтъ, будто такой же титулъ (то-есть съ опущеніемъ словъ „Царь Польскій") употребленъ и въ Манифестѣ Императора Александра III объ утвержденіи финляндскихъ привилегій.

Мы недоумѣвали сперва чѣмъ объяснить это увѣреніе, явно противорѣчащее документальному факту. Текстъ Манифеста Императора Александра III былъ приведенъ нами въ № 310 *Московскихъ Вѣдомостей* изъ № 7 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1881 годъ съ буквальною точностью. Убѣдившись еще, посредствомъ новой провѣрки, что ошибки съ нашей стороны не было допущено, мы провѣрили также какъ вообще употребляется Императорскій титулъ въ финляндскихъ законодательныхъ актахъ. Оказалось что съ тѣхъ поръ какъ издается на русскомъ языкѣ періодическій *Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* Императорскій титулъ *всегда передавался вѣрно*, то-есть въ формѣ установленной нашими основными государственными

---

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 333, отъ 4 декабря.

** См. выше, стр. 218—226.

*** См. выше, стр. 231—232.

Digitized by Google

законами. Въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ издававшихся Финляндскимъ Сенатомъ, какъ извѣстно, былъ заведенъ неумѣстный обычай упоминать въ началѣ Высочайшее имя безо всякаго титула, въ формѣ: „Александръ Третій и пр., и пр., и пр.“, на что и было обращено вниманіе покойнымъ К. Ф. Ординымъ въ 1889 году. * Но затѣмъ этотъ обычай, по распоряженію высшей власти, былъ отмѣненъ. ** Въ изданномъ нынѣ Высочайшемъ Манифестѣ 25 октября, Императорскій титулъ—*первый разъ* за все время существованія *Сборника* — переданъ въ новой формѣ, съ вышеуказаннымъ умаленіемъ или искаженіемъ, то-есть съ опущеніемъ словъ „Царь Польскій“.

Недоумѣніе наше стало, однако, разъясняться, когда мы обратились къ *шведскому* тексту Манифеста Императора Александра III. Не имѣя подъ руками *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* на шведскомъ языкѣ, мы взяли сборникъ изданный на шведскомъ языкѣ извѣстнымъ г. Л. Мехелинымъ *Storfurstendömet Finlands grundlagar* (*Основные законы Великаго Княжества Финляндскаго*). Въ началѣ этого сборника помѣщены тексты Высочайшихъ Манифестовъ объ утвержденіи финляндскихъ привилегій. Тексты эти г. Мехелинъ могъ перепечатать, конечно, только изъ *Сборника Постановленій*. Оказалось что въ Манифестѣ Императора Александра III (то-есть въ *шведскомъ его переводѣ*) Императорскій титулъ приведенъ съ *тѣмъ же самымъ умаленіемъ*, какъ и въ Манифестѣ, изданномъ нынѣ. Этимъ-то шведскимъ переводомъ, очевидно, и руководятся въ своихъ увѣреніяхъ гельсингфорсскія газеты, не обращая вниманія на *подлинный русскій* текстъ.

Если г. Мехелинъ вѣрно перепечаталъ офиціальный шведскій переводъ Манифеста 1881 года, то выходитъ что въ шведскомъ переводѣ уже тогда, при вступленіи на престолъ Императора Александра III, введенъ былъ искаженный титулъ, а теперь то же самое искаженіе впервые введено и въ русскій текстъ.

Итакъ, къ исторіи финляндскихъ искаженій прибавляется еще новый фактъ. Искаженіе актовъ издаваемыхъ Русскою Верховною Властью въ переводахъ на мѣстныя финляндскія нарѣчія обратилось у Финляндцевъ, очевидно, уже въ систему.

Нужно притомъ замѣтить что шведскій и финскій переводы законодательныхъ актовъ имѣютъ въ Финляндіи особенное значеніе. Частію по незнанію русскаго языка, частію вслѣдствіе умышленнаго его „игнорированія“, на русскіе подлинные тексты тамъ не обращаютъ никакого вниманія. Такъ, напримѣръ, Высочайшіе Манифесты объ утвержденіи финляндскихъ привилегій вывѣшиваются во всѣхъ лютеранскихъ киркахъ Финляндіи, но *только въ переводахъ на мѣстныя нарѣчія*.

Финляндскія газеты, которыя, какъ уже сказано выше, совсѣмъ промолчали объ искаженіяхъ въ переводахъ нынѣ изданнаго Манифеста, упорно продолжаютъ и теперь, въ разныхъ извѣстіяхъ и статьяхъ, называть его не Манифестомъ, а „Regentförsäkran“, то-есть тѣмъ словомъ которымъ передано было его названіе въ офиціальныхъ шведскомъ и финскомъ переводахъ, и которое всегда употреблялось въ Швеціи какъ спеціальный терминъ для обозначенія королевской конституціонной присяги.

Долго ли и далеко ли, однако, будетъ продолжаться такая политическая игра?

---

* См. *Финл. Окраину Россіи*, вып. I, стр. 76.

** См. тамъ же, стр. 145.

Digitized by Google

ОБНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЯГО ЗАМКА „ШЛОССЪ“ ВЪ ВЫБОРГѢ.*

Къ памяти Императора Александра III.

Изволеніемъ незабвеннаго Императора Александра III, на особыя средства ассигнованныя по смѣтѣ военнаго вѣдомства, реставрированъ недавно (1893) въ Выборгѣ древній замокъ „Шлоссъ“. Такому рѣшенію, какъ извѣстно, предшествовали неоднократныя и настоятельныя ходатайства, въ теченіе многихъ лѣтъ, мѣстныхъ властей Финляндіи, о передачѣ острова и построеннаго на немъ замка „Шлоссъ“ въ вѣдѣніе финляндскаго управленія, и тѣмъ не менѣе нынѣ почившій, Благочестивѣйшій Миролюбецъ, рѣшилъ это дѣло иначе, оставивъ упомянутый замокъ въ собственности и въ вѣдѣніи русскихъ властей.

Намъ неизвѣстны основанія вызвавшія необходимость остановиться на такомъ рѣшеніи, но знаемъ что покойный Государь сознательно, неуклонно и неудержимо стремился къ разъ поставленной цѣли. Онъ тихо и молчаливо будилъ національное сознаніе Русскихъ. Въ рѣдкіе часы своего досуга почившій Императоръ находилъ отраду въ научно-историческихъ и археологическихъ изслѣдованіяхъ. Извѣстны намъ и многіе случаи оживленія имъ русской исторической мысли, когда смыслъ ея становился яснѣе въ свѣтѣ правды. Не подъ вліяніемъ ли такихъ изслѣдованій завопили наконецъ и камни Шлосса?

Существующій въ городѣ Выборгѣ древній замокъ „Шлоссъ“ составляетъ древнѣйшую часть Выборгской крѣпости; замокъ этотъ имѣетъ очень высокую башню, съ которой открывается видъ на дальнія окрестности. Замокъ этотъ, возведенный въ 1293 году шведскимъ полководцемъ Торкелемъ Кнутсономъ, покорителемъ Корелiи, какъ оплотъ противъ Востока, построенъ на небольшомъ островкѣ, между прежнею главною крѣпостью и предмостнымъ укрѣпленіемъ Св. Анны и окруженъ каменною постройкой; самая башня возвышается отъ павильйоновъ на восемь этажей. Подлѣ замка проходитъ устье Сайменскаго канала, черезъ который перекинутъ выдвижной чугунный мостъ; ни одна лодка или судно не могутъ пройти мимо Шлосса незамѣченными. Шлоссъ былъ свидѣтелемъ многочисленныхъ битвъ Русскихъ со Шведами, начиная съ древнѣйшихъ временъ и вплоть до Петра Великаго. Зачастую онъ переходилъ изъ рукъ въ руки и считался ключемъ къ обладанію Финляндіей. Много русской крови пролито подъ его стѣнами и много защитниковъ Россіи и враговъ ея легло костьми у его подножья.

Съ завоеваніемъ Выборга и обращеніемъ его въ русскую крѣпость, началось постепенное усиленіе его укрѣпленій, соотвѣтственно новаго зна-

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 339, отъ 10 декабря.

Digitized by Google

ченія Выборга, какъ оплота Россіи со стороны Финляндіи. Затѣмъ оборонительныя мѣры принимались въ Выборгѣ противъ Шведовъ въ 1741, 1788 и 1790 годахъ, а въ 1808 году Выборгу было придано значеніе операціоннаго базиса для военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ Императоромъ Александромъ I, съ цѣлью окончательнаго достиженія естественной морской границы завоеваніемъ остальной части Финляндіи.

Нынѣ на гербѣ города Выборга красуется видъ Шлосса, *какъ нѣмаго и древнѣйшаго свидѣтеля всего прошлаго* въ юговосточной окрайнѣ *нынѣшней* Финляндіи.

Изъ сказаннаго нельзя не придти къ заключенію что въ поднятомъ Финляндцами вопросѣ, о возвращеніи Шлосса въ вѣдѣніе финляндскаго управленія, хозяйственная сторона дѣла имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ матеріальная стоимость Шлосса въ томъ или иномъ видѣ можетъ быть возмѣщена и устроена по взаимному соглашенію. Точно также не можетъ быть придаваемо первенствующаго значенія и исключительно военной сторонѣ дѣла. Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется въ данномъ вопросѣ *нравственная* сторона дѣла, и потому необходимо остановиться на разборѣ именно этой части вопроса. Многое свидѣтельствуетъ что вся суть исторіи юговосточной части нынѣшней Финляндіи нераздѣльна съ воспоминаніями о Выборгѣ и его Шлоссѣ. По словамъ интеллигентныхъ представителей мѣстнаго шведскаго общества, Шлоссъ имѣетъ для нихъ значеніе лишь „археологическое“, хотя въ 1877 году бывшій выборгскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Окербломъ возбудилъ ходатайство о передачѣ Шлосскаго замка въ вѣдѣніе финляндскаго управленія для обращенія этого древняго замка въ резиденцію выборгскаго губернатора и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Затмѣніе истины здѣсь очевидное, такъ какъ историческіе факты свидѣтельствуютъ что Шлоссу отнюдь не можетъ быть придаваемо скромное значеніе въ прошлой судьбѣ здѣшней окраины; Шлоссъ возникъ не для защиты противъ сильнѣйшаго, но для опредѣленной активной дѣятельности: первоначально — для обезпеченія успѣха насильственныхъ дѣйствій воеводы Торкеля Кнутсона противъ мѣстнаго финскаго и корельскаго населенія, а затѣмъ, по свидѣтельству шведскихъ писателей, Шлоссъ въ теченіе болѣе 400 лѣтъ былъ надежнымъ оплотомъ Шведовъ для противодѣйствія Россіи.

До настоящаго времени притязанія Шведовъ на Шлоссъ опираются главнымъ образомъ на правѣ историческомъ, но, однако, несомнѣнно что право это слѣдуетъ считать упраздненнымъ, такъ какъ оно устраняется болѣе позднимъ фактомъ завоеванія, послужившимъ основаніемъ уже историческому праву Россіи. Не будетъ ли справедливѣе допустить что Шлоссъ, въ Выборгѣ, помимо его археологическаго значенія, дорогъ Шведамъ потому что напоминаетъ имъ былыя времена ихъ могущества и просвѣтительной дѣятельности ихъ въ этомъ краѣ, хотя недавній отказъ въ постановкѣ памятника Торкелю Кнутсону въ Выборгѣ и высказанныя по этому дѣлу мнѣнія въ печати, какъ Шведами,* домогавшимися этого памятника, такъ и Финнами,** возмущавшимися самою мыслію объ увѣковѣченіи памятникомъ имени ихъ мучителя изъ Шлосса,— показываютъ что результаты просвѣтительной миссіи Шведовъ нынѣ, спустя болѣе 650 лѣтъ, не привели еще ни къ сліянію, ни къ единомыслію мѣстныхъ населеній, и имя Торкеля Кнутсона— нераздѣльное съ воспоминаніями о дѣятельности его изъ Шлосса, — не всѣмъ одинаково симпатично.

Съ другой стороны, несомнѣнно что значеніе Выборгскаго Шлосса, какъ одного изъ древнихъ памятниковъ русской славы въ Финляндской окраинѣ Россіи не можетъ быть отвергаемо. Владѣніе нами Шлоссомъ въ Выборгѣ не носитъ на себѣ характера непріязни къ туземному населенію, нѣтъ въ этомъ ничего оскорбительнаго или неуважительнаго; этимъ не затрогиваются никакія привилегіи края и не составляетъ

---

* См. *Östra Finland* 1887 г. №№ 20 и 27 и пр.

** См. *Östra Finland* 1887 г. № 17 и пр.

Digitized by Google

это посягательства на ограниченіе какихъ-либо правъ Финляндцевъ, а между тѣмъ владѣніе замкомъ Шлоссъ въ Выборгѣ напоминаетъ о томъ *кто тутъ дѣйствительный хозяинъ*, а мѣстному русскому населенію замокъ этотъ долженъ напоминать что береговъ моря и свѣта для своего отечества предки наши достигли геройскими усиліями настойчивой шестивѣковоовой кровавой борьбы (отъ лѣтъ св. Александра Невскаго и до Фридрихсгамскаго мира); Шлоссъ долженъ быть имъ дорогъ какъ нѣмой свидѣтель той могучей энергіи и той несокрушимой силы духа, которые приводили сюда русскія рати подъ начальствомъ ихъ вѣнценосныхъ вождей и плодами побѣдъ коихъ живетъ и понынѣ Россія. Съ 1710 года, въ теченіе уже болѣе 180 лѣтъ, Русскіе въ Выборгѣ * не тяготились обладаніемъ Шлосса, и казалось бы, ни польза государственная, ни самая жизнь еще не указали ясно и отчетливо сознаваемыхъ причинъ, ради которыхъ можно было бы рѣшиться, измѣняя родной славѣ, отторгнуть отъ себя отъ предковъ доставшійся намъ Шлоссъ во власть Шведовъ, потворствуя ихъ стремленіямъ въ области мирныхъ завоеваній. Наконецъ, если Финляндцы еще недавно нашли умѣстнымъ воздвигнуть въ Финляндіи памятникъ своимъ побѣдамъ надъ Русскими, то не имѣемъ ли мы достаточнаго основанія, если не воздвигать спеціальныхъ памятниковъ русскимъ заслугамъ въ Финляндіи, то по крайней мѣрѣ не отчуждать завѣщанныхъ намъ памятниковъ старины и русской славы, каковымъ здѣсь несомнѣнно является Шлоссъ.

Политическимъ дѣльцамъ Финляндіи, конечно, не весело видѣть среди себя авангардъ Русскаго народа, имѣющаго притязаніе жить самобытною жизнію, и понятно что финляндскіе „патріоты“ дѣлаютъ все что могутъ, чтобы не дать разрастись и окрѣпнуть православному русскому духу въ Финляндіи; симпатизировать же они будутъ только Русскимъ людямъ успѣвшимъ обезличиться. Но если все это такъ, то неужели же высшей правдѣ русской надлежало идти на встрѣчу такому чувству? Неудобно было бы придавать Шлоссу усиліями правительства былое значеніе передоваго оплота Шведовъ! Не подъ вліяніемъ ли этихъ основаній Незабвенный Царь-Миротворецъ призналъ за благо, чтобъ этотъ памятникъ древности оставался во власти русскаго управленія и напоминалъ кому слѣдуетъ, что *должно преклониться передъ приговоромъ исторіи, и что прошлому въ Финляндіи никогда не воскреснуть* и что хозяева въ краѣ не Финляндцы, но Монархъ Всероссійскій. Такое рѣшеніе соотвѣтствуетъ вполнѣ той правдѣ и справедливости, чистымъ представителемъ коей былъ почившій Императоръ Александръ III, на стражѣ блюстителя русской народной чести. Извѣстно что никакія постороннія соображенія и вліянія не могли сбить Его съ пути на который онъ разъ выступилъ; не чувства симпатіи или антипатіи руководили Его рѣшеніями. Онъ не увлекался никакими теоріями, ни такъ-называемымъ общественнымъ мнѣніемъ, ни мимолетными соображеніями. Для него *сознаніе исполненнаго дома* стояло впереди всего и было лучшею наградой, которую можетъ заслужить человѣкъ въ своей частной и общественной дѣятельности.

При такой обстановкѣ вопроса, приходится установить, что отказъ въ передачѣ Шлосса финляндскому управленію и признаніе за Шлоссомъ въ Выборгѣ значенія древняго археологическаго памятника *русской* славы было вызвано исполненіемъ священнаго долга почившаго Императора Александра III передъ Русскимъ народомъ и было основано на правдѣ исторической и, конечно, не въ данномъ случаѣ было бы мѣсто ложному великодушію, и слѣдовательно удержаніе этого замка навсегда во власти Русскихъ представляетъ рѣшеніе несомнѣнно мудрое, оправдываемое пользой государственною.

Да пребудетъ такое рѣшеніе почившаго Императора Александра III незабвеннымъ въ сердцахъ людей Русскихъ.

N. N.

* Также въ Нарвѣ, гдѣ древняя крѣпость поддерживается казной и др.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ ПАМЯТНИКЪ

ПРИСОЕДИНЕНІЯ ФИНЛЯНДСКАГО КРАЯ КЪ РОССІИ.*

Въ № 339 *Московскихъ Вѣдомостей* ** помѣщена любопытная статья г. N. N. о совершившемся недавно, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, возобновленіи, на счетъ русской казны, старинаго замка „Шлоссъ" въ Выборгѣ, въ качествѣ историческаго памятника утвержденія русскаго владычества въ Финляндскомъ краѣ, и объ оставленіи его навсегда въ вѣдѣніи русскихъ властей. Авторъ статьи справедливо называетъ это повелѣніе мудрымъ рѣшеніемъ, свидѣтельствующимъ о замѣчательной чуткости Незабвеннаго Русскаго Царя къ русской народной чести и русской народной славѣ.

Теперь, какъ мы слышали, возбужденъ вопросъ о возобновленіи другаго русскаго историческаго памятника, наглядно напоминающаго о завоеваніи Финляндскаго края русскимъ оружіемъ и о включеніи его въ составъ Россіи. Памятникъ этотъ—та старинная башня которая находится на мѣстѣ упраздненной нынѣ Фридрихсгамской крѣпости, и въ которой, по свидѣтельству современниковъ, подписанъ былъ 5 сентября 1809 года русскими и шведскими уполномоченными знаменитый Фридрихсгамскій мирный договоръ между Россіей и Швеціей. Всѣмъ извѣстно важное историческое значеніе этого договора: онъ положилъ конецъ безпрестаннымъ войнамъ между Россіей и Швеціей за обладаніе Финляндскимъ краемъ, „оградилъ", — по выраженію Высочайшаго манифеста 1 октября 1809 гооа, — „Имперію нашу естественными и твердыми предѣлами, отдалилъ и пресѣкъ разъ навсегда причину и предлогъ браней". Не менѣе важно значеніе этого достославнаго акта и въ политическомъ отношеніи: въ ряду русскихъ государственныхъ актовъ, ясно и непререкаемо доказывающихъ права Россіи на обладаніе Финляндскимъ краемъ въ качествѣ русской провинціи и опровергающихъ лживую теорію финляндскихъ дѣятелей объ отдѣльномъ отъ Россіи „Финляндскомъ государствѣ", — Фридрихсгамскій договоръ занимаетъ первое мѣсто. По статьѣ IV-й договора, „король Шведскій какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Императора Всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ сво-

* *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 346, отъ 17 декабря.

** См. выше, стр. 238.

Digitized by Google

ихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы Шведской“ (далѣе перечисляются шесть финляндскихъ губерній, принадлежавшихъ Швеціи, и часть шведской области Ботніи). „Губерніи сіи, говорится далѣе въ той же статьѣ, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“.

Башня, въ которой подписанъ былъ договоръ, пришла въ ветхость, такъ что готова совсѣмъ развалиться, и въ управленіи Финляндскаго военнаго округа возбуждено ходатайство объ ассигнованіи необходимой суммы на ея возобновленіе. Сравнительно со средствами потребовавшимися для возобновленія Выборгскаго за́мка, сумма эта совсѣмъ небольшая—всего около трехъ тысячъ рублей, и надо надѣяться что высшія русскія власти съ полнымъ сочувствіемъ отнесутся къ этому дѣлу. Желательно было бы при этомъ чтобы въ башнѣ помѣщена была доска съ надписью о значеніи башни какъ русскаго историческаго памятника.

Digitized by Google

КОНСТИТУЦІОННАЯ ПРИСЯГА

ИЛИ

АКТЪ ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТИ?

(Передовая статья № 347 *Московскихъ Вѣдомостей* 1894 года, 18 декабря).

Конституціонная присяга или актъ Высочайшей милости—такой вопросъ поневолѣ приходится поставить по поводу финляндскихъ толкованій приведеннаго нами въ № 317 *Московскихъ Вѣдомостей* * Высочайшаго Манифеста 25 октября объ утвержденіи привилегій Финляндскаго края. Говоримъ: „поневолѣ", потому что самый вопросъ этотъ для русскихъ людей долженъ представляться страннымъ: чѣмъ же инымъ можетъ быть Высочайшій Манифестъ въ предѣлахъ Русскаго государства, какъ не актомъ, выражающимъ Высочайшую милость, Высочайшее повелѣніе. Но дерзко настойчивыя финляндскія толкованія заставляютъ серіозно остановиться и на такомъ, казалось бы, невозможномъ въ Россіи вопросѣ.

Въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ (№№ 309 и 310 *Московскихъ Вѣдомостей*) мы уже говорили **, что эти толкованія, выразившіяся въ отзывахъ финляндской печати немедленно послѣ опубликованія Высочайшаго Манифеста 25 октября, представляютъ, къ сожалѣнію, не какія-либо единичныя мнѣнія, а входятъ какъ существенная, неотъемлемая часть въ теорію финляндскаго „государственнаго права", настойчиво проводимую въ Финляндіи *офиціально мѣстными властями*. Создана эта теорія, какъ извѣстно, финляндскими юристами и историками въ шестидесятыхъ годахъ и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени постепенно развивается и пополняется. Наиболѣе полное и, такъ-сказать, авторитетное изложеніе ея послѣднихъ выводовъ за-

* См. выше, стр. 218—223.

** См. выше. стр. 205—213.

Digitized by Google

ключается въ двухъ финляндскихъ трудахъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ прямо офиціальный, а другой — полуофиціальный характеръ. Первый изъ этихъ трудовъ — проектъ свода финляндскихъ „основныхъ законовъ", составленный особымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго прокурора Финляндскаго Сената, А. Вейсенберга, а второй — сочиненіе финляндскаго профессора Р. Германсона *Государственно-правовое положеніе Финляндіи*. О томъ и другомъ трудѣ не разъ уже упоминалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* *.

Къ проекту своему, носящему названіе *Форма правленія Великаго Княжества Финляндскаго*, комитетъ г. А. Вейсенберга приложилъ обширные мотивы и издалъ ихъ, по порученію Финляндскаго Сената, въ 1887 году. Они послужили затѣмъ основаніемъ и главнымъ источникомъ какъ для разныхъ популярныхъ финляндскихъ руководствъ по „государственному праву" Финляндіи (въ родѣ, напримѣръ книжки Берга *Государственно-правовое развитіе Финляндіи* и т. п.), статей финляндскихъ газетъ, приводящихъ извлеченія изъ нихъ, такъ и для составленнаго Финляндскимъ Сенатомъ подобнаго же проекта, названнаго „Сводомъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго" и находящагося нынѣ въ Петербургѣ на разсмотрѣніи особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге. Въ этихъ мотивахъ, — въ объясненіяхъ къ § 3 проекта, по которому Русскіе монархи будто бы *обязаны* при вступленіи своемъ на престолъ давать торжественное обѣщаніе „о ненарушимомъ соблюденіи" финляндской „конституціи", о Высочайшихъ Манифестахъ, содержащихъ будто бы такое обѣщаніе, говорится слѣдующее:

„На основаніи § 2 Формы Правленія 1772 года, заключающаго ссылку на королевскій отдѣлъ земскаго уложенія, предписанія 4-й главы этого отдѣла о королевской присягѣ получили также силу закона. Но форма присяги, установленная Земскимъ Уложеніемъ, не могла быть болѣе во всемъ примѣняема, вслѣдствіе чего государственные чины на Риксдагѣ 1778—1779 годовъ, въ виду того, что „„во всѣ „времена принесеніе и составленіе при„сяги новаго короля служило сѣменемъ „раздоровъ"", приняли предложенный Густавомъ III проектъ королевскаго удостовѣренія или присяги (Regentförsäkran), предназначенный для употребленія какъ при вступленіи новаго короля въ управленіе, такъ и при коронованіи. Послѣ соединенія Финляндіи съ Россіей также давалось особое монаршее удостовѣреніе (Regentförsäkran) каждымъ вновь вступавшимъ на престолъ монархомъ, и такъ какъ употреблявшіяся при этомъ выраженія были одинаковы, то комитетъ нашелъ, что они пріобрѣли право давности и потому положилъ ихъ въ основаніе редакціи настоящаго параграфа. Касательно этой редакціи комитетъ долженъ еще прибавить что, такъ какъ не *возникало вопроса объ особомъ короновании Россійскаго Императора въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго*, то комитетъ въ текстѣ законопроекта упомянулъ только о томъ удостовѣреніи *которое Монархъ обязанъ давать* при своемъ вступленіи въ управленіе и *не заимствовалъ изъ сеймоваго рѣшенія 1779 года* * постановленія о представ-

* См. *Финляндскую Окраину Россіи*. Вып. I, стр. 57, 93, 108, 186—187 и др.

* Приводимъ это „сеймовое рѣшеніе", которое финляндская „государственная" теорія навязываетъ такимъ образомъ Самодержцу Всероссійскому, какъ обязательный будто бы для него законъ:

„Одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ признали мы все то, что можетъ установить и утвердить наши законы на будущее время и предотвратить недоразумѣнія, какія могли бы впредь возникнуть или среди насъ самихъ, или же между Монархомъ и нами.

Digitized by Google

леніи такого удостовѣренія также при коронаціи. Кромѣ постановленія о королевской присягѣ, королевскій отдѣлъ Земскаго Уложенія содержитъ также постановленія о присягѣ на вѣрность, приносимой подданными государства каждому новому монарху. Касательно времени принесенія этой присяги Земское Уложеніе предписываетъ, что народъ учиняетъ присягу *послѣ того* какъ

И видя въ продолженіе сего нашего общаго собранія во всѣхъ случаяхъ со стороны нашего нынѣ царствующаго Всемилостивѣйшаго Короля самыя убѣдительныя доказательства Его довѣрія и уваженія къ тѣмъ законамъ, которые Онъ съ нами и мы съ Нимъ вмѣстѣ поклялись свято соблюдать, мы могли не иначе какъ съ чувствомъ глубочайшей признательности отнестись къ той заботливости, какую Его Королевское Величество проявилъ о нашемъ спокойствіи и непоколебимости нашихъ законовъ, сообщивъ намъ свое милостивое предложеніе отъ 28 сего января касательно утвержденія постоянной королевской присяги (Konunga-Försäkran) для всѣхъ будущихъ королей Шведскихъ и Готскихъ. И припоминая какъ во всѣ времена принесеніе и составленіе присяги новаго короля служило сѣменемъ раздоровъ частью между королями и государственными чинами, частью между самими государственными чинами, — раздорамъ, которые очень часто угрожали гибелью и монарху, и государству,—мы тѣмъ охотнѣе и вполнѣ сознательно и обдуманно утверждаемъ, одобряемъ и принимаемъ сію присягу, которая составлена собственноручно его Королевскимъ Величествомъ и вполнѣ согласуется съ тою присягой, которую его Королевское Величество самъ принесъ при томъ счастливомъ улучшеніи правленія, съ измѣненіемъ только того, что могло относиться единственно къ его Королевскому Величеству въ то время,—съ тѣмъ, чтобъ она была присягой королей Шведскихъ и Готскихъ какъ при вступленіи ихъ въ управленіе, такъ и при коронованіи, отъ слова до слова, слѣдующимъ образомъ:

„„Мы, N. N., Божіею милостію король „Шведскій, Готскій и Вендскій, и проч., и „проч., и проч., симъ объявляемъ: Такъ какъ „Всевышнему Богу угодно было отозвать „отъ сей жизни державнѣйшаго, высокород„наго князя и государя N. N., короля Швед„скаго, Готскаго и Вендскаго, нашего въ сей „жизни любезнѣйшаго господина N. N. (здѣсь „приводится родство), и Мы, согласно и въ „силу утвержденнаго для Швеціи порядка „престолонаслѣдія, вступили на Шведскій „престолъ, то Мы даемъ всѣмъ государствен„нымъ чинамъ и всѣмъ Нашимъ подданнымъ, „высшимъ и низшимъ, какъ родившимся, „такъ и не родившимся, слѣдующее обѣща„ніе: Въ виду того что изволеніемъ чуднаго „Промысла Божія въ правленіе высокобла„женной памяти державнѣйшаго, высокород„наго князя и государя Густава III, короля „Шведскаго, Готскаго и Вендскаго, старин„ная шведская свобода была оживлена, и „старые шведскіе законы, въ томъ видѣ какъ „они существовали до 1680 года, въ существен„нѣйшихъ своихъ частяхъ возстановлены „принятымъ 21 августа 1772 года фундамен„тальнымъ закономъ,—мы симъ удостовѣря„емъ положительнѣйшимъ образомъ что Мы „намѣрены царствовать и управлять госу„дарствомъ согласно принятой непоколебимой „формѣ правленія отъ 21 августа 1772 года, „и *симъ отрекаемся отъ ненавистнаго „королевскаго самодержавія*, или такъ-назы„ваемаго суверенитета, всегда почитая за „величайшую честь для Себя быть первымъ „гражданиномъ среди честнаго и свободнаго „народа. Все сіе, какъ принятое нами безо „всякаго принужденія, по доброй волѣ и вполнѣ обдуманно, мы подтверждаемъ нашею соб„ственноручною подписью и святою присягой „въ томъ, что будемъ сіе соблюдать и испол„нять, какъ суще мнѣ Господь Богъ душев„но и тѣлесно да поможетъ““

„Мы симъ объявляемъ что эта присяга нами (то-есть шведскимъ риксдагомъ) одобрена и должна быть единственною присягой, какую приноситъ каждый шведскій король своимъ подданнымъ безо всякаго прибавленія, сокращенія, нарушенія или измѣненія“.

Это-то постановленіе шведскаго риксдага XVIII вѣка финляндскіе юристы и власти осмѣливаются примѣнять къ Высочайшимъ манифестамъ, издававшимся Россійскими Монархами при вступленіи ихъ на престолъ. Они причисляютъ его къ утвержденнымъ будто бы „основнымъ законамъ Финляндіи“, хотя, казалось бы, такому примѣненію рѣшительно противорѣчитъ помимо всего прочаго отсутствіе всякаго сходства въ выраженіяхъ между вышеприведенною присягой и Высочайшими Манифестами.

Digitized by Google

король далъ свое удостовѣреніе (försäkran). Въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда монархъ при своемъ вступленіи на престолъ совершеннолѣтенъ, монаршее удостовѣреніе (Regentförsäkran) *будетъ, конечно, и впредь также предшествовать присягѣ народа*, но въ случаѣ малолѣтства монарха и учрежденія регенства, то обстоятельство, что монархъ еще не далъ своего удостовѣренія, не можетъ освободить подданныхъ отъ обязанности немедленнаго принесенія ему присяги. Въ виду этого, постановленіе Земскаго Уложенія о томъ, что монаршее удостовѣреніе (Regentförsäkran) должно предшествовать вѣрноподданнической присягѣ народа, не внесено комитетомъ въ законопроектъ.* **

Другой изъ вышеупомянутыхъ нами трудовъ, имѣющій, какъ мы сказали, характеръ полуофиціальный, сочиненіе профессора государственнаго права въ Финляндскомъ университетѣ, Р. Германсона: *Государственно-правовое положеніе Финляндіи*, по особому ходатайству финляндскаго статсъ-секретаріата, было напечатано въ 1892 году на русскомъ языкѣ въ С.-Петербургѣ въ *Государственной типографіи*. Въ продажу оно не было пущено, а разсылалось, подобно разнымъ другимъ сочиненіямъ въ защиту финляндской государственной теоріи, русскимъ высокопоставленнымъ лицамъ въ С.-Петербургѣ.** Въ офиціальныхъ документахъ финляндскихъ властей изъ него приводятся отрывки, какъ изъ авторитетнаго изслѣдованія по финляндскому „государственному праву“. Какъ и въ трудахъ комптета г. Вейсенберга, въ немъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выставляются мнимыя конституціонныя и государственныя права Финляндіи, какъ показываютъ, напримѣръ слѣдующія извлеченія:

„*Финляндія есть государство*“,—говоритъ г. Германсонъ (выпускъ II, стр. 93), — „ибо къ числу законовъ утвержденныхъ (?) Императоромъ Александромъ I для Финляндіи принадлежитъ также конституція, учредительные государственные законы, которыми народу предоставлены политическія права, то-есть законы, опредѣляющіе взаимныя правовыя отношенія Монарха и народа въ государствѣ. Если же нельзя отрицать, что для Финляндіи было утверждено особое государственное устройство, то нельзя также не признать, что *Финляндія стала государствомъ и слѣдовательно не есть провинція*“.

„Если въ Имперіи“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 96),—„закономъ установленъ самодержавный образъ правленія, а въ Великомъ Княжествѣ *конституціонномонархическій*, то это значитъ, что по предмету о взаимныхъ отношеніяхъ Монарха и народа въ Великомъ Княжествѣ дѣйствуетъ другой законъ нежели въ Имперіи. Это же, какъ уже сказано, служитъ выраженіемъ того, что Финляндія имѣетъ другое государственное устройство чѣмъ Имперія, что *Финляндія, слѣдовательно, есть отличное отъ Имперіи государство*“.

Изложивъ далѣе еще на нѣсколькихъ страницахъ свои соображенія, г. Германсонъ на стр. 103 опять съ апплобомъ повторяетъ: „Мы пришли такимъ образомъ къ слѣдующему заключенію: *Великое Княжество Финляндское есть государство, а не провинція Имперіи*“.

Наконецъ, приведемъ еще, въ видѣ обращика, отрывокъ изъ одной популярной финляндской книжки, предназначенной для простого народа и напечатанной въ Финляндіи на финскомъ языкѣ осенью нынѣшняго 1894 года

---

* Въ законопроектъ не внесено, но всетаки считаются финляндскими политиканами за дѣйствующій законъ, какъ показываетъ возмутительный поступокъ Гельсингфорскаго магистрата, описанный въ № 309 *Московскихъ Вѣдомостей* (см. выше, стр. 207—209.)

** Шведское изданіе его находится въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Финляндіи.

Digitized by Google

Въ книжкѣ этой, носящей заглавіе: *Какъ нашей страной управляютъ и какъ мы сами собой управляемъ*, авторъ ея, преподаватель одного изъ финляндскихъ лицеевъ, г. Малинъ, старается доказать своимъ читателямъ изъ простонародья какія преимущества имѣетъ „финляндскій конституціонализмъ“ передъ „русскимъ самодержавіемъ“.

„Ясно“,—говоритъ онъ, между прочимъ (стр. 20),—„какія преимущества имѣетъ *наше политическое положеніе* въ сравненіи съ положеніемъ тѣхъ народовъ, которые сами не имѣютъ никакихъ политическихъ правъ, и *которыми управляетъ неограниченный самодержецъ*. У насъ, Финляндцевъ, есть твердая увѣренность въ томъ, что въ нашей странѣ никогда нельзя ввести въ дѣйствіе такихъ законовъ, которые не подходятъ къ условіямъ нашей страны и къ правовымъ понятіямъ нашего народа, ибо это обѣщали сами наши монархи, подтверждая *торжественными клятвами* (*juhlallisilla valoilla*) вышеупомянутые основные законы (то-есть шведскіе конституціонные акты 1772—1789 годовъ). Будучи Самодержцемъ въ Россіи, Императоръ Александръ I на Боргоскомъ сеймѣ по отношенію къ Финляндіи *отрекся отъ самодержавія, обязавшись соблюдать конституціонный образъ правленія, и тоже самое дѣлали всѣ позднѣйшіе наши монархи*“.

Такимъ образомъ и офиціальный трудъ комитета изъ высшихъ финляндскихъ чиновниковъ, и „ученое“ сочиненіе финляндскаго профессора, и популярная книжка для простого народа вполнѣ согласны въ изложеніи теоріи финляндскаго „государственнаго права“ и совершенно одинаково толкуютъ всемилостивѣйшіе манифесты, издававшіеся россійскими монархами для Финляндіи при вступленіи на Всероссійскій престолъ. Манифесты эти, — въ одинъ голосъ утверждаютъ всѣ они,— суть не что иное, какъ „торжественная клятва“, „конституціонная монаршая присяга“ (Regentförsäkran), содержащая въ себѣ *отреченіе Россійскаго Самодержца отъ Своего Самодержавія* въ пользу Финляндскаго Сейма. Въ силу этой конституціонной присяги или „торжественной клятвы“ и утверждаемой будто бы ею „финляндской „конституціи“ (то-есть шведскихъ контитуціонныхъ актовъ прошлаго столѣтія) Финляндія,—говорятъ они далѣе,—есть не провинція русская, а „отличное отъ Русской Имперіи государство конституціонно - монархическое“, которымъ управляетъ не Самодержецъ Всероссійскій, а „конституціонный Великій князь Финляндскій“.

Каждому русскому человѣку, совсѣмъ даже не занимавшемуся финляндскими дѣлами и незнакомому съ касающимися этихъ дѣлъ русскими государственными актами, подобное толкованіе всемилостивѣйшихъ манифестовъ о финляндскихъ привилегіяхъ не можетъ представляться ничѣмъ инымъ какъ лживою и дерзкою выдумкой. Кто повѣритъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ Императоръ Александръ I, послѣ побѣдоносной войны со Швеціей и покоренія Финляндскаго края русскимъ оружіемъ, издавая въ 1809 году свой Всемилостивѣйшій Манифестъ объ утвержденіи финляндскихъ привилегій, а его державные преемники, послѣдующіе Россійскіе Самодержцы, повторяя этотъ манифестъ при своемъ вступленіи на престолъ, — кто повѣритъ чтобы всѣ они имѣли въ виду посредствомъ этого акта *отречься отъ самодержавія*, дать *„торжественную клятву“* въ соблюденіи такихъ шведскихъ постановленій которыя объявляютъ самодержавіе *„ненавистнымъ“* и выдѣляютъ пріобрѣтенный русскою кровью край въ *„отличное отъ Русской имперіи государство“*? Кто повѣритъ чтобы

Digitized by Google

такое отреченіе отъ самодержавія совершилось снова даже въ наши дни, на нашихъ глазахъ, въ видѣ Высочайшаго Манифеста, изданнаго 25 октября въ Ливадіи, близъ непогребеннаго еще тогда праха почившаго Великаго Самодержца Русскаго, который столь блистательно, столь лучезарно явилъ Русской землѣ и всему міру и подтвердилъ своими дѣяніями святую истину Самодержавія?

Не очевидно ли, повторяемъ мы, даже безо всякихъ справокъ съ государственными актами, что финляндское толкованіе этихъ манифестовъ, изложенное въ вышеприведенныхъ отрывкахъ, есть лживая и дерзкая выдумка, и что сіи манифесты могутъ быть понимаемы лишь какъ акты Царской милости Самодержца, подтверждающіе Финляндскому краю, *какъ нераздѣльной части Русской Имперіи*, его особыя *провинціальныя* установленія и привилегіи, не противорѣчащія основамъ русской государственности и общегосударственному благу?

Если обратимся къ русскимъ государственнымъ актамъ, то увидимъ прямое подтвержденіе этой и безъ того очевидной мысли. Напомнимъ здѣсь только одинъ изъ такихъ актовъ, а именно VI статью фридрихсгамскаго мирнаго договора со Швеціей,—договора, по которому (статья IV) Финляндскій край состоитъ „въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской". Статья VI договора такъ изъясняетъ значеніе Высочайшаго Манифеста о финляндскихъ привилегіяхъ:

„Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами *милосердія и правосудія* ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ Имъ нынѣ областей (то-есть шести финляндскихъ губерній, принадлежавшихъ Швеціи и уступленныхъ въ собственность Россіи), обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго Своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества*, то его шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго, впрочемъ, долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія".

Царская милость къ покоренной области, „великодушное соизволеніе", превратилось, въ новѣйшихъ финляндскихъ толкованіяхъ мѣстныхъ властей, юристовъ и писателей, въ *обязательную* „Монаршую присягу" (Regentförsäkran), въ „торжественную клятву" отреченія отъ самодержавія; „свободное отправленіе вѣры, права собственности и преимущества" этой области превращаются этими толкованіями въ „государственную конституцію", выдѣляющую край въ „отличное отъ Имперіи государство"!,.

Поистинѣ можно сказать что примѣровъ такого нахальнаго политическаго извращенія еще не бывало въ исторіи.

Digitized by Google

1895 годъ.

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМЪ ВЪ ТАММЕРФОРСѢ.*

Въ № 198 *Московскихъ Вѣдомостей* за минувшій годъ мы помѣстили замѣтку подъ заглавіемъ: „Вниманію ревнителей православія", въ которой привели извлеченія изъ воззванія комитета для сбора пожертвованій на построеніе православнаго храма въ финляндскомъ городѣ Таммерфорсѣ.

Нѣкоторые изъ ревнителей православія тогда же откликнулись на это воззваніе, указывающее на одну изъ настоятельныхъ нуждъ православной церкви въ Финляндіи, и прислали въ нашу контору свои посильныя лепты, о которыхъ мы своевременно извѣщали жертвователей. ** Но собранныхъ до сихъ поръ средствъ, какъ оказывается, все еще недостаетъ даже и для начала этого благаго дѣла. Позволяемъ себѣ, поэтому, еще разъ обратиться къ русскимъ людямъ ревнующимъ объ успѣхахъ православія и о благолѣпіи храмовъ Божіихъ въ этой окраинѣ Россіи и привести вновь полученныя нами свѣдѣнія о ходѣ дѣла по сооруженію православнаго храма въ Таммерфорсѣ, который есть третій по числу жителей городъ въ Финляндскомъ краѣ (послѣ Гельсингфорса и Або), но до сихъ поръ еще *совсѣмъ не имѣетъ православнаго храма.*

„Первоначально предполагалось",—пишутъ намъ изъ Таммерфорса,—„построить храмъ въ древне-византійскомъ стилѣ и совершить закладку въ августѣ истекшаго года. Но такъ какъ строительная коммиссія нашла что, при малыхъ сравнительно размѣрахъ храма, проектъ въ византійскомъ стилѣ не совсѣмъ удобенъ, то рѣшено было составить новый проектъ. Заложить храмъ осенью, кромѣ того, не позволялъ и недостатокъ средствъ. Новый проектъ составленъ теперь однимъ русскимъ военнымъ инженеромъ, который состоитъ предсѣдателемъ строительной коммиссіи и отнесся къ дѣлу съ горячимъ сочувствіемъ художника-любителя и истинно-русскаго человѣка. Составленный имъ прекрасный проектъ одобренъ нашимъ архипастыремъ, преосвященнѣйшимъ Антоніемъ. Проектъ составленъ въ духѣ знаменитаго образца древне-русской архитектуры XVII столѣтія, храма въ селѣ Тайнинскомъ, то-есть въ стилѣ такъ-называемой романовской эпохи.

„Удастся ли совершить закладку храма весной наступившаго нынѣ года—неизвѣстно. Все зависитъ отъ того, соберется ли достаточно средствъ, которыхъ теперь все еще не хватаетъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 7, отъ 7 января.

** Кромѣ того, непосредственно по адресу комитета для сбора пожертвованій на построеніе православнаго храма въ Таммерфорсѣ разными жертвователями, какъ сообщаютъ намъ, прислано 235 руб.

Digitized by Google

даже для начала дѣла: по приблизительному разсчету, постройка храма будетъ стоить около 50.000 рублей, а собралось пока только съ небольшимъ 6.000 рублей (считая въ томъ числѣ и пожертвованія матеріалами и церковною утварью, и сумму отпущенную епархіальнымъ начальствомъ). Собрать хотя бы половину нужныхъ средствъ, для того чтобы начать дѣло, въ предѣлахъ Финляндскаго края едва ли возможно: зажиточныхъ людей среди православнаго населенія Финляндіи сравнительно очень немного. Всѣ упованія намъ, православнымъ жителямъ Таммерфорса, остается возлагать на милость Божію и на усердіе благочестивыхъ ревнителей Православной вѣры въ коренной Россіи, и особенно въ сердцѣ ея—Москвѣ."

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.*

18.

Новый финляндскій заемъ.

Въ финляндской оффиціальной газетѣ опубликовано изданное Финляндскимъ Сенатомъ „Высочайшее объявленіе“ о томъ что Государь Императоръ, „по всеподданнѣйшему представленію земскихъ чиновъ Финляндіи, призналъ за благо дозволить заключить для края, при наступленіи благопріятнаго времени, долгосрочный желѣзнодорожный заемъ, съ употребленіемъ преимущественно иностранныхъ капиталовъ, номинальною стоимостью въ 18.000.000 марокъ, съ тѣмъ чтобы рента не превышала 4% и чтобы для уплаты ея, а равно и погашенія займа ежегодно употреблялось до 810.000 марокъ изъ доходовъ коммуникаціоннаго фонда“. Финляндскому Сенату поручается при этомъ принять необходимыя мѣры къ заключенію займа и представить на Высочайшее утвержденіе окончательныя условія займа и опредѣленія объ его погашеніи.

При заключеніи прежнихъ финляндскихъ займовъ, какъ замѣчаютъ финляндскія газеты, опредѣленіе и утвержденіе условій займовъ предоставлялось самому Сенату.

Изъ предполагаемыхъ къ сооруженію новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи, на первомъ мѣстѣ стоитъ дорога которая соединитъ одну съ другою существующія уже желѣзнодорожныя линіи Таммерфорсъ — Николайстадъ—Улеаборгъ и Давидстадъ—Куопіо и пройдетъ чрезъ городъ Ювяскюля. Распоряженіе о постройкѣ этой желѣзной дороги уже состоялось.

19.

Будущая финляндская колонія въ Сибири.

Русскіе, какъ извѣстно, не пользуются въ Финляндскомъ краѣ правами коренныхъ туземныхъ жителей и находятся почти совершенно въ такомъ же положеніи какъ и иностранцы. Даже въ томъ случаѣ если Русскій, послѣ множества формальностей и проволочекъ, принимается въ число финляндскихъ гражданъ (или „финляндскихъ подданныхъ“, какъ обыкновенно выра-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 10, отъ 10 января.

Digitized by Google

жаются Финляндцы), онъ не имѣетъ доступа на службу въ мѣстныя правительственныя финляндскія учрежденія. Дипломы русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи не признаются (только русскіе врачи съ недавняго времени получили тамъ право практики, но и то лишь частной, въ казенныхъ же и общественныхъ учрежденіяхъ края они состоять не могутъ). На должности въ краѣ мѣстными властями принимаются лишь „природные Финляндцы“, и это правило возведено даже въ такъ-называемый „основный законъ“, никѣмъ, впрочемъ, не утвержденный, а выведенный лишь изъ пресловутой шведской конституціи 1772—1789 годовъ.

При такой строгости относительно Русскихъ въ своемъ Финляндскомъ „отечествѣ“, Финляндцы, однако, съ большею готовностью пользуются самыми широкими правами въ остальной Россіи, наравнѣ съ коренными Русскими. Имъ открытъ свободный доступъ на всевозможные роды казенной и общественной службы въ коренной Россіи. Дипломы финляндскихъ учебныхъ заведеній, разныя финляндскія сословныя преимущества и пр. давно уже приравнены цѣлымъ рядомъ узаконеній къ болѣе или менѣе соотвѣтствующимъ русскимъ дипломамъ и преимуществамъ. Въ разныхъ вѣдомствахъ и разныхъ частяхъ Россіи всегда бываетъ на службѣ не малое число Финляндцевъ. Такъ, напримѣръ, въ скоромъ времени, по извѣстіямъ финляндскихъ газетъ, образуется цѣлая колонія изъ чиновниковъ-Финляндцевъ въ Сибири. На постъ управляющаго Нерчинскимъ горнымъ округомъ назначенъ бывшій командиръ Финскаго стрѣлковаго баталіона, генералъ-майоръ Сюннербергъ. По словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, онъ вошелъ недавно въ переговоры съ группой финляндскихъ инженеровъ и землемѣровъ, въ видахъ привлеченія ихъ на службу въ Нерчинскій округъ.

Digitized by Google

ПОРЯДОКЪ ДОКЛАДЫВАНІЯ ФИНЛЯНДСКИХЪ ДѢЛЪ МОНАРХУ.

Передовая статья № 14 *Московскихъ Вѣдомостей* 1895 года, 14 января.

Въ финляндской оффиціальной газетѣ и въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* недавно опубликовано изданное Финляндскимъ Сенатомъ 12 ноября минувшаго года нижеслѣдующее постановленіе о порядкѣ докладыванія финляндскихъ дѣлъ Монарху:

„Божіею милостію Мы, Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и пр., и пр., и пр. Объявляемъ чрезъ сіе что Мы признали за благо Высочайше повелѣть, чтобы при докладываніи финляндскихъ дѣлъ, зависящихъ отъ Нашего Собственнаго Высочайшаго разрѣшенія, соблюдался и впредь тотъ же самый порядокъ, какой дѣйствовалъ въ правленіе Нашего въ Бозѣ почившаго Августѣйшаго Родителя, Императора Александра Третьяго.

„Съ чѣмъ соображаться каждому до кого сіе касаться можетъ.“ (Далѣе идутъ подписи финляндскихъ сенаторовъ).

Какъ извѣстно, въ порядкѣ докладыванія финляндскихъ дѣлъ Монарху, опредѣленномъ инструкціей для финляндскаго статсъ-секретаріата отъ 17 марта 1826 года, въ царствованіе почившаго Государя Императора Александра Третьяго было сдѣлано одно измѣненіе, а именно закономъ 1 августа 1891 года было постановлено что, предварительно всеподданнѣйшаго доклада финляндскихъ дѣлъ представляемыхъ на Высочайше благоусмотрѣніе, финляндскій министръ-статсъ-секретарь обязанъ „запрашивать заключенія министровъ Имперіи, въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ Имперіи и ихъ вѣдомства“. При всеподданнѣйшихъ докладахъ министръ-статсъ-секретарь долженъ „представлять Его Императорскому Величеству законопроекты и предложенія Сейму вмѣстѣ съ мнѣніемъ генералъ-губернатора и съ заключеніемъ министра Имперіи, когда таковое было запрошено“.

Можно полагать, слѣдовательно, что вышеприведеннымъ постановленіемъ имѣлось въ виду подтвердить именно это измѣненіе сдѣланное при Императорѣ Александрѣ Третьемъ, и, въ виду этого, не совсѣмъ понятно почему

Digitized by Google

Финляндскій Сенатъ, редактируя это постановленіе не нашелъ нужнымъ сдѣлать въ немъ прямую ссылку на законъ 1891 года, а главное, непонятно чѣмъ могло бы быть вызвано подобное подтвержденіе закона 1891 года: казалось бы, само собою разумѣется что этотъ законъ, изданный Императоромъ Александромъ Третьимъ не въ качествѣ временнаго постановленія дѣйствующаго лишь на одно царствованіе, а въ качествѣ постояннаго закона, долженъ оставаться въ дѣйствіи въ нынѣшнее царствованіе и безо всякаго подтвержденія, пока не отмѣненъ новымъ соотвѣтствующимъ закономъ. Является мысль, не вызвано ли это постановленіе именно тѣмъ что нынѣшній финляндскій министръ статсъ-секретарь, генералъ Денъ, при докладываніи Монарху проекта Высочайшаго Манифеста 25 октября о финляндскихъ привилегіяхъ (объ этомъ мы уже говорили въ цѣломъ рядѣ статей * не нашелъ нужнымъ примѣнить къ нему законъ 1891 года и запросить заключенія русскихъ государственныхъ сановниковъ.

Но противъ этого предположенія говоритъ дата которою постановленіе помѣчено: въ заголовкѣ его сказано что оно „дано въ Гельсингфорсѣ“ Финляндскимъ Сенатомъ 12 ноября новаго стиля, то-есть 31 октября, въ тотъ же день когда были получены и опубликованы въ Гельсингфорсѣ подписанные Монархомъ въ Ливадіи 25 октября, по всеподданнѣйшему докладу генерала Дена, Высочайшій Манифестъ и Высочайшій Рескриптъ объ утвержденіи финляндскихъ привилегій. * Хотя Финляндскій Сенатъ, какъ извѣстно, и свои собственныя распоряженія, не представляемыя на Высочайшее благоусмотрѣніе, издаетъ въ видѣ актовъ исходящихъ отъ Верховной Власти (то-есть съ употребленіемъ Высочайшаго титула, выраженій „признали Мы за благо“ и т. д.), такъ что по внѣшней формѣ нельзя отличить ихъ отъ дѣйствительныхъ Высочайшихъ постановленій, но въ настоящемъ случаѣ, въ виду важности акта, на изданіе его, надо полагать, требовалось испросить Высочайшее соизволеніе, и оно, какъ видно изъ вышесказаннаго, могло быть дано лишь одновременно съ подписаніемъ Высочайшаго Манифеста 25 октября.

Такимъ образомъ, остается пока невыясненнымъ что̀ собственно имѣли въ виду финляндскія власти, ходатайствуя объ изданіи этого постановленія и редактируя его въ такой, не совсѣмъ ясной, формѣ. Надо надѣяться во всякомъ случаѣ, что это постановленіе не подастъ повода къ недоразумѣніямъ, не будетъ въ послѣдствіи истолковано финляндскими политическими дѣятелями въ смыслѣ нѣкотораго рода обѣщанія Верховной Власти не дѣлать „впредь никакихъ перемѣнъ въ существующемъ нынѣ порядкѣ докладыванія Монарху и окончательнаго разрѣшенія финляндскихъ дѣлъ“, и не будетъ выставляться ими какъ препятствіе для осуществленія весьма важной и крайне необходимой реформы, задуманной и уже подготовленной въ послѣдніе годы царствованія въ Бозѣ почившаго Государя.

Реформа эта состоитъ *въ установленіи опредѣленныхъ и точныхъ правилъ о порядкѣ изданія и обнародованія законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндскаго края* и представляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, дальнѣйшее развитіе вышеуказаннаго за-

---

* См. №№ 310 и 320 *Московскихъ Вѣдомостей* и выше, стр. 210—224.

* См. №№ 309 и 310 *Моск. Вѣд.* и выше, стр. 205—214.

Digitized by Google

кона 1 августа 1891 года, который имѣетъ цѣлью огражденіе русскихъ государственныхъ интересовъ отъ нарушенія ихъ финляндскими учрежденіями при разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ касающихся Финляндіи. Но такая цѣль, какъ показываетъ содержаніе упомянутаго закона и какъ доказалъ опытъ, достигается имъ лишь въ нѣкоторой, далеко не достаточной мѣрѣ, а часто и совсѣмъ не достигается. Вопервыхъ, по смыслу закона, отъ финляндскаго министра статсъ-секретаря вполнѣ зависитъ признать или не признать то или другое финляндское дѣло затрогивающимъ интересы Имперіи и, слѣдовательно, запросить или не запросить о немъ заключенія русскихъ общегосударственныхъ центральныхъ установленій. Всѣмъ слѣдящимъ за финляндскими дѣлами извѣстно, какихъ традицій всегда придерживался, какимъ духомъ проникнутъ финляндскій статсъ-секретаріатъ *, — это традиціи и духъ пресловутыхъ финляндскихъ „государственныхъ мужей“ Ребиндера и Армфельта, которыхъ финляндскіе историки и публицисты величаютъ какъ творцовъ „государственной самостоятельности Финляндіи“.

Легко, поэтому, можетъ случиться,— и не разъ случалось,—что то или другое новое финляндское постановленіе или мѣропріятіе, явно нарушающее самые коренные общегосударственные интересы, будетъ признано съ этой финляндской точки зрѣнія нисколько не затрогивающимъ интересовъ Имперіи и будетъ проведено помимо русскихъ общегосударственныхъ властей.

Вовторыхъ, даже и въ томъ случаѣ когда заключенія подлежащихъ русскихъ властей запрошены финляндскимъ статсъ-секретаріатомъ, они легко могутъ остаться безо всякаго вліянія на окончательное разрѣшеніе тѣхъ финляндскихъ дѣлъ которыхъ они касаются: при нынѣ существующемъ на практикѣ (хотя нигдѣ точно не узаконенномъ) порядкѣ, не только подготовленіе, но и окончательное редактированіе даже такихъ финляндскихъ законопроектовъ которые затрогиваютъ самые существенные интересы всей Имперіи и имѣютъ важное общегосударственное значеніе, производится исключительно финляндскими учрежденіями, то-есть Финляндскимъ Сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ.

Финляндскій Сенатъ и по составу своему (онъ состоитъ исключительно изъ чиновниковъ-Финляндцевъ, большею частію совершенно чуждыхъ Россіи, незнакомыхъ съ русскими законами и даже незнающихъ ни слова порусски), и по самому положенію, какъ представитель только мѣстныхъ финляндскихъ интересовъ, еще менѣе чѣмъ статсъ-секретаріатъ способенъ признать и оцѣнить общегосударственныя нужды и пользы и, при окончательномъ редактированіи законовъ, всегда можетъ свести къ нулю всѣ пожеланія и заявленія русскихъ общегосударственныхъ властей. Во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ Сенатъ, кромѣ того, переноситъ дѣла на разсмотрѣніе Сейма, подъ тѣмъ предлогомъ что этого требуютъ де „основные законы“; а относительно заключеній данныхъ Сеймомъ онъ примѣняетъ затѣмъ правило которое выведено финляндскими дѣятелями изъ непримѣнимыхъ къ Финляндскому краю шведскихъ конституціонныхъ актовъ 1772—1789 годовъ, и по которому даже сама Верховная Власть не имѣетъ будто бы права измѣнить въ этихъ заключеніяхъ

* См. статью: „Какъ дѣйствовали финляндскіе статсъ-секретари въ прежнія времена“, въ № 315 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1894 годъ и выше, стр. 214—217.

Digitized by Google

ни одной іоты, а можетъ де только или утвердить ихъ, или отказать въ утвержденіи и передать дѣло на разсмотрѣніе слѣдующаго Сейма, потомъ опять утвердить или отказать, и такъ далѣе, до безконечности, или пока Сеймъ не настоитъ на своемъ. Понятно что при такомъ порядкѣ общегосударственные интересы всегда останутся болѣе или менѣе въ сторонѣ, хотя бы заключенія русскихъ центральныхъ учрежденій и имѣлись при дѣлѣ.

Втретьихъ,—и это самое главное,—законъ 1 августа 1891 года имѣетъ въ виду лишь особый финляндскій порядокъ разрѣшенія законодательныхъ вопросовъ, то-есть по всеподданнѣйшимъ представленіямъ финляндскихъ Сената и Сейма и по докладу финляндскаго статсъ-секретаря. Между тѣмъ этотъ порядокъ, пригодный для разрѣшенія чисто-мѣстныхъ финляндскихъ дѣлъ, нельзя не признать совершенно непригоднымъ и неумѣстнымъ при разрѣшеніи дѣлъ имѣющихъ общегосударственное значеніе и касающихся интересовъ всей Имперіи. Примѣнять его къ дѣламъ послѣдняго рода значило бы прямо ставить часть выше цѣлаго, интересы и стремленія одной малой части государства выше общегосударственнаго блага. Разсмотрѣніе и окончательное редактированіе законопроектовъ по такимъ дѣламъ, до представленія ихъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, по всей справедливости должно быть предоставлено не областнымъ финляндскимъ, а русскимъ общегосударственнымъ учрежденіямъ и властямъ; финляндскія же учрежденія въ этихъ случаяхъ могутъ пользоваться лишь правомъ давать свои заключенія. Нужно притомъ замѣтить что въ числѣ законовъ дѣйствующихъ въ Финляндскомъ краѣ есть и такіе которые не только имѣютъ общегосударственное значеніе, но и въ буквальномъ смыслѣ распространяются на все Русское государство, то-есть считаются дѣйствующими законами и въ остальной Россіи и включены въ сводъ законовъ Имперіи.

Относительно изданія этихъ законовъ считалось и раньше, еще со временъ покоренія Финляндіи, правильнымъ примѣнять порядокъ общій для всей Имперіи и установленный основными государственными законами, то-есть издавать ихъ въ видѣ Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта. Въ Финляндіи они объявлялись затѣмъ къ руководству въ качествѣ дѣйствующихъ во всей Имперіи и обязательныхъ и для Финляндскаго края законовъ. Но такъ какъ опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ изданія и измѣненія подобныхъ законовъ до сихъ поръ не существовало, то финляндскія учрежденія, при своихъ стремленіяхъ къ государственному обособленію Финляндскаго края отъ Россіи, нерѣдко направляли и такія дѣла своимъ особымъ, финляндскимъ, порядкомъ. Не разъ случалось, поэтому, что законъ прошедшій чрезъ Государственный Совѣтъ и включенный въ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи измѣнялся въ Финляндіи даже безо всякихъ сношеній съ русскими общегосударственными властями. Такъ, напримѣръ, въ 1844 году изданъ былъ общій для всей Имперіи, со включеніемъ и Финляндской окраины, законъ о порядкѣ взысканія по долговымъ обязательствамъ и другимъ безспорнымъ дѣламъ между обывателями губерній финляндскихъ и жителями остальной Россіи: въ Финляндіи этотъ законъ измѣнялся мѣстными властями особымъ финляндскимъ порядкомъ (то-есть по представленію Финляндскаго Сената и по докладу статсъ-

Digitized by Google

секретаріата), безъ сношеній съ общегосударственными властями, *нѣсколько разъ* (въ 1868, 1883, 1884 и 1888 годахъ). Между тѣмъ, въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи (т. X, ч. II, ст. 14) законъ этотъ остается безъ измѣненій и считается дѣйствующимъ въ томъ видѣ въ какомъ былъ изданъ, такъ какъ мѣстныя финляндскія узаконенія для остальныхъ частей Имперіи, не обязательны и объявляются къ руководству только въ предѣлахъ Финляндскаго края.

Помянутая нами выше реформа, долженствующая установить связь между мѣстнымъ финляндскимъ и русскимъ общегосударственнымъ законодательствомъ, является, такимъ образомъ, настоятельно необходимою и неотложною. Мысль о ней явилась въ связи съ предпринятымъ, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя, пересмотромъ такъ-называемыхъ финляндскихъ „основныхъ законовъ“ въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, которое и выработало проектъ реформы.

Digitized by Google

ОТЪ КОМИТЕТА ПО СБОРУ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

НА

ПОСТРОЕНІЕ ПРАВОСЛАВНАГО ХРАМА ВЪ ГОРОДѢ ТАММЕРФОРСѢ. *

Московскій потомственный дворянинъ Иванъ Николаевичъ Коншинъ, пожертвовавшій въ 1893 году 700 р. на устройство временной домовой церкви при Таммерфорсской русской школѣ съ общежитіемъ, нынѣ пожертвовалъ 1.000 руб. на построеніе храма въ городѣ Таммерфорсѣ.

На дняхъ финляндскій генералъ-губернаторъ по ходатайству высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Финляндскаго, разослалъ циркуляры всѣмъ финляндскимъ губернаторамъ, извѣщающіе объ открытіи офиціальной подписи по всему краю на построеніе въ Таммерфорсѣ каменнаго православнаго храма, воздвигаемаго въ честь Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго и въ память блаженно-почившаго Государя Императора Александра III.

Комитетъ надѣется что чтители памяти Царя-Миротворца и Созидателя храмовъ Божіихъ поспѣшатъ со своими лептами на помощь Финляндскому краю въ созиданіи столь священнаго памятника.

Священникъ ЯКУБОВЪ.

Таммерфорсъ,
26 января 1895 года.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 52, отд

Digitized by Google

ОБЪ УСТАНОВЛЕНІИ ЗАКОНОВЪ

ОБЩИХЪ ДЛЯ ВСЕЙ ИМПЕРІИ СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Передовая статья № 50 *Московскихъ Вѣдомостей* 1895 года, 20 февраля).

Въ статьѣ подъ заглавіемъ „Порядокъ докладыванія финляндскихъ дѣлъ Монарху", помѣщенной въ № 14 *Московскихъ Вѣдомостей* *, мы привели изданное Финляндскимъ Сенатомъ постановленіе о томъ, что порядокъ докладыванія финляндскихъ дѣлъ Монарху долженъ оставаться и впредь такимъ же, каковъ онъ былъ въ правленіе Императора Александра III, и выразили надежду что постановленіе это, не совсѣмъ ясно редактированное Сенатомъ, не будетъ истолковано финляндскими политическими дѣятелями въ смыслѣ препятствія для осуществленія подготовленной въ послѣдніе годы царствованія почившаго Государя важной реформы въ порядкѣ докладыванія Монарху и окончательнаго разрѣшенія такихъ финляндскихъ дѣлъ, которыя имѣютъ общегосударственное значеніе и касаются не мѣстныхъ только финляндскихъ интересовъ, но и интересовъ всей Имперіи. Мы старались при этомъ выяснить какъ настоятельно необходима и неотложна подобная реформа: недостатокъ точныхъ и опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ установленія законовъ общихъ для Финляндскаго края съ остальными частями Русскаго государства приводитъ къ тому, что общегосударственные интересы остаются нерѣдко въ полномъ пренебреженіи по отношенію къ этому краю.

Въ настоящей статьѣ мы подробнѣе остановимся на содержаніи реформы и коснемся причинъ до сихъ поръ мѣшавшихъ ея осуществленію.

Проектъ реформы, какъ мы уже упоминали въ вышеуказанной статьѣ, выработанъ былъ въ 1893 году учрежденнымъ, по повелѣнію покойнаго Го-

* См. выше, стр. 255—259.

Digitized by Google

сударя, особымъ совѣщаніемъ, въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, входили: финляндскій генералъ-губернаторъ графъ Ѳ. Л. Гейденъ, Военный министръ П. С. Ванновскій, министръ Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Дурново, тогдашніе министръ Юстиціи Н. А. Манасеинъ и главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ Э. В. Фришъ, финляндскій министръ-статсъ-секретарь В. Денъ, товарищъ его Прокопе, прокуроръ Финляндскаго Сенята Калоніусъ и членъ того же Сената Альфтанъ. Финляндскія газеты не разъ уже излагали содержаніе этого проекта, существенные пункты котораго состоятъ въ слѣдующемъ:

Статья I. Всякій проектъ закона общаго для всей Имперіи со включеніемъ Финляндскаго края, до представленія его на Высочайшее утвержденіе, разсматривается въ Государственномъ Совѣтѣ порядкомъ установленнымъ основными законами Россійской Имперіи и учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, съ соблюденіемъ лишь нѣкоторыхъ особыхъ постановленій: а именно: 1) проекты такихъ законовъ разсматриваются окончательно въ Государственномъ Совѣтѣ при участіи финляндскаго генералъ-губернатора и финляндскаго министра-статсъ-секретаря; 2) при разсмотрѣніи этихъ проектовъ въ департаментахъ Государственнаго Совѣта могутъ быть приглашаемы къ совѣщанію, на основаніи ст. 12 учрежденія Государственнаго Совѣта, члены финляндскихъ учрежденій для надлежащихъ разъясненій; 3) въ случаѣ возбужденія министромъ или главноуправляющимъ Имперіи вопроса объ изданіи закона общаго для всей Имперіи со включеніемъ Финляндскаго края, министръ или главноуправляющій, предварительно внесенія проекта такого закона въ Государственный Совѣтъ, входитъ въ сношеніе съ финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ и финляндскимъ генералъ-губернаторомъ; независимо отъ сего, запрашивается, черезъ финляндскаго министра-статсъ-секретаря, и заключеніе Финляндскаго Сената по такимъ вопросамъ; полученные затѣмъ отзывы означенныхъ лицъ и заключеніе Финляндскаго Сената, въ случаѣ воспослѣдованія Высочайшаго соизволенія на разсмотрѣніе законопроекта въ установленномъ законодательномъ порядкѣ, прилагаются къ представленію вносимому министромъ или главноуправляющимъ въ Государственный Совѣтъ, вмѣстѣ съ прочими документами полученными отъ финляндскихъ властей по сему проекту; 4) въ томъ случаѣ когда законопроектъ, возбужденный порядкомъ указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ, заключаетъ въ себѣ измѣненіе, дополненіе или разъясненіе существующихъ финляндскихъ узаконеній, требующее, по установленному для Финляндіи порядку, внесенія предположеній о таковомъ измѣненіи, дополненіи или разъясненіи финляндскихъ законовъ на сеймъ земскихъ чиновъ Финляндіи, или же, когда по возникшему, согласно пункту 3, предположенію будетъ затребовано заключеніе Сейма, то къ представленію министра или главноуправляющаго въ Государственный Совѣтъ прилагается и состоявшееся надлежащимъ порядкомъ заключеніе Финляндскаго Сейма.

Статья II. Финляндскій генералъ-губернаторъ, представляя на Высочайшее благоусмотрѣніе законопроекты для Финляндскаго края, а также проекты предложеній Финляндскому Сейму и проекты Высочайшихъ постановленій, сообщаетъ Финляндскому министру статсъ-секретарю, вмѣстѣ съ законопроектами, и мнѣніе свое о необходи-

Digitized by Google

мости запроса подлежащаго министра Имперіи, если дѣло касается интересовъ всей Имперіи. Финляндскій министръ-статсъ-секретарь, до всеподданнѣйшаго доклада Его Императорскому Величеству проектовъ Высочайшихъ постановленій для Финляндіи, а также проектовъ предложеній Финляндскому Сейму, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ или генералъ-губернаторъ признаютъ что возбужденный вопросъ касается вмѣстѣ съ тѣмъ интересовъ всей Имперіи, запрашиваетъ заключенія министровъ Имперіи или главноуправляющихъ отдѣльными частями, по принадлежности. При всеподданнѣйшихъ докладахъ министръ-статсъ-секретарь представляетъ Его Императорскому Величеству означенные законопроекты и проекты предложеній и постановленій вмѣстѣ съ мнѣніемъ финляндскаго генералъ-губернатора и съ заключеніями министровъ или главноуправляющихъ Имперіи, когда таковые были запрошены. По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на дальнѣйшее направленіе дѣла, возбужденные законопроекты, касающіеся интересовъ всей Имперіи, вносятся финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ въ Государственный Совѣтъ, который разсматриваетъ ихъ съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ (въ статьѣ I) особыхъ постановленій (то-есть при участіи финляндскихъ генералъ-губернатора и министра-статсъ-секретаря и т. д.).

Статья III. Всѣ тѣ проекты финляндскихъ законовъ, предложеній Финляндскому Сейму и Высочайшихъ постановленій, по которымъ, до всеподданнѣйшаго ихъ доклада, не были запрошены заключенія министровъ и главноуправляющихъ, сообщаются финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ министрамъ и главноуправляющимъ Имперіи, для полученія отъ нихъ, въ мѣсячный срокъ, отзывовъ по вопросу о томъ, не содержится ли въ нихъ постановленій имѣющихъ общегосударственное значеніе.

Статья IV. Если въ поступившихъ, согласно предыдущей статьѣ, отзывахъ министровъ или главноуправляющихъ Имперіи будетъ выражено что возбужденный законопроектъ общегосударственнаго значенія не имѣетъ, или если отзыва въ мѣсячный срокъ не послѣдуетъ, то дѣло получаетъ дальнѣйшее направленіе въ порядкѣ установленномъ для изданія финляндскихъ законовъ.

Статья V. Не подлежатъ предварительному сообщенію министрамъ или главноуправляющимъ Имперіи проекты такихъ инструкцій, правилъ или постановленій которыя не заключаютъ въ себѣ новаго закона, ни измѣненій, дополненія или разъясненія существующаго.

Статья VI. Въ случаѣ могущаго послѣдовать разногласія между финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и министромъ или главноуправляющимъ Имперіи по вопросу о томъ, имѣетъ ли возбужденный законопроектъ общегосударственное или исключительно мѣстное для Финляндскаго края значеніе, таковое разногласіе повергается финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ на благовоззрѣніе Государя Императора, для полученія указаній Его Императорскаго Величества, подлежитъ ли дѣло разрѣшенію порядкомъ установленнымъ (въ статьѣ I) для изданія законовъ общихъ для всей Имперіи, со включеніемъ Финляндскаго края, или же порядкомъ опредѣленнымъ для изданія собственно финляндскихъ узаконеній, и засимъ дѣло получаетъ дальнѣйшее направленіе согласно даннымъ Его Величествомъ указаніямъ.

Digitized by Google

Статья VII. Удостоившееся Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта объ изданіи закона общаго для всей Имперіи со включеніемъ Финляндскаго края обнародывается въ Финляндіи установленнымъ порядкомъ.

Какъ видно изъ этого изложенія, проектъ, составленный Особымъ Совѣщаніемъ, имѣя весьма важное практическое значеніе для укрѣпленія государственной связи Финляндской окраины съ остальною Россіей и для огражденія общегосударственныхъ интересовъ въ этой окраинѣ, ни въ чемъ не измѣняетъ, однакоже, дѣйствительно дарованныхъ, а не измышленныхъ или произвольно захваченныхъ особыхъ правъ Финляндскаго края. Онъ лишь уясняетъ и точно опредѣляетъ то, что вытекаетъ изъ самой сущности положенія Финляндіи, какъ составной части единаго Русскаго Царства, управляемой только по внутреннимъ ея дѣламъ особымъ образомъ, и что раньше всегда признавалось русскою государственною властію за единственно правильное, но часто не соблюдалось, вслѣдствіе усвоенныхъ финляндскими учрежденіями и дѣятелями стремленій къ государственной обособленности отъ Россіи, и вслѣдствіе недостатка яснаго и опредѣленнаго законодательства. Какъ мы уже замѣтили въ вышеуказанной статьѣ нашей (*Моск. Вѣд.* № 14), и раньше не разъ издавались законы распространявшіеся и на Финляндскій край общимъ порядкомъ, установленнымъ нашими основными государственными законами, то-есть въ видѣ утвержденныхъ Самодержавною Властію мнѣній Государственнаго Совѣта. Теперь, по проекту Особаго Совѣщанія, это лишь возводится въ постоянное и опредѣленное правило: всѣ финляндскія дѣла, признанныя Верховною Властію, по представленіямъ подлежащихъ вѣдомствъ и учрежденій, имѣющими *общегосударственное значеніе*, касающимися интересовъ всей Имперіи, направляются на Высочайшее разрѣшеніе черезъ Государственный Совѣтъ, какъ высшее законодательное учрежденіе для всей Имперіи. Дѣлъ чисто внутреннихъ финляндскихъ, имѣющихъ лишь *мѣстное для Финляндскаго края значеніе*, проектъ совсѣмъ не касается, предоставляя попрежнему и подготовленіе, и редактированіе, и всеподданнѣйшій докладъ ихъ исключительно финляндскимъ учрежденіямъ. Финляндское самоуправленіе, поскольку оно держится въ предѣлахъ мѣстнаго, внутренняго самоуправленія и не изъявляетъ притязаній на самостоятельную, независимую отъ Россіи, государственность, такимъ оаразомъ, нисколько не затрогивается проектомъ. Можно сказать даже что къ особымъ финляндскимъ порядкамъ и правамъ проектъ относится въ высшей степени внимательно и, такъ-сказать, деликатно: заключенія и всевозможные отзывы и документы финляндскихъ властей обязательно представляются въ Государственный Совѣтъ при обсужденіи касающихся и Финляндіи дѣлъ; не только финляндскій генералъ-губернаторъ и министръ-статсъ-секретарь, но и члены Финляндскаго Сената и другихъ тамошнихъ учрежденій приглашаются къ совѣщанію въ Департаменты Государственнаго Совѣта и т. д.

Казалось бы, въ виду этого можно было ожидать что проектъ, столь необходимый и вмѣстѣ съ тѣмъ столь умѣренный, не встрѣтитъ препятствій къ своему осуществленію. Можно было ожидать что финляндскіе дѣятели, если они дѣйствительно,—какъ они увѣряютъ нерѣдко, особенно въ своихъ обращеніяхъ и адресахъ къ Верховной

Digitized by Google

Власти,—неповинны въ государственномъ сепаратизмѣ, отнесутся къ проекту если не съ сочувствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ благоразумною уступчивостію.

Но теорія объ отдѣльномъ отъ Россіи „финляндскомъ конституціонномъ государствѣ", къ сожалѣнію, слишкомъ глубоко уже успѣла укорениться. Ею проникнуты и офиціальныя финляндскія учрежденія,—по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ ихъ составѣ,—нисколько не меньше чѣмъ тотъ кружокъ финляндскихъ профессоровъ и публицистовъ, который въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ создалъ эту теорію и продолжаетъ развивать до сихъ поръ.

Финляндскіе дѣльцы стали всѣми силами противиться осуществленію проекта. Сопротивленіе, систематическое и упорное, началось, уже въ средѣ самого Особаго Совѣщанія, со стороны нѣкоторыхъ финляндскихъ членовъ его. Теоріи финляндскаго „государственнаго права" проектъ, дѣйствительно, противорѣчитъ: съ точки зрѣнія этой теоріи, Финляндія, какъ отдѣльное и, притомъ, „конституціонное" якобы государство, не можетъ подчиняться Россіи даже и въ общегосударственныхъ дѣлахъ; Россія же можетъ вести съ нею только дипломатическіе переговоры; Сеймъ финляндскій, какъ „вторая государственная власть" (такъ называетъ его теорія), властенъ де по своему усмотрѣнію рѣшать и общегосударственныя дѣла. Руководясь этою теоріей, помянутые финляндскіе члены настойчиво возражали противъ вышеизложеннаго проекта и составили свой особый проектъ, по которому рѣшающій голосъ и въ обще-государственныхъ дѣлахъ (какъ и въ мѣстныхъ финляндскихъ) долженъ де принадлежать Финляндскому Сейму, а Государственный Совѣтъ можетъ лишь высказываться предъ Верховною Властію за или противъ утвержденія сеймовыхъ „рѣшеній", безо всякихъ измѣненій въ нихъ.

Большинство Особаго Совѣщанія не нашло, конечно, возможнымъ согласиться съ такою странною теоріей и приняло вышеизложенный проектъ. Затѣмъ, весной 1893 года, проектъ этотъ, по всеподданнѣйшему докладу Н. Х. Бунге, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ повелѣлъ внести въ Государственный Совѣтъ. Обязанность внесенія проекта возложена была на государственнаго секретаря, каковую должность, какъ извѣстно, занималъ тогда Н. В. Муравьевъ. Подъ его руководствомъ проектъ былъ уже подготовленъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ, но вскорѣ затѣмъ Н. В. Муравьевъ былъ перемѣщенъ на постъ министра Юстиціи, и проектъ перешелъ къ В. К. Плеве, нынѣ занимающему постъ государственнаго секретаря.

Насколько извѣстно, проектъ не внесенъ еще въ Государственный Совѣтъ и до сихъ поръ. Какія причины помѣшали этому—съ точностію неизвѣстно. Финляндскіе публицисты объясняютъ это тѣмъ что на русскую государственную власть будто бы подѣйствовалъ особый всеподданнѣйшій „секретный" адресъ поданный прошлогоднимъ Финляндскимъ Сеймомъ—(„секретнымъ" адресъ этотъ называется у нихъ потому что до распущенія сейма онъ сохранялся въ тайнѣ, но затѣмъ, лѣтомъ, минувшаго года, опубликованъ во всѣхъ финляндскихъ газетахъ). Насколько основательно это объясненіе и что̀ это за адресъ—мы постараемся разъяснить въ другой статьѣ.

Digitized by Google

ПАМЯТНИКЪ ЦАРЮ-МИРОТВОРЦУ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.*

Среди многихъ великихъ дѣяній въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III на пользу Православной Церкви и Россіи, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ учрежденіе самостоятельной православной епархіи для Финляндскаго края. Мудрый Царь, ревностный Покровитель и Защитникъ вѣры Православной, Онъ усмотрѣлъ что существовавшее, со времени покоренія Финляндскаго края Россіей, причисленіе православныхъ финляндскихъ приходовъ, въ видѣ какъ бы придатка, въ Петербургской епархіи, и безъ того обширной и многолюдной, составляло главнѣйшее препятствіе успѣхамъ Православія въ этой окраинѣ Россіи, и 24 октября 1892 года, повелѣлъ, по всеподданнѣйшему докладу Святѣйшаго Сѵнода, учредить тамъ самостоятельную архіерейскую каѳедру, „въ цѣляхъ ближайшаго“,— какъ сказано въ актѣ объ учрежденіи новой епархіи, — „архипастырскаго воздѣйствія на православныхъ чадъ Церкви Христовой въ Финляндіи“.

Въ воспоминаніе объ этомъ благодѣяніи, оказанномъ православному населенію Финляндскаго края почившимъ Царемъ-Миротворцемъ, первый архипастырь самостоятельной Финляндской епархіи, высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, рѣшилъ нынѣ воздвигнуть въ городѣ Таммерфорсѣ, на доброхотныя пожертвованія, каменный храмъ во имя тезоименитаго въ Бозѣ почившему Монарху Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Городъ Таммерфорсъ — одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Финляндскаго края (третій послѣ Гельсингфорса и Або по числу населенія). Постоянныхъ православныхъ жителей въ немъ теперь свыше 100 человѣкъ: кромѣ того, въ окрестныхъ сельскихъ мѣстностяхъ также есть православные жители, а въ лѣтнее время прибываютъ въ этотъ городъ на заработки православные изъ коренной Россіи. Между тѣмъ до сихъ поръ въ Таммерфорсѣ нѣтъ постояннаго православнаго храма. Въ 1893 году, вмѣстѣ съ учрежденіемъ въ городѣ русской начальной школы съ общежитіемъ, при ней устроена временная домовая церковь, помѣщающаяся въ тѣсной и неудобной наемной квартирѣ. Тогда же между

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 60, отъ 2 марта.

Digitized by Google

мѣстными православными жителями возникла мысль объ устройствѣ постояннаго храма и начать сборъ добровольныхъ пожертвованій для сей цѣли.

Созданіе священнаго памятника незабвенному Царю-Миротворцу въ Таммерфорсѣ совпадаетъ, такимъ образомъ, съ удовлетвореніемъ настоятельной потребности тамошнихъ православныхъ жителей.

Съ согласія финляндскаго генералъ-губернатора, графа Ѳ. Л. Гейдена, высокопреосвященный Антоній пригласилъ къ пожертвованіямъ на этотъ храмъ, чрезъ настоятелей церквей, все православное духовенство и православное населеніе Финляндскаго края. Кромѣ того, графъ Ѳ. Л. Гейденъ разослалъ о томъ же циркуляры начальникамъ финляндскихъ губерній.

Православное населеніе Финляндіи, конечно, съ готовностью, по мѣрѣ средствъ своихъ, откликнется на призывъ своего архипастыря. Къ сожалѣнію, зажиточныхъ людей среди него очень мало. Притомъ, въ каждомъ почти финляндскомъ православномъ приходѣ есть и свои мѣстныя, болѣе или менѣе неотложныя, нужды по созиданію, ремонту и украшенію храмовъ Божіихъ, устройству школъ и т. д.

Надо надѣяться, поэтому, что благочестивые ревнители православія въ коренной Россіи не откажутся помочь православнымъ жителямъ Финляндской окраины въ совершеніи этого святаго дѣла, въ созиданіи достойнаго памятника почившему Великому Покровителю и Защитнику Православной вѣры.

Пожертвованія могутъ быть направляемы къ высокопреосвященному Антонію, архіепископу Финляндскому и Выборгскому, или непосредственно въ Таммерфорсъ, въ комитетъ для сбора пожертвованій на сооруженіе православнаго храма.

Digitized by Google

„СЕКРЕТНЫЙ" АДРЕСЪ ФИНЛЯНДСКАГО СЕЙМА

И

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ.

(Передовая статья № 95 *Московскихъ Вѣдомостей* 1895 года, отъ 8 апрѣля).

Въ статьѣ о выработанномъ Особымъ Совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, проектѣ „Правилъ о порядкѣ установленія законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндскаго края" (см. выше, стр. 265), мы упомянули что причиной, повліявшею будто бы на задержку этого проекта, о внесеніи котораго въ Государственный Совѣтъ состоялось Высочайшее повелѣніе еще весной 1893 года, финляндскіе публицисты выставляютъ „секретный" всеподданнѣйшій адресъ представленный Финляндскимъ Сеймомъ прошлаго года. Такъ, напримѣръ, гельсингфорсская газета *Nya Pressen* (№ 1 за текущій годъ), говоря въ своемъ новогоднемъ обозрѣніи о дѣятельности Сейма, замѣчаетъ:

„Съ напряженными ожиданіями встрѣчено было это сеймовое собраніе, на которое представители собрались подъ впечатлѣніемъ опредѣленно выраженныхъ избирателями заявленій о томъ что первѣйшею ихъ (сеймовыхъ представителей) обязанностью должно быть—всѣми находящимися въ распоряженіи законными средствами защищать неприкосновенность основныхъ законовъ. Эти заявленія ближайшимъ образомъ вызваны были тѣмъ что въ коммиссіяхъ, образованныхъ въ Петербургѣ для составленія проекта кодификаціи основныхъ законовъ, не только подвергнута была сомнѣнію дѣйствительность этихъ законовъ, *но и составленъ проектъ о томъ чтобъ изъ Русскаго Государственнаго Совѣта создать учрежденіе имѣющее право рѣшать всѣ дѣла которыя признаны будутъ касающимися вмѣстѣ Имперіи и Финляндіи.* Это порученіе (избирателей) не осталось неуслышаннымъ со стороны земскихъ чиновъ, которые, нѣсколько недѣль спустя послѣ открытія Сейма, отправили къ Его Величеству Императору и Великому Князю всеподданнѣйшій адресъ. Въ немъ они довѣрчиво изложили предъ Монархомъ

Digitized by Google

желанія страны относительно предвозвѣщенныхъ реформъ въ нашемъ общественномъ строѣ (?) и выразили чувства народа по отношенію къ царствующей династіи. Какъ принятъ былъ этотъ актъ Императоромъ Александромъ III ближе неизвѣстно. Но есть, однако, полное основаніе предполагать что выраженные въ немъ взгляды и лойяльныя чувства не были неправильно поняты справедливымъ Монархомъ, а напротивъ способствовали разсѣянію тѣхъ подозрѣній относительно послушности нашего народа законамъ (?), какія могли у Него возникнуть вслѣдствіе постоянныхъ нападокъ (?) на нашу страну. Выраженія тронной рѣчи при закрытіи Сейма также даютъ поводъ (?) къ такому предположенію."

Для поясненія этихъ словъ финляндской газеты нужно сказать прежде всего объ обстоятельствахъ вызвавшихъ и сопровождавшихъ составленіе сеймоваго „секретнаго" адреса. *Nya Pressen* умышленно искажаетъ эти обстоятельства, изображая адресъ какимъ-то „всенароднымъ" дѣломъ, предпринятымъ вслѣдствіе задуманнаго будто бы русскою государственною властью нарушенія „неприкосновенности основныхъ законовъ" Финляндіи, и совершенно умалчивая о томъ что онъ явился слѣдствіемъ усиленной агитаціи финляндскихъ политическихъ вожаковъ. Когда вожаки весной 1893 года узнали о содержаніи выработаннаго Особымъ Совѣщаніемъ Н. Х. Бунге проекта (узнали, надо полагать, отъ финляндскихъ членовъ Совѣщанія, такъ какъ никакихъ извѣстій о проектѣ въ печати тогда еще не было), то стали усердно агитировать противъ него, возбуждая населеніе ко всеобщему „протесту" и выставляя проектъ крайне опаснымъ для „государственной самостоятельности" и „конституціонной свободы" Финляндіи. Удобнымъ средствомъ для агитаціи послужили имъ происходившіе въ то время выборы въ Финляндскій Сеймъ. Въ разныхъ городахъ и даже сельскихъ мѣстностяхъ края созывались, съ заранѣе намѣченною цѣлью „протеста", сходки сеймовыхъ избирателей „для выраженія пожеланій страны избраннымъ депутатамъ". На этихъ сходкахъ вожаки, въ родѣ гг. Мермана, Кастрена, Лилле и др., состоящіе вмѣстѣ съ тѣмъ депутатами Сейма, произносили рѣчи въ вышеуказанномъ смыслѣ, составляли затѣмъ „резолюціи" отъ имени „избирателей" о необходимости „защищать основные законы" и печатали эти резолюціи въ своихъ газетахъ.

Подбодривъ себя и прочихъ членовъ Сейма такимъ шумнымъ „выраженіемъ общественнаго мнѣнія", руководящіе дѣльцы на самомъ Сеймѣ предпочли вести дѣло составленія протеста въ строжайшемъ секретѣ. Все обсуждалось и рѣшалось по этому дѣлу, какъ выясняется теперь, на тайныхъ совѣщаніяхъ партій и въ секретныхъ засѣданіяхъ Сейма. Секретъ сохранялся такъ тщательно что никто изъ непосвященныхъ въ тайны финляндской политики,—а въ томъ числѣ и представители русской государственной власти, — ничего не знали о протестѣ, пока онъ не былъ отправленъ въ Петербургъ. Этимъ финляндскіе дѣльцы имѣли въ виду, очевидно, усилить эффектъ, какой, по ихъ разчетамъ, протестъ долженъ былъ произвести въ Петербургѣ. Протестъ напечатанъ былъ въ финляндскихъ газетахъ уже послѣ распущенія Сейма. Недавно напечатаны также (и даже пущены теперь въ продажу) и протоколы секретныхъ засѣданій дворянскаго сословія Сейма по дѣлу о протестѣ. Изъ нихъ видно что вожаки во всѣхъ сословіяхъ Сейма, вскорѣ послѣ его открытія, представили меморіалы, въ которыхъ заявляли что „въ связи съ

Digitized by Google

кодификаціонною работой“ (то-есть съ занятіями Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге), составлены де такіе проекты которые гибельны „для политическаго положенія и конституціи Финляндіи“, и что нужно де „единодушно“ выразить предъ верховною Властью „безпокойство народа“ по этому поводу. По выслушаніи этихъ заявленій, Сеймъ назначилъ, для составленія протеста, особую коммиссію, въ составъ которой вошли главнѣйшіе поборники финляндской сепаратистской теоріи, гг. Л. Мехелинъ *, Р. Вреде **, Р. Даніельсонъ *** (авторъ извѣстныхъ лживыхъ памфлетовъ *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою и Внутренняя самостоятельность Финляндіи*), Мерманъ **** и Неовіусъ *****.

По предложенію коммиссіи, Сеймъ избралъ для протеста форму всеподданнѣйшаго адреса. По Сеймовому уставу (1869 года) никакихъ сеймовыхъ всеподданнѣйшихъ адресовъ не полагается; тамъ говорится лишь о правѣ Сейма представлять такъ-называемыя „петиціи“, то-есть всеподданнѣйшія ходатайства по законодательнымъ и другимъ вопросамъ, съ изложеніемъ мотивовъ. Но финляндскіе дѣльцы не стѣсняются, когда это для нихъ нужно, отступать даже отъ „основныхъ законовъ“. Въ настоящемъ случаѣ форма адреса найдена была ими болѣе удобною, такъ какъ краткій адресъ, разчитывали они, можетъ быть цѣликомъ представленъ Монарху и прочитанъ имъ.

Проектированный помянутою коммиссіей и одобренный Сеймомъ адресъ составленъ, нужно признаться, весьма ловко. Составители, гг. Л. Мехелинъ, Даніельсонъ, Вреде и пр., люди опытные въ такого рода дѣлахъ, искусно замаскировали протестъ усиленными увѣреніями въ вѣрнопреданности и лойяльности и обычною у финляндскихъ государственниковъ подтасовкой пресловутаго термина „основные законы“. На сходкахъ и въ засѣданіяхъ Сейма они кричали о необходимости „отстаивать“ государственную самостоятельность и „конституціонную свободу Финляндіи“. Въ адресѣ—этихъ выраженій уже не находимъ: ихъ замѣняютъ невинные „основные законы“, причемъ умышленно, конечно, умалчивается о томъ что бо́льшая часть положеній выдаваемыхъ финляндскими дѣльцами за „основные законы“—вовсе даже не законы, а произвольныя толкованія и выводы сдѣланные изъ шведскихъ конституціонныхъ актовъ 1772—1789 годовъ. Эти толкованія и выводы они стремятся превратить, подъ видомъ „кодификаціи“, въ настоящіе, положительные законы. Составители адреса дѣлаютъ видъ какъ будто это стремленіе, это притязаніе, давно уже осуществилось, и человѣкъ, мало знакомый съ финляндскими дѣлами, читая адресъ, легко можетъ подумать что рѣчь идетъ въ немъ только о сохраненіи и на будущее время уже существующихъ и утвержденныхъ „основныхъ законовъ“. „Страна ожидала“,—говорится тамъ,—что „при кодификаціи основныхъ законовъ“ они будутъ „лишь систематически сведены“ и предстанутъ въ обновленномъ и болѣе ясномъ видѣ, безъ измѣненія ихъ со-

---

* О немъ см. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. I, стр. 54—56, 337—343, 345—348, вып. II, стр. 176—179, 503—505 и др.

** См. *Финляндская Окраина Россіи*, вып. II, стр. 178—180, 193—194.

*** См. тамъ же, вып. I, стр. 575—591 вып. II, стр. 475—480.

**** Тамъ же, вып. II, стр. 323.

***** Тамъ же, вып. II, стр. 101—102, 440—441.

Digitized by Google

держанія. Между тѣмъ, „въ связи съ кодификаціоннымъ вопросомъ“, возникли де проекты „которые содержатъ въ себѣ уничтоженіе того политическаго положенія и той конституціи какими Финляндія пользовалась согласно своимъ основнымъ законамъ съ 1809 года“. Это возбудило де „въ странѣ глубокое уныніе“, и Сеймъ ожидаетъ что всякій поводъ къ такому „унынію“ будетъ Верховною Властію устраненъ. Проектъ, составленный Особымъ Совѣщаніемъ (т. е. проектъ правилъ объ изданіи законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи), составители адреса осмѣливаются при этомъ называть „нападками на законный образъ правленія Финляндіи“. Въ заключеніе адреса излагается „твердая надежда“ Сейма на то что Верховная Власть ничего не станетъ рѣшать по этому дѣлу „безъ содѣйствія Сейма“.

Ходатайство о передачѣ проекта Особаго Совѣщанія на предварительное обсужденіе Сейма, очевидно, включено въ адресъ только для приличнаго замаскированія протеста. Сами составители адреса, надо полагать, вовсе не разсчитывали на это серіозно: нелѣпо было бы просить у Сейма „согласія“ на такой проектъ который имъ уже заранѣе признается „уничтоженіемъ“ законнаго якобы политическаго положенія и „конституціи“ Финляндіи, „нападкой“ на ея „законный образъ правленія“. Само собою разумѣется какъ отвѣтилъ бы Сеймъ на такой проектъ. Что же касается мнимаго несоотвѣтствія проекта финляндскимъ законамъ, то всѣ возможныя возраженія въ этомъ смыслѣ выставлялись, какъ мы упоминали въ вышеуказанной статьѣ (см. выше, стр. 265), уже въ самомъ Особомъ Совѣщаніи, финляндскими его членами, при составленіи проекта, но справедливо найдены были неосновательными, такъ какъ они исходятъ не изъ дѣйствительно утвержденныхъ законовъ и правъ, а изъ произвольныхъ выводовъ и лжетолкованій измышленныхъ творцами теоріи финляндскаго „государственнаго права“. Почившій Государь, повелѣвая внести проектъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ Государственный Совѣтъ, конечно, также зналъ объ этихъ возраженіяхъ и объ ихъ неосновательности.

Въ виду этого, изложенное выше предположеніе финляндскихъ публицистовъ о томъ будто адресъ, или, вѣрнѣе, протестъ Сейма послужилъ причиной задержки проекта, кажется намъ совершенно произвольнымъ. Очевидно, это только финляндское pium desiderium. Нельзя допустить и мысли чтобы русская государственная власть, послѣ столь многочисленныхъ проявленій финляндской оппозиціонной политики за послѣдніе годы, могла разчитывать осуществить подобный проектъ,— при всей своей умѣренности прямо противорѣчащій господствующей у финляндскихъ дѣльцовъ сепаратистской теоріи объ отдѣльномъ отъ Россіи и притомъ „конституціонномъ“ финляндскомъ государствѣ,—съ ихъ „согласія“. Протестовъ съ ихъ стороны нельзя было не предвидѣть заранѣе, и еслибы русская государственная власть боялась ихъ, то, надо полагать, не стала бы и возбуждать вопроса...

Digitized by Google

„НАУЧНАЯ“ ТЕОРІЯ

ФИНЛЯНДСКАГО

ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.*

Въ №№ 119, 120, 195 и 208 *Московскихъ Вѣдомостей* за минувшій 1894 годъ, (см. выше, стр. 119—137) мы изложили содержаніе книги гельсингфорсскаго профессора Р. Германсона, *Государственно-правовое положеніе Финляндіи*,—книги, выдаваемой финляндскими публицистами и даже финляндскими властями за самое авторитетное, „научное“ изслѣдованіе вопроса о „финляндскомъ государственномъ правѣ“. Уже при самомъ изложеніи мы не разъ отмѣчали какова эта „научность“: въ трудѣ г. Германсона оказываются тѣ же софизмы, то же стремленіе подгонять односторонне подбираемые факты подъ заранѣе составленную теорію, какъ и въ пресловутыхъ писаніяхъ гг. Мехелина и Даніэльсона.

Въ настоящей статьѣ мы желали бы нѣсколько подробнѣе разобрать главнѣйшіе доводы г. Германсона въ пользу отстаиваемой имъ теоріи объ отдѣльномъ отъ Россіи финляндскомъ конституціонномъ государствѣ.

I.

Особенно важное, первостепенное значеніе, подобно другимъ новѣйшимъ финляндскимъ авторамъ, г. Германсонъ придаетъ сейму въ Борго 1809 года. На немъ создано было, по его мнѣнію, „финляндское государство“. Любопытно, что сеймъ въ Борго только въ послѣднее время удостоился особаго вниманія финляндскихъ писателей и сдѣланъ ими эрой въ исторіи политическаго существованія Финляндіи; раньше ему не придавали никакого выдающагося значенія: современники почти не замѣтили его, тогдашняя газета Финляндіи не обмолвилась о немъ ни единымъ словомъ; единственное описаніе сеймовыхъ событій явилось въ видѣ отчета для духовенства; даже и въ мемуарахъ участниковъ сейма онъ упоминается крайне рѣдко и скудно. Несмотря на все это, историкъ Коскиненъ, сообщая свѣдѣнія о сеймѣ, смѣло заявляетъ, что каждый, покидая Борго, „уносилъ съ собою ясное сознаніе о томъ, что за-

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, №№ 132, 134 и 146, отъ 15, 17 и 30 мая.

Digitized by Google

вершено было важное историческое дѣло“ (598 стр. шведск. изд.). Г. Германсонъ находитъ, что въ Борго, совокупными усиліями финляндскихъ сословій и императора Александра I, положены были „первые камни финляндскаго государственнаго зданія“. Основанія для такого заявленія г. Германсонъ усматриваетъ въ *присягѣ* депутатовъ и въ *грамотѣ* государя, изъ *буквальнаго* смысла которой онъ заключаетъ объ утвержденіи для Финляндіи государственныхъ законовъ Швеціи, а слѣдовательно и о перенесеніи на Финляндію всѣхъ порядковъ прежней ея метрополіи. А разъ законы Швеціи 1772 и 1789 годовъ закрѣплены за Финляндіей, то этого де достаточно, — говорилъ еще Л. Мехелинъ, — дабы видѣть что Финляндія перестала быть простою провинціей. Послѣ Боргоскихъ событій Финляндія, по утвержденію г. Даніельсона, во всякомъ случаѣ заняла „новое положеніе, высшее въ сравненіи съ прежнимъ“. (*Внутр. самост. Фин.*, стр. 25).

Итакъ, на очередь выступаетъ вопросъ о томъ, утверждены ли для Финляндіи политическіе, государственные основные законы Швеціи? Прямаго отвѣта на него нѣтъ ни въ грамотѣ, ни въ рѣчахъ Александра I, слѣдовательно, необходимо поискать этого отвѣта въ совокупности всѣхъ событій, сопровождавшихъ присоединеніе Финляндіи къ Россіи и всего того что *утверждено* было для новаго нашего края Верховною Властью. Въ 1890 году г. Германсонъ писалъ (въ *Вѣстникѣ Европы*, № 6) что „въ Финляндіи всегда *предполагалось* что Форма Правленія 1772 года и Актъ Соед. и Безоп. 1789 года относятся къ числу утвержденныхъ Александромъ I для Финляндіи законовъ“. Г. Даніельсонъ заявляетъ: „Излишне было бы доказывать что Высочайшее удостовѣреніе основныхъ законовъ прежде всего касалось Формы Правленія 1772 года и Акта Соед. и Безоп. 1789 года“. Другіе Финляндцы говорятъ въ томъ же родѣ: „для каждаго знакомаго съ тогдашнимъ положеніемъ вещей должно де быть очевидно что были утверждены именно законы 1772 и 1789 года“ и т. д. Мы знакомы съ тогдашнимъ положеніемъ вещей, но для насъ вовсе не очевидно утвержденіе названныхъ законовъ, ибо, прежде всего, о нихъ нѣтъ ни одного слова въ грамотѣ Императора: въ этомъ документѣ имѣется только общее неопредѣленное выраженіе (о „коренныхъ законахъ“), безъ всякихъ перечисленій и наименованій. Затѣмъ, непримѣнимость шведскихъ государственныхъ законовъ „къ положенію вещей“ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и, дѣйствительно, должна быть очевидною для каждаго. Кромѣ того, эти основные законы сами по себѣ „темны и двусмысленны“, какъ ихъ вполнѣ вѣрно охарактеризовалъ профессоръ Гельсингфорсскаго университета В. Росенборгъ. Финляндскимъ же „государственникамъ“ все это на руку, и они, слѣдуя совѣту Іоганна-Рейнгольда Ребиндера, худо-ли хорошо ли, но продолжаютъ „резонировать“, полагая, что Русскіе до сихъ поръ не освоились со шведскими „конституціонными таинствами“ (Орд. II, 175—176) и не знаютъ событій финляндской исторіи...

Выраженія „lois fondamentales“ и „la constitution de la Finland“, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ документахъ и рѣчахъ Александра I, выводятъ г. Германсона изъ всякаго сомнѣнія, и онъ настаиваетъ на томъ что императоръ очевидно де имѣлъ въ виду политическіе законы, устанавливающіе особый государственный порядокъ въ странѣ. Однако, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія тотъ же авторъ признаетъ недостаточную опредѣленность выраженій грамоты 15 (27) марта 1809 года, говоря что въ ней слѣдовало бы обозначить что утверждаются *всѣ* прочія права, кромѣ политическихъ (1, 82), разъ Александръ I не желалъ установить въ Финляндіи государственнаго устройства; а главное, г. Германсонъ самъ же указываетъ (вып. 1, 81) на то, что „*законы не касающіеся собственно государственнаго устройства*“ могутъ также быть законами *основными* (напримѣръ, законъ о шатовомъ выкупѣ). И дѣйствительно, основные законы далеко не всегда

Digitized by Google

означаютъ извѣстный образъ правленія, а могутъ касаться личной свободы, поземельной собственности и т. п. Это положеніе особенно необходимо имѣть въ виду, когда рѣчь идетъ объ основныхъ законахъ Швеціи, въ которыхъ рѣзко сказывается ихъ смѣшанный характеръ, ихъ двойственность. Съ одной стороны, конституціонные акты 1772 и 1789 годовъ ничего не говорятъ, напримѣръ, о порядкѣ представленія сословій на сеймѣ; а съ другой — въ нихъ имѣются параграфы трактующіе о выкупѣ земельныхъ участковъ, о фрельсовыхъ земляхъ, сословныхъ привилегіяхъ, о рустальтерскихъ учрежденіяхъ, о землевладѣльческихъ правахъ дворянъ и т. п. предметахъ, которые не принято относить къ числу постановленій касающихся организаціи государственной власти или политическаго устройства страны. Если шведскіе государственные законы по составу своему столь разнообразны, то гдѣ же основаніе утверждать, что Александръ I, говоря о „коренныхъ законахъ“, непремѣнно подразумѣвалъ тѣ части Формы Правленія 1772 года и Акта Соединенія и Безопасности 1789 года, которыя касаются государственнаго устройства, государственной власти, образа правленія, политической сферы, а не другія части, устанавливающія, такъ-сказать, внутренній распорядокъ страны?

Финляндскіе писатели особенно выдвигаютъ впередъ политическую сторону помянутыхъ шведскихъ государственныхъ законовъ, основываясь на томъ, что въ нѣкоторыхъ актахъ и рѣчахъ императора иногда встрѣчается слово „конституція“. Они говорятъ обыкновенно такъ: Александръ I утвердилъ наши основные законы, то-есть „конституцію Финляндіи“. При этомъ они забываютъ два обстоятельства: вопервыхъ, что слово „конституція“ въ началѣ нашего столѣтія только-что было пущено въ болѣе широкое обращеніе и первоначально далеко не имѣло того опредѣленнаго значенія какое соединено съ нимъ въ настоящее время; а вовторыхъ, Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года въ Швеціи до 1809 года не назывались конституціей, да и вообще въ скандинавскомъ законодательствѣ того времени не было ни одного цѣльнаго акта носившаго это названіе. Только съ 1766 года законъ, изданный съ согласія четырехъ сословій, сталъ называться „основнымъ закономъ“ (grundlag), и лишь въ послѣднее, уже наше, время— это названіе замѣняется часто новымъ терминомъ „конституція“. По русской же терминологіи подъ „основными законами“ понимаются законы положенные въ основаніе организаціи государства и церкви, но никоимъ образомъ не постановленія, ограничивающія права Верховной Власти. Слово же конституція имѣетъ нѣсколько разнородныхъ значеній и встрѣчается даже въ русскихъ гражданскихъ законахъ (т. X, ч. 1, примѣч. ст. 1317). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что финляндскіе писатели произвольно подставляютъ одинъ терминъ взамѣнъ другаго и безъ достаточнаго основанія связываютъ съ ними понятія которыя, *по времени* и *обстоятельствамъ*, не могли быть имъ приписываемы.

Эти историческія обстоятельства, группировавшіяся вокругъ Боргосскаго сейма, и вообще всѣ событія сопровождавшія присоединеніе Финляндіи, указываютъ что Александръ I вовсе не имѣлъ намѣренія ограничивать свою власть постановленіями шведскихъ государственныхъ законовъ, а во вторыхъ, тѣ Финляндцы, которые наиболѣе близко стояли къ боргоскому дѣлу, подъ названіемъ „коренные законы“ и „конституція“ не понимали законовъ 1772 и 1789 годовъ. Вотъ тому нѣсколько доказательствъ.

У Роберта Кастрена, въ его *Очеркахъ новѣйшей исторіи Финляндіи** находимъ весьма поучительныя строки, которыя, очевидно, забываются финляндскими „государственниками“. Извѣстно, что сеймовымъ уставомъ была установлена особая форма для полномочій депутатамъ посылаемымъ на риксдагъ. Выборщики города Або так-

* *Skildringar ur Finlands nyare historia*, af Rob. Castrén, 1881. p. 122 и др.

Digitized by Google

же снабдили своихъ депутатовъ, которыхъ снаряжали въ Борго, полномочіями, кон, однако, весьма существенно разнились отъ установленнаго образца; а именно: слово *риксдагъ* было замѣнено словомъ *сеймъ*, слово *государство* (riket)—словомъ *Финляндія*, а главное, цѣлыя строки въ которыхъ дѣлались ссылки на *основные законы* 1772 и 1789 годовъ и говорилось о необходимости слѣдовать имъ, *были совершенно выпущены*. По этому поводу среди городскихъ представителей возникли споры и разногласія, восходившіе до генералъ-губернатора Спренгтпортена, который со своей стороны указалъ что прежняя форма полномочій, при существующихъ условіяхъ, совершенно неумѣстна, а посему „не можетъ и не должна быть соблюдаема“ (стр. 123).

Напомнимъ далѣе, ту сцену, которая разыгралась наканунѣ Боргоскаго сейма, когда фонъ-Моріанъ и баронъ Маннергеймъ,—депутатъ, „соединявшій въ себѣ высокій тактъ съ мудростью государственнаго человѣка“ *,—попробовали было указать графу Сперанскому на присягу которую обыкновенно приносили шведскіе короли и заявить, что *законы 1772 и 1789 годовъ* суть именно тѣ основные законы, сохраненіе которыхъ было обѣщано Александромъ I. „Противъ сего Сперанскій сдѣлалъ разныя замѣчанія насчетъ того, что при настоящихъ обстоятельствахъ это казалось непригоднымъ. Это могло быть справедливо, и мы не посмѣли предложить никакихъ измѣненій“ (см. соч. Кастрена, стр. 140). Изъ церемоніала сейма мы знаемъ, что Императоръ никакой присяги не принесъ ** и въ „грамотѣ“ его отъ 15 (27) марта нѣтъ ни малѣйшаго указанія на законы 1772 и 1789 годовъ; иначе говоря, взглядъ Сперанскаго оказался вполнѣ вѣрнымъ.

Далѣе укажемъ на то, что сеймъ въ Борго вовсе не руководствовался формой правленія Швеціи, и порядокъ веденія на немъ дѣлъ совершенно не согласовался съ конституціонными актами 1772 и 1789 годовъ. Въ прежнихъ текстахъ шведской присяги приносимой представителями сословій на риксдагахъ, имѣлось, напримѣръ, полное наименованіе Формы Правленія 1772 года; въ формѣ же присяги депутатовъ Боргоскаго сейма упоминается о правахъ и привилегіяхъ сословій и о коренныхъ законахъ, но названіе Формы Правленія найдено было необходимымъ исключить (опять-таки очевидно потому, что ее нашли непримѣнимою къ Финляндскому краю подъ русскою властію). Согласно 8 пункту Акта Соединенія и Безопасности 1789 года, Александръ I, при вступленіи въ обладаніе Финляндіей, долженъ былъ бы „собственноручно подписать сей актъ“, чего онъ не исполнилъ. Если бы помянутые шведскіе политическіе законы были перенесены Императоромъ на Финляндію, то онъ долженъ былъ бы, руководствуясь указаніями 20—29, 31, 37 и др. параграфовъ Формы Правленія 1772 года, завести въ Финляндіи разныя коллегіи, учредить маршаловъ, оберъ-штатгальтера, государственную контору, основать тайный комитетъ и пр.; однако, ничего подобнаго онъ не сдѣлалъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, какъ извѣстно, повергло нѣкоторыхъ финляндскихъ дѣятелей того времени въ уныніе. Они ожидали что въ Борго будетъ организована финляндская конституція и положено основаніе будущей „аристократической республики“; но надежды ихъ не осуществились. Свою печаль одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ Сейма, баронъ Маннергеймъ, двадцать лѣтъ спустя послѣ Боргоскаго сейма, излилъ въ слѣдующихъ заявленіяхъ:

„Никакого сеймоваго рѣшенія, требуемаго конституціонными формами, не было подписано: никакого результата, по отвѣтамъ сословій на предложенія Государя, не послѣдовало. Единственный сеймъ того времени

---

* Слова Л. Мехелина; см. *Финляндія въ XIX столѣтіи*.

** Г. Данівльсонъ совершенно несправедливо говоритъ что Александръ I въ Борго подъ „святою клятвою“ обѣщалъ хранить законы Финляндіи (*Внутр. самост. Фин.*, стр. 16).

Digitized by Google

вышелъ сеймомъ особаго рода *и не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ*. Быть можетъ, русскіе совѣтники Государя, не понимавшіе конституціонныхъ формъ, и не пожелали чтобъ оно вышло иначе. Быть можетъ, и самъ онъ, будучи монархомъ въ деспотической странѣ, не захотѣлъ слишкомъ задѣть русское общественное мнѣніе. Существенною стороной сейма въ Борго было торжественное обѣщаніе Государя сохранить законы страны, права и привилегія и учрежденіе собственнаго управленія, совершенно обособленнаго отъ русскаго, благодаря учрежденію Правительственнаго Совѣта (впослѣдствіи Сената). Но осталась надежда, что на будущихъ сеймахъ, при болѣе мирныхъ условіяхъ, *удастся организовать и укрѣпить конституцію Финляндіи, надежда которая* въ царствованіе *Александра (I) была близка къ осуществленію* *, но по неизвѣстнымъ причинамъ не осуществилась *и теперь* (то-есть въ царствованіе императора Николая I, когда писалъ свои мемуары Маннергеймъ) *врядъ ли уже когда исполнится*" **.

Если принять ученіе г. Германсона и другихъ объ утвержденіи шведскихъ актовъ 1772—1789 годовъ, то, кромѣ указаннаго, многое въ исторіи Финляндіи останется запутаннымъ, непонятнымъ и необъяснимымъ. Если Александръ I за себя и за своихъ наслѣдниковъ на „вѣчныя времена" утвердилъ для Финляндіи политическія положенія Швеціи и создалъ изъ Финляндіи государство, то приходится въ недоумѣніи остановиться передъ Фридрихсгамскимъ трактатомъ, ибо въ такомъ случаѣ оказалось бы что у русскихъ дѣятелей того времени не было ни малѣйшей послѣдовательности въ ихъ дѣйствіяхъ: у себя дома, въ Борго, они организовали „новое государство", а передъ Швеціей и передъ лицомъ всей Европы постыдились, или побоялись въ этомъ сознаться и, не занеся сего факта въ международный актъ, тѣмъ самымъ отказались довести его до всеобщаго свѣдѣнія. Оставалось бы развѣ еще предположеніе что Русское правительство обмануло финляндскихъ представителей въ Борго обѣщавъ имъ учрежденіе государства и не исполнивъ этого; но трудно допустить что подобный двуличный поступокъ могъ пройти безъ слѣда въ политической литературѣ того времени и безъ послѣдствій въ наступившихъ затѣмъ событіяхъ. Изъ манифеста императора, а еще раньше изъ рескрипта * его, даннаго главнокомандующему въ Москвѣ, генералъ-фельдмаршалу графу И. В. Гудовичу, въ 7-й день сентября 1809 года, Россія узнала о *„присоединеніи"* къ Имперіи „страны, населенной трудолюбивымъ народомъ", о пріобрѣтеніи твердынь Свеаборга и объ обезпеченіи предѣловъ отечества; но о томъ чтобы государю угодно было создать изъ сей присоединенной страны особое государство—ни Россія, ни Европа никогда не были оповѣщены. Правда, Финляндцы пробуютъ доказать, что послѣ договора (?) въ Борго, не было никакой надобности повторять во Фридрихсгамѣ извѣстныя уже положенія, и это тѣмъ болѣе что вопросъ объ основаніяхъ, на которыхъ Финляндія соединялась (?) съ Россіей, не могъ де быть предметомъ опредѣленій трактата уже потому, что условія (?) эти были будто бы „установлены, и Императоръ не имѣлъ повода подвергать ихъ какому-либо пересмотру при переговорахъ о Фридрихсгамскомъ мирѣ" **. Къ этому г. Германсонъ (I, 18) добавляетъ, что положеніе Фин-

---

* Послѣ Боргоскаго сейма финляндскіе дѣятели того времени (Армфельтъ, Ребиндеръ и самъ Маннергеймъ) не разъ добивались у императора Александра I созванія новаго сейма, съ тѣмъ чтобы на немъ обсудить и составить настоящую конституцію для Финляндіи, по образцу шведской государственной конституціи. Но императоръ рѣшительно отклонилъ эти домогательства.

** Кастренъ, стр. 229—230. Мемуары Маннергейма до сихъ поръ почему то не напечатаны Финляндцами цѣликомъ.

* Сборникъ Археологическаго Института, 1879, кн. II, стр. 45.

** *Вѣст. Евр.* 1888, мартъ, ст. Л. Мехелина.

Digitized by Google

ляндіи было опредѣлено до заключенія мира „при содѣйствіи представителей ея на Боргоскомъ сеймѣ, вслѣдствіе чего мирный трактатъ въ отношеніи положенія Финляндіи имѣлъ лишь значеніе признанія состоявшагося соглашенія (?) со стороны Швеціи". — На это слѣдуетъ замѣтить: вопервыхъ, что такимъ образомъ Европа и Россія остались въ полномъ невѣдѣніи того что происходило въ *Борго*, такъ какъ *грамота 15 (27) марта* 1809 года,— этотъ краеугольный камень финляндскаго *государства*,— вовсе не была опубликована въ Имперіи и не внесена въ Полное Собраніе ея законовъ *; а вовторыхъ, что уполномоченный Швеціи, баронъ Стедингъ, особенно настаивалъ на внесеніи во Фридрихсгамскій договоръ отдѣльнаго пункта, гарантирующаго за Финляндіей сохраненіе ея религіи и законовъ, но гр. Румянцевъ не согласился на это, исходя изъ того положенія что все въ подобномъ пунктѣ изложенное составляетъ предметъ *внутренней администраціи* и не должно входить въ дипломатическое обязательство. Отсюда ясно что въ Борго Александръ I занимался *внутренними* дѣлами, а извѣстно что путемъ *внутренней администраціи* новыя государства не создаются.

Если допустить что Александръ I утвердилъ для Финляндіи законы 1772 и 1789 годовъ, то слѣдовало ожидать, чтобы сими законами руководствовались и сами Финляндцы, и чтобы русское правительство, въ своихъ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, не только приняло бы ихъ во вниманіе, но и положило бы въ основу своихъ дѣйствій въ предѣлахъ Финляндіи. Ни того, ни другаго на дѣлѣ не оказалось. Депутаты въ Борго, какъ мы видѣли, вовсе не слѣдовали указаніямъ названныхъ законовъ, и верховная русская власть съ этими указаніями не считалась. Самъ Кастренъ признаетъ что многіе вопросы, разсмотрѣнные первымъ сеймомъ, были рѣшены далеко несогласно съ желаніями сословій, а другіе—оставлены безъ послѣдствій (стр. 156, 187 и др.); тотъ же авторъ заявляетъ, что въ Борго не было сдѣлано сейму надлежащихъ предложеній, а спрашивались лишь мнѣнія представителей страны по разнымъ вопросамъ (стр. 149). Когда затѣмъ задуманы были важнѣйшія финляндскія учрежденія, какъ напримѣръ, Правительственный Совѣтъ, статсъ-секретаріатъ и др., то ни въ Регламентахъ ихъ, ни въ Инструкціяхъ наше правительство не обмолвилось ни единою ссылкой на законы 1772 и 1789 годовъ. Мало того, оказалось что Регламентъ Правительственнаго Совѣта—этого главнаго устава всего внутренняго самоуправленія Финляндіи—противорѣчитъ Формѣ Правленія 1772 года, что признаютъ и финляндскіе писатели *. Прибавимъ еще что названное главное управленіе страны было дважды преобразовано (въ 1841 и 1886 годахъ) безъ содѣйствія Сейма; что же касается главнаго дѣятеля по созданію статсъ-секретаріата, гр. Г. М. Армфельта, то его, конечно, нельзя заподозрить въ незнаніи шведскихъ законовъ и невѣдѣніи того, что именно было даровано Финляндіи, и что утверждено, однако и онъ (и Сперанскій) умолчалъ о сихъ основныхъ законахъ. Неужели и здѣсь, при учрежденіи статсъ-секретаріата, всегда эти законы подразумѣвались сами собой настолько неоспоримо и очевидно что о нихъ не находили нужнымъ ни разу упомянуть? „Я обѣщалъ сохранить ваши законы, ваши привилегіи и ваши учрежденія", говорилъ Императоръ Александръ I, по увѣренію статсъ-секретаря Ребиндера, который по поводу этихъ словъ прибавляетъ: „дѣйствительно, все что онъ обѣщалъ, онъ добросовѣстно исполнилъ" (Castrén, p. 274). Слѣдовательно, Александръ I никакихъ отступленій отъ утвержденныхъ имъ законовъ не сдѣлалъ. Кто же правъ? Если Александръ I утвердилъ законы 1772 и 1789 годовъ, то

* *Рус. Вѣст.* 1888, V, ст. К. Ф. Ордина.

* Напримѣръ, Эдв. Бергъ въ своемъ очеркѣ о *Государственно-правовомъ развитіи Финляндіи послѣ 1809 года.*

Digitized by Google

почему симъ законамъ не слѣдовали въ Борго? Почему, вопреки имъ, создавались учрежденія и должности? Но если правъ Ребиндеръ въ своемъ заявленіи, то ясно что Александръ I законовъ 1772 и 1789 годовъ вовсе не утверждалъ.

II.

Не успѣлъ еще разойтись тотъ сеймъ на которомъ,по заявленію финляндскихъ юристовъ, были будто бы утверждены Александромъ I законы 1772 и 1789 годовъ, какъ начались отступленія отъ нихъ и нарушенія основныхъ ихъ положеній. Какъ извѣстно, по силѣ § 40 Формы Правленія, король не имѣлъ права издавать новые законы или отмѣнять старые безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ, то-есть риксдага. По разъясненію В. Головина, это значило что законъ, однажды предложенный монархомъ и утвержденный (?) Сеймомъ, уже не можетъ быть отмѣненъ безъ согласія земскихъ чиновъ *. Верховной же власти Формой Правленія оставлено было право издавать экономическія, полицейскія и административные законоположенія, уставы относящіеся до командной части и управленія войсками, а также постановленія для исполненія законовъ, или, иначе говоря, давать разъясненія законовъ,—но не основныхъ,—по представленіямъ властей; при этомъ постановленія верховной власти не должны были противорѣчить принципамъ основныхъ законовъ. Что же мы видимъ на практикѣ? Александръ I и его преемники издали, безъ всякаго содѣйствія Сейма, цѣлый рядъ важнѣйшихъ законоположеній, которыми отмѣнены многіе шведскіе законы, имѣвшіе значеніе въ Финляндіи до 1809 года, и, кромѣ того, кореннымъ образомъ измѣнены весьма существенныя стороны внутренней жизни Финляндской окраины. При этомъ достаточно бѣгло пробѣжать длинный перечень законовъ изданныхъ послѣ 1809 года, дабы убѣдиться что безъ Сейма составлялись далеко не однѣ административныя постановленія. Такъ, безъ Сейма были изданы:

Въ 1826 году—законъ объ избавленіи преступниковъ отъ смертной казни;

въ 1827 году—законъ о дозволеніи лицамъ греко-россійскаго исповѣданія поступать на службу края (въ 1889 году положеніе это было внесено на Сеймъ);

въ 1835 и 1837 утверждено положеніе и образованъ Финляндскій Кадетскій корпусъ (который ведетъ свое начало отъ Топографическаго корпуса, основаннаго въ 1812 году);

въ 1840 году изданъ манифестъ о переложеніи оброчныхъ статей;

въ 1841 и 1844 году были разрѣшены нѣкоторые займы (для укрѣпленія Аландскихъ острововъ, постройки Николаевскаго собора въ Гельсингфорсѣ и прорытія Сайменскаго канала);

въ 1842 году измѣненъ законъ о гербовомъ сборѣ;

въ 1846 и 1848 были утверждены Межевой уставъ и Уставъ о землемѣріи;

въ 1848 отмѣнено наказаніе позорной выставки въ колодкѣ;

въ 1851 году изданъ Лѣсной уставъ (который въ 1866 году былъ измѣненъ при содѣйствіи сейма);

въ 1851 году русскіе дворяне получили право пріобрѣтать недвижимость въ предѣлахъ Финляндіи;

въ 1857 году рескриптомъ точнѣе были опредѣлены положеніе и оклады сенаторовъ;

въ 1858 году были изданы Вексельный уставъ и новыя права по торговлѣ, а также сдѣланы измѣненія въ составѣ и порядкѣ управленія финскихъ войскъ;

въ 1860 году въ краѣ введена была новая монетная единица—марка;

въ 1863 году былъ утвержденъ новый таможенный тарифъ; тогда же вышли положенія о навигаціонныхъ училищахъ;

въ 1864 году Сестрорѣцкій устастокъ Выборгской губерніи былъ присоединенъ къ Петербургской губерніи.

---

* *Сѣверное Сіяніе* 1864 г., выпускъ X, стр. 618.

Digitized by Google

въ 1867 году было издано новое положеніе о печати;

въ 1869 году создано главное управленіе учебными заведеніями;

въ 1872 году появился новый школьный уставъ (который мѣнялся также въ 1843 и въ 1856 годахъ).

Къ этому перечню можно было бы присоединить еще другой перечень, показывающій что большинство нынѣшнихъ финляндскихъ учрежденій дѣйствуютъ не въ силу шведскихъ основныхъ законовъ, а на основаніи законовъ изданныхъ почти исключительно единою властью Русскаго Самодержца; но, взамѣнъ скучныхъ перечисленій, полезнѣе и вразумительнѣе будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу сказаннаго.

Финляндскіе писатели, вмѣстѣ съ г. Германсономъ, возражая противъ такого рода указаній, подыскали этому „административному періоду“ финляндской исторіи желательное для нихъ объясненіе. Они говорятъ теперь обыкновенно такъ: отъ власти Государя зависѣло де созывать или не созывать Сейма, Государь имѣлъ право издавать экономическіе и полицейскіе законы, командные уставы, вводить суды, образовывать правленія, учреждать должности, издавать инструкціи и т. п.,— слѣдовательно, никакого отступленія отъ основныхъ шведскихъ законовъ не сдѣлано.

Не споримъ что это объясненіе пригодно для оправданія нѣкоторыхъ реформъ и мѣропріятій Русскаго правительства за время съ 1809 по 1863 года. Но какъ быть съ гербовымъ *налогомъ*, напримѣръ? Законъ о гербовомъ сборѣ изданъ былъ при содѣйствіи *Сейма* въ Борго, и въ 1842 году размѣръ сбора былъ значительно увеличенъ помимо „второй государственной власти“ Финляндіи, то-есть сословныхъ представителей*. То же самое приходится сказать о тѣхъ частяхъ Общаго Уложенія 1734 года, принятаго шведскимъ *риксдагомъ*,—частяхъ, которые затѣмъ измѣнялись и дополнялись въ 1833, въ 1848 и другихъ годахъ безъ участія и голоса Сейма.

Еще болѣе характеристичною представляется исторія съ присоединеніемъ Сестрорѣцкаго участка къ Петербургской губерніи. Высочайшее постановленіе объ этой отрѣзкѣ участка отъ Выборгской губерніи состоялось 3 февраля 1864 года, то-есть во время засѣданія Сейма, и, однако, онъ вовсе не былъ спрошенъ по столь существенному вопросу, какимъ является вопросъ о цѣльности „государственной“ территоріи по шведскимъ основнымъ законамъ*. Мимоходомъ прибавимъ что Финляндцы пробовали поднять вопросъ о вознагражденіи ихъ прирѣзкой земли отъ Архангельской губерніи у Сѣвернаго Океана; но противъ подобнаго притязанія возсталъ даже „либеральный“ *Голосъ* (1880 года, № 282), находя это вознагражденіе ненужнымъ и необязательнымъ.

Затѣмъ извѣстно что главное управленіе учебными заведеніями въ Финляндіи, созданное закономъ 12 (24) ноября 1869 года, во многихъ отношеніяхъ разнилось отъ предложенныхъ сословіями плановъ и проектовъ**. „Административнымъ путемъ“ финскій языкъ былъ приравненъ шведскому*.

Нужно еще замѣтить, что еслибы въ такъ-называемый „административный періодъ“ (то-есть съ 1809 года до созванія втораго Финляндскаго Сейма въ 1863 году) шведскіе конституціонные порядки соблюдались въ примѣненіи къ Финляндіи, то, очевидно, что гг. Бергу, профессору Доннеру и другимъ не зачѣмъ было бы горячиться и разражаться гнѣвными филиппиками.

Между тѣмъ они, какъ, напримѣръ, профессоръ Доннеръ, называютъ этотъ

---

* *Edv. Bergh. Finl. statsrättslïga utveckl*, p. 74—75.

* Прибавимъ еще что здѣсь не было *обмѣна* области, о которой говоритъ г. Германсонъ (II, 175).

** Эдв. Бергъ, *Государственно-правовое развитіе Финляндіи*, стр. 90.

* Эдв. Бергъ, *Финляндія въ царствованіе императора Александра III*, стр. 68 (на шведскомъ языкѣ).

Digitized by Google

періодъ „всеобщимъ помраченіемъ финляндской государственной жизни“. По словамъ того же профессора, школьные уставы Финляндіи 1843, 1856 и 1872 годовъ произошли „незаконнымъ путемъ“, они были такого же рода „наростами“ на „государственномъ развитіи“ Финляндіи, какъ изданныя исключительно административнымъ путемъ постановленія 1842 года касательно гербовой бумаги *.

Итакъ, несомнѣнно что Александръ I и его преемники властью самодержца установили въ Финляндіи много такого что по силѣ шведскихъ государственныхъ законовъ надлежало установить съ согласія и при содѣйствіи Сейма. А это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ что ни Александръ I, ни слѣдовавшіе за нимъ государи не понимали боргоскихъ рѣчей, манифестовъ и обѣщаній въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ толкуютъ финляндскіе юристы послѣдняго времени. Рядъ перечисленныхъ нами реформъ, введенныхъ въ странѣ безъ участія Сейма, показываетъ что русскіе императоры пользовались завоеваннымъ краемъ, „согласно тому что Ихъ Величествами могло быть признано полезнымъ“ для ихъ высокихъ цѣлей и блага народа; иначе говоря, они правили Финляндіей по точному смыслу Фридрихсгамскаго трактата, который не превращалъ Финляндіи въ государство и не ограничивалъ Верховной Власти шведскими основными законами.

„Но какіе же законы императоръ могъ имѣть въ виду, если не прежніе основные законы?“ спрашиваетъ г. Германсонъ. Отвѣтъ ясенъ: включая въ составъ Русскаго государства покоренную русскимъ оружіемъ бывшую шведскую провинцію, императоръ Александръ I, могъ имѣть въ виду *лишь тѣ шведскіе законы и части ихъ, которые согласовались и согласуются съ новымъ положеніемъ Финляндіи какъ русской области, какъ нераздѣльной части единаго Русскаго Самодержавнаго Царства*, — области перешедшей, по выраженію Фридрихсгамскаго трактата „въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской“.

Съ этимъ находятся въ полномъ согласіи всѣ послѣдовавшія дѣйствія Александра I и его преемниковъ; изъ этого вытекаютъ всѣ тѣ права и привилегіи коими фактически пользовались Финляндцы, и *эти* законы, наконецъ, вмѣстѣ взятые, и составляютъ то, что можно называть „внутреннимъ самоуправленіемъ Финляндіи“, ея бытовою провинціальною „автономіей“ и „конституціей“. Благодаря симъ законамъ, Финляндцы сохранили лютеранскую религію, свободу отъ крѣпостной зависимости, прежній порядокъ отбыванія воинской повинности, заведенное Шведами административное устройство, прежнее судопроизводство и судоустройство, финансовые и торговые порядки, права собственности и владѣнія землею, права личной свободы, порядокъ замѣщенія должностей и пр. Все перечисленное вполнѣ соотвѣтствуетъ обѣщанію, изложенному въ Грамотѣ 15 (27) марта 1809 года, обѣщанію утвердить и удостовѣрить *религію, коренные законы, права* и *преимущества* коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по *конституціямъ* ихъ *досель* пользовались“. Все перечисленное является утвержденіемъ *стараго* строя, *прежняго* порядка края, *существовавшаго* уклада жизни, *прежнихъ* сословныхъ привилегій.

Императоръ Александръ I даровалъ Финляндіи свой мѣстный общій земскій *сеймъ*, и тѣмъ сохранилъ за сословіями право *участвовать* въ законодательствѣ и въ самообложеніи податями и налогами. Но сохраненіе сихъ правъ отнюдь не превращало прежнюю провинцію въ конституціонное государство и не дѣлало сословій „второю государственною властью“, какъ ихъ называютъ Финляндцы. Право осуществлять государственную власть осталось попрежнему за Русскимъ Монархомъ. Не забудемъ при этомъ что Александръ I могъ имѣть въ виду только сеймовые порядки въ томъ, примѣрно, видѣ, въ какомъ они были установлены сеймовымъ уставомъ

* См. *Финл. Окраину Россіи*, вып. I, стр. 497 и 498.

Digitized by Google

1617 года, который предоставлялъ сословіямъ и Сейму исключительно совѣщательный голосъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ, что видно изъ того, что по этому уставу шведскимъ королямъ давалось право выбирать между мнѣніями большинства и меньшинства Сейма, а не требовалось безусловно примыкать къ большинству. Исторія свидѣтельствуетъ, кромѣ того, что даже въ самой Швеціи далеко не всегда Сеймъ ограничивалъ королевскую власть, а во время присоединенія Финляндіи, то-есть въ царствованіе Густава IV, онъ былъ скорѣе совѣщательнымъ учрежденіемъ, чѣмъ конституціоннымъ парламентомъ въ современномъ смыслѣ. Права Финляндскаго Сейма были нѣсколько расширены при императорѣ Александрѣ II и въ минувшее царствованіе, но къ конституціонному парламенту его, однако, не приравняли, отъ „ненавистнаго самодержавія“ никто изъ преемниковъ Александра I не отрекался, какъ того требуетъ шведская Форма Правленія 1772 года, и своего „безправія“ никто изъ нихъ не подписалъ.

Императоръ Александръ II, даровавъ Финляндія Сеймовый Уставъ „*сохранилъ за собою принадлежащее ему право* въ томъ видѣ, какъ оно установлено“ въ Формѣ Правленія 1772 и Актѣ Соединенія и Охраненія 1789 года, какъ о томъ значится въ припискѣ къ сему Уставу (1869 года). Но финляндскіе политики напрасно цѣпляются за эту приписку какъ за якорь спасенія для своей „государственной конституціи“. Эта приписка ничего не говоритъ въ ихъ пользу; достаточно хоть нѣсколько вчитаться въ нее, дабы видѣть, что въ такой формѣ, какъ это сдѣлано въ Сеймовомъ Уставѣ, Монарху не мыслимо ограничивать свои права. Возможно ли и естественно ли „оговариваться о *сохраненіи за собой безправія*? *. А именно такимъ несообразнымъ способомъ приходится толковать указанную приписку, чтобы придать ей тотъ смыслъ и то значеніе какія желательны финляндскимъ законовѣдамъ. Мало того, если допустить, что императоръ Александръ II припискою подъ Сеймовымъ Уставомъ 1869 года желалъ ограничить свою власть, то почему онъ не пожелалъ утвердить той „Формы Правленія для Великаго Княжества Финляндскаго“ *, которую Финляндцы тогда же поднесли ему для подписи вмѣстѣ съ Сеймовымъ Уставомъ, и въ которой это ограниченіе было ими вполнѣ обработано, точно обосновано и ясно формулировано? Очевидно что Императоръ не хотѣлъ сего ограниченія и не смотрѣлъ на Сеймъ какъ на вторую государственную власть.

Для болѣе точнаго выясненія взглядовъ Императора Александра II на свои права, приведемъ кстати нѣсколько словъ изъ его рѣчи, сказанной Полякамъ: „J'aime également tous Mes sujèts fidèles, Russes, Polonais, Finland, Livoniens et autres; ils Me sont tous également chers; mais jamais je ne souffrirai qu'on admette l'idée que le royaume puisse se séparer de l'empire et exister sans lui. Il fut crée comme tel par un Empereur de Russie, et il doit tout à la Russie“. (См. *Рус. Стар.* 1893 г., 3). Что же касается воззрѣній въ Бозѣ почившаго Государя Александра III на „финляндскій вопросъ“, то они опредѣленно высказаны въ Высочайшемъ рескриптѣ генералъ-губернатору Финляндіи отъ 28 февраля 1881 года, слѣдующемъ образомъ: „Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ, по волѣ блаженной памяти Императора Александра I, особый порядокъ *внутренняго* управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Таковое удостовѣреніе подтверждаемо было и Его державными Преемниками“.

Слѣдовательно, ни наличность особаго Сейма въ Финляндіи, ни расши-

* См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. II, стр. 489.

* Тамъ же.

Digitized by Google

реніе правъ сословныхъ ея представителей не измѣняли значенія финляндской „конституціи“. Государственная власть какъ была, такъ и осталась недѣлимою и сосредоточенною въ однѣхъ рукахъ. Положеніе Финляндіи создано властью русскаго Императора, эта власть — источникъ всякаго ея права, она одна имѣетъ право указывать границы финляндской автономіи. Одинъ Самодержецъ Всероссійскій воленъ измѣнять управленіе въ Финляндскомъ краѣ, безъ всякихъ обоюдныхъ согласій съ Сеймомъ, такъ какъ договора не существовало, а все установлено было одностороннимъ рѣшеніемъ. По свойству своему, Верховная Власть не можетъ измѣняться и дробиться для части своихъ владѣній; а посему въ Финляндіи было и могло быть утверждено только то, что не противорѣчило самодержавію. Этотъ принципъ нисколько не нарушенъ правами данными Сейму, такъ какъ права эти не простираются, въ сущности, далѣе „обсужденія“ и высказыванія сословіями своего „мнѣнія“ по тѣмъ вопросамъ которые Верховной Власти благоугодно будетъ передать въ Сеймъ*. А посему „власть“ попрежнему остается на тронѣ, а около него „совѣтъ“.

По всѣмъ подобнымъ вопросамъ г. Германсонъ держится діаметрально противоположнаго мнѣнія. Изъ его разсужденій слѣдуетъ заключить, что въ правахъ Императора по отношенію къ Финляндіи должно было остаться только то, что согласовалось съ основными шведскими законами, что при столкновеніи на финляндской территоріи двухъ различныхъ законовъ—шведскаго и русскаго—первенство обязательно должно быть дано шведскому, и русская Верховная Власть обязана согласовать свои права съ „конституціей“ утвержденною Александромъ I, что рѣшающее значеніе при толкованіи законовъ Финляндіи должно быть представлено не самодержавному правителю побѣдившей Россіи, а представителямъ покоренной Финляндіи, и, наконецъ, что вообще конституція данная странѣ единодержавнымъ Монархомъ не можетъ быть имъ измѣнена безъ согласія народнаго представительства. (II, 130 и др.).

Входить въ разсмотрѣніе этихъ выводовъ, къ которымъ почтенный профессоръ подошелъ, быть можетъ, весьма послѣдовательно, мы не видимъ надобности, на томъ простомъ основаніи что находимъ его исходную точку, его первую посылку, совершенно недоказанною и невѣрною. Онъ исходитъ изъ положенія что Александръ I утвердилъ для Финляндіи основные государственные законы Швеціи и создалъ *такимъ образомъ* изъ прежней шведской провинціи финляндское „несуверенное государство“. Но можно ли считать подобное положеніе доказаннымъ послѣ того (относительно немногаго) что было нами выше изложено по сему поводу? Что это за „государственная“ конституція, которую приходится вывести „путемъ отвлеченія и обобщенія“ изъ разныхъ отдѣльно выхваченныхъ словъ и выраженій? Что это за конституція, которую надо „сочинить и выработать“ изъ подбора мелкаго историческаго матеріала? Императоръ даровалъ нѣкоторыя привилегіи *сословіямъ*, а *не краю*; Финляндіи, какъ юридической личности, которая могла бы договариваться съ Александромъ I, въ 1809 году не существовало. Утвержденіе же сословныхъ правъ вовсе не равносильно „установленію конституціонныхъ отношеній между властью и подданными въ цѣломъ государствѣ или въ цѣлой области“ *. Чтобы сочинить „конституцію“ для Финляндіи, мѣстнымъ историкамъ и юристамъ пришлось собирать съ „мира по ниткѣ“. Въ одномъ манифестѣ они отыскали слово la constitution, въ другомъ—état; въ одной привѣтственной рѣчи они услышали выраженіе „lois fondamentales“, въ другой—placé désormais au rang des nations“; здѣсь, въ документѣ второстепенной важно-

* Этотъ вопросъ былъ уже подробно разсмотрѣнъ въ *Моск. Вѣд.* 1898 г., №№ 163 и 171. См. *Фины. Окр. Россіи*, вып. II, стр. 172—293.

* *Юр. Самаринъ*, соч. т. VIII, 375.

Digitized by Google

сти, имъ попалась фраза Сперанскаго „Финляндія государство, а не губернія“, тамъ, въ подобномъ же документѣ, они обрѣли строку о „политическомъ бытіи народа“ и о сохраненіи ему „не только гражданскихъ, но и политическихъ законовъ“, и т. д.; всю эту мозаику они усердно подбирали, складывали, дабы получить картину похожую на финляндское государство съ конституціонной организаціей. Діалектическія тонкости, историческія параллели, юридическія сопоставленія, все пущено въ ходъ, все употреблено въ дѣло и „введено въ огонь“ дабы выиграть кампанію, и тѣмъ не менѣе десятки позицій остаются не укрѣпленными и не занятыми. И въ самомъ дѣлѣ, что это за государство, которое не имѣетъ своего престола*, своихъ министровъ, своей государственной полиціи, своего флага, своего liste civil; или—часть школъ котораго и церковныхъ учрежденій, а также почта и телеграфъ управляются по законамъ другаго государства? Что это за государство, внутренній строй и распорядокъ котораго установленъ помимо его „основныхъ законовъ“ и даже въ полномъ несогласіи съ главнѣйшими ихъ положеніями? Что это за государство, о существованіи о которга ничего не слыхали иностранныя правительства? Возможно ли, при наличности указаннаго количества „недочетовъ“ въ государственной теоріи Финлядцевъ, принять эту теорію, или даже просто увѣровать въ нее? Изъ всей ихъ смѣси получилась какая-то сболтка неопредѣленнаго цвѣта и качества, съ маленькою конституціонною пѣной, но никакъ не конституція, въ смыслѣ особаго образа правленія.

---

* О финляндскомъ „тронѣ“ упоминаетя въ церемоніалѣ открытія сейма въ Борго и въ 4 ст. нашихъ Основныхъ Законовъ. О значеніи перваго документа излишне говорить; что же касается *4-й статьи*, то покойный К. Ф. Ординъ наглядпѣйшимъ образомъ показалъ что она редактирована въ полнѣйшемъ несогласіи съ тѣми основаніями изъ которыхъ должна была возникнуть. (*Русскій Вѣстникъ* 1888, 12).

III.

Г. Германсонъ, какъ мы указали при изложеніи его книги, не обошелъ въ своемъ трудѣ также и тѣхъ трехъ элементовъ которые требуются для наличности государства: *территоріи*, осѣдлаго *населенія* и *власти*, создающей правовой порядокъ, власти собственной, государственной, существующей ради собственныхъ интересовъ данной страны и народа. Всѣ эти элементы, конечно, оказались въ Финляндіи налицо, а посему она несомнѣнно государство, говоритъ г. Германсонъ, заключая свой обзоръ. Все требуемое г. Германсонъ на этотъ разъ безъ малѣйшаго труда добываетъ изъ „Грамоты“ Александра I. Эта утвердительная Грамота превратилась подъ перомъ Финляндцевъ во что-то сказочное и чудодѣйственное, она замѣняетъ имъ палочку доброй феи, она стала какимъ-то универсальнымъ средствомъ, какимъ-то ключемъ отъ всего. „Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ“, читаемъ у Германсона, „не станетъ отрицать что шведская конституція, дѣйствовавшая во время отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи, установляетъ государственное устройство“ (II, 102—103). Да, неоспоримо, *шведская* конституція устанавливала государственное устройство. Но какое же она имѣетъ отношеніе къ Финляндіи? На это г. Германсонъ отвѣчаетъ: эта конституція была „общею для Финляндіи и Швеціи“, а слѣдовательно она была также „конституціей Финляндіи“.

Этого словеснаго фокуса, по его мнѣнію, совершенно достаточно чтобы фундаментъ государственнаго зданія Финляндіи былъ заложенъ на камнѣ, а не держался на пескѣ. На нашъ же взглядъ здѣсь простая подтасовка, а именно, подставлена часть на мѣсто цѣлаго. Конституція была общимъ достояніемъ Шведскаго государства, а не каждой, отдѣльно взятой, части ея; *финляндской* конституціи не существовало, почему и нельзя было ее утвердить, или сохранить. Съ другой стороны, если принять слова г. Германсона что шведская конституція была утверждена Александромъ I *безъ вся-*

Digitized by Google

ихъ оговорокъ (I, 82), то, вѣдь, это буквально значитъ что императоръ призналъ Финляндію по прежнему шведскою провинціей, подчиненною шведскимъ законамъ о престолонаслѣдіи, обѣщалъ „имѣть величайшее отвращеніе къ самодержавію (Enväldet) или такъ-называемому суверенитету“ и т. п. Г. Германсону оставалось,— дабы быть послѣдовательнымъ до конца,—заявить что Финляндія, хотя и считается присоединенною къ Россіи, но должна бы управляться Швеціей изъ Стокгольма и т. д. (Кстати, для бо́льшей убѣдительности, онъ могъ бы указать на Боснію и Герцоговину, которыя считаются турецкими провинціями, а управляются австрійскими властями). Видя что строгая логика ведетъ его къ абсурду, онъ прибѣгъ къ оговоркамъ и уступкамъ,которыя, впрочемъ, сводятся лишь къ тому что къ Финляндіи послѣ 1809 года непримѣнимы только положенія о престолонаслѣдіи и вѣроисповѣданіи царствующаго монарха (II, 187—188); все же остальное г. Германсонъ признаетъ дѣйствующимъ и оставленнымъ въ своей силѣ. Слѣдовательно, и объемъ верховной власти надо де искать въ опредѣленіяхъ Формы Правленія 1772 года и Акта Соглашенія 1789 года; а они, въ свою очередь, указываютъ на королевскій отдѣлъ земскаго уложенія 1442 года. На основаніи сихъ законоположеній, король есть носитель власти и онъ не можетъ уменьшать ее; король не долженъ вводить *чужихъ* законовъ въ край, онъ обязанъ управлять при содѣйствіи *туземныхъ* властей, ему надлежитъ осуществлять свою власть ради блага *„отечества“* и т. д. Анализъ сихъ законовъ приводитъ г. Германсона къ заключенію что „они служатъ основой для государственнаго устройства, а такъ какъ законы *эти* утверждены для Финляндіи, то Финляндія, слѣдовательно, получила государственное устройство (II, 102). Повторяемъ еще разъ что все въ этихъ разсужденіяхъ профессора, вѣроятно, „обстояло бы благополучно“, еслибы у него имѣлась прочно установленная исходная точка...

Указаннымъ же способомъ, г. Германсонъ отыскиваетъ и территорію для Финляндскаго государства. Шведскій король, на основаніи все тѣхъ же законовъ 1772—1789 года, имѣлъ право и обязанность въ извѣстныхъ случаяхъ принимать мѣры относительно земли; „шведская территорія была, такъ-сказать, предоставлена исключительно публичной власти“, чужая власть не могла осуществлять на ней своей публичной власти... слѣдовательно, Финляндія имѣетъ особую государственную территорію (II, 173—175). Такъ, примѣрно, философствуетъ гельсингфорсскій юристъ.

Нужно еще опредѣлить финскій *народъ* не какъ этнографическій матеріалъ, а въ государственномъ смыслѣ. При шведскомъ владычествѣ не дѣлалось различія между финскимъ и шведскимъ народомъ, и финскаго народа въ государственномъ смыслѣ не существовало. Но вотъ на сеймѣ въ Борго императоръ Алесандръ I произнесъ извѣстное изреченіе: „placé désormais au rang des nations“,—и финскій народъ возведенъ былъ въ число націй, то есть сдѣлался народомъ въ государственномъ смыслѣ. Мало того. Въ IX т. Св. Законовъ (прил. къ прим. 1 ст. 556) говорится о „подданныхъ (?) того края“, слѣдовательно, Финляндія имѣетъ де своихъ подданныхъ (II, 177—179). Такимъ образомъ, всѣ нужные элементы государственнаго тѣла предъявлены.

Въ виду того что названные три фактора всякаго государства были недавно разсмотрѣны (по отношенію ихъ къ Финляндіи) въ изслѣдованіи М. Пергамента объ *Юридической природѣ реальной уніи* (Одесса, 1893 г.), то мы и позволимъ себѣ возразить г. Германсону преимущественно ссылками на данныя сгруппированныя въ названномъ изслѣдованіи.

Прежде всего, Финляндія не имѣетъ *отдѣльной* отъ Россіи Верховной *власти*, да и никогда своей особой власти не имѣла. Ст. 4я Основныхъ законовъ говоритъ о *нераздѣльныхъ* престолахъ и въ ней нѣтъ даже намека на существованіе Финляндскаго государства; слѣдовательно, самостоятельнаго престола Финляндія не имѣетъ и въ Го-

Digitized by Google

сударѣ Императорѣ нельзя различать двухъ юридическихъ личностей, то-есть Всероссійскаго Самодержца и Великаго Князя Финляндскаго; иначе говоря, Русскій Государь не олицетворяетъ въ себѣ двухъ раздѣльныхъ личностей, изъ которыхъ одна подчинена другой. „Финляндія имѣетъ съ Россійскою Имперіей не только одного монарха, но и одну верховную власть, которая одинаково господствуетъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Финляндіи". Въ связи съ этимъ находятся и наименованіе Финляндскаго Сената „Императорскимъ", а не „Великокняжескимъ", и формула сенатскихъ приговоровъ, которые постановляются „именемъ Его *Величества*". Прибавимъ къ этому что, по переходѣ Финляндіи въ русское подданство, названіе ея заняло весьма скромное мѣсто въ полномъ и среднемъ титулѣ Русскаго Императора среди царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и княжествъ Смоленскихъ, Литовскихъ и Подольскихъ; при такихъ условіяхъ, мудрено придать названію „Великаго Княжества" какое-либо особое значеніе.

Относительно территоріи Финляндіи слѣдуетъ сказать что особо о границахъ Великаго Княжества не принято было говорить въ офиціальныхъ актахъ. Въ конвенціи, напримѣръ, 1821 года (П. С. З. № 28.513) рѣчь идетъ о границѣ „Россіи" и „Швеціи". Затѣмъ, въ именномъ указѣ, объявленномъ министромъ коммерціи 12 апрѣля 1808 года, повелѣно было: 1) товары изъ присоединенной шведской Финляндіи, идущіе въ Россію, и изъ Россіи въ присоединенный край, отпускать безъ пошлинъ, на томъ же основаніи, какъ отпускается товаръ *изъ одного россійскаго порта въ другой россійскій портъ*; 2) таможенную стражу вдоль всей границы съ шведской Финляндіи снять.* Манифестомъ отъ 11 декабря 1811 года приказано было Выборгскую губернію присоединить къ новой Финляндіи и „состоять ей въ *главномъ управленіи* учрежденномъ для сей страны". Въ 1764 году Сестрорѣцкій участокъ былъ отрѣзанъ отъ Выборгской губерніи и приданъ Петербургской губерніи. „Возможно ли", спрашиваетъ г. М. Пергаментъ, „чтобы русская область была добровольно отрѣзана отъ Имперіи и присоединена къ территоріи другаго государства? Конечно нѣтъ." Не забудемъ еще что по Ништадскому миру 1721 года эта область была пріобрѣтена „въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность" Россіи. (П. С. З. № 3.818). Возможно ли, спросимъ мы, чтобы Русскій Императоръ, въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи ограничивши будто бы свою власть шведскими конституціонными законами, распоряженіемъ объ отрѣзкѣ земли (Сестрорѣцкаго участка), отступилъ бы отъ § 1 Земскаго Уложенія 1.442 (глава II), запрещающаго ему *уменьшать* свои земли *для другаго короля*? Очевидно что указанныя распоряженія являются *внутренними* дѣлами одного и того же государства и дѣлались въ интересахъ его управленія, и что никакой особой финляндской государственной территоріи не существуетъ.

Наконецъ, что касается Финскаго *народа*, то онъ какъ былъ, такъ и остался народомъ въ этнографическомъ смыслѣ и государственнаго значенія не пріобрѣталъ: Финляндія своихъ подданныхъ не имѣетъ. Швеція уступила Россіи свою провинцію, и жители этой провинціи перешли въ подданство Россіи. Александръ I, открывая Сеймъ въ Борго, обращался „къ своимъ подданнымъ". Русскій законъ не знаетъ финляндскаго подданства, а признаетъ лишь „права гражданства въ Финляндіи (т. IX Св. Зак., примѣч. 2 къ 312 ст.); вслѣдствіе того же, нашъ законъ говоритъ только о *перечисленіи* обывателей Имперіи въ Финляндію, безъ принесенія при этомъ присяги, и о разрѣшеніи имъ приписываться тамъ въ установленномъ порядкѣ. „Перечисленіе же", какъ извѣстно, рѣзко и существенно отличается отъ принятія иностраннаго подданства. Наконецъ,

* Впослѣдствіи таможенная черта была установлена и направленіе ея не разъ измѣнялось; такъ, напримѣръ, въ 1814—1816 годахъ она шла черезъ Парголово, Новую Деревню и Лахту. (П. С. З. 26.220).

Digitized by Google

Финляндцевъ никогда и никто въ Россіи за „иностранцевъ“ не считалъ, они пользуются наравнѣ съ нами всѣми русскими правами безъ малѣйшихъ формальностей; Финляндцамъ жившимъ въ Россіи выдавались, напримѣръ, виды на заграничныя поѣздки согласно общимъ установленнымъ у насъ правиламъ (П. С. З. № 25,543); въ 1810 году съ пріѣзжающими въ Петербургъ Финляндцами приказано былъ поступать какъ съ прибывающими изъ *внутреннихъ* губерній людьми и т. п. А разъ нѣтъ финляндскаго „подданства“, то нѣтъ и финляндскаго народа въ государственномъ смыслѣ.

Итакъ, вопросъ о трехъ элементахъ, необходимыхъ для фактическаго признанія государства, приходится рѣшить не въ пользу воззрѣній г. Германсона; при этомъ каждому очевидно что если изъ стѣны финляндскаго государственнаго зданія будутъ вынуты три подобные основные камня, то она неизбѣжно должна разрушиться. Слѣдовательно, всю попытку г. Германсона перестроить прежнюю теоретическую основу политическаго положенія Финляндіи приходится признать неудачною. Нѣкоторые выводы и положенія въ системѣ „государственнаго права Финляндіи“ онъ воспринялъ отъ своихъ предшественниковъ, но желалъ своимъ кропотливымъ трудомъ „заштопать“ въ этихъ выводахъ болѣе замѣтныя прорѣхи. Такъ, напримѣръ, онъ пробовалъ новыми соображеніями обосновать заявленіе другихъ Финляндцевъ что Александръ I несомнѣнно утвердилъ законы 1772 и 1789 годовъ; однако и на это поприщѣ искусственно - сотканныя имъ доказательства оказались столь же недоброкачественными какъ и прежнія доказательства его соотечественниковъ.

Въ общемъ, книга г. Германсона написана крайне растянуто и безцѣльно перегружена „ученымъ“ балластомъ. Этого балласта, то-есть постоянныхъ экскурсій въ области государственнаго и международнаго права, гораздо больше чѣмъ прямыхъ толкованій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ положенію Финляндіи, почему книга читается тяжело. Связанные рамками газетной статьи, мы по возможности старались выбрать изъ работы г. Германсона наиболѣе существенное, обходя нескончаемыя путаницы, мелочной софистическій подборъ фактовъ и т. п. Въ видѣ примѣра, и то только для оправданія своихъ словъ, укажемъ еще на нѣкоторые изъ нихъ.

На 179 стр. втораго выпуска г. Германсонъ, желая опровергнуть утвержденіе г. Сокольскаго что въ русскихъ офиціальныхъ актахъ не говорится о финляндскихъ *подданныхъ*, указываетъ на приложеніе къ 556 ст. IX тома Св. Законовъ, гдѣ дѣйствительно встрѣчается слово подданный. Но надо вникнуть въ суть цитаты. Въ примѣчаніи къ 6 ст. читаемъ: „незаконнорожденные отъ женъ, вдовъ и дочерей Россійскихъ солдатъ и матросовъ признаются подданными того края (то-есть Россіи или Финляндіи), къ которому при ихъ рожденіи принадлежитъ мать“... Очевидно, здѣсь, въ видахъ сокращенія статьи, выбрана не совсѣмъ удачная формулировка. Во всякомъ случаѣ, изъ подобнаго *примѣчанія* къ статьѣ о *незаконнорожденныхъ* дѣтяхъ никоимъ образомъ нельзя дѣлать такихъ выводовъ какіе дѣлаетъ гельсингфорсскій профессоръ. Въ IX томѣ Св. Зак. имѣются *спеціальныя правила* о перечисленіи обывателей Имперіи въ В. Кн. Финляндское и, конечно, здѣсь, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, слѣдуетъ искать данныхъ для разрѣшенія возникшаго спора. Въ этихъ же правилахъ всюду упоминается о „правахъ гражданства въ Финляндіи“ и нигдѣ не говорится о финляндскихъ „подданныхъ“. Въ другомъ мѣстѣ своего труда (I, 110) г. Германсонъ говоритъ что никогда не возникало мысли объ обнародованіи въ Финляндіи какого-либо постановленія о примѣненіи къ ней русскихъ основныхъ законовъ; а это, въ его глазахъ, служитъ доказательствомъ того что названные законы не считались основными законами Финляндіи. Тѣмъ не менѣе, тотъ же авторъ признаетъ затѣмъ что русскіе основные законы о престолонаслѣдіи и о вѣроисповѣданіи Монарха имѣютъ силу и для Финляндіи (II, 187—188).

Digitized by Google

„Отчего“, спрашиваетъ г. Германсонъ, „въ грамотѣ 15 марта 1809 года не упоминаются Форма Правленія и Актъ Соглашенія?“ Отвѣтъ его сводится къ тому что было бы трудно перечислить въ ней всѣ отмѣненныя (фактомъ присоединенія Финляндіи къ Россіи) части названныхъ шведскихъ законовъ. „Легко ли было формулировать эти нормы?“ восклицаетъ онъ (II, 189). Когда же самъ г. Германсонъ разсматриваетъ эти отпавшія части шведскихъ законовъ, то, кромѣ положенія о престолонаслѣдіи и вѣроисповѣданіи, не находитъ въ нихъ ничего непримѣнимаго къ Финляндіи послѣ 1809 года: сталобыть, казалось бы, формулировать эти нормы было весьма легко и въ утвердительной грамотѣ. Если же этого ни тогда, ни впослѣдствіи не было сдѣлано, то очевидно что указанные шведскіе акты не считались примѣнимыми къ Финляндскому краю подъ русскою властью.

Г. АБОВЪ.

Digitized by Google

ПИСЬМО КЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ.*

Въ Таммерфорсѣ, въ Финляндіи, строится православный храмъ, но имѣющихся въ распоряженіи строительной коммиссіи суммъ еще слишкомъ недостаточно чтобы рискнуть на постройку дорогого зданія въ иновѣрческомъ городѣ: не желательно услышать отъ иновѣрцевъ попрека—„сіи людіе начаша зданіе и не возмогоша совершити". Построеніе храма въ этой иновѣрческой мѣстности составляетъ дѣло обще-русское, и скорѣйшее завершеніе постройки безусловно необходимо. Понадобится около 40 тысячъ золотомъ, между тѣмъ, какъ видно изъ помѣщаемой ниже вѣдомости, пожертвованія еще далеко не дошли до этой суммы. Православные, русскіе люди, откликнитесь!

Вотъ вѣдомость о пожертвованіяхъ поступившихъ съ открытія сбора въ 1891 году до 1 мая 1895 года въ комитетъ для сбора пожертвованій на построеніе въ городѣ Таммерфорсѣ каменнаго храма во имя Св. Бл. В. К. Александра Невскаго, въ благодарное воспоминаніе о почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, учредившемъ самостоятельную православную Финляндскую епархію:

Отъ таммерфорсскихъ гражданъ деньгами, строительнымъ матеріаломъ и церковными принадлежностями всего на 2,183 марки 50 пенни; изъ Гельсингфорса отъ разныхъ лицъ 4.840 марокъ, въ томъ числѣ 4.000 мар. отъ Н. Т. Рязраго, и облаченій на 300 руб.; изъ Фридрихсгама 886 марокъ и 10 руб; изъ прочихъ мѣстностей Финляндіи 155 мар. 50 пен., 67 руб. 30 коп. и церковныхъ принадлежностей на 56 руб., 7.065 мар. и 433 руб. 30 коп.

Изъ Москвы 2,741 руб. 93 коп., именно отъ Ив. И. Коншина въ 1893 г. на устройство временной домовой церкви при мѣстной русской школѣ 700 руб. и въ 1895 г. на построеніе храма 1.000 руб.; чрезъ контору *Московскихъ Вѣдомостей* 24 и 25 апрѣля 1895 г. 978 р. 93 к.; отъ А. И. Ѳедорова 10 р., неизвѣстнаго 50 р. и Ин. Смирнова 3 руб.

Изъ Петербурга 417 руб., именно: чрезъ Гельсингфорсъ отъ графини Маріи Владиміровны Орловой-Давыдовой 115 руб.; отъ разныхъ лицъ 86 руб. (чрезъ профессора В. А. Семенова) и 54 рубля отъ разныхъ лицъ (чрезъ полковн. В. А. Лилье), отъ В. И. Розенгеймъ (чрезъ К. И. Якубова); прямо въ комитетъ: отъ Н. Л. Пожидаева 25 руб., Ан. Н. Р. 3 р., Н. Шаферова 3 р.. Александры Карповой и Анны 28 р., К. И. Волкова 25 р., П. С. Фоб. почтамтъ 3 р., по листу члена комитета Н. Г. Босова отъ И. С. Крючкова 100 р., отъ высокопреосв. Антонія напрестольная плащаница и отъ супруги генер. Подобѣдова двѣ пары воздуховъ.

Изъ Нижняго-Новгорода чрезъ губернатора Баранова 100 р.; изъ Кронштадта отъ протоіерея І. Сергіева 100 руб. (и въ 1895 г. на школу и храмъ 400 р.); изъ Царскаго Села: Л. П. 2 р., О. Дороѳеевой 25 р.; изъ Ставрополя Д. Жданова 25 р.; ст. Токаревки села Андреевки отъ А. Н. Полякова 25 р., Колпино (С.-Петерб. губ.) отъ прот. І. Орлова 10 р.; изъ Тамбова В. Т. Прокофьевъ 5 р.; изъ Симферополя А. Смирновъ 5 р., изъ Гори (Тифл. губ.) 5 р. и изъ Млавы (Плоцк. губ.) отъ Л. И. Алубиева 1 р., всего на построеніе храма 3.994 р. 23 к. и 7.065 марокъ и на нужды школы-пріюта съ домовою церковію 400 р.

Предсѣдатель комитета свящ.
А. ЯКУБОВЪ.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 133, отъ 16 мая.

Digitized by Google

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

ПО

ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Права „господствующей“ націи *.

Новому Времени (№ 6.893) пишутъ изъ Гельсингфорса о правахъ Русскихъ въ Финляндіи.

Въ Финляндіи иногда происходятъ весьма странныя вещи. Такъ, напримѣръ, при православныхъ приходахъ есть попечительства, имѣющія своею цѣлью церковное благоустройство, благотвореніе преимущественно нуждающимся членамъ прихода и т. п. Всѣ финляндскіе граждане православнаго вѣроисповѣданія ежегодно облагаются извѣстнымъ подоходнымъ налогомъ въ пользу приходскаго попечительства. Все это прекрасно и заслуживаетъ подражанія, но едва ли удобны и справедливы нѣкоторые пріемы которые практикуются, напримѣръ, приходскимъ попечительствомъ въ Гельсингфорсѣ. Русскій православный элементъ этого города состоитъ не изъ однихъ финляндскихъ гражданъ, но также изъ служащихъ. У военныхъ въ Гельсингфорсѣ свои церкви и потому у нихъ нѣтъ никакихъ соприкосновеній и недоразумѣній съ приходскимъ собраніемъ. Не въ такомъ положеніи находятся русскіе гражданскіе чиновники: за этими послѣдними, въ большинствѣ случаевъ не состоящими финляндскими гражданами, приходъ, кажется, никакихъ правъ не признаетъ: имъ объявляютъ что они должны заплатить столько-то и требуютъ уплаты. Когда же у такого плательщика является сомнѣніе—обязанъ ли онъ, не будучи финляндскимъ гражданиномъ, участвовать въ уплатѣ налога, взамѣнъ котораго не пользуется никакими правами, и когда плательщикъ проситъ указать на какомъ законномъ основаніи эта уплата требуется, то ему отвѣчаютъ угрозами процесса, обѣщаніемъ прибѣгнуть къ продажѣ имущества и т. п., а законныхъ основаній тѣмъ не менѣе не указываютъ, то-есть не признаютъ за несчастнымъ русскимъ служащимъ никакихъ правъ на разсужденіе въ дѣлахъ лично его касающихся. Почему бы русскимъ служащимъ не предоставить права голоса въ этихъ собраніяхъ по ихъ образовательному цензу. Смѣемъ думать что, напримѣръ, учителя гимназіи могутъ быть допущены въ члены православнаго собранія. Тогда, конечно, не раздастся никакихъ протестовъ противъ подоходнаго налога, заслуживающаго, по своимъ цѣлямъ, полнаго сочувствія. Въ настоящее же время русскіе служащіе, платящіе нологъ, не имѣютъ права голоса въ приходскомъ собраніи.

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 129, отъ 12 мая.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЕ ПРОТЕСТЫ

И

„НАРВСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ".*

Въ № 95 *Московскихъ Вѣдомостей* мы изложили содержаніе протеста ** заявленнаго Финляндскимъ Сеймомъ прошлаго года въ Бозѣ почившему Государю противъ выработаннаго Особымъ Совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, проекта правилъ о порядкѣ окончательнаго разрѣшенія такихъ финляндскихъ дѣлъ которыя имѣютъ общегосударственное значеніе и касаются интересовъ всей Россіи, а не одной только Финляндской окраины. Особое совѣщаніе предложило въ своемъ проектѣ направлять подобныя дѣла въ Государственный Совѣтъ и разрѣшать ихъ общимъ порядкомъ установленнымъ въ нашихъ основныхъ государственныхъ законахъ, то-есть въ видѣ Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, причемъ финляндскимъ властямъ, министру-статсъ-секретарю и членамъ Сената, предоставляется принимать участіе при обсужденіи этихъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, а Финляндскому Сейму предоставляется давать свои заключенія, которыя могутъ быть принимаемы во вниманіе, хотя, конечно, Государственный Совѣтъ не обязанъ имъ подчиняться. Финляндскій Сеймъ, въ своемъ протестѣ, называетъ проектъ Особаго Совѣщанія „нападкой на законный (?!) образъ правленія Финляндіи"; а „законный" якобы „образъ правленія" Финляндіи, по измышленной финляндскими юристами, въ родѣ гг. Л. Мехелина, Вреде, Германсона и т. п., и отстаиваемой Сеймомъ теоріи, долженъ де состоять въ томъ, чтобы Финляндія, какъ отдѣльное государство, управлялась совершенно независимо отъ русскихъ общегосударственныхъ властей и учрежденій, и чтобы Финляндскій Сеймъ даже въ дѣлахъ общегосударственнаго значенія имѣлъ рѣшающій голосъ; русской же Верховной Власти предоставляется лишь утверждать сеймовыя „рѣшенія", безо всякихъ измѣненій въ нихъ, или же передавать дѣло слѣдующему Сейму, и такъ далѣе; другими словами, русская государственная власть по этой теоріи должна въ концѣ концовъ всегда отступаться отъ своихъ требованій, если Сеймъ не согласенъ, и финляндскіе земцы могутъ предписывать законы всей Россійской Имперіи.

Финляндскіе публицисты увѣряютъ будто этотъ протестъ Сейма такъ подѣйствовалъ на русскую государствен-

* *Московскія Вѣдомости* 1894 годъ, № 101, отъ 14 апрѣля.

** См. выше, стр. 261—265 и 268—271.

Digitized by Google

ную власть что проектъ Особаго Совѣщанія оставленъ безъ дальнѣйшаго движенія, несмотря на то что еще весной 1893 года состоялось Высочайшее повелѣніе почившаго Государя о внесеніи его въ Государственный Совѣтъ. Мы въ вышеуказанной статьѣ нашей выразили сомнѣніе въ основательности этого предположенія: русская государственная власть не могла не знать заранѣе что безъ „протестовъ“ со стороны финляндскихъ политикановъ и въ настоящемъ случаѣ—(какъ это было и раньше, напримѣръ, при изданіи Манифестовъ объ объединеніи финляндской почты съ общегосударственною и о пріостановкѣ финляндскаго Уголовнаго Уложенія 1889 года) дѣло не обойдется, и еслибъ она ихъ боялась, то не стала бы, конечно, и возбуждать такого вопроса, тѣмъ болѣе что уже при первоначальномъ обсужденіи дѣла въ Особомъ Совѣщаніи нѣкоторые финляндскіе члены его (въ томъ числѣ министръ-статсъ-секретарь генералъ Денъ) высказывали приблизительно такое же мнѣніе какое выражаетъ и Сеймъ въ своемъ протестѣ.

Но, не соглашаясь съ такимъ предположеніемъ финляндскихъ газетъ, нельзя не признать, однакоже, что есть нѣкоторое, по крайней мѣрѣ внѣшнее, основаніе для этой увѣренности финляндскихъ дѣльцовъ въ великомъ значеніи ихъ протестовъ противъ русской власти. Объединительныя мѣры, предпринятыя въ 1889 году, по почину и указаніямъ въ Бозѣ почившаго Государя, для упорядоченія финляндскихъ дѣлъ и для сближенія Финляндскаго края съ остальною Россіей, въ послѣдніе два года *замѣтно пріостановились*, и это страннымъ образомъ совпадаетъ съ цѣлымъ рядомъ „протестовъ“ со стороны финляндскихъ политиковъ. Въ 1889 году, какъ извѣстно, Высочайше повелѣно было объединить финляндскія почту, таможню и монету съ соотвѣтствующими общегосударственными учрежденіями, и назначены для этого особыя коммиссіи. Почта была объединена (несмотря на финляндскіе „протесты“), но таможня и монета остаются и до сихъ поръ необъединенными. Пріостановку таможеннаго объединенія—(то-есть подчиненія финляндскаго таможеннаго вѣдомства Министерству Финансовъ; уравненіе же тарифовъ, финляндскаго и общегосударственнаго, зависитъ, какъ извѣстно, отъ сроковъ, назначенныхъ при заключеніи торговаго договора съ Германіей) — финляндскіе политики прямо приписываютъ протесту поданному сеймомъ 1894 года.

Въ 1892 году назначено было, по Высочайшему повелѣнію, Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, для обсужденія вопроса о значеніи и объемѣ такъ-называемыхъ „основныхъ законовъ“ Финляндіи. Оно дѣятельно занялось возложеннымъ на него порученіемъ и въ началѣ 1893 года выработало вышеуказанный проектъ, а для детальной разработки вопроса объ „основныхъ законахъ“ при немъ *тогда же* была образована особая коммиссія изъ русскихъ и финляндскихъ юристовъ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Неклюдова. Но готовый проектъ, какъ уже сказано, остается пока безъ дальнѣйшаго движенія, а коммиссія Н. А. Неклюдова *ни разу даже не собиралась до сихъ поръ*.

Въ томъ же 1892 году Военнымъ Министерствомъ, тоже по особому Высочайшему повелѣнію, намѣчены были главныя основанія преобразованія „финской арміи“ и объединенія ея съ общерусскою Императорскою арміей, а для составленія соотвѣтствующихъ намѣченнымъ основаніямъ подробныхъ проектовъ назначена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Величко. Но проекты этой коммиссіи также остаются безъ дальнѣйшаго движенія.

Нельзя, поэтому, особенно удивляться что у финляндскихъ дѣльцовъ сложился такой взглядъ что ихъ протесты сильно дѣйствуютъ. Весьма любопытныя данныя въ этомъ отношеніи находимъ въ появившейся недавно въ Стокгольмѣ книгѣ шведскаго писателя О. Цвейгбергка *Finska studier (Финляндскіе очерки)*, сотрудника вліятельной стокгольмской газеты *Aftonbladet*. По порученію редакціи этой газеты,

Digitized by Google

г. Цвейгбергкъ посѣтилъ Гельсингфорсъ въ началѣ прошлаго года и прожилъ тамъ два мѣсяца, январь и февраль, какъ разъ во время засѣданій Финляндскаго Сейма. Онъ близко познакомился со всѣми главнѣйшими финляндскими политическими дѣльцами (портретами которыхъ иллюстрирована его книга), и они посвятили его во всѣ самыя сокровенныя тайны финляндской политики*. Задушевныя бесѣды съ ними онъ большею частію и передаетъ прямо въ діалогической формѣ. На основаніи этихъ бесѣдъ онъ говоритъ, что политика протестовъ оказалась де по опыту самою лучшею и надежною по отношенію къ русской власти. Сперва де въ этомъ отношеніи было разногласіе между финноманскою и шведоманскою партіями,—разногласіе обнаружившееся отчасти на сеймѣ 1891 года. Финноманы держались де сперва того взгляда что слишкомъ часто и рѣзко протестовать неудобно и можетъ скорѣе повредить чѣмъ принести пользу „дѣлу финляндской конституціонной свободы и государственной самостоятельности“, что лучше пока уступать русской власти, съ тѣмъ чтобы потомъ выждать благопріятный моментъ и вернуть „утраченное“. Шведоманы же, напротивъ, съ самаго начала полагали что чѣмъ больше „протестовать“, тѣмъ лучше. Наконецъ и финноманы согласились де съ ними, и на этомъ сеймѣ (то-есть прошлогоднемъ) обѣ партіи выступили де уже съ полнымъ единодушіемъ.

„Въ Россіи“ — пишетъ г. Цвейгбергкъ (на стр. 187 книги) со словъ своихъ финляндскихъ пріятелей, — „охотно уступаютъ когда встрѣчаютъ серіозное сопротивленіе. Въ 1890 году казалось что Россія готова зажечь фитиль и выпустить зарядъ. Почту, монету и таможню Финляндіи предполагалось разомъ подчинить русскимъ центральнымъ властямъ. Почтовый Манифестъ былъ изданъ и съ *каждымъ днемъ ждали* (то-есть ждали въ Финляндіи) обоихъ остальныхъ манифестовъ. Но ничего не было слышно. Въ Россіи, очевидно, перемѣнили намѣреніе. Почему? Теперь не можетъ уже быть никакого сомнѣнія въ томъ, что *причиной перемѣны было рѣшительное поведеніе Финляндскаго Сейма.* Люди осторожные въ Финляндіи побуждали тогда къ покорности. Склонимъ головы и дадимъ штурму пройти надъ нами, говорили они. Финноманское правительство (то-есть Финляндскій Сенатъ, большинство членовъ котораго принадлежатъ къ финноманской партіи) раздѣляло этотъ взглядъ, и такіе же совѣты получались отъ Финляндцевъ проживающихъ въ Петербургѣ. Если раздражить Русскихъ теперь, говорили они, то немедленно послѣдуютъ еще худшіе нападки. Но Сеймъ 1891 года слѣдовалъ иной тактикѣ, главнымъ образомъ благодаря вліянію шведской партіи. *Протестовали и протестовали такъ энергично какъ только могли.* И эффектъ? Всѣ стремительные замыслы (русской власти) остановились или начали, по крайней мѣрѣ, искать себѣ иныхъ путей. Едва ли можно сомнѣваться что шведская партія права въ томъ, что той тактикѣ которой слѣдовали въ 1891 году нужно держаться и впредь. Финляндія не должна *молча терпѣть конституціонныя нарушенія, а протестовать и снова протестовать* (protestera och protestera om igen) *противъ всякой даже тѣни самаго незначительнаго нарушенія подтвержденной клятвою* (!) *конституціи. Такое поведеніе производитъ эффектъ въ Россіи, гдѣ не привыкли къ этому. Русскіе имѣютъ еще варварскую привычку* (Ryssarna ha ännu den barbariska vanan) *поступать нахально когда они имѣютъ дѣло съ боязливымъ и покорнымъ противникомъ, но они легко смиряются предъ тѣмъ кто сумѣетъ ихъ устрашить. Навѣрное, это старыя Нарвскія воспоминанія* (amgla Narvaminnen) *внушаютъ имъ такой респектъ къ шведской партіи въ Фин-*

* Какъ близко сошелся г. Цвейгбергкъ съ финляндскими политиками, видно, между прочимъ, изъ того что онъ первый сообщилъ въ газетѣ *Aftonbladet* о секретныхъ засѣданіяхъ и о протестѣ сейма еще въ февралѣ 1894 года, когда объ этомъ ничего не знали даже высшія русскія власти.

Digitized by Google

ляндіи, между тѣмъ какъ они съ пренебреженіемъ говорятъ о „„чухнахъ““, то-есть о чисто-финскомъ населеніи. Нужно, притомъ, принимать въ разчетъ *непостоянство и недостатокъ устойчивости, что составляетъ черту русскаго національнаго характера.* Тамъ составляютъ планы и вдаются въ одинъ проектъ за другимъ, но *какъ только встрѣчаются съ затрудненіями, то сейчасъ же бросаютъ дѣло* (буквально: бросаютъ топоръ въ море—**kastar man genast yxan i sjön**).

„Представляется, кромѣ того, что въ Финляндіи много могутъ выиграть, но мало сравнительно потерять, отъ рѣшительной и энергичной тактики: для каждаго здраво смотрящаго на вещи должно быть ясно что это праздныя рѣчи когда говорятъ (авторъ разумѣетъ здѣсь финномановъ) что можно будетъ въ будущемъ взять назадъ то что теперь уступятъ (русской власти) въ конституціонномъ отношеніи. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо имѣетъ силу поговорка что вся рука послѣдуетъ, если дать противнику ухватиться хотя бы за одинъ палецъ. Нѣтъ, гораздо больше мудрости въ девизѣ шведской партіи: ни на дюймъ не отступимъ отъ нашего права; убейте насъ, если хотите, но мы не покинемъ почвы закона (?!). *Это производитъ впечатлѣніе даже на варваровъ* (till och med på barbarer)“.

Итакъ, трусливость русскихъ „варваровъ“ предъ геройскими протестами кучки финляндскихъ политикановъ, трусливость возбуждаемая „Нарвскими воспоминаніями“,– вотъ гдѣ будто бы причина медленнаго движенія и застоя въ финляндскихъ дѣлахъ, вотъ почему пріостановила будто бы русская государственная власть свои „стремительные замыслы“. Излишне доказывать что это низкая и злобная клевета на русскую власть.

Но какія же дѣйствительныя причины нѣкоторой пріостановки финляндскихъ объединительныхъ реформъ?

Едва ли мы ошибемся если скажемъ что главная причина заключается въ маломъ еще знакомствѣ съ финляндскими дѣлами, въ укоренившейся склонности смотрѣть на эти дѣла какъ бы мимоходомъ, въ недостаточномъ сознаніи серіозности финляндскаго вопроса. У насъ все еще склонны относиться къ этому вопросу слегка; экая, молъ, важность какая-то тамъ Финляндія,—всегда успѣемъ съ ней справиться. А между тѣмъ антирусская агитація въ этой часто забываемой окраинѣ все растетъ и усиливается, во вредъ и самой ей,—то-есть неполитиканствующей массѣ населенія края,—и кореннымъ русскимъ государственнымъ интересамъ.

Но мы продолжаемъ вѣрить что это только временная заминка, что благія начинанія въ Бозѣ почившаго Государя и тутъ не останутся лишь начинаніями, что финляндскіе политиканы и ихъ шведскіе друзья ошибутся въ своихъ разчетахъ на силу „Нарвскихъ воспоминаній“...

Digitized by Google

НОВОЕ ТОРЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКАГО СЕПАРАТИЗМА.*

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей".

Гельсингфорсъ, 1 іюня.

Судьба занесла меня въ Финляндію—страну чудесъ по преимуществу, классическую страну вѣдьмъ и чародѣевъ. Такова ея репутація съ незапамятныхъ временъ, такою она представлялась нашимъ отдаленнымъ предкамъ, такою перешла потомъ въ народныя сказки, такою она является у Пушкина въ „Русланѣ и Людмилѣ" и такою, наконецъ, осталась и до нашихъ дней. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ не колдуны и чародѣи всѣ эти Спренгпортены, Маннергеймы, Армфельты и проч. и проч., сумѣвшіе напустить туманъ въ глаза русскимъ властямъ и русскому обществу и трижды покоренную нами шведскую область превратить въ отдѣльное государство, состоящее, будто бы, съ нами въ „уніи"? Развѣ не колдовство—это превращеніе побѣдоноснаго Самодержавнаго Русскаго Монарха въ якобы „конституціоннаго" Великаго Князя, подчиненнаго законамъ разгромленнаго имъ Шведскаго королевства? Развѣ не вѣдьма та Финляндка, про которую разсказываютъ, будто она, находясь при нашемъ дворѣ въ качествѣ persona grata, ухитрялась въ то же время покровительствовать польскому возстанію? Развѣ всѣ эти статсъ-секретаріаты, конституціи, сенаты, сеймы, таможни и т. п.—не чудеса изъ „Тысячи и одной ночи"? Развѣ не чудо это безсиліе мѣстной русской власти, лишенной не только de facto, но даже и de jure почти всякаго значенія? Положимъ, что для живущихъ здѣсь русскихъ людей всѣ эти диковины, отъ постояннаго ихъ созерцанія и повторенія, давно уже потеряли свой чудесный характеръ и представляются дѣломъ обычнымъ. Но на свѣжаго русскаго человѣка, впервые попавшаго въ эту волшебную обстановку, онѣ производятъ ошеломляющее впечатлѣніе. Все что онъ видитъ и слышитъ кажется ему тяжелымъ кошмаромъ, лукавымъ навожденіемъ. Но—увы!—это не кошмары и не навожденіе, а сама дѣйствительность, горькая до слезъ, обидная до боли!...

Вотъ, напримѣръ, что происходило передъ моими глазами, въ Гельсингфорсѣ въ эти послѣдніе чудные дни мая. Вся Финляндія, въ лицѣ своихъ представителей: сенаторовъ, литераторовъ, профессоровъ, студентовъ, лицеистовъ, горожанъ и крестьянъ, при-

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 157, отъ 10 іюня.

Digitized by Google

везенныхъ отовсюду на казенный счетъ, торжественно и шумно открывала памятникъ „великому“ Паціусу... Несмотря на свои скромные размѣры, Финляндія плодитъ невѣроятное количество „великихъ“ людей, къ числу которыхъ принадлежитъ и Паціусъ. Дѣло въ томъ, что „великій“ финляндскій поэтъ Рунебергъ написалъ стихотвореніе *Vårt land* (*Наша страна*), полное финляндскаго напыщеннаго патріотизма и междустрочныхъ намековъ по нашему адресу; а нѣкій забѣглый и никому невѣдомый Нѣмчикъ Паціусъ подобралъ къ этимъ стихамъ мелодію, да и то не свою, а позаимствованную у какого-то другаго Нѣмца. Такимъ образомъ появился финляндскій національный гимнъ; ибо какъ же Финляндіи быть безъ своего гимна? Вѣдь она же считаетъ себя отдѣльнымъ государствомъ! У нея есть свой сенатъ, свой сеймъ, свои законы, монета, войско, — надо же завести и свой гимнъ. Вѣдь не можетъ же Финляндія распѣвать *Боже Царя храни!* что годится для русскаго варвара, то не идетъ „культурному“ Финляндцу, который даже и наивныхъ русаковъ, въ родѣ г. Сементковскаго, приводитъ въ восторгъ своею „культурностью“. Да и что можетъ быть общаго у Финляндіи съ Россіей и ея Царемъ? Царь для Финляндіи только „Великій Князь“, да и то „конституціонный“. Знаменитый *Vårt land* поется и играется здѣсь ежеминутно, на каждомъ шагу, кстати и не кстати *. При этомъ присутствующіе, хотя бы и Русскіе, обязательно снимаютъ шляпы, а финскія войска берутъ на караулъ и прикладываютъ руку къ головному убору. При открытіи памятника Паціусу *Vårt land* сопровождался даже помаваніемъ флагами и разными знаменами, какъ это дѣлается у насъ при Высочайшихъ смотрахъ. Казалось бы, хоть изъ простаго приличія слѣдовало исполнить и русскій гимнъ, тѣмъ болѣе слѣдовало, что вѣдь тутъ же присутствовалъ въ полномъ своемъ составѣ *Императорскій Финляндскій Сенатъ*. Но, объ этомъ, разумѣется, и помина не было. Нашъ гимнъ исполняется только на военныхъ парадахъ, по приказанію русскихъ властей, причемъ гг. Финляндцы не только не думаютъ снимать шапокъ, но еще демонстративно засовываютъ руки въ карманы и, съ сигарами въ зубахъ, нагло лѣзутъ впередъ, чтобы всѣмъ было видно полное ихъ пренебреженіе ко всему происходящему. Какъ это дѣйствуетъ на нашихъ солдатъ, офицеровъ и многочисленныхъ русскихъ мужичковъ, являющихся сюда на заработки,—объ этомъ и подумать больно... А вѣдь многіе изъ нихъ присутствовали на пресловутомъ праздникѣ въ честь Паціуса и, волей-неволей, должны были ломать шапки предъ фигурой забѣглаго Нѣмчика, отдавать ему честь и слушать съ непокрытою головой шведо-нѣмецкую пѣсенку...

Нѣмцы тоже почтили память своего камрада. Изъ Петербурга прибылъ сюда in corpore какой-то пѣвческій ферейнъ, съ которымъ тутъ возились какъ съ писаною торбой. Шведы и Нѣмцы обмѣнивались брудершафтами и обильными рѣчами, исполненными шведскаго и нѣмецкаго патріотизма, въ которыхъ о Россіи, конечно, и не упоминалось, словно ея и на свѣтѣ нѣтъ. Финляндцы увѣряютъ будто во главѣ ферейна прибылъ профессоръ Петербургской Консерваторіи, а въ числѣ пѣвцовъ — множество чиновниковъ разныхъ министерствъ. Нечего и говорить что это—плодъ финляндскаго воображенія. Ибо мы не вѣримъ чтобы профессоръ русской консерваторіи, будь онъ трижды Нѣмецъ, позволилъ себѣ такую безтактную выходку: вѣдь не могъ же онъ не знать истиннаго смысла этого торжества; не могъ же онъ не видѣть что это, въ сущности, есть торжество финлянд-

---

* Замѣчательно, что до кронштадтской встрѣчи русскаго и французскаго флотовъ почти одинаковою популярностью съ *Vårt land*'омъ пользовалась здѣсь Марсельеза, которую Финляндцы назойливо трубили, пиликали, высвистывали и пѣли на каждомъ шагу, полагая, надо думать, что этимъ гимномъ они оскорбляютъ русское ухо. Съ кронштадтскаго свиданія Марсельеза разомъ смолкла, и на смѣну ей явился почему-то датскій гимнъ.

Digitized by Google

скаго сепаратизма и что значеніе его— противогосударственное и обидное для русскаго чувства; не могъ же не понять, что для насъ, Русскихъ; *Vårt land* и *Еще Польска не сгинѣла*—піесы одного и того же репертуара. Такого близорукаго профессора, хотя бы и консерваторіи, мы не предполагаемъ. Наконецъ, вѣдь есть же какое-нибудь начальство и у профессоровъ, а тѣмъ болѣе у департаментскихъ чиновниковъ. Не могло же оно дозволить своимъ подчиненнымъ подобное паломничество. Повторяемъ: это вздоръ, игра финляндскаго воображенія.

Кстати о финляндскомъ сепаратизмѣ. Въ рескриптѣ 28 февраля 1891 года Почившій Монархъ торжественно объявилъ что Финляндскій край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и есть не болѣе какъ часть Россійскаго государства. Положеніе это не есть что-нибудь новое: оно создано исторіей и установлено еще Фридрихсгамскимъ трактатомъ. Но финляндскіе дѣльцы постарались извратить его прямой и ясный смыслъ и изобрѣли ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Поэтому, въ томъ же рескриптѣ мы находимъ порицаніе заблужденій и лжеученій которыя усердно распространялись среди финскаго населенія досужими финляндскими политиканами и препятствовали объединенію Финляндіи съ остальными частями государства, то-есть тому дѣлу, которымъ озабоченъ былъ Великій Миротворецъ. Прочтя священныя для каждаго Русскаго слова Высочайшаго Рескрипта, русское общество могло вздохнуть свободно и успокоиться. Казалось бы, послѣ этого уже не можетъ быть и рѣчи о новыхъ попыткахъ сепаратизма. Что же мы видимъ тутъ, на мѣстѣ? Унялись ли финляндскіе политиканы? Доказали ли они хоть разъ на дѣлѣ, а не однѣми высокопарными фразами, свою „законность", которою они такъ хвалятся? Увы! Приходится убѣдиться что всѣ грустныя и обидныя явленія прошлаго не только не уменьшились, а растутъ и множатся. Злоба и презрѣніе къ Россіи и Русскимъ увеличивается, ученіе о Финляндскомъ государствѣ пускаетъ корни все глубже и глубже, пропасть становится все шире и шире. Вотъ хотя бы и сейчасъ: въ здѣшнемъ университетѣ начались общедоступныя лекціи, на которыя искусственно привлекается городское и сельское населеніе края. Мѣстныя газеты излагаютъ ихъ содержаніе. А вотъ, напримѣръ, какъ началъ первую свою лекцію профессоръ Шюбергсонъ (см. отчетъ газеты *Hufvudstadsbladet*, № 150):

„Въ послѣдніе годы много говорилось о положеніи Финляндіи въ конституціонномъ и государственно-правовомъ отношеніяхъ, и особенно газетная печать не разъ съ большимъ интересомъ обсуждала этотъ вопросъ. Важно, поэтому, для гражданъ (финляндскихъ) имѣть понятіе по вопросу о конституціонной свободѣ (?) нашей страны (om vårt lands konstitutionella frihet). Въ настоящихъ чтеніяхъ, относящихся къ исторіи Финляндіи, будетъ изложено происхожденіе нынѣшней конституціи (!) Финляндіи по слѣдующему плану: въ 1-й лекціи онъ, профессоръ Шюбергсонъ, намѣренъ изложить развитіе Финляндіи до 1808 года, во 2-й изложить событія 1808 года, въ особенности исторію такъ-называемой финляндской депутаціи; въ 3-й будетъ говорить о Боргоскомъ сеймѣ, въ 4-й о развитіи Финляндіи послѣ этого сейма до возстановленія конституціи (!?) въ 60-хъ годахъ и и въ 5-й о времени послѣ этихъ годовъ".

Другой лекторъ, баронъ Виллебрантъ, по отчетамъ тѣхъ же газетъ, читаетъ, въ дополненіе къ лекціямъ г. Шюбергсона, ученіе о финляндской государственной (!) конституціи, съ юридической точки зрѣнія.

Спрашивается, что это какъ не ученіе о Финляндскомъ государствѣ, — ученіе осужденное съ высоты трона и, слѣдовательно, преступное и противогосударственное? И какъ не вспомнить словъ г. Еленева, что вся финляндская политика зиждется на рядѣ историческихъ подтасовокъ и нелѣпостей, которыя, отъ частаго повторенія въ теченіе долгаго времени, пріобрѣтаютъ видъ истины благодаря нашему

Digitized by Google

равнодушію и долготерпѣнію? Если,— будутъ разсуждать потомъ гг. Финляндцы, — эти лекціи читаются, то стало-быть онѣ дозволены, а если дозволены, то значитъ содержаніе ихъ признается истиннымъ. Что же это все значитъ? Или слово Русскаго Царя безсильно? Или нѣтъ средствъ заставить Финляндцевъ одуматься? Или труды нашихъ почтенныхъ работниковъ по финляндскому вопросу—Коркунова, Еленева, Таганцева и, въ особенности Ордина, этого мученика за русскую идею, загнаннаго въ преждевременную могилу финляндскими патріотами,—были напрасны? Или дѣтскія бредни о боргоскихъ актахъ и тому подобномъ вздорѣ, съ чисто финляндскимъ упрямствомъ повторяемыя гг. Мехелинымъ, Даніельсономъ, Германсономъ, Шюбергсономъ и прочими quasi-учеными кажутся кому-нибудь болѣе убѣдительными? Или времена предателей—Спренгпортеновъ, служившихъ тремъ богамъ сразу, еще не миновали? Сами Финляндцы, какъ это недавно было выяснено въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, удивляются нашему простодушію и разгильдяйству и не находятъ имъ другаго объясненія кромѣ страха внушеннаго „нарвскими воспоминаніями“ *. Впрочемъ, смѣлость Финляндцевъ, какъ говорятъ здѣсь, проистекаетъ еще изъ увѣренности, Богъ вѣсть откуда взявшейся, будто Россія въ самомъ скоромъ времени распадется „на свои составныя части“... Вотъ какъ поговариваютъ „лойяльные“ Финляндцы! А гг. Сементковскіе продолжаютъ умиляться ихъ „культурой“...

Хорошо имъ умиляться, а каково намъ, свѣжимъ людямъ, созерцать какъ съ каждымъ днемъ эта окраина, добытая кровью нашихъ предковъ, отходитъ отъ насъ дальше и дальше? Каково намъ, не успѣвшимъ превратиться въ космополитовъ, видѣть какъ презирается здѣсь русское имя, какъ оскорбляется русское чувство?

Однако, не можетъ ли кто-нибудь объяснить: что это дѣлается въ Финляндіи, и зачѣмъ, и до какихъ поръ, нужно это терпѣть? Явится ли, наконецъ, могучій Руслань чтобы мановеніемъ своей руки разрушить этотъ „замокъ обмана“?

ЗАѢЗЖІЙ РУССКІЙ.

---

* См. выше, стр. 292—293.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ

О „СВОБОДѢ ПЕЧАТИ“ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.*

Финляндскія газеты въ послѣднее время очень усердно занимаются вопросомъ объ установленіи въ Финляндіи „свободы печати“. Онѣ побуждаютъ Финляндскій Сенатъ отстоять передъ Верховною Властію всеподданнѣйшую петицію прошлогодняго Финляндскаго Сейма о томъ чтобы законодательство о печати въ краѣ передано было въ вѣдѣніе Сейма (до сихъ поръ оно вѣдалось исключительно правительствомъ), и чтобы печать, согласно закону издаваемому и измѣняемому Верховною Властію не иначе какъ съ вѣдома и „согласія“ Сейма, была освобождена отъ предварительной цензуры, изъята изъ вѣдѣнія русскаго генералъ-губернатора края и подчинена финляндскимъ „законнымъ судамъ“.

О преніяхъ Сейма по этому вопросу было уже въ свое время разсказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (см. письмо изъ Гельсингфорса выше, стр. 14 — 16). Тогда же была изложена у насъ и исторія финляндскаго законодательства о печати. Финляндскимъ дѣльцамъ особенно не нравится установленное въ 1891 году (въ дополненіе къ уставу о печати 1867 года) подчиненіе финляндской цензуры и печати русскому генералъ-губернатору, съ предоставленіемъ ему права прекращать изданіе мѣстныхъ газетъ „временно или совсѣмъ, если онѣ подадутъ къ тому поводъ неправильнымъ толкованіемъ положенія Финляндіи по отношенію къ Имперіи“ (какъ говорится въ § 12 закона 1891 года). Это нѣсколько стѣсняетъ слишкомъ беззастѣнчивую агитацію и выходки противъ Россіи, и на прошлогоднемъ Сеймѣ финляндскіе политическіе вожаки устроили демонстрацію въ пользу „свободы“ анти-русской агитаціи. Во всѣхъ сословіяхъ Сейма ораторы въ пламенныхъ рѣчахъ громили дѣйствующее нынѣ въ краѣ законодательство о печати и доказывали необходимость передачи его въ руки сейма. По излюбленному финляндскими политиками и „юристами“ обычаю, они ссылались при этомъ на пресловутую шведскую конституцію 1772 года, стараясь привести изъ нея нужные доводы.

Петиція Сейма, составленная въ смыслѣ и духѣ этихъ рѣчей, но только въ болѣе скромныхъ выраженіяхъ, заканчивается просьбой о томъ „чтобъ Его Величеству благоугодно было на слѣдующемъ Сеймѣ представить земскимъ чинамъ Высочайшее предложеніе съ проектомъ закона о печати въ

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 161, отъ 14 іюня.

Digitized by Google

Финляндіи, основанномъ на томъ принципѣ что каждый финляндскій гражданинъ впредь имѣетъ право безъ предварительной цензуры издавать періодическія или иныя сочиненія и за нарушенія по дѣламъ печати отвѣтствуетъ лишь предъ законнымъ судомъ". Прошлымъ лѣтомъ эта петиція была отправлена въ финляндскій статсъ-секретаріатъ для всеподданнѣйшаго доклада, и оттуда, до доклада, по установившемуся обычаю, препровождена на заключеніе Финляндскаго Сената, къ которому теперь и обращается финляндская печать съ увѣщаніями чтобъ онъ поддержалъ петицію предъ Верховною Властью. Финляндскіе дѣльцы работающіе въ печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на сеймахъ (многіе изъ финляндскихъ публицистовъ, какъ извѣстно, играютъ видную роль также въ качествѣ членовъ Сейма), разсчитываютъ при этомъ на то что Сенатъ въ послѣднее время замѣтно измѣнилъ свою политику. До 1894 года онъ не разъ высказывался въ смыслѣ несогласномъ съ „рѣшеніями" Сейма, когда Сеймъ заходилъ уже черезчуръ далеко. Вслѣдствіе этого „передовые" дѣльцы финляндскаго сепаратизма, въ особенности изъ такъ-называемой шведоманской партіи, на прошлогоднемъ Сеймѣ сильно нападали на большинство Сената, обвиняя его въ „не-конституціонной" наклонности идти въ разрѣзъ съ желаніями „народныхъ представителей" и въ излишней уступчивости предъ русскою властью. Многія изъ „рѣшеній" Сейма 1891 года, говорили они, не утверждены де Верховною Властью главнымъ образомъ потому что часть сенаторовъ, или даже большинство Сената, отозвались о нихъ неодобрительно въ своихъ заключеніяхъ, данныхъ по требованію статсъ-секретаріата. *

Эти нападки сеймовыхъ ораторовъ и ихъ угрозы лишить Сенатъ „довѣрія" финляндскаго „общественнаго мнѣнія", какъ видно, возымѣли надлежащее дѣйствіе: съ прошлаго года Финляндскій Сенатъ уже систематически поддерживаетъ Сеймъ, и по всѣмъ почти дѣламъ, обсуждавшимся на Сеймѣ 1894 года и восходившимъ до сихъ поръ на благоусмотрѣніе Верховной Власти, Сенатомъ даны заключенія вполнѣ согласныя съ мнѣніями и желаніями Сейма. Финляндскіе публицисты съ удовольствіемъ отмѣтили это единодушіе „туземнаго правительства" (какъ называютъ они обыкновенно Сенатъ) со „второю государственною властью" („andra statsmakten", какъ называется нерѣдко Сеймъ даже въ оффиціальныхъ сеймовыхъ документахъ), и ждутъ, благодаря ему, великихъ успѣховъ въ борьбѣ противъ „общаго врага", то-есть русской власти. Въ вопросѣ о „свободѣ печати" они тоже, поэтому, твердо надѣются на энергическую поддержку со стороны Сената, и появились уже слухи о томъ что среди членовъ Сената замѣчается склонность поддержать Сеймъ и въ этомъ „щекотливомъ" дѣлѣ и передать законодательство о печати въ вѣдѣніе Сейма.

Неизвѣстно, оправдаются ли эти слухи и надежды финляндскихъ „передовыхъ" дѣльцовъ, и удастся ли имъ сдѣлать этотъ новый задуманный ими захватъ—исторгнуть у Русской Верховной Власти право единоличнаго установленія законовъ о печати въ краѣ. Несомнѣнно, однако, что финляндскіе политики въ этихъ хлопотахъ своихъ о „свободѣ печати" збываютъ или, вѣрнѣе, умышленно замалчиваютъ одно весьма важное обстоятельство, которое, еслибъ они были „лойяльны" на дѣлѣ, а не на словахъ только, не позволило бы имъ даже и думать о подобномъ захватѣ, а именно: домогательство о передачѣ законодательства о печати въ руки Сейма было уже однажды рѣшительно отклонено Верховною Властью, въ выраженіяхъ не допускающихъ никакихъ сомнѣній.

Финляндскій Сеймъ 1872 года обратился съ такою же петиціей, какъ и прошлогодній Сеймъ, къ Императору Александру II и получилъ, еще до своего распущенія, слѣдующій отвѣтъ въ видѣ Высочайшаго Рескрипта напечатаннаго затѣмъ въ *Сборникѣ постановленій Вел. Княж. Финляндскаго* (за тотъ же 1872 годъ):

* См. объ этомъ подробнѣе письмо о Финляндскомъ Сеймѣ выше, стр. 21—25.

Digitized by Google

„Высочайшій Его Императорскаго Величества Рескриптъ земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго по всеподданнѣйшей петиціи ихъ объ изданіи закона о печати въ Финляндіи.

Данъ въ С.-Петербургѣ 27 (15) марта 1872 года.

„Земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго.

„Намъ доложена была всеподданнѣйшая петиція ваша объ изданіи, по взаимному нашему съ земскими сословіями соглашенію, закона о печати въ Финляндіи; но какъ мѣропріятія по сему предмету въ Великомъ Княжествѣ, по законамъ края, зависятъ исключительно только отъ единой нашей власти, и Мы не имѣемъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ Намъ законами правъ, притомъ не усматриваемъ повода измѣнять существующее нынѣ постановленіе о печати въ Финляндіи, тѣмъ менѣе что подобныя же основанія указаны Нами для печати въ прочихъ частяхъ Нашего Государства, то Мы на помянутую петицію Монаршаго соизволенія не изъявляемъ.

„Напоминаемъ, при этомъ, земскимъ сословіямъ что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи, на основаніи утвержденнаго Нами Сеймоваго Устава, то этимъ вящшимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ Уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ касающимся основныхъ законовъ края, а потому и время, и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависитъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія.

„Въ С.-Петербургѣ, 15 (27) марта 1872.

„*Александръ*“.

„Министръ статсъ-секретарь
графъ *Армфельтъ*.“

Ни въ одной изъ сеймовыхъ рѣчей, ни въ одномъ изъ сеймовыхъ документовъ прошлогодняго Сейма, касающихся вопроса о „свободѣ печати“, объ этомъ Высочайшемъ Рескриптѣ нѣтъ никакого упоминанія. Ничего не упоминается о немъ также въ многочисленныхъ статьяхъ финляндскихъ газетъ по этому вопросу. Очевидно, финляндскіе политиканы дѣлаютъ это умышленно, разчитывая на то что рескриптъ забытъ и русскою властью. Подобныя недостойныя уловки въ прежнія времена, какъ извѣстно, нерѣдко удавались и приносили „добрые плоды“ политикѣ отчужденія Финляндскаго края отъ Россіи.

Но если „забыли“ о Высочайшемъ Рескриптѣ 1872 года и сеймовые дѣльцы, и финляндскіе публицисты, то, надѣемся, о немъ вспомнитъ хоть Финляндскій Сенатъ и пойметъ что, при существованіи этого Рескрипта, самое даже возбужденіе вопроса о передачѣ законодательства о печати изъ рукъ Верховной Власти въ вѣдѣніе Сейма составляетъ уже неслыханную дерзость, по крайней мѣрѣ, съ нашей русской точки зрѣнія. Ну, а какъ объ этомъ нужно судить съ финляндской точки зрѣнія—не знаемъ.

Digitized by Google

1895 годъ.

ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВНОВЬ ПРОЕКТИРОВАННОЕ ЗНАМЯ ФИНЛЯНДІИ.

(Передовая статья № 215 *Московскихъ Вѣдомостей* 1895 года, отъ 7 августа).

Послѣдняя новость въ безпрепятственно совершающемся на нашихъ глазахъ процессѣ созиданія отдѣльнаго отъ Россіи „Финляндскаго конституціоннаго государства", это — „вновь проектированное знамя Финляндіи". Въ первый разъ оно офиціально красовалось на состоявшемся въ Гельсингфорсѣ въ первыхъ числахъ іюня, уже описанномъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* * пѣвческомъ праздникѣ, въ связи съ которымъ происходило открытіе памятника „знаменитому" творцу „финляндскаго національнаго гимна", Паціусу, и читались въ актовой залѣ Гельсингфорсскаго университета публичныя лекціи о „конституціонной свободѣ Финляндіи" (такъ опредѣлилъ содержаніе своихъ чтеній самъ лекторъ, профессоръ Шюбергсонъ).

Въ описаніяхъ празднества, помѣщенныхъ въ гельсингфорсскихъ газетахъ (см., напримѣръ, *Nya Pressen*, № 153) такъ и сказано что де надъ эстрадой (для пѣвцовъ и музыкантовъ) „выше всѣхъ развѣвалось вновь проектированное знамя Финляндіи, желто-красное, съ финляндскимъ львомъ въ углу". Съ тѣхъ поръ пропаганда новаго „финляндскаго флага" и „финляндскихъ національныхъ цвѣтовъ" успѣшно идетъ впередъ: финляндскія газеты съ восторгомъ отмѣчаютъ что де „новые финляндскіе національные цвѣта" все больше и больше входятъ въ употребленіе; въ гельсингфорсскихъ магазинахъ появились въ продажѣ кокарды этихъ цвѣтовъ, зонтики красные съ желтою подкладкой или наоборотъ; показались желто-красныя вывѣски, а одинъ изъ магазиновъ на главной улицѣ города, Эспланадной, даже стѣну по обѣимъ сторонамъ входа украсилъ желто-красными полосами; въ самомъ модномъ лѣтнемъ ресторанѣ „Капелла" красуются желто-красныя драпировки; на зданіяхъ курзаловъ въ финляндскихъ курортахъ (напримѣръ, въ Ноденталѣ) подняты желто-красные флаги и т. д.

Мысль объ особомъ флагѣ для Фин-

* См. выше, стр. 294—297, статью „Новое торжество финляндскаго сепаратизма".

Digitized by Google

ляндіи у финляндскихъ „патріотовъ“ уже не новая; она явилась одновременно съ возникновеніемъ теоріи о „финляндскомъ конституціонномъ государствѣ“, то-есть въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Финляндскій историкъ Бергъ, въ своей книгѣ *Наше управленіе и наши сеймы* (т. I, стр. 110—111), ставитъ появленіе этой мысли въ связь съ грозившею Россіи въ 1863 году войной, вслѣдствіе вмѣшательства западныхъ державъ въ русско-польскія отношенія. Всѣмъ Русскимъ памятна эта эпоха, когда воспрянулъ, послѣ какого-то оцѣпенѣнія, русскій духъ, и правительство нашло себѣ сильную поддержку во всеобщемъ подъемѣ патріотическаго чувства. Но Финляндская окраина Россіи, какъ оказывается, и въ то время вела свою особую политику, прямо враждебную Россіи, и г. Бергъ отзывается объ этой достопамятной эпохѣ такъ, какъ можетъ отзываться только злѣйшій врагъ Россіи.

„Рѣшительное отклоненіе Горчаковымъ“,—говоритъ онъ,—„всякаго иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Россіи особенно сильно подѣйствовало на русское національное чувство. Славянофильская партія, представляемая Катковымъ, Черкасскимъ и др., возбуждала общественное мнѣніе въ пользу той политики *которая выставила своею цѣлью гнетеніе Польской національности*, и изо всѣхъ городовъ Россіи стали сыпаться въ Петербургъ такъ-называемые вѣрноподданническіе адресы, которые, подъ видомъ выраженія чувства самосознанія Русской націи противъ иностранныхъ державъ, на самомъ дѣлѣ осуждали на смерть національное существованіе Польскаго народа. *Легко понять* (!) *что Финскій народъ* (?) *не могъ стать на такую точку зрѣнія.* Финляндія на первомъ планѣ подвержена была неудобствамъ и опасностямъ отъ нарушенія мира и слишкомъ недавно еще испытала это, чтобы могла забыть. Съ большими усиліями вновь созданный, послѣ Восточной войны, торговый флотъ Финляндіи, разсѣянный по всѣмъ морямъ, сдѣлался бы, при возникновеніи войны, добычей непріятелей. *У насъ начали, поэтому, думать о необходимости, посредствомъ особаго торговаго флага, отдѣлить финляндскія суда отъ русскихъ, а также и другими средствами* (?) *отмѣтить* (genom andra medel markera) *особое политическое положеніе нашей страны по отношенію къ Россіи.*“ *

---

* Приводимъ кстати изъ книги г. Берга дальнѣйшія строки, въ которыхъ онъ разсказываетъ о томъ какъ финляндскіе дѣльцы „мужественно“ отклонили тогда попытку русскаго генералъ-губернатора, барона Рокасовскаго, вызвать и въ Финляндіи со стороны населенія вѣрноподданническіе адресы по случаю польскаго мятежа:

„Не было недостатка въ давленіяхъ чтобъ и въ Финляндіи вызвать такіе же адресы какъ и въ Россіи. 26 мая 1863 годъ генералъ-губернаторъ Рокасовскій, только-что возвратившійся изъ Петербурга, велѣлъ позвать къ себѣ магистратъ города Гельсингфорса, городскихъ старѣйшинъ и знатнѣйшее городское купечество. Въ рѣчи на французскомъ языкѣ онъ объявилъ имъ что цѣлью его поѣздки въ Петербургъ было попытаться узнать, не предстоитъ ли война въ скоромъ времени, такъ какъ онъ хотѣлъ заблаговременно увѣдомить объ этомъ судовладѣльцевъ Финляндіи. Его Величество Императоръ, которому онъ высказалъ это желаніе, объявилъ что обстоятельства не сложились еще настолько опредѣленно чтобы даже Его Величество самъ могъ съ увѣренностью предсказать войну или миръ. Тѣ вооруженія, къ которымъ Монархъ нашелъ нужнымъ приступить, составляютъ лишь необходимую мѣру предосторожности. Благосклонное настроеніе Его Величества по отношенію къ Финляндіи онъ, генералъ-губернаторъ, нашелъ совершенно неизмѣнившимся и, въ видѣ доказательства этому, упомянулъ что созваніе сейма окончательно назначено на предстоящую осень, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Даже день открытія сейма уже назначенъ, хотя еще и не можетъ быть теперь объявленъ. Какъ на обсто-

Digitized by Google

Слова г. Берга подтверждаетъ полемика, возникшая въ 1863 году въ финляндской печати, объ особомъ флагѣ для Финляндіи. Споръ шелъ, конечно, не о томъ, нуженъ ли особый флагъ— всѣ авторы статей на разные лады заявляли объ его „необходимости“ (разъ ужь это было рѣшено главными вожаками). Спорили только о томъ какой флагъ установить: одни тогда уже предлагали желто-красный, другіе синій съ бѣлымъ крестомъ и съ „русскими цвѣтами въ углу, какъ знакомъ уніи“, третьи просто бѣло-синій и т. д. Отъ словъ тогда же приступили къ дѣйствію. Осенью 1863 года прибылъ въ Гельсингфорсъ Императоръ Александръ II для открытія Финляндскаго Сейма. Его сопровождалъ, между прочимъ, канцлеръ князь Горчаковъ. Къ нему то и явилась подготовленная и настроенная вожаками депутація отъ Гельгингфорсскаго купеческаго общества съ просьбой дозволить завести для Финляндіи особый торговый флагъ. Прямо къ самому Императору финляндскіе дѣльцы, очевидно, не рѣшались обратиться. Князь Горчаковъ (разказываютъ финляндскіе историки) рѣшительно отклонилъ эту просьбу. Но самые рьяные изъ „патріотовъ“ не унывали. Они подняли вопросъ о флагѣ на Сеймѣ. Членъ дворянскаго сословія г. А. Вейссенбергъ (извѣстный въ послѣдствіи прокуроръ Финляндскаго Сената) внесъ въ своемъ сословіи предложеніе обратиться со всеподданнѣйшею петиціей объ установленіи особаго финляндскаго флага. Ландмаршалъ Сейма, генералъ Норденстамъ, оказался, однако, настолько благоразумнымъ что не допустилъ, несмотря на протесты многихъ членовъ, обсужденія проекта г. Вейссенберга.

Послѣ того офиціально вопроса о флагѣ финляндскіе дѣльцы пока не поднимали. Они предпочли, изъ осторожности, дѣйствовать другимъ путемъ,— ввести особый флагъ въ употребленіе сперва какъ бы частнымъ образомъ, незамѣтно. И вотъ стали появляться въ разныхъ случаяхъ „финляндскіе національные цвѣта“. Таковыми до февраля нынѣшняго года признавались бѣлый и синій. Какъ уже отмѣчалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,* во время, напримѣръ, путешествій Августѣйшихъ Особъ по Финляндіи, подносились букеты перевязанные бѣло-синими лентами, и газеты поясняли потомъ что это де „финляндскіе національные цвѣта“; на зданіяхъ въ торжественные

ятельство, которое, быть-можетъ, непріятно подѣйствовало на Его Величество,—хотя это никоимъ образомъ не повліяло на образъ мыслей Его Величества о Финляндіи, — онъ, генералъ-губернаторъ, счелъ своимъ долгомъ указать на то что заграничная печать вообще старается изобразить настроеніе умовъ въ Финляндіи въ такомъ видѣ, какъ будто здѣсь ожидаютъ лишь непріятельскаго вторженія для того чтобы сдѣлаться „измѣнниками“. Дѣлались попытки (говорилъ далѣе баронъ Рокасовскій) помѣстить опроверженіе этихъ ложныхъ обвиненій въ тѣхъ же газетахъ, предлагали даже до 16.000 франковъ за помѣщеніе одной статьи, но въ этомъ было отказано. Генералъ-губернаторъ счелъ своимъ долгомъ увѣдомить объ этомъ гражданъ города Гельсингфорса и предоставить имъ принятіе необходимыхъ мѣръ“.

Граждане Гельсингфорса, повѣствуетъ далѣе г. Бергъ, устроили для обсужденія этого вопроса особое собраніе, но отъ составленія адреса рѣшительно отказались, а ограничились только занесеніемъ въ протоколъ магистрата заявленія о томъ что обвиненія иностранной печати неосновательны, и поручили особой депутаціи увѣдомить объ этомъ, на словахъ, генералъ-губернатора.

* См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 2й, стр. 191 и 259, статьи „Финскіе національные цвѣта“ и „Финскій національный флагъ“.

Digitized by Google

дни вывѣшивались такіе же флаги, и т. д. Мысль о финляндскомъ флагѣ такимъ образомъ поддерживалась и укрѣплялась въ мѣстномъ населеніи, но лишь недавно руководящіе дѣльцы окончательно установили самую форму флага. Въ февралѣ текущаго года во всѣхъ финляндскихъ газетахъ появилось нѣчто въ родѣ циркуляра, за подписью „финляндскаго государственнаго архиваріуса", г. Хаусена, завѣдующаго „финляндскимъ государственнымъ архивомъ". * Въ немъ разъяснялось что, на основаніи историко-геральдическихъ данныхъ, настоящими „національными цвѣтами Финляндіи" должны де быть признаваемы желтый и красный, встрѣчающіеся и на финляндскомъ гербѣ. Въ подтвержденіе г. Хаусенъ приводилъ, между прочимъ, ссылку на *Готскій Альманахъ*, въ которомъ указаны именно эти цвѣта для Финляндіи. Онъ приглашалъ жителей Финляндіи, вмѣсто ошибочно введенныхъ цвѣтовъ бѣлаго и синяго, употреблять на флагахъ, драпировкахъ и проч. цвѣта желтый и красный.

Циркуляръ г. Хаусена (очевидно составленный по соглашенію съ руководящими политическими дѣльцами) произвелъ, какъ и слѣдовало ожидать, желаемое дѣйствіе. Составленъ былъ рисунокъ новаго финляндскаго флага (желтая и красная полосы, съ изображеніемъ финляндскаго герба въ углу), и флагъ, а также и вообще „національные цвѣта", какъ уже сказано выше, усердно вводятся теперь въ употребленіе. На финляндскихъ судахъ пока еще остается нашъ трехцвѣтный флагъ, но, очевидно, финляндскіе дѣльцы терпятъ его только пока, по необходимости. Разчетъ у нихъ, повидимому, такой чтобы сперва ввести особый флагъ и цвѣта во всеобщее употребленіе частнымъ образомъ, а потомъ уже можно будетъ сослаться на это какъ на укоренившійся въ Финляндіи обычай и, при удобномъ случаѣ, добиться и офиціальнаго признанія...

Кто слѣдилъ за финляндскими дѣлами, то припомнитъ что такимъ же, приблизительно, образомъ, такъ-сказать исподтишка, создавались и другіе финляндско-сепаратистскіе захваты, въ родѣ таможни, монеты, войска и т. д. Въ началѣ, при возникновеніи своемъ, они имѣли болѣе или менѣе невинный характеръ, и лишь въ послѣдствіи, благодаря ловкимъ дѣйствіямъ финляндскихъ политиковъ и русской довѣрчивости, получали серіозное значеніе и занимали надлежащее мѣсто въ зданіи финляндской государственности. Такъ, напримѣръ, таможня на границѣ между Финляндіей и остальною Россіей установлена была сперва лишь временно, какъ и сказано прямо въ Высочайшемъ Указѣ 5 ноября 1811 года, * впредь до введенія въ Финляндіи обще-

---

* Должность финляндскаго „государственнаго архиваріуса" учреждена нѣсколько лѣтъ тому назадъ Финляндскимъ Сенатомъ, а „финляндскій государственный архивъ", которымъ онъ завѣдуетъ, переименованъ такъ изъ бывшаго „Сенатскаго Архива". Для него выстроено въ Гельсингфорсѣ, тоже недавно, великолѣпное зданіе, по сосѣдству съ зданіями Финляндскаго Банка и Сейма.

* „Сія черта", — говорится въ этомъ постановленіи,—„*будетъ находиться лишь временно и упразднена будетъ* по введеніи въ Финляндіи въ дѣйствіе составленнаго нашимъ Правительствующимъ Совѣтомъ и нынѣ на разсмотрѣніи находящагося торговаго постановленія. По сему Мы, Высочайше одобривъ составленные министромъ Финансовъ и прилагаемые къ сему Нашему объявленію перечни финляндскихъ товаровъ дозволенныхъ къ ввозу *изъ Финляндіи въ прочія русскія провинціи*, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше постановляемъ" и т. д.

Digitized by Google

государственнаго таможеннаго тарифа. Но введеніе тарифа было задержано, временная таможенная черта обратилась въ постоянную, и съ 1859 года на ней стали взимать пошлины съ русскихъ товаровъ ввозимыхъ въ Финляндію. Финляндская марка, при своемъ появленіи въ 1860 году, не имѣла еще значенія особой монетной единицы, и 1 февраля 1865 года было издано даже особое поясненіе, въ которомъ говорилось что марка, соотвѣтствующая $^1/_4$ серебрянаго рубля (такъ она и ходила сперва), „составляетъ лишь подраздѣленіе общей монеты государства“. Но затѣмъ русскія деньги постепенно были совсѣмъ вытѣснены изъ обращенія въ Финляндіи, а въ 1877 году, подъ шумокъ русско-турецкой войны, финляндскимъ дѣльцамъ удалось установить золотую валюту и такимъ образомъ окончательно обособить финляндскую монетную систему отъ русской.

Точно также въ одинъ прекрасный день можетъ появиться, уже открыто и офиціально, и финляндскій государственный флагъ.

Digitized by Google

НАША ФИНЛЯНДСКАЯ ОКРАИНА

В Ъ

ТРУДНЫЯ ДЛЯ РОССІИ ВРЕМЕНА.

(Передовая статья № 216 *Московскихъ Вѣдомостей* 1895 года, отъ 8 августа).

Въ статьѣ „Вновь проектированное знамя Финляндіи (см. выше, стр. 303 — 307) приведенъ разказъ финляндскаго историка Берга о томъ какъ держала себя наша Финляндская окраина (разумѣется, не масса населенія, а руководящіе дѣльцы) въ 1863 году, когда Россіи, вслѣдствіе польскаго мятежа, грозила опасность столкновенія съ западными державами. Финляндскіе дѣльцы, оказывается, именно въ то трудное для Россіи время задумали, на случай войны, посредствомъ особаго финляндскаго флага и „другими средствами“ выставить передъ иностранными державами „особое политическое положеніе“ занимаемое Финляндіей. Рѣшительному поведенію Русскаго правительства въ польскихъ дѣлахъ они не сочувствовали, такъ какъ не могли де, по объясненію г. Берга (который при этомъ подставляетъ вмѣсто нихъ, руководящихъ дѣльцовъ и политиковъ, „Финскій народъ“), „стать на точку зрѣнія славянофиловъ“ и поддерживать „такую политику которая вела къ уничтоженію Польской національности“.

Поучительно припомнить по этому поводу что это далеко не единственный случай, когда Финляндія, въ лицѣ своихъ руководящихъ „патріотовъ“, оборачивалась къ Русскому государству спиной именно въ такіе моменты, въ которые полное единодушіе всѣхъ частей государства имѣетъ особенно важное значеніе.

Такъ, въ промежутокъ между Санъ-Стефанскимъ договоромъ и Берлинскимъ конгрессомъ, когда Россія, вслѣдствіе дерзкихъ притязаній Англіи, вынуждена была готовиться къ войнѣ съ нею, и у насъ стали говорить о необходимости сооруженія сильнаго

Digitized by Google

крейсерскаго флота для болѣе успѣшной борьбы съ Англичанами, финляндскіе политики нашли что война съ Англіей не согласуется де съ интересами Финляндіи. Они устроили въ Гельсингфорсѣ собраніе, на которое приглашены были мѣстные судовладѣльцы и коммерсанты. Это собраніе (о которомъ своевременно было сообщено и въ русской печати) постановило резолюцію выражавшую протестъ противъ организаціи крейсерства и вообще противъ враждебныхъ отношеній къ Англіи, такъ какъ это де повредило бы финляндской торговлѣ.

Черезъ семь лѣтъ послѣ того, когда, въ эпоху Кушкинскаго боя, опять обострились наши отношенія къ Англичанамъ, и Англія грозила намъ войной, финляндскіе „патріоты“ дошли до того что стали требовать нейтралитета для Финляндіи во время войнъ Россіи съ иностранными державами, такъ какъ де Финляндіи нѣтъ никакого дѣла до этихъ войнъ (а слѣдовательно и до чести, достоинства и безопасности Россіи). Проектъ о такомъ финляндскомъ „нейтралитетѣ“ изложенъ былъ въ гельсингорсской газетѣ *Helsingfors Dagblad*. Впослѣдствіи, когда русская печать съ негодованіемъ стала указывать на эту дерзкую выходку, финляндскіе публицисты отказывались отъ солидарности съ нею и заявляли что это де лишь частное мнѣніе помянутой газеты. Но нужно замѣтить что, одновременно съ появленіемъ указанной статьи въ *Helsingfors Dagblad*, другія финляндскія газеты единодушно порицали политику Россіи въ Средней Азіи, называя ее „завоевательною“, и оправдывали притязанія Англіи, а отъ этого не далеко и до мысли о нейтралитетѣ.

Вообще въ иностранныхъ дѣлахъ у финляндскихъ публицистовъ своя политика и, притомъ, обыкновенно какъ разъ противоположная той которой держится остальная Россія. Не далѣе какъ на дняхъ, напримѣръ, финляндскія газеты, вслѣдъ за австрійскими и германскими, восхваляли Стамбулова, какъ героя и великаго патріота боровшагося „за независимость“ своего отечества.

Бываетъ, однако, и наоборотъ, что война Россіи съ иностранными державами является желательною для финляндскихъ политиковъ. Это—въ томъ случаѣ если война *свяжетъ Россіи по рукамъ* и заставитъ русскую государственную власть забыть о нихъ, финляндскихъ дѣльцахъ, и объ ихъ продѣлкахъ. Такія надежды на внѣшнія затрудненія для Россіи, въ видахъ охраненія и дальнѣйшаго (подъ шумокъ, такъ-сказать) развитія финляндской „свободы и конституціи“, особенно оживились у нихъ, какъ оказывается, въ послѣдніе годы прошлаго царствованія, когда русская государственная власть обратила вниманіе на финляндскія дѣла и, по личному почину и волѣ Почившаго Монарха начаты были въ Финляндіи нѣкоторыя объединительныя реформы. Любопытное свидѣтельство объ этомъ находимъ въ книгѣ шведскаго писателя Цвейгберга *Финляндскіе Очерки* (*Finska studier*), появившейся въ прошломъ году въ Стокгольмѣ. Г. Цвейгбергъ прожилъ въ Финляндіи два мѣсяца (въ началѣ прошлаго года). близко познакомился со всѣми выдающимися финляндскими политическими дѣльцами, и на ихъ откровенныхъ и интимныхъ сообщеніяхъ основана бо́льшая часть его книги. Вотъ что́, между прочимъ, говоритъ г. Цвейгбергъ, со словъ своихъ финляндскихъ пріятелей, въ отдѣлѣ озаглавленномъ: *Будущность Финляндіи; чего боятся и на что́ надѣются*:

Digitized by Google

„Финляндія, какъ уже много разъ высказывалось Финляндцами, не имѣетъ повода желать Россіи какого-либо зла. То что постигаетъ одну страну, приходится выносить и другой. Но когда въ Финляндіи взвѣшиваютъ, какіе виды можно имѣть *для защиты* своей (финляндской) *свободы* и *конституціи* (sin frihet och sin konstitution), то не могутъ не принимать въ разчетъ разныхъ *случайностей*. И въ эти, полные тревогъ дни,* когда дѣло идетъ лишь о томъ *чтобы выиграть время*, въ Финляндіи констатируютъ что, для того чтобъ *опасность* (для финляндской „свободы и конституціи“) *на долгое время была устранена, нужно только чтобы Россія вынуждена была думать о чемъ-либо другомъ и болѣе серіозномъ*. Къ такимъ серіознымъ вещамъ причисляютъ *также и войну*, къ которой въ Финляндіи *не питаютъ никакого паническаго ужаса, ибо фактъ тотъ что никогда тамъ не чувствовалось такъ хорошо какъ въ эпоху Крымской войны*“.

Не правда ли, какъ это откровенно, до наглости? И какая, въ самомъ дѣлѣ, ясная, простая и мудрая политика у нашихъ „лояльныхъ“ финляндскихъ „друзей“ и сосѣдей: чѣмъ слабѣе Россія, тѣмъ лучше для нихъ. Съ одной стороны, имъ, стоящимъ во главѣ отдѣльнаго отъ Россіи „конституціоннаго государства“, нѣтъ никакого дѣла до политическихъ задачъ, могущества, чести и достоинства Россіи, и противъ войнъ которыя могутъ повредить, напримѣръ, финляндской торговлѣ и судоходству, они даже прямо, не стѣсняясь, протестуютъ, а для своей „арміи“ выхлопотали (по ихъ толкованію финляндскаго воинскаго устава) право не выступать изъ предѣловъ Финляндіи. Съ другой стороны, они всегда готовы воспользоваться внѣшними затрудненіями Россіи для дальнѣйшаго развитія финляндской „свободы и конституціи“ и даже прямо разчитываютъ на эти затрудненія.

* Авторъ писалъ свои письма, изъ которыхъ составилась его книга, во время засѣданій Финляндскаго Сейма, зимой 1894 года.

Digitized by Google

РУССКОЕ КОНСУЛЬСТВО ВЪ СТОКГОЛЬМѢ

И

„ФИНЛЯНДСКІЕ НАЦІОНАЛЬНЫЕ ЦВѢТА“.*

Въ финляндскихъ газетахъ (см., напримѣръ, *Hufvudstadsbladet*, № 225) помѣщено на дняхъ слѣдующее странное извѣстіе, подъ заглавіемъ: „Національные цвѣта Финляндіи“:

„На всеобщемъ сѣверномъ съѣздѣ учителей въ Стокгольмѣ ** финляндскіе участники съѣзда носили бѣло-синіе праздничные значки, но на происходившемъ вскорѣ послѣ того (тоже въ Стокгольмѣ) сѣверномъ съѣздѣ дѣятелей воскресныхъ школъ Финляндцы имѣли красно-желтые значки. *Русское консульство въ Стокгольмѣ, какъ говорятъ, сообщило кому слѣдуетъ что національными цвѣтами Финляндіи должны быть признаваемы красный и желтый, и вслѣдствіе этого сообщенія, правленіе съѣзда и пріобрѣло помянутые красно-желтые праздничные значки.*“

Что̀ это означаетъ? Какъ могло русское Императорское консульство выдать передъ шведскими властями дерзкое притязаніе финляндскихъ сепаратистовъ за нѣчто признанное и узаконенное? Очевидно, это клевета на консульство, притомъ клевета требующая, по нашему мнѣнію, офиціальнаго опроверженія: иначе это будетъ выдано финляндскими сепаратистами (съ этою цѣлью, повидимому, и пущенъ въ ходъ ложный слухъ) за молчаливое признаніе русскою властью законности финляндско-сепаратистскихъ притязаній на

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 222, отъ 14 августа.

** Съѣздъ этотъ былъ въ концѣ іюля. Въ немъ участвовали учителя школъ изъ Швеціи, Норвегіи, Даніи и нашей Финляндіи. По принятому въ Скандинавіи обычаю, участникамъ съѣзда, вмѣсто входныхъ билетовъ, раздавались значки, или кокарды, съ лентами національныхъ цвѣтовъ каждаго изъ государствъ, такъ что Шведы, Норвежцы и Датчане носили значки тѣхъ самыхъ цвѣтовъ, какіе имѣются на государственныхъ флагахъ Швеціи, Норвегіи и Даніи. Финляндцамъ же (конечно по ихъ собственному требованію) выдали на этомъ съѣздѣ бѣло-синіе значки. Цвѣта бѣлый и синій, какъ знаютъ читатели изъ помѣщенной нами статьи „Вновь проектированное знамя Финляндіи“ (см. выше, стр. 303—307), считались у финляндскихъ сепаратистовъ, до появленія циркуляра Хаусена, „національными цвѣтами Финляндіи.“

Digitized by Google

особые „національные цвѣта“ для Финляндіи.

Но клевета клеветой, а все-таки въ этой исторіи остается непонятнымъ, какимъ образомъ, и съ чьего позволенія, финляндскіе участники обоихъ съѣздовъ носили цвѣта выдаваемые ими за „финляндскіе національные“, между тѣмъ какъ Шведы, Норвежцы и Датчане носили цвѣта своихъ государственныхъ флаговъ? Самый фактъ этотъ (то-есть что носились именно такіе цвѣта) подтверждается подробными описаніями обоихъ съѣздовъ, появившимися какъ въ стокгольмскихъ, такъ и въ другихъ газетахъ. Не слѣдовало ли бы русскому консульству въ Стокгольмѣ обратить на это вниманіе и увѣдомить шведскія власти что національными цвѣтами для Финляндцевъ могутъ служить только общегосударственные русскіе цвѣта?

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.*

20.

Финляндскій таможенный вопросъ.

31 августа начались въ Петербургѣ засѣданія новой коммиссіи по финляндскому таможенному вопросу. Коммиссія состоитъ подъ предсѣдательствомъ вице-директора Департамента Торговли и Мануфактуръ, Н. П. Ланговаго. Въ составъ ея входятъ семь русскихъ членовъ и трое финляндскихъ, назначенныхъ Финляндскимъ Сенатомъ. Кромѣ того, Министерство Финансовъ пригласило для участія въ трудахъ коммиссіи до 70 экспертовъ изъ разныхъ частей коренной Россіи, а Финляндскій Сенатъ пригласилъ до 30 экспертовъ изъ Финляндіи.

По свѣдѣніямъ финляндскихъ газетъ, задача этой коммиссіи состоитъ въ томъ чтобы пересмотрѣть установленный въ 1885 году таможенный тарифъ на русско-финляндской границѣ и предложить пониженіе пошлинъ какъ на товары, ввозимые изъ коренной Россіи въ Финляндію, такъ и наоборотъ. Гельсингфорсская газета *Nya Pressen* сообщаетъ при этомъ что де „русскіе члены коммиссіи будутъ требовать совершеннаго уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, значительнаго пониженія нынѣ взимаемыхъ пошлинъ со ввозимаго въ Финляндію изъ Россіи сахара, дабы доставить тѣмъ русскому сахару рынокъ также и въ Финляндіи. Взамѣнъ того они (то-есть русскіе члены коммиссіи) склонны сдѣлать облегченія въ русской пошлинѣ на разныя произведенія финляндской промышленности.“

Другая гельсингфорсская газета *Hufvudstadsbladet* (№ 245), помѣстила по поводу коммиссіи передовую статью подъ заглавіемъ „Торговыя сношенія между Финляндіей и Россіей“, въ которой заявляетъ что главнымъ правиломъ въ этихъ отношеніяхъ должна быть полная „взаимность“, и что достиженіе такой взаимности зависитъ отъ „твердости и настойчивости“ финляндскихъ членовъ коммиссіи.

„Одною изъ главнѣйшихъ цѣлей совѣщаній коммиссіи“,—говоритъ *Hufvudstadsbladet*, — „будетъ доставленіе Русскому государству рынка въ Финляндіи. Какъ извѣстно, пошлина на сахаръ составляетъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ государственныхъ доходовъ Финляндіи. Въ Финляндію ежегодно ввозится около 7 милліоновъ килограммовъ сыраго и столько же рафинированнаго сахару. И пошлина на сырой сахаръ — въ 40 пенни на

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 252, отъ 13 сентября.

Digitized by Google

килограммъ—превышаетъ такимъ образомъ значительно цѣну самого товара. Если открытіе финляндскаго рынка для русскаго сахара произойдетъ посредствомъ пониженія пошлины на русскій сахаръ, то это, съ одной стороны, поведетъ къ уменьшенію нашихъ таможенныхъ доходовъ, съ другой стороны—сдѣлаетъ болѣе тяжелою борьбу за существованіе для нашихъ сахарныхъ заводовъ. Они до сихъ поръ основывали свое рафинадное производство на сыромъ колоніальномъ сахарѣ. Быть-можетъ, они стали бы искать тогда своего спасенія въ переходѣ къ свекловичному сахару. Но потеря въ таможенныхъ доходахъ отъ этого не уменьшится."

Въ заключеніе, финляндская газета обращается къ финляндскимъ членамъ коммиссіи и экспертамъ съ увѣщаніемъ отстаивать въ коммиссіи таможенную обособленность Финляндіи ради „общихъ интересовъ" финляндскаго „отечества", хотя бы уменьшеніе этой обособленности и обѣщало выгоду финляндской промышленности. „Какъ представители Финляндіи въ коммиссіи, такъ и эксперты, мы увѣрены, ни на одинъ мигъ не забудутъ что финляндская промышленность не хочетъ имѣть никакихъ новыхъ интересовъ которые *не гармонируютъ съ интересами отечества*. Никакая промышленность не можетъ имѣть прочнаго существованія на иномъ основаніи кромѣ пользы какую она приноситъ той странѣ подъ защитой законовъ которой она существуетъ. Промышленникъ въ Финляндіи не можетъ забывать что онъ былъ гражданиномъ прежде чѣмъ сталъ промышленникомъ. Онъ не имѣетъ права основывать свое благосостояніе на пожертвованіи общими интересами."

21.

Полемика о „финляндскихъ національныхъ цвѣтахъ".

Въ статьѣ „Вновь проектированное знамя Финляндіи (см. выше, стр, 303—307) было уже указано на то что финляндскіе политиканы въ послѣднее время, по предложенію финляндскаго „государственнаго архиваріуса" Хаусена, усердно вводятъ и пропагандируютъ новые „національные цвѣта" для Финляндіи, красный и желтый, и составили изъ этихъ цвѣтовъ финляндское „государственное знамя", между тѣмъ какъ раньше, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, они употребляли для той же цѣли цвѣта синій и бѣлый.

Теперь оказывается, однако, что не всѣ политиканы согласны принять предлагаемые г. Хаусеномъ цвѣта, и на дняхъ въ финляндскихъ газетахъ возникла цѣлая полемика по этому вопросу. Извѣстный(и даже„знаменитый", по мѣстной терминологіи) финляндскій поэтъ З. Топеліусъ (бывшій ректоръ Гельсингфорсскаго университета) выступилъ въ газетѣ *Hufvudstadsbladet* (№ 249) со статьей направленною противъ г. Хаусена и предложенныхъ имъ цвѣтовъ, краснаго и желтаго. Онъ отстаиваетъ цвѣта синій и бѣлый, которые онъ же самъ предложилъ въ 1863 году, когда у финляндскихъ дѣльцовъ впервые зашла рѣчь объ особомъ флагѣ для Финляндіи. Въ честь этихъ цвѣтовъ онъ даже написалъ тогда особое стихотвореніе. Синій и бѣлый цвѣта нужно предпочесть, по его словамъ, потому что они „болѣе поэтичны", напоминая собою цвѣтъ моря и снѣга, и потому что къ нимъ успѣли де уже привыкнуть въ Финляндіи.

Г. Хаусенъ, однако, не согласился съ г. Топеліусомъ и въ слѣдующемъ нумерѣ той же газеты помѣстилъ отвѣтъ, въ которомъ настаиваетъ на своемъ проектѣ, заявляя что употребленіе цвѣтовъ синяго и бѣлаго ничѣмъ не оправдывается, кромѣ личнаго вкуса, и противорѣчитъ правиламъ геральдики.

Затѣмъ полемика разрослась еще болѣе: въ защиту г. Топеліуса выступилъ другой финляндскій писатель, А. Шауманъ, а сторону г. Хаусена приняли еще два автора. Сама редакція гельсингфорсской газеты также рѣшительно высказывается въ пользу цвѣтовъ краснаго и желтаго и выражаетъ удовольствіе что эти цвѣта такъ успѣшно распространяются среди финляндскаго населенія, которое стало употреблять ихъ для флаговъ, драпировокъ и т. п.

Digitized by Google

ОБЩІЙ ПРАЗДНИКЪ ДЛЯ РУССКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.*

По мысли высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Финляндскаго, Министерство Народнаго Просвѣщенія установило съ нынѣшняго года общій школьный праздникъ для всѣхъ подвѣдомственныхъ ему русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи, въ день перенесенія мощей преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ, 11 сентября. Такихъ учебныхъ заведеній насчитывается въ краѣ въ настоящее время—20, а именно: мужская классическая и женская гимназіи въ Гельсингфорсѣ, мужское и женское народныя училища и начальная школа для мальчиковъ и дѣвочекъ тамъ же, начальная школа и приготовительное училище для офицерскихъ дѣтей въ крѣпости Свеаборгѣ, начальное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ съ общежитіемъ въ Таммерфорсѣ, начальныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ въ городахъ Або, Тавастгусѣ, Николайстадѣ, Фридрихсгамѣ, Коткѣ и Вильманстрандѣ, въ селеніяхъ Красное Село, Новая Деревня и Тери-іоки (Выборгской губерніи), реальное училище, женская гимназія и народное училище въ Выборгѣ.

Цѣль и значеніе праздника, на основаніи письма высокопреосвященнаго Антонія, разъясняется слѣдующимъ образомъ въ циркулярномъ предложеніи начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа (которому ближайшимъ образомъ подчинены помянутыя русскія учебныя заведенія): Установленіе такого праздника должно имѣть весьма важное воспитательное значеніе для молодаго русскаго поколѣнія, выростающаго въ Финляндіи среди инороднаго и иновѣрнаго населенія. Въ массѣ этого населенія многіе Русскіе, лишенные русской школы (многія изъ перечисленныхъ выше школъ возникли лишь недавно, въ прошлое царствованіе, но и ихъ далеко еще недостаточно для удовлетворенія потребности русскихъ обывателей края) и предоставленные самимъ себѣ, въ недавнее еще время (а бываетъ и теперь) часто теряли свой національный обликъ, ошведивались или офиннивались. Поэтому задача русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи должна состоять въ томъ, чтобы съ ранняго возраста воспитывать русскихъ дѣтей въ любви къ своей Церкви и Отечеству, въ сознаніи своей церковной и національной особенности. Этой исключительной задачѣ долженъ служить и установленный школьный праздникъ въ день памяти

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 284, отъ 15 октября.

Digitized by Google

преподобныхъ Сергія и Германа, которые въ теченіе почти цѣлаго тысячелѣтія стояли на стражѣ православія и русской народности въ Финляндіи, при вѣковыхъ историческихъ смутахъ и войнахъ между Русскими и Шведами. Подъ знаменемъ ихъ и должно быть собрано въ единую нераздѣльную семью все православное населеніе страны, воспитанное на началахъ историческаго для нея значенія Преподобныхъ.

Въ виду этого, Министерство Народнаго Просвѣщенія установило: 1) чтобы день памяти преподобныхъ Сергія и Германа, 11 сентября, для всѣхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Финляндіи, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, навсегда былъ днемъ неучебнымъ, табельнымъ; 2) чтобы на утреннихъ повседневныхъ школьныхъ молитвахъ къ прочимъ молитвословіямъ присоединялось всегда пѣніе тропаря преподобнымъ Сергію и Герману; 3) чтобы какъ наканунѣ праздника всенощное бдѣніе, такъ и въ самый праздникъ литургія и молебенъ Преподобнымъ совершались при дѣятельномъ участіи дѣтей обоего пола чтеніемъ и пѣніемъ общимъ или хоровымъ; 4) чтобы послѣ богослуженія каждый разъ, днемъ или вечеромъ, устраивались акты съ соотвѣтствующими чтеніями и пѣніемъ, въ цѣляхъ духовнаго подъема дѣтей въ патріотическомъ и православно-церковномъ направленіи, и 5) чтобы, если возможно, въ каждой мѣстности всѣ школьныя дѣти въ день праздника предъ литургіей собирались предварительно въ одномъ мѣстѣ по указанію начальства и оттуда, вмѣстѣ съ начальствомъ и наставниками, въ строгомъ порядкѣ, какъ чины одной корпораціи, отправлялись въ церковь къ богослуженію. Вообще школьный праздникъ долженъ устраиваться такъ, чтобъ онъ оставлялъ всегда въ дѣтяхъ свѣтлое, ободряющее впечатлѣніе, и чтобы сталъ для нихъ днемъ всегда радостно ожидаемымъ.

Согласно этимъ указаніямъ высокопреосвященнаго Антонія и Министерства Народнаго Просвѣщенія и былъ отпразднованъ общій школьный праздникъ 11 числа прошлаго мѣсяца въ первый разъ. Въ Выборгѣ и Гельсингфорсѣ участіе въ праздникѣ принималъ и самъ высокопреосвященный Антоній. Въ Выборгѣ онъ отслужилъ наканунѣ праздника всенощное бдѣніе, а утромъ, 11 сентября, прибылъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ совершилъ литургію, на которой присутствовали всѣ учащіеся въ мѣстныхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во время богослуженія пѣлъ хоръ изъ учащихся. Въ 6 часовъ вечера въ тотъ же день устроенъ былъ актъ въ зданіи Александровской классической гимназіи. Послѣ пѣнія *Достойно* и тропаря преподобнымъ Сергію и Герману, священникъ Троицкій предложилъ чтеніе о Валаамскомъ монастырѣ и о дѣятельности его основателей, преподобныхъ Сергія и Германа. Онъ указалъ въ своемъ чтеніи, что Валаамскій монастырь былъ всегда главнымъ разсадникомъ и опорой православія въ Финляндскомъ краѣ. Съ его исторіей неразрывно связаны и судьбы православія, русскаго вліянія и владычества въ этой окраинѣ. Затѣмъ присутствовавшій на актѣ, завѣдующій русскими учебными заведеніями въ Финляндіи, помощникъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа Л. И. Лаврентьевъ произнесъ рѣчь, въ которой, выразивъ полное сочувствіе благой мысли высокопреосвященнаго Антонія, отмѣтилъ въ особенности, какое важное значеніе долженъ имѣть подобный праздникъ для развитія русскаго національнаго самосознанія. Въ заключеніе и самъ высокопреосвященный Антоній сказалъ глубоко тронувшее всѣхъ присутствовавшихъ назидательное слово. Актъ закончился пѣніемъ гимна *Боже, Царя храни!*

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.*

22.

Финляндскій таможенный вопросъ.

Труды коммиссіи учрежденной при Министерствѣ Финансовъ, съ участіемъ представителей назначенныхъ Финляндскимъ Сенатомъ, а также экспертовъ, для обсужденія вопроса о товарообмѣнѣ между Финляндіей и остальною Россіей, на дняхъ закончились. Какъ уже было сообщено въ корреспонденціи изъ Петербурга (въ № 286 *Московскихъ Вѣдомостей*), главный результатъ занятій коммиссіи,—это предложеніе понизить пошлины на русскій сахаръ ввозимый въ Финляндію. Въ настоящее время въ Финляндію ввозится лишь небольшое количество русскаго сахара, въ виду высокихъ пошлинъ на русско-финляндской границѣ и низкихъ пошлинъ на сахаръ ввозимый въ Финляндію изъ другихъ странъ (преимущественно изъ Германіи). Финляндскіе члены коммиссіи усердно отстаивали высокую пошлину на русскій сахаръ, ссылаясь на то что пошлина эта составляетъ одну изъ важнѣйшихъ доходныхъ статей въ финляндскомъ бюджетѣ. То же самое, какъ мы уже указывали въ свое время (см. выше, стр. 313—314), говорилось и въ финляндскихъ газетахъ. Несмотря на эти возраженія, большинство коммиссіи постановило, однакоже, понизить пошлину на русскій сахаръ и проектъ такого пониженія внести въ Государственный Совѣтъ.

Кромѣ того, по словамъ гельсингфорсской газеты *Nya Pressen* (№ 296), коммиссія постановила повысить пошлины на нѣкоторые товары ввозимые изъ Финляндіи въ коренную Россію, а именно: на свѣчи, мыло и сало.

Та же газета сообщаетъ что въ скоромъ времени начнутся при Министерствѣ Финансовъ засѣданія другой коммиссіи (также съ участіемъ финляндскихъ представителей), для пересмотра дѣйствующихъ нынѣ правилъ о таможенныхъ обрядностяхъ исполняемыхъ при провозѣ товаровъ черезъ русско-финляндскую границу.

23.

Новое дѣленіе Финляндіи на лютеранскія епархіи.

Въ финляндской офиціальной газетѣ *Finlands Allmänna Tidning* опубликовано постановленіе отъ 8 октября сего года о новомъ дѣленіи Финляндіи на лютеранскія епархіи. До сихъ поръ въ краѣ были три лютеранскія епархіи—Абоская, Боргоская и Куопіоская. По изданному нынѣ постановленію учреждается четвертая лютеранская епархія—Нейшлотская, которая будетъ об-

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, №№ 293 и 296, отъ 24 и 27 октября.

Digitized by Google

нимать губерніи Выборгскую, С.-Михельскую и часть Куопіоской (прежде эти мѣстности входили въ составъ епархій Боргоской и Куопіоской). Новое дѣленіе на епархіи должно вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1897 года.

Вопросъ объ учрежденіи четвертой лютеранской епархіи въ Финляндіи поднятъ былъ финляндскими дѣльцами послѣ учрежденія въ Выборгѣ самостоятельной православной епископской каѳедры. Финляндскія газеты даже предлагали тогда помѣстить четвертаго лютеранскаго епископа именно въ Выборгѣ. Но это пожеланіе, какъ оказывается теперь, не осуществилось.

24.

25лѣтіе служенія Антонія, архіепископа финляндскаго и выборгскаго.

27 октября 1870 г. опредѣленіемъ Св. Сѵнода утвержденъ въ званіи доцента Казанской Духовной Академіи по каѳедрѣ церковнаго проповѣдничества и его исторіи, только-что окончившій курсъ Академіи, Александръ Васильевичъ Вадковскій. Сынъ священника села Ширингуши, Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, А. В. Вадковскій по окончаніи курса въ Тамбовской духовной семинаріи посланъ былъ на казенный счетъ въ Казанскую Духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1870 г. Избранный на каѳедру гомилетики молодой ученый со всѣмъ пыломъ юности предался своему дѣлу. Вскорѣ Господь послалъ ему тяжелое семейное испытаніе. Сперва чахотка свела въ могилу его жену, а затѣмъ дифтеритъ унесъ въ нѣсколько дней и двухъ его дѣтей. Насколько было тяжело душевное состояніе человѣка, перенесшаго такое несчастіе можетъ судить только тотъ, кто испыталъ на себѣ что-нибудь подобное. Но А. В. Вадковскій съ христіанскимъ терпѣніемъ перенесъ эти удары судьбы. Онъ увидѣлъ въ своихъ несчастіяхъ лишь перстъ Божій, указывающій ему новый путь жизни — иноческій, о которомъ онъ мечталъ еще въ юности. И вотъ молодой вдовецъ является къ своему архипастырю, высокопреосвященному Палладію, архіепископу Казанскому (нынѣ митрополиту Петербургскому), и принимаетъ постриженіе съ именемъ Антонія.

Въ 1884 г. отецъ Антоній назначенъ былъ инспекторомъ Казанской Духовной Академіи; въ слѣдующемъ переведенъ на ту же должность въ Петербургскую Академію, а въ 1887 г. въ санѣ епископа назначенъ ректоромъ послѣдней. Какую благодарную память оставилъ онъ по себѣ въ Академіи, можно судить по тѣмъ сердечнымъ проводамъ, которые устроены были какъ корпораціей профессоровъ, такъ и студентами.

Въ 1892 году, когда по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III была открыта самостоятельная Финляндская епархія, преосвященный Антоній назначенъ былъ первымъ архіепископомъ Финляндскимъ. Еще въ бытность викаріемъ С.-Петербургской епархіи преосвященный Антоній имѣлъ случай входить въ близкія отношенія съ православными обывателями Финляндіи и ознакомиться тамъ съ положеніемъ Православной Церкви. Онъ былъ первымъ епископомъ, который по волѣ покойнаго митрополита Исидора, обозрѣлъ до половины православныхъ приходовъ въ Финляндіи. Поѣздка (въ 1887 году) православнаго епископа въ глубь Финляндіи обратила всеобщее вниманіе тамъ на себя. Во вторую же свою поѣздку (1888 г.) преосвященный Антоній осмотрѣлъ приходы западной Финляндіи.

Въ настоящее время архіепископъ Антоній полагаетъ всѣ свои силы на устроеніе юной финляндской епархіи.

На ученомъ поприщѣ высокопреосвященный Антоній извѣстенъ какъ авторъ „Очерковъ изъ исторіи христіанской проповѣди“—сочиненіе, за которое онъ удостоенъ ученой степени доктора богословія.

Д.

Digitized by Google

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

ПО ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

1.

Финляндское войско.*

Въ ноябрьской книжкѣ *Наблюдателя* помѣщены любопытные „Финляндскіе очерки“ г. В. Вельскаго. Вотъ что разказываетъ онъ о туземныхъ финскихъ войскахъ:

Отношенія между финляндскими и русскими военными,—напримѣръ, между Вильманстрандскими финскими драгунами и квартирующими тамъ русскими стрѣлками,—въ высокой степени корректны и напоминаютъ взаимныя отношенія между арміями двухъ дружественныхъ державъ, Россіи и Германіи. Между офицерами — утонченная, холодная офиціальная вѣжливость, праздничные визиты, строгое служебное чинопочитаніе; но во всемъ остальномъ—полная обособленность и совершенная замкнутость; словомъ, какъ бы между русскими и германскими офицерами. Свою команду Шведы-офицеры хотя и произносятъ по-русски (почти всѣ они говорятъ правильно и безъ акцента), но обыкновенно—изъ патріотизма ли, или ужъ такъ принято—прибавляютъ, для поощренія солдатъ къ русской командѣ, одно или нѣсколько финскихъ ругательныхъ словечекъ, къ сожалѣнію, неудобныхъ для воспроизведенія ихъ въ переводѣ. Самыя популярныя бесѣды между стрѣлковыми офицерами—о томъ, какъ поведетъ себя и какую роль будетъ играть Финляндія, въ случаѣ войны Россіи съ тройственнымъ союзомъ, и сколько и за кого она можетъ,—если натужится,—выставить войска (говорятъ, до 80.000 солдатъ) и пр. въ этомъ родѣ.

Между солдатами — драгунами и стрѣлками—замѣчается такая же корректность: ни одинъ драгунъ не придетъ въ гости къ стрѣлкамъ и наоборотъ; Финны, говорящіе по-русски, состоя въ драгунахъ, видимо воздерживаются отъ употребленія этого языка; изученіе его не поощряется ничѣмъ и никѣмъ.

Послѣ „битвы при Хіукаранѣ“ (буераиъ, по-фински), — какъ зовутъ въ шутку столкновеніе драгунъ со стрѣлками въ лагеряхъ, въ 1893 году, — корректность между ними ничѣмъ не нарушалась. Но такъ какъ битву при Хіукаранѣ, на берегу Саймы, гельсингфорсскія газеты умѣли замолчать въ свое время, то не лишнее сказать о ней два слова, тѣмъ болѣе, что окончилась она, слава Богу, благополучно, и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, полнымъ пораженіемъ непріятеля, подобно извѣстной исторической битвѣ при Вильманстрандѣ.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 306, отъ 6 ноября.

Digitized by Google

Дѣло было, какъ сказано, въ лагеряхъ подъ Вильманстрандомъ на берегу Саймінскаго озера, лѣтомъ позапрошлаго года. Разсказываютъ нѣсколько версій о причинахъ столкновенія; но наиболѣе справедливою кажется мнѣ слѣдующая. У финскихъ драгунъ былъ какой-то праздникъ; по сему случаю они выпили и, набросившись ни съ того, ни съ сего на дневальнаго русскаго стрѣлка, на берегу озера, стали бить его и другихъ стрѣлковъ, которые заступились за дневальнаго. Громадный численный перевѣсъ былъ на сторонѣ финскихъ драгунъ. Но въ это время къ мѣсту дѣйствія подошли окончившіе свои занятія остальные стрѣлки, увидали побоище и, захвативъ ружья, цѣлыми толпами бросились на выручку своихъ, и въ одно мгновеніе смяли драгунъ. Не случись здѣсь случайно проѣзжавшаго бригаднаго генерала Попова произошло бы большое несчастіе и—затѣмъ—большія похороны. Генералъ умѣлъ тотчасъ успокоить стрѣлковъ, и по его командѣ они послушно возвратились въ свой лагерь, притащивъ съ собой въ качествѣ трофеевъ, 15 связанныхъ буяновъ—финскихъ солдатъ. Пострадалъ также одинъ Шведъ, драгунскій офицеръ, только не отъ рукъ стрѣлковъ, а отъ своихъ собственныхъ драгунскихъ солдатъ, набросившихся на него за то, что онъ по долгу службы пытался унять и остановить ихъ отъ избіенія стрѣлковаго дневальнаго. Виновные драгунскіе солдаты были, какъ и слѣдовало ожидать, привлечены къ отвѣтственности и судимы финскимъ военнымъ судомъ, который разсмотрѣлъ дѣло по финскимъ законамъ и приговорилъ виновныхъ драгунъ къ штрафу въ 60 или въ 90 марокъ,—не помню навѣрно,—и, сверхъ того, къ легкому аресту.

А вѣдь случись такая бѣда, что виновными въ побоищѣ и оскорбленіи офицера оказались бы наши стрѣлки, они не отдѣлались бы такъ дешево. По нашимъ военнымъ законамъ, за оскорбленіе офицера и за буйство виновные солдаты подлежатъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, смертной казни.

2.

Эволюція финляндской мысли. *

Свѣтъ (№ 309) дѣлаетъ любопытныя извлеченія изъ статьи г. Абова въ *Журналѣ Министерства Юстиціи*, показывающей какъ сильно „сепаратизировалось“ финляндское самосознаніе за нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ 30 и 40 годахъ возникающія сепаратистическія стремленія встрѣчали сильный отпоръ среди самихъ Финляндцевъ:

Началъ эту полемику Израэль Вассеръ въ 1838 году брошюрой, напечатанною въ гор. Упсалѣ: „О союзномъ трактатѣ Швеціи съ Россіей въ 1812 году.“ Ему возразилъ Пекка Каухаринень въ брошюрѣ „Финляндія и ея будущность“.

Основное положеніе, которое отстаивалъ Вассеръ, было формулировано имъ такъ: прежде чѣмъ Швеція, черезъ Фридрихсгамскій миръ, отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ на Финляндію въ пользу Россіи, она сама освободилась отъ прежнихъ своихъ отношеній и на сеймѣ въ Борго, черезъ свои сословія, заключила „сепаратный“ миръ съ Русскимъ Императоромъ. Благодаря этому миру, Финляндія перестала быть не только шведскою провинціей, но она перешла въ состояніе особаго государства съ представительнымъ образомъ правленія.

Противъ подобной нелѣпости возсталъ Пекка Каухаринень.

Наиболѣе существенныя положенія Пекка Каухаринена, въ краткихъ извлеченіяхъ, сводятся къ слѣдующему:

Финляндія была частью Швеціи и ни въ какомъ случаѣ не являлась самостоятельною страной, а потому русская власть не могла смотрѣть на нее какъ на государство, съ которымъ можно было бы заключить сепаратный миръ. 5—17 іюня 1808 года Финляндія была объявлена русскою провинціей; Финляндцы вошли въ составъ другихъ народовъ подвластныхъ русскому скипетру и вмѣстѣ съ ними образовали одно государство. Финляндія была покорена, обезоружена и приве-

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 359, отъ 30 декабря.

Digitized by Google

дена къ присягѣ на русское вѣрноподданство (присягать обязаны были даже школьники 15лѣтняго возраста). Такимъ образомъ „Финляндія шагъ за шагомъ была превращена въ русскую провинцію и навсегда соединена съ господствующимъ государствомъ. На сеймѣ въ Борго сословіямъ не предоставлено было права возбуждать какіе-либо законодательные вопросы. Рѣчь Императора Александра I была словомъ обращеннымъ къ законнымъ подданнымъ, а не условіемъ договаривающагося контрагента. Въ Фридрихсгамѣ Русскій Императоръ и его преемники получили право полнаго обладанія надъ присоединенною страной.

Государь (въ Борго) желалъ съ истинно-отеческою добротой и благосклонностью выслушать совѣты своихъ подданныхъ и покорить ихъ сердца; это было мудро, человѣколюбиво и великодушно; но во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни сепаратнаго договора. Онъ утвердилъ религію, права собственности и привилегіи; но и это нѣчто совершенно иное, чѣмъ признаніе Финляндіи особымъ государствомъ. На обсужденіе сословіямъ были переданы вопросы чисто экономическаго свойства и ни въ одномъ изъ нихъ не заключалось даже политическаго намека.

Какимъ же образомъ Финляндія перешла въ состояніе особаго государства? Государь утвердилъ коренные законы и тѣ привилегіи, коими сословія доселѣ (до 1808 года) пользовались. Финляндія же, сама по себѣ, не имѣла никакихъ собственныхъ коренныхъ законовъ и привилегій, а лишь тѣ, въ которыхъ она принимала участіе, какъ составная часть Швеціи, какъ ея провинція. Эти права можно было вполнѣ утвердить, ничуть не связывая себя чѣмъ-либо. Положеніе Финляндіи не походило на положеніе Венгріи, Богемія и другихъ странъ, которыя были присоединены къ чужимъ государствамъ послѣ того уже какъ ихъ собственное государственное устройство успѣло пріобрѣсти извѣстное развитіе.

Гдѣ, спрашиваетъ Пекка Каухариненъ, находятся тѣ положенія, которыми ближе опредѣляются отношенія Финляндіи къ Россіи, кромѣ той общей манеры говорить, которая сказалась въ удостовѣреніи Александра Перваго?

Можно указать только на обѣщанія, но ни одного обязательства, ни одного государственнаго акта, ни одной гарантіи нѣтъ; обѣщаніе же (удостовѣреніе) зависитъ только отъ личной благосклонности, снисходительности. Выговорила ли себѣ что либо Финляндія для будущаго? Вѣдь сеймъ, самъ по себѣ, не является еще государственною формой, если таковая не установлена и не оговорена.

И вдругъ изъ всего этого родилось особое государство съ представительнымъ образомъ правленія! Въ теченіе „тридцати лѣтъ никто у насъ (въ Финляндіи) не говорилъ объ этомъ (объ особомъ государствѣ съ представительнымъ образомъ правленія), или о созывѣ сейма, который обыкновенно составляетъ принадлежность подобнаго правленія".

Пекка Каухариненъ не забылъ упомянуть также и о томъ что по государственному закону Швеціи 1772 и 1779 годовъ король является почти единодержавнымъ, тѣмъ болѣе таковымъ сдѣлался для Финляндіи Русскій Императоръ. Несомнѣнно что Великое Княжество управляется на особыхъ основаніяхъ, по сравненію съ остальною Имперіей, но въ этомъ нѣтъ еще и слѣда особаго государства съ конституціоннымъ правительствомъ. Все въ Финляндіи устанавливается согласно Высочайшаго благоусмотрѣнія.

Вотъ какіе вѣскіе, основанные на историческихъ данныхъ доводы приводятъ сами безпристрастные Финляндцы противъ своихъ „политическихъ фантазеровъ" въ родѣ Израэля Вассера.

Прошло болѣе полувѣка и голоса благоразумія приходится искать въ пыли архивовъ, а „политическія фантазіи" сохранились въ ихъ первобытной свѣжести!

Кто виноватъ въ этомъ?

Новаго для нашихъ читателей тутъ нѣтъ ничего, такъ какъ мы неоднократно указывали на этотъ ходъ историческихъ событій, но мы очень рады встрѣтить еще одно подтвержденіе нашихъ словъ.

3.

Финляндская закономѣрность. *

Свѣтъ (№ 311) отмѣчаетъ типичное поведеніе финляндской печати въ отношеніи распоряженій власти.

Недавно финляндскій генералъ-губернаторъ усмотрѣлъ необходимость предписать мѣстнымъ губернаторамъ и полицейскимъ вла-

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 360, отъ 31 декабря.

Digitized by Google

стамъ принять мѣры, чтобы впредь въ публичныхъ лекціяхъ и сообщеніяхъ не касались вопросовъ политическаго свойства. Тѣмъ, кто хоть нѣсколько прислушивался и присматривался къ тому что дѣлалось на финляндской окраинѣ въ послѣднее время, не трудно догадаться, чѣмъ вызвано было подобное распоряженіе и какъ именно его слѣдуетъ понять; Финляндцы же сепаратистической окраски изобразили крайнее недоумѣніе и даже наивность... Газеты забили тревогу и переполнились вопросами самого глубокомысленнаго свойства: что слѣдуетъ понимать въ циркулярѣ начальника края подъ выраженіемъ „политическіе вопросы“? Чѣмъ было вызвано указанное распоряженіе? Распространяется ли дѣйствіе циркуляра на лекціи въ университетѣ? Можно ли будетъ впредь разсуждать о желѣзнодорожной, таможенной, аграрной и другихъ „политикахъ“? и т. д. Въ длинныхъ передовыхъ статьяхъ полились разсужденія изъ учебниковъ государственнаго права, цитировались шведскіе авторитеты науки (напр. Науманъ), излагалась разница между истинною политикой и политикой хитрою и коварною и, наконецъ, преподано было что государственно-правовое положеніе Финляндіи зиждется на законѣ, закрѣпленномъ монархами и проч. (*Hufvudstadsbladet* № 281). Органъ крайнихъ шведомановъ или викинговъ *Nya Pressen* (№ 325) пошелъ далѣе и заявилъ что свобода печати въ Финляндіи ограничена предварительною цензурой, но что для свободы слова подобной цензуры не существуетъ, а потому въ устномъ изложеніи можно касаться любой темы „по всѣмъ предметамъ человѣческаго знанія“; и такъ какъ, кромѣ того, въ Финляндіи существуетъ свобода сходокъ, то нельзя запрещать совмѣстныхъ собраній для обсужденія общихъ вопросовъ, къ каковымъ относятся также и вопросы политическаго характера. Возможно ли профессору государственнаго права при нашемъ университетѣ воспретить обсужденіе политическихъ вопросовъ? Вѣдь это равносильно посягательству на свободу преподаванія въ высшемъ учебномъ заведеніи? Можно ли, наконецъ, продолжаетъ та же газета,—не обсуждать государственно-правоваго положенія Финляндіи, когда оно основано на законѣ?

Словомъ „закономѣрность“ въ полномъ разгарѣ въ Финляндіи.

Digitized by Google

МЕЛОЧИ ФИНЛЯНДСКОЙ ЖИЗНИ.*

Недавно въ Гельсингфорсѣ русскій офицеръ П. и русскій же чиновникъ Н. зашли часовъ въ 10 вечера въ лучшую мѣстную гостиницу „Societets - huset“ и, заказавъ себѣ ужинъ, чинно усѣлись въ общей залѣ. Кромѣ нихъ тутъ же сидѣли два Шведа, изъ коихъ одинъ былъ уже что̀ называется „нагруженъ“. Увидя Русскихъ, пьяный Шведъ тотчасъ же разразился оскорбительными выходками на русскій счетъ и закончилъ ихъ выводомъ что̀ „всѣ русскіе офицеры — сволочь“. Хотя все это было говорено по-шведски, но гг. П. и Н. на несчастье свое понимаютъ этотъ языкъ, что̀ далеко не рѣдкость между служащими здѣсь русскими офицерами. Чтобъ избѣжать столкновенія, гг. П. и Н. позвали лакея и, заплативъ ему за неподанный ужинъ, собрались уходить. Видя отступленіе „Русскихъ“, Шведъ разошелся еще болѣе, причемъ досталось и лакею за то что онъ „смѣетъ говорить по-русски“. Выйдя изъ общей залы, гг. П. и Н. послали того же лакея спросить у Шведа карточку, которая и была дана. Она гласила что пьяница есть никто иной, какъ „редакторъ“ одной изъ мѣстныхъ газетъ, само собою патріотической, потому что вся финляндская печать — патріотическая. Неизвѣстно что̀ будутъ дѣлать оскорбленные съ этою карточкой, но можно сказать заранѣе, съ полною увѣренностью, что случай этотъ, какъ и многіе ему подобные, бывшіе ранѣе, останется безъ всякихъ послѣдствій..... для „редактора“ и для поруганной чести русскихъ офицеровъ*. Всякое нарушеніе Финляндцами правъ русскихъ людей по ту сторону Бѣлоострова есть дѣяніе ненаказуемое. Существуютъ, конечно, и тамъ законы и власти — административныя и судебныя,—которыя, якобы, обязаны чинить защиту русскимъ людямъ наравнѣ съ Финляндцами; но дѣло въ томъ что если вы посовѣтуете потерпѣвшему Русскому обратиться къ защитѣ этихъ законовъ и властей, то онъ вамъ расхохочется въ глаза. То же сдѣлаетъ, услыша вашъ совѣтъ и Финляндецъ. Разница будетъ только въ характерѣ и значеніи смѣха: въ первомъ случаѣ это будетъ смѣхъ горькій, а во второмъ — торжествующій и злорадный.

Не такъ давно, какъ извѣстно, торжественно освятили православную церковь въ Гангё, построенную по собранной подпискѣ. Милостивая телеграмма Государя Императора, полученная по этому случаю финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, была напечатана во всѣхъ русскихъ газетахъ. Гельсингфор-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 г. № 311, отъ 11 ноября.

* Думаемъ, что это предположеніе корреспондента не оправдается: если финляндскій судъ не оказываетъ справедливости Русскимъ, то есть судъ чести. *Ред.*

Digitized by Google

скія газеты также не обошли молчаніемъ наше православное торжество. На другой же день послѣ освященія церкви газета *Hufvudstadsbladet* помѣстила статью, въ которой, презрительно отозвавшись о неприглядной, будто бы, наружности новаго храма, иронически прибавляетъ что на обрядъ освященія собрались поглазѣть мѣстныя кухарки и что православный звонъ „заглушаетъ“ де звонъ лютеранской кирки. Другой корреспондентъ изъ Гангё неодобрительно отозвался объ излишней торопливости Русскихъ: только де построили какую-то „молельню“, годную для дачниковъ, какъ уже приступаютъ къ сооруженію никому ненужной русской школы. Далѣе корреспондентъ передаетъ свой разговоръ съ однимъ изъ Финновъ, рабочимъ, тесавшимъ бревно для этой школы.

„Для кого же эта школа, когда русскихъ въ Гангё зимой совсѣмъ не бываетъ?“—спрашиваетъ корреспондентъ.

— Школа годится и для насъ, Финновъ: вѣдь нашъ Государь говоритъ по-русски, — отвѣчаетъ простодушный Финнъ, къ величайшему огорченію корреспондента и всей политиканствующей финляндской шайки.

И дѣйствительно, если сообразить, какія нечеловѣческія усилія употребляются этою шайкой, чтобы втянуть въ политику простой Финскій народъ, съ какою неумолимою послѣдовательностью ведется въ странѣ враждебная намъ пропаганда и какую могучую поддержку находитъ она въ нашихъ попустителяхъ и переметахъ, то становится просто непонятно, какъ это финскій крестьянинъ сохранилъ въ себѣ настолько здраваго смысла, чтобы дать досужему корреспонденту столь мудрый отвѣтъ. Поистинѣ, великъ Богъ земли Русской!

Мы привели образцы финляндской печати, которая (этого не надо забывать) вся находится *подъ предварительною цензурой*. Что это за цензура—видно безъ поясненій. Въ дополненіе къ этому можно указать еще на выходку газеты *Nya Pressen*, приведенную въ № 6.966 *Новаго Времени* и состоящую въ восхваленіи Стамбулова, какъ патріота, героя и государственнаго мужа. Тонъ и содержаніе всей замѣтки о Стамбуловѣ таковы что имъ могла бы позавидовать любая изъ австрійскихъ, нѣмецкихъ или англійскихъ газетъ. Но финляндскіе „редакторы“, какъ пьяные, такъ и трезвые, ужасно обижены самымъ существованіемъ этой „предварительной цензуры“. Они изо всѣхъ силъ хлопочутъ объ ея уничтоженіи и внесли объ этомъ „петицію“ на сеймѣ. Можно себѣ представить что̀ это будетъ, если затѣя „редакторовъ“ удастся! А чего только не удавалось Финляндцамъ, при благосклонномъ содѣйствіи тѣхъ попустителей и переметовъ...

Таковы-то наши „мелочи“.

— Однако жъ, позвольте, скажетъ, пожалуй, иной читатель,—почему же вы называете это мелочами? Неужели это, по вашему, мелочи?

Да, дорогой читатель. Съ русской точки зрѣнія всѣ эти явленія, конечно, очень важны, но у насъ, русскихъ обывателей Финляндіи, на этотъ счетъ существуетъ особая мѣрка, а подобнаго рода факты мы считаемъ мелкими, ибо есть другіе факты неизмѣримо крупнѣе и возмутительнѣе; но о нихъ, по разнымъ причинамъ, говорить не приходится, а потому мы созерцаемъ ихъ молча и страдаемъ про себя.

ЗАѢЗЖІЙ РУССКІЙ.

Digitized by Google

„НОВОЕ ВРЕМЯ“ О ФИНЛЯНДСКИХЪ ДѢЛАХЪ *.

Письмо къ издателю.

Въ послѣдніе годы петербургскія газеты, которыя наиболѣе распространены здѣсь, чаще прежняго стали баловать насъ, финляндскихъ обывателей, до сихъ поръ не имѣющихъ своей русской газеты, извѣстіями о финляндскихъ дѣлахъ. Но выходитъ, къ сожалѣнію, что ужь лучше бы онѣ этого не дѣлали, а попрежнему молчали о нашей забытой окраинѣ: при полномъ незнакомствѣ съ финляндскими дѣлами, несмотря на близость Финляндіи къ Петербургу, онѣ помѣщаютъ извѣстія крайне неточныя, а часто и прямо измышленныя.

Въ особенности отличается этимъ *Новое Время*. Эта легкомысленная газета, повидимому, избрала себѣ одною изъ спеціальностей—поставлять утки о финляндскихъ дѣлахъ. Если взять только послѣдніе два года, то можно набрать въ *Новомъ Времени* цѣлый длинный рядъ ложныхъ, а иногда прямо вздорныхъ извѣстій о здѣшнихъ дѣлахъ. Кто-то систематически мистифицируетъ веселый органъ г. Суворина или, можетъ-быть, онъ самъ себя мистифицируетъ. Что всего куріознѣе, это то что подобныя извѣстія нерѣдко передаются потомъ *Россійскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ* по всей Россіи. Въ прошломъ году въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было уже разъ отмѣчено какъ *Новое Время* закрыло прошлогодній Финляндскій Сеймъ за три мѣсяца до срока и перепутало обсуждавшіяся на немъ дѣла. Послѣ того былъ еще цѣлый рядъ вздорныхъ извѣстій. Отмѣтимъ лишь нѣсколько въ видѣ образчика. Такъ, напримѣръ, *Новое Время* давно уже сообщало будто коммиссія Н. А. Неклюдова, назначенная для кодификаціи финляндскихъ „основныхъ законовъ“, представила свои труды на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. На самомъ дѣлѣ коммиссія эта до сихъ поръ даже и не собиралась. Далѣе, въ той же газетѣ сообщалось будто на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ вводится общій уставъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ (въ дѣйствительности объ этомъ и вопроса не возбуждалось); будто въ Финляндіи открывается 10 новыхъ русскихъ школъ (это извѣстіе почему-то повторяется періодически чуть не каждый мѣсяцъ), будто здѣсь основано между Финляндцами „общество для изученія русскаго языка“, будто Финляндскій Сенатъ принялъ рядъ мѣръ для распространенія русскаго языка, въ родѣ командировки учителей финляндскихъ народныхъ школъ въ коренную Россію и т. д. Въ дѣйствительности Финляндскій Сенатъ не способствуетъ, а скорѣе мѣшаетъ, въ чемъ только возможно, распространенію русскаго языка и русскаго образованія въ краѣ, никакого „общества для изу-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года. № 291, отъ 22 октября.

Digitized by Google

ченія русскаго языка" не было и нѣтъ, новыхъ русскихъ школъ за послѣдніе годы открыто всего 2—3, и то не Сенатомъ, а русскимъ епархіальнымъ начальствомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и т. д.

Но всѣ эти извѣстія, кажется, превзошло помѣщенное на дняхъ *Новымъ Временемъ* (№ 7.042) длинное сообщеніе о русскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Финляндіи. Въ виду важности самого дѣла и того что это сообщеніе могутъ перепечатать и другія газеты и ввести своихъ читателей въ заблужденіе, считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ и разобрать. Вотъ это куріозное сообщеніе:

„Мы уже сообщали что при Финляндскомъ Сенатѣ открыты засѣданія комиссіи по вопросу о преобразованіи русскихъ школъ, въ виду увеличенія числа этихъ школъ въ Финляндіи. Въ настоящее время, по словамъ финляндскихъ газетъ, уже выяснились новыя условія открытія этихъ школъ и надзора за ними. Дѣло идетъ о тѣхъ училищахъ, съ курсомъ низшихъ учебныхъ заведеній, которыя открываются въ Финляндіи для дѣтей проживающихъ въ Финляндіи русскихъ чиновниковъ и военныхъ. По закону эти школы подчиняются попечителю Петербургскаго учебнаго округа, но такъ какъ суммы на содержаніе ихъ отпускаются Финляндскимъ Сенатомъ, то между этими двумя учрежденіями происходили столкновенія, которыя и должны быть устранены новыми правилами. Теперь для надзора за финансовою частью, а также за ходомъ ученія дѣтей, учащихся въ русскихъ школахъ въ Финляндіи, при Сенатѣ учреждается особая совѣщательная коммиссія изъ членовъ по назначенію генералъ-губернатора и съ согласія русскаго министра Народнаго Просвѣщенія. Открытіе новыхъ школъ разрѣшается генералъ-губернаторомъ, программы ихъ разсматриваются Финляндскимъ Сенатомъ, который, однако, не утверждаетъ ихъ, а даетъ свое заключеніе русскому Министерству Народнаго Просвѣщенія. Отчеты о дѣятельности школъ представляются попечителю Петербургскаго учебнаго округа; но если въ школахъ есть ученики финляндскіе уроженцы, то свѣдѣнія объ ихъ успѣхахъ представляются русскими школами въ школьную коммиссію при Финляндскомъ Сенатѣ. Открытіе учебныхъ заведеній съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, но съ программой превышающею размѣръ начальныхъ училищъ, можетъ быть допускаемо не иначе какъ по ходатайству о томъ предъ генералъ-губернаторомъ Департамента Экономіи Финляндскаго Сената".

Во всемъ этомъ сообщеніи нѣтъ почти ни слова правды. Все или вымышлено, или перепутано и искажено до неузнаваемости. Начать съ того что никакой „коммиссіи по вопросу о преобразованіи русскихъ школъ" при Финляндскомъ Сенатѣ не было и нѣтъ. Да и самого вопроса о „преобразованіи" русскихъ школъ Сенатомъ не могло возникнуть, по той весьма простой причинѣ что бо́льшая часть существующихъ нынѣ въ Финляндіи русскихъ учебныхъ заведеній (4 среднеучебныхъ заведенія и 16 низшихъ, преимущественно начальныхъ, школъ) возникли совершенно помимо Сената и финляндскихъ учебныхъ властей, и находились до 1883 года въ вѣдѣніи генералъ-губернатора (безо всякаго участія Сената), а съ помянутаго года состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ хозяйственномъ отношеніи, ими, согласно Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта 1883 и 1884 годовъ, временно завѣдуетъ состоящій при генералъ губернаторѣ и учрежденный еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ совѣщательный комитетъ (въ сообщеніи *Новаго Времени* этотъ комитетъ, очевидно, подалъ поводъ къ вымыслу о предстоящемъ будто бы учрежденіи какой то совѣщательной коммиссіи при Финляндскомъ Сенатѣ). Учреждались и содержатся помянутыя русскія учебныя заведенія частію на пожертвованія частныхъ русскихъ людей, главнымъ же образомъ на средства отпускаемыя изъ Русскаго Государственнаго Казначейства, по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изъ помянутыхъ школъ только двѣ начальныя школы (въ селеніяхъ Красномъ Селѣ и Новой

Digitized by Google

Деревнѣ, Выборгской губерніи) получаютъ небольшія субсидіи отъ Финляндскаго Сената (въ видѣ прибавки къ средствамъ отпускаемымъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія). Такимъ образомъ, свѣдѣніе *Новаго Времени* объ отпускѣ суммъ на содержаніе русскихъ школъ изъ Сената и о „столкновеніяхъ", будто бы происходившихъ изъ-за этого между Сенатомъ и попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа совершенно невѣрно. Все что далѣе говорится въ сообщеніи источникомъ своимъ, какъ можно догадываться, имѣетъ изданный (а не предполагаемый только) и опубликованный еще два мѣсяца тому назадъ финляндскій законъ о русскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Финляндіи и о порядкѣ завѣдыванія ими. Но содержаніе закона совершенно перепутано *Новымъ Временемъ*, до котораго дошелъ, очевидно, лишь отдаленный слухъ о немъ. Приводимъ текстъ этого закона по русскому изданію *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* (№ 28):

Высочайшее Его Императорскаго Величества постановленіе,

объ учрежденіи въ Финляндіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и о порядкѣ завѣдыванія ими.

Дано въ Гельсингфорсѣ, 15 августа 1895 года.

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: По учрежденіи въ Финляндіи, на средства русской казны, нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и соединенныхъ съ этими учебными заведеніями приготовительныхъ отдѣленій, для доставленія воспитанія и образованія дѣтямъ расположенныхъ въ Финляндіи русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и другихъ проживающихъ въ краѣ русскихъ уроженцевъ, Августѣйшему Родителю Нашему, Блаженныя памяти Государю Императору Александру III, благоугодно было, по представленіямъ Государственнаго Совѣта Имперіи отъ 15 марта 1883 и 6 ноября 1885 годовъ ст. ст., Высочайше повелѣть означенныя среднія учебныя заведенія передать въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ подчиненіемъ ихъ управленію С.-Петербургскаго учебнаго округа на одинаковыхъ основаніяхъ съ соотвѣтствующими учебными заведеніями въ Имперіи, съ тѣмъ, однако, чтобы хозяйственная часть сихъ заведеній вѣдалась состоящимъ при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ „Совѣщательнымъ Комитетомъ по дѣламъ русскихъ училищъ въ Финляндіи", причемъ генералъ-губернатору Высочайше предоставлено было, по соглашенію съ министромъ Народнаго Просвѣщенія, опредѣлять составъ и порядокъ дѣйствій Совѣщательнаго Комитета. Въ виду сего и по возбужденіи вопроса объ отношеніяхъ этихъ учебныхъ заведеній къ подлежащимъ административнымъ властямъ въ Финляндіи, а также о прочихъ находящихся въ краѣ училищахъ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, признали Мы за благо, по всеподданнѣйшемъ представленіи Нашего Финляндскаго Сената, установить слѣдующія дополнительныя правила:

§ 1.

Нынѣ существующія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, учрежденныя по Высочайшимъ о томъ повелѣніямъ и содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, русскія среднеучебныя заведенія остаются въ вѣдѣніи сего Министерства, согласно правиламъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 15 марта 1883 года.

Точно также въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія состоятъ тѣ изъ имѣющихся въ настоящее время въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ низшихъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, которыя, какъ предназначенныя для дѣтей проживающихъ въ Финляндіи русскихъ уроженцевъ, возникли не въ порядкѣ учрежденія финляндскихъ народныхъ училищъ, по устройству и программѣ своей не соотвѣтству-

Digitized by Google

ютъ этимъ училищамъ и не пользуются содержаніемъ изъ тѣхъ средствъ и на тѣхъ основаніяхъ, кои финляндскимъ закономъ указаны для народныхъ училищъ и школъ для дѣтей младшаго возраста.

Относительно прочихъ нынѣ существующихъ въ Финляндіи низшихъ учебныхъ заведеній, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, примѣняются правила § 5 сего Постановленія.

§ 2.

Русскія среднеучебныя заведенія и подготовительныя къ онымъ школы, предназначенныя для дѣтей проживающихъ въ Финляндіи русскихъ уроженцевъ и содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, могутъ быть впредь учреждаемы въ Финляндіи симъ Министерствомъ по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ Великаго Княжества Финляндскаго. Такія учебныя заведенія состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и объ учрежденіи ихъ, равно какъ объ общей ихъ программѣ, дѣлается заявленіе Нашему Финляндскому Сенату.

§ 3.

О дѣтяхъ финляндскихъ гражданъ, обучающихся въ русскомъ среднемъ учебномъ заведеніи, завѣдывающій онымъ долженъ за каждый учебный годъ представлять статистическія данныя въ главное управленіе училищнаго вѣдомства, порядкомъ установленнымъ или впредь установляемымъ относительно завѣдывающихъ казенными и частными учебными заведеніями въ краѣ.

§ 4.

Желающій открыть такое частное учебное заведеніе, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, которое не подходитъ подъ типъ народныхъ училищъ, долженъ ходатайствовать о разрѣшеніи на то въ Хозяйственномъ Департаментѣ Сената, который рѣшаетъ вопросъ по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ и, въ случаѣ уваженія ходатайства, даетъ предписанія, признаваемыя необходимыми въ отношеніи надзора за заведеніемъ.

§ 5.

Къ высшимъ и низшимъ народнымъ училищамъ и школамъ для младшаго возраста, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ примѣняются правила изложенныя въ Высочайшемъ Постановленіи отъ 11 мая 1866 года, объ организаціи народно-училищнаго дѣла въ Финляндіи, Высочайшемъ объявленіи отъ 30 ноября 1871 года, касательно языка преподаванія въ классическихъ, реальныхъ и народныхъ училищахъ Финляндіи, и въ Высочайшемъ Постановленіи отъ 5 марта 1883 года, объ обученіи дѣтей въ православныхъ сельскихъ приходахъ Финляндіи, съ относящимися къ данному предмету другими законами и постановленіями.

Съ чѣмъ соображаться каждому, до кого сіе касаться можетъ. Гельсингфорсъ, 15 августа 1895 года.

По Собственному Его Императорскаго Величества Опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ:

А. А. ЕРНЕФЕЛЬТЪ.
З. ИРЬЕ КОСКИНЕНЪ.
О. ГАДДЪ.
В. ЭНЕБЕРГЪ.
С. ЭЙМЕЛЕУСЪ.

Это-то постановленіе, изданное Финляндскимъ Сенатомъ, и подало *Новому Времени* поводъ сочинить свое сообщеніе. То же постановленіе опубликовано на русскомъ языкѣ и въ *Циркуляражъ* С.-Петербургскаго учебнаго округа, такъ что, при нѣкоторомъ желаніи, петербургская газета имѣла бы полную возможность дать своимъ читателямъ достовѣрныя, а не вымышленныя и извращенныя извѣстія.

ФИНЛЯНДСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Digitized by Google

КЪ ФИНЛЯНДСКОМУ ТАМОЖЕННОМУ ВОПРОСУ.*

(Отвѣтъ „Новому Времени").

Въ 1882—83 году, когда уже въ достаточной мѣрѣ выяснились вредныя для Россіи послѣдствія Положенія 20 декабря 1858 года, предоставившаго Финляндіи значительныя преимущества по безпошлинному ввозу различныхъ товаровъ въ предѣлы Россійской Имперіи, *Новое Время* объявило открытую войну финляндскимъ торговымъ привиллегіямъ и выступило энергичнымъ защитникомъ попранныхъ этими привилегіями интересовъ русской промышленности вообще и русскаго писчебумажнаго дѣла въ частности.

Въ цѣломъ рядѣ помѣщенныхъ за то время статей, *Новое Время* изобличало ложь и подтасовки финляндской печати по вопросамъ русско-финляндскаго торговаго баланса, доказывало, на основаніи безспорныхъ фактовъ *„что русская промышленность эксплуатируется финляндскою, а не наоборотъ"* (№ 2.548, 2 апрѣля 1883 г.) и обращало вниманіе лицъ *„компетентныхъ въ рѣшеніи этого вопроса"* на тѣ мѣропріятія, безотлагательное проведеніе которыхъ необходимо для спасенія русскихъ фабрикъ и заводовъ отъ окончательнаго разоренія. Мѣры эти, какъ видно изъ появившагося первоначально въ № 2.808 *Новаго Времени*, отъ 21 декабря 1883 года, разслѣдованія А. Зарина, сводились *„къ обложенію всего финляндскаго ввоза тѣми же пошлинами какія установлены нашимъ русскимъ тарифомъ для произведеній и издѣлій иностранной промышленности вообще"*; изъ этого правила предлагалось допустить только незначительныя изъятія, а именно: безпошлинный ввозъ въ Россію изъ Финляндіи всякаго сырья и произведеній кустарной промышленности крестьянъ и ввозъ по уменьшенному тарифу готовыхъ судовъ, рыболовныхъ снарядовъ и химическочистой целлюлозы.

Этимъ благимъ предположеніямъ, однако, не суждено было осуществиться въ полной мѣрѣ. Новый русско-финляндскій тарифъ 25 мая 1885 года, хотя и обложилъ пошлиной нѣкоторые продукты финляндскаго производства (въ томъ числѣ и писчебумажные) которые до тѣхъ поръ, согласно Положенію 1858 года, ввозились къ намъ безпошлинно, но это обложеніе было несравненно ниже всѣхъ пошлинныхъ ставокъ нашего общаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ, а также и изданнаго впослѣдствіи конвенціоннаго тарифа. Для того чтобъ имѣть ясное понятіе о тѣхъ выгодахъ которыя законъ 1885 года предоставилъ Финляндцамъ сравнительно съ ихъ иностранными конкуррентами, достаточно сопоставить пошлинныя став-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1895 года, № 324, отъ 24 ноября. Воспроизводя эту статью въ сборникѣ, не лишнимъ считаемъ отмѣтить что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* она помѣщена была въ отдѣлѣ „Сторонннхъ сообщеній" и что выраженныя въ ней мнѣнія, косвенно направленныя противъ таможеннаго объединенія Финляндской окраины съ Россіей, нельзя приписывать редакціи.

Digitized by Google

ки ограждающія нашу писчебумажную промышленность отъ наплыва продуктовъ финляндскаго и заграничнаго производства. Бумага непроклеенная всякая (кромѣ особо поименованной) заграничнаго производства обложена съ пуда 2 р. 40 к. золотомъ, а финляндскаго производства 30 и 40 к. золотомъ; бумага проклеенная заграничнаго производства 4 р (по конвенціонному тарифу 3 р. 30 к.), а финляндская—80 коп.; обои и бордюры заграничные—6 р., а финляндскіе—80 к; конверты и абажуры и т. п. издѣлія заграничныя—10 р. 60 к. (по конвенціонному тарифу 8 р. 75 к.), а финляндскія—80 коп.

Столь выгодныя для Финляндіи ставки 1885 года, несмотря на частыя колебанія которымъ подвергался нашъ общій тарифъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, остались и по сіе время безо всякихъ измѣненій. При такихъ условіяхъ, казалось бы, можно было ожидать что и *Новое Время*, чтобы быть послѣдовательнымъ, останется при прежнихъ своихъ взглядахъ на вредъ причиняемый русской промышленности финляндскими торговыми привилегіями; но на дѣлѣ вышло совершенно иначе: въ настоящемъ году газета г. Суворина почему-то отказалась отъ всего того что до сихъ поръ было ею высказано по этому вопросу, и обратила внезапно свое оружіе, защищавшее по сіе время русскіе интересы, противъ русской же промышленности. Она уже не только не требуетъ повышенія пошлинъ на финляндскіе товары до размѣра нашего общаго тарифа, но, напротивъ того, въ № 7.045, отъ 9 октября, въ статьѣ „Писчебумажная нормировка“, *указываетъ на необходимость постепеннаго уменьшенія даже нынѣ существующихъ пошлинныхъ ставокъ*, которыя еще въ 1883 году она считала недостаточно ограждающими русскіе интересы. Хотя статья „Писчебумажная нормировка“ направлена исключительно противъ русскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ, тѣмъ не менѣе, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію что *Новое Время* открываетъ ею кампанію противъ всей вообще русской промышленности, ибо всѣ доводы приводимые въ пользу пониженія пошлинъ на финляндскую бумагу относятся въ равной мѣрѣ и ко всѣмъ другимъ производствамъ, по которымъ Финляндія является опаснымъ конкуррентомъ Россіи (напр., кожаное, стеклянное, металлическое и др.). Впрочемъ, и само *Новое Время* нисколько не скрываетъ такихъ своихъ намѣреній и стремленій. По крайней мѣрѣ 12 октября, въ № 7.048, редакція этой газеты, не ограничиваясь простымъ сообщеніемъ о томъ что „одновременно“ съ появленіемъ статьи о „Писчебумажной нормировкѣ“—какое, подумаешь, случайное совпаденіе!—гельсингфорсская газета *Nya Pressen* также высказывалась по вопросу о русскомъ писчебумажномъ производствѣ, съ полнымъ одобреніемъ перепечатываетъ доводы этого органа финляндскаго сепаратизма, старающагося доказать будто бы „по статистическимъ даннымъ *конкурренція финляндской промышленности по всѣмъ ея отраслямъ вообще не можетъ быть вредною для интересовъ Россіи*“. Какъ бы тамъ ни было, предстоятъ ли нападенія также и на другія отрасли русской промышленности, или нѣтъ,—но пока *Новое Время*, памятуя совѣтъ divide et impera, обрушилось всею тяжестью своей аргументаціи на одно только злополучное русское писчебумажное производство, и намъ приходится, поэтому, ограничиться разборомъ лишь тѣхъ обвиненій которыя направлены противъ нашей писчебумажной промышленности, и выяснить, наконецъ, въ чемъ же именно такъ жестоко провинилась она предъ русскимъ обществомъ и предъ г. Суворинымъ.

Въ статьѣ „Писчебумажная нормировка“ *Новое Время* забило на всю Россію въ набатъ, предостерегая русское общество отъ надвигающейся, будто бы, на него опасности со стороны нашихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ, которые, „не довольствуясь получаемымъ ими барышемъ въ 30—40%“, „предпринимаютъ Олеговъ походъ на потребителя“, „предвкушаютъ уже удовольствіе живьемъ проглотить финляндскихъ конкуррентовъ“ и желаютъ „подчинить все русское издатель-

Digitized by Google

ское, книжное и газетное дѣло нормировкѣ, которая обложила бы и писателей, и публику лихвеннымъ налогомъ".

Всѣ эти страхи и ужасы оповѣщены *Новымъ Временемъ* единственно на основаніи того факта что недавно, по поводу предстоящаго частичнаго пересмотра русско-финляндскаго таможеннаго тарифа, въ Петербургѣ состоялось совѣщаніе представителей нѣкоторыхъ русскихъ писчебумажныхъ фабрикъ, согласившихся ходатайствовать объ увеличеніи пошлины со ввозимой въ Россію финляндской бумаги среднихъ сортовъ до 1 руб. золотомъ съ пуда (а не до 1 р. 10 к. зол., какъ утверждаетъ *Новое Время*).

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что всякое, даже самое ничтожное обложеніе пошлиной иностранныхъ товаровъ, ложась косвеннымъ налогомъ на потребителей, не можетъ быть для нихъ выгоднымъ, и если *Новое Время*, послѣ долголѣтнихъ „охранительныхъ" заблужденій, пришло, наконецъ, къ убѣжденію въ зловредности охранительныхъ пошлинъ, то ему слѣдовало бы откровенно перейти въ лагерь фритредеровъ и настаивать на открытіи не только финляндской, но и всѣхъ остальныхъ русскихъ границъ для безпошлиннаго ввоза всѣхъ вообще иноземныхъ товаровъ. Между тѣмъ *Новое Время* и по сію пору не отрицаетъ необходимости охранительныхъ пошлинъ вообще и требуетъ пониженія пошлинныхъ ставокъ только съ одного писчебумажнаго товара финляндскаго производства.

Такое свое требованіе означенная газета старается подкрѣпить слѣдующими четырьмя соображеніями.

1) Конкурренція Финляндіи по писчебумажному производству не опасна для Россіи, такъ какъ по этой отрасли промышленности участіе Финляндіи въ общей конкурренціи на русскомъ рынкѣ относится какъ 1 къ 10—15.

2) Существующія нынѣ пошлины на финляндскую бумагу въ 40—80 к. золотомъ вполнѣ уравновѣшиваютъ тѣ преимущества которыми пользуются финляндскія фабрики сравнительно съ русскими.

3) При теперешнихъ пошлинахъ на финляндскую бумагу русскіе писчебумажные фабриканты выручаютъ отъ своего дѣла не 10—15%, какъ бы слѣдовало, а 30—40%, вслѣдствіе чего, въ предупрежденіе нормировки, крайне желательно не дальнѣйшее повышеніе, а наоборотъ, пониженіе пошлинныхъ ставокъ на финляндскую бумагу, тѣмъ болѣе что

4) такое пониженіе дастъ къ будущемъ возможность, безъ потрясеній для русской промышленности, приступить къ таможенному объединенію Финляндіи съ Россіей.

Всѣ приведенныя нами положенія, взятыя почти цѣликомъ изъ №№ 7.045 и 7.048 *Новаго Времени*, основаны, однако, либо на вымышленныхъ фактахъ, либо на совершенно произвольныхъ выводахъ.

Законъ 20 декабря 1858 года, стремившійся къ достиженію еще большей взаимности въ торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ и разрѣшившій, съ этой цѣлью, безпошлинный ввозъ разныхъ финляндскихъ товаровъ въ Россію, имѣлъ весьма пагубное вліяніе почти на всѣ наши промышленныя производства и въ особенности на наше писчебумажное дѣло.

Достаточно указать на то что, съ 1859 по 1877 годъ, изъ 158 существовавшихъ въ то время въ Россіи писчебумажныхъ фабрикъ закрылось 35, съ 1877—1880 еще 12, а съ 1880—1885 по крайней мѣрѣ еще 5 (милліонера Кенига, Гагарина, Демидовыхъ и др.), причемъ уцѣлѣвшимъ фабрикамъ пришлось пережить весьма тяжкій кризисъ (многія, напримѣръ, фабрика Говарда, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не давали никакихъ барышей), изъ котораго имъ удалось только *отчасти* выйти, благодаря новому русско-финляндскому тарифу, обложившему финляндскую бумагу незначительною пошлиной въ 40 и 80 копѣекъ золотомъ съ пуда.

Эта пошлина, однако, далеко не оградила русскіе рынки отъ дальнѣйшаго переполненія ихъ низкосортнымъ суррогатнымъ финляндскимъ бумажнымъ товаромъ и не оправдала тѣхъ надеждъ которыя на нее возлагало Ми-

Digitized by Google

нистерство Финансовъ ходатайствовавшее, впрочемъ, въ то время предъ Государственнымъ Совѣтомъ объ обложеніи среднихъ сортовъ финляндской бумаги пошлиной не въ 40, а въ 50 копѣекъ золотомъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ слѣдующія, имѣющіяся въ Министерствѣ Финансовъ, свѣдѣнія о количествѣ ежегодно ввозимыхъ изъ Финляндіи въ Россію писчебумажныхъ товаровъ: въ 1883 году, то-есть до введенія пошлинъ на финляндскую бумагу, весь вывозъ изъ Финляндіи въ Россію бумаги и бумажной массы равнялся 887.000 пудовъ, а послѣ 1885 года, несмотря на послѣдовавшее обложеніе пошлинами, ввозъ этихъ товаровъ возрастаетъ такимъ образомъ:

Въ 1891 году.....	1.581.000	пудовъ.
„ 1892 „	1.454.000	„
„ 1893 „	1.749.500	„
„ 1894 „	1.999.000	„

Такимъ образомъ, несмотря на существованіе пошлинъ, объ уменьшеніи которыхъ такъ ходатайствуетъ *Новое Время*, вывозъ бумаги и бумажной массы изъ Финляндіи въ Россію въ какія-нибудь 12 лѣтъ увеличился много болѣе чѣмъ на 100%. Но приведенныя нами цифры получаютъ еще большее значеніе если ихъ сопоставить съ производимостью бумаги въ Россіи, С. Америкѣ и другихъ странахъ. Въ 1894 году, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, Финляндія вывезла бумаги и бумажной массы въ Россію 1.999.000 пудовъ, за границу 1.227.000 пудовъ.

Если къ этому прибавить еще 106.000 пудовъ бумаги потребляемой въ самой Финляндіи (считая потребляемость въ Финляндіи такою же какъ во Франціи и Германіи, то есть по 17 фунтовъ на каждаго изъ $2^1/_2$ милл. жителей), то вся сумма производимой Финляндіей бумаги будетъ равняться 8.332.000 пудовъ, такъ что на каждаго изъ $2^1/_2$ милліоновъ финляндскихъ жителей придется болѣе 52 фунтовъ производимой бумаги. По истинѣ поразительная производимость, особенно если ее сопоставить съ Сѣверною Америкой, въ которой производимость равняется 28 ф. на каждаго жителя, и съ Франціей, Германіей и Англіей, гдѣ производство бумаги не превышаетъ 17—20 ф. на жителя. Что касается производимости Россіи, то, принимая общее количество вырабатываемой ею бумаги въ 6.300.000 пудовъ, на каждаго жителя придется около 2 ф. бумаги. Если же къ этимъ 6.300.000 пудовъ прибавить еще 1.999.000 пудовъ ввозимыхъ къ намъ финляндскихъ бумажныхъ продуктовъ, то общая потребляемость бумаги въ Россіи (заграничный ввозъ не имѣетъ значенія) выразится въ цифрѣ 8.299.000 пудовъ, а участіе Финляндіи въ общей конкурренціи на русскомъ писчебумажномъ рынкѣ будетъ равняться не $^1/_{10}$ или $^1/_{15}$, какъ ошибочно утверждаетъ *Новое Время*, а $^1/_4$.

Итакъ, ввозъ финляндской бумаги въ Россію, несмотря на пошлинныя ставки, увеличился за послѣднія 12 лѣтъ много болѣе чѣмъ на 100%, а писчебумажное производство въ Финляндіи достигло такого развитія, какимъ не могутъ похвастаться ни Сѣверная Америка, ни западно-европейскія государства. Какія же основанія, послѣ всего этого, могутъ быть приведены въ пользу дальнѣйшихъ поблажекъ финляндскимъ писчебумажнымъ фабрикантамъ въ явный ущербъ русской промышленности? Развѣ обособленность Финляндіи, не принимающей никакого участія ни во внѣшней охранѣ нашего государства, ни въ его внутреннихъ тяготахъ и финансовыхъ затрудненіяхъ, даетъ ей какое-либо право на вѣчное порабощеніе русскаго рынка? Или же мы обязаны охранять финляндскую промышленность, въ ущербъ нашей собственной, въ благодарность за то что Финляндцы, пользуясь въ Россіи всѣми правами и преимуществами коренныхъ русскихъ жителей, до послѣдняго времени не признавали за нами права пріобрѣтать недвижимость въ Финляндіи и строить тамъ фабрики?

Не отрицая вообще успѣшнаго завоеванія русскаго рынка финляндскою бумагой, *Новое Время* объясняетъ это печальное явленіе весьма просто: спячкой русскихъ производителей, не усовершенствовавшихъ своихъ фабрикъ

Digitized by Google

въ техническомъ отношеніи, и ихъ непомѣрною алчностью, выражающеюся въ стремленіи получать изъ дѣла болѣе 30—40% барыша.

Какъ тотъ, такъ и другой упрекъ совершенно не основательны.

Въ общемъ, русскія писчебумажныя фабрики по техническому устройству выше финляндскихъ, и это неудивительно—такъ какъ финляндскіе фабриканты вырабатываютъ преимущественно низкіе и средніе сорта суррогатной бумаги, для производства которыхъ они не нуждаются даже въ тѣхъ усовершенствованіяхъ безъ которыхъ не могутъ обойтись русскія фабрики.

Что же касается лихвенныхъ барышей получаемыхъ писчебумажными русскими фабрикантами, то это чистая выдумка автора „Писчебумажной нормировки", не справившагося по сему вопросу у г. Суворина, который могъ бы ему выяснить насколько выгодно писчебумажное дѣло въ Россіи. Но, не желая быть голословными, мы позволимъ себѣ сослаться на помѣщаемые въ *Вѣстникѣ Финансовъ* отчеты русскихъ акціонерныхъ обществъ и товариществъ на паяхъ, занимающихся писчебумажнымъ производствомъ.

Петербургскій районъ:

1) Фабрика товарищества Варгунинныхъ съ основнымъ капиталомъ въ 1.250.000 р. дала дивиденда:

въ 1892 г.....	12%
„ 1893 г.....	15%
„ 1894 г.....	8%

2) Фабрика акціонернаго общества Паллизенъ на капиталъ въ 1.750.000 руб. дала дивиденда:

въ 1892 г.....	6%
„ 1893 г.....	8%
„ 1894 г.....	6%

3) Фабрика товарищества Пасбургъ (Новгородской губерніи) съ основнымъ капиталомъ 1.000.000 руб. дала дивиденда въ 1894 г.—7%.

Центральныя губерніи:

4) Фабрика товарищества В. Говарда съ основнымъ капиталомъ въ 650.000 руб. дала въ 1892, 1893 и 1894 годахъ по 6% дивиденда.

5) Фабрика товарищества Русанова съ основнымъ капиталомъ въ 300.000 рублей принесла пайщикамъ въ 1894 и въ предшествующіе годы 118.820 р. чистаго убытка.

Южныя губерніи:

6) Точно такъ же и товарищество Малинской фабрики съ капиталомъ въ 250.000 руб. понесло въ 1894 году 5.449 р. убытка.

7) Фабрика Дитятковскаго товарищества съ основнымъ капиталомъ въ 1.800.000 р. дала въ 1894 году всего только 3,4% дивиденда.

Варшавская губернія:

8) Акціонерное общество Сачевка съ акціонернымъ капиталомъ въ 600.000 руб. дало дивиденда въ 1884 году 8%.

Такимъ образомъ отчеты вышеприведенныхъ главнѣйшихъ фабрикъ доказываютъ что *въ 1894 году писчебумажное производство въ Россіи дало, начиная съ прямыхъ убытковъ до 8% барыша*, а не 30—40% какъ утверждаетъ *Новое Время*. При такой доходности писчебумажнаго дѣла, всѣ предостереженія *Новаго Времени* относительно угрожающей „нормировки", стачки писчебумажниковъ, лихвенныхъ налоговъ на потребителей и т. д., являются, очевидно, „страшными словами", лишенными всякаго значенія и основанія.

Мы охотно согласимся съ тѣмъ что доходность въ 3, 4, 8 % по нынѣшнимъ временамъ не можетъ считаться ничтожною, но вся бѣда въ томъ что, по мѣрѣ указаннаго нами постепеннаго завоеванія нашего рынка финляндскимъ писчебумажнымъ товаромъ, доходность эта будетъ все болѣе и болѣе понижаться, пока не наступитъ снова такой же кризисъ въ русскомъ писчебумажномъ дѣлѣ, какой ему пришлось пережить въ періодъ времени съ 1859 по 1885 годъ.

Но если это все такъ, то чѣмъ же, наконецъ, объясняется невозможность для русскихъ фабрикантовъ, даже при существующихъ пошлинахъ, успѣшно конкуррировать съ финляндскимъ производствомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: *неуравнительностью пошлинъ на финляндскій писчебумажный товаръ*.

Digitized by Google

Еще въ 1885 году, ходатайствуя объ обложеніи средняго сорта финляндской бумаги 50 к. золотомъ, а не 40 к. золотомъ, какъ установлено было вслѣдъ за тѣмъ закономъ того же года, министерство Финансовъ въ своемъ представленіи Государственному Совѣту высказало по сему поводу слѣдующія соображенія:

„Писчебумажное производство въ Финляндіи пользуется весьма многими преимуществами, какъ вслѣдствіе естественныхъ особенностей края, такъ и вслѣдствіе таможенныхъ постановленій опредѣляющихъ взаимныя торговыя отношенія между Имперіей и Великимъ Княжествомъ. Естественныя преимущества заключаются въ большихъ запасахъ водяной силы и въ обиліи лѣсовъ, удешевляющихъ какъ топливо, такъ и производство основнаго продукта писчебумажнаго дѣла—древесной массы. Благопріятныя таможенныя условія состоятъ въ томъ что писчебумажный товаръ финляндскаго производства можетъ быть ввозимъ въ Россію безпошлинно въ неограниченномъ количествѣ, и что финляндскіе писчебумажные фабриканты получаютъ безпошлинно изъ Россіи тряпье (обложенное у насъ по другимъ границамъ отпускною пошлиной), а изъ-за границы машины и металлическія сѣтки; за другіе же иностранные матеріалы, нужные въ писчебумажномъ производствѣ (сукно, гарпіусъ, хлорная известь, сода, ультрамаринъ, анилиновыя краски) платятъ пошлину меньшую той которою обложены тѣ же матеріалы при ввозѣ въ Имперію. Совокупность всѣхъ изложенныхъ условій имѣла послѣдствіемъ широкое развитіе писчебумажнаго производства внутри страны и соотвѣтственное увеличеніе сбыта продуктовъ онаго въ Россію. Изъ имѣющихся въ Министерствѣ данныхъ усматривается что привозъ къ намъ писчей бумаги и обоевъ изъ Финляндіи постоянно и значительно возрастаетъ, при постепенномъ уменьшеніи заграничнаго привоза сихъ товаровъ и почти неизмѣнномъ размѣрѣ писчебумажнаго производства внутри страны. Такое положеніе дѣла, неблагопріятное для сбыта русскихъ писчебумажныхъ продуктовъ и несогласное съ оказываемымъ у насъ покровительствомъ этой отрасли отечественной промышленности, указываетъ на необходимость принятія мѣръ къ уравненію условій сбыта, на рынкахъ Имперіи, русскаго и финляндскаго писчебумажнаго товара".

Ходатайствуя, по этимъ соображеніямъ, о наложеніи уравнительной пошлины на болѣе низкіе сорта финляндской бумаги (печатной) 50 к. золотомъ, Министерство, однако, основало свой разчетъ не на разницѣ въ дѣйствительной стоимости производства бумаги въ Финляндіи и Россіи, а на совершенно случайной разницѣ въ таможенномъ обложеніи однородныхъ сортовъ *заграничной* бумаги у насъ, въ Россіи, и въ Финляндіи. Не удивительно что, при такомъ разчетѣ, благія начинанія Министерства Финансовъ не достигли желаемой цѣли, и уравнительныя пошлины уже съ самаго начала введенія ихъ оказались недостаточными, что̀ и побудило русскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ, начиная съ 1891 года (а не въ 1895 году, какъ полагаетъ *Новое Время*), постоянно обращаться къ Министерству Финансовъ съ ходатайствомъ объ увеличеніи этихъ пошлинъ.

Между тѣмъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія невыгодное положеніе русскаго писчебумажнаго производства еще ухудшилось подъ вліяніемъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, независящихъ отъ нашихъ фабричныхъ дѣятелей. Прежде всего укажемъ на то что за это время разница въ пошлинныхъ ставкахъ на заграничную печатную бумагу въ Россіи и Финляндіи увеличилась съ 50 к. зол. до 68,3 к. зол. Но гораздо большее значеніе, въ смыслѣ угнетенія русскаго производства, оказали слѣдующіе два факта: повышеніе въ Россіи пошлинъ на машины, каменный уголь и необходимые при обработкѣ бумаги иностранные продукты, и въ особенности чрезвычайно быстро прогрессирующая эксплуатація даровыхъ водяныхъ силъ финляндскими писчебумажными фабриками. Хотя разница между финляндскимъ и русскимъ обложеніемъ необходимыхъ при писчебумажномъ

Digitized by Google

производствѣ продуктовъ существовала и въ 1885 году, но съ тѣхъ поръ она увеличилась еще болѣе, къ невыгодѣ русскаго производства.

Такъ, напримѣръ, каменный уголь, замѣняющій на нашихъ фабрикахъ даровую водяную силу Финляндцевъ, въ 1885 году ввозился безпошлинно, а въ настоящее время оплачивается 1 к. зол. съ пуда. За хлоровую известь, обложенную прежде пошлиной въ 44 к. зол. съ пуда, въ настоящее время приходится платить пошлины 70 коп. зол.; пошлины на гарпіусъ повышены съ 11 к. зол. до 40 к. зол., а на ѣдкій натръ съ 45 к. зол. до 90 к. зол. Словомъ, по самому точному разчету, расходы русскихъ писчебумажныхъ фабрикъ на однѣ пошлины съ угля и заграничныхъ продуктовъ, необходимыхъ для обработки бумаги, увеличились, сравнительно съ 80ми годами, на 5 к. зол., или почти на $7^1/_2$ к. кред. на каждый пудъ русской бумаги. Но этою цифрой далеко еще не выражается выгода получаемая финляндскими фабрикантами, благодаря безпошлинному ввозу въ Финляндію каменнаго угля и низкому обложенію необходимыхъ для обработки бумаги иностранныхъ продуктовъ, и если сопоставить дѣйствующія нынѣ въ этомъ отношеніи у насъ и въ Финляндіи ставки, то въ результатѣ оказывается что съ каждаго пуда средней бумаги, сравнительно съ Финляндцами, мы переплачиваемъ на однѣхъ пошлинахъ за уголь и продукты для обработки бумаги по $10,_{55}$ коп. зол. или $15,_{81}$ коп. кред.

Писчебумажное производство, какъ извѣстно, требуетъ весьма значительной механической силы, идущей какъ на приготовленіе древесной массы и целлюлозы, такъ и на обработку тряпья, на приготовленіе писчебумажной массы въ роляхъ и на приведеніе въ дѣйствіе бумагодѣлательныхъ машинъ. Благодаря изобилію въ Финляндіи водопадовъ и пороговъ, почти вся эта механическая сила доставляется Финляндцамъ даровыми водяными двигателями, которые русскіе писчебумажные фабриканты вынуждены замѣнять дорого стоящею работой паровыхъ двигателей. Между тѣмъ древесная масса, обрабатываемая Финляндцами исключительно водяною силой, по своей малоцѣнности не выдерживаетъ затратъ на паровые двигатели и потому обходится Финляндцамъ въ 40 коп. кред., русскимъ же фабрикантамъ въ 1 руб. 25 коп. кред. пудъ.

Затѣмъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же природныхъ особенностей, и само производство бумаги поставлено въ Финляндіи въ болѣе выгодныя условія чѣмъ въ Россіи. Тогда какъ русскими писчебумажными фабриками, за малочисленными и при томъ ничтожными исключеніями, вся необходимая механическая сила добывается изъ дорого стоящихъ угля или дровъ, финляндскіе писчебумажные фабриканты, нуждаясь развѣ только въ 30% паровой силы для сушки бумаги и для приведенія въ дѣйствіе бумагодѣлательныхъ машинъ, остальные 70% всей необходимой механической работы также извлекаютъ изъ даровыхъ водяныхъ двигателей. Насколько Финляндцы въ послѣдніе 12, 13 лѣтъ успѣли воспользоваться имѣющеюся въ ихъ распоряженіи даровою водяною силой видно изъ слѣдующаго сопоставленія: въ 1883 году всѣ финляндскіе писчебумажные фабриканты, работая съ помощью 743 паровыхъ силъ, ввезли въ Россію 887.000 пудовъ древесной массы и бумаги, а въ 1891 году, при 928 паровыхъ силахъ, ввозъ финляндскихъ бумажныхъ продуктовъ на нашъ рынокъ достигъ 1.581.000 пудовъ. Очевидно что приростъ 185 паровыхъ силъ не могъ даже и приблизительно дать тѣ 694.000 пуд. (не говоря объ увеличеніи вывоза бумаги за границу), на которые ввозъ финляндской бумаги въ Россію въ 1891 году превысилъ таковой же ввозъ въ 1883 году, и что, слѣдовательно, такое быстрое увеличеніе количества производимой бумаги должно быть отнесено за счетъ постоянно прогрессирующей эксплуатаціи Финляндцами водяныхъ силъ. Насколько же эксплуатація водяныхъ силъ удешевляетъ финляндскую бумагу сравнительно съ русскою, можно судить по тому что стоимость механической силы, затрачиваемой на 1 пудъ средней бумаги, обходится русскимъ фабрикантамъ, въ среднемъ вы-

Digitized by Google

водѣ, на 33 коп. кред. или на 22 к. зол. дороже чѣмъ ихъ финляндскимъ конкуррентамъ.

Но выгоды финляндскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ всѣмъ этимъ далеко не ограничиваются. Если принять въ соображеніе что, кромѣ того, они употребляютъ въ дѣло дешевый мѣстный сульфитъ, вмѣсто 60 процентовъ дорогаго тряпья, потребляемаго русскими фабриками, не платятъ никакихъ государственныхъ податей и сборовъ, что устройство самихъ фабрикъ въ Финляндіи обходится слишкомъ на 30% дешевле русскихъ, вслѣдствіе чего и ремонтъ финляндскихъ фабрикъ и машинъ, а также стоимость погашенія таковыхъ, обходится имъ въ той же мѣрѣ дешевле, что, наконецъ, учетный процентъ въ Финляндіи ниже чѣмъ у насъ,—то по самому скромному разчету окажется что разница въ пользу финляндской писчебумажной промышленности въ стоимости производства 1 пуда бумаги средняго качества въ Россіи и въ Финляндіи *значительно превышаетъ 1 руб. зол.*, то-есть ту уравнительную пошлину, которой добиваются наши писчебумажные фабриканты по отношенію къ средней финляндской бумагѣ.

Не находя затѣмъ нужнымъ вдаваться въ опроверженіе остальныхъ заблужденій *Новаго Времени*, полагающаго, напримѣръ, что необходимость для русскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ оказывать долгосрочный кредитъ покупателямъ — весьма выгоденъ для кредиторовъ, мы полагаемъ что, послѣ всего сказаннаго, нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ что всѣ положенія и доводы, приведенные въ статьѣ „Писчебумажная нормировка“, лишены всякаго значенія. Въ одномъ только отношеніи мы совершенно соглашаемся съ *Новымъ Временемъ*,—а именно въ томъ что постепенное пониженіе пошлинъ на финляндскую бумагу дастъ въ будущемъ возможность провести таможенное объединеніе Финляндіи съ Россіей безъ всякихъ потрясеній для русской писчебумажной промышленности, такъ какъ, безъ сомнѣнія, въ случаѣ осуществленія проекта *Новаго Времени*, къ тому времени финляндскіе фабриканты уже успѣютъ „живьемъ проглотить“ своихъ русскихъ конкуррентовъ.

У.

Digitized by Google

КАКЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

(Передовая статья № 354 *Московскихъ Вѣдомостей* 1895 года, отъ 24 декабря).

Много разъ уже приходилось намъ говорить о томъ что тѣ Высочайшія повелѣнія, которыя не нравятся финляндскимъ властямъ и политическимъ дѣльцамъ,—противорѣча въ чемъ-либо теоріи объ отдѣльномъ отъ Россіи „Финляндскомъ государствѣ",—въ исполненіе тамъ не приводятся. Дѣлается это иногда и такъ что Высочайшее повелѣніе хотя и публикуется въ краѣ во всеобщее свѣдѣніе, но, вслѣдствіе разныхъ лжетолкованій и обходовъ, остается мертвою буквой и существуетъ лишь на бумагѣ. Примѣромъ такихъ Высочайшихъ повелѣній, существующихъ лишь на бумагѣ, могутъ служить состоявшіяся въ прошлое царствованіе повелѣнія о мѣрахъ, направленныхъ къ болѣе успѣшному распространенію русскаго языка въ Финляндскомъ краѣ. Самыя эти повелѣнія, а также и то, какимъ именно образомъ они обходятся и остаются безъ исполненія,—все это было документально изложено нами въ цѣломъ рядѣ статей, вошедшихъ во второй выпускъ нашего сборника *Финляндская Окраина Россіи* *.

Но бываетъ и такъ что неугодное финляндскимъ дѣльцамъ Высочайшее повелѣніе совсѣмъ и не публикуется въ краѣ. Обращикомъ такого рода повелѣній могутъ служить правила о содержаніи „эспланады" Свеаборгской крѣпости, расположенной у Гельсингфорса. Крѣпостными „эспланадами" называются ближайшія къ крѣпостямъ мѣстности, которыя въ военное время могутъ имѣть важное значеніе для обороны и потому подчиняются извѣстнымъ ограниченіямъ въ отношеніи воз-

* См. статьи: *Русскій языкъ и русская газета въ Финляндіи* (стр. 157—160), *Какъ публикуются и истолковываются въ Финляндіи Высочайшія повелѣнія* (стр. 225—229), *Вопросъ о русскомъ языкѣ въ Финляндіи* (стр. 288—292), *Всуе законы писать коли ихъ не исполнять* (стр. 396—400) и др.

Digitized by Google

веденія на нихъ построекъ частными лицами безъ согласія военнаго начальства, измѣненія высоты поверхности земли, измѣненія морскаго дна, устройства дорогъ и т. д.

6 іюня 1890 года, по докладу Военнаго министра, послѣдовало Высочайшее утвержденіе правилъ о такой „эспланадѣ“ для Свеаборга. Правила эти, къ которымъ приложенъ былъ и Высочайше утвержденный эспланадный планъ, были тогда же опубликованы Военнымъ Министерствомъ и препровождены въ Гельсингфорсъ для исполненія. Но въ виду того что въ Финляндіи существуетъ еще особый порядокъ опубликованія мѣстныхъ постановленій и что эти правила касаются также финляндскихъ гражданскихъ властей и Гельсингфорсскаго городскаго управленія, они были препровождены генералъ-губернаторомъ въ Финляндскій Сенатъ для опубликованія установленнымъ въ краѣ порядкомъ (то-есть въ финляндской офиціальной газетѣ и въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*).

Прошло затѣмъ полтора года со времени ихъ передачи въ Сенатъ, а они между тѣмъ все еще не были опубликованы **.

Наконецъ, въ концѣ 1891 года, генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на это дѣло и напомнилъ о немъ Финляндскому Сенату. Тогда обнаружилось что Сенатъ не желаетъ опубликовывать и приводить въ исполненіе Высочайшее повелѣніе, подъ тѣмъ предлогомъ что оно будто бы нарушаетъ право собственности частныхъ лицъ, владѣющихъ земельными участками внутри границъ эспланады. При этомъ финляндскіе сенаторы довольно произвольно примѣнили къ эспланадамъ финляндскій законъ 1864 года объ отчужденіи земельныхъ участковъ. На самомъ дѣлѣ въ этомъ законѣ ничего не говорится объ эспланадахъ, а постановляется лишь объ отчужденіи земель *въ собственность казны* „для устройства укрѣпленій, городовъ, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ учрежденій или другихъ важныхъ государственныхъ цѣлей“. Не предусмотрѣны эспланады также и въ другихъ финляндскихъ законахъ, и Высочайшее повелѣніе можно было бы и слѣдовало немедленно привести въ исполненіе на такихъ же основаніяхъ на какихъ приводятся въ исполненіе подобныя повелѣнія объ эспланадахъ и въ остальной Россіи. Но финляндскіе дѣльцы продолжали настаивать на томъ что къ Свеаборгской эспланадѣ нужно примѣнить помянутый законъ 1864 года, или же, въ видѣ дополненія къ нему, составить проектъ новаго закона объ условіяхъ вознагражденія владѣльцевъ земельныхъ участковъ входящихъ въ эспланаду и, до утвержденія его, передать на разсмотрѣніе Сейма, на томъ де основаніи что и законъ 1864 года объ отчужденіи земель изданъ „съ согласія“ Сейма. А такъ какъ де финляндской казнѣ придется во всякомъ случаѣ слишкомъ много истратить средствъ на отчужденіе земельныхъ участковъ, входящихъ въ Свеаборгскую эспланаду, или на вознагражденіе ихъ владѣльцевъ, то, прежде всего, финляндскія власти настаивали на уменьшеніи самыхъ размѣровъ эспланады.

Въ виду этихъ настояній, въ Гельсингфорсѣ, по распоряженію генералъ-губернатора, учреждена была особая коммиссія изъ русскихъ военныхъ чиновъ и представителей отъ Гельсингфорсскаго городскаго управленія, подъ

** См. объ этомъ статью, въ которой приведены и самыя правила, въ сборникѣ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 2-й, стр. 257—258.

Digitized by Google

предсѣдательствомъ бывшаго коменданта Свеаборгской крѣпости (нынѣ помощника генералъ-губернатора), генерала С. О. Гончарова. Въ этой коммиссіи пространство Свеаборгской эспланады, установленное на вышеупомянутомъ Высочайше утвержденномъ планѣ, было значительно уменьшено. Вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндскій Сенатъ составилъ, для передачи на Сеймъ, проектъ закона объ условіяхъ вознагражденія владѣльцевъ земельныхъ участковъ, входящихъ въ крѣпостныя эспланады вообще (такъ какъ можетъ понадобиться установленіе эспланадъ и для другихъ расположенныхъ въ Финляндіи крѣпостей, кромѣ Свеаборга).

Такъ протянулось дѣло до созванія Сейма въ 1894 году. Господствующимъ на финляндскимъ сеймахъ политиканамъ проектъ объ эспланадахъ, какъ и слѣдовало ожидать, подалъ поводъ къ цѣлому ряду болѣе или менѣе откровенныхъ антирусскихъ выходокъ. Одни, наиболѣе рьяные, ораторы требовали даже чтобы проектъ былъ совершенно отвергнутъ, такъ какъ де для „Финляндскаго государства“ никакихъ эспланадъ, да и самыхъ крѣпостей не нужно, а если онѣ нужны „Русскому правительству“, то пусть оно само и уплачиваетъ за отчужденіе земель. Другіе изъ сеймовыхъ дѣльцовъ нашли болѣе благоразумнымъ дать свое „согласіе“ на проектъ, въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, но явно показали что дѣлаютъ это скрѣпя сердце и не упустили случая предъявить кстати притязанія на вмѣшательство Сейма въ установленіе самыхъ правилъ о содержаніи эспланадъ.

Пренія Сейма по этому дѣлу, какъ и по другимъ дѣламъ, передавались въ свое время въ финляндскихъ газетахъ. Еще болѣе обстоятельный отчетъ о нихъ находимъ теперь въ офиціально изданныхъ недавно и пущенныхъ въ продажу протоколахъ Финляндскаго Сейма 1894 года. Предъ вами лежатъ три объемистые тома (болѣе 1.500 страницъ) *Протоколовъ дворянскаго сословія* (на шведскомъ языкѣ). Приведемъ по нимъ нѣкоторыя извлеченія изъ преній о крѣпостныхъ эспланадахъ. Извлеченія эти наглядно покажутъ читателю, какое настроеніе по отношенію къ Россіи и къ русской власти господствуетъ среди руководящихъ финляндскихъ дѣльцовъ, и какъ далеко заходятъ ихъ сепаратистскія притязанія.

Во время преній при передачѣ дѣла въ сеймовую коммиссію, баронъ Борнъ говорилъ, между прочимъ (см. *Протоколы*, стр. 515):

„Еслибы *финляндскія крѣпости* и расходы на нихъ, подобно остальному военному бюджету, *подчинялись въ извѣстной мѣрѣ распоряженію земскихъ чиновъ*, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку земскимъ чинамъ принадлежитъ право давать средства для этихъ цѣлей, то рискъ отъ этихъ эспланадъ былъ бы сравнительно весьма не великъ; я разумѣю не только рискъ всѣхъ тѣхъ нарушеній въ частныхъ отношеніяхъ, какія изъ этого могутъ произойти, но и рискъ *слишкомъ обременительныхъ издержекъ* для нашей казны. При нынѣшнихъ же обстоятельствахъ не остается ничего другаго какъ подчиниться тому что, по крайней мѣрѣ *въ настоящее мгновеніе кажется неизбѣжнымъ*. Какой объемъ займутъ эти эспланады, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній. Но дѣло представляется серіознымъ, если мы подумаемъ что между прочимъ и столица страны находится въ такой мѣстности которая, быть-можетъ, вся войдетъ въ категорію эспланадъ. И возможно что и другія крѣпости будутъ окружены такими эспланадами которыя займутъ города, приходы, округи; мало того, строго говоря, *нѣтъ никакой гарантіи* въ томъ что *даже цѣлыя губерніи, чтобы не сказать вся страна, не сдѣланы будутъ, наконецъ, эспланадой, подножіемъ для*

Digitized by Google

крѣпостей. Вотъ что́ дѣлаетъ это обстоятельство столь серіознымъ".

Другой ораторъ, *сенатскій чиновникъ* Фуругельмъ—(значительная часть „представителей Финскаго народа" на финляндскихъ сеймахъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ чиновниковъ находящихся на дѣйствительной государственной службѣ и являющихся на время сеймовъ въ роли „народныхъ трибуновъ" противъ русской власти), возбудилъ вопросъ о томъ—не требуется ли соизволенія Сейма для изданія вышеупомянутыхъ правилъ о содержаніи Свеаборгской крѣпостной эспланады, утвержденныхъ Верховною Властью, безъ спроса у Сейма, 6 іюня 1890 года. „Слѣдуетъ поставить вопросъ,—говорилъ онъ (*Протоколы*, стр. 518),—могутъ ли быть издаваемы подобныя правила, а также и опредѣленія о границахъ крѣпостныхъ эспланадъ административнымъ путемъ?" Онъ побуждалъ, поэтому, сеймовую коммиссію ознакомиться съ этими правилами и обсудить, не требуется ли, для приведенія ихъ въ исполненіе въ Финляндіи, „согласія" Сейма.

Сеймовая коммиссія послѣдовала совѣту г. Фуругельма и, въ своемъ докладѣ, предложила Сейму заявить Верховной Власти (въ сеймовомъ отвѣтѣ на проектъ) что тѣ постановленія въ правилахъ касающихся Свеаборгской крѣпостной эспланады, въ которыхъ затрогиваются отношенія между крѣпостнымъ управленіемъ и финляндскими гражданскими властями и частными лицами, должны де быть переданы сперва на разсмотрѣніе Сейму. Самый проектъ закона объ условіяхъ вознагражденія владѣльцевъ земельныхъ участковъ, входящихъ въ эспланады, коммиссія предложила въ разныхъ пунктахъ измѣнить. Измѣненія эти имѣютъ въ виду главнымъ образомъ выгоды землевладѣльцевъ.

При обсужденіи доклада коммиссіи на Сеймѣ опять сдѣланъ былъ рядъ выходокъ противъ эспланадъ. Такъ, напримѣръ, баронъ Хисингеръ ораторствовалъ слѣдующимъ образомъ (*Протоколы*, стр. 1.171):

„Мнѣ кажется что мы уже *слишкомъ далеко зашли съ этими вѣчными воинскими притязаніями*, которыя и у насъ также *неумѣренны* и *безмѣрны*, и если страну дѣйствительно *хотятъ разорить*, то вѣрнѣе всего это будетъ сдѣлано именно такимъ путемъ. Мы, однако, добровольно подчинялись всѣмъ этимъ чувствительнымъ пожертвованіямъ и спѣшили предупредить всѣ выраженныя объ этомъ пожеланія. Мнѣ нѣтъ надобности дѣлать перечень всего этого: казармы, баталіоны (стрѣлковые), стрѣльбища, новыя ружья, съ сопровождающими ихъ большими складами патроновъ, купленныхъ надолго впередъ и т. д., и т. д.; на всѣ эти деньги можно бы было соорудить значительное количество желѣзныхъ дорогъ. Теперь же предстоитъ опасность что *мы падемъ подъ бременемъ*. По чисто экономическимъ причинамъ, я полагаю что крѣпости сами должны оплачивать эту „„новость"" и эти издержки, а на финляндскую казну не слѣдуетъ налагать такія новыя тяжести которыя *могутъ сдѣлаться неисчислимыми, если частый рядъ крѣпостей, въ которыхъ мы сами совсѣмъ не нуждаемся, постепенно окаймитъ наши побережья, согласно нынѣшней крѣпостной и панцырной маніи* (enligt nutids fästnings— och pansarmani). *Я требую, поэтому, чтобы наша казна не обременялась этимъ расходомъ*".

Въ такомъ же духѣ, противъ введеннаго будто бы въ Финляндіи русскою властью „милитаризма", говорили и другіе сеймовые ораторы. Вся дерзость и лживость подобныхъ выходокъ противъ „неумѣренныхъ" и „безмѣрныхъ" якобы „притязаній" русскаго военнаго вѣдомства по отношенію къ Финляндіи

Digitized by Google

станетъ особенно ясною, если мы припомнимъ что Финляндія, по сравненію съ прочими частями Россіи, *на половину менѣе обременена военными расходами*, да и то лишь съ недавняго времени, съ конца семидесятыхъ годовъ, когда заведены были „финскія войска“ на началахъ общей воинской повинности. Въ минувшемъ году въ нашей газетѣ (см. *Московскія Вѣдомости* 1894 года, № 66, и выше, стр. 62) были приведены статистическія данныя, показывающія что средній размѣръ годичнаго военнаго расхода, по разчету на одну душу, составляетъ въ коренной Россіи около 2 р. 50 к., а въ Финляндіи всего 1 р. 20 к.

Большинство Сейма нашло, однако же, болѣе благоразумнымъ на этотъ разъ сдѣлать еще „уступку“ и дать свое „согласіе“ на содержаніе крѣпостныхъ эспланадъ на счетъ финляндской казны, особенно когда узнало что постановленіе объ уплатѣ расходовъ по эспланадамъ изъ финляндскихъ средствъ включено въ проектъ не Финляндскимъ Сенатомъ, а „ближе къ трону“. Далѣе, къ этому рѣшенію побудило его, между прочимъ, и то соображеніе, высказанное нѣкоторыми ораторами (напримѣръ, г. Мункомъ, см. *Протоколы*, стр. 1.177), что, если земли подъ эспланады будутъ отчуждаться русскою казной, то, въ случаѣ упраздненія тѣхъ или другихъ крѣпостей, во владѣніи русской казны окажутся земельные участки въ разныхъ частяхъ края, а это финляндскими „патріотами“, какъ извѣстно, признается нежелательнымъ и „опаснымъ“.

Въ остальныхъ частяхъ докладъ коммиссіи былъ также одобренъ большинствомъ Сейма. Такимъ образомъ, въ отвѣтѣ отъ имени всего Сейма на правительственное предложеніе заявляется объ одобреніи проекта, съ вышеупомянутыми измѣненіями, и высказывается требованіе—чтобы слѣдующему Сейму представлены были правила о содержаніи Свеаборгской эспланады, до приведенія ихъ въ исполненіе.

Сеймовое заключеніе или „рѣшеніе“ (какъ обыкновенно выражаются финляндскіе политики), по принятому въ Финляндіи порядку, препровождается сперва для отзыва въ Финляндскій Сенатъ, и потомъ уже, съ отзывомъ Сената и отдѣльнымъ мнѣніемъ генералъ-губернатора (если таковое послѣдуетъ), идетъ въ финляндскій статсъ-секретаріятъ для окончательнаго всеподданнѣйшаго доклада. Неизвѣстно еще съ точностію какой отзывъ данъ Финляндскимъ Сенатомъ по этому дѣлу, но надо полагать что Сенатъ, по обыкновенію, во всемъ согласился съ Сеймомъ.

А затѣмъ, дальнѣйшій ходъ дѣла будетъ зависѣть отъ того, признано ли будетъ возможнымъ высшею русскою властью утвердить проектъ съ измѣненіями предложенными Сеймомъ, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ Сенатъ, согласно финляндской „конституціонной“ теоріи, передастъ дѣло опять слѣдующему Сейму. Кромѣ того, самыя правила о содержаніи крѣпостной эспланады Свеаборга тоже, вѣроятно, пойдутъ на слѣдующій Сеймъ, а если онъ ихъ не одобритъ, то на другой Сеймъ, и такъ далѣе, до безконечности.

А между тѣмъ, Высочайшее повелѣніе о Свеаборгской эспланадѣ, изданное, какъ уже сказано, *болѣе пяти лѣтъ тому назадъ*, все остается безъ исполненія, хотя оно и опубликовано въ распоряженіяхъ по военному вѣдомству. Пока оно не опубликовано въ краѣ, мѣстность опредѣленную для эспланады могутъ тѣмъ временемъ застраивать и измѣнять, какъ угодно, и важное дѣло, близко касающееся госу-

Digitized by Google

дарственной обороны, тянется, такимъ образомъ, неопредѣленное время; окончаніе его зависитъ отъ соизволенія финляндскихъ земцевъ...

Невольно является вопросъ: нормаленъ ли такой порядокъ, можно ли и слѣдуетъ ли допускать чтобы насущные государственные интересы Русской Имперіи, касающіеся, напримѣръ, какъ въ данномъ случаѣ, государственной обороны, ставились въ зависимость отъ болѣе или менѣе благосклоннаго къ Россіи настроенія и взглядовъ на „милитаризмъ“ финляндскихъ сеймовыхъ витій?

Digitized by Google

1896 годъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НОВАЯ КНИГА О ФИНЛЯНДСКИХЪ ДѢЛАХЪ.*

На дняхъ появилась въ продажѣ (въ Петербургѣ, у книгопродавца Мелье), изданная во Франціи на французскомъ языкѣ новая книга Ѳ. П. Еленева по Финляндскому вопросу, подъ заглавіемъ: *Les prétentions des séparatistes finlandais. Aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande* par Théodore Eléнew (*Притязанія финляндскихъ сепаратистовъ. Критическій обзоръ финляндской сепаратистской доктрины*).

Имя Ѳ. П. Еленева хорошо извѣстно всѣмъ слѣдящимъ за финляндскими дѣлами. Послѣ покойнаго К. Ф. Ордина, онъ наиболѣе способствовалъ своими трудами разъясненію этого вопроса въ нашей литературѣ съ русской государственной точки зрѣнія. Въ 1891 году издана была имъ въ Петербургѣ книга подъ заглавіемъ: *Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ*, а въ 1893 году появился сперва въ журналѣ *Русская Старина*, затѣмъ въ видѣ отдѣльнаго оттиска, его трудъ—*Ученіе о Финляндскомъ государствѣ*. Обѣ эти книги въ свое время были подробно разсмотрѣны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.**

Новая французская книга Ѳ. П. Еленева имѣетъ цѣлью главнымъ образомъ освѣтить Финляндскій вопросъ предъ европейскою публикой съ русской точки зрѣнія и опровергнуть измышленія и софизмы гг. Л. Мехелина, Р. Даніельсона и прочихъ поборниковъ финляндскаго сепаратизма, усердно распространяемые ими въ Западной Европѣ на французскомъ и другихъ европейскихъ языкахъ.

Кромѣ фактовъ и аргументовъ, приведенныхъ въ вышеуказанныхъ русскихъ книгахъ г. Еленева, въ настоящемъ интересномъ трудѣ его находимъ много новыхъ любопытныхъ данныхъ и соображеній, изложенныхъ, притомъ, весьма живымъ, увлекательнымъ слогомъ.

Пожелаемъ новой книгѣ г. Еленева широкаго распространенія какъ среди западно-европейской публики, такъ и среди русскаго образованнаго общества и позволимъ себѣ выразить надежду что книга эта не только разсѣетъ въ Европѣ фальшивыя представленія объ отношеніяхъ Финляндскаго края къ Россіи, созданныя тамъ брошюрами и статьями финляндскихъ публицистовъ, но измѣнитъ нѣсколько и взгляды нашихъ собственныхъ правящихъ сферъ на этотъ предметъ. А насколько это необходимо, какъ сильно укоренилась даже въ нашихъ высшихъ правящихъ сферахъ привычка смотрѣть на финляндскія дѣла сквозь очки под-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 17, отъ 17 января.

** См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 2й, стр. 163—167, статью Г—ва „Новая книга по Финляндскому вопросу", и, стр. 472 - 490, статью Финляндскаго Обывателя „Новый русскій трудъ о финляндской сепаратистской теоріи".

Digitized by Google

ставляемыя финляндскими дѣльцами, въ подтвержденіе этого мы можемъ привести слѣдующій фактъ изъ записокъ покойнаго К. Ф. Ордина.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ *Новомъ Времени* появилась замѣтка о томъ будто бы Русское правительство, на запросъ Англіи объ отношеніяхъ существующихъ между Россіей и Финляндіей, отправило въ Лондонъ, вмѣсто всякихъ разъясненій, книгу Л. Мехелина *Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande*. Людямъ, которымъ извѣстенъ былъ, по статьямъ *Московскихъ Вѣдомостей*, характеръ финляндскихъ измышленій по сказанному вопросу и въ частности содержаніе упомянутой книги Мехелина, переведенной на русскій языкъ К. Ф. Ординымъ,* помянутая записка *Новаго Времени* показалась анекдотомъ нѣсколько памелетнаго свойства. Но, увы! Это былъ не анекдотъ, а печальная истина. Дѣло это происходило такъ. Гладстонъ, занимавшійся въ то время устройствомъ ирландскихъ дѣлъ, полюбопытствовалъ, въ частномъ разговорѣ съ нашимъ посломъ г. Стаалемъ, узнать какъ мы управляемся съ Финляндіей. Г. Стааль написалъ объ этомъ управлявшему тогда нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ г. Вланганли, а сей послѣдній обратился къ оракулу этого Министерства г. Мартенсу, который не затруднился рекомендовать сказанную книжку Мехелина какъ достовѣрное разъясненіе отношеній Финляндіи къ Россіи...

Какъ уже упомянуто выше, фактъ этотъ заимствованъ нами изъ записокъ незабвеннаго К. Ф. Ордина, который, по своимъ личнымъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, былъ посвященъ во многіе сокровенные ходы финляндскихъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ, въ его запискахъ находится замѣчательнѣйшая переписка между бывшимъ Военнымъ министромъ, графомъ Милютинымъ, и финляндскими статсъ-секретарями по поводу готовившагося для Финляндіи Воинскаго Устава. Переписка эта (показывающая, между прочимъ, что финляндскіе дѣльцы умышленно вводили Русское правительство въ заблужденіе), какъ извѣстно, окончилась полнымъ торжествомъ финляндскихъ домогательствъ и неуспѣхомъ представленій и предсказаній графа Милютина, воочію теперь исполняющихся, что̀ ставитъ наше правительство въ большое затрудненіе, въ виду утвержденнаго (по недоразумѣнію) въ 1878 году Финляндскаго Устава о воинской повинности.

К. Я.

---

* См. статью „Легенда о Финляндскомъ государствѣ“ въ сборникѣ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 1й, стр. 24—40.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЙ СТАТСЪ-СЕКРЕТАРІАТЪ

И

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ.

(Передовая статья № 31 *Московскихъ Вѣдомостей* 1896 года, отъ 31 января.)

Въ № 17 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ статьѣ К. Я. о новой книгѣ Ѳ. П. Еленева по финляндскому вопросу (см. выше, стр. 345—346) было упомянуто что въ запискахъ оставшихся отъ покойнаго К. Ф. Ордина находится, между прочимъ замѣчательная переписка между бывшимъ Военнымъ министромъ, графомъ Милютинымъ, и финляндскимъ статсъ-секретаріатомъ, по поводу изданія для Финляндіи особаго воинскаго устава.

Считаемъ небезынтереснымъ познакомить нашихъ читателей съ существеннѣйшею частью этой переписки и съ разъясненіями самого К. Ф. Ордина. Переписка эта еще разъ самымъ наглядным образомъ подтверждаетъ справедливость уже высказаннаго въ прежнихъ нашихъ статьяхъ * мнѣнія что существованіе Финляндскаго статсъ-секретаріата въ нынѣшнемъ его видѣ, то-есть какъ учрежденія чисто финляндскаго по составу и духу, преслѣдующаго исключительно цѣли финляндской государственной обособленности, служило и служитъ одною изъ главныхъ помѣхъ столь необходимому скрѣпленію государственной связи Финляндскаго края съ остальною Россіей и ведетъ къ систематическому нарушенію въ этомъ краѣ русскихъ общегосударственныхъ интересовъ.

Еще въ 1871 году, 12 февраля, генералъ-адъютантъ Милютинъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о предположенномъ тогда формированіи финскихъ войскъ. „Великому Княжеству Финляндскому,—писалъ онъ,—даровано Монаршею волей полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе, Финляндія, присоединенная къ Россіи силой оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской и слѣдовательно,

* См. статьи „Финляндскій статсъ-секретаріатъ“ и „Русская правда и финляндская ложь о финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ“ въ сборникѣ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 2й, стр 584—588 и 566 - 601.

Digitized by Google

пользуясь своимъ особымъ *мѣстнымъ* управленіемъ, особыми *мѣстными* законами, не можетъ, однакоже, домогаться всѣхъ аттрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства. Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіей Россійскою должна выражаться, прежде всего, въ единствѣ Верховной Власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными. Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, такъ же какъ и отдѣльной вооруженной силы. Не разъ уже въ прежніе годы былъ возбуждаемъ вопросъ объ учрежденіи въ Финляндіи особой военной системы, на подобіе прусскаго ландвера. Къ счастію, эти проекты оставались безъ послѣдствій". Предположивъ, однако, что существованіе отдѣльнаго финскаго войска будетъ допущено, генералъ-адъютантъ Милютинъ находилъ что слѣдуетъ по крайней мѣрѣ положить въ основаніе „нѣкоторыя условія обезпечивающія, насколько возможно, общіе интересы Имперіи". Въ числѣ этихъ условій онъ полагалъ, между прочимъ, два слѣдующія:

„а) Финляндскія войска, такъ же какъ и принадлежащіе имъ склады запасовъ оружія и все необходимое для ихъ устройства, состоятъ въ завѣдываніи Военнаго Министерства и Финляндскаго военно-окружнаго управленія.

„б) Генералы, штабъ- и оберъ-офицеры изъ уроженцевъ Финляндіи служатъ безразлично въ войскахъ финляндскихъ или русскихъ, а съ другой стороны—въ финляндскія войска назначаются офицеры изъ уроженцевъ финляндскихъ или русскихъ безъ различія, по Высочайшему усмотрѣнію."

На этомъ докладѣ положена была слѣдующая Высочайшая резолюція: „Главныя основанія, изложенныя въ этой запискѣ, совершенно согласны съ Моими мыслями. Я оставилъ ее у Себя для дальнѣйшихъ соображеній". Но затѣмъ въ проектѣ воинскаго устава, составленномъ особою коммиссіей, которая состояла изъ однихъ Финляндцевъ, оказались весьма важныя отступленія отъ общаго по Имперіи устава о воинской повинности, несоотвѣтствующія интересамъ Россіи. Въ числѣ уклоненій было и то что, по проекту коммиссіи, главнымъ начальникомъ финскихъ войскъ назначался генералъ-губернаторъ Великаго Княжества, даже и въ томъ случаѣ когда начальникомъ финляндскаго военнаго округа было бы назначено другое лицо; генералы же, штабъ- и оберъ-офицеры этихъ войскъ должны состоять изъ финляндскихъ подданныхъ. „Вообще,—какъ писалъ графъ Милютинъ финляндскому министру-статсъ-секретарю (21 января 1876 года, № 722),—въ проектѣ устранилась какая бы то ни было связь финскихъ войскъ съ русскою арміей". „Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній,—продолжаетъ онъ,—нельзя не придти къ тому заключенію, что, съ утвержденіемъ ихъ, какъ бы узаконится существованіе въ предѣлахъ Имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ русскими войсками, то-есть съ арміей того государства, въ политическій составъ котораго входитъ и Великое Княжество Финляндія. Было бы несогласно съ существенными интересами Имперіи создавать, по иниціативѣ самого правительства, чуждыя Россіи войска, и притомъ подъ самыми стѣнами столицы". По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ, графъ Милютинъ настаивалъ на исполненіи первоначальныхъ, Высочайше одобренныхъ, условій, указывая что только съ ихъ принятіемъ

Digitized by Google

новая организація финскихъ войскъ могла бы быть „допущена безъ ущерба для интересовъ Россіи которые, въ сущности, *были бы болѣе обезпечены продленіемъ настоящаго безоружнаго положенія края*“.

Требованія Военнаго министра поступили въ Финляндскій Сенатъ, который представилъ возраженія по всѣмъ важнѣйшимъ ихъ пунктамъ, касавшимся установленія прочной связи между финскими войсками и арміей Имперіи (№ 764). Онъ не допускалъ, напримѣръ, никакой связи между военными учрежденіями Имперіи и Финляндіи и настаивалъ чтобъ эта связь выражалась лишь въ лицѣ Военнаго министра, помимо командующаго расположенными въ Финляндіи русскими войсками (если онъ въ то же время не генералъ-губернаторъ) и военно-окружнаго управленія. Съ этимъ Военный министръ не могъ согласиться, „потому что командованіе войсками въ Финляндіи можетъ быть возложено Государемъ Императоромъ, по видамъ военнымъ, не на мѣстнаго генералъ-губернатора, а на другое лицо, и въ такомъ случаѣ необходимое единеніе въ направленіи войскъ русскихъ и финскихъ встрѣтитъ еще бо́льшія затрудненія“ (25 октября 1876 года, № 9.016).

Эти возраженія, вмѣстѣ съ проектомъ Финляндскаго Сената, были доложены Императору Александру II финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ. Параграфъ касающійся лица командующаго финскимъ войскомъ (§ 119 въ окончательной редакціи Устава) былъ утвержденъ Государемъ въ слѣдующемъ видѣ: „генералъ-губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ финскихъ войскъ“. Баронъ Шернваль-Валленъ (министръ-статсъ-секретарь), въ отношеніи къ Военному министру (2 декабря 1876 г., № 922), объяснилъ что эти слова прибавлены и изображены Собственною Его Величества рукою.

Составленный сообразно съ этими и другими указаніями, проектъ устава о воинской повинности былъ предложенъ на обсужденіе Сейма, который въ очень многомъ вновь измѣнилъ уставъ. Измѣненный Сеймомъ, уставъ былъ переданъ, по Высочайшей волѣ, сперва на разсмотрѣніе Финляндскаго Сената, а затѣмъ на заключеніе Военнаго министра. Сенатъ въ своемъ представленіи по этому случаю, обративъ вниманіе на то что сеймовыя измѣненія во многихъ и притомъ весьма существенныхъ частяхъ расходятся съ Высочайше одобреннымъ проектомъ устава и перечисливъ соотвѣтственные параграфы, высказалъ, однако, по всѣмъ пунктамъ, полное согласіе съ сеймовыми передѣлками. Но перечисляя сдѣланныя Сеймомъ измѣненія Сенатъ *умолчалъ объ измѣненіи вышеприведенной Собственноручной Его Величества редакціи* § 119, который поэтому, могъ почитаться неприкосновенно сохраненнымъ, тогда какъ *на самомъ дѣлѣ Сеймомъ былъ возстановленъ первоначальный его текстъ*, какъ онъ былъ изложенъ финляндскою коммиссіей составлявшею проектъ устава. Финляндскій министръ-статсъ-секретарь, въ своей перепискѣ съ Военнымъ министромъ, *также ни слова не упомянулъ объ этой передѣлкѣ*.

„О прочихъ сдѣланныхъ земскими чинами измѣненіяхъ,—писалъ баронъ Шернваль-Валленъ къ графу Милютину (отношеніе отъ 14 іюля 1878 г., № 512),—которыя отчасти относятся къ редакціи, не затрогивая сущности дѣла, отчасти же касаются подробностей, которыя *въ послѣдствіи безъ затрудне-*

Digitized by Google

нія могутъ быть измѣнены, если окажется въ томъ надобность, Сенатъ считаетъ возможнымъ не упоминать." Что же касается требованія Военнаго министра чтобы русскіе уроженцы были допускаемы въ финскія войска, то оно вызвало со стороны финляндскаго министра-статсъ-секретаря слѣдующее замѣчаніе: „Значеніе и смыслъ этого узаконенія (о недопущеніи Русскихъ въ финскія войска) заключается въ томъ чтобы въ законѣ было точно опредѣлено что лица служащія въ финскомъ войскѣ, кромѣ правъ и обязанностей по военной службѣ, пользуются также правами гражданства въ Финляндіи, а потому имѣютъ, наравнѣ съ прочими гражданами края, разныя права и обязанности въ гражданскомъ отношеніи, какъ-то: право на пенсіи изъ финляндскихъ суммъ, изъ вдовьей и сиротской кассы, права и повинности по общинному управленію и. т. п." (Отзывъ въ Главный Штабъ 8 октября 1876 года, № 807.) Но принятіе финляндскаго гражданства обставлено, даже и для двородворянъ русскихъ, разными стѣснительными формальностями и податями, какъ явствуетъ изъ Высочайшаго постановленія 29 марта 1858 года.

Вслѣдствіе сего Военный министръ, хотя и соглашался на редакцію § 120 въ смыслѣ допущенія въ финскія войска однихъ финляндскихъ гражданъ, но признавалъ необходимымъ установить чтобы, при пріемѣ на службу въ финскія войска офицеровъ и чиновниковъ русскихъ, не требовалось, относительно признанія ихъ гражданами Финляндіи, исполненія формальностей опредѣленныхъ въ упомянутомъ постановленіи, но „чтобы они считались финляндскими гражданами на основаніи самаго Высочайшаго приказа о назначеніи ихъ на службу въ финскія войска" (25 октября 1876 года, № 9.016). Хотя это предположеніе было одобрено Государемъ Императоромъ, тѣмъ не менѣе исполненіе его было затягиваемо финляндскими властями. На просьбу Военнаго министра о принятіи мѣръ къ исполненію Высочайшей на сіе воли, финляндскимъ статсъ-секретаремъ было отвѣчено, *спустя 9 мѣсяцевъ* (8 февраля 1880 года, № 87), что къ вопросу о пересмотрѣ постановленія 1858 года „имѣетъ быть приступлено *заблаговременно, до срока* къ которому должны быть назначаемы офицеры въ упомянутыя войска". Однако съ того времени и *донынѣ*, въ теченіе семнадцати лѣтъ, *ничего не было сдѣлано для исполненія сказанной Высочайшей воли.*

Между тѣмъ, одновременно съ уставомъ о воинской повинности, Сеймомъ было постановлено и Высочайше утверждено что важнѣйшія изъ сдѣланныхъ Сеймомъ измѣненій въ проектѣ устава о воинской повинности, а въ томъ числѣ и § 120 о комплектованіи финскихъ войскъ только финляндскими гражданами, относятся къ числу основныхъ законовъ, измѣненіе коихъ по толкованію Финляндцевъ, можетъ послѣдовать не иначе какъ „съ согласія" Сейма. Военный министръ *вовсе не былъ извѣщенъ объ этой мѣрѣ*, совершенно противорѣчившей увѣренію финляндскаго министра-статсъ-секретаря что сдѣланныя Сеймомъ передѣлки въ уставѣ „могутъ быть въ послѣдствіи безъ затрудненія измѣнены, если окажется въ томъ надобность".

Представляя сеймовый проектъ на Высочайшее утвержденіе, Финляндскій Сенатъ и статсъ-секретарь также объясняли что едвали можно предполагать чтобъ уже первыя мѣропріятія для устройства военнаго дѣла въ Финляндіи на новомъ основаніи могли быть осуществлены вполнѣ цѣлесообразно и соотвѣтственнымъ образомъ, и что

Digitized by Google

опытъ скоро укажетъ нане обходимость приступить къ измѣненію отдѣльныхъ частей настоящаго перваго устава о воинской повинности. Въ этихъ видахъ Сеймъ ходатайствовалъ, „чтобы, по примѣненіи сего устава въ теченіе десяти лѣтъ, или же ранѣе, если Государь Императоръ признаетъ сіе нужнымъ, земскимъ чинамъ было сообщено предложеніе о внесеніи въ означенный уставъ измѣненій какія по указаніямъ опыта, будутъ признаны необходимыми“ (14 іюля 1878 года, № 512). Это объясненіе привело къ тому что графъ Милютинъ, отъ котораго, какъ уже сказано, *было скрыто отнесеніе многихъ сеймовыхъ измѣненій къ числу основныхъ знаковъ*, согласился на сдѣланныя измѣненія, „въ томъ вниманіи,—какъ писалъ онъ,—что самый уставъ, по ходатайству земскихъ чиновъ, предполагается къ утвержденію *какъ временный*, подлежащій пересмотру послѣ десяти лѣтъ примѣненія и даже ранѣе этого срока, если это признано будетъ полезнымъ, и что, по заявленію Финляндскаго Сената, необходимыя въ случаѣ надобности измѣненія въ подробностяхъ и въ редакціи устава *легко могутъ быть сдѣланы въ послѣдствіи*“.

Окончательнымъ послѣдствіемъ этой переписки было то что сеймовый проектъ, хотя и противный Высочайшимъ предначертаніямъ и интересамъ Россіи, получилъ Высочайшую санкцію и былъ введенъ въ дѣйствіе 1 января 1881 года.*

Судьба финляндскаго устава о воинской повинности убѣдительно доказываетъ что, при нынѣшней организаціи Финляндскаго статсъ-секретаріата и при существующемъ порядкѣ изданія законовъ для Финляндіи, важнѣйшіе интересы нашего государства не обезпечены даже въ тѣхъ немногихъ вопросахъ которые, какъ вопросъ военный, имѣютъ за себя представителей и ходатаевъ съ русской стороны. Въ военномъ вопросѣ хотя и признано было нужнымъ выслушать заключеніе Военнаго министра, тѣмъ не менѣе настоянія его оказались безплодными и финляндскіе дѣльцы провели въ уставѣ все что имъ было желательно провести.

Вслѣдствіе рѣшенія всѣхъ финляндскихъ дѣлъ по личнымъ докладамъ министра-статсъ-секретаря изъ Финляндцевъ (которому помогаетъ притомъ стасъ-секратаріатъ, учрежденіе чисто финляндское по составу, по духу и по традиціямъ, составляющее какъ бы отдѣленіе Финляндскаго Сената въ Петербургѣ), наши министры и прочія высшія государственныя установленія остаются въ полной неизвѣстности о положеніи того или другого финляндскаго вопроса, такъ что, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, давая свое согласіе на существующую редакцію § 120 воинскаго устава, не зналъ что этотъ параграфъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, былъ уже отнесенъ Сеймомъ къ числу тѣхъ узаконеній которыя, по толкованію финляндскихъ юри-

---

* Несмотря на всѣ умолчанія и уловки финляндскихъ дѣльцовъ, умышленно вводившихъ, какъ показываетъ эта переписка, въ заблужденіе русскую власть, Императоръ Александръ II, по свидѣтельству самихъ финляндскихъ историковъ, колебался утвердить сеймовый проектъ. Но тутъ на помощь финляндскимъ дѣльцамъ явился тогдашній финляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Адлербергъ. По словамъ финляндскихъ некрологовъ о немъ, онъ „сумѣлъ разсѣять въ умѣ императора тѣ сомнѣнія, какія питались въ этомъ отношеніи Военнымъ министромъ и, при помощи того большаго довѣрія которое имѣлъ къ нему Александръ II, *добился* того что уставъ былъ утвержденъ“. См. объ этомъ подробнѣе въ сборникѣ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 2й, стр. 458—460.

Digitized by Google

стовъ, не могутъ будто бы подлежать измѣненію безъ согласія Сейма.

Но большинство вопросовъ финляндскаго законодательства, въ которыхъ такъ или иначе замѣшаны общегосударственные интересы, *вовсе не имѣютъ теперь за себя представителей и ходатаевъ съ русской стороны* и рѣшаются единственно по усмотрѣнію финляндскихъ властей. Финляндскій Сенатъ съ его шведскимъ языкомъ, представляя собою **status in statu**, учрежденіе совершенно изолированное отъ всѣхъ государственныхъ властей и недоступное ихъ контролю, вполнѣ обезпечиваетъ тайну финляндскихъ дѣлъ. Тѣсная же солидарность и взаимная поддержка Сената и статсъ-секретаріата, изъ которыхъ одинъ даетъ начало всѣмъ мѣропріятіямъ, а другой приводитъ ихъ къ окончательному утвержденію Высочайшею Властью, представляютъ такую силу, о которую, какъ доказываетъ опытъ, разбивались всѣ противодѣйствія проявлявшіяся по временамъ со стороны русскихъ министровъ и нѣкоторыхъ финляндскихъ генералъ-губернаторовъ въ защиту общегосударственныхъ интересовъ.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЕ „ИСТИННО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ".

(Передовая статья № 43 *Московскихъ Вѣдомостей* 1896 года, отъ 13 февраля).

На дняхъ умеръ въ Гельсингфорсѣ одинъ изъ виднѣйшихъ финляндскихъ дѣятелей, начальникъ экспедиціи путей сообщенія въ Финляндскомъ Сенатѣ, баронъ Г. фонъ-Альфтанъ. Финляндскія газеты наполнены обширными некрологами о немъ и описаніями его похоронъ, на которыхъ произнесъ рѣчь, между прочимъ, извѣстный Л. Мехелинъ.

Во всѣхъ этихъ некрологахъ и надгробныхъ рѣчахъ баронъ Альфтанъ восхваляется какъ замѣчательный государственный дѣятель и финляндскій „патріотъ"; по выраженію газеты *Nya Pressen*, его нужно поставить „въ рядъ тѣхъ немногихъ *истинно-государственныхъ людей*, какихъ воспитала наша страна (то-есть Финляндія) съ 1809 года".

Любопытно, поэтому, разсмотрѣть поближе, какія именно заслуги и свойства барона Альфтана вызвали такія восторженныя похвалы финляндскихъ публицистовъ и политическихъ дѣльцовъ? каковъ ихъ идеалъ финляндскаго „истинно-государственнаго человѣка?"

Въ помянутыхъ некрологахъ и рѣчахъ говорится, правда, о полезной административной дѣятельности барона Альфтана въ качествѣ сперва начальника губерній Улеоборгской и Нюландской, а затѣмъ (съ 1888 года) въ качествѣ сенатора, завѣдывавшаго экспедиціями земледѣлія и путей сообщенія, но главное значеніе придается его заслугамъ въ вопросахъ, касающихся отношеній Финляндскаго края къ Россіи.

„Значеніе барона фонъ-Альфтана въ Сенатѣ", говоритъ, напримѣръ, газета *Nya Pressen* (№ 34),—„не можетъ быть обсуждаемо лишь по его дѣятельности въ области своего вѣдомства. Вслѣдствіе своего высокаго воинскаго ранга (онъ былъ генералъ-лейтенантомъ по Генеральному Штабу), своихъ связей въ Имперіи, своего знанія языковъ, своей ловкости (хитрости-smidighet) и своего проницательнаго ума, онъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ патріотомъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой способенъ былъ *съ успѣхомъ выполнять*

Digitized by Google

роль переговорщика (underhandlare), когда дѣло шло о разрѣшеніи вопросовъ, касающихся интересовъ какъ Имперіи, такъ и Финляндіи. Когда въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ о томъ что къ финляндскому маслу примѣшивается маргаринъ, возникъ вопросъ о вывозѣ нашего масла въ Россію, онъ своимъ энергичнымъ личнымъ вмѣшательствомъ спасъ положеніе. Въ качествѣ представителя Финляндіи въ той русской коммиссіи, которая учреждена была два года тому назадъ для обсужденія вопроса о возможномъ направленіи желѣзной дороги изъ Петербурга къ Мурманскому берегу, онъ (Альфтанъ), благодаря своему знакомству съ дѣломъ и своимъ превосходнымъ способностямъ, *направилъ вопросъ на истинный путь*: о какой-либо желѣзной дорогѣ къ Ледовитому океану черезъ Финляндію послѣ того уже не было болѣе рѣчи. Въ качествѣ члена Особаго Совѣщанія, учрежденнаго въ Петербургѣ въ 1892 году для разсмотрѣнія записки генералъ-губернатора, графа Гейдена, объ основныхъ законахъ Финляндіи, записки, помѣченной 31 декабря 1891 года, Альфтанъ отстаивалъ интересы своей страны съ никогда неизмѣнявшею ему силой и твердостію (упованіемъ—förtröstan). Нѣтъ сомнѣнія что *вліяніе*, какое обнаруживалъ фонъ-Альфтанъ въ тѣхъ *сферахъ*, которыя, находясь *въ сторонѣ отъ насъ и внѣ нашихъ отношеній*, не подлежатъ публичному разсмотрѣнію, *направлено было лишь ко благу* (финляндскаго) *отечества*. Будущее историческое изслѣдованіе быть-можетъ найдетъ *болѣе интимные источники* (intimare källor), чѣмъ тѣ, какими мы располагаемъ, для полной оцѣнки *значенія фонъ-Альфтана въ этомъ отношеніи*".

„Внезапная кончина барона Альфтана", продолжаетъ та же газета далѣе, въ концѣ своей статьи,—„въ настоящій моментъ составляетъ для страны потерю тѣмъ болѣе достойную глубокаго сожалѣнія что недостатокъ у насъ истинно-государственныхъ людей съ каждымъ днемъ становится все чувствительнѣе. Въ сенатѣ, при разрѣшеніи вопросовъ касающихся отношеній ко второй государственной власти (andra statsmakten—такъ называютъ финляндскіе политики Сеймъ) Альфтанъ всегда держался вполнѣ конституціонной и лойяльной (!) точки зрѣнія, хотя его взгляды далеко не всегда встрѣчали надлежащую поддержку. Нѣтъ никакого сомнѣнія что тѣ заслуги, какія онъ оказалъ странѣ въ *только что протекшую критическую эпоху* должны быть цѣнимы очень высоко. Въ виду дарованій, обширныхъ познаній и опытности, *ловкости* (smidighet—хитрости), *гдѣ она была нужна*, и склонности приносить пользу своей странѣ, барона Альфтана нельзя не поставить *въ рядъ тѣхъ немногихъ истинно-государственныхъ людей*, какихъ воспитала наша страна съ 1809 года".

Газета *Hufvudstadsbladet* (№ 34), перечисляя заслуги барона Альфтана, обращаетъ особенное вниманіе на то что онъ былъ „горячимъ другомъ *конституціоннаго образа правленія*", и принимая участіе въ Особомъ Совѣщаніи, учрежденномъ въ Петербургѣ для разсмотрѣнія составленнаго генералъ-губернаторомъ проекта кодификаціи „основныхъ законовъ" Финляндіи, „держался самостоятельной, *уклоняющейся отъ проекта точки зрѣнія*".

Газета *Aftonposten* (№ 29) говоритъ что баронъ Альфтанъ, „будучи охотно встрѣчаемъ въ руководящихъ сферахъ въ Россіи и уважаемъ за свои выдающіяся познанія, *оказывалъ тамъ значительное вліяніе въ пользу Финляндіи*, и многіе вопросы онъ своимъ вмѣшательствомъ направилъ *на истинный* (?) *путь*".

Бывшій сенаторъ и извѣстный пропагандистъ и поборникъ ученія о „финляндскомъ конституціонномъ государствѣ", Л. Мехелинъ (котораго гельсингфорсскія газеты прочили было въ преемники барону Альфтану въ сенатъ), восхвалялъ также въ вышеупомянутой рѣчи своей барона Альфтана особенно за то что онъ съ шестидеся-

Digitized by Google

тыхъ годовъ „проникся конституціонными принципами“, „оставался имъ вѣренъ всю свою жизнь“, и „когда наступило время испытанія политическаго характера“ (то-есть начались, по предначертаніямъ Императора Александра III, объединительныя реформы въ видахъ сближенія Финляндскаго края съ остальною Россіей), то онъ „выдержалъ это испытаніе какъ мужъ и въ совѣщаніяхъ съ русскими государственными людьми защищалъ дѣйствительность нашихъ основныхъ законовъ и умѣлъ излагать ихъ истинное (?) содержаніе“.

Во всѣхъ отзывахъ финляндскихъ публицистовъ и ораторовъ отмѣчается, далѣе, видное участіе, какое принималъ баронъ Альфтанъ въ учрежденіи особой „финской арміи“. Объ этой сторонѣ его дѣятельности было уже разсказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ 1891 году, въ статьѣ *Передовой финляндскій „государственный дѣятель“*.

Итакъ, заслуги этого идеальнаго финляндскаго „истинно-государственнаго человѣка“, по словамъ восхваляющихъ его современныхъ финляндскихъ политиковъ, состоятъ главнымъ образомъ въ томъ что онъ успѣшно дѣйствовалъ *противъ Россіи и русской власти* въ видахъ финляндской государственной обособленности. При этомъ онъ умѣлъ, „гдѣ нужно“, пускать въ ходъ „ловкость“ и свое „вліяніе“ въ „руководящихъ сферахъ Россіи“.

Таковъ финляндскій политическій идеалъ. И нужно сказать что онъ возникъ не сегодня и не вчера. Онъ объясняется всею исторіей Финляндскаго края подъ русскою властью съ 1809 года, исторіей представляющею, особенно съ шестидесятыхъ годовъ, картину сплошныхъ захватовъ и нарушеній правъ Россіи и Русской Верховной Власти въ пользу усердно созидаемой финляндской государственности. Безъ „ловкости“ и потаенныхъ ходовъ и интригъ, а иногда и прямаго обмана (какъ показываетъ, напримѣръ, переписка между русскимъ Военнымъ министромъ и финляндскимъ статсъ-секретаремъ, приведенная на дняхъ* въ № 31 *Московскихъ Вѣдомостей*) мудрено было бы достигнуть тѣхъ результатовъ, какихъ достигли финляндскіе дѣльцы. И мѣстные писатели, разказывая о подвигахъ своихъ героевъ, не стѣсняются прямо выставлять на видъ эту „ловкость“ ихъ въ сношеніяхъ съ представителями русской государственной власти. Такъ, напримѣръ, финляндскій историкъ Бергъ, разказывая объ установленіи въ Финляндіи особой монетной системы и о заслугахъ, оказанныхъ при этомъ финляндскими сенаторами Снельманомъ и Лангеншёльдомъ и министромъ статсъ-секретаремъ Армфельтомъ, говоритъ (въ книгѣ *Наше управленіе и наши сеймы*, т. II, стр. 15):

„Какъ много усердія, осторожности, умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ и *тонкой мудрости нужно было пустить въ ходъ* для достиженія этой цѣли (то-есть особой монеты),—объ этомъ можно заключать изъ того что Императоръ (Александръ II), когда увидѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе какое они должны были произвести въ Россіи, выразился слѣдующимъ образомъ: „*„on a escamoté mon consentement“*“ („они выманили мое согласіе“).

---

* См. выше, стр. 347—352.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЕ ПОЛИТИКАНЫ

И

ФИНСКІЙ НАРОДЪ.*

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей".

Гельсингфорсъ, 7 февраля.

Читатели, мало знакомые съ финляндскими дѣлами, не обратили, быть-можетъ, вниманія на появившуюся во всѣхъ нашихъ газетахъ телеграмму изъ Гельсингфорса, отъ 17 января, сообщавшую что въ Финляндскій Сенатъ поступило предложеніе касающееся внесенія въ Сеймъ проекта сооруженія желѣзной дороги отъ Улеаборга до Торнео. А между тѣмъ извѣстіе это имѣетъ для русскаго дѣла громадное и—прямо сказать—тревожное значеніе. Оно указываетъ на то что надежды финляндскихъ дѣльцовъ снова воскресли и что намъ болѣе чѣмъ когда-либо слѣдуетъ быть настороже. Это уже вторая попытка довести финляндскія желѣзныя дороги до шведской границы. Первая была сдѣлана въ 1891 году, когда въ сеймъ поступила „петиція" о продленіи желѣзной дороги отъ Улеаборга до Торнео. Русская печать, за исключеніемъ, конечно, инородческой и либеральной, единодушно высказалась тогда противъ этой затѣи и своевременно ее разоблачила. Такъ, почтенный Ѳ. П. Еленевъ въ статьѣ „Ученіе о Финляндскомъ государствѣ", указалъ что при существованіи дешеваго морскаго пути для торговыхъ сношеній Финляндіи со Швеціей, дорого стоящій желѣзный путь до Торнео можетъ имѣть въ виду совсѣмъ не торговыя, а *стратегическія* цѣли, а именно: соединеніе финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ со *стратегическою* шведскою желѣзною дорогой, которую предполагается довести до Торнео. А что проектируемая шведская дорога есть именно стратегическая, а не иная, это доказывается рѣчью шведскаго военнаго министра, сказанною имъ въ риксдагѣ въ 1890 году. ** Г. Черноморецъ въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1893 года ***, также указывалъ на опасность финляндской затѣи. Онъ говорилъ, между прочимъ:

„Тутъ неумѣстны колебанія, дипломатическіе переговоры съ финляндскими заправилами на сеймахъ. Тутъ надо

---

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 48, отъ 13 февраля.

** См. *Русск. Стар.*, іюнь 1893 г., стр. 479—480, и отдѣльный оттискъ.

*** См. сборникъ *Фин. Окраина Россіи*, вып. 2-й, стр. 436—439 и 560-562.

Digitized by Google

дѣйствовать прямо и рѣшительно: необходимо немедля и безъ разсужденій присоединить эти (то-есть финляндскія) желѣзныя дороги вполнѣ къ кругу дѣятельности нашего Министерства Путей Сообщенія, ввести на нихъ русскія правила и русскихъ служащихъ, дабы финляндское самоуправленіе не смѣло не до чего этого касаться, какъ не смѣетъ касаться до этой части „„самоуправленіе““ всякой другой губерніи и области Россіи".

Только при этомъ условіи, то-есть при подчиненіи финляндскихъ дорогъ надзору русскихъ общегосударственныхъ властей, можно было бы, по справедливому мнѣнію г. Черноморца, допустить постройку желѣзной дороги до Торнео. Хотя этотъ благой совѣтъ о подчиненіи финляндскихъ дорогъ русскому надзору и остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но однакожь попытка финляндскихъ дѣльцовъ въ тотъ разъ потерпѣла полное пораженіе: вслѣдствіе отрицательнаго отзыва, даннаго по этому дѣлу финляндскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ, проектъ правительственнаго предложенія Сейму о проведеніи упомянутой дороги не удостоился Высочайшаго одобренія. * Если финляндскіе политики теперь рѣшаются на новый опытъ, то стало-быть они на что-то надѣются. На что́ же? Быть-можетъ на нашу испытанную и сколько разъ доказанную склонность смотрѣть на финляндскія дѣла сквозь пальцы или махать на нихъ рукой? Или, можетъ-быть, они разсчитываютъ на какой-то поворотъ въ нашей политикѣ по отношенію къ Финляндской окраинѣ? Такъ можно заключить судя по отзывамъ, появляющимся въ послѣднее время въ финляндской печати. Финляндскія газеты стали поговаривать о какой-то „перемѣнѣ вѣтра". Такъ, напримѣръ, гельсингфорсская газета *Nya Pressen*, дѣлая обзоръ событій минувшаго 1895 года, говоритъ между прочимъ, слѣдующее (№ 1 за текущій годъ):

„Въ чисто-политической области въ нашей странѣ въ теченіе минувшаго года господствовало спокойствіе рѣзко отличавшееся отъ тревожнаго настроенія предыдущей эпохи. Это счастливое состояніе можетъ оказаться, конечно, тишиной, предшествующей бурѣ. Но многіе признаки указываютъ, однако, на то что оно будетъ продолжаться по крайней мѣрѣ въ ближайшей будущности. Между этими признаками нужно отмѣтить въ особенности что нападки(?) на автономное положеніе страны въ теченіе прошлаго года становились все слабѣе: нападавшіе частію утомились, частію *замѣтили что подулъ другой вѣтеръ и направили свой курсъ по нему.*"

Мы, со своей стороны, твердо вѣримъ что эти надежды финляндскихъ политиковъ на „перемѣну вѣтра", въ смыслѣ удовлетворенія ихъ вредныхъ для Россіи притязаній, не оправдаются. Но нельзя не признать всетаки что есть нѣкоторый поводъ къ подобнымъ чаяніямъ: въ мѣропріятіяхъ начатыхъ по волѣ и указаніямъ почившаго Монарха для укрѣпленія государственной связи Финляндскаго края съ остальной Россіей замѣтно наступила какая-то остановка и трудно объяснимое замедленіе. Разные вопросы касающіеся этихъ мѣропріятій и возбужденные въ прошлое царствованіе остаются не только безъ разрѣшенія, но и безо всякаго дальнѣйшаго движенія.

Повидимому, это зависитъ отчасти отъ того что мы успокоились пока на томъ соображеніи что финляндскіе политиканы представляютъ де собою ничтожное меньшинство, тонущее, въ массѣ „вѣрнаго" Финскаго народа и что, слѣдовательно, торопиться незачѣмъ. Такое успокоеніе было бы настоящею гибелью русскаго дѣла, такъ такъ держится на основаніи призрачномъ и потому ложномъ. Не надо забывать что соотношеніе статистическихъ цыфръ не всегда совпадаетъ съ соотношеніемъ живыхъ дѣятельныхъ силъ скрывающихся за нѣмыми цыфрами. Нѣмцы и Евреи въ Австріи, Поляки и Евреи въ Галиціи, Англичане въ Индіи, Нѣмцы въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ—всѣ эти народности также находятся въ меньшинствѣ среди жителей обитаемыхъ ими мѣстностей; однакожъ, именно оно, это меньшинство, образуетъ собою настоящую, дѣйствительную си-

* См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. 2-й, стр. 558.

Digitized by Google

лу, создающую и направляющую общественную и политическую жизнь данныхъ мѣстностей. Да, это меньшинство, но меньшинство *господствующее*. Такъ и въ Финляндіи: шведо-финляндскіе политиканы, конечно, находятся въ *количественномъ* меньшинствѣ, но вся умственная, экономическая, общественная и политическая жизнь края выражается и опредѣляется именно этимъ меньшинствомъ. Въ рукахъ его находится все: Сенатъ, Сеймъ, печать, школы, церковь, администрація... Все совершается по его указаніемъ, съ его одобренія и разрѣшенія. Каковы цѣли и намѣренія этого меньшинства, намъ къ несчастію, это слишкомъ хорошо извѣстно. Если есть еще наивные люди, продолжающіе вѣровать въ „преданность“ Россіи этихъ шведо-финляндскихъ заправилъ и дѣльцовъ, то они, очевидно, принадлежатъ къ разряду тѣхъ неизлѣчимыхъ слѣпцовъ, которые сами не желаютъ видѣть. Разверните любую исторію Швеціи, что вы тамъ найдете? Вѣчную, непрерывную борьбу правящихъ классовъ съ королевскою властью,— борьбу полную интригъ, заговоровъ и предательства. Взгляните, затѣмъ, въ *Покореніе Финляндіи* Ордина, гдѣ на каждой страницѣ разсыпаны доказательства пресловутой „преданности“ и „лойяльности“ Шведо-Финляндцевъ. Усердіе, съ какимъ многіе изъ нихъ продавали свое отечество при королѣ Густавѣ III, возмущало императрицу Екатерину II, несмотря даже на то что она считала Густава III своимъ личнымъ врагомъ. „Какіе измѣнники!“ воскликнула императрица, * прочтя доставленныя ей Шведо-Финляндцемъ бригадиромъ Гастферомъ секретныя королевскія повелѣнія (вмѣстѣ съ подпиской о готовности измѣнить королю). „Буде не таковъ былъ король, то заслуживалъ бы сожалѣнія“. Дѣятельность Шведо-Финляндцевъ со времени покоренія Финляндіи всѣмъ намъ хорошо извѣстна: она есть не что иное, какъ непрерывно продолжающійся заговоръ противъ Россіи и Самодержавной власти Русскаго Монарха. Плоды ея на лицо: изъ покоренной шведской области Финляндія превратилась въ „автономное царство“ состоящее съ нами „въ уніи„ а Русскій Самодержецъ — въ „конституціоннаго Финляндскаго Великаго Князя.“ Нынѣшнее положеніе финляндскихъ правящихъ классовъ лучше всего опредѣляется словами г. Еленева: „они находятся теперь въ состояніи невооруженнаго возстанія.“ * Вотъ что можетъ дѣлать ничтожное по числу, но сильное организаціей и системой „меньшинство“! Что же касается собственно Финскаго народа, то онъ, подобно многимъ другимъ народамъ, представляетъ изъ себя массу, живущую злобами сегодняшняго дня и мало думающую о политикѣ. Однакожъ (въ особенности если принять во вниманіе ту анти-русскую агитацію, какая ведется теперь въ Финляндіи среди народа), можетъ наступить день, когда предъ этою косною массой встанетъ вопросъ: за кѣмъ идти? За неуловимымъ ли призракомъ русской власти или за своими, находящимися на лицо, весьма осязательными, дѣятельными и рѣшительными политическими дѣльцами? Ужели благоразумно, съ государственной точки зрѣнія, сидѣть сложа руки и ждать наступленія этого дня?

ЗАѢЗЖІЙ РУССКІЙ.

---

* См. *Покореніе Финляндіи* Ордина, т. I, стр. 226.

* См. *Ученіе о Финляндскомъ государствѣ*, стр. 100.

Digitized by Google

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

ПО ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

1.

Финляндскій патріотизмъ.*

Новому Времени (№ 7.143) пишутъ изъ Гельсингфорса:

Когда русское акціонерное общество вступило въ переговоры съ финляндскимъ правительствомъ по вопросу объ эксплуатаціи небольшой части даровой двигательной силы водопада Иматры, въ цѣляхъ электрическаго освѣщенія Петербурга, здѣшній сенатъ предложилъ управленію промышленности (которое соотвѣтствуетъ нашему горному вѣдомству и департаменту мануфактуръ, вмѣстѣ взятымъ) высказать свое мнѣніе по этому дѣлу. Управленіе промышленности полагало возможнымъ отдать часть водопада обществу на арендныхъ условіяхъ, отнюдь не передавая сего права въ полную собственность акціонеровъ.

Гельсингфорсскія газеты, узнавъ объ этомъ непатріотическомъ рѣшеніи названнаго управленія, воспылали благороднымъ негодованіемъ и, точно по данному сигналу, дружно запротестовали отъ имени всѣхъ истыхъ Финляндцевъ. Общественное мнѣніе усмотрѣло въ подобномъ рѣшеніи „вандализмъ“, а печать кричитъ, чтобъ иностранныя руки не смѣли прикоснуться къ „національной собственности“ Финскаго народа и не дерзнули осквернять „гордости Финляндіи“—Иматры! Финляндцы боятся, вопервыхъ, просто проиграть на аферѣ: имъ кажется что видъ водопада будетъ испорченъ и что сумма, предлагаемая акціонернымъ обществомъ, не вознаградитъ потери, могущей произойти отъ уменьшенія прилива туристовъ. На основаніи подобныхъ доводовъ мѣстная печать взмолилась сенату, прося отказать обществу въ его домогательствахъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду пользу Петербурга, а не Финляндіи.

Общественное мнѣніе, или, вѣрнѣе говоря, финляндскій патріотизмъ, и слышать не хочетъ о томъ что природа вокругъ Иматры и видъ самаго водопада вовсе не будутъ испорчены, такъ какъ приспособленія акціонернаго общества отчасти будутъ сокрыты подъ водой, отчасти прикрыты утесами, а нужныя постройки будутъ возведены на нѣкоторомъ разстояніи отъ водопада; приспособленія кромѣ того, не грязнятъ и не коптятъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенныя фабрики и заводы. Что же касается туристовъ, то въ грандіозномъ сооруженіи они будутъ имѣть новую притягательную силу для своего любопытства, такъ какъ извѣстно что во всей Европѣ до сихъ поръ подобнаго приспособленія, извлекающаго изъ естественнаго природнаго источника 20 тысячъ лошадиныхъ силъ, нигдѣ не возведено.

Протестъ Финляндцевъ, конечно, рекомендуетъ ихъ патріотизмъ, и намъ остается

---

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 19, отъ 19 января.

Digitized by Google

только пожалѣть что въ нѣкоторыхъ русскихъ общественныхъ учрежденіяхъ нѣтъ и сотой доли подобнаго патріотизма, къ противномъ случаѣ финскіе пароходы Гартмана и К° не бороздили бы Невы, Финляндцы не захватили бы права перевоза на Волгѣ у Нижняго-Новгорода на время предстоящей выставки, они не настроили бы рельсовыхъ перевозовъ и электрическихъ дорогъ въ самой нашей столицѣ.

Конечно, Финляндцы въ правѣ отстаивать не только свои интересы, но и красоты финской природы, только пора бы оставить имъ привычку говорить о Россіи, какъ объ „иноземной“ странѣ.

2.

Финляндская армія. *

Свѣтъ (№ 87) вступаетъ съ *Развѣдчикомъ* въ любопытную полемику по поводу финляндской арміи. Военный журналъ получилъ письмо, авторъ котораго—

свидѣтельствуетъ что въ 1892 г., во время кавалерійскаго пробѣга, онъ и его товарищи были радушно приняты финскими офицерами, которые чествовали ихъ обѣдомъ и вообще встрѣтили какъ братьевъ по оружію, „а далеко не какъ офицеровъ чужой арміи“ (sic!). Изъ этого факта авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ что на чувствѣ товарищества „сплоченіе русскихъ частей съ финскими возможно“. Еслибъ авторъ письма ограничился указаннымъ, мы ничего не имѣли бы противъ его замѣтки; но онъ,—точно по установленному обычаю,—не преминулъ бросить упрекъ „нашимъ газетамъ“, которыя, по его мнѣнію, „обращая вниманіе правительства на опасность духа сепаратизма въ Финнахъ“, только „разжигаютъ этотъ сепаратизмъ и, подобныя статьи, касающіяся военнаго быта, безусловно вредны, какъ уничтожающія возможность частямъ одной арміи сплотиться“.

Свѣтъ возражаетъ:

„Наши газеты“ прежде всего желали разъяснить, полезно ли и цѣлесообразно ли съ государственной и военной точки зрѣнія существованіе особой финской арміи, даже въ томъ случаѣ, еслибъ она была для насъ не чужою? Отвѣтъ на подобнаго рода вопросъ, надѣемся, можетъ быть только одинъ и его „излишне доказывать“. Финская же армія, кромѣ того, является для насъ въ нѣкоторомъ родѣ „чужой“ на томъ, во-1хъ, основаніи что ни одинъ русскій человѣкъ, оставаясь Русскимъ подданнымъ, не имѣетъ права служить въ ея рядахъ; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи она ничѣмъ не отличается для насъ отъ иностранныхъ армій. Особенно же чуждою она является для насъ по тѣмъ неправильнымъ толкованіямъ, которыя Финляндцы даютъ своему воинному закону. Они, какъ извѣстно, утверждаютъ что ихъ войска существуютъ исключительно для обороны финляндскихъ границъ, что ихъ ратники могутъ быть созываемы только при вторженіи непріятеля въ предѣлы Великаго Княжества, то-есть когда „финляндскому престолу“ и отечеству угрожаетъ опасность, что несправедливо посылать Финляндцевъ завоевывать для Россіи дикія земли Азіи, что совмѣстныя войны съ Россіей будутъ только истощать Финляндію, не доставляя ей ни славы побѣдъ, ни добычи боя. Извѣстно также что финская армія не желала имѣть ничего общаго съ имперскими войсками и финляндскіе дѣятели добивались сохранить въ ней командныя слова шведскихъ временъ. Вотъ на какіе факты указывала главнымъ образомъ русская печать и въ этихъ фактахъ „наши газеты“, дѣйствительно, усматривали рѣзкое проявленіе финляндскаго сепаратизма. Мало того, было замѣчено что „финляндскія притязанія росли вмѣстѣ съ ростомъ ихъ военной силы“; „мы де не какіе-нибудь русскіе подданные“, говорили Финляндцы, „у насъ свое войско“ (см. Финл. окраина Россіи, т. 1, стр. 528). Изъ сказаннаго явствуетъ что „наши газеты“ всегда ратовали за объединеніе финскихъ воинскихъ частей съ Русскими, желали скрѣпленія нашей арміи, а не „разжи-

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 94, отъ 7 апрѣля.

Digitized by Google

Гали" сепаратизма и „не уничтожали возможности сплоченія". Прибавимъ еще что русская печать никогда не указывала на существованіе сепаратизма въ рядахъ финскихъ войскъ или въ средѣ финскихъ офицеровъ, несмотря на то что она имѣла возможность поставить вопросъ о томъ, раздѣляютъ ли, напримѣръ, мѣстные офицеры вышеуказанныя воззрѣнія своихъ соотечественниковъ на цѣль и назначеніе финскаго войска? Не знаемъ, какой теперь получился бы отвѣтъ на поставленный вопросъ, но въ 1877—1878 гг., когда на сеймѣ и въ печати обсуждался вопросъ о введеніи въ краѣ всеобщей воинской повинности, то Финляндцы, носившіе военный мундиръ, были глубоко солидарны съ сеймовыми ораторами, настаивавшими на совершенномъ обособленіи финскихъ баталіоновъ отъ русскихъ войскъ.

3.

Изъ Финляндіи *.

Новому Времени (№ 7.339) пишутъ изъ Ганге о необходимости поддержки мѣстному православному населенію:

Коренное православное населеніе Ганге и окрестностей, православные Корелы, переселившіеся сюда изъ Архангельской губерніи, живя разбросанно среди иновѣрцевъ и не имѣя своей церкви и школы, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, какъ извѣстно, офиннивалось.

Сознавая ненормальность такого положенія, мѣстное православное населеніе пожелало построить здѣсь православную церковь и при ней школу съ общежитіемъ въ память событія 17 октября 1888 года. Для этой цѣли былъ организованъ сборъ пожертвованій, и къ половинѣ лѣта 1894 года удалось собрать столько что явилась возможность приступить къ закладкѣ церкви, которая въ слѣдующемъ затѣмъ году была уже освящена во имя Равноапостольнаго Князя Владиміра и мvроносицы Маріи Магдалины. Церковь небольшая, деревянная, очень удобная; находится на разстояніи одной версты отъ города въ районѣ дачъ. Несмотря на то что при постройкѣ церкви была соблюдена возможная экономія, тѣмъ не менѣе, за израсходованіемъ собранныхъ средствъ, въ настоящее время на церкви числится долгу разнымъ лицамъ до 1.200 фин. марокъ за церковную утварь и за окраску церкви внутри и, сверхъ того, 1.000 фин. марокъ израсходовано на уплату и внутреннюю отдѣлку, позаимствованныхъ изъ фонда, образованнаго спеціально на постройку зданія для школы. Независимо отъ этого, церковь также нуждается въ средствахъ на обшивку бревенчатыхъ стѣнъ снаружи досками, на пріобрѣтеніе и устройство желѣзныхъ рѣшетокъ къ окнамъ, для предотвращенія похищеній, и на окраску церковной ограды. На все это потребуется до 2.000 финскихъ марокъ.

Что касается церковно-приходской школы, учрежденной осенью 1895 года и временно помѣщающейся въ наемномъ помѣщеніи, то хотя Св. Сунодъ и отпускаетъ ежегодно пособіе на жалованье учителю и на учебныя пособія, тѣмъ не менѣе, для дальнѣйшаго прочнаго ея развитія необходимо какъ можно скорѣе построить близъ храма домъ, отъ неимѣнія котораго, при дороговизнѣ и отсутствіи удобнаго наемнаго помѣщенія, задерживается нормальный ростъ школы. Постройка дома съ общежитіемъ обойдется не менѣе 20.000 фин. марокъ, имѣется же пока только четверть этой суммы, несмотря на то что сборъ пожертвованій на постройку школьнаго зданія начатъ былъ одновременно со сборомъ на храмъ. Въ настоящее время въ школѣ обучаются 18 мальчиковъ и дѣвочекъ Корелъ. Въ 1895 году учрежденъ гангескій отдѣлъ Русскаго Благотворительнаго Общества въ Финляндіи; пожертвованія можно адресовать или въ названный отдѣлъ, или на имя настоятеля гангеской Князь-Владимірской церкви, священника Александра Ивановича Якубова.

Нужно надѣяться что столь благія начинанія нашихъ финляндскихъ единовѣрцевъ не останутся безъ поддержки Россіи.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 217, отъ 9 августа.

Digitized by Google

РУССКІЙ ДѢТСКІЙ ПРІЮТЪ.*

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей".

Гельсингфорсъ, 16 марта.

На дняхъ въ здѣшнемъ русскомъ Александровскомъ театрѣ устроенъ былъ вечеръ съ лоттерей-аллегри въ пользу русскаго дѣтскаго пріюта содержимаго Дамскимъ Кружкомъ. Считаемъ не лишнимъ по этому поводу сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ полезныхъ учрежденіяхъ.

Среди русскаго населенія Гельсингфорса не мало нуждающихся людей, въ особенности изъ отставныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ и членовъ ихъ семействъ. При всемъ обиліи и богатыхъ средствахъ разныхъ финляндскихъ благотворительныхъ учрежденій, русскіе бѣдные до недавняго времени часто оставались безо всякой помощи, такъ какъ шведско-финскія благотворительныя учрежденія преимущественно или даже исключительно оказываютъ помощь лишь такъ называемымъ „финляндскимъ гражданамъ", а бѣдныя русскія сироты, если и попадали въ финляндскія учрежденія, то получали тамъ, конечно, совсѣмъ не русское и не православное воспитаніе и утрачивали всякіе слѣды русской народности.

Въ виду этого въ 1877 году при существующемъ здѣсь съ 1872 года Русскомъ Благотворительномъ Обществѣ (имѣющемъ главною своею цѣлію оказаніе пособія учащимся въ здѣшнихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ) учрежденъ былъ мѣстными русскими дамами Дамскій Кружокъ, который и старается съ тѣхъ поръ дѣятельно помогать русскимъ бѣднымъ, насколько позволяютъ его скудныя средства. Въ 1880 году Кружку удалось устроить дѣтскій пріютъ для бѣдныхъ русскихъ дѣтей. Въ настоящее время въ этомъ единственномъ въ Финляндіи русскомъ пріютѣ состоитъ 25 человѣкъ дѣтей обоего пола. Дѣти содержатся въ пріютѣ подъ надзоромъ дамъ Кружка и наемной надзирательницы и посѣщаютъ здѣшнія русскія начальныя школы, а также обучаются ремесламъ и рукодѣлію. Къ сожалѣнію, средства пріюта все еще очень скудны: помѣщается онъ въ деревянномъ домѣ уступленномъ дляДамскаго Кружка русскимъ инженернымъ вѣдомствомъ, и пользуется процентами съ небольшаго основнаго капитала и суммами, образующимися ежегодно отъ членскихъ взносовъ. Но этихъ постоянныхъ источниковъ далеко не хватаетъ для содержанія пріюта, и главное пособіе доставляютъ ежегодно устраиваемыя дамами Кружка лоттереи-аллегри, спектакли и т. п.

Весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ пріюта и Кружка принимала покойная супруга финляндскаго генералъ-губернатора, графиня Е. Н. Гейденъ. Въ настоящее время дѣло ея продолжаетъ дочь ея, графиня О. Ѳ. Гейденъ состоящая въ званіи попечительницы пріюта. Благодаря, главнымъ образомъ, ея попеченіямъ устроенъ былъ и упомянутый нами въ началѣ письма вечеръ. Въ программу вечера, кромѣ лотереи-аллегри, входили: весьма хорошо удавшіяся живыя картины, въ которыхъ участвовали дамы здѣшняго русскаго общества, пѣніе, танцы, продажа фруктовъ и т. п.

Вечеръ принесъ пріюту дохода около 4.000 марокъ.

К. Я.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 79, отъ 20 марта.

Digitized by Google

ИСТИННЫЯ ЧУВСТВА ФИНЛЯНДСКИХЪ ПОЛИТИКАНОВЪ КЪ РОССІИ.*

Въ *Journal des Débats* 5 февраля 1896 года былъ помѣщенъ отзывъ о книгѣ нашего соотечественника г. Еленева, явившейся во Франціи въ началѣ сего года подъ заглавіемъ: *Les prétentions des séparatistes finlandais. Aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande. Journal des Débats*, понятнымъ образомъ, становится на нейтральную почву между Финляндіей и Россіей: онъ высказываетъ величайшую симпатію къ Финляндцамъ и благодушно проходитъ молчаніемъ всѣ ихъ чудовищныя домогательства и крайне предосудительныя дѣйствія къ ихъ осуществленію, подробно изложенныя и документально доказанныя въ упомянутой книгѣ г. Еленева. Французская газета даже думаетъ что финляндскіе и русскіе публицисты другъ друга не понимаютъ, когда спорятъ о правахъ Финляндіи, что они, „какъ гомеровскіе герои, сражаются во мракѣ". При болѣе близкомъ знакомствѣ съ полемикой по финляндскому вопросу, французская газета убѣдилась бы что всѣ труды такихъ русскихъ публицистовъ, какъ Ординъ, Еленевъ, Абовъ, корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*, подписывающійся буквами К. Я.,—что всѣ труды такихъ русскихъ публицистовъ не только не велись во мракѣ, но были именно направлены къ тому, чтобы съ документами въ рукахъ разсѣять мракъ и обманъ, которыми финляндскій вопросъ окутанъ въ писаніяхъ гельсингфорсскихъ публицистовъ. *Journal des Débats* подтверждаетъ только такіе факты, которые стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія и были общеизвѣстны въ Европѣ задолго до полемики, возникшей въ восьмидесятыхъ годахъ между русскими и финляндскими учеными и публицистами. Такими фактами французская газета признаетъ: 1) „что Финляндія есть русская провинція, завоеванная силой оружія, никогда не заключавшая и не могшая заключать договора съ Русскимъ Императоромъ, и что идея о финляндскомъ государствѣ, союзномъ или хотя бы вассальномъ относительно Россіи, должна быть отнесена къ области вымысловъ; 2) что Финляндіи даровано Русскими Монархами столь широкое мѣстное самоуправленіе, какимъ не пользовалась и не пользуется ни одна въ свѣтѣ провинція, завоеванная силой оружія; 3) что матеріальное и духовное благосостояніе Финляндіи возрасло поразительнымъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ она, вмѣсто шведской провинціи, стала русскою провинціей;

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 108, отъ 16 апрѣля.

Digitized by Google

4) что въ послѣдніе годы Русскимъ правительствомъ не нанесено ни малѣйшаго ущерба финляндскому провинціальному самоуправленію въ его существенныхъ органахъ, но что, въ цѣляхъ государственной безопасности и защиты, Русское правительство обязано установить извѣстную согласованность въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ русскихъ и финляндскихъ учрежденій, особенно въ виду того что Финляндія отстоитъ всего на нѣсколько верстъ отъ столицы Имперіи. Наконецъ, *Journal des Débats* приводитъ слѣдующіе строки, которыми заканчивается книга г. Еленева:

„Вмѣсто того чтобъ обращать взоры Финляндіи за четыре столѣтія назадъ, къ тому что̀ создано было въ въ странѣ чуждой финскому племени (то есть въ Швеціи), не лучше ли помышлять о будущемъ, обѣщающемъ быть столь плодотворнымъ подъ сѣнію дарованныхъ Финляндіи учрежденій. Финляндія, во всякомъ случаѣ, страна обиженная природой, немного выиграла бы отъ того, еслибы жила особнякомъ, непріуроченная ни къ одному изъ великихъ политическихъ организмовъ, тогда, какъ черезъ болѣе тѣсное сближеніе съ Россіей она только можетъ пріумножить свое благосостояніе, въ чемъ она болѣе всего нуждается. Тогда разсѣются сами собою несбыточныя мечты, которыми прельщаютъ ее политиканы, едва ли заслуживающіе довѣрія, ибо ихъ цѣль—играть роль—слишкомъ очевидна. Вотъ какого будущаго желаемъ мы для Финляндіи, и этимъ пожеланіемъ заканчиваемъ нашъ трудъ. Мы желали бы видѣть Финляндію не будирующую и старающуюся уединиться въ своемъ углу, но Финляндію, трезво взвѣшивающую всѣ выгоды принадлежности ея къ великой Имперіи, гдѣ столь многіе изъ ея сыновъ занимаютъ уже выдающіяся положенія, — Финляндію, сохраняющую свои національныя особенности и дарованныя ей привилегіи и образующую изъ себя одну изъ многихъ драгоцѣнныхъ жемчужинъ въ священномъ вѣнцѣ Русскихъ Монарховъ.“ *Journal des Débats* прибавляетъ къ этому такія слова: „Въ качествѣ друзей Финляндіи мы можемъ только присоединиться къ этимъ пожеланіямъ“.

Казалось бы, что̀ можетъ возразить честный и благомыслящій Финляндецъ противъ этой столь сочувственной Финляндіи статьи французской газеты? Но не такъ думаютъ нынѣшніе руководители Финляндіи: они болѣе всего боятся именно исторической правды о Финляндіи и сближенія ихъ страны съ Россіей, имъ именно то и нужно чтобъ европейская публика вѣрила баснямъ, усердно распространяемымъ ими въ европейской печати относительно политическихъ правъ Финляндіи, чтобы продолжалось и даже увеличилось нынѣшнее разъединеніе Финляндіи съ Россіей, столь благопріятствующее значенію и личнымъ выгодамъ этихъ финляндскихъ руководителей. И вдругъ распространеннѣйшая и самая авторитетная изъ французскихъ газетъ дозволила себѣ впасть въ противорѣчіе съ тѣми мистификаціями которыя столько уже лѣтъ распространяютъ въ европейской печати финляндскіе руководители. Вотъ какъ одинъ изъ этихъ руководителей отвѣчалъ въ *Indépendance Belge* на упомянутую статью французской газеты въ томъ же февралѣ сего года, въ замѣткѣ озаглавленной *La Finlande et la Russie*:

„Есть весьма темные вопросы, которые стараются иногда выяснить, но есть часто вопросы совершенно ясные, которые успѣваютъ, наконецъ, затемнить. Эту послѣднюю задачу храбро и не безъ успѣха взялъ на себя *Journal des Débats* въ статьѣ о Финляндіи и Россіи. Финляндцы имѣютъ дурную слабость желать оставаться Финляндцами. Подобныя странности, однако, нерѣдки: существуютъ же на свѣтѣ Итальянцы, которые не желаютъ быть подданными Австрійскаго императора, или Альзасцы, не считающіе за большое счастіе стоять на часахъ въ Потсдамѣ, или наконецъ Поляки, которые сохранили доселѣ нѣкоторое воспоминаніе о порядкѣ вещей, нѣкогда существовавшемъ въ Варшавѣ. Такимъ же точно образомъ дюжіе и доблестные Финляндцы не особенно хлопочутъ о тотъ, чтобъ ихъ уравняли со всѣми другими подданными Царя. Хотятъ облагодѣтель-

Digitized by Google

ствовать ихъ одинаковыми благами съ Русскими, даровать имъ русскій языкъ, русскихъ чиновниковъ (увы!), русскіе законы (то-есть отсутствіе законовъ), подчинить ихъ такой же, какъ въ Россіи, воинской повинности, обложить тяжкими налогами—словомъ, ввести у нихъ весь русскій оркестръ. Неудивительно что все это вызываетъ нѣкоторое раздраженіе у Финляндцевъ. Мы хорошо понимаемъ что это недовольство Финляндцевъ должно казаться неумѣстнымъ въ глазахъ русскихъ журналистовъ, такъ какъ они не пользуются свободой слова; но намъ кажется нѣсколько страннымъ что нашлись и во Франціи журналисты, которые раздѣляютъ то же мнѣніе и, выдавая себя за друзей Финляндіи, берутъ на себя трудъ совѣтовать ей *болѣе тѣсныя отношенія* къ Россіи. Болѣе тѣсныя отношенія! Какое деликатное смягченіе выраженія. Вѣдь есть обниманія которыя равносильны задушенію. Истинные друзья Финляндіи скорѣе посовѣтуютъ ей уклониться отъ такихъ слишкомъ крѣпкихъ объятій. *R.*“

Эта небольшая, но, по обыкновенію Финляндцевъ, задорная статейка замѣчательна въ томъ отношеніи что она въ немногихъ словахъ весьма рельефно высказываетъ два главныя чувства, которыми одушевлены въ эту минуту руководители Финляндскаго народа: эти чувства суть, вопервыхъ, боязнь чтобы въ Петербургѣ не была продолжаема политика въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, направленная (въ послѣдніе годы его царствованія) къ устраненію рѣзкихъ противорѣчій и даже прямаго антагонизма между дѣйствіями финляндскихъ учрежденій и общимъ строемъ Русскаго государства, а, вовторыхъ, чувства досады на то что паутина басней и мистификацій, такъ долго и съ такимъ трудомъ сплетавшаяся финляндскими учеными и публицистами относительно политическихъ правъ Финляндіи, разорвана теперь окончательно, какъ въ глазахъ русскаго образованнаго общества, такъ и во мнѣніи политическихъ людей Европы.

Digitized by Google

ФИНЛЯНДСКІЙ СЕНАТЪ

И

РУССКІЯ ШКОЛЫ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.*

Въ № 291 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1895 годъ было помѣщено письмо Финляндскаго Обывателя, въ которомъ приведенъ былъ текстъ изданнаго Финляндскимъ Сенатомъ 15 августа минувшаго года постановленія о русскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Финляндіи и о порядкѣ завѣдыванія ими (см. выше, стр. 325—328). Это постановленіе, съ нѣкоторыми поясненіями относительно положенія русскихъ школъ въ Финляндіи, приведено было собственно для того, чтобъ опровергнуть появившееся тогда въ газетѣ *Новое Время* сообщеніе, которое излагало дѣло въ искаженномъ видѣ.

Но положеніе русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндскомъ краѣ и помянутое изданное Финляндскимъ Сенатомъ постановленіе о нихъ, сами по себѣ, заслуживаютъ серіознаго вниманія. Помянутое постановленіе Финляндскаго Сената есть, въ сущности, не что иное, какъ попытка со стороны финляндскихъ политическихъ дѣльцовъ затруднить и даже прямо пріостановить дальнѣйшее развитіе русскаго просвѣщенія въ краѣ. Давно уже финляндскіе политики съ неудовольствіемъ смотрѣли на русскія школы. Распространеніе русскаго просвѣщенія въ Финляндіи совсѣмъ не согласуется съ ихъ теоріей объ отдѣльномъ отъ Россіи „Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ“, и они желали бы, чтобы даже русскіе православные люди, поселившіеся въ Финляндскомъ краѣ, забыли о своемъ русскомъ происхожденіи и становились истыми „финляндскими подданными“. Имъ желательно было бы допускать въ „Финляндскомъ государствѣ“ лишь финляндское, то-есть шведско-финское просвѣщеніе. Учебное вѣдомство въ Финляндіи, ни въ чемъ не зависящее отъ общегосударственнаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и не имѣющее съ нимъ даже никакихъ сношеній, какъ извѣстно, почти совершенно чуждо русскому просвѣщенію, до того чуждо что даже, напримѣръ, главный начальникъ этого вѣдомства—сенаторъ, завѣдывающій такъ-называемою церковною экспедиціей Финляндскаго Сената, а также предсѣдатель и члены подчиненнаго ему Финляндскаго Главнаго Управленія Училищъ *не знаютъ русскаго языка*. Послѣ этого уже нечего и говорить объ ихъ знакомствѣ съ нашею образованностью, школьною системой, учебною литературой и т. д. Руководить развитіемъ русскаго просвѣщенія въ краѣ они, слѣдовательно, не могли бы даже

---

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 145, отъ 28 мая.

Digitized by Google

при лучшемъ желаніи; но такого желанія, какъ уже упомянуто, нѣтъ и слѣда, а, напротивъ, со стороны финляндскихъ учебныхъ властей, въ особенности начиная съ шестидесятыхъ годовъ, обнаруживалось явное стремленіе истребить и то немногое, что было сдѣлано, такъ сказать, финляндскими руками для русскаго просвѣщенія въ краѣ въ первыя десятилѣтія послѣ его присоединенія къ Россіи. Такъ, напримѣръ, до шестидесятыхъ годовъ въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ обязательнаго преподаванія русскаго языка, нѣкоторые предметы (исторія, географія, русская словесность) преподавались на русскомъ языкѣ и при томъ русскими уроженцами. Въ шестидесятыхъ годахъ это было упразднено и даже преподаваніе русскаго языка объявлено необязательнымъ и хотя въ послѣдствіи, въ семидесятыхъ годахъ, обязательное преподаваніе было возстановлено опять, но уже въ менѣе значительныхъ размѣрахъ и значится въ настоящее время въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь на бумагѣ.

Далѣе, въ городѣ Выборгѣ до начала шестидесятыхъ годовъ при мѣстной финляндской гимназіи существовало русское отдѣленіе, но было тогда упразднено по распоряженію Финляндскаго Сената. Такимъ образомъ, въ это столь блаженное для всякаго рода центробѣжныхъ и „либеральныхъ“ стремленій время, наступила въ Финляндской окраинѣ Россіи пора, когда русское просвѣщеніе стало совершенно недоступно тамъ даже русскимъ людямъ, переселившимся изъ коренной Россіи, не говоря уже о туземномъ шведско-финскомъ населеніи. Ни одной русской школы не было. Негдѣ даже было научиться по русски. И вотъ оказалось возможнымъ явленіе поистинѣ позорное для нашего государственнаго и національнаго достоинства. На разстояніи нѣсколькихъ сотенъ, а иногда даже десятковъ верстъ отъ столицы Русскаго государства, въ краѣ, пріобрѣтенномъ русскою кровью, русскіе люди, туда попавшіе, забывали совершенно и свою народность, и свой родной языкъ и свою вѣру, обучались въ финляндскихъ училищахъ на шведскомъ и на финскомъ языкахъ и становились не только чуждыми для Россіи, но даже враждебными ей. И теперь еще, какъ извѣстно, не мало въ краѣ этихъ жалкихъ, хотя иногда и невольныхъ, можетъ-быть, отщепенцовъ, напоминающихъ о своемъ русскомъ происхожденіи лишь русскою фамиліей, и то иногда исковерканною и произносимою на шведско-финскій ладъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, очень удобномъ и желательномъ для цѣлей финляндской политики, всему православно-русскому населенію края, разсѣянному по разнымъ мѣстностямъ его и постепенно увеличивавшемуся въ количествѣ грозила опасность совершенно утратить свою народность, и Финляндское „правительство“ объ этомъ, конечно, нисколько не пожалѣло бы. Но тогда нашлись въ краѣ русскіе люди, которые своими частными усиліями положили начало нынѣ существующимъ въ Финляндіи русскимъ школамъ. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Або, а потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ края основываются на частныя средства русскія начальныя училища. Затѣмъ въ семидесятыхъ годахъ русское просвѣщеніе въ краѣ принимаетъ подъ свое покровительство и въ свое вѣдѣніе единственный мѣстный представитель русской государственной власти, генералъ-губернаторъ, и русское Государственное Казначейство съ 1870 года начинаетъ отпускать въ его распоряженіе денежныя средства для этого. Кромѣ начальныхъ училищъ въ городахъ Гельсингфорсѣ и Выборгѣ основываются и русскія среднія учебныя заведенія. Съ 1884 года всѣ эти русскія учебныя заведенія, находившіяся до того времени въ непосредственномъ вѣдѣніи генералъ-губернатора, переданы были въ учебно-административномъ отношеніи, на общихъ основаніяхъ, въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, хозяйственная же часть ихъ временно оставлена въ завѣдываніи состоящаго при генералъ-губернаторѣ Совѣщательнаго Комитета по дѣламъ русскихъ училищъ. Въ настоящее время всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній,

Digitized by Google

сотоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, насчитывается въ краѣ двадцать, а именно: четыре средне-учебныя заведенія(мужская классическая гимназія и женская гимназія въ Гельсингфорсѣ, реальное училище и женская гимназія въ Выборгѣ) и шеснадцать низшихъ (въ Гельсингфорсѣ, Або, Выборгѣ, Николайстадѣ, Таммерфорсѣ, Тавастгусѣ, Вильманстрандѣ, Коткѣ, Фридрихсгамѣ, въ крѣпости Свеаборгѣ и селеніяхъ Красномъ Селѣ, Новой Деревнѣ и Тери-іоки, Выборгской губерніи). Этихъ учебныхъ заведеній далеко еще недостаточно для надлежащаго удовлетворенія потребности въ образованіи среди разсѣяннаго въ краѣ православно-русскаго населенія. Не мало и теперь еще русскихъ дѣтей обучается въ шведско-финскихъ школахъ, гдѣ нерѣдко они лишены возможности не только научиться русскому языку, но даже научиться истинамъ православной вѣры, хотя бы и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ одномъ лишь Гельсингфорсѣ насчитывается около 50 православно-русскихъ учащихся въ мѣстныхъ шведско-финскихъ училищахъ; а сколько взрослыхъ русскихъ людей, утратившихъ свою народность и незнающихъ даже своего роднаго языка, существуетъ теперь въ краѣ, можно судить, напримѣръ, потому что въ Гельсингфорсѣ, какъ сообщалось не давно, въ издаваемыхъ при Святѣйшемъ Сунодѣ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, по-распоряженію высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Финляндскаго, установлены для такихъ русскихъ людей богослуженія, совершаемыя на шведскомъ языкѣ, шесть разъ въ годъ. На одномъ изъ такихъ богослуженій. совершавшемся въ Великомъ посту нынѣшняго года, по сообщенію той же газеты, пріобщалось Святыхъ Таинъ около двухсотъ человѣкъ Русскихъ, плохо или совсѣмъ не понимающихъ по-русски.

Такимъ образомъ, даже въ настоящую минуту, на нашихъ глазахъ, въ двухъ шагахъ отъ русской столицы, русскіе люди въ нашемъ отечествѣ дѣлаются чуждыми для Россіи. Чтобъ устранить эту вопіющую несообразность, необходимо поставить на надлежащую высоту дѣло русскаго просвѣщенія въ Финляндской окраинѣ. Кромѣ недостаточности числа учебныхъ заведеній, достиженію этой цѣли до сихъ поръ мѣшаетъ и положеніе существующихъ уже учебныхъ заведеній. Положеніе это неудовлетворительно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, они крайне скудно обставлены въ матеріальномъ отношеніи. Значительная часть изъ помянутыхъ русскихъ низшихъ учебныхъ заведеній, получая лишь пособія отъ Совѣщательнаго Комитета изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, должны для того, чтобы поддерживать свое существованіе, прибѣгать къ частнымъ пожертвованіямъ въ видѣ лотерей-аллегри, спектаклей и т. п.

Нѣкоторыя школы помѣщаются въ тѣсныхъ и неудобныхъ квартирахъ за неимѣніемъ собственныхъ зданій. Никакихъ штатовъ для содержанія низшихъ учебныхъ заведеній все еще не установлено.

Но и эти, иногда весьма убогіе, разсадники русскаго просвѣщенія въ Финляндскомъ краѣ показались какъ видно, опасными финляндскимъ политическимъ дѣльцамъ, засѣдающимъ въ мѣстномъ Сенатѣ. Особенное неудовольствіе съ ихъ стороны возбудило, повидимому, то что въ послѣдніе годы Министерство Народнаго Просвѣщенія вообще и, въ особенности, начальство Петербургскаго учебнаго округа, въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго состоятъ русскія учебныя заведенія въ Финляндіи, обратили серіозное вниманіе на улучшеніе положенія этихъ учебныхъ заведеній и дальнѣйшее развитіе дѣла русскаго просвѣщенія въ краѣ. Финляндскія власти нашли поэтому, что настало время положить предѣлъ „вредной“ съ ихъ точки зрѣнія дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія, ограничить и стѣснить ее, ибо такую именно цѣль, какъ мы уже замѣтили въ началѣ статьи, очевидно, имѣетъ изданное Финляндскимъ Сенатомъ постановленіе „объ учрежденіи въ Финляндіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и о порядкѣ завѣдыванія онымъ“. Оно „дано“ въ Гельсингфорсѣ 15 августа 1895 года и снабжено подпи-

Digitized by Google

сями четырехъ финляндскихъ сенаторовъ: гг. Ернсфельда, Ирьэ-Коскинена (хорошо извѣстнаго читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* финляндскаго историка-сепаратиста, состоящаго во главѣ финляндскаго учебнаго вѣдомства)*, Гадда и Энеберга.

По смыслу перваго параграфа постановленія, въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія впредь остаются лишь тѣ изъ низшихъ учебныхъ заведеній „съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ“ (своеобразный финляндскій способъ выраженія вмѣсто „русскихъ низшихъ учебныхъ заведеній“) которыя „возникли не въ порядкѣ учрежденія финляндскихъ народныхъ училищъ, по устройству и программѣ своей не соотвѣтствуютъ этимъ училищамъ и не пользуются содержаніемъ изъ тѣхъ средствъ и на тѣхъ основаніяхъ, кои финляндскимъ закономъ указаны для народныхъ училищъ и школъ для дѣтей младшаго возраста“. Нужно замѣтить что послѣдствіемъ примѣненія этого хитроумно составленнаго параграфа на дѣлѣ было бы изъятіе изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія и передача финляндскимъ учебнымъ властямъ цѣлыхъ трехъ русскихъ школъ, существующихъ въ настоящее время въ Финляндіи, а именно: русскихъ начальныхъ училищъ въ гор. Выборгѣ и селеніяхъ Красномъ Селѣ и Новой Деревнѣ. Хотя эти школы по своему устройству и программѣ и отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ шведско-финскихъ училищъ, но часть суммъ, расходуемыхъ на ихъ содержаніе, выдается изъ финляндской казны. Этимъ-то благовиднымъ предлогомъ и воспользовались финляндскіе законодатели для того, чтобъ отнять помянутыя школы отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Насколько намъ извѣстно, передача этихъ школъ финляндскимъ властямъ до сихъ поръ еще не состоялась, но несомнѣнно что она самымъ вреднымъ образомъ отразилась бы на ихъ положеніи. Какое, въ самомъ дѣлѣ, мыслимо православно-русское просвѣщеніе подъ надзоромъ г. Ирьэ-Коскинена и другихъ финляндскихъ „патріотовъ“, которые даже сами не знаютъ русскаго языка?

Во второмъ параграфѣ постановленія говорится, что Министерство Народнаго Просвѣщенія впредь можетъ на свои средства учреждать (по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ края) и имѣть въ своемъ вѣдѣніи „лишь русскія средне-учебныя заведенія и *подготовительныя* къ онымъ школы, предназначенныя для дѣтей проживающихъ въ Финляндіи русскихъ уроженцевъ“.

Тутъ разомъ поставлено финляндскими законодателями два ограниченія для будущей дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія въ краѣ. Вопервыхъ, подъ названіе „подготовительныхъ“ къ средне-учебнымъ заведеніямъ школъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ подойти, по общепринятой терминологіи, многія изъ такихъ низшихъ учебныхъ заведеній, какія состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ коренной Россіи и могутъ отказаться нужными и въ Финляндіи. Даже обыкновенныя начальныя училища, какъ извѣстно, не имѣютъ характера подготовительныхъ къ средне учебнымъ заведеніямъ школъ; еще менѣе можно это сказать о городскихъ училищахъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія лишается финляндскими законодателями права учреждать въ краѣ, даже на свои собственныя средства, русскія городскія училища, сельскія начальныя училища, учительскія семинаріи и прочіе виды низшихъ учебныхъ заведеній, за исключеніемъ лишь „подготовительныхъ“ къ средне-учебнымъ заведеніямъ школъ. Вовторыхъ, и эти школы, равно какъ и средне-учебныя заведенія, Министерству впредь дозволяется учреждать лишь „для дѣтей проживающихъ въ Финляндіи русскихъ уроженцевъ“. Но, какъ извѣстно, кромѣ русскихъ уроженцевъ въ Финляндіи и теперь не мало уже русскихъ обывателей, которые не только сами родились въ краѣ, но и происходятъ отъ предковъ, также родившихся въ Финляндіи. Изъ нихъ

* См. сборн. *Финляндска Украина Россіи*, вып. I, стр. 54 - 56, 342— 44, вып. II, стр. 568 и др.

Digitized by Google

многіе приписаны въ финляндское гражданство и, по принятой въ Финляндіи и въ коренной Россіи терминологіи, всѣ эти русскіе обыватели къ русскимъ уроженцамъ отнесены быть не могутъ. По замыслу составителей закона, они должны, слѣдовательно, и дѣтей своихъ воспитывать въ шведско-финскихъ училищахъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія не имѣетъ права учреждать для нихъ училищъ и давать имъ русское образованіе. Съ точки зрѣнія финляндской государственной теоріи это, можетъ-быть, очень желательно—всѣ де „финляндскіе граждане“ должны быть воспитаны въ духѣ преданности „Финляндскому государству“, но намъ это притязаніе представляется не болѣе какъ выходкой противъ Россіи. Не иначе какъ на дерзкую выходку слѣдуетъ, очевидно, смотрѣть также и на содержащееся въ томъ же второмъ параграфѣ постановленія требованіе, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія обязательно докладывало Финляндскому Сенату объ учрежденіи новыхъ русскихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, „равно какъ и объ общей ихъ программѣ“. Что это за общая программа, въ финляндскомъ постановленіи не поясняется (для каждаго типа учебныхъ заведеній у насъ, какъ извѣстно, существуютъ установленныя и изданныя законодательнымъ порядкомъ программы), но умыселъ тутъ, очевидно, состоялъ въ томъ, чтобы подчинить дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія нѣкотораго рода контролю со стороны Финляндскаго Сената.

Только еще этого не доставало! Общегосударственное вѣдомство ограничивается, стѣсняется въ своемъ несомнѣнномъ правѣ на средства *русскаго* Государственнаго Казначейства учреждать русскія школы въ русской области, заботиться о сохраненіи русской народности и православной вѣры среди мѣстныхъ *русскихъ* обывателей и, вдобавокъ еще, его собираются подчинить, во избѣжаніе, вѣроятно, излишнихъ „увлеченій“, надзору провинціальныхъ инородческихъ властей этой области! Читаешь и глазамъ не вѣришь. Очевидно, это странное постановленіе могло явиться лишь по какому-то недоразумѣнію, и мы надѣемся что русская государственная власть, когда это вопіющее дѣло дойдетъ до ея свѣдѣнія, не замедлитъ принять мѣры, которыя дадутъ возможность русскому просвѣщенію безпрепятственно существовать и укрѣпляться въ Финляндской окраинѣ.

К. ЯКУБОВЪ.

Digitized by Google

СТОЛКНОВЕНІЯ РУССКИХЪ СОЛДАТЪ ВЪ АБО СЪ МѢСТНЫМИ ОБЫВАТЕЛЯМИ.*

Намъ пишутъ изъ Финляндіи:

„Враждебное отношеніе ко всему русскому значительной части финляндской интеллигенціи и антирусскія выходки мѣстной шведско-финской печати не разъ уже отмѣчались за послѣдніе годы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Подъ вліяніемъ интеллигенціи, и простой народъ здѣшній, въ общемъ вовсе не враждебно расположенный къ Россіи, иногда увлекается проповѣдуемой ему въ многочисленныхъ шведско-финскихъ листкахъ теоріей о самостоятельномъ финляндскомъ государствѣ, которому не даютъ де спокойно „„развиваться““ Русскіе, и дѣло доходитъ даже до личныхъ столкновеній и потасовокъ туземныхъ обывателей изъ простонародья съ главными, а нерѣдко и почти единственными, представителями русскаго элемента въ здѣшнихъ городахъ и вѣсяхъ,—нашими русскими солдатиками. Финляндская администрація и судъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно очень мягко относятся къ нападающимъ на русскихъ солдатъ Шведо-Финнамъ, а иногда подобныя нападенія остаются и совсѣмъ безнаказанными. За то финляндскія власти до придирчивости ревностно слѣдятъ за поведеніемъ русскихъ солдатъ и малѣйшій проступокъ съ ихъ стороны по отношенію къ мѣстнымъ обывателямъ и даже только слухи о подобныхъ проступкахъ (хотя бы сами обиженные и не жаловались) подаютъ имъ поводы настойчиво требовать у русскаго военнаго начальства удовлетворенія, въ видѣ привлеченія подозрѣваемыхъ къ слѣдствію и суду.

„Въ послѣдніе мѣсяцы особенно часто стало слышно о такихъ столкновеніяхъ шведо-финскихъ обывателей съ русскими солдатами въ городѣ Або. Въ теченіе лишь одного іюня было тамъ три случая нападенія на одиночныхъ русскихъ солдатъ, шедшихъ по улицамъ города. Такъ, напримѣръ, 24 іюня одинъ русскій солдатъ былъ посланъ по дѣламъ службы на военное кладбище. Когда онъ проходилъ обратно, на него напали два неизвѣстные ему Финна съ ножами. На его счастье на помощь ему подоспѣли проходившіе по близости два другіе солдатика, которымъ удалось обратить Финновъ въ бѣгство. Одинъ изъ Финновъ былъ при

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 215, отъ 7 августа.

Digitized by Google

этомъ солдатиками задержанъ и препровожденъ въ мѣстное полицейское управленіе. За два дня передъ этимъ, когда одинъ русскій солдатъ проходилъ по улицѣ, то попавшійся ему на встрѣчу неизвѣстный Финнъ, безо всякаго съ его стороны повода, бросилъ въ него камнемъ въ голову, и когда солдатъ отъ удара упалъ, то Финнъ нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ и быстро скрылся. Будутъ ли виновные въ обоихъ этихъ нападеніяхъ разысканы и привлечены къ законной отвѣтственности,—до сихъ поръ еще неизвѣстно. Обыкновенно такія дѣла финляндскія власти тянутъ очень долго. Но вотъ еще случай, когда даже само финляндское правосудіе нашло нужнымъ подвергнуть туземца наказанію за нападеніе на русскаго солдата. Абоскій сапожникъ Гренрусъ шестаго мая приговоренъ мѣстнымъ Ратгаусскимъ судомъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію за нанесеніе ножемъ раны въ шею русскому солдату, который, въ виду серіозности раны, не могъ даже присутствовать въ судѣ для показаній, хотя дѣло разбиралось уже черезъ мѣсяцъ послѣ нападенія.“ *

Z.

* По поводу этой замѣтки нелишнимъ считаемъ добавить слѣдующее:

Содержаніе ея передано было какимъ-то нѣмецкимъ корреспондентомъ въ вѣнской газетѣ Neue Freie Presse. Финляндскія газеты обратили вниманіе на это и, какъ и водится, подняли шумъ—они всегда бываютъ очень недовольны, когда въ европейскую печать проникаютъ извѣстія о финляндскихъ дѣлахъ не изъ ихъ редакцій. Одна изъ нихъ потребовала даже чтобы финляндскія власти черезъ австрійское консульство помѣстили въ помянутой вѣнской газетѣ опроверженіе въ томъ смыслѣ, что ничего де подобнаго въ Або не было, все благополучно и т. д. Требованіе это не было, правда, удовлетворено: никакого опроверженія не появлялось; но мы заинтересованные этою выходкою финляндскихъ газетъ навели справки, и оказалось что всѣ приведенные въ замѣткѣ факты касающіеся столкновеній въ Або финновъ съ русскими солдатами совершенно точны и могутъ быть подтверждены даже офиціальными документами. Случай этотъ любопытенъ тѣмъ что характеризуетъ способъ полемики финляндскихъ газетъ.

Примѣчаніе Редакціи.

Digitized by Google

СТРАННАЯ МИСТИФИКАЦІЯ.*

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“.

Гельсингфорсъ, 7 августа.

Петербургскія газеты сдѣлались въ послѣднее время, въ томъ что̀ касается извѣстій о финляндскихъ дѣлахъ, жертвой странной мистификаціи: какой-то шутникъ, пользуясь малымъ знакомствомъ нашей печати съ Финляндіей, помѣщаетъ въ нихъ цѣлый рядъ вымышленныхъ извѣстій о Финляндіи, ссылаясь при этомъ, для бо́льшаго, вѣроятно, эффекта, на „финляндскія газеты“, которыхъ онъ, очевидно, и не видалъ никогда. Подобныя ложныя и частію даже прямо нелѣпыя извѣстія появлялись въ *Новомъ Времени*, *Новостяхъ*, *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и другихъ газетахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ передавались затѣмъ по телеграфу въ провинціальныя газеты. Такъ, напримѣръ, недѣли три тому назадъ въ помянутыхъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ что будто бы созваніе финляндскаго сейма отложено до 1900 года; на самомъ же дѣлѣ сеймъ уже созванъ къ 8 января будущаго 1897 года, и никто и не думалъ его откладывать. Затѣмъ, тѣ же газеты сообщали (со ссылками на финляндскія газеты), будто въ Гельсингфорсскомъ университетѣ открывается вторая каѳедра русскаго языка, будто въ Або учреждается учительскій институтъ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, а въ Гельсингфорсѣ открывается новое русское какое-то четырехклассное училище, будто при Финляндскомъ Сенатѣ учреждена коммиссія для надзора за преподаваніемъ русскаго языка, будто въ Гельсингфорсѣ открывается первое (!) въ Финляндіи мореходное училище (на самомъ дѣлѣ первое такое училище открыто въ 1809 году, а теперь ихъ въ краѣ 12) и т. д. Все это отъ начала до конца совершенный вымыселъ и, притомъ, нелѣпый. Особенно возмутительны сообщенія о мнимыхъ успѣхахъ русскаго языка и русскаго просвѣщенія въ Финляндіи. Въ нихъ какъ будто проглядываетъ умыселъ неизвѣстнаго мистификатора представить положеніе русскаго дѣла въ краѣ передъ русскими читателями совсѣмъ въ превратномъ видѣ. Въ дѣйствительности, положеніе русскаго языка въ краѣ остается въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно не разъ уже изображалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: ** изученіе его значится больше на бумагѣ,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1896 года, № 220, отъ 12 августа.

** См. сборникъ *Финляндская Окраина Россіи*, вып. II, стр. 157—160, 225 229, 246—250, 283—292, 396—400 и др.

Digitized by Google

и финляндскія власти не только не принимали, но и не склонны принимать никакихъ мѣръ для улучшеній въ этомъ отношеніи. Что же касается русскихъ школъ въ краѣ, то положеніе ихъ еще недавно довольно подробно было изображено въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ статьѣ „Финляндскій Сенатъ и русскія школы въ Финляндіи“ (№ 145, отъ 28 мая), гдѣ, между прочимъ, говорится объ изданномъ Сенатомъ въ 1895 году постановленіи, по которому Министерству Народнаго Просвѣщенія *воспрещается* открывать новыя русскія школы, за исключеніемъ лишь „подготовительныхъ къ среднеучебнымъ заведеніямъ“ (да и то только „для дѣтей русскихъ уроженцевъ“), и Министерство ставится, кромѣ того, подъ контроль Финляндскаго Сената.

Дѣятельность мистификатора петербургскихъ газетъ, повидимому, неистощима: не далѣе какъ въ полученныхъ здѣсь вчера газетахъ (см., напримѣръ, *Петербургскія Вѣдомости* № 213, отъ 5 августа) напечатано слѣдующее извѣстіе: „Финляндскія газеты сообщаютъ что на предстоящемъ въ 1897 году сеймѣ непремѣнно будетъ присутствовать представитель русскаго духовенства въ Финляндіи“. То же извѣстіе помѣщено и въ другихъ петербургскихъ газетахъ, напримѣръ, *Новостяхъ*. Чтобъ оцѣнить всю нелѣпость его, нужно имѣть въ виду что порядокъ выборовъ въ сеймъ опредѣляется сеймовымъ уставомъ 1869 года, принадлежащимъ къ такъ-называемымъ „основнымъ законамъ“. Нужно, слѣдовательно, сперва измѣнить уставъ, а потомъ уже могла бы пойти рѣчь о представительствѣ православнаго духовенства. Едвали, впрочемъ, объ этомъ и можетъ быть рѣчь: едвали умѣстно добиваться для православныхъ іереевъ мѣста въ собраніи, имѣющемъ дерзость открыто и безпрестанно предъявлять притязанія на ограниченіе Самодержавной Власти Русскаго Монарха.

Во всякомъ случаѣ извѣстіе ни на чемъ не основано, и финляндская газета *Hufvudstadsblad·t* (№ 224, отъ 19 августа нов. ст.), отмѣчая его въ *Новостяхъ* называетъ „идіотскимъ извѣстіемъ“. Нужно замѣтить что финляндскія газеты и раньше, во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ, отмѣчали ложность извѣстій петербургскихъ газетъ; но до петербургскихъ редакцій это, очевидно, не доходило, и мистификаторъ спокойно продолжаетъ трудиться надъ доставленіемъ имъ „свѣжихъ и достовѣрныхъ новостей“ изъ Финляндіи.

Возможность подобной дикой мистификаціи наглядно показываетъ какъ мало все еще извѣстны дѣла Финляндской окраины въ коренной Россіи и какъ необходимо было бы осуществить не разъ уже выраженную и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мысль объ основаніи русской газеты въ Финляндіи. Только тогда могъ бы, намъ кажется, разсѣяться мракъ окутывающій эту часть Русскаго государства.

К. ЯКУБОВЪ.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПЕРЕМѢНЫ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Передовая статья № 314 *Московскихъ Вѣдомостей* 1896 года, отъ 14 ноября).

Нынѣшній финляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Ѳ. Л. Гейденъ, состоящій въ этой должности съ 1881 года, оставляетъ, по болѣзни и въ виду преклоннаго возраста, свой постъ. Прошеніе объ увольненіи имъ уже подано и должность его временно исполняетъ помощникъ генералъ-губернатора, генералъ-лейтенантъ С. О. Гончаровъ. Финляндскія газеты нѣсколько недѣль уже занимаются перечисленіемъ разныхъ лицъ, которыхъ, по ихъ свѣдѣніямъ, прочатъ въ преемники графу Ѳ. Л. Гейдену. Они называютъ, напримѣръ, князя Голицына (генералъ-лейтенанта, сенатора и члена Государственнаго Совѣта), генерала Бобрикова (начальника штаба Петербургскаго округа), графа Игнатьева (кіевскаго генералъ-губернатора), барона Дризена, князя Имеретинскаго, адмирала Копытова и др. Начинаютъ появляться въ финляндской печати и отзывы о дѣятельности уходящаго генералъ-губернатора. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ *Aftonposten* (отъ 22 октября нов. ст.) находимъ статью, въ которой говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ теченіе 15 лѣтъ графъ Гейденъ правилъ этой страной въ качествѣ ближайшаго довѣреннаго лица Монарха. Хотя графъ Гейденъ на этомъ своемъ посту постоянно понималъ свое положеніе прежде всего какъ охранителя спеціально *русскихъ интересовъ*, но было бы, однако, несправедливо утверждать, что здѣсь безъ участія относятся въ его предстоящему уходу; ибо графъ Гейденъ во время своей сравнительно долгой службы въ Финляндіи научился понимать, что лойяльность Финляндцевъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. И онъ, дѣйствительно, однажды, когда русскія газеты самымъ ревностнымъ образомъ старались сдѣлать Финляндцевъ подозрительными, выступилъ въ *Правитель-*

Digitized by Google

ственномъ Вѣстникѣ съ сильнымъ и вліятельнымъ протестомъ противъ помянутыхъ нападокъ. Далѣе мы знаемъ, что графъ Гейденъ не всегда отказывалъ въ своемъ содѣйствіи, при попыткахъ устранить непріятности угрожавшія нашимъ газетамъ (?). Мы—благодарный народъ и сохраняемъ въ благодарномъ воспоминаніи даже и тѣ знаки благосклонности какіе старый графъ обнаруживалъ по отношенію къ намъ. Кто будетъ преемникомъ графа Гейдена, разумѣется, неизвѣстно Слухи называютъ, правда, уже нѣсколько именъ, но едвали тутъ есть что нибудь достовѣрное. Навѣрное можно только отмѣтить что нынѣ исправляющій должность генералъ-губернатора, генералъ Гончаровъ, не будетъ преемникомъ графа Гейдена, такъ какъ этотъ постъ требуетъ человѣка имѣющаго болѣе высокій рангъ и болѣе знатныхъ предковъ". Въ заключеніе газета упоминаетъ что вопросъ о новомъ генералъ-губернаторѣ рѣшенъ будетъ въ скоромъ времени.

Въ этомъ, довольно аляповато и не совсѣмъ вразумительно составленномъ отзывѣ финляндской газеты о дѣятельности графа Ѳ. Л. Гейдена обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, извѣстное уже по прежнимъ опытамъ и столь характерное для финляндскихъ политиковъ отношеніе ихъ къ „русскимъ интересамъ" какъ къ чему-то чуждому для Финляндіи и даже предосудительному; въ связи съ такимъ отношеніемъ находится и упоминаніе о мнимой заслугѣ графа Ѳ. Л. Гейдена,—о „сильномъ и вліятельномъ протестѣ" противъ русскихъ газетъ. Читатели, слѣдившіе за финляндскими дѣлами, припомнятъ, вѣроятно, исторію этого „протеста", какъ выражается финляндская газета, или „Всеподданнѣйшей докладной записки генералъ-губернатора Финляндіи", появившейся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* весной 1889 года. Самая записка и рядъ статей нашихъ по поводу ея воспроизведены въ издаваемомъ нами сборникѣ *Финляндская Окраина Россіи* (вып. I, стр. 79—120). Въ статьяхъ этихъ подробно разобраны были доводы *Записки*, направленные главнымъ образомъ лишь въ оправданіе „законности" дѣйствій Финляндскаго Сената, въ которомъ, насколько извѣстно, и былъ составленъ этотъ документъ, представленный только для подписи графу Гейдену, какъ предсѣдателю Сената. Самыхъ существенныхъ сторонъ финляндскаго вопроса *Записка* и не затрогивала вовсе, и совершенно напрасно финляндская газета приписываетъ ей значеніе „сильнаго и вліятельнаго протеста" противъ статей русской печати о финляндскихъ дѣлахъ. На самомъ дѣлѣ она не имѣла никакого значенія и послѣдующія событія — рядъ мѣръ, предпринятыхъ вскорѣ затѣмъ, въ 1890—1894 гг., по волѣ Императора Александра III, для упорядоченія финляндскихъ дѣлъ и для сближенія Финляндскаго края съ остальною Россіей—совсѣмъ не согласовались съ духомъ ея, а подтверждали, напротивъ, во всемъ существенномъ отзывы русской печати о финляндскомъ сепаратизмѣ. Вмѣсто того, чтобы вспоминать о *Запискѣ* 1889 года, финляндская газета лучше бы сдѣлала, еслибы помянула добрымъ словомъ другую всеподданнѣйшую *Записку* графа Ѳ. Л. Гейдена, представленную черезъ два года, въ 1891 году, *по собственному его почину* и составляющую уже не мнимую, а дѣйствительную его заслугу. Эта *Записка* содержащая въ себѣ проектъ „учрежденія управленія" Финляндскимъ краемъ, положена была, по повелѣнію покойнаго Государя, въ основу занятій учрежденнаго имъ въ 1892 году особаго

Digitized by Google

совѣщанія (подъ предсѣдательствомъ покойнаго Н. Х. Бунге) для обсужденія и разрѣшенія вопроса о положеніи Финляндіи въ составѣ Имперіи и о такъ-называемой финляндской „конституціи". *Записка* представляетъ собою несомнѣнно первую замѣчательную попытку разрѣшенія этого запутаннаго интригами финляндскихъ дѣльцовъ вопроса въ смыслѣ болѣе или менѣе согласномъ съ русскими общегосударственными интересами и дѣйствительно дарованными (а не измышленными) особыми правами Финляндіи.. Занятія особаго совѣщанія, какъ извѣстно, были затѣмъ въ 1893 году, временно пріостановлены * и оно выработало пока только отдѣльный небольшой проектъ, основанный, въ главной своей мысли, именно на *Запискѣ* графа Ѳ. Л. Гейдена и содержащій правила о порядкѣ изданія законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи (проектъ этотъ, еще не осуществленный, изложенъ былъ нами въ прошломъ 1895 году въ статьѣ „Объ установленіи законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи", см. выше, стр. 261—265). Изложенный въ *Запискѣ* проектъ „Учрежденія управленія Финляндіи" остается, такимъ образомъ, до сихъ поръ еще безъ осуществленія, но самое уже возбужденіе этого важнаго вопроса составляетъ великую заслугу графа Ѳ. Л. Гейдена. Въ духѣ этой *Записки* былъ затѣмъ предпринятъ, при дѣятельномъ участіи графа Ѳ. Л. Гейдена, цѣлый рядъ и другихъ мѣръ, направленныхъ къ сближенію Финляндскаго края съ коренною Россіей, въ родѣ, напримѣръ, постановленій о финляндской почтѣ, объ обращеніи русскихъ денегъ въ Финляндіи, о положеніи русскаго языка въ краѣ, о русскихъ уроженцахъ на службѣ въ Финляндіи и проч. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ остановились на полъ-дорогѣ, другія остаются пока лишь на бумагѣ, но это, надо замѣтить, далеко не всегда зависѣло отъ доброй воли графа Ѳ. Л. Гейдена: финляндскія дѣла такъ у насъ запущены и запутаны, вліяніе финляндскихъ политиковъ, ведущихъ неустанную борьбу противъ „спеціально-русскихъ", то-есть общегосударственныхъ интересовъ, такъ еще велико, что однихъ единичныхъ усилій мало для того, чтобы побороть встрѣчающіяся на пути препятствія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ, за время его 15-ти лѣтняго генералъ-губернаторства, много сдѣлано для истиннаго блага Финляндіи, какъ окраины Русскаго Царства, и финляндская печать, выставляя чуть не главнымъ его дѣломъ представленіе пресловутаго „протеста" 1889 года противъ русской печати, повидимому, дѣлаетъ это не въ интересахъ истины, а скорѣе въ видѣ утѣшенія себѣ и пріятнаго воспоминанія о временахъ, надѣемся, безвозвратно минувшихъ...

* См. объ этомъ статью „Вопросъ о финляндской конституціи" или „ основныхъ законахъ" въ сборникѣ *Финл. Окраина Россіи*, вып. 2-й, стр. 581—583.

Digitized by Google

25604
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Digitized by Google

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000215563
Digitized by Google

Digitized by Google